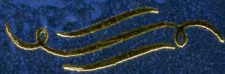

1873

Д. А. Милютин ДНЕВНИК

1875

Д. А. Милютин
ДНЕВНИК

1873 — 1875

Д. А. Милютин

ДНЕВНИК

Д.А. Милютин

ДНЕВНИК

генерал-фельдмаршала

графа

Дмитрия Алексеевича

Милютина

1873–1875

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

2-е издание,
дополненное и исправленное

Москва
РОССПЭН
2008

ББК 63.3(2)51
М 60

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-00321а и № 05-01-16269д

Предисловие *Л.Г. Захаровой, А.В. Мамонова*

Подготовка текста, комментарии и указатели
М.А. Волхонского, Л.Г. Захаровой, А.В. Мамонова,
Т.А. Медовичевой, Л.И. Тютюнник

Подбор иллюстраций
А.В. Мамонова

Милютин Д.А.

М 60 **Дневник. 1873–1875** / Под ред. Л.Г. Захаровой. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2008. — 440 с., ил.

ISBN 978-5-8243-1081-8

Настоящий том «Дневника» военного министра Д.А. Милютина хронологически продолжает публикацию его мемуаров, охватывающих период с 1816 до начала 1873 г. «Дневник» содержит яркие характеристики государственных деятелей Российской империи, членов императорской фамилии и самого Александра II, а также ценные сведения о подготовке и проведении военной реформы 1874 г., о борьбе в правительственных сферах, о событиях придворной жизни, о внешней и внутренней политике самодержавия в середине 1870-х гг. Издание иллюстрировано, снабжено комментариями и указателями и предназначено как профессиональным исследователям, так и всем интересующимся историей России.

ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-8243-1081-8

© Волхонский М.А., Захарова Л.Г., Мамонов А.В.,
Медовичева Т.А., Тютюнник Л.И., составление,
предисловие, комментарии, указатели, 2008
© «Российская политическая энциклопедия», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Дневник» выдающегося государственного деятеля Д.А. Милютина, военного министра Александра II, охватывает период с 8 апреля 1873 г. до конца 1900 г.¹. Тем самым «Дневник» как бы продолжает «Воспоминания» Милютина, оразившие события 1816 — начала 1873 г.² Однако, в отличие от «Воспоминаний», созданных в отставке, в кругу семьи, в тиши своего любимого имения на Южном берегу Крыма (Симеиз), по прошествии 10–15, а иногда более лет, «Дневник» велся в пору напряженной служебной деятельности Милютина, выражая непосредственную реакцию министра на происходившее в России и в мире. «Дневник» и «Воспоминания» объединяла общая цель: они были созданы для сохранения подлинной, правдивой истории России (впрочем, мысль об их публикации пришла не сразу³). В первой же записи Милютин объяснял задачу начатого им труда, весьма нелегкого при его непомерной занятости: «Принимаюсь вести свой дневник только теперь, на 57-м году жизни, побуждаемый к тому пережитыми в первые три месяца текущего года непрерывными неприятностями и душевными волнениями⁴... Исполнить эту работу я должен для ограждения собственной своей нравственной ответственности пред судом истории. В тех же видах буду и впредь заносить в свой дневник все последующие факты, могущие со временем пригодиться будущему историку для разъяснения закулисной стороны нашей общественной жизни» (с. 21; здесь и далее в тексте указаны страницы настоящего издания).

К дневнику, как, впрочем, и ко всему, что он делал, Милютин относился ответственно: записи велись регулярно, хотя и не всегда ежедневно. «...Я был... весь поглощен служебными делами и заботами, — вспоминал позднее Дмитрий Алексеевич. — Но я принудил себя исполнять по мере возможности принятую на себя новую обязанность. Дневник мой писался урывками второпях, чаще всего по ночам, когда утомленный дневною работою и суетою, я урывал несколько минут от сна...»⁵. Пропуски по неделе или две встречаются в дневнике довольно часто, реже по одному и даже по два месяца. Чаще всего причину таких перерывов автор объяснял тем, что «нечего было записывать». В таком подходе к записям чувствуется перо не только мемуариста, но и профессионального историка, отбирающего материал для будущего исследователя. Милютин был необычным, особенным мемуаристом. Автор пятитомной «Истории войны 1799 года между Россией и Фран-

цией в царствование императора Павла I», высоко оцененной М.П. Погодиным и Т.Н. Грановским, а затем переведенной на французский и немецкий языки, человек, не только писавший, но и делавший историю, он обладал способностью схватывать суть явлений, одинаково хорошо разбирался в политике, как внутренней, так и внешней, в борьбе группировок в «верхах», знал не только столицы, но и окраины России, остро осознавал место империи в мире. Если к этому добавить уравновешенность характера, ясность и спокойствие взгляда, «неотуманенного никакими предубеждениями» (выражение Грановского), то станет понятна ценность «Дневника» Милютина и его мемуарного наследия.

В дневниковых записях военного министра за 1873—1875 гг. отражен ход военной реформы в решающий период обсуждения и реализации Устава о воинской повинности. Эта тема являлась для него первостепенной: именно желание зафиксировать развернувшуюся в «верхах» драматическую борьбу за введение всесословной воинской повинности и реформирование вооруженных сил заставляло Милютина взяться за дневник. Несмотря на упорную оппозицию намеченной реформе и интриги против военного министра в правительственных сферах, в целом в проекте Устава о воинской повинности, разработанном Военным министерством, не было сделано никаких важных изменений. «Такого успешного исхода трудно было ожидать», — признавался Милютин. После заседания Государственного совета 17 декабря 1873 г. он вновь подчеркивает, что «председатель наш великий князь Константин Николаевич вел мастерски все это обширное дело» и «достойным образом закончил это великое государственное дело» (с. 68—69). Однако, конечно, решающее слово было за Александром II, одобрившим проекты Устава и торжественного манифеста по поводу его издания. При этом, как отмечает Милютин, у него вырвалось восклицание относительно заключительной фразы, провозглашавшей, что новый закон соответствует намерениям его величества: «Дай Бог, чтобы так было». Затем он пояснил: «Есть сильная оппозиция новому закону, многие пугаются, видят в нем демократизацию армии... Вы сами знаете, кто ваши противники» (с. 58, 59).

Введение 1 января 1874 г. Устава о воинской повинности явилось большим успехом Д.А. Милютина и едва ли не вершиной его деятельности на посту военного министра. Между тем его положение в правительственных сферах в 1873—1875 гг. оставалось крайне сложным. Сам он называл его 31 декабря 1873 г. (накануне подписания Александром II Устава!) «почти невозможным». «Ни в один из предшествующих годов, — подводил итоги 1873 г. Милютин, — не выносил я столько неприятностей, досад и неудач. Давно уже начатая против меня интрига созрела вполне и разразилась во всей своей гнусности. Врагам моим не удалось вполне достигнуть своей цели; они не могут считать себя победителями, но все-таки успели повредить мне в глазах Государя...»

(с. 74). Неоднократно в это время возникали слухи о скорой отставке военного министра, да и Милютин не раз ставил вопрос об оставлении занимаемой должности.

Он начинал сомневаться в доверии и поддержке со стороны императора. «...Видя на каждом шагу нерасположение и недоверие со стороны того, чья воля окончательно, безапелляционно решает все дела, я парализован в своей деятельности», — сетовал министр 31 декабря 1873 г. Перемену в настроениях Александра II Милютин объяснял тем, что «теперь он потерял доверие ко всему... окружающему его, даже к себе самому» (с. 74, 76). На рубеже 1860–1870-х гг. симпатии монарха и его министра действительно все чаще расходились. Александр II принимал близко к сердцу победы Пруссии — Милютин скорее сочувствовал несчастью французов; император решительно поддерживал затеянную гр. Д.А. Толстым реформу гимназий — военный министр стал одним из наиболее упорных ее противников; немало было расхождений и по сугубо военным вопросам (предпочтительность немецкого тесака или русского штыка, целесообразность восстановления бригад и корпусов, количество рот в батальоне, батальонов в полку и полков в дивизии и проч.). Участвовавшие разногласия с императором затрудняли и ослабляли позиции Милютина, который, несмотря на примирительные действия Александра II, с весны 1873 г. вел себя все более раздражительно и нервно.

На этом фоне все более острым становилось противостояние Д.А. Милютина и шефа жандармов гр. П.А. Шувалова, который в начале 1870-х гг., казалось, находился в зените своего влияния и могущества. В глазах современников противоборство Милютина и Шувалова представлялось столкновением различных «принципов» и «программ». При этом олицетворявшие их фигуры порою представляли в совершенно фантастическом свете. Быть может, ярче всего это выразилось в записках гр. С.Д. Шереметева, судившего о людях по разговорам в аристократических гостиных. «...Милютин, — писал он, — сознательно и неуклонно шел к ясной своей цели, его лозунг: революция сверху. Он — центр и глава всего движения. Он — тот паук, который расставил свою сложную сеть, заставляя играть по своей дудке тех, кот[орые] мнили быть руководителями движения, распуская во все стороны ту обширную паутину, нити которой терялись в преисподней. Константин и сопр. — это пешки Милютина; передовики освобождения — Николай Милютин со товарищи — это более или менее исполнители глубоко задуманной игры. Но достижение успеха ее обуславливалось приобретением государя всецело в сферу своего подавляющего влияния». Не случайно, по мнению гр. Шереметева, Д.А. Милютин — «это центральная личность всего царствования имп[ератора] Александра II»⁶. Не останавливаясь здесь на том, насколько созданная мемуаристом картина далека от реалий 1860–1870-х гг., необходимо отметить, что она отражает отношение к военному министру его противни-

ков и недоброжелателей (в частности, в окружении цесаревича вел. кн. Александра Александровича).

Но не менее inferнальной фигурой представлялся своим антагонистам и гр. П.А. Шувалов. Для Милютин и его единомышленников гр. Шувалов являлся представителем «партии quasi-консерваторов или, вернее сказать, ретроградов», олицетворением той «прискорбной реакции», начавшейся после покушения Каракозова, которая «остановила ход начатых либеральных реформ и поколебала светлые надежды той группы передовых людей, которая видела в этих реформах зарю блестящей будущности России». «...К великому счастью России, — отмечал Милютин в своих воспоминаниях, — наша консервативная, или ретроградная, партия имела представителями людей более самонадеянных, чем даровитых, способных более к разглагольствованию, чем к действию. Сам граф Петр Шувалов, считавшийся в этой партии звездой, достигнув высокого положения и успев овладеть умом и волею Государя, выказал только ловкость и гибкость, но оказался не в силах провести что-либо существенное в интересах своей партии»⁷.

Действительно, обнаружить в действиях Шувалова сколько-нибудь продуманную концепцию внутренней политики не так-то просто, хотя взгляды шефа жандармов не раз привлекали внимание исследователей⁸. Для первенствующей роли в управлении страной Шувалову явно не хватало познаний и опыта (и в этом отношении он представлял собой полную противоположность представителям либеральной бюрократии 1860-х гг. с их высокой профессиональной подготовкой). Оставаясь, по существу, дилетантом как в крупных государственных делах, так и в той узко-полицейской сфере, которую знал лучше всего, он редко шел дальше деклараций и интриг. Не удивительно, что даже в период наибольшего влияния Шувалова на Александра II инерция либеральных преобразований зачастую оказывалась сильнее слов шефа жандармов о необходимости «охранительных начал» и «консервативной политики». Собственно начавшаяся в 1866 г. по инициативе гр. Шувалова «реакция» была направлена не столько даже против реформ, сколько против реформаторов начала 1860-х гг. «...Поставив себе задачей забрать всю власть в свои руки, — вспоминал Милютин, — он, разумеется, заботился более всего о том, чтобы вытолкнуть из состава высшего управления все личности, ему не поддававшиеся, заменив их людьми своего кружка...»⁹. Пока борьбу за собственное влияние удавалось прикрыть охранительными лозунгами, Шувалов действовал решительно и даже убежденно. Но о том, что делать дальше, у него, по-видимому, были довольно смутные представления.

Особенно много о влиянии Шувалова говорили зимой 1873—1874 гг., когда по его инициативе Александр II подписал 25 декабря рескрипт на имя гр. Д.А. Толстого, в соответствии с которым предводителям дворянства поручалось наблюдение за народными школами. Рескрипт

предварительно обсуждался 21 декабря на заседании Совета министров и был одобрен императором, несмотря на возражения цесаревича, вел. кн. Константина Николаевича и ряда сановников. После этого о всесии Шувалова заговорили особенно громко. «...Все делается под исключительным влиянием графа Шувалова, — писал в дневнике Милютин, — который запугал Государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство и лично сам Государь... Под предлогом охранения личности Государя и монархии граф Шувалов вмешивается во все дела, и по его наущничеству решаются все вопросы. Он окружил Государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с графом Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера...» (с. 75). В схожих выражениях о преобладающем влиянии Шувалова в правительственных сферах говорили и писали тогда такие разные государственные деятели, как А.А. Абаза, П.А. Валуев, А.В. Головнин, П.Н. Игнатьев, кн. Д.А. Оболенский и др., вел. кн. Константин Николаевич с негодованием отмечал в дневнике «страшно растущую силу Шувалова и всей его шайки»¹⁰.

Но все эти практически единодушные отзывы современников (причем, наиболее осведомленных) на деле плохо согласовывались с происходящими событиями. Инициативы шефа жандармов все чаще не достигали результата. Так, 27 ноября 1873 г. в Комитете министров провалилось предложение Шувалова привлечь «выборных от земских учреждений экспертов» к обсуждению вопросов, поднятых Комиссией для изучения сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности в России. Вновь подняв этот вопрос в Комитете министров в феврале 1874 г., Шувалов опять вынужден был отступить, согласившись на компромисс, сводивший к нулю эффект от широко задуманной им политической меры. Серьезным поражением шефа жандармов стало и утверждение Устава о воинской повинности — безуспешно пытаясь оппонировать военному министру, Шувалов так и не сумел ему ничего противопоставить. При таких обстоятельствах демонстративное торжество на заседании Совета министров 21 декабря не столько усиливало позиции шефа жандармов, сколько дразнило его противников и увеличивало их число (никаких практических последствий рескрипт не имел, да и заведомо иметь не мог). Вероятно, сам Шувалов отчетливо это понимал, и этим объясняется его неожиданный визит к Д.А. Милютину 22 декабря 1873 г. и наметившееся в начале 1874 г. «сближение» с вел. кн. Константином Николаевичем.

Характеристично, что заметная активизация государственной деятельности шефа жандармов в начале 1870-х гг. (Валуевская комиссия, проекты привлечения выборных для обсуждения ее трудов и проч.) совпала с ухудшением его отношений с императором. В начале 1870-х гг. между ними «начались грустные столкновения», которые Шувалов

объяснял влиянием княжны Е.М. Долгоруковой (подробнее см. коммент. 158). По-видимому, политические инициативы должны были укрепить пошатнувшееся положение графа, а неизбежное оживление оппозиционной агитации в обществе после создания комиссий с участием депутатов от дворянства и земства повысило бы значение тайной полиции. Но и на этот раз Шувалов не сформулировал внятной программы (чем и зачем должны заниматься выборные, оставалось неясным) и не смог обеспечить себе поддержку даже тех сановников, которые обычно выступали на его стороне. Если в конце 1873 г. казалось, что он имеет в Комитете министров решающий голос и прочное большинство, то уже в феврале 1874 г. проявилась вся разнородность и разобшенность «шуваловской партии», свидетельствующая о его полном политическом банкротстве. 22 июля 1874 г. П.А. Шувалов был официально уволен с поста шефа жандармов и главного начальника III Отделения Собственной е. и. в. канцелярии и назначен чрезвычайным послом в Великобритании (решение об этом было принято, по-видимому, еще в начале мая).

Трудно сказать, насколько Александр II был разочарован шефом жандармов, насколько он начинал тяготиться его импульсивностью и интригами. Однако сама мысль о его перемещении в Лондон нельзя не признать удачной. Как бы ни оценивать его дипломатические способности и успехи, они оказались гораздо большими, чем на поприще внутренней политики. В Англии гр. Петр Андреевич сумел занять видное место в высшем обществе, что позволяло ему быть более осведомленным в происходящих событиях, чем это удалось бы кому-либо на его месте¹¹. Во всяком случае, он отнюдь не уступал другим представителям России в столицах великих держав. Задача же, которую ему приходилось решать, была особенно деликатна, так как русофобски настроенная королева Виктория являлась теперь свекровью дочери Александра II вел. княжны Марии (в замужестве — герцогини Эдинбургской). Престарелый Ф.И. Бруннов (кстати, изначально выступавший против этого брака) в сложившейся ситуации уже не мог сохранить пост, который он занимал, с перерывом, около 30 лет. Забота императора о положении и поддержке любимой дочери в заведомо недоброжелательной среде, возможно, также сыграла свою роль в решении отправить Шувалова в Лондон.

Насколько при этом облегчилось положение Милютина видно из записи 1 января 1875 г.: «С удалением графа Шувалова в Лондон враждебная мне партия укротилась, интрига заглохла; в Зимний дворец вступаю со спокойным настроением». Вернулось доверие императора, вновь ставшего «благосклонным». 30 августа 1874 г., в день своих именин, Александр II наградил Милютина орденом Св. Андрея Первозванного. Прибывший поздравить и благодарить министр «был принят Государем чрезвычайно милостиво». «...Его Величество, — писал Милютин, — радужно обняв меня, сказал, что пожалованием мне Андреевского ордена

желал показать пред всеми, как ценит мои заслуги и как мало действуют на него наговоры и нарекания моих врагов». Император хвалил войска, осмотренные по пути в Крым, повторял «выражения благодарности и расположения» (с. 136–137, 138).

Внезапно освободившись от наиболее опасного противника, Милютин не скрывал своей радости и надежд на то, что «вся шайка, которой главным вожакom был Шувалов, распадется». Узнав вскоре об увольнении министра путей сообщения гр. А.П. Бобринского, Милютин, предвосхищая события, писал, что «дойдет очередь и до гр. Толстого» (ждать пришлось около 6 лет). Отношения между ними в середине 1870-х гг. были особенно остры. Милютин постоянно выступал против гимназической реформы 1871 г. и развития «классического» образования в ущерб «реальному», гр. Толстой не менее жестко критиковал Устав о воинской повинности и военно-учебные заведения. Оба министра были широко образованы и даже известны своими исследовательскими трудами, систематичны до педантизма, крайне упорны в отстаивании усвоенных убеждений, которые почти во всем расходились (пожалуй, их взгляды совпадали лишь в отношении к политике на окраинах и в стремлении ограничить автономию профессорских коллегий в высших учебных заведениях)¹². Все это делало конфликт между ними длительным и ожесточенным.

Военный министр фактически создавал в стране параллельную систему образования, включавшую элементарное обучение солдат в войсках, военные гимназии, дававшие не столько специальное, сколько общее среднее образование (причем без изнуряющего изучения древних языков, насаждавшегося в гимназиях Министерства народного просвещения), специализированные военные училища и академии и даже женские врачебные курсы и военно-учительскую семинарию, готовившую учителей для военных гимназий. Наибольшее недовольство гр. Толстого и его сотрудников вызывало подчинение военному ведомству Медико-хирургической академии, по своим правам и программам соответствовавшей медицинским факультетам университетов (в Петербургском университете такого факультета не было).

В ноябре 1873 г., желая обеспечить в условиях постоянно повторяющихся «студенческих историй» и беспорядков «единство в направлении учебной части», Александр II экспромтом предложил передать Медико-хирургическую академию в ведение Министерства народного просвещения. Подобную меру Милютин воспринял крайне болезненно, увидев в ней «интригу» своих недругов. В том случае, если бы император настаивал на осуществлении своей мысли, военный министр собирался оставить свой пост, причем на его решение не влияли ни успешный ход военной реформы, ни благоприятные перемены в правительственных сферах.

Милютин подчеркивал, что воспринимает вопрос о подчинении Медико-хирургической академии как «вопрос личный». И действительно

но, в его отношении к военно-учебным заведениям чувствуется глубокая, далеко не только ведомственная заинтересованность. Он не жалел времени на их посещение, общение с педагогами, участие в экзаменах (даже 4 мая 1877 г., во время войны, министр поедет на экзамен в Пажеский корпус!), чтение десятков ученических тетрадей с решением им же самим придуманных арифметических задач и с сочинениями на заданную им тему. Недаром Вас. И. Немирович-Данченко писал в своих воспоминаниях о том, что Милютин, «будучи военным министром, в сущности, являлся и министром народного просвещения»¹³. Но и среди военно-учебных заведений Медико-хирургическая академия имела для Милютина особое значение. На его глазах, во время его управления министерством, академия под руководством П.А. Дубовицкого «совершенно преобразилась и стала в число замечательнейших в Европе учебных и учебных медицинских учреждений»¹⁴. Передать ее своему злейшему антагонисту Милютин не мог, и, в конце концов, в июне 1875 г. царь уступил его настойчивости.

Конфликт вокруг Медико-хирургической академии лишний раз выявил условность и аморфность того, что принято называть «группировками» в правительственных сферах. Казалось бы, это был конфликт «либерального бюрократа» Милютина и «консерватора» или «реакционера» гр. Толстого. Причем важность спора резко возросла ввиду того значения, которое ему придавал военный министр. Но в этом конфликте фактически на стороне Милютина выступали консервативно настроенные П.Н. Игнатьев и П.А. Валуев, а гр. Толстой нашел поддержку в лице «либерального» вел. кн. Константина Николаевича. Весьма выразительным является и поведение других сановников: «константиновец» М.Х. Рейтерн сначала выступил посредником, добиваясь отсрочки решения дела (что было выгодно военному министру), а затем не явился на заседание Комитета министров, на котором предстояло сделать окончательный выбор; не явился и «консерватор» А.Е. Тимашев; С.А. Грейг, тесно связанный с вел. кн. Константином Николаевичем и одновременно — с шуваловской «консервативной партией», стал главным союзником Милютина и решительно выступил против своего августейшего патрона; А.А. Абаза, в 1873 г. резко критиковавший хозяйственные распоряжения Военного министерства, приезжал поддержать Милютина, несмотря на болезнь.

В 1874 г. из представителей «либеральной бюрократии» 1860-х гг. министерские посты занимали лишь Д.А. Милютин и М.Х. Рейтерн. Однако с Рейтерном Милютину приходилось в 1870-е гг. вести не менее упорную борьбу, чем с Шуваловым или Толстым. Навязанный в 1873 г. министром финансов «нормальный бюджет» на пятилетие 1874—1879 гг. существенно ограничивал возможности военного ведомства и его планы, которые сам Милютин называл «громадными». О том, что в начале 1873 г. он принял идею «нормального бюджета» почти без возражений,

военный министр уже не вспоминал¹⁵. Между тем требования бережливости, постоянно выдвигавшиеся Министерством финансов, всегда находили поддержку со стороны кн. А.М. Горчакова и государственных контролеров А.А. Абазы, а затем С.А. Грейга, опиравшихся на профессиональную команду, сформированную еще их предшественником В.А. Татариновым (прежде всего М.Н. Островский, Т.И. Филиппов и др.). Даже благоприятное экономическое положение страны в первой половине 1870-х гг. и напряженная международная обстановка не способствовали более внимательному отношению к нуждам армии со стороны финансового ведомства.

Остро проявлялось это и в вопросе о направлении новых железнодорожных линий. Рассказывая об обсуждении 6 апреля 1875 г. на экстренном заседании Комитета министров планов строительства железных дорог и об очередном своем поражении, Милютин заключал: «Впрочем, я уже привык к тому, что при суждениях о железных дорогах военные интересы не только не находят защитников, но вызывают прямое противодействие со стороны большинства моих коллег. Думаю, что ни в одном правительстве нет такой односторонности во взглядах на государственные нужды и интересы». При этом приводимыми экономическими и финансовыми соображениями прикрывали закулисные побуждения и корыстные частные интересы. В первоначальной редакции запись была еще более резкой: «Крайне прискорбно и грустно, что дух спекуляции и жажда наживы до такой степени обуяли всех не только государственных людей, но даже членов царской фамилии» (с. 162). Заключение, грустное не только для автора дневника, но и для его читателей...

Вместе с тем в «Дневнике» отмечаются и успехи Военного министерства, особенно в реализации реформ. Так, операция призыва к воинской повинности по новому закону в конце 1874 г. прошла успешно, в большом порядке и подобающей обстановке. «Всех поражает резкая противоположность со стародавними варварскими порядками рекрутских наборов», — записывает автор впечатление от призыва в Петербурге. Еще более примечательна запись 13 декабря 1874 г. о сборе новобранцев в Зимнем дворце для распределения по гвардейским полкам, когда «в первый раз в массе новобранцев среди тулупов и кафтанов стояли молодые люди во фраках и в пиджаках». По мнению Милютина, всесловный призыв «так удался, как трудно было даже ожидать», и «самые закоренелые консерваторы, противники реформ... теперь замолчали» (с. 148). Отрядным находил он и то, что «в армейских полках уровень интеллектуальный заметно повысился». Были у военного ведомства и другие успехи. К их числу в первую очередь следует отнести победы русских войск в Туркестане, усилившие позиции России в Средней Азии и вызвавшие тревогу в Тегеране и Лондоне.

В отличие от «Воспоминаний», «Дневник», естественно, не дает широкой панорамы международных отношений в Европе и участия в них

России, однако он содержит немало ценных сведений о формировании внешнеполитического курса империи.

Так, 24 апреля 1875 г. Милютин сообщает, что во время его очередного доклада Александр II «говорил о странном слухе, будто Пруссия намеревается снова разгромить Францию, и только ищет предлога к нападению». От себя Милютин заключал: «Государь смущен этими слухами и, говоря об образе действий Бисмарка, сравнивает его с Наполеоном I, который по окончании каждой войны сейчас же искал предлога к начатю новой. Странно слышать такое мнение из уст Государя — друга и верного союзника императора Вильгельма». Действительно, Милютин имел все основания для такой реплики, помня отношение Александра II к франко-прусской войне 1870—1871 гг., когда он радовался каждой победе пруссаков. Но в данном случае российский император, несмотря на дружественные отношения со своим дядей, был категорически настроен против войны.

Во время своего пребывания в Берлине 27 и 28 апреля 1875 г. Александр II заявил о недопустимости превентивной войны против Франции. Вильгельм I заверил своего племянника в желании сохранить мир, а Бисмарк приписал «тревогу» интригам и проискам военных. В начале мая Милютин фиксировал в своем дневнике: «Политические известия в последнее время успокоительнее, опасения войны, кажется, рассеялись», в значительной степени приписывая этот оборот свиданию «нашего императора с германским». Накануне русский посол в Париже кн. Н.А. Орлов писал, что маршал М.-Э. Мак-Магон выражал ему надежду на заступничество Александра II в очень решительной форме: «Je place la France sous la protection de l'Empereur» («Я передаю Францию под покровительство императора» — *фр.*). Такая фраза со стороны президента французской республики «выказывает, — по мнению Милютина, — в какое жалкое положение поставлено это государство, так недавно еще кичившееся своим первенством между всеми европейскими державами». Далее он сообщает, что в газетах французских, также как в немецких и английских, «прославляют Россию и императора Александра, выставляют его миротворцем Европы; даже враждебные России органы печати сделались до приторности любезны к нам» (с. 170, 171).

По поводу «военной тревоги» и действий Александра II, направленных на сохранение мира, Милютин делал вывод: «Давно Россия не была в такой выгодной роли. Воспользуется ли ею наша дипломатия и поддержит ли долго такое положение? Невольно родится сомнение, когда видишь, что государственный канцлер, доехав с Государем до Берлина, оттуда отправился в Баден и в Швейцарию на все лето наслаждаться беззаботным *far niente* (безделием. — *итал.*)», что «во главе Министерства иностранных дел остается барон Жомини, не выучившийся даже говорить по-русски». В другой записи, сделанной в конце ноября, Милютин отмечал, что Горчаков дает себе отдых в продолжение

почти семи месяцев и возвращается к своему посту лишь в конце ноября, не занимаясь за границей делами, тогда как его помощник А.Г. Жюмини вообще никогда серьезно не занимался делами иностранного ведомства. «Говорят, — писал Милютин о Горчакове, — он все ожидает, чтобы его вызвали как спасителя, без помощи которого обойтись нельзя; но он ошибся и ныне, как ошибался в прежние годы при подобных же обстоятельствах (пример 1870 г.): Государю приятно показать, что сам лично ведет дипломатические дела без помощи советников» (с. 207–208). Это наблюдение Милютина подтверждается не только заявлением о нейтралитете России в франко-прусской войне, сделанным Александром II в июле 1870 г. буквально накануне возвращения канцлера из-за границы, но и множеством других примеров личного участия императора в делах внешней политики¹⁶. Летом 1875 г. Милютин отметил первые признаки обострения «восточного вопроса». 18 августа он записывает, что «восстание в Герцеговине принимает серьезные размеры» и события на Балканах «озабочивают Государя». Славянское движение, ответные жестокие действия Турции, позиция европейских держав и России в решении Восточного кризиса, наконец, русско-турецкая война 1877–1878 гг. — все это в дальнейшем отразится в его дневнике.

В дневнике читатель найдет еще много сюжетов, отдельных фактов, характеристик людей, властителей стран и народов или просто окружавших Милютина. Занесенные в дневник наблюдательным автором, они помогут лучше понять и почувствовать его время. Мы узнаем, что 1875 год был по природным условиям «исключительный». Лето в Западной Европе выдалось холодное и лили «бесперывные дожди», поднялись уровни рек, случались наводнения, а в России, напротив, стояла «небывалая засуха», на юге погибли все хлеба и плоды, в окрестностях Петербурга «такие лесные пожары, что в самом городе, особенно по вечерам, стоит густая мгла от дыма и гари», что есть угроза пороховым погребам и даже Охтенскому пороховому заводу; а запись 19 июля сообщает, что сгорел город Брянск. В это лето Милютин с семьей впервые поселился в Симеизе, в еще недостроенном доме, который ему хотелось превратить в «уютное пристанище» (выйдя в 1881 г. в отставку, именно здесь он найдет «тихий приют» в последние 30 лет своей жизни). Читателю интересно узнать, что дорогу из Петербурга в Симеиз приходилось преодолевать разными видами транспорта: курьерским поездом через Белосток, Брест до Одессы, из Одессы до Ялты на пароходе, дальше на лошадях. Весь путь длился с утра 18-го до вечера 23-го августа, т. е. около 6 суток.

Читателю будет любопытно узнать, что 13 марта 1874 г. Милютин лично присутствовал при «замечательной операции переливания крови из одного человека в другого, произведенной в больнице городской тюрьмы доктором Руселем, которого Военное министерство вызвало из Женевы для научения наших врачей». Произведена 18-я операция и все благополучно. Отдельные факты, встречающиеся в дневнике, дают впе-

чатление о культурной жизни Петербурга и Москвы. 24 ноября 1873 г. Милютин присутствовал на церемонии открытия в столице памятника Екатерине II. В марте следующего года — на публичном чтении капитана Генерального штаба Н.М. Пржевальского о его путешествии в Монголию и Тибет. По этому поводу Милютин замечал: «В публике петербургской заметно развивается потребность в умственной пище... Женщины особенно стремятся на эти собрания с истинной жадой знаний». После лекции Милютин пригласил Пржевальского к себе на чашку чая (с. 106, 107). В Москве Милютин ездил на закладку Исторического музея, основание которому положено по инициативе ген.-ад. А.А. Зеленого, потом в Донской монастырь, чтобы взглянуть «как установлен памятник графу Павлу Дмитриевичу Киселеву», потом осматривал строящийся еще «храм Спасителя». Из «Дневника» можно узнать и о постановках драматических, оперных, балетных в русском и итальянском театре, о музыкальных вечерах и концертах, которые любил посещать военный министр в редкие паузы между работой.

Но особенно интересна портретная галерея «Дневника». С первых же страниц появляется император Вильгельм I с большой свитой, среди которой Бисмарк и Мольтке. В Петербурге «нет других разговоров, как только о пруссаках». Мы видим их в Инженерном замке, где они «выслушали с напряженным вниманием» лекцию ген. Э.И. Тотлебена, разъяснявшего модель Севастополя (Милютин замечает, что «пруссакки поражают своей любознательностью»). В Зимнем дворце устроен торжественный обед в честь Вильгельма I на 600 приглашенных, звучат «спичи обоих императоров в том смысле, что дружба их обеспечивает мир Европы» (с. 25). Через год приехал и император Австро-Венгрии Франц-Иосиф. На следующий же день он отправился в Петропавловский собор возложить венок на гробницу Николая I, сказав «генералу Трепову, что считает Николая I своим благодетелем» (с. 98). Появляются и другие именитые гости в российской столице: шведский король Оскар («хороший музыкант и поэт»), для которого в Петергофе устроено празднество «блистательное в буквальном смысле». Не привыкший к «русским размерам» король извинялся, что не захватил нужное количество шведских орденов, дабы вознаградить всех за оказанный прием. Но самые колоритные характеристики относятся к другому именитому гостю — шаху персидскому. К удивлению Милютина «оказывается, что властелин Персии вовсе еще чужд европейских нравов» и «ему трудно еще отстать от своих азиатских привычек: он чуть было не растянулся на диване в гостиной, полной дам» (с. 31, 32).

Не менее выразительны и образы хорошо известных российских государственных деятелей. Так, министр государственных имуществ П.А. Валуев в Комитете министров «своим гробовым голосом излагает бесконечный перечень общеизвестных истин»; о градоначальнике Ф.Ф. Трепове, имя которого вошло в литературу и учебники в связи с выстрелом В.И. Засулич, Милютин писал, что для населения Петер-

бурга, особенно бедного, «деятельность этого человека изумительна» (с. 47). Среди множества лиц в дневнике выделяется Александр II, «самодержец 80 миллионов подданных». Регулярно встречаясь с ним в официальной, а иногда и в неофициальной обстановке, Милютин ярко и многогранно характеризует его личность, раскрывает проводимую им политику.

31 декабря 1875 г., подводя итог уходящего «в вечность» года, Милютин не видит в нем «ничего выдающегося», но отмечает «большее, чем в прежние два года душевное спокойствие, что, конечно, имеет в жизни первостепенное значение». Соглашаясь с такой жизненной философией, хочется добавить, что душевное состояние, как и одухотворенность натуры, сказываются на пере мемуариста. Чтение его «Дневника» и «Воспоминаний» не только обогащает знаниями, способствует одушевленному пониманию истории, но и нравственно укрепляет читателя, знакомя его со светлой и прекрасной личностью подлинного патриота, выдающегося государственного деятеля, человека, который всегда оставался верен своему долгу и посвятил жизнь служению Отечеству.

Л.Г. Захарова, А.В. Мамонов

¹ О Д.А. Милютине см.: *Зайончковский П.А.* Д.А. Милютин. Биографический очерк (с. 338–404 настоящего издания); *Захарова Л.Г.* Дмитрий Алексеевич Милютин. Его время и его мемуары // Д.А. Милютин. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 5–31.

² См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997; *Он же.* Воспоминания. 1843–1856. М., 2000; *Он же.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004; *Он же.* Воспоминания. 1860–1862. М., 1999; *Он же.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003; *Он же.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005; *Он же.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006.

³ См.: *Милютин Д.А.* Предварительные объяснения для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут мои записки // Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. С. 34–39.

⁴ Об этих трудных для военного министра месяцах см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 567–604.

⁵ См.: *Милютин Д.А.* Предварительные объяснения для читателя... С. 35.

⁶ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. I. М., 2004. С. 141–146.

⁷ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. С. 319.

⁸ Подробнее см.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978. С. 67–118, 182–188; *Филиппова Т.А.* Имперский консерватизм Петра Шувалова // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 138–151; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 181–309.

⁹ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 93–94.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 74.

¹¹ Подробнее см.: *Виноградов В.Н.* Дизраэли, Гладстон и Шувалов в канун русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Новая и новейшая история.* 1978. № 3.

¹² Подробнее о гр. Д.А. Толстом см.: *Степанов В.Л.* Дмитрий Андреевич Толстой // *Российские консерваторы.* М., 1997. С. 234–286.

¹³ *Немирович-Данченко В.И.* На кладбищах: воспоминания и впечатления. М., 2001. С. 75.

¹⁴ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 584.

¹⁶ Там же. С. 278–280. Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // *Новая и новейшая история.* 2005. № 2, 4.

ОТ РЕДАКТОРА

Этой книгой начинается первое полное издание «Дневника» Д.А. Милютина в пяти томах, которое охватывает период с апреля 1873 г. по 1900 г. Автограф и список «Дневника» хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 169). Автограф составляет 27 единиц хранения (К. 2. Ед. хр. 5–8; К. 3. Ед. хр. 1–5; К. 4. Ед. хр. 1–14; К. 5. Ед. хр. 1–4), а список — 12 единиц хранения (К. 5. Ед. хр. 7–9; К. 6. Ед. хр. 1–5; К. 7. Ед. хр. 1–4). «...Этот экземпляр “Дневника”, — как отмечал П.А. Зайончковский, — подвергался неоднократной авторской переработке, причем Милютин руководствовался соображениями подготовки его к печати. В целях этого после окончательной правки “Дневник” в 1900 году был переписан набело дочерью Милютина по его непосредственным указаниям. Естественно, эта авторизованная копия не совсем тождественна с выправленным автором оригиналом; наряду с небольшими стилистическими расхождениями, есть и более серьезное различие: автор при переписке оригинала не включил некоторые строки, оставшиеся в нем незачеркнутыми. Так, например, выпущена большая часть записи за 20 апреля 1879 года, где Милютин дает характеристику государственного устройства России. Против этих строк в оригинале “Дневника” рукой автора написано: “Выпустить”»¹.

«Дневник» за 1873–1882 гг. был издан в 1947–1950 гг. профессором П.А. Зайончковским², ставшим вскоре после возвращения с фронта заведующим Отделом рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. Уже тогда в своей рецензии Е.В. Тарле писал, что без «Дневника» Милютина «не обойдется ни один историк России второй половины XIX столетия». Вместе с тем он отмечал скудность комментариев, во многом объяснявшуюся условиями послевоенного времени, и указывал на необходимость их расширения³. Между тем за прошедшие 60 лет первое издание «Дневника» Д.А. Милютина стало библиографической редкостью.

В основу данного издания, являющегося частью многотомной публикации мемуарного наследия Д.А. Милютина⁴, положен текст, опубликованный П.А. Зайончковским, который был дополнительно сверен с автографом (ОР РГБ. Ф. 169. К. 2. Ед. хр. 5, 6, 7). В подстрочнике приводятся наиболее существенные фрагменты первоначального текста, зачеркнутые или исправленные затем Милютиным, а также перевод иностранных слов и выражений. Авторская правка Милютина, имеющая сугубо стилистический характер, не оговаривается.

Текст «Дневника» печатается в соответствии с современной орфографией, знаки препинания, в случае их ошибочной расстановки или отсутствия, ставятся в соответствии с правилами. Абзацы даны согласно оригиналу. Подчеркивания, сделанные автором, передаются курсивом. Сохраняются присущие эпохе и самому автору особенности написания отдельных слов (панфлет, фашьенабельный, противудействие, воксал, Симеис, Кокан, Урзуф, Аму-Дарья), а также грамматических форм (на poste, в роле, на бале, коллегов, пред, чрез и т. д.). Общепринятые и очевидные сокращения раскрываются без оговорок, имена собственные и пропущенные слова воспроизведены в прямых скобках, инициалы не раскрываются. В подстрочных сносках звездочками приводится перевод иностранных текстов, а также смысловые расхождения выправленного текста с первоначальным вариантом. В угловых скобках воспроизведены фрагменты, зачеркнутые автором в первоначальном тексте. Не оговаривается также исправление явных опечаток. В комментариях все даты приводятся по старому стилю.

При подготовке настоящего издания были существенно расширены комментарии к «Дневнику» (комментарии П.А. Зайончковского сохранены и особо отмечены), а также аннотированный Указатель имен. Составлен Указатель географических названий. Издание снабжено иллюстрациями.

Публикаторы выражают глубокую благодарность за поддержку и содействие изданию Российскому гуманитарному научному фонду и за помощь в иллюстрировании издания Государственному архиву Российской Федерации и лично его директору д. и. н. С.В. Мироненко, а также Е.В. Мамоновой, И.С. Тихонову, М.О. Филипповой, к. и. н. К.А. Цыковой, Е.А. Чирковой и д. филос. н. С.А. Экштуту.

¹ Зайончковский П.А. От редактора // Дневник Д.А. Милютина. Т. 1. М., 1947. С. 73.

² См.: Дневник Д.А. Милютина / Под ред. П.А. Зайончковского: В 4 т. [1873–1882]. М., 1947–1950.

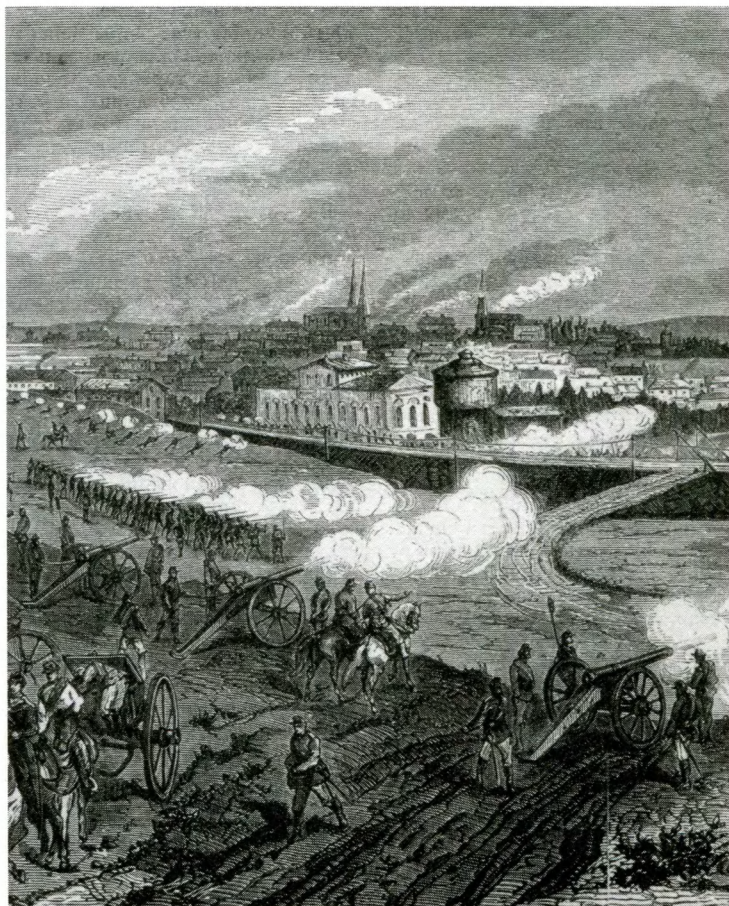
³ Тарле Е.В. Дневник Милютина как исторический источник // Вопросы истории. 1949. № 10. С. 109.

⁴ В 1997–2006 гг. под редакцией профессора Л.Г. Захаровой были опубликованы 7 томов воспоминаний Д.А. Милютина. См.: Милютин Д.А. Воспоминания. 1816–1843. М., 1997; *Он же*. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000; *Он же*. Воспоминания. 1856–1860. М., 2004; *Он же*. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999; *Он же*. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003; *Он же*. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005; *Он же*. Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006.

1873-й год

8-го апреля. Воскресенье. Петербург.¹ — Принимаюсь вести свой дневник только теперь, на 57-м году жизни, побуждаемый к тому пережитыми в первые три месяца текущего года непрерывными неприятностями и душевными волнениями². Все происходившее в этот тяжелый для меня период постараюсь при первой возможности рассказать подробно, в особой записке, совершенно объективно, ничего не скрывая, никого не щадя, на основании сохранившихся у меня заметок и официальных документов³. Исполнить эту работу я должен для ограждения собственной своей нравственной ответственности пред судом истории. В тех же видах буду и впредь заносить в свой дневник все последующие факты, могущие со временем пригодиться будущему историку для разьяснения закулисной стороны нашей общественной жизни*.

Злополучные совещания, мною же задуманные для обсуждения основных вопросов будущего нашего военного устройства, обратились в арену личной против меня интриги**, а потому и не могли привести к предполагавшейся цели⁴. Не решили они тех серьезных задач, которые имелось в виду решить с помощью самых крупных наших авторитетов в делах государственных и военных; не открыли они нам пути к широкому развитию нашей военной силы, соответственно грозному напряжению сил наших соседей. И, несмотря на такой отрицательный результат бывших печальных совещаний, все-таки я должен радоваться тому, что удалось, по крайней мере, отстоять нашу военную организацию от угрожавшей ей бессмысленной ломки. И то хорошо, что окончательные решения Государя, устранив разные нелепые затеи, открывают возможность хотя в некоторой

---

* *Первоначальный текст после слов «8-го апреля. Воскресенье»:* «После целых трех месяцев непрерывных волнений, препирательств, козней, по-видимому, наступило затишье. Последние мои доклады Государю успокоили меня; отдыхаю от долгого и постоянного напряжения душевных сил».

** и борьбы.

мере расширить и упрочить наши военные силы. Теперь Военное министерство может со спокойным духом снова приняться за работу.

Черная туча миновала; по-видимому, наступило затишье. Последние доклады мои Государю успокоили меня. Однако ж я далек от иллюзий. Знаю, что поднятая против меня интрига не так легко уgomонится; после понесенной неудачи она не положит оружия, а будет выжидать новых удобных случаев, чтобы возобновить агитацию, гласную и закулисную. Комиссия князя Барятинского остается зловещим* призраком, напоминающим, что опасность не совсем еще миновала⁵. Очень быть может, что ветер опять переменится, снова возьмут верх какие-нибудь нелепые фантазии, которые окончательно вынудят меня устраниваться от дальнейшего ведения дела⁶ — развития и устройства наших военных сил**.

10-го апреля. Вторник. — Почти ежедневно приходится мне замечать признаки продолжающихся против меня и Военного министерства враждебных влияний. Сегодня, по окончании моего доклада, Государь показал мне в «Мемории» Государственного совета статью об ассигновании интендантству около 860 тысяч рублей на покрытие сверхсметного в прошлом 1872-м году расхода по статье: «на заготовление и шитье вещей», и при этом выразил с некоторым неудовольствием удивление, что такие крупные расходы не предусматриваются при составлении сметы. Я просил позволения представить при следующем докладе письменное объяснение.

После заседания Комитета министров было у меня совещание с графом Гейденом, Непокойчицким, Мордвиновым, Обручевым и Величко по предмету составления всеподданнейшего доклада о последовательности тех распоряжений, которые предстоят для приведения в исполнение проектированных изменений в организации войск. Остановились на том, что было мною набросано в особой записке несколько дней тому назад⁷.

---

* пугалом.

** Дабы вперед оградить свою нравственную ответственность за могущий произойти прискорбный оборот в нашей военной организации, постараюсь в первые минуты досуга заняться составлением записки, в которой подробно изложу весь ход бывших неудачных совещаний со всеми их перипетиями, ничего не скрывая и не прикрашивая; а вместе с тем начну с настоящего же времени вести свой дневник, чтобы сохранить в памяти и последующие факты, могущие со временем послужить будущему историку разъяснением закулисной стороны происходящих на моих глазах действий и событий.

11-го апреля. Среда. — Третье заседание Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности⁸. Горячие споры по статье о льготах по семейному положению. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский отстаивал принцип «сохранения дворянских родов», требуя безусловного освобождения от военной службы единственных сыновей⁹.

12-го апреля. Четверг. — Представил Государю объяснение по вопросу о требовании интендантством сверхсметной суммы в 860 тысяч рублей на произведенные в прошлом 1872 году расходы по заготовлению и шитью вещей¹⁰. Объяснения очень категоричные; однако ж Государь все-таки повторил, что желательно избегать подобных непредвиденных расходов. Кроме того, Его Величество прочел мне выписку из «перлюстрированного» письма из Казани, в котором возбуждается сомнение в правильности действий Военного совета и лично генерала Мордвинова по утверждению некоторых интендантских подрядов и поставок. Еще новый повод к подозрению и недоверию.

14-го апреля. Суббота. — Представил Государю объяснение по делу, о котором упоминалось в письме из Казани. Дело простое и ясное; я мог наглядно выказать, до какой степени бывают неосновательны наветы и подозрения, возбуждаемые людьми легкомысленными, не знающими дела, готовыми все порицать, во всем искать дурного.

Доложил Государю, какое тяжелое впечатление произвело на весь стрелковый батальон императорской фамилии предположение о соединении его с лейб-гвардии гарнизонным батальоном под именем лейб-гвардии резервного пехотного батальона.

Четвертое заседание Особого присутствия по делу о воинской повинности: продолжительный спор у меня с министром народного просвещения графом Толстым, доказавшим еще раз* свой узкий взгляд и упрямство¹¹.

15-го апреля. Воскресенье. — Приезд императора германского Вильгельма; торжественная встреча на станции Варшавской железной дороги; на всем пути от станции до Зимнего дворца расставлены войска без ружей¹².

17-го апреля. Вторник. — Торжество по случаю дня рождения Государя. Утром — выход в Зимнем дворце и развод на площадке пред дворцом; обед парадный в том же дворце и вечером на площадке парадная «заря»¹³ с 2 тысячами музыкантов. На всех этих торжествах не мог я присутствовать по случаю простуды, хотя

---

* свое тупоумное упрямство.

Император Вильгельм I

утром ездил во дворец с докладом. В городе нет других разговоров, как только о пруссаках и происходящих по поводу их приезда торжествах.

18-го апреля. Среда. — Пятое заседание Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. Граф Толстой с обычным своим упорством настаивает на своих своеобразных и странных идеях относительно распределения учебных заведений в отношении льгот по воинской повинности. Сильно простуженный, я с трудом мог возражать; но за меня говорил горячо сам председатель великий князь Константин Николаевич¹⁴. Та же причина — простуда — позволила мне отказаться от парадного обеда во дворце и бала в Эрмитаже.

19-го апреля. Четверг. — Здоровье мое настолько поправилось, что я мог присутствовать при посещении Инженерного замка обоими императорами. Главной целью этого посещения был осмотр модели Севастополя. Генерал Тотлебен прочел целую лекцию, которую император Вильгельм и вся его многочисленная свита выслушали

с напряженным вниманием. Пруссаки поражают своей любознательностью. Менее всех, кажется, интересовался князь Бисмарк.

20-го апреля. Пятница. — Парад в честь императора Вильгельма. Погода на время разгулялась, но грязь страшная, несмотря на все старания полиции высушить плац. Старания эти доходили до комизма: целые сутки на всем Марсовом поле горели костры; говорят, что поливали даже керосином те места, где ледяной слой запоздал растаять.

Вечером парадный спектакль в Большом театре.

21-го апреля. Суббота. — Шестое заседание в Государственном совете по проекту о воинской повинности. Идет туго; много споров; но большей частью все статьи проходят. Заметно, что оппоненты не довольно вникли в дело; оно слишком для них ново и сложно. Сегодня более всех ораторствовал граф Петр Андреевич Шувалов¹⁵.

22-го апреля. Воскресенье. — Торжественный обед в честь императора Вильгельма в Николаевском зале на 600 приглашенных. Спичи обоих императоров в том смысле, что дружба их обеспечивает мир Европы¹⁶.

23-го апреля. Понедельник. — Бал у наследника цесаревича в Аничковском дворце в честь пруссаков.

24-го апреля. Вторник. — Учение на Марсовом поле в присутствии обоих императоров батальону лейб-гвардии Семеновского полка в составе 54-х рядов во взводе и Орденскому драгунскому полку, приведенному в Петербург собственно для представления своему царственному шефу¹⁷. Несмотря на страшную грязь на плацу, учение шло превосходно. После учения император Вильгельм удостоил меня своим посещением; разумеется, я счел неучтивым принять такого высокого гостя. Вообще старый император очень любезен со всеми. Фельдмаршал Мольтке, по своему обыкновению, больше молчит. Князь Бисмарк заметно желает показывать себя русской публике. В народе даны им обоим прозвища: первому — «меняла», второму — «удушливый генерал» (Бог весть, почему)¹⁸!

25-го апреля. Среда. — Император Вильгельм дал мне знать чрез принца Рёйс, что желает поговорить со мной. В назначенный час, утром, явился я к нему в полной форме и поблагодарил за вчерашний его любезный визит. Император начал расспрашивать меня о предполагаемых изменениях в организации наших войск и об основаниях нового закона о воинской повинности. С живым вниманием слушал он мои объяснения и делал вопросы; но я не успел удовлетворить его любопытство: разговор был прерван входом нашего Государя¹⁹. Оба императора пошли вместе смотреть с балкона дворцового на собравшиеся на площади пожарные команды, а по-

*Обер-офицер
и рядовой 5-го
пехотного
Калужского
полка в парадной
форме*

том поехали на учение, происходившее на Марсовом поле, двух пехотных полков, которых король прусский считается шефом²⁰. Учение шло очень хорошо, но погода опять не поблагоприятствовала этому последнему угощению нашего гостя.

Вечером — бал у германского посла принца Рёйсс.

26-го апреля. Четверг. — Пред докладом своим зашел я к императору Вильгельму, чтобы проститься с ним и представить ему, вследствие изъявленного им желания, новый план Петербурга. У него находился наш Государь; оба императора пробыли вместе довольно долго. Когда же Государь вышел, император Вильгельм принял меня и говорил со мной несколько минут стоя. «Я доволен, — сказал он, — что побывал в Петербурге и мог собственными глазами убедиться, как несправедливы были *доходившие до меня слухи, будто русские войска sont negligés**, будто они уже не в таком блестящем со-

* в пренебрежении (фр.).

стоянии, как прежде». При этом император сделал несколько замечаний о том, насколько наши войска в строевом отношении сходствуют с прусскими и в чем различаются. Вообще он выезжает из Петербурга с самыми благоприятными впечатлениями. Со мной он был любезен; но заметно по всем разговорам, что он имел предубеждение против меня. В городе говорят даже, будто принц Рёйс принимал сильное участие в интригах против меня и выражал открыто свое сожаление, что интриги эти остались без результата²¹. — Я распростился с императором Вильгельмом, потому что не мог присутствовать в проводах его на станции железной дороги по случаю происходившего сегодня заседания Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности.

В этом заседании (седьмом) не могли присутствовать великие князья по случаю провода императора германского до Гатчины, за исключением, однако же, нашего председателя Константина Николаевича. Не были также и фельдмаршалы: граф Берг уезжал с императором Вильгельмом, а князь Барятинский уже давно перестал присутствовать в этих заседаниях. Говорят, он опять болен и несколько уже дней в постели. Сегодня дело о воинской повинности подвинулось значительно: рассматривались статьи о самом порядке призыва на службу (участки, приписка и проч.) — предмет слишком сухой для наших страстных ораторов²²!

Виделся утром с князем С.В. Кочубеем, приехавшим из Полтавы; говорили о покупке его имения в Симеисе, на южном берегу Крыма. Был он у нас и вечером, но переговоры наши остались пока без положительного результата.

Государь, проводив императора Вильгельма до Гатчины, прямо оттуда переселился в Царское Село, куда и придется мне отныне ездить с докладом.

28-го апреля. Суббота. — Восьмое заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Прошло довольно много статей, в том числе весь отдел о вольноопределяющихся²³. Спорили много; опять граф Толстой выступил со своими своеобразными, односторонними идеями. Граф Пален опять явился охранителем интересов маменькиных сынков. Генерал-адъютант П.Н. Игнатьев желает допускать в вольноопределяющиеся исключительно только кончивших курс в университетах и гимназиях; к нему присоединился и принц Ольденбургский. Кроме этих лиц, все прочее собрание принимает статьи проекта одобрительно.

Сегодня — первая моя поездка в Царское Село с докладом. Представлено мною Государю предположение о постепенности исполнения предначертанных изменений в организации войск.

О Комиссии князя Барятинского уже нет разговоров; а если кто и вспомнит об ее существовании, то не иначе, как с улыбкой и насмешкой. Таковы люди! Сам князь Барятинский лежит в подагре.

1-го мая. Вторник. — Государь одобрил представленные мною соображения о постепенном выполнении предначертанных изменений в организации войск²⁴ и повторил несколько раз, что не видит причины торопиться этим делом, что надобно сообразоваться с денежными средствами. Пользуясь этим благоприятным настроением Государя, я выпросил награды вне правил главным труженикам, которые вынесли на своих плечах тяжелую работу обеих комиссий (т. е. по организации войск и по воинской повинности²⁵), именно: генерал-майору Обручеву, полковникам Шнитникову и Величко и самому графу Гейдену, которому Государь предназначает Владимира 1-й [степени] при рескрипте. Это радует меня; но вместе с тем снова имел я неприятность выслушать от Государя упреки, будто бы в Военном министерстве нет бережливости в расходах. Очевидно, Государь повторял чьи-то чужие слова; он прямо высказывал, что таково мнение многих лиц, даже из числа таких, которые хорошо ко мне расположены и отдают мне справедливость в других сторонах моей деятельности. Мне ясно, что Государь, ездивший вчера в город и ночевавший в Зимнем дворце, виделся, конечно, с князем Барятинским. Снова слышал я упреки и в том, что в войсках увеличилась переписка, что они замучены формами и отчетностями и т. д... Все это слышу в сотый раз; видно, все мои объяснения и опровержения — как об стену горох. Тем не менее, я снова возражал и объяснял, как неосновательны эти нарекания; спрашивал: почему же те мудрецы, которые так легко критикуют, никогда не укажут, в чем именно заключаются излишние по их мнению расходы? на чем полагали бы они сделать экономию? какую переписку признают они излишнею после сделанных уже в последнее время сокращений в формах и отчетности?.. зачем же повторять голословные упреки?.. и т. д.²⁶ Объяснения мои были прерваны входом наследника цесаревича.

По возвращении из Царского Села в Петербург заехал я в отдел патронного завода на Литейной; давно уже не видел его и вообще в последнее время никуда не ездил: не до того было. Показывали мне приспособление скорострельных пушек к перевозке на вьюках.

Великий князь Михаил Николаевич приезжал ко мне проститься: уезжает завтра на Кавказ.

2-го мая. Среда. — Девятое заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Прошли довольно много статей, несмотря на горячие прения. Всего более было спора по вопросу

о евреях, для которых в проекте Комиссии предполагались особые, исключительные правила²⁷. Мною предложено совсем исключить эти правила из положения, а взамен их сделать оговорку в журнале присутствия. Еще одно заседание — и, вероятно, кончим рассмотрение проекта в Особом присутствии. В Общее же собрание Государственного совета внесется уже осенью.

Пред заседанием в Государственном совете происходил высочайший смотр трем полкам, приведенным в Петербург на время пребывания их шефа — императора германского. Полки эти выспят завтра в свои места расположения.

3-го мая. Четверг. — Сегодня при докладе Государю опять должен был иметь объяснение относительно наград за работы по комиссиям (о воинской повинности и об организации войск). Странная система давать награды не за оказанные заслуги, не за известные исполненные работы, а только за прослужение требуемого срока. Некоторым из лиц, наиболее трудившимся по этим комиссиям, отказывается в заслуженной награде потому только, что они случайно в прошлом году получили очередную награду за выслугу предшествующих узаконенных лет! В числе их и сам председатель обеих комиссий — граф Гейден, который действительно вынес на своих плечах обширную и сложную работу, исполнил вполне успешно возложенное на него трудное дело!..

5-го мая. Суббота. — Генерал Тотлебен признал настоящее время удобным, чтобы помимо меня провести давнишнюю свою мысль об отделении казарменной части от Главного инженерного управления. Зная, что я не разделяю его мнения, подал он записку прямо Государю, чрез великого князя Николая Николаевича. Я должен был сегодня объяснять Государю несообразность представленного предположения*. Вторично пробовал заговорить о награждении графа Гейдена, но безуспешно.

8-го мая. Вторник. — После доклада в Царском Селе и бригадного учения на Марсовом поле был я в заседании Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности. Это десятое и последнее заседание заключалось преимущественно в продолжительных спорах о взысканиях за нарушения правил нового закона, т. е. за уклонения от исполнения воинской повинности. Председатель наш великий князь Константин Николаевич заметно торопился покончить дело, так как решен уже на 14-е число отъезд его в Николаев²⁸. Поэтому и рассмотре-

---

* доказывающего только бездарность и мелочность генерала Тотлебена в деле администрации...

Шах Насир-эд-дин

ние дополнительного положения об ополчении отложено до осени; а между тем на канцелярию Государственного совета возложено приготовление всех редакционных работ. В заключение прочитано было сегодня же мое представление о том, чтобы в будущем 1874-м году произвести два набора: в начале года — обыкновенный, по прежнему рекрутскому уставу, а в конце года — призыв уже по новому положению. Предположение это присутствием одобрено.

9-го мая. Среда. — Праздновали юбилей Николаевского кавалерийского училища. После молебствия в церкви Государь обошел залы, в которых собрались представители всех 50 поколений выпущенных из училища питомцев²⁹. По отъезде Его Величества начался «акт», заключающийся только в прочтении составленного полковником Потто краткого очерка истории училища³⁰. Значительная часть этой речи была посвящена восхвалению князя Барятинского, как самого замечательного из произведений училища. Вероятно, автор предполагал, что пред ним в зале в числе слушателей будет и сам герой Гуниба. Но он, как слышно, все еще лежит больной подагрой.

10-го мая. Четверг. — Приезд шаха персидского, сперва встреча на железнодорожной станции; по всему пути до Зимнего дворца,

по Невскому проспекту и Малой Миллионной — толпы народа. В Зимнем дворце шах прошел чрез залы, набитые битком генералитетом и офицерством.

Я должен был отказаться от юбилейного обеда Николаевского кавалерийского училища, чтобы проводить на Николаевскую железную дорогу дочь Надю, которая отправилась с Марией Николаевной Вельяминовой и княжной Вяземской в тамбовскую их деревню. Уклонился также от парадного спектакля в Большом театре в честь шаха.

11-го мая. Пятница. — Большой парад для шаха на Марсовом поле, а потом *déjeuner d'atatoire** у принца Ольденбургского. Оказывается, что властелин Персии вовсе еще чужд европейских нравов; нам приходится начинать его воспитание и даже учить, как сидеть за европейским столом. Вечером он был на бале Дворянского собрания³¹.

12-го мая. Суббота. — Доклад в Зимнем дворце; потом бригадное учение на Марсовом поле. Шах отказался присутствовать под предлогом болезни; но болезнь эта не помешала ему явиться на парадный обед, данный в честь его в Николаевском зале на 140 приглашенных.

Сегодня уехала в Тамбовскую губернию дочь Ольга с младшими сестрами. В Петербурге остались мы только вдвоем с женой.

14-го мая. Понедельник. — В полдень представлял я Государю членов обеих комиссий — по воинской повинности и по организации войск — по случаю закрытия этих комиссий. Многие из них получили награды, прочие — именные благоволения. Мне приятно, что удалось выпросить главным работникам в этих комиссиях (Обручеву, Шнитникову и Величко) по две награды, которыми они остались довольны; но прискорбно, что Государь окончательно отказал в награде самому графу Гейдену потому только, что он получил награду в прошлом году (алмазные знаки Александра Невского). Взамен награды получил он рескрипт**. Если б я был на его месте, то подобный лестный рескрипт доставил бы мне больше удовольствия, чем всякий орден. Не знаю, как он смотрит³².

После представления происходило на Семеновском плаце учение 1-й бригаде гвардейской кирасирской дивизии и конвою в присутствии шаха. Вероятно, ему пришлось в первый раз быть верхом под дождем и обрызганным грязью.

---

* поздний завтрак (*фр.*).

** которым должен быть доволен.

Граф Ф.Л. Гейден

Вечером — бал во дворце. Шах уже совсем развернулся; тем не менее, ему трудно еще отстать от своих азиатских привычек: он чуть было не растянулся на диване в гостиной, полной дам³³.

15-го мая. Вторник. — Доклад в Зимнем дворце; потом учение 1-й бригаде 2-й гвардейской пехотной дивизии. Шах не присутствовал, а ездил в Кронштадт; вечером же его угостили фейерверком на островах, несмотря на светлый летний вечер и очень свежую погоду.

После обеда проводил я на станцию Николаевской железной дороги мою невестку, Марию Аггеевну Милютину; потом был у графа Строганова в железнодорожном комитете³⁴. Решался вопрос о дорогах Фастово-Знаменской и Ромно-Лозовой. Пробовал я снова настаивать, чтобы железные дороги не составлялись из мелких клочков, из которых выходят ломаные линии, однако ж и на этот раз безуспешно. Большинство членов комитета, по-видимому, судит иначе: дается предпочтение отдельным, коротким линиям для удовлетворения частных, местных интересов; от этого наша железнодорожная сеть составила почти случайно из соеди-

нения отдельных ветвей. В таком смысле решен и вопрос о новой линии от Фастова к Знаменке, которая будет изогнута и изломана для того, чтобы прошла по возможности ближе к главным сахарным заводам. Другая линия — от Ромен чрез Полтаву в Лозовую — хотя и не отвергнута в принципе, однакоже отодвинута на задний план под тем предлогом, что эта линия сделалась теперь менее нужной с тех пор, как решено провести линию от Ворожбы (к западу от Харькова) к станции Мерефа³⁵. А, спрашивается: зачем же было решать подобную дорогу, имеющую только частную, местную цель, прежде главной, большой линии?..

После заседания комитета заехал я к новому турецкому послу Киамиль-паше на официальный его прием.

16-го мая. Среда. — Утром был на экзаменах в Пажеском корпусе³⁶. Вечером не поехал в Царское Село на придворный спектакль; оставался дома за работой.

17-го мая. Четверг. — Доклад на железной дороге: Государь ехал из Царского Села в Петербург, в парадной форме по случаю отъезда шаха. Я избавил себя от проводов.

Получено странное известие по телеграфу, что Красноводский отряд (полковника Маркозова) должен был от невыносимого жара в степи вернуться к Красноводску³⁷. Отступление его может иметь невыгодное для нас нравственное влияние на кочевников. Кавказское начальство теперь увидит, что оно напрасно домогалось с такой самоуверенностью принять на себя главную роль в Хивинской экспедиции.

18-го мая. Пятница. — Вчера не успел я закончить свой доклад на железной дороге, а потому должен был сегодня опять ехать в Царское Село. После доклада распростился я с Государем, который в 4 часа пополудни выехал за границу. Прощание наше было холоднее, чем бывало в прежние времена; при этом не было даже вопроса о том, что намерен я делать в отсутствие Его Величества и где моя семья. Среди доклада моего вошли в кабинет наследник и цесаревна с детьми своими, они сегодня же отправляются также за границу, морем. Юная чета давно уже держит себя в отношении ко мне более чем холодно. По всему видно, что интрига против меня имела полный успех и оставила следы неизгладимые. При всем моем философском воззрении на придворные отношения невозможно, однако же, совсем отрешиться от чувства досады и негодования на несправедливость и неблагодарность.

13-го июня. Среда. — Почти целый месяц ничего не заносил я в свой дневник; ничего не было, заслуживающего быть записанным. В Петербурге — время затишья; город опустел; все дела в застое.

*Князь
А.И. Барятинский*

Только изредка телеграммы и донесения из отрядов, направленных на Хиву, пробуждали внимание публики. Я же лично был занят не одними делами служебными, но также и домашними — переменой квартиры (с Дворцовой набережной на Фонтанку, у Цепного моста, в дом графа Олсуфьева), устройством будущего казенного дома военного министра³⁸, перепиской с князем Кочубеем о покупке маленького имения его на южном берегу Крыма и проч... В то же время озабочивало меня положение моего сына: после неудачного исхода движения Красноводского отряда из Вены дано было Государем повеление отправить его в Туркестан-

ский отряд, чрез Оренбург. Переезд нелегкий, особенно в июне месяце, и притом бесцельный, так как, по всем вероятностям, он прибудет туда, когда все действия военные будут закончены. Не знаю, как смотреть на это высочайшее повеление: просто ли как на одно из тех приказаний, которые дают без всякой преднамеренной цели, или же как на новое проявление незаслуженной немилости к молодым офицерам гвардейской конной артиллерии, имена которых связаны с жалкой историей Квитницкого³⁹. Как бы то ни было, но бедный мой юноша, поспешивший уже из Баку отослать в Петербург своего слугу с вещами, скачет теперь один на перекладной в Оренбург, где должен быть 15-го числа. Как поедет далее и как попадет в отряд под Хивой — не ведаю.

Среди мелочей домашней жизни я совсем и забыл о существовании Комиссии князя Барятинского. Почти все назначенные в состав ее лица разъехались; сам председатель лежал в сильных страданиях подагры и только недавно собрался с силами, чтобы переехать в Царское Село. Прежние требования его разных сведений и справок из министерства давно уже прекратились... Я уже думал, что все это злополучное дело кануло в вечность, и что могущественный мой противник, не видя цели предпринятой им против меня козни, бросил свою затею. Однако ж выходит иначе: на днях узнал я (от Ал[ександра] Аг[геевича] Абазы), что сочинен, наконец, панфлет на Военное министерство и передан на рассмотрение К.В. Чевкину; что в прошлый понедельник, 11-го июня, съезжались к председателю Комиссии в Царское Село Чевкин, Пав[ел] Ник[олаевич] Игнатъев и граф Баранов (единственные члены, еще не покинувшие Петербурга); что на другой день, т. е. вчера, подписан ими обвинительный акт. Это было первое и последнее заседание Комиссии, следовательно, приговор составлен единолично князем Барятинским (чьими руками — не знаю); Чевкин и Игнатъев явились послушными ассистентами. Не говорю о графе Баранове, потому что он был в отсутствии и приехал только пред самым заседанием 11-го числа, притом же голос его и не мог иметь веса в таком авторитетном трио, какой составляли князь Барятинский, Чевкин и Игнатъев... Чрез несколько времени, вероятно, узнаю, в чем заключаются обвинения; но сколько можно догадываться по немногим словам, сказанным Чевкиным Александру Аггеевичу Абазе, главная тема обвинительного акта состоит по-прежнему в том, что в Военном министерстве нет надлежащей «хозяйственности» (узнаю в этом выражении самого Чевкина), что потому издерживаются лишние деньги; обстановкой же этой голословной темы служат мелкие факты, подобные тому, что были где-то отпущены из интендантских мастерских плохо

сшитые сапоги, что оружейные заводы мало еще изготовили малокалиберных ружей... и т. п. Сущность дела заключается, конечно, не в том, что настрочили эти мудрецы, копавшиеся несколько месяцев в делах и сметах Военного министерства, а в том, какая резолюция будет положена на подписанном ими акте. От этой резолюции, по всем вероятностям, будет зависеть окончательное мое решение — как мне поступить. Вся поднятая против меня буря должна иметь связь с возвращением Государя из-за границы, т. е. около половины будущего июля: или посланная к Его Величеству в Эмс записка останется под сукном, или я должен буду окончательно просить об избавлении меня от такой должности, которую не дают мне возможности выполнять со спокойным духом.

Вчера, когда собирался я ехать в Комитет министров, удивлен был визитом К. В. Чевкина: он приехал будто бы проститься, уезжая сегодня же за границу. Посещение это показалось мне предзнаменованием недобрым, тем более, что он не сказал ни слова о подписанном докладе Комиссии. Потом, в Комитете министров, Игнатьев также держал себя со мною как-то странно, приторно-утивно; видно было, что ему неловко.

14-го июня. Четверг. — Приходится дополнить и исправить записанные вчера сведения о Комиссии князя Барятинского. Оказывается, что в прошлый понедельник в совещании участвовало еще несколько лиц, кроме тех, о которых слышал я прежде, между прочим, Грейг и Якобсон. Последний из них сам во вчерашнем заседании Военного совета объявил мне о своем участии в заседании. Он отзывался с пренебрежением о записке, составленной под руководством князя Барятинского с поправками Чевкина. По словам Якобсона, записка эта не заключает в себе ничего важного: на каких-нибудь семи листах писарского письма высказываются мнения о невыгодности некоторых распоряжений по Военному министерству, а более всего трактуется об увеличении переписки в военном ведомстве. Стало быть, это все прежняя пошлая дребедень. По всем вероятностям, я не ошибся, предсказав Государю, что учреждаемая им Комиссия не приведет ни к какому другому результату, кроме сочинения еще одного панфлета на Военное министерство, и вызовет еще новую полемику.

16-го июня. Суббота. — Сегодня, наконец, получено по телеграфу от генерала Кауфмана известие о занятии Хивы нашими войсками⁴⁰. Кажется, дело обошлось без боя; но успех неполный: хан, решившийся было слаться, не устоял на этом намерении и бежал прежде прихода наших войск. Судя по телеграмме, он скрывается между иомудами⁴¹. Придется или гоняться за ним по степи или

держат долго наши войска в Хиве. Не знаю, как генерал Кауфман выйдет из этого затруднения.

Сегодня же получено с Кавказа подробное описание бедствий, вынесенных в степи Красноводским отрядом. Что Маркозов не продолжал движения вперед, а возвратился вспять — в том обвинять его нельзя: действительно, представилась физическая невозможность идти вперед; но виноват он, разве, в том, что избрал самый невыгодный путь к Хиве и первоначальными своими действиями испортил свое положение в крае. Если б он не возбудил против себя текинцев и не увлекся движением за Атрек, то не затруднился бы собрать нужное число верблюдов и, выступив ранее прямо из Красноводска (а не из Чикишляра), мог бы подойти к Хиве другой, лучшей и уже знакомой ему дорогой — чрез Сары-Камыш.

1-го июля. Воскресенье. — Опять большой перерыв в моем дневнике. Две недели прошли совершенно тихо и спокойно. В продолжение этого времени получались дополнительные известия из отрядов, занявших Хиву, о возвращении хана хивинского с повинною; а вчера телеграмма генерала Кауфмана возвестила об отмене «на вечные времена» рабства в хивинских владениях!..⁴² Хотя мы еще не знаем, чем именно будет гарантировано действительное исполнение этого торжественного «манифеста» ханского, однако же известие это произведет, несомненно, хорошее впечатление в Европе.

Успехи наши в Средней Азии приняты в Эмсе, по-видимому, довольно равнодушно. Фельдъегеря привозят оттуда обратно доклады большей частью самого неважного содержания, с утвердительными резолюциями — и ни одного теплого слова для наших бедных войск, натерпевшихся среди раскаленных песков Средней Азии⁴³.

В продолжение двухнедельного промежутка домашние мои дела мало подвинулись вперед. В ожидании решения дела покупки имения на южном берегу Крыма мы вдвоем с женой сочиняли проекты для постройки будущего нашего жилья. 29-го числа ездили в Выборг, чтобы навестить там сестру Мордвинову, которая на летнее время поселилась на даче профессора Юнге вместе с его семьей (жена его — дочь известного графа Фед[ора] Петр[овича] Толстого, бывшего вице-президента Академии художеств, недавно только умершего). Вчера осматривал я выборгские укрепления. К вечеру возвратились мы в Петербург по железной дороге.

6-го июля. Пятница. — От генерала Кауфмана приехал сегодня курьером адъютант его капитан Фан-дер-Флит с письменной реляцией о занятии Хивы и донесением о сделанных распоряжениях после прибытия хана с повинной⁴⁴. Словесные рассказы адъютанта открывают некоторые закулисные подробности, довольно при-

скорбные. Оказывается, что генерал-лейтенанту Веревкину хотелось увенчаться лаврами победы, и потому он повел на город атаку в то время, когда генерал Кауфман собирался вступить в него с другой стороны церемониальным маршем. Недовольный чем-то, генерал Веревкин немедленно уехал из отряда под предлогом полученной им совершенно незначительной раны⁴⁵.

Генерал Кауфман прислал, между прочим, всеподданнейшую докладную записку, в которой просит высочайшего разрешения на некоторые предположенные им меры, с одной стороны — для сбора контрибуции с кочевых туркмен, с другой — для занятия некоторых новых пунктов во владениях хивинских с той целью, чтобы стать в отношении к Хиве в угрожающее положение и не быть поставленным рано или поздно в необходимость снова предпринимать такие трудные и дорогостоящие экспедиции, как в нынешнем году⁴⁶. В этих видах он полагает удержать за собой один пункт в устьях Аму-Дарьи, а другой — несколько выше по течению этой реки, около Шурохан; в каждом из этих пунктов оставить гарнизон не менее 5 рот с 2 сотнями. Вместе с тем объявить, что вся правая сторона Аму-Дарьи переходит под власть России, частью же уступается бухарскому хану.

Насколько я разделяю мнение генерала Кауфмана о пользе занятия устья Аму-Дарьи в том предположении, что мы, наконец, добьемся устройства удобного водного сообщения с этим новым пунктом, настолько же не могу одобрить занятия Шурохан. В таком смысле пишу я графу Ал[ександру] Вл[адимировичу] Адлербергу для доклада Его Величеству⁴⁷. Завтра капитан Фан-дер-Флит отправится с привезенными бумагами в Югенгейм.

9-го июля. Понедельник. — Время мое течет так же тихо и спокойно, как и прежде. С нынешнего дня, с отъездом жены в Тамбовскую губернию, откуда дней чрез десять она отправится далее в Крым, я опять остаюсь в полной одиночестве*. Впрочем, эта спокойная одинокая жизнь продолжится недолго: к 18-му числу ожидается прибытие Государя.

В минуты досуга от дел служебных занимаюсь изучением строительного искусства. Предмет этот всегда интересовал меня; а теперь я связываю это занятие с предположениями о покупке земли в Крыму и постройке там дома. Однако ж дело это, почти уже решенное, не подвинулось до сих пор ни на шаг за невысылкой князем Кочубеем нужных для совершения купчей документов⁴⁸.

13-го июля. Пятница. — Провел весь день в разъездах. В 9 часов утра отправился по железной дороге в Сестрорецк, где осмотрел ору-

---

* К сожалению, эта спокойная жизнь продолжится недолго.

жейный завод и намеревался немедленно отправиться к пристани, у которой ожидал меня пароход Кронштадтского инженерного управления. Но меня задержали до второго часа: сначала — завтрак у начальника завода генерал-майора Лиlienфельда, а потом явилась ко мне депутация от обывателей (бывших поселян) Сестрорецка с адресом, в котором выражалось желание освятить в моем присутствии икону, сооруженную для новой церкви во имя Св. Димитрия в знак благодарности за мои заботы о нуждах сестрорецкого поселения. Отказать в этом, конечно, я не мог и должен был выстоять молебствие, после которого поблагодарил общество за выраженное мне сочувствие. И в самом деле, мне было утешительно увидеть Сестрорецк пять лет спустя после большого пожара, истребившего всю слободу. Теперь дома отстроились заново, лучше прежнего; возведена (хотя пока вчерне) новая прекрасная церковь на месте прежней сгоревшей; обыватели уже освоились с новым своим положением людей свободных, т. е. независимых от завода и его начальства.

Из Сестрорецка отправился я осматривать морские батареи Кронштадта, сперва на северном фарватере, а потом — на южном. До сих пор все еще не можем довести до конца работ как инженерных, так и артиллерийских. Много еще остается дела. В настоящее время самые любопытные работы производятся на форте «Константин», где устраивается на два орудия 11-дюймового калибра подвижная установка по проекту генерал-майора Паукера, и на батарее № 3 (южного фарватера), где орудия будут поставлены во вращающихся башнях. Установка Паукера уже в таком виде, что можно было в моем присутствии сделать испытание подъема и опускания платформы; но самое орудие втаскивали на эту платформу только сегодня. Для вращающихся башен возведены каменные основания; самые же башни (железные) только что устанавливаются.

Возвратился я в Петербург в 9 часов вечера на пароходе артиллерийского ведомства.

16-го июля. Понедельник. — Сегодня в канцелярии Военного министерства принимал я кашгарского посланца*.

19-го июля. Четверг. — Каникулы мои окончились: вчера вечером Государь с императрицей возвратились из-за границы. Я встретил их на железнодорожной станции в Царском Селе и остался там ночевать. Сегодня утром имел первый доклад. Государь был разговорчив, с восторгом вспоминал, в каком блестящем состоянии представлялись ему войска в Варшаве, Гродне, Вильне и Ди-

---

* Ничего в нем замечательного: такой же, как все другие приезжавшие из Средней Азии, посвященный во все тонкости азиатской вежливости.

набурге; много говорил о Хивинской экспедиции. Вообще не было заметно никаких следов прежних неудовольствий.

После доклада возвратился я в город с дочерью Елизаветой, приехавшей также из-за границы после пятимесячного там пребывания при императрице и великой княжне.

21-го июля. Суббота. — Вчера утром ездил в Красное Село, где назначен был лагерный развод и потом объезд лагеря. Во время этого объезда Государь неожиданно приказал забить тревогу. Все войска собрались очень быстро, выстроились на Военном поле, и затем произведено общее учение в виде маневра на одну сторону. Возвратился я в Петербург только вечером.

Сегодня был в Царском Селе с докладом. Часть времени провел в разговорах с дочерью и возвратился в Петербург к 3 часам.

По случаю доклада о предположенном на 30-е августа производстве в генеральские чины Государь приказал, чтобы к тому времени было объявлено о восстановлении должности бригадных командиров в пехотных и кавалерийских дивизиях, несмотря на то, что мера эта ведет к новому ежегодному расходу в 225 тысяч рублей⁴⁹.

29-го июля. Воскресенье. — Целую неделю не мог я открыть свой дневник. Большую часть недели провел в Красном Селе, только изредка приезжал в город, а в пятницу утром ездил в Царское Село по случаю дня рождения императрицы. Все время было поглощено учениями и смотрами, повторяющимися из года в год с неизменным единообразием. Впрочем, одно было новое в этом году: показано было Государю учение сводной дивизии, составленной из всех почти пехотных полков Красносельского лагеря, в составе 16 батальонов по военному составу, с 8-ю батареями (64 орудиями), т. е. в том именно составе, какой предположен впредь для нашей армии. Сделанный опыт подтвердил, что такая дивизия составляет громадскую массу, которую не легко будет ворочать одному начальнику.

Вчера при докладе в Красном Селе Государь, наконец, передал мне пресловутую записку фельдмаршала князя Барятинского, под которой не устыдились подписать свои имена Чевкин, Игнатъев, граф Эд[уард] Баранов, князь Голицын (Влад[имир] Дм[итриевич]) и Грейг⁵⁰. Правда, подписались они непосредственно под «заключением», в котором прописано, что они: «*выслушав* все вышеизложенные факты и сведения...» (т. е. всю дребедень, сочиненную генерал-майором Яковлевым под руководством князя Барятинского), признали *заслуживающими внимания* четыре пункта, изложенные далее в нескольких строках. Достаточно взглянуть на эти четыре пункта, чтобы убедиться в ничтожестве результата столь громко учрежденной Комиссии. По всем этим пунктам уже неоднократно были

даваемы объяснения и возражения; содержание их уже избито до пошлости; и несмотря на то, Государь все-таки, отдавая мне записку князя Барятинского, выразился в таком смысле, как будто в самом деле заключается в ней что-то новое, чем министерство может воспользоваться. Опять приходится мне (в который уже раз) представить объяснения. Судя по просмотренному уже мною началу этого обвинительного акта, полагаю, что не трудно будет опровергнуть все обвинения. Сегодня займусь продолжением чтения записки и постараюсь не портить себе крови этим чтением. Напротив того, я должен даже радоваться тому, что целый ареопаг, собранный под председательством лица, открыто заявившего себя моим противником, и заведомо с той целью, чтобы нанести удар моему 12-летнему управлению, не мог отыскать никаких других обвинений, кроме тех пустых укоров, которые приводятся в записке князя Барятинского на основании извращенных фактов, недобросовестно подобранных цифр и каких-то измышлений бездарного генерала Яковлева.

31-го июля. Вторник. — Вчера съездил в Красное Село совсем напрасно: учение по случаю дурной погоды было отменено. Сегодня утром был в Царском Селе для доклада, после которого отправился с Государем в Кронштадт. Его Величество осматривал некоторые суда, в том числе фрегат «Светлану», на котором плавал два года великий князь Алексей Александрович, и новую императорскую яхту «Держава», только что выстроенную с роскошной отделкой*. Государь посетил также Константиновскую батарею. Возвратились мы в Петербург в 7-м часу вечера.

15-го августа. Среда. — Две недели не открывал я своего дневника. Решительно не было времени за непрерывными разъездами, маневрами и разными хлопотами. Теперь нужно мне некоторое напряжение памяти, чтобы записать происходившее в эти две недели. Постараюсь припомнить, что могу.

1-го августа, среда — Военный совет.

2-го, четверг — доклад в Царском Селе; остаюсь там к царскому обеду; прогулка с дочерью в Павловск.

3-го, пятница — опять в Царском Селе; после раннего обеда у дочери отправился на лошадях с адъютантом Пушиным чрез Красное Село и Ропшу в Лопухинку — сборный пункт императорской главной квартиры по случаю маневров.

Маневры в нынешнем году были довольно продолжительны (всего 11 дней), хотя и с промежутками для отдыха. Войска были разведены далеко, до самого Ямбурга и до морского берега. В пер-

---

* весьма изящную.

вый день, 4-го августа (суббота), происходили только авангардные дела между Ворониным и Лопухинкой; мы были измочены проливным дождем*. К обеду собрались в Ропше, куда прибыла и государыня императрица. Все воскресенье прошло в прогулках и беседах, а вечером — детские игры.

6-го августа, понедельник — после доклада в Ропше поехал я вслед за Государем обратно в Лопухинку. Тут справляли полковой праздник Преображенского полка и гвардейской артиллерии.

7-го и 8-го, вторник и среда — маневры от Воронина к Бегуницам и Каскову. Все страшно устали, но маневры были довольно интересны.

К вечеру 8-го числа возвратился я в город и нашел на своем письменном столе два весьма приятных для меня известия: одно — письмо из Крыма от жены, которая сообщает самые утешительные сведения о будущем нашем поместье близ сел. Симеис; она описывает его с восхищением, так что не остается уже никаких сомнений, никаких колебаний относительно приобретения этого имения. Рядом с письмом жены нахожу извещение от г. Кондрашёва, поверенного князя Кочубея, что, наконец, получены документы, нужные для совершения купчей. В радости скачу я к Кондрашёву, сговариваюсь с ним, заезжаю к услужливому Александру Степановичу Гуро и, успокоенный насчет этого дела, отправляюсь на другой день в Царское Село с обычным своим докладом.

9-го августа, четверг — опять ранний обед у дочери и опять еду прямо из Царского на маневры, на сей раз только до Ропши.

10-го августа, пятница — генеральное сражение на позиции у Переярова; упорные атаки великого князя Николая Николаевича признаны отбитыми, а барон Бистром — победителем. Тут же, к общей радости, объявлен конец маневра, днем ранее, чем предполагалось. Почти мгновенно все разъезжаются; я возвращаюсь в Царское Село, где должен быть на другой день с докладом.

11-го августа, в субботу, после доклада, возвратившись в Петербург, поспешил я заняться делом симеисским. Надобно было торопиться решением этого дела с Кондрашёвым, так как в распоряжении моем оставались всего только одни сутки времени: предстояло на следующий день сопровождать Государя на смотр флота в Транзунде, а затем, быть может, и поездка с Его Величеством в Москву и в Крым. Также и Кондрашёву предстоял в воскресенье отъезд из Петербурга. Поэтому сговорились мы с ним и с Ал[ександром] Ст[епановичем] Гуро съехаться у меня вече-

---

* но после того, во все время погода была очень благоприятная.

ром в субботу, пригласив и нотариуса. К крайнему моему прискорбию, в присланных князем Кочубеем документах и в данной им Кондрашёву доверенности встретились какие-то недомолвки, затруднявшие совершение купчей. Однако ж на следующий день, в воскресенье утром, когда съехались мы снова, придумано было средство обойти встреченное затруднение, и купчая была подписана, к большому моему удовольствию*. Немедленно же телеграфировал я жене о приятной для нее развязке дела, так давно уже истошающего наше терпение**.

Забыл упомянуть, что в субботу имел я продолжительный разговор с кашгарским посланцем, который непременно желал быть у меня неофициально. Я нашел в нем человека умного, с тонким азиатским тактом. Беседа наша от обычных учтивостей и комплиментов нечувствительно перешла на политические предметы. Посланец Якуб-бека вел себя настоящим дипломатом. Расстались мы, по-видимому, довольные друг другом. Он выпросил у меня фотографический мой портрет.

В воскресенье, 12-го числа, после обеда отправился я на казенном пароходе «Онега» в Кронштадт на великолепную царскую яхту «Держава». Государь прибыл туда из Ораниенбаума к полуночи, а с рассветом 13-го числа отправились мы к Транзунду. В 8 часов утра мы были в виду всей эскадры; среди ее стоял пароход «Штандарт», на котором только что прибыли из Англии наследник и цесаревна. День был превосходный, даже жаркий; море — как зеркало; под вечер же, как будто по заказу, легкий ветерок дал возможность исполнить парусную гонку. Целый день, до совершенной темноты, прошел в морских упражнениях. Программа была выполнена совершенно успешно; все были в хорошем расположении духа и, утомленные, разошлись поздно вечером по каютам. Утром 14-го числа проснулись в виду Кронштадта, где пересели на малый пароход, и прибыли в Петербург около 10 часов утра.

---

* *Первоначальная редакция:* «...К крайнему моему прискорбию, в присланных князем Кочубеем документах и в данной им Кондрашёву доверенности встречались такие недостатки, что мы сочли уже дело рушившимся и разошлись в первом часу ночи с намерением возобновить наши переговоры на следующий день. Однако ж на следующий день, в воскресенье 12-го числа, снова съехались мы утром и тут неожиданно пришли к полному соглашению, купчая подписана с оговорками, что окончательные формальности будут исполнены на месте, в Крыму. Довольные таким исходом дела мы разошлись в более веселом расположении духа, чем накануне...».

** *Далее в автографе зачеркнуто:* «Надеюсь, что для доведения его на месте не встретятся такие же проволочки».

Здесь, в своей квартире, нашел я сестру Мордвинову и дочь Лизу, приехавшую на этот день из Царского Села. Большую часть дня провели мы вместе.

Поездка в Транзунд была для меня приятной прогулкой; но в особенности было мне приятно то, что там, в море, получил я первое телеграфное известие из Ташкента о благополучном прибытии моего сына в Хиву. В эти два дня как будто мне было суждено успокоиться душевно от разных волновавших меня забот. Не имел давно известий от сына, с того времени, как выехал он из Самарканда с двумя туземцами (джигитами) чрез Бухару, я начинал беспокоиться за него; притом Государь не говорил мне ни слова о возвращении моего бедного странствователя. Полученная теперь телеграмма дала мне повод прямо спросить об этом. Его Величество отвечал мне, что по возвращении войск из Хивы и сын мой может вернуться, и, улыбнувшись, прибавил: «В Ливадию». Приезд его туда будет великой радостью для всей семьи.

Во все время маневров и потом Государь вообще был внимателен ко мне, как бывало в старину. Императрица также была любезна. Но я напрасно ожидал предложения сопровождать Государя в предстоящую поездку его в Крым. Я вынужден был испросить себе отпуск туда же на два месяца. Казалось бы вполне естественным, чтобы военный министр находился при Государе во время предстоящих на пути смотров войскам... Но, видно, есть какие-нибудь неведомые мне соображения.

Сегодня поехал я с докладом в Царское Село и явился в полной форме, чтобы откланяться их величествам. «Так мы скоро увидимся в Ливадии?» — сказал Государь. — «Если получу на это приказание», — ответил я. «Стало быть ты сам не желаешь этого?» — «Нет, Государь; но я не считаю себя вправе явиться без приказания». — Государь улыбнулся: «Ну, так я приказываю...» — и затем, при прощании, опять повторил: «Так до Ливадии»*.

В заключение доклада я должен был возобновить тяжелые и для меня и для Государя объяснения по поводу бывшей под председательством князя Барятинского комиссии. Представил я свою объяснительную записку: почти ни одна строка журнала Комиссии не осталась без опровержения⁵¹. Вместе с тем представлены мною и возражения на отчет государственного контро-

---

* Как согласовать это любезное приглашение с нежеланием иметь меня в свите во время смотров? Я должен отложить свой выезд из Петербурга недели на две для того только, чтобы не ехать по следам Государя и не подать повода к толкам о моем странном положении.

лера⁵², подавший повод к крайне обидной для Военного министерства отметке Государя. (Отметка эта была положена еще во время самого разгара поднятой против меня интриги). Присутствие великого князя Владимира Александровича не помешало мне высказать без всякого стеснения мое мнение как об извращении фактов в записке князя Барятинского, так и о принятой в Государственном контроле системе изложения ежегодных всеподданнейших отчетов.

Государь уехал сегодня вечером с Колпинской станции; императрица выедет дней чрез пять. С ее величеством едет и старшая моя дочь*. Свой отъезд из Петербурга полагаю отложить недели на две, чтобы привести некоторые дела к окончанию, а вместе с тем и с той целью, чтобы не ехать по следам Государя во время высочайших смотров в нескольких лежащих на пути пунктах.

19-го августа. Воскресенье. — Сегодня утром ездил в Царское Село откланяться императрице. Ее Величество выезжает завтра; любезно приглашала меня в Ливадию.

23-го августа. Четверг. — В числе бумаг, присланных от Государя из Батурина, возвращена и поданная мною 15-го числа объяснительная записка по поводу отчета государственного контролера. На записке нет никакой собственноручной пометки, а приложена только записка графа Адлерберга, в которой он сообщает, что Государь не изволит находить нужным давать этому делу дальнейший ход, потому что отчеты государственного контролера имеют именно ту цель, чтобы вызывать подобные со стороны министров объяснения⁵³.

Таким образом, Его Величество, прочитав настоящее объяснение Военного министерства, признает дело законченным... Вот и результат всей многолетней полемики! Стало быть, государственному контролеру предоставлено взводить в его всеподданнейших отчетах всякие напраслины на любое министерство, не отвечая за то, что подносит на высочайшее усмотрение; нарекания эти на министерство дают повод к обидной для него высочайшей резолюции; затем министерство это представляет объяснение — и тем дело кончается. Можно бы заключить из этого, что слишком много досуга и у государственного контролера, пишущего напраслину, и у министров, обязанных сочинять длинные возражения, и у самого императора, читающего оба сочинения!.. Какое же значение может иметь положенная первоначально на отчете государственного контролера высочайшая резолюция?..

---

* Таким образом, я снова останусь недели на две в полном одиночестве.

Пленные туркмены-иомуды

25-го августа. Суббота. — Вчера ездил я в Выборг, чтобы проститься с сестрой до отъезда моего в Крым. Возвратился оттуда сегодня утром. Погода стоит превосходная.

Сегодня прибыл из Хивы курьер с подробными донесениям о последних горячих стычках с туркменами 13-го, 15-го и 17-го июля. Воинственные эти кочевники, непривычные ни к какой над собою власти, попробовали еще раз отбиться от русских войск — и заплатили дорого за эту попытку. Странные бывают перестановки ролей в человечестве: хан хивинский прислал поздравление генералу Кауфману с новой победой и выразил свою радость тому, что он проучил этих нахалов!.. Кауфман озабочен окончанием дел с этим подвижным и коварным населением степи. Настало время выводить войска из хивинских владений. Полагаю, что в настоящее время все распоряжения к тому уже сделаны, и что войска начали обратное движение, за исключением отряда, оставляемого на реке Аму⁵⁴.

Сегодня же отправлен отсюда курьер в Ташкент; с ним послал письма к генералу Кауфману и к моему сыну⁵⁵.

28-го августа. Вторник. — Генерал Трепов уже не раз предлагал мне посмотреть устроенную им больницу для душевнобольных в строениях прежнего Земледельческого училища, за Черной речкой. Сегодня мы с ним поехали туда в 1 час пополудни и возвратились к обеду. Кроме больницы для умалишенных, там же поблизости устроены и бараки для обыкновенных больных, по недостаточности мест в городских больницах. Оба заведения нашел

Ф.Ф. Трепов

я в прекрасном виде: строения деревянные, но удобные, содержатся чисто, в порядке. Заведениями этими Трепов может похвастаться. Надобно отдать ему справедливость, что он делает много хорошего для населения петербургского, особенно для бедного люда и страждущего человечества. Деятельность этого человека изумительна.

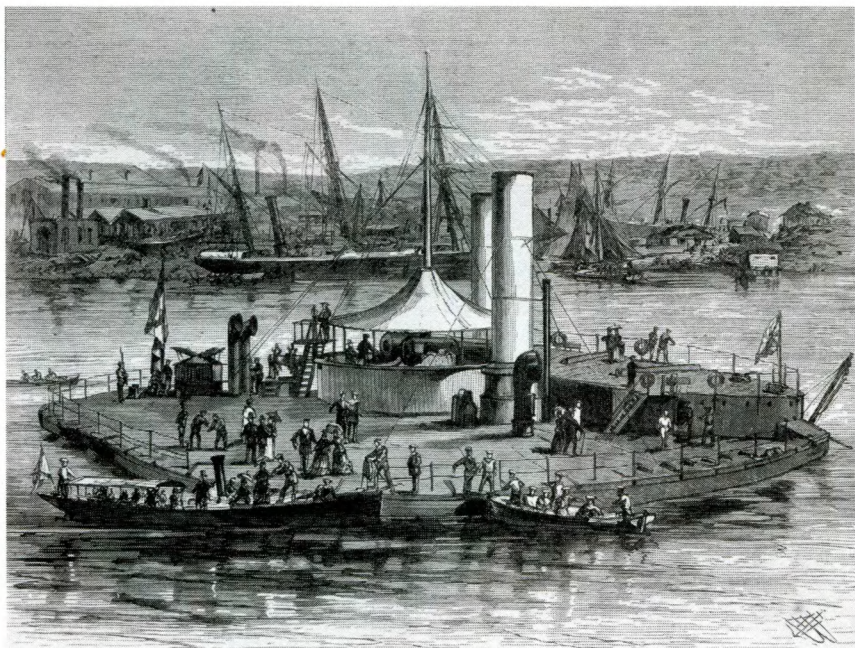
Вечером заехал я к баронессе Раден проститься по случаю отъезда. Умная и доброжелательная женщина.

30-го августа. Четверг. — Утром по случаю царского дня⁵⁶ был в Александро-Невской лавре; вечером выезжаю с курьерским поездом на Москву, Харьков, Одессу.

4-го сентября. Вторник. Мелас (на Южном берегу Крыма). — Проездом чрез Полтаву, в субботу, виделся я на железнодорожной станции с князем Кочубеем, от которого получил планы купленного у него имения в Крыму и некоторые по тому же имению документы; но переговорить с ним о деле не успел.

2-го сентября, в воскресенье вечером, приехал в Одессу, остановился в гостинице «Лондон». В тот же вечер и в течение утра следующего дня успел уладить все свои частные дела: переговорил с капитаном Мордвиновым, который вызвался собрать нужные

Поповка «Новгород»

мне сведения касательно предстоящих строительных работ в Симеисе; ездил с ним в некоторые мастерские и склады материалов; потом виделся с моим шурином, Евгением Михайловичем Понсэ, с помощью которого уладил денежные дела с Одесским коммерческим банком и купил экипаж для Крыма. Все это было кончено до отхода парохода «Коцебу», т. е. до 2 часов дня.

Переход из Одессы в Севастополь был очень приятный; море совершенно гладкое, погода чудесная*.

Сегодня, в 11-м часу утра, при входе в гостиницу Киста встречаю генерал-адъютанта Попова, который предлагает мне осмотреть его первую «поповку», названную «Новгород»⁵⁷. Странное это судно, похожее на плавающий круглый островок, с 6-ю паровыми двигателями и с 2 орудиями**. Не верится, что эта круглая машина — действительно морское судно. Работы на поповке еще не совсем окончены, пока все вчерне. После осмотра поповки, испол-

---

* В числе пассажиров нашлось несколько знакомых (полковник Спичаков, двое прусских саперных офицеров, бывших летом в Красном Селе, и другие).

** производит и впечатление страшное.

нив кое-какие свои дела, выехал из Севастополя в час пополудни на лошадях и к 5-ти часам уже спускался к Меласу — тихому приюту моей семьи. К вечеру приехала туда старшая дочь из Ливадии. Таким образом, собралась, наконец, вся семья, за исключением лишь сына, ожидаемого еще из дальних стран восточных.

5-го сентября. Среда. — Именины старшей дочери Лизы и рождение Маруси. Утро провел у нас сосед наш, Ник[олай] Яковл[евич] Данилевский, приехавший вместе с доктором Пясецким. Получили приятную телеграмму от сына, извещающего из Орска, что едет в Крым и будет 7-го числа в Саратове.

6-го сентября. Четверг. — Фельдъегерь Федоров прискакал из Ливадии с конвертом от графа Адлерберга, который по высочайшему повелению препровождает мне представленную Государю управляющим Министерством народного просвещения статс секретарем Деляновым записку о том, чтобы впредь не допускался прием в Медико-хирургическую академию молодых людей, не окончивших полного курса классической гимназии с аттестатом «зрелости»⁵⁸. Допущение в Академию гимназистов, окончивших курс только VII-го класса, было испрашиваемо мною два года сряду в виде временной меры, которую считал я необходимой для того, чтобы не остаться вовсе без врачей. Нынешние классические гимназии доведены до того, что выпускают с аттестатом «зрелости» по одному или по два ученика в год, а потому трудно надеяться, чтобы из такого малого числа выпущенных учеников могли исключительно пополняться все факультеты университетов и Медико-хирургическая академия. Однако ж я предвидел, что рано или поздно Министерство народного просвещения поднимет вопрос о прекращении временно допущенного отступления от общего положения; но я полагал, что вопрос этот все-таки будет подвергнут обсуждению или в Комитете министров или в особой комиссии, и что во всяком случае не будет решен без моего участия. Вместо того на означенной записке Делянова прямо положена карандашом высочайшая резолюция: *непрерменно* прекратить ныне же допущенную временную меру*.

---

* Препровождая ко мне для *прочтения* такую неприятную для меня резолюцию, граф Адлерберг вместе с тем извещает меня, что 11-го и 12-го сентября будут произведены Государем смотры в Севастополе и что Его Величеству угодно, чтобы я там находился вследствие того, что граф Адлерберг должен остаться в Ливадии при императрице. Возвратив ему немедленно записку Делянова, не скрыл я от графа Александра Владимировича, что высочайшая резолюция огорчила меня, и прибавил, что приеду прямо в Севастополь, а не в Ливадию, как приглашали меня. В действительности же думаю вовсе не ехать, сказавшись больным, не желая служить заместителем графа Адлерберга.

7-го сентября. Пятница. — В 8 часов утра выехал я из Меласа с женой, дочерью Надей и племянницей Аней Понсэ, чтобы осмотреть новоприобретенное поместье в Симеисе. Там назначено было свидание с поверенным князя Кочубея Ничем, заведывавшим до сих пор его имением. Вместе с ним обошли мы наше новое владение во всех направлениях, в иных местах побывали по нескольку раз, выбирая пункт для будущего нашего жилища. День был жаркий, сильно утомились, но приобретением своим остались вполне довольны. Опасаюсь только, чтобы желание хорошо здесь устроиться не повело к большим затратам нашего маленького капитала, собранного в течение многих лет самой строгой бережливости и скромного образа жизни.

В Мелас возвратились мы уже поздно вечером.

9-го сентября. Воскресенье. — Безмятежная тишина нашего уединенного Меласа была нарушена сегодня несколькими неожиданными посетителями. Утром получено приглашение на завтрашний бал в Орианде, но мы не намерены воспользоваться этой честью и не имеем даже к тому возможности по многим причинам, в числе которых главная — нездоровье жены и одной из дочерей. Затем приезжал флигель-адъютант Фан-дер-Флит, возвратившийся из Хивы; он сообщил нам некоторые сведения о моем сыне. После обеда явился подполковник Раевский, владелец Партенита и Корасана; он пробыл у нас до позднего вечера и крайне наскучил своей болтовней. Наконец, фельдъегерь из Ливадии привез несколько конвертов; в том числе от графа Адлерберга доставлен мне для прочтения присланный генералом Кауфманом подлинный трактат, заключенный им с ханом хивинским⁵⁹.

13-го сентября. Четверг. — Несмотря на страшную погоду, дождь, ветер, холод, опять колокольчик: приехал генерал-майор Кармалин, назначенный недавно начальником Кубанской области и атаманом Кубанского казачьего войска. Это давнишний мой знакомый как ученик в Военной академии и как офицер Гвардейского генерального штаба — человек умный, образованный, слышавший в свое время* «красным». Он провел у нас большую часть дня.

14-го сентября. Пятница. — Вторично ездил в Симеис на свидание с агентами строительного общества, предложившего нам свои услуги для постройки дома. Место для этой постройки выбрано окончательно**.

---

* опасным либералом.

** Ожидали приезда сына, но ошиблись в своих расчетах.

Н.Н. Кармалин

Слышал, что вчера приехал в Ялту английский принц Альфред, жених великой княжны Марии Александровны. Государь встретил его на пристани, под проливным дождем.

17-го сентября. Понедельник. — Покупка Симеиса окончательно утверждена; Нич привез мне купчую и получил условленную уплату.

Сегодня же приехал, наконец, мой сын; свидание с ним после продолжительных, дальних, трудных и небезопасных странствований его было, конечно, большой радостью для всей семьи.

Дочь Надя поехала вместе со старшей своей сестрой Лизой в Ливадию, куда мы были приглашены на вечер.

20-го сентября. Четверг. — Во вторник, 18-го числа, решил я, наконец, явиться в Ливадию. Поехал туда вместе с сыном; посидев вечером у дочери, отправились мы переночевать в Ялту, а на другой день утром представились Государю, императрице и прочим наличным членам императорской фамилии, а также принцу Альфреду Эдинбургскому; затем проехал в Мисхор к великому князю Михаилу Николаевичу.

Свидание с Государем было для меня тяжело; предстояло иметь объяснение по трем неприятным делам. Сперва сам Государь загово-

рил о своей резолюции на записке Делянова относительно приема в Медико-хирургическую академию. Его Величество сказал, что не мог принять иного решения, хотя и знал, что я был постоянно в числе противников принятой ныне Министерством народного просвещения учебной системы⁶⁰. Я высказал снова свое мнение, что безусловное применение этой системы к Медико-хирургической академии и к медицинским факультетам университетов может иметь последствием еще большее уменьшение числа врачей, в которых уже и прежде оказывался недостаток; а так как на моей обязанности лежит забота о пополнении личного состава военно-медицинского ведомства, то я и не могу не заявить моих опасений. Продолжительные мои объяснения и доводы, как и следовало ожидать, остались без последствий. Затем Государь возвратил мне представленные мною возражения на журнал бывшей Комиссии князя Барятинского, и при этом опять не удалось мне вызвать со стороны Его Величества какое-либо определенное заключение. Государь видимо желал предать забвению все это несчастное дело. Я не настаивал и перешел к пререканиям моим с государственным контролером. Но и тут никакого положительного решения. Государь повторил, что государственный контролер исполняет прямую свою обязанность, излагая без утайки в своих всеподданнейших отчетах все то, что замечено в контрольном отношении в действиях всех ведомств, и что я напрасно принимаю к сердцу указания его, касающиеся Военного министерства. «Ты сам, конечно, не станешь утверждать, что во всем военном ведомстве не бывает упущений или злоупотреблений со стороны кого-либо из служащих; случаи эти не ставятся в обвинение самому министру». На это я заметил, что вовсе и не претендую на то, что государственный контролер, по возложенной на него обязанности, указывает в своих отчетах замеченные ошибки, упущения или даже злоупотребления служащих лиц и управлений; но упрекаю его лишь в том, что замечания эти излагаются в такой неопределенной форме, в таких общих выражениях, что неизбежно подают Государю повод предполагать общий по всему военному ведомству беспорядок или злоупотребление, чему служит доказательством положенная на последнем отчете государственного контролера высочайшая резолюция, так огорчившая и меня и еще более главного интенданта. На эти слова Государь возразил, что означенная резолюция относилась отнюдь не к высшим начальникам и не к целому управлению, а к тем исполнительным лицам, за которых ни я, ни главный интендант поручиться не могут. Приходилось удовольствоваться таким разъяснением и перейти к другим, менее щекотливым, предметам: хивинским делам, завтрашнему маневру двух рот в Ливадии и подобным. Вообще Государь

желал быть любезным. Еще более была внимательна ко мне государыня императрица как утром при представлении, так и вечером за обедом. Великий князь Михаил Николаевич и великая княгиня Ольга Федоровна (занимающие дом графа Шувалова в Мисхоре) также были очень любезны и продержали меня у себя до 4-х часов, так что я не мог уже, как предполагал, заехать на возвратном пути в Орианду к великой княгине Александре Иосифовне.

Сегодня утром, покончив свои дела в Ялте (с архитектором) и заехав в Ливадию за дочерью Надей, возвратился к обеду в Мелас.

26-го сентября. Среда. — В понедельник сделали мы приятную поездку в Магарач и Никитский сад; познакомились там с главными лицами: директором Цабелем, главным садоводом Клаузенем, химиком Саломоном и главным виноделом Сербуленко. Последний предложил нам очень любезно свои услуги для совместного осмотра нового нашего имения и его виноградников. Переночевав в Ялте, во вторник заехали вместе с Сербуленко в Симеис и к вечеру возвратились в Мелас.

Сегодня вся семья моя здесь в сборе.

7-го октября. Воскресенье. — Давно не открывал своего дневника. Время текло совершенно однообразно; я наслаждался полным спокойствием*. Эта тихая, безмятежная жизнь среди семьи, в уединенной местности благотворно действует и на телесное и на душевное состояние. Более чем когда-либо мечтаю с любовью о будущем нашем приюте в Симеисе. И теперь мысли мои почти исключительно заняты устройством там нашего жилья и хозяйства. В течение последнего времени мы с женой продолжали вести переговоры с архитектором Поповым и с агентом строительного общества Поплавским о предположенной постройке, собирали данные, делали изыскания для устройства водопроводов, наняли садовника и винодела, рекомендованного главным виноделом Магарача Сербуленко, составляли финансовые расчеты и проч., и проч.

Однако ж необходимо было побывать вторично в Ливадии, во-первых, чтобы представиться приехавшему на днях наследнику цесаревичу, а во-вторых, по случаю дня рождения великой княжны Марии Александровны. Вся семья моя получила на вечер этого дня приглашение. Приехав 4-го числа под вечер в Ялту и переночевав там, я провел весь следующий день, 5-го октября, в Ливадии. Какая противоположность с нашим спокойным Меласом!.. Целый день сутолока, беготня; говорят вполголоса, ежеминутно поглядыва-

---

* Изредка приезжали гости: но такого, что заслуживало бы внесения в дневник, ничего не произошло.

вают на часы, чтобы не опоздать куда следует, чтобы в свое время и в своем месте поклониться, показаться... и т. д.

Возвратившись вчера в Мелас, еще более чувствую цену здешнего спокойствия*.

25-го октября. Четверг. — Во вторник, 23-го числа, ездил я в Ливадию, чтобы откланяться пред отъездом из Крыма. Приехав туда утром со старшей дочерью (которая гостила у нас в Меласе дня три), явился я ко всем особам царской фамилии, присутствовал на пристани ялтинской в толпе провожавших великого князя Михаила Николаевича и великую княгиню Ольгу Федоровну; потом обедал за царским столом и вечером выехал из Ливадии.

Переночевав на станции Кикинеис, вчера, 24-го числа, дождался там приезда жены и сына, чтобы вместе с ними в последний раз взглянуть на наш Симеис. Там съехались мы с Поплавским и еще раз на месте порешили некоторые вопросы по постройке дома. Возвратились в Мелас поздно вечером.

Сегодня в последний раз наслаждаюсь здешней тишиной. Погода стоит чудесная, днем жарко. Грустно покидать такой благодатный уголок. Но делать нечего: завтра еду в Севастополь, там окончательно подпишу условия с Поплавским и сяду на пароход, который, увы, унесет меня быстро к северу.

26-го октября. Пятница. Севастополь. — Рано утром выехал из Меласа в Севастополь, где подписал условие с Поплавским, агентом строительного общества, а в 3 часа отправился на пароходе «Михаил» в Одессу.

31-го октября. Среда. Москва. — После совершенно спокойного морского перехода прибыл в Одессу 27-го числа, около 10 часов утра; виделся с местными властями, посетил некоторые из военных учреждений, исполнил кое-какие поручения домашние и на другой день утром выехал по железной дороге. 30-го числа, во вторник, около 11 часов утра, остановился в Туле, чтоб осмотреть вновь переустроенный оружейный завод. Новое помещение завода не только удобно, но даже роскошно. Еще не все станки получены из Англии (от фирмы Greenwood and Bettle); но обещают, что с марта будущего года весь завод будет в полном ходу. Отобедав у начальника завода генерал-майора Нотбека, выехал из Тулы в ночь и сегодня, к 10 часам утра, прибыл в Москву.

На пути от Одессы до Москвы успел я прочесть присланные мне из Петербурга бумаги, в том числе журнал Особого присутствия Государственного совета по делу о воинской повинности⁶¹.

---

* и независимости.

С приездом моим в Петербург возобновятся заседания этого присутствия, а потом и общего собрания Государственного совета. Надобно ожидать опять горячих споров, преимущественно с графом Толстым, который, наверное, будет с прежней желчью и упрямством отстаивать свои *idées fixes**. Вообще с идеей о всеобщей воинской повинности публика уже освоилась настолько, что новая эта мера по существу своему и не возбуждает ни в ком противудействия. Только между крымскими татарами, да в некоторых колониях возникли толки и волнение о выселении из России⁶². Надеюсь, что эта местная, одиночная оппозиция не испугает нас и не подаст повода к уступкам.

Возвращаясь к своим обычным занятиям после двухмесячного отдыха, с тяжелым чувством готовлюсь к ожидающей меня в Петербурге массе дел, приостановленных за время моего отсутствия, к бесчисленным вопросам, объяснениям, приемам, заседаниям, а затем к новой борьбе, новым интригам, сплетням и проч. и проч. Постараюсь вести дело с прежней настойчивостью и энергией, перенося сколь возможно с философическим хладнокровием ежедневные неприятности и столкновения; но в какой мере окажется возможным** продолжать эту непрерывную борьбу — выяснится только с возвращением Государя.

2-го ноября. Пятница. Петербург. — Пробыв в Москве два дня и осмотрев тамошние военно-учебные заведения, приехал сегодня утром в Петербург. Совершенная зима. Какой резкий переход от прелестного южного берега Крыма! — С первого же дня завалили меня горами бумаг и служебными делами.

3-го ноября. Суббота. — Представлялся великим князьям. С Константином Николаевичем имел продолжительный разговор как по делу о воинской повинности, так и вообще о настоящем положении Военного министерства и личном моем⁶³.

5-го ноября. Понедельник. — После заседания Общего собрания Государственного совета долго продолжалось заседание Особого присутствия по делу о воинской повинности; занимались пересмотром составленного журнала прежних заседаний. Всего кончить не успели, отложено до четверга⁶⁴.

8-го ноября. Четверг. — Второе заседание Особого присутствия о воинской повинности. На сцену снова является граф Д.А. Толстой, и снова раздражительные, желчные, упорные препирательства. Однако ж сегодня он был поставлен в необходимость уступить на

---

* навязчивые идеи (*фр.*).

** выдержать.

всех пунктах спора, воспользовавшись только случаем излить свою желчь на военные гимназии, которые особенно ему не по нутру⁶⁵.

Неделя протекает обычным порядком: в определенные дни и часы заседания комитетов и советов, не представляющие ничего замечательного.

10-го ноября. Суббота. — Совещание в помещении Государственного совета по последней главе проекта положения о воинской повинности (карательные законы)⁶⁶.

12-го ноября. Понедельник. — Последнее заседание Особого присутствия по воинской повинности. Положено в будущую субботу собраться для подписания журнала⁶⁷.

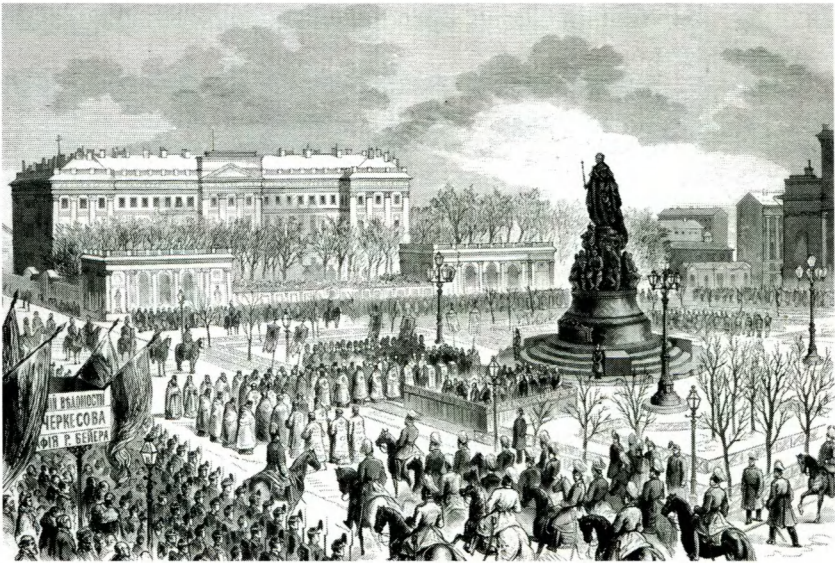
13-го ноября. Вторник. — Бурное заседание в Комитете министров по поводу внесенного Военным министерством представления о пополнении запаса селитры до определенной нормы посредством беспошлинного ввоза 400 тысяч пудов из-за границы. Я должен был войти в резкие прения с министром финансов, взявшим на себя роль покровителя петербургских химических заводов. Наговорено было много неприятного друг другу, но Комитет вынужден был, в сущности, согласиться на представление Военного министерства⁶⁸.

16-го ноября. Пятница. — Подписан журнал Особого присутствия по воинской повинности⁶⁹.

Всю эту неделю хлопотал по домашним делам: надобно приготовить помещение для семьи, которая на днях соберется в полном составе.

20-го ноября. Вторник. — Приехала из Крыма часть семьи — сын и две дочери.

В Комитете министров обсуждалось представление министра внутренних дел о выдаче одного миллиона рублей в пособие голодающим крестьянам Самарской губернии. Присутствовал и губернатор самарский Климов, против которого сильно возбуждено общественное мнение. Его обвиняют в том, что, желая выслужиться, он принимал безмилосердно крайние меры для взыскания недоимок в самое рабочее летнее время, когда уже предвиделся полный неурожай в некоторых уездах губернии. Господин этот хотел было и в Комитете министров свалить всю беду на пьянство и безнравственность крестьян. Министры внутренних дел и государственных имуществ, а с ними и шеф жандармов, видимо, рассчитывали на эффект, который произведут в Комитете рассказы очевидца-губернатора. Но вышло несколько иначе: мне удалось свести дело на вопрос о взыскании недоимок и распоряжениях самого губернатора. Тут заговорил министр финансов Рейтерн, который стал честно

Открытие памятника императрице Екатерине II в Петербурге

и прямо обвинителем Климова. После жарких прений Комитетом положено предоставить двум министрам разъяснить дело⁷⁰.

21-го ноября. Среда. — Вечером ездил я на станцию Варшавской железной дороги встречать их величества. Приехала с ними и старшая моя дочь.

22-го ноября. Четверг. — Первый доклад у Государя. Никаких не было разговоров, ни объяснений.

23-го ноября. Пятница. — Заседание соединенных департаментов Государственного совета: обсуждалось представление Военного министерства о вольной продаже пороха. Прения были продолжительные; и здесь, как всегда, партия ретроградов пытается противудействовать предположенному нововведению; однако ж проект проходит только с некоторыми редакционными изменениями⁷¹.

24-го ноября. Суббота. — После доклада своего отправился на церемонию открытия памятника Екатерины II-й. Государь обехал сначала войска, выстроенные вдоль Невского проспекта и Малой Миллионной, от Аничковского моста до Зимнего дворца, откуда начался торжественный царский поезд до памятника. Императрица подъехала к Публичной библиотеке и вошла в одну из зал, откуда смотрела на церемонию. Отслужено молебствие с коленопреклонением; затем завтрак в помещении Публичной библиотеки и,

наконец, прохождение войск пред памятником. Погода довольно благоприятная.

Обедал я у германского посла принца Рёйсс. Обед дан в честь приехавших на Георгиевский праздник прусских генералов: фельд-маршала графа Мантейфеля, генерал Кирхбах, Тресков, Штилле и Кнепп. Тут же познакомился я с бывшим саксонским военным министром генералом Фабрице⁷².

26-го ноября. Понедельник. — Георгиевский праздник справили обычным порядком, повторяющимся из года в год. Ныне он был ознаменован присутствием нескольких прусских героев.

27-го ноября. Вторник. — Горячие прения в Комитете министров по двум делам; сначала — опять по поводу пособия голодающим обывателям Самарской губернии, а потом — по докладу статс секретаря Валуева о результатах выдуманной им комиссии для исследования состояния сельского хозяйства в России⁷³. Мне пришлось быть главным оппонентом графа Шувалова; к удивлению, на этот раз большинство поддержало меня. По обоим делам главным союзником моим был — Рейтерн! — случай редкий⁷⁴.

28-го ноября. Среда. — С приездом жены из Крыма собралась, наконец, вся семья на зимние квартиры. По тесноте нашего помещения в доме графа Олсуфьева нанята для сына и старшей дочери особая квартира близ Литейного моста.

Сегодня в Государственном совете читался предварительно проект манифеста, при котором будет обнародован новый закон о воинской повинности. Государственный канцлер князь Горчаков горячился, требуя изменения нескольких выражений, которые казались ему шекотливыми для русского *дворянства*. Надобно было уступить причуде Рюрикава потомка⁷⁵.

3-го декабря. Понедельник. — Сегодня был мне назначен доклад, взамен завтрашнего дня по случаю предположенной завтра охоты. В кабинете Государя застал я великого князя Константина Николаевича, а вместе со мною вошли адмирал Краббе и государственный секретарь Сольский. Присутствовал также и наследник цесаревич. Собрали нас для прочтения проекта манифеста относительно нового закона о воинской повинности. Государь одобрил проект, но по поводу заключительной фразы, в которой сказано, что новый закон соответствует благим намерениям Его Величества и пользам государства, вырвалось у Государя восклицание: «Дай Бог, чтобы так было!». ...Такое выражение сомнения нас всех озадачило. Заметив наше недоумение, Государь прибавил: «Вот увидите сами; сегодня же вам покажется, что не все так думают, как вы...». Затем, отпустив Краббе и Соль-

Граф Д.А. Толстой

ского и удержав только великих князей и меня, Государь продолжал: «Есть сильная оппозиция новому закону; многие пугаются, видят в нем демократизацию армии». Когда мы стали выпрашивать, от кого и на каких основаниях идут такие толки, Государь сказал: «Вы сами знаете, кто ваши противники; а более всех кричат бабы...». Великий князь и я воспользовались удобным случаем, чтобы разъяснить нашу точку зрения и предостеречь Его Величество от влияния тех кривотолков, о которых сам он заявлял. Со своей стороны, я высказал прямо и откровенно, что граф Д.А. Толстой, главный наш оппонент в Государственном совете, действует под влиянием двух побуждений: с одной стороны — влияние редакции «Московских ведомостей», поддерживающей горячую агитацию в пользу классических гимназий и исключительности права одного привилегированного сословия на высшее образование⁷⁶, с другой стороны — под влиянием петербургской аристократической партии⁷⁷, мечтающей о том, чтобы офицерское звание было исключительным достоянием дворянских родов. Государь не только выслушивал внимательно наши откровенные объяснения, но даже по временам поддаки-

вал нам, так что можно было полагать, что он не поддается влиянию* аристократической партии.

После этого интересного разговора начался мой обыкновенный доклад. К концу его вошел в кабинет великий князь Николай Николаевич. Государь объявил ему о предстоящей ему поездке в Берлин по случаю кончины вдовствующей королевы прусской. Тут же было нам объявлено повеление, чтобы вся гвардия опять надела каски. Давно уже мы были готовы к этому странному возвращению к прежнему головному убору, испытанному и признанному негодным.

Заседание Государственного совета было весьма оживленное и продолжительное. Это был только приступ к прениям о воинской повинности. Как надобно было ожидать, главным оппонентом явился опять граф Толстой. За несколько дней до заседания он разослал членам Государственного совета длинную записку, в которой развивает новые свои затеи по вопросу о льготах по образованию⁷⁸. Записка эта переполнена самыми натянутыми справками, извращенными цитатами, подтасованными цифрами и невозможными предположениями. Говорят, что она составлена и привезена из Москвы Катковым. В заседании сегодня граф Толстой оказался крайне слабым; как будто с самого начала он чувствовал нетвердую под собою почву⁷⁹. Поддерживали его немногие, и, к удивлению, он заметно искал благовидного пути к отступлению⁸⁰. Великий князь Константин Николаевич хорошо повел дело; он разделил спорные вопросы так, что одна половина их (именно о льготах для поступающих по жребию) решилась без разногласия, и граф Толстой уступил безусловно. Мы же сделали ему самые неважные уступки. Казалось, что он сам был доволен, что высвободился из хаоса, в который затесался. Многие из членов громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными; военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование. Мало того: шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии**, клонил к тому, чтобы вся высшая и образованная молодежь поголовно была привлечена к военной службе и чтобы в случае войны легла целиком на поле битвы; представитель же военного ведомст-

---

* интриги и тупоумия домогательств нашей.

** горячился о том.

ва защищал эту бедную молодежь и желал сохранить ее для разных поприщ гражданской деятельности. Такая перестановка ролей могла бы показаться непостижимой загадкой для всякого, не посвященного в закулисную игру и замаскированные замыслы наших ториев⁸¹.

6-го декабря. Четверг. — При докладе моем Государю Его Величество опять заговорил о последнем заседании Государственного совета по делу воинской повинности. Видно, кто-то возбуждает Государя против этой новой реформы. Также зашел разговор по поводу поступившего от великого князя Михаила Николаевича представления об определении снова в военную службу бывшего полковника Генерального штаба Комарова, того самого, который в качестве редактора газеты «Русский мир» вел такую дерзкую и неприличную полемику против Военного министерства⁸². Государь отказал, сказав, что, вероятно, великий князь не знал, что это за Комаров. Но в действительности не мог он не знать, кто был редактором «Русского мира» в то злополучное время, когда великий князь Михаил Николаевич принимал такое деятельное участие в происходившей интриге⁸³ против Военного министерства*.

8-го декабря. Суббота. — Сегодня по поводу представленной мною Государю записки о приеме в Медико-хирургическую академию в нынешнем году⁸⁴ опять шла речь вообще о той системе, которую проводит с такой настойчивостью граф Д.А. Толстой. Государь выразил требование, чтобы все ведомства в своих распоряжениях по учебной части сообразовались с общей установленной учебной системой; но я позволил себе возразить, что специальные заведения невозможно подводить под одни правила с университетами и гимназиями. Государь, согласившись, что вопрос этот подлежит еще внимательному обсуждению, заявил намерение собрать особое совещание из тех министров, в ведении которых состоят учебные заведения, прибавив притом, что отлагает это до более удобного времени, когда будет менее озабочен.

В чем же именно заключаются эти заботы? — семейные ли, или государственные?.. Ужели могут озабочивать Государя вздорные затеи нескольких безбородых революционеров-пропагандистов, схваченных мужиками где-то под Москвой с глупыми прокламациями и бессмысленными книжками? Конечно, III Отделение, как всегда, раздувает эти пустые истории; но еще более производят тяжелое впечатление на Государя доходящие до него выписки из частных писем. Систематически подносимый еже-

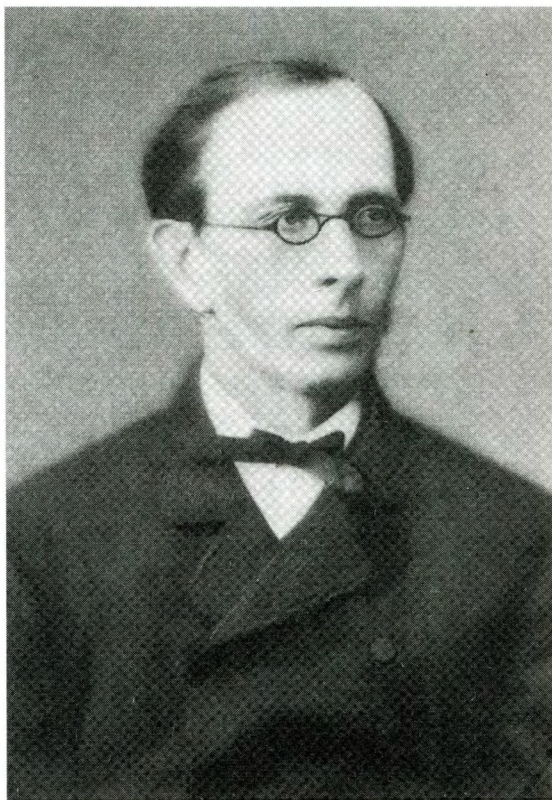
---

* После доклада выстоял я обедню в Аничковском дворце.

дневно на прочтение Государю подбор всяких клевет и хулы на все и вся, конечно, не может не влиять на его настроение. Он смотрит на всех с подозрительностью и недоверием; везде видит злоумышление, обман, подлог. «Всего же более огорчает меня, — говорит он, — видеть в числе арестованных — военных офицеров...». Все эти офицеры исключительно отставные; но, к сожалению, многие из них выпущены из военно-учебных заведений только в недавнее время. Жаль эту молодежь, одушевленную добрыми побуждениями, но легкомысленно увлекаемую несбыточными фантазиями. Сегодня должен я был представить Государю справку о нескольких таких молодых людях, выпущенных из Артиллерийского училища не более двух-трех лет назад и уже бросивших службу, чтобы свободно производить пропаганду между крестьянами и фабричными⁸⁵.

11-го декабря. Вторник. — Еще горячее заседание в Государственном совете по делу о воинской повинности. Большая часть заседания была посвящена вопросу о вольноопределяющихся. Вопрос этот более всех других взволновал страсти в так называемой аристократической клике. Мне говорили, что за несколько дней пред сим собирались у графа Шувалова некоторые из принадлежащих к этой партии министров и членов Государственного совета (граф Пален, Валуев, Тимашев и др.). В совещание это был также приглашен — и Катков! ...Был также и Победоносцев. Что за странное соединение! и почему Катков является каким-то авторитетом в подобном деле? Вчера в Комитете министров слышал я кое-что об этом совещании⁸⁶. Сегодня Валуев принял на себя роль посредника и примирителя. Благодаря ему удалось мне войти в некоторый компромисс с противниками проекта: они охотно поддались на уступки, и я, со своей стороны, не видел никакой важности в их условиях. Вообще нахожу, что они поднимают бурю в стакане воды. Заручившись заранее соглашением с Валуевым и графом Шуваловым, я шел спокойно в заседание и не ожидал больших прений. И, действительно, главные матадоры граф Толстой и граф Шувалов открыли заседание явно в примирительном настроении. Мы сошлись на первых же словах относительно допущения в число вольноопределяющихся и таких молодых людей, которые не дошли до 6-го класса гимназии (с отнесением их к 3-му разряду). Граф Толстой удовольствовался сделанной с нашей стороны уступкой в том, что из этой категории молодых людей будут допускаемы в вольноопределяющиеся не все, а только выдержавшие некоторый экзамен, уровень которого будет постепенно повышаться, смотря по общему уровню образования в массе нашего юношества. Казалось, чего бы лучше? Но вот высту-

К.П. Победоносцев

пает граф С. Гр. Строганов с обычной своей угловатой логикой; он безусловно не допускает в число вольноопределяющихся никого, не подходящего к 1-му и 2-му разрядам. Тут начинается баталия; выходит наш ученый оратор — Победоносцев и произносит длиннейшую речь, в которой, к общему удивлению, возбуждает щекогливый вопрос о правах сословных⁸⁷. Можно ли было ожидать, что наша аристократия выставит такого адвоката? — Победоносцев поднимает знамя дворянских привилегий! К какому же приходит он заключению? — что из молодых людей, отнесенных к вольноопределяющимся 3-го разряда, допускать в офицеры одних только дворян!.. Итак, вопрос решает уже не уровень образования, а дворянская порода... К счастью, такое чудовищное предложение никем не было поддержано. Многие, без сомнения, тайно сочувствовали принципам, развитым в риторической речи Победоносцева; но все деятельные члены этой партии с большим тактом, чем ее адвокат, поняли, что он зашел слишком далеко и что на избранной им почве трудно

вести борьбу. Председатель наш вел прения так же искусно, как и в предыдущее заседание; он ловко возразил на общий тезис Победоносцева. Мне пришлось говорить много. Результат получился вполне для нас успешный. Сам Победоносцев не настаивал на своем предложении; поднятый вопрос о сословных правах устранен единогласно⁸⁸. Граф Шувалов выговорил еще одну уступку, совершенно незначительную, на которую он уже имел заблаговременно мое согласие: что вольноопределяющийся 3-го разряда, в случае производства в офицеры, может воспользоваться в отставке сопряженными с этим званием правами личного дворянства не иначе, как только в случае выслуги в офицерском чине не менее трех лет. Условие это, не бесполезное и для военных интересов, устранило опасение слишком легкого перехода простолюдинов в привилегированные сословия; а в этом, собственно, и заключался, как видно, повод ко всей поднявшейся буре⁸⁹.

Заседание закончилось довольно упорным прением еще по одному странному вопросу: может ли военное ведомство для производства вольноопределяющихся в офицеры подвергать их испытанию в тех общих предметах образования, в которых они уже были прежде аттестованы учебным заведением? Казалось, что вопрос этот имел значение совершенно второстепенное и даже выходил из рамки такого важного дела, каково новое положение о воинской повинности. Однако ж и этот маловажный вопрос подал повод к горячим спорам. Более всех горячился уже не министр народного просвещения, а — граф Пален! — Почему именно он принимает так к сердцу вопрос об экзаменах — для меня непонятно. Уж нет ли у него сына, который боится переэкзаменовки?

Сегодня, к общему удивлению, мы с графом Толстым не только не перебранивались в заседании, но даже имели вне залы собрания миролюбивый *a-parte**. Мне нужно было передать ему полученное мною сегодня же приказание Государя о совещании, назначенном в пятницу у Его Величества по вопросам, касающимся учебной части. Мне поручено пригласить к этому совещанию всех министров, в ведении которых состоят какие-либо учебные заведения. Мне сдается, однако же, что в этом совещании главной темой будет Медико-хирургическая академия, и все будет вертеться опять на военном ведомстве.

Забыл я упомянуть о вчерашнем разговоре с Ал[ександром] Аг[геевичем] Абазой. Он сообщил мне, что в прошлую пятницу при его докладе Государь заговорил с ним о бывшем пререкании

---

* частный разговор (*фр.*).

нашем по поводу отчетов государственного контролера. По словам Абазы, Государь говорил в таком смысле, чтобы не осталось никаких неприятных впечатлений ни с той, ни с другой стороны. И овцы целы, и волки сыты.

13-го декабря. Четверг. — Заседание Государственного совета по делу о воинской повинности продолжалось до 7-го часа. Много было споров, много новых мнений и предложений, зато удалось пройти по статьям все положение до самого конца, так что на будущий понедельник остается только обсудить «приложения»⁹⁰. В целом проекте никаких важных изменений не сделано; спорили более о словах и мелочах, чем о существе дела, и все решено без разногласия. Такого успешного исхода трудно было ожидать. Нельзя не отдать справедливости искусству и уму нашего председателя⁹¹. Зато ораторы этого заседания большей частью оказались очень слабыми. Надобно, однако ж, ожидать, что в будущий понедельник не обойдется без разногласия, именно — при рассмотрении распределения учебных заведений по разрядам в отношении льгот по отбыванию воинской повинности. Граф Толстой, наверное, будет опять упорно отстаивать свою тему.

14-го декабря. Пятница. — Сегодня в 11 часов утра назначено было у Государя совещание, в котором приняли участие все министры, имеющие в своем ведении какие-либо учебные заведения (именно: народного просвещения, военный, морской, финансов, внутренних дел, государственных имуществ и путей сообщения, а также присутствовали наследник цесаревич, великий князь Константин Николаевич, принц Ольденбургский, граф Шувалов, Делянов, доктор Козлов и генерал-адъютант Исаков. Последние двое — как главные представители учебных заведений военного ведомства. В начале заседания по приказанию Государя Ник[олай] Ил[ларионович] Козлов прочел доклад, в котором выказано было цифрами, как велик недостаток врачей не только собственно в военно-медицинском ведомстве, но и вообще в России, как недостаточны средства для пополнения ежегодно открывающихся вакансий, как ограничено число врачей, выпускаемых из медицинских факультетов пяти университетов, и затем разобран состав последнего приема в Медико-хирургическую академию. Из приведенных цифр видно, что в числе 470 молодых людей, принятых в академию в нынешнем году, было всего 95 с аттестатом зрелости классических гимназий; очевидно, что одним этим контингентом не было бы возможности пополнять академические курсы. Несмотря на приведенные красноречивые цифры, дело было поведено так, что Государь, по своему обыкновению, не дав времени

вполне выяснить дело, под влиянием иезуитских инсинуаций графа Толстого, графа Шувалова и Валуева, произнес резким тоном окончательный приговор: не только подтверждено, чтобы впредь Медико-хирургическая академия в приеме руководствовалась во всей точности одинаковыми правилами с университетами, но еще принято совершенно неожиданное решение — передать Медико-хирургическую академию в Министерство народного просвещения!.. Первое из этих решений было совершенно излишнее после высочайшей резолюции, объявленной уже в августе месяце и принятой к исполнению; следовательно, какая была надобность собирать нас и совещаться. Второе же решение было принято экспромтом, без обсуждения, тогда как вопрос о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения поднимался уже и в прежнее время, обсуждался специально и подробно. Правда, что решению этому придана была мягкая форма: вменялось мне в обязанность войти по этому предмету в соглашение с министром народного просвещения. Но соглашение это может, разве, только касаться подробностей исполнения; в существе же вопрос, по-видимому, решен.

Итак, сегодняшнее совещание есть новая засада Военному министерству, напоминающая несчастное заседание Совета министров, бывшее в 1868 году и кончившееся прекращением на время издания «Русского инвалида»⁹². И сегодня, как тогда, разыграна со всей сценической обстановкой проделка графа Шувалова. Хотя после совещания он и уверял, что сам не сочувствует передаче академии в Министерство народного просвещения, однако ж во все продолжение совещания можно было явно видеть на его лице злорадство. Быть может, виною такого оборота дела был отчасти сам представитель академии доктор Козлов. Он держал себя с привычной своей самоуверенностью и наговорил много лишнего. Совершенно неуместно поднял он общий вопрос о классическом и реальном образовании и тем затронул без нужды больное место⁹³. Исакову не дано было вымолвить ни одного слова; он видел в первый раз Совет министров — и вышел из него удивленный. Великий князь Константин Николаевич и сегодня держал себя умно: он попробовал было остановить слишком поспешное решение и поставить вопрос на настоящую* логическую почву; но ему не удалось это, ловкие интриганы не замедлили сейчас же свести вопрос с прямого пути в сторону — в ту глушь, где логика становится безгласной⁹⁴.

---

* законную почву.

Вот как решаются у нас самые серьезные дела: созывается Совет министров будто бы для обсуждения вопроса, заранее уже predetermined, а решение провозглашается экспромтом под влиянием какой-нибудь предвзятой личной цели*.

15-го декабря. Суббота. — Сегодня во время моего доклада, в присутствии великого князя Владимира Александровича, Государь сам завел речь о вчерашнем совещании и видимо желал смягчить впечатление, произведенное на меня поспешным его решением относительно Медико-хирургической академии. Едва только начал я объяснять затруднения, представляемые передачей этого обширного заведения в другое ведомство, Государь поспешил высказать, что вовсе не настаивает на этой передаче, а желает только, чтобы поставленный им вопрос был обсужден в подробности; если окажется, что неудобства превышают выгоды предположенной передачи, то, конечно, должно все остаться по-прежнему. Затем Государь опять перешел к необходимости единства в направлении учебной части и совершенного подчинения Медико-хирургической академии одинаковым положениям и правилам с медицинскими факультетами университетов. Принципа этого, конечно, я не отрицал, но напомнил о том, как вчера поставлен был вопрос великим князем Константином Николаевичем. Приняв за основание, что Медико-хирургическая академия действительно должна быть поставлена в одинаковые условия с медицинскими факультетами университетов, великий князь сделал вопрос: следует ли и медицинские факультеты подчинять одинаковым условиям с другими факультетами университетов? Иначе говоря, специальное медицинское образование, где бы оно ни давалось, в университете или в академии, не есть ли одна из специальностей образования реального? — Еще раз решил я высказать Государю свое мнение об односторонности, с которой нынешний министр народного просвещения проводит свою систему, и о тех невыгодных последствиях, которые будет иметь безусловное применение такой системы.

Хотя объяснения эти не имели** никакого практического результата, однако ж, я вышел из государева кабинета с более спокойным духом, чем вошел в него. Как нарочно, сегодня же назначен был мною осмотр новых построек Медико-хирургической академии и ветеринарного ее отделения. Я рад был, что мог при встрече

---

* Чем долее вижу такой порядок дел, тем более сильнее чувствую желание сойти со сцены.

** конечно.

*Великий князь
Константин
Николаевич*

с Ник[олаем] Ил[ларионовичем] Козловым и прочим академическим персоналом сказать им несколько успокоительных слов.

После того заехал я в Артиллерийское училище. В училищном манеже показали мне проектированную для полевой артиллерии новую конскую сбрую.

16-го декабря. Воскресенье. — В честь приехавшего в Петербург генерала Кауфмана дан был сегодня большой обед по подписке. Собралось до 300 участников. Как обыкновенно, говорились речи, возглашались тосты, и выражено было, как кажется, чистосердечное сочувствие замечательному подвигу русских войск, с которым связано имя Константина Петровича Кауфмана.

17-го декабря. Понедельник. — Сегодня в Государственном совете закончено дело о воинской повинности. Возбуждено было несколько вопросов второстепенных (как то: о евреях, о меннонитах, о некоторых учебных заведениях); было несколько неуместных речей, но все окончилось благополучно и, к общему удивлению, без всякого разногласия. Председатель наш великий князь Константин Николаевич

вел мастерски все это обширное дело и умел согласовать мнения, казавшиеся первоначально непримиримыми. Генерал Веригин вздумал было произнести заключительную речь и наговорил много пустяков. Великий князь, возразив ему несколькими словами, достойным образом закончил это великое государственное дело⁹⁵.

21-го декабря. Пятница. — Сегодня в Совете министров происходило совещание об усилении надзора за народными школами. Государь открыл заседание объяснением цели его: он указал на обнаруженные в последнее время прискорбные факты, показывающие, что злонамеренные люди занимаются пропагандой среди простого народа и в народных школах самых губительных и преступных учений, подрывая все основы государственного, общественного и семейного союза. Затем граф Шувалов говорил добрый час на эту тему, читал справки и выборки из нескольких следственных и судебных дел; представил в самых мрачных красках картину растления народа злоумышленниками-пропагандистами и закончил предложением некоторых неотложных мер к установлению надзора за народными школами. Главнейшей мерой предлагалось обратиться к русскому дворянству и возложить на него, в лице его предводителей губернских и уездных, наблюдение за школами. Прочитан был уже готовый проект высокопарного рескрипта на имя министра народного просвещения... * Заявленную мысль, разумеется, поддерживали граф Толстой, граф Пален и Валуев. Очевидно, между ними и графом Шуваловым состоялось заранее соглашение. Тимашев не присутствовал по болезни. Из прочих же присутствовавших в Совете все говорили против предложенной меры. Граф С.Г. Строганов, поддерживавший прежде графа Толстого, теперь явился главным оппонентом его; он объяснил, что предложенная мера идет вразрез и с учреждением училищных советов и с положением о земских учреждениях. Даже князь Горчаков, князь Урусов, П.Н. Игнатьев высказались против предложения, каждый со своей точки зрения. Но сильнее и дельнее всех говорил великий князь Константин Николаевич: он ясно доказывал, как мало обдуманна предложенная мера, что громкие фразы рескрипта останутся без всякого практического применения; «с'est un coup d'érée dans l'eau»**, — повторил он несколько раз. В особенности странно объявлять теперь в рескрипте о том, что не облечено еще в положительную законодательную форму и не согласовано с другим, находящимся еще на рассмотрении Государственного со-

---

* Дикую эту мысль.

** Досл.: «это — удар шпаги по воде» (*фр.*), т. е. тщетное усилие.

вета, представлением министра народного просвещения о преобразовании училищных советов. Эти объяснения великого князя весьма убедительно выказывали, что новая шуваловская затея есть незрелая, необдуманная выходка дворянской партии. Но все сказанное нисколько не повлияло на решение вопроса. Государь, дав закончить великому князю, обернулся к наследнику цесаревичу и строгим тоном спросил его: «А ты — сочувствуешь ли предлагаемой мере?». Наследник вовсе не был готов к такому вопросу; никогда еще не случалось в прежних заседаниях Совета, чтобы Государь спрашивал его мнение. С некоторым смущением, но довольно решительно наследник ответил: «Нет, не сочувствую...». Тогда Государь грозно сказал ему: «А я одобряю предложенную меру и считаю ее необходимой. Я делаю это не столько для себя, сколько для тебя и для твоего сына, для будущего вашего спокойствия и безопасности...». Объявив затем свое окончательное решение, Государь встал, а мы все вышли из Совета молча, в грустном раздумье.

Если все сказанное против предложенной меры не могло повлиять на высочайшую волю, если после разумного и энергичного протеста председателя Государственного совета и заявления наследника престола все-таки взяла верх всесильная шуваловская шайка, то можно ли после того бороться с нею такому одиночному противнику, каков я теперь в среде враждебного мне состава правительственных властей!

Мысль эта, как мне казалось, выражалась на многих лицах, когда мы вышли из государева кабинета. Князь Горчаков не скрывал своего негодования; даже боязливый, осторожный князь С.Н. Урусов, надевая шубу в сенях дворца, решился произнести: «*S'est une sottise, une bêtise qu'ils font*»*. Великий князь Константин Николаевич в коридоре дворца имел горячую стычку с графом Шуваловым⁹⁶, которому он прямо сказал, что образ действий его недобросовестный...**

22-го декабря. Суббота. — После доклада в Зимнем дворце заехал я к великому князю Константину Николаевичу, чтобы переговорить с ним о предстоящих распоряжениях по обнародованию нового положения о воинской повинности. Невольно разговор перешел на вчерашнее совещание; мы передали друг другу вынесенные нами тяжелые впечатления. Великий князь вполне разделяет мой взгляд на нынешнее прискорбное положение дел и не менее меня обескуражен (не нахожу другого подходящего русского

---

* «Они совершают нелепость, глупость» (*фр.*).

** Страшно становится, когда подумаешь, в чьих руках теперь власть и сила над судьбами целой России!

выражения). Я заговорил о пользе учреждения под его председательством особого высшего комитета по делам, касающимся предстоящего введения всеобщей воинской повинности, наподобие Главного комитета по крестьянским делам⁹⁷. Со всей искренностью выразил я, что желал бы учреждения такого комитета не иначе, как под его председательством, и что, кроме других соображений, считаю это необходимым для обеспечения правильного ведения дела, и потому, что, по всем вероятностям, я недолго останусь в своей должности, и неизвестно, в какие руки придется мне передать Военное министерство. Великий князь убеждал меня не покидать места; но разговор этот был прерван входом П.Н. Игнатьева⁹⁸.

От великого князя заехал я к Ал[ександру] Ал[ексеевичу] Зеленому, чтобы в дружеской беседе облегчить сердце, переполненное досадой*.

Пред обедом я был удивлен неожиданным посещением шефа жандармов. Он приехал, чтоб объяснить мне непредвиденный исход истории с юнкером Михайловского артиллерийского училища Циммербергом, исключенным несколько недель тому назад из училища и арестованным в III Отделении по поводу найденных у него бумаг и книг преступного содержания (разные прокламации, возмутительные песни и т. п.). Его заподозрили в участии в открытой недавно шайке пропагандистов; но по расследованию оказалось, что юноша был легкомысленной жертвой злоумышленников. Сегодня, по докладе об этом графом Шуваловым, Государь приказал привезти во дворец несчастного юнкера, который со страхом и трепетом предстал пред царя. Расспросив его, Государь объявил ему полное прощение, приказал идти обратно в училище, чтобы докончить образование; даже подал руку изумленному и смущенному юноше, сказав, что уверен в том, что подает руку честному человеку и верному слуге. Тот упал к ногам царя, и можно быть уверенным, что такое движение великодушия со стороны Государя спасло молодого человека от увлечений на будущее время. Позвав к себе юнкера Циммерберга и поговорив с ним, я отправил его к генералу Баранцову при письме, в котором просил зачислить его снова в училище и забыть все прошлое⁹⁹.

24-го декабря. Понедельник. — У великого князя Константина Николаевича происходило чтение журнала Государственного совета по делу о воинской повинности. При этом находились, кроме меня, граф Толстой, адмирал Краббе, государственный секретарь Сольский и помощник его Перетц, редактировавший журнал так

---

* и желчью.

Е.А. Перетц

же, как и весь проект закона¹⁰⁰. По окончании чтения, когда граф Толстой вышел, великий князь завел снова речь о вопросе, затронутом мною в разговоре с его высочеством третьего дня, именно — об учреждении особого присутствия или комитета по делам о воинской повинности, наподобие существующего Главного комитета по делам крестьянским. Я, со своей стороны, повторил прежние свои слова, что буду очень рад учреждению подобного комитета только при условии, чтобы председательство принял сам великий князь. Мне кажется, что подобный комитет обеспечит дальнейший ход дела в том же духе и том же направлении, которые даны ему Государственным советом. Сколько ни было попопзновений к тому, чтобы пошатнуть крестьянское дело и провести тайком, под сурдинку, противоположные тенденции, Главный комитет под председательством великого князя Константина Николаевича

держался стойко на страже крестьянского положения и не допустил искажения его. То же самое желательно сделать и в отношении к новому закону о воинской повинности. Великий князь сначала отклонял от себя новую обузу, но согласился с моими доводами; а чтобы не возбудить тревоги в лагере всесильной шуваловской партии, мы пришли к тому заключению, что вместо учреждения какого-нибудь нового комитета лучше испросить высочайшее соизволение на сохранение при Государственном совете временно прежнего Особого присутствия по делу воинской повинности с некоторым лишь изменением его состава. Этим путем цель будет достигнута вполне, не возбудив никаких толков¹⁰¹.

25-го декабря. Вторник. — Несмотря на схваченную мною простуду, я все-таки поехал во дворец; необходимо было мне иметь доклад до четверга — дня, назначенного для торжественного открытия клиники Вилье. Государь был разговорчивее, чем обычно; прочел мне письмо, написанное им собственноручно к императору австрийскому по случаю 25-летнего юбилея со времени назначения его шефом гренадерского Кексгольмского полка. После доклада представился я принцу Альфреду Эдинбургскому, жене великой княжны Марии Александровны; потом поклонился императрице и прочим членам императорской фамилии. Во время же прохождения их в церковь поспешил уехать из дворца домой.

27-го декабря. Четверг¹⁰². — Вчера просидел весь день дома и сегодня чувствую себя лучше. Утром ездил во дворец с докладом, а потом был на открытии Вильевской клиники¹⁰³. Государь, наследник цесаревич, несколько других особ императорской фамилии и небольшое число приглашенных лиц после обычного молебствия осматривали строение. Все обошлось благополучно и прилично. Когда же все разъехались, я объявил о наградах, пожалованных душеприказчикам баронета Вилье и всем, участвовавшим в постройке и устройстве клиники. Как самое здание, так и внутреннее его устройство в самом деле прекрасны. Заведение это останется прочным памятником покойного лейб-медика императора Александра I.

Сегодня опубликован высочайший рескрипт на имя министра народного просвещения, читанный в прошлую пятницу в Совете министров. Хотя редакция рескрипта значительно изменена против прежней, однако ж сущность осталась та же. Это жалкая мистификация, которая, впрочем, может обольщать, разве, самых наивных приверженцев аристократизма. Уже сегодня некоторые лица, прочитав рескрипт в газетах, издевались над ребяческой затеей. В числе их был даже наш градоначальник генерал Трепов¹⁰⁴.

Граф П.А. Шувалов

31-го декабря. Понедельник. — В последний день года невольно мысли обращаются назад и быстро пробегают чрез целый ряд сохранившихся в памяти впечатлений. Для меня 1873 год прошел в виде темной полосы; от него остались только грустные впечатления. Ни в один из предшествующих годов не выносил я столько неприятностей, досад и неудач. Давно уже начатая против меня интрига созрела вполне и разразилась во всей своей гнусности. Врагам моим не удалось вполне достигнуть своей цели; они не могут считать себя победителями, но все-таки успели повредить мне в глазах Государя и сделать почти невозможным мое положение в составе правительства. Видя на каждом шагу нерасположение и недоверие со стороны того, чья воля окончательно, беспелляционно решает все дела, я парализован в своей деятельности. После печального исхода бывшего в начале года секретного совещания

по военным делам и с установлением нормального бюджета Военного министерства¹⁰⁵ мне уже невозможно вести дело военного устройства с той самостоятельностью и энергией, с которыми вел до сих пор в течение более 12 лет. Что же касается до общих дел государственных, выходящих из круга военного ведомства, то в этом отношении я совершенно устранен. Все делается под исключительным влиянием графа Шувалова, который запугал Государя ежедневными своими докладами о страшных опасностях, которым будто бы подвергаются и государство и лично сам Государь. Вся сила Шувалова опирается на это пугало. Под предлогом охранения личности Государя и монархии граф Шувалов вмешивается во все дела, и по его наущничеству решаются все вопросы. Он окружил Государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям. Таким образом, уже теперь в Комитете министров большинство членов действует всегда заодно с графом Шуваловым, как оркестр по знаку капельмейстера¹⁰⁶. Тимашев, граф Толстой, граф Пален, Валуев — послушные орудия графа Шувалова. Эта клика собирается для предварительного соглашения во всяком предпринимаемом деле. В заговорах ее участвуют Грейг и граф Бобринский. Министр финансов Рейтерн хотя и стоит более независимо, избегает, однако же, столкновений с всесильной шайкой и часто делает ей уступки, не совсем честные. Еще менее осмеливаются поперечить Набоков и князь Урусов: у этих людей нет и капли того мужества, которое называется *courage civique**. Абаза искусно лавирует, пользуясь своим нейтральным положением. Более всех мог бы держаться самостоятельно князь Горчаков по своему положению в свете, пред Государем и по значению, приобретенному его именем в Европе; но он вовсе устраняется от дел внутренней политики, а подчас его аристократические инстинкты сближают его с ратоборцами обскурантизма и помещичьего режима. Наконец, для полноты счета, надобно добавить графа Александра Влад[имировича] Адлерберга и адмирала Н.К. Краббе. Первый вполне сочувствует аристократической партии и, быть может, готов бы был пойти гораздо далее шуваловских идеалов; но он прежде всего человек придворный, притом апатичен и лично не любит Шувалова, а потому не станет в ряды его шайки, хотя часто помогает ей, пользуясь своим исключительным положением в семейном кругу царского дома. Что же касается адмирала Краббе, то его едва ли можно и считать в числе министров: принятая им на себя

---

* гражданское мужество (*фр.*).

шутовская роль и эротические его разговоры ставят его вне всякого участия в серьезных делах государственных.

Вот та среда, в которой обречен я действовать. Есть ли возможность одному бороться против целой могущественной шайки? Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет тому назад! Тогда все стремилось вперед; теперь все тянет назад. Тогда Государь сочувствовал прогрессу*, сам двигал вперед; теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему, окружающему его, даже к себе самому. При таком положении дел возможно ли мне одному устоять на обломках кораблекрушения и не будет ли извинительно, если я решусь сложить с себя оружие?.. Один в поле не воин.

Под влиянием этих грустных размышлений заканчиваю год с тоской в сердце. Невесело встречаю и наступающий 1874-й год.

---

* желал.

1874-й год

1-го января. Вторник. — По заведенному порядку, отправляясь в 10 часов утра к докладу в Зимний дворец, я взял с собою целый чемодан с подробным отчетом по Военному министерству за 1872 год¹⁰⁷ и с планами крепостей. Краткого же отчета или обзора деятельности министерства за истекший год, обыкновенно представляемого мною в первый же день каждого года, не было на этот раз. Хотя Государь и заметил это, однако же не спросил, почему нет означенного отчета, который двенадцать лет сряду представляем был мною аккуратно и на который всегда обращалось особенное внимание Его Величества*. Признаться, я доволен, что Государь не вызвал меня на объяснения по этому предмету. При настоящем моем настроении я мог бы высказать много лишнего, неуместного. Пришлось бы объяснять, что до сих пор представляемые мною ежегодно «всеподданнейшие доклады» о ходе дел вверенного мне министерства имели значение не столько отчетов за прошлое время, сколько программ дальнейшей деятельности министерства; что в этом ряде программ, устаиваемых каждый год высочайшего одобрения, и заключался общий план произведенных в течение последних двенадцати лет обширных преобразований и улучшений по военной части; что постепенный, правильно соображенный ход этих преобразований разом обрывается с 1873-м годом: военный министр лишается собственной инициативы, ему навязывают чужую программу, ему связывают руки нормальной сметой и, что всего важнее, он лишается мощной поддержки свыше. Какую же программу может он представить на наступивший 1874 год? ... Вот в каком смысле могли быть мои объяснения. Хорошо, что я воздержался от них. Государь сегодня еще более, чем во все последнее время, озабочен и невесел: его встревожило нездоровье императрицы, которая со вчерашнего ве-

---

* В первоначальной редакции: «Хотя Государь и заметил, что недостает этого доклада, однако не спросил почему и удовольствовался лаконическим ответом моим, что в истекшем году доклад не составлен».

А.А. Абаза

через слезы в постель. Его Величество поздоровался со мною так же, как обыкновенно в новый год: обнял меня, пожелал счастливого года, но* сейчас же заговорил о болезни императрицы; а затем объявил, что подписал и пометил нынешним числом манифест о новом законе воинской повинности и рескрипт на имя его высочества председателя Государственного совета¹⁰⁸. Мне же — ни одного даже доброго слова! При всей моей философии, есть ли возможность оставаться равнодушным к такой явной несправедливости**. Новый закон о воинской повинности*** — дело великое, мало уступающее другим главнейшим реформам**** настоящего царствования¹⁰⁹. Оно велось три года под непосредственным моим руководством; продолжительные прения, происходившие в Особом присутствии Государственного совета и в Общем собра-

---

* приветствие его было особенно холодно и натянуто.

** и неблагодарности.

*** есть новая замечательная страница в истории настоящего царствования: это.

**** прославившим Александра II.

нии, положительно вынесены на моих плечах. И что же? — Все члены бывшей Комиссии¹¹⁰ получили щедрые награды, председателю Комиссии дан великолепный рескрипт (правда, по моему же* настоянию), теперь дается рескрипт председателю Государственного совета, объявляется высочайшая благодарность некоторым лицам, которые приглашались в заседания только в качестве экспертов... Один я позабыл, как будто дело вовсе до меня и не касается! Даже не сказано короткого «спасибо»¹¹¹.

Со стесненным сердцем вышел я из кабинета императора и в приемной комнате нашел целую толпу раззолоченных сановников, приехавших благодарить за разные милости: кто по случаю назначения, кто — за полученные награды. В числе первых был Александр Аггеевич Абаза, назначенный председателем Департамента экономики и произведенный в действительные тайные советники. Александр Аггеевич** умный, даровитый человек и умеет жить в свете***. С небольшим год тому назад он был частным лицом и, кажется, не имел даже генеральского чина (действительного статского советника), который получил только по званию гофмаршала при дворе великой княгини Елены Павловны. И вот уже занимает он такой пост, на котором привыкли видеть старых, заслуженных сановников. Таким чрезвычайно быстрым повышением он обязан великому князю Константину Николаевичу и поддержке Рейтерна. Впрочем, он такой человек, какой приятен для всех партий, не исключая и шуваловской: он умеет говорить спокойно, всегда в примирительном смысле; никогда ничего резкого; «с'est un homme comme il faut»**** — говорят наши салонные государственные мужи.

Кроме Абазы, сиял радостью юродивый Делянов, назначенный членом Государственного совета. На место его товарищем министра народного просвещения назначен князь Ширинский-Шихматов.

Сходя с лестницы дворца, встретил я великого князя Константина Николаевича. Он был очень доволен рескриптом, которым обязан Сольскому¹¹². Без инициативы последнего, может быть, не было бы сказано спасибо и нашему председателю, который поистине заслужил его вполне. Он председательствовал отлично во всех отношениях; благодаря его умению вести дела коллегиально, закон о воинской повинности прошел необыкновенно удачно.

---

* только.

** хороший человек.

*** вот единственные его достоинства, конечно, недостаточные для того, чтобы оправдать такое быстрое повышение.

**** «это светский человек» (*фр.*).

Сколько ни было попыток испортить дело — проект Комиссии сохранил вполне свои существенные черты.

После обычных в новый год поздравлений я провел остальной день* спокойно дома.

3-го января. Четверг. — Сегодня в заключение обычного моего доклада Государю я прочел целиком записку о финансовом положении Военного министерства на 1874-й год¹¹³. Сущность записки заключается в том, что при установленном с нынешнего года нормальном бюджете и при тех цифрах расходов, которые доселе уже выяснились, нет никакой возможности приступить в этом году к** исполнению каких-либо новых предположений об усилении наших вооруженных сил и обороны государства; что единственная мера, которую необходимо во всяком случае принять неотлагательно, есть преобразование местного военного управления в губерниях и уездах, так как она вызывается введением нового закона о воинской повинности. Государь выслушал доклад со вниманием; не только не было заметно неудовольствия или удивления, но, напротив того, он отозвался одобрительно, подтвердив, что следует действовать осторожно и не прежде предпринимать что-либо новое, пока не выяснится в течение года действительное положение финансовых средств Военного министерства.

Опять перемена в форме обмундирования: возвращение генералам прежних неуклюжих шарфов с кистями, и аксельбанты особого вида полковым адъютантам***.

Встреча на воксале железной дороги принца и принцессы Валийских и принца Артура.

Сегодня в газетах напечатаны манифест, указ и часть положения о воинской повинности, а также рескрипт на имя великого князя Константина Николаевича.

4-го января. Пятница. — Совет министров по поводу предположенного великим князем Константином Николаевичем оставления при Государственном совете Особого присутствия по делу о воинской повинности для рассмотрения дальнейших дополнительных работ по этому предмету и для согласования действий разных министерств по введению в действие нового закона. Предположение это было уже заранее одобрено Государем и стало быть не о чем было и говорить в Совете. Тем не менее, заседание продолжалось около часа; переливали из пустого в порожнее; но, слава

---

* в семье и, сознаюсь, в самом грустном настроении духа.

** каким-либо значительным новым.

*** Какими соображениями можно оправдать подобную новую прихоть!

Граф Ф.Ф. Берг

Богу, на сей раз кончилось все благополучно, без всякой неожиданной засады¹¹⁴.

5-го января. Суббота. — По окончании доклада подал я Государю записку, в которой объяснены все неудобства передачи Медико-Хирургической академии из военного ведомства в какое-либо другое¹¹⁵. Государь оставил записку у себя, не сказав ни слова.

Обедал у Конст[антина] Карл[овича] Грота, в приятельском кружке.

6-го января. Воскресенье. — Сегодня утром скончался фельдмаршал граф Берг после кратковременной болезни, продолжавшейся всего 4 дня. Старик до нового года все еще был необыкновенно бодр, сохранял обычную свою живость и в самый день нового года был утром в церкви во дворце. Но вечером того же дня почувствовал

себя нехорошо. Я видел его 3-го числа; застал его, хотя в халате, но сидящим в кресле за чашкой чая; говорил он со мной о делах совершенно так, как обыкновенно, только заметил я в его руке несколько усиленную температуру. Он жаловался, что доктора имеют привычку преувеличивать болезнь пациентов и что без надобности послали за Боткиным. После этого я уже не видел его. Слышал, что болезнь приняла серьезный оборот, а сегодня утром он уже был в бессознательном состоянии. Государь приехал к нему (в гостиницу Демут, с Канавы) и присутствовал при его агонии.

Неожиданная эта смерть не помешала совершению обычным порядком всей церемонии крещенской. Нынешний выход, хотя без дам, получил особенный колорит ради присутствия английских принцев и свиты их. Погода была теплая, градуса 2 выше нуля. После церемонии Государь позвал меня в кабинет и заговорил о кончине фельдмаршала. «У него были свои недостатки, — сказал он, — * мы смеялись над его слабостями, но, тем не менее, мне жаль его, я огорчен его смертью». Затем Государь сказал, что желал посоветоваться со мной насчет замещения открывшегося важного поста. Такое внимание меня удивило, потому что я уже ** отвык от него. Однако же оказалось, что Государь желал не столько узнать мое мнение, сколько объявить готовое уже решение: выбор пал на генерал-адъютанта Хрушова, о котором Государь выразился с большими похвалами. Мнения этого я не оспаривал, согласился вполне, что Хрушов пользуется общим уважением в армии; но не мог не прибавить, что при всех его достоинствах он едва ли подготовлен к*** управлению Царством Польским по части гражданской и политической; притом это человек *простой*, без того образования, которое требуется на предназначенном ему poste в Варшаве, где он будет поставлен лицом к лицу пред Европой****. На это Государь сказал, что***** желает низвести пост в Варшаве до уровня обыкновенного генерал-губернатора, что полагает присвоить Хрушову просто титул генерал-губернатора Привислянского края

---

* много.

** давно.

*** к той ответственности гражданской и политической, с которою сопряжено управление Царством Польским.

**** Притом он едва ли обладает достаточными способностями для гражданской администрации. Впрочем, — прибавил я, — если Государю не угодно назначить в Варшаву кого-либо из особ императорской фамилии, то едва ли и найдется генерал, который мог бы вполне удовлетворить всем условиям как по гражданской, так и по военной части.

***** он решительно не хочет назначить кого-нибудь из великих князей, что.

и командующего войсками Варшавского округа так, чтобы самые наименования *Царства* Польского и *наместника* теперь же упразднить*. Получив от Государя еще некоторые приказания, я поспешил домой, чтобы сделать необходимые распоряжения.

Сейчас после обеда я должен был покинуть своих воскресных гостей, чтобы ехать на панихиду покойного графа Берга. К удивлению моему, служба совершалась по православному обряду, русским духовенством. Мне сказали, что так желали родственники и приближенные покойника. Незаметно, чтобы кто-нибудь печалился о смерти графа Берга. Напротив того, все говорят о покойном фельдмаршале с какой-то усмешкой и припоминают смешные стороны его. Действительно, странная была личность: нельзя отказать ему в уме, способностях, необыкновенной деятельности; но все эти хорошие качества принимали отрицательное значение при его** гибкости характера, изворотливости,*** неправдивости и необыкновенной живости в движениях. Эту живость и неутомимость сохранил он до конца жизни, хотя ему было уже 85 лет.

Возвратившись с панихиды домой, я застал у себя многочисленное общество. Много говорено было о покойном фельдмаршале, сообщались разные слухи о замещении его, толковали о новых затеях и интригах шуваловской шайки и т. д. и т. д.

7-го января. Понедельник. — Большой парадный обед во дворце для английских принцев.

8-го января. Вторник. — Утром отпевание покойного фельдмаршала графа Берга в протестантской церкви Св. Петра, откуда погребальная процессия направилась по Невскому проспекту и Большой Садовой к станции Варшавской железной дороги. Государь с наследным принцем Валийским и прочими принцами провожал процессию верхом до Пажеского корпуса.

Прямо с похорон я поехал во дворец к докладу. Представив Государю опечатанные бумаги, найденные в кабинете покойного фельдмаршала, я доложил о полученных сведениях из Царства Польского касательно беспорядков, происходивших на днях в унитарском населении Седлецкой губернии по поводу вводимых изменений в церковной службе. Для усмирения крестьян употреблены войска, были раненые с обеих сторон и один или два убитых из крестьян; тем беспорядки и прекратились¹¹⁶. Но при этом снова

---

* Всеу этому я вполне сочувствую, и потому разговор наш был непродолжителен.

** привычке ко лжи.

*** легкости в суждениях.

встретились недоразумения в применении установленных правил об употреблении войск при усмирении беспорядков и возмущений. Гражданское и военное начальства различно понимают существующие правила¹¹⁷. Случай этот подошел очень кстати — в подтверждение необходимости единства власти в том крае.

Однако ж, когда разговор обратился снова к вопросу о замещении покойного графа Берга, оказалось, что прежнее мнение Государя, так положительно высказанное в воскресенье, уже поколебалось. Я предвидел это, вследствие разговора, который имел вчера утром с графом Шуваловым в Государственном совете. Он мне доказывал выгоды отделения гражданской власти от военной и указывал на статс секретаря Набокова для занятия должности генерал-губернатора в Привислянском крае. Сегодня точно то же услышал я и от Государя¹¹⁸. Я* возражал и отстаивал прежнее предположение Его Величества. Позвали Набокова, который произнес целый спич в пользу означенной шуваловской идеи**, причем, конечно, прикинулся вовсе не подозревающим, что вопрос касается лично его самого. Государь объявил нам, что завтра будет по этому предмету совещание. Мы вышли с Набоковым в другую комнату и там еще долго спорили. Тот же разговор возобновился потом и в Комитете министров с графом Шуваловым и Тимашевым; я попробовал отклонить их от злополучной мысли разделения власти в Варшаве. Узнал я, что великие князья, присутствовавшие утром при докладе, вполне разделяют мое мнение.

По окончании доклада Государь возвратил мне мою записку о Медико-хирургической академии, сказав, что все изложенное в ней ему известно и что он все-таки желает, чтобы мы (министры внутренних дел, народного просвещения и военный) обсудили вопрос; в случае, если не придем мы к соглашению, Его Величество решит по своему усмотрению. По всему видно, что дело уже проиграно; однако ж попробую еще раз вступить в переговоры с моими противниками, хотя и знаю вперед, что все будет напрасно***. В Комитете обменялся я несколькими словами с Тимашевым, а вечером послал ему мою записку для прочтения. С ним все-таки приятнее вести дело, чем с желчным и угловатым графом Толстым.

---

* осмелился отстаивать.

** хотя и показывал вид, будто вовсе не себя имеет в виду.

*** *Первоначальный текст после слов «...решит по своему усмотрению»:* «Отзыв был не успокоителен для меня. Кажется, дело проиграно окончательно; но я ни слова тут не сказал и намерен попробовать переговоры, хотя знаю вперед всю бесплодность их».

В Комитете министров обсуждалось предположение графа Шувалова о новой амнистии полякам по случаю предстоящей свадьбы в царском семействе¹¹⁹. Странно, что при всяком подобном торжественном событии оказываются новые милости и льготы одним только преступникам и* полякам. Эту мысль заявляют многие, но, тем не менее, в Комитете почти не было возражений на шуваловский проект.

Заседание Комитета дало мне предлог, чтобы избежать дальней поездки на станцию Варшавской железной дороги для встречи германского наследного принца и принцессы. Та же причина помешала мне ехать с поздравлением к генерал-адъютанту Лукковскому, который сегодня празднует 50-летний юбилей службы. Однако же я должен был участвовать на обеде, данном ему в ресторане Бореля членами Военного совета и некоторыми другими сослуживцами. Прямо с обеда отправился я на станцию Варшавской железной дороги еще для встречи наследного принца датского, приехавшего в 8 часов вечера с принцем Кобургским. Тяжелый выдался денек. К тому же слякоть, ухабы, сверху и снизу мокро!

9-го января. Среда. — В 11 часу утра Государь собрал у себя нас троих: графа Шувалова, Набокова и меня, чтобы снова посоветоваться относительно назначения нового начальства в Варшаву. И граф Шувалов и Набоков по-прежнему настаивали на разделении властей, имея в виду назначить генерала Хрушова исключительно военным начальником, а самого Набокова — гражданским генерал-губернатором. Мне казалось, что вначале Государь был в колебании; но после моих довольно пространственных объяснений он заявил, что вполне разделяет мое мнение о невыгодах разделения власти в таком крае, какова Польша. При всем том, нельзя было не согласиться, что личность генерала Хрушова во многом не соответствует условиям предназначенного ему поста. Он не имеет ни тех способностей административных**, ни*** тех внешних качеств, какие требуются от представителя русской высшей власти в передовом пограничном крае; так, между прочим, он не знает ни одного иностранного языка. — Государь намеревался было сегодня же вытребовать сюда генерала Хрушова, чтобы лично переговорить с ним о будущем устройстве управления в Привислянском крае; но потом разговор свернулся на другую личность — на генерала Коцебу, который соединяет в себе качества, недостающие генералу Хрушову, хотя в военном отношении пользуется менее завидной репутацией. Насколько назначение Хрушова было

---

* почти исключительно.

** ни твердой воли.

*** даже внешних качеств.

Граф П.Е. Коцебу

бы приятно для армии и насколько он оказался бы слабым в гражданской администрации, настолько же Коцебу был бы более подготовлен к этой последней роли и мало симпатичен для войск. В заключение разговора Государь сказал, что пошлет за генералом Коцебу и переговорит с ним лично, причем, однако же, выразил сомнение в том, позволит ли ему здоровье принять на себя новое тяжелое бремя.

При выходе из государева кабинета нашел я в приемной всю свиту прибывших вчера иностранных принцев; мы друг другу отрекомендовались, а потом я заехал расписаться у обоих наследных принцев: германского и датского. Первый помещен в Эрмитаже, а последний — в Аничковском дворце.

Сегодня же был я на панихиде по великой княгине Елене Павловне по случаю годовщины ее кончины.

10-го января. Четверг. — Решено окончательно назначение генерала Коцебу в Варшаву со званием генерал-губернатора и командующего войсками. В Одессе остается генерал Семека в звании командующего войсками округа; генерал-губернаторство же там упраздняется. По этому предмету было совещание у Государя: после моего обыкновенного доклада позваны были в кабинет граф Шувалов, Тимашев и Набоков, а потом и граф Адлерберг как министр двора (по случаю некоторых сокращений, предположенных в Вар-

*Александр II и
великая княжна
Мария Александровна*

шаве в придворном штате тамошних дворцов). О новых назначениях приказано мне внести в завтрашний приказ.

Итак, вопрос о замещении должности, оставшейся вакантной за смертью графа Берга, разрешился проще, чем сначала предполагалось. Хотя личность генерала Коцебу и не вполне удовлетворяет желанным условиям, однако же решение это я все-таки предпочитаю всем другим обсуждавшимся предположениям. Боюсь только, что вопрос решен не надолго: поборники разделения властей не считают себя побитыми; они прямо говорят, что назначение генерала Коцебу есть только переходное положение, которое впоследствии облегчит исполнение поддерживаемой ими комбинации.

Прибывшее в Петербург бухарское посольство представлялось мне в канцелярии Военного министерства; после того оно имело аудиенцию в Зимнем дворце.

11-го января. Пятница. — День начался для меня двумя сюрпризами (впрочем, не совсем неожиданными): получил извещение, что старшая дочь моя остается фрейлиной при императрице, а, во-

вторых, рескрипт, данный на мое имя по случаю нового закона о воинской повинности¹²⁰. Назначение дочери моей можно было предвидеть, но едва ли благоразумно было бы желать его. Тяжелая жизнь при дворе расстроила ее здоровье и оторвала ее от семьи. Она долго колебалась — принять или отклонить предложенное назначение, и дала министру двора уклончивый ответ. Тем не менее назначение состоялось: надеемся, что ей дадут некоторое время для отдыха и поправления пошатнувшегося здоровья.

Что касается рескрипта, то можно к нему вполне применить поговорку: *il vaut mieux tard que jamais**. Получением рескрипта я обязан великому князю Константину Николаевичу, который напомнил Государю; еще более адмиралу Краббе, который напомнил великому князю¹²¹. Нет сомнения в том, что без этих напоминаний позабыли бы, кто был инициатором и главным работником в этом деле. Рескрипт сочинен в Государственной канцелярии несколько тяжеловатым слогом; но я мог бы вполне быть доволен им, если б редакция рескриптов имела действительно ценность царского слова. Однако ж слышал я в течение дня, что многие отзываются с негодованием о данном мне рескрипте, находят его бесцветным, риторическим и вдобавок сопоставляют с пожалованием сегодня же графу Ал[ександру] Вл[адимировичу] Адлербергу Андреевской ленты по случаю свадьбы в царской семье¹²². Такое сопоставление нахожу я совершенно неуместным. На всем своем долгом пути служебном никогда я не гонялся за наградами, никогда не придавал им значения. Скажу даже, что мне приятнее, чтобы в общественном мнении признавали мои труды недостаточно оцененными, чем считали бы меня награжденным свыше заслуг. Предпочитаю быть кредитором, чем должником**.

Почти весь день прошел в торжествах: в 12¹/₂ — съезд во дворец для брачного обряда, сперва в русской церкви, потом по англиканскому исповеданию в Александровском зале Зимнего дворца¹²³. В половине

---

* лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

** *Первоначальный текст после слов «...кто был инициатором и главным работником в этом деле»:* «Рескрипт написан в Государственной канцелярии несколько тяжеловатым слогом; но если б все, что пишется в рескриптах, <вообще всегда принималось в буквальном значении, а не за набор фраз > имело ценность царского слова, а не простого канцелярского сочинения, то я мог бы вполне быть доволен полученным рескриптом. Напротив того, я слышал в течение дня от многих выражения негодования на то, что мне дали как бы нехотя только риторический рескрипт, тогда как граф Адлерберг по случаю свадьбы в царской семье получил Андреевскую ленту. Забывают, что я вовсе не становлюсь в один ряд с фаворитами и придворными лакеями. Конечно, мне приятнее, если думают, что мои труды недостаточно оценены, чем чувствовать, что считают меня не заслужившим оказанных милостей. Лучше быть кредитором, чем должником».

*Альфред Эрнест
Альберт, герцог
Эдинбургский*

5-го часа назначено снова съезжаться к обеду; не стоило уезжать домой на короткое время; я остался во дворце. Но когда в назначенный час вошел в громадную Николаевскую залу, то нашел все места за столом уже занятыми. В таком же положении очутился и князь Суворов¹²⁴. Мы оба сочли за лучшее удалиться и отобедать дома*.

13-го января. Воскресенье. — Вчера Государь был на охоте с гостями своими, и потому не было у меня доклада. Вместо субботы доклад назначен был сегодня. Я пришел в полной форме, чтобы

---

* *Первоначальный текст после слов «...потом по англиканскому исповеданию»:* «Церемония была торжественна; но как во всех у нас церемониях — не было порядка и приличия в публике. В 4¹/₂ часа назначено было съезжаться снова к обеду; в числе многих я остался во дворце ожидать обеда и просидел сложа руки более 1¹/₂ часа; и что же — придя в залу, нашел все места уже занятыми. Таков ныне порядок при дворе! Вместе с князем Суворовым я уехал и обедал дома. Вечером я уже и не поехал на бал и от усталости и от досады. Притом съезды ко двору в подобных случаях так многочисленны, что почти и нет надобности показываться: просто потеря времени».

поблагодарить Государя за рескрипт. Несмотря на холодную и сухую мою благодарность, Государь (хотя также довольно сухо) сказал: «Я тебя благодарю как за это дело, так и за все прочее. Теперь дай Бог нам успешно привести в исполнение». Он дал мне руку и даже поцеловал, но так, что все-таки не могли мы оба и взаимно скрыть от себя, что отношения наши далеко уже не те, какие были в старые годы. После доклада я дождался прохода императрицы в церковь; она любезно подала мне руку и сказала: «J'ai dit à Lise que j'espérais qu'elle me sera tout aussi fidèle qu'elle l'a été pour ma fille»*.

На разводе сегодня было общее представление всем трем наследным принцам: германскому, английскому и датскому. Бесчисленная свита и гвардейское начальство нескончаемой вереницей проходили мимо принцев, кланялись по три раза, и Государь называл каждого.

14-го января. Понедельник. — Парад всем войскам на площади пред Зимним дворцом в присутствии всех трех наследных принцев. Погода довольно мягкая, но гололедица. Все обошлось благополучно. Иностранцы, как водится, расхваливали.

15-го января. Вторник. — Доклад у Государя; затем заседание Комитета министров с участием обоих генерал-губернаторов Западного края¹²⁵. Продолжительный спор о том, как понимать высочайшее повеление 11 мая 1873 г. о прекращении конфискации имений¹²⁶. Обед у государственного канцлера для съехавшихся в Петербург иностранцев. Вечером — раут у английского посла**.

16-го января. Среда. — Поздравление новобрачных (baisemain)***. Вечером парадный спектакль, в который я не поехал.

17-го января. Четверг. — После обычного доклада у Государя — совещание, в котором принимали участие, кроме меня, министры финансов и внутренних дел и Набоков. Шла речь о том, какое содержание должно быть назначено генерал-адъютанту Коцебу и какие суммы оставить в его распоряжении.

Затем заехал я к князю Дмитрию Александровичу Оболенскому, который желал показать мне некоторые места в годичном отчете графа Толстого по Министерству народного просвещения. Князь Оболенский назначен в комиссию, назначенную для рассмотрения этого

---

* «Я сказала Лизе: я надеюсь, что она будет мне так же верна, как была верна моей дочери» (фр.). Далее в автографе зачеркнуто:

«Во дворе встретился с Тимашевым и графом Толстым; заговорил с ними о Медико-хирургической академии, но убедился, что никакие мои доводы не подействуют на них; c'est un parti pris [это предвзятое мнение, — фр.]. Кажется, <борьбы> разрыва нельзя избежать».

** но я не был уже в силах туда собраться.

*** целование руки (фр.).

Князь Д.А. Оболенский

отчета. Председателем комиссии был назначен, по примеру прежних лет, граф Сергей Григорьевич Строганов; но * он ** отказался от председательства под предлогом расстройства здоровья и просил Государя освободить его вообще от всяких занятий, в том числе и от председательства в комитете железных дорог. Хотя граф Строганов*** отличается крайне узким, угловатым соображением, однако ж это человек характера независимого и честного, а потому жаль, что он устранился от рассмотрения отчета Министерства народного просвещения. Пре-

---

* на днях.

** вдруг.

*** не отличается обширным умом, всегда имеет понятия крайне узкие, угловатые.

жде граф Строганов поддерживал графа Толстого, но в последнее время заметно переменял свое мнение, прямо порицает излишнее увлечение классицизмом и, как человек честный, прямой, не мог бы не высказаться в таком же смысле по поводу рассматриваемого комиссией отчета. Князь Д.А. Оболенский весьма на это рассчитывал, судя по своим предварительным объяснениям с графом Строгановым; надеялся, что комиссия в своем заключении выразит чистосердечно неодобрение образа действий Министерства народного просвещения и вместе с тем не оставит без порицания неуместных выходов, которые министр позволяет себе во всеподданнейшем отчете против «других ведомств», будто бы противудействующих введению в действие предначертанной учебной реформы*. Под этими *другими* ведомствами, конечно, подразумевается Военное министерство. Князь Оболенский показал мне в отчете графа Толстого те места, в которых выражается его злоба на военно-учебные заведения. Если он решился так резко писать в официальном своем всеподданнейшем отчете, то можно представить себе, что говорится при личных докладах Государю глаз на глаз. Наговоры эти на Военное министерство, будто бы систематически подрывающее доверие публики к классической системе, освященной высочайшим утверждением, конечно, не проходят бесследно**. В подкрепление им Государю под-

---

* *Первоначальный текст после слов «...но в последнее время»:* «он заметно переменял свое мнение об его образе действий. Граф Строганов прямо высказывает, что граф Толстой пошел слишком далеко и увлекся своею системой. Очень может быть, что, просмотрев отчет графа Толстого и найдя в нем проявление крайнего увлечения, граф Строганов, как человек честный, не мог бы не высказаться против Министерства народного просвещения, но, не желая быть в противоречии с прежними своими мнениями, решился вовсе отклонить от себя неприятную обязанность высказать Государю всю правду. Кого же назначили вместо него? Принца Петра Ольденбургского — совершенного идиота. Вместе с тем посадили в комиссию Делянова, вполне причастного всем действиям министерства, подлежащим ныне разбору и обсуждению. Князь Оболенский в предварительных своих совещаниях с графом Строгановым надеялся склонить его к правдивому указанию в докладе комиссии на неуместные выходы министра народного просвещения против “других ведомств”, будто бы противудействующих ему во введении в действие той учебной реформы, в которой, по его мнению, и заключается ключ спасения России и ее юности».

** *Первоначальный текст после слов «...при личных докладах Государю глаз на глаз»:* «Не в этих ли жалобах его на Военное министерство, будто бы систематически подрывающее доверие публики к классической системе, освященной высочайшим утверждением, заключается разгадка того неудовольствия, которое давно уже замечаю я к себе со стороны Государя? Il me boude [Он на меня сердится, — *фр.*] Это очевидно. Впрочем, быть может, ему наговорили и многое другое против меня».

совывают дерзкие и нахальные статьи, печатаемые против меня в некоторых газетах, и, без сомнения, не показывают тех газет, которые опровергают клеветы и вранье каких-нибудь «Московских ведомостей», «Русского мира», «Гражданина».

У князя Оболенского были уже подготовлены некоторые заметки для включения в доклад комиссии; но с отказом графа С.Г. Строганова от председательства и назначением вместо него председателем принца Петра Георгиевича Ольденбургского, а в помощь ему Делянова, только что оставившего место товарища графа Толстого, сомнительно, чтобы князю Оболенскому удалось провести дело в предположенном им направлении. Почти наверное можно предвидеть, что комиссия расхвалит все, что делается в Министерстве народного просвещения, и даже, чего доброго, еще подчеркнет жалобы на Военное министерство^{*127}.

Вечером — большой бал в Зимнем дворце. Густая толпа, душно и скучно. Уехал я, не дождавшись ужина.

18-го января. Пятница. — Бал у наследника цесаревича.

20-го января. Воскресенье. — Большой обед при дворе, в Концертном зале. Возвратившись с обеда домой, нашел у себя многочисленное общество.

21-го января. Понедельник. — На подъезде Государственного совета посланный от принца Рёйсс вручил мне записку, которой он сообщает мне приглашение наследного принца германского быть у него в 4½ часа. Принц был очень любезен, продержал с полчаса; разговор переходил с одного предмета на другой; кажется, приглашение не имело никакой особенной цели, кроме простой любезности и желания видеть меня у себя пред отъездом. После меня также приглашен был Валуев. Принц с принцессой сегодня же в ночь, после бала у английского посла, выезжают в Москву, т. е. сутками ранее всех прочих царственных особ. Говорят, причиной тому — желание принцессы побывать у Троицы.

Вечером пробыл с полчаса на бале у английского посла Лофтуса.

22-го января. Вторник. — Доклад у Государя; в расположении духа его замечаю перемену к лучшему. Продолжительное заседание в Комитете министров: мне пришлось выдержать упорное прение по двум делам: одно — по несогласию Министерства внутренних дел на вознаграждение из земских сумм полков 1-й кавалерийской

---

* Первоначальный текст после слов «... «Русского мира», «Гражданина»»: «Князь Оболенский прочел мне свои заметки, подготовленные им как материал для доклада комиссии; но теперь, с переменной состава комиссии, он мало надеется на то, что удастся ему провести подобное правдивое разъяснение дела. Почти наверное можно предвидеть, что граф Толстой окажется правым и, пожалуй, еще поддакнут ему в жалобах на Военное министерство».

дивизии за пастбищные места (дело по существу неважное, но подавшее повод к резким выходкам со стороны Грейга); другое — о прекращении конфискации имений в Западном крае. Вторичное это прение привело к тому, что с обеих сторон сделаны уступки, и, по крайней мере, устранены практические неудобства того решения, на котором настаивала шуваловская партия¹²⁸.

Вечером — бал у великого князя Николая Николаевича. Прямо с бала Государь и его царственные гости отправились на Николаевскую железную дорогу; рано утром поезд двинется к Москве. Там празднества будут продолжаться четыре дня; возвращение назначено в будущий понедельник.

27-го января. Воскресенье. — Пятидневным отсутствием Государя из Петербурга воспользовался я, чтобы посетить некоторые из дальних военно-учебных заведений, а сегодня присутствовал на годичном акте в Медико-хирургической академии. Все обошлось чинно, обычным порядком, и я рад, что не послушался Козлова (главного военно-медицинского инспектора), полагавшего*, не знаю, по какой причине, вовсе отменить акт в нынешнем году.

Вчера, во вторую годовщину кончины брата Николая, отслужили по нем панихиду.

29-го января. Вторник. — Вчера Государь, великие князья, новобрачные и прочие гости возвратились из Москвы; все в восхищении от первопрестольной. Сегодня явился я с докладом к Государю, нашел его в хорошем расположении духа. Пред заседанием комитета министров имел разговор с графом Толстым о Медико-хирургической академии; он упорно стоит на своем.

Вечером — бал у принца Ольденбургского.

30-го января. Среда. — Смотрел на площади пред Инженерным замком привезенную из Италии любопытную лестницу, которая складывается и возится на повозке парой лошадей; а когда нужно, в несколько минут раздвигается до 17 сажень в длину и поднимается почти до вертикального направления. Лестница эта может быть весьма полезна как для пожарных команд, так и для военных действий в разных случаях. Поэтому назначена мною комиссия для испытания этого полезного изобретения и для определения условий, на которых можно было бы войти в сделку с бароном Фитингофом, заявившим права на это изобретение.

31-го января. Четверг. — Бал у графа Воронцова-Дашкова (командира лейб-гвардии гусарского полка) в честь новобрачных. В первый раз я был в его доме с двумя старшими дочерьми. Бал са-

---

* первоначально: опасавшегося.

Император Франц-Иосиф

мый фашьенабельный, присутствовала почти вся царская фамилия, за исключением самого Государя, сильно простуженного.

1-го февраля. Пятница. — Приезд императора австрийского. Государь, несмотря на свою простуду, все-таки ездил навстречу до Гатчины. Встреча была совершенно сходна со всеми другими встречами царственных особ: почетный караул, гимн, бесчисленная свита, затем толкотня и разъезд. Император Франц-Иосиф, проходя мимо меня, узнал и подал руку. Андраши также подошел и сказал любезную фразу: «Je suis très heureux de pouvoir vous serrer la main ici, sur ce terrain»*.

Большой обед у французского посла: приглашение было к 7 часам, а сели около 8 и разъехались в 9^{1/2} часа. Приехавший из Парижа князь Орлов говорил в шутку, что Ле-Фло развернулся для того, чтобы он, Орлов, рассказывал в Париже о блестящих приемах французского посла**.

* «Я очень счастлив иметь возможность пожать Вам руку в Вашей стране» (фр.).

** Несмотря на весь блеск обстановки и изысканность обеда, все-таки видно было, что и сам хозяин, и хозяйка, и дочка чувствуют себя не на месте. Это добрые и простые люди; в них нет ничего, что требуется от блестящего дипломата.

2-го февраля. Суббота. — Император австрийский рано утром поехал в крепость и в Петропавловском соборе возложил венок на гробницу императора Николая. При этом он сказал генералу Трепову, что считает Николая I своим благодетелем. Так, по крайней мере, рассказывал мне Трепов, которого я встретил во дворце, выходя после доклада из государева кабинета.

3-го февраля. Воскресенье. — На разводе представление императору австрийскому. Парадный обед в Концертном зале Зимнего дворца: император Франц-Иосиф отвечал на тост нашего Государя довольно неудачно¹²⁹, закончив свой спич словами: «Que Dieu Vous bénisse»*.

4-го февраля. Понедельник. — Утром в 10 часов император австрийский приехал в Инженерный замок; я встретил его в сенях вместе с генералом Тотлебенем и начальством училища¹³⁰; после уже приехал великий князь Николай Николаевич. Мы провели Франца-Иосифа по всему зданию; но более всего времени употреблено было на осмотр модели Севастополя, причем Тотлебен прочел целую лекцию. Император и его свита, в том числе Андраши, были очень любезны и так деликатны, что мимо моделей Бреста, Ивангорода и Киева прошли почти не останавливаясь.

Вечером — бал в Аничковском дворце.

5-го февраля. Вторник. — После доклада пробыл я только короткое время в Кавказском комитете¹³¹ и поспешил во втором часу пополудни в Кронверк, в Артиллерийский музей, куда ожидали австрийского императора. Однако же он отложил посещение музея, так же как и Главного штаба, куда предполагал приехать к 3-м часам. Таким образом, я один осмотрел и музей и Военно-топографический отдел Главного штаба. Вечером император Франц-Иосиф выехал на охоту.

Сегодня я докладывал Государю о новых основаниях разрабатываемого ныне положения о военной службе в Донском казачьем войске. Все изменения в прежних предположениях, предварительно уже высочайше утвержденных, ныне одобрены; в том числе и отмена прежнего предположения о формировании третьего гвардейского полка. Государь сам поднял вопрос о том, следует ли конную артиллерию переформировывать в 6-орудийные батареи. Я не возражал, а, напротив того, сказал, что и со своей стороны не вижу особенной пользы в этом изменении; вследствие того последовало экспромтом новое повеление: оставить конную артиллерию в прежнем составе. Таким образом, мало-помалу и само собою

---

* «Да благословит Вас Бог» (фр.).

Император Франц-Иосиф на военном смотре в Петербурге. Февраль 1874 г.

рушится все то, что в прошлогодних злополучных совещаниях было поставлено споряча, без зрелого и спокойного обсуждения.

7-го февраля. Четверг. — Докладывал Государю предположения об изменениях в основных началах нашего военно-уголовного кодекса, вызываемых новым уставом о воинской повинности. Сокращение сроков службы и всесословность обязательной службы должны неизбежно повлиять на всю нашу систему наказаний, так что предстоит переделать весь устав. Предположенные основания высочайше одобрены.

Во время моего доклада вошел в государев кабинет император Франц-Иосиф. Разговор был преимущественно о вчерашней охоте, на которой Государь не мог присутствовать, так как все еще не совсем избавился от простуды. Однако ж эта простуда не помешала ему быть сегодня верхом на общем смотре войск в честь императора австро-венгерского. Правда, что погода была очень благоприятная, почти оттепель. Смотр удался вполне; иностранцы расхваливали, искренно ли — не знаю.

Вечером — бал в Концертном зале Зимнего дворца. Пред балом австрийский военный агент Бехтольсгейм привез мне от имени императора знаки ордена Св. Стефана. Во время бала я благодарил Франца-Иосифа, который очень любезно отвечал мне похвалами

всему, что видел в Петербурге. Вообще австрийцы держат себя очень* любезно и, кажется, довольны приемом.

Во время бала приехал принц Вильгельм-Евгений Виртембергский, жених великой княжны Веры Константиновны.

8-го февраля. Пятница. — Император австрийский ездил в Кронштадт; его сопровождал генерал-адъютант Тотлебен; я же** воспользовался свободным утром, чтобы переговорить с генерал-адъютантом Игнатьевым (Павлом Николаевичем) по одному делу Кавказского комитета, а потом провел часа два у Андрея Парфеновича Заблоцкого. Много говорили о покойном графе Киселеве и об оставшихся им бумагах, которые теперь разбирает Заблоцкий, приступая к составлению биографии моего дяди¹³².

9-го февраля. Суббота. — Император австрийский осматривал Военно-топографический отдел Главного штаба; был очень любезен, интересовался всем, что ему показывали. Кстати, были тут налицо капитан Пржевальский, только что возвратившийся из смелого путешествия в Тибет, полковник барон Каульбарс, изучавший низовья Аму-Дарьи, и некоторые другие специалисты наши. Работы их имеют, действительно, значение научное. Пржевальский собрал огромную зоологическую коллекцию: целая зала была занята бесчисленными чучелами птиц и зверей. Император Франц-Иосиф, как страстный охотник, осматривал всю эту коллекцию с большим вниманием.

Слышно, что было сегодня большое катание с гор, в котором участвовали особы императорской фамилии и гости иностранные.

10-го февраля. Воскресенье. — Бал у великой княгини Марии Николаевны; дворец необыкновенно изящный. Император австрийский говорил со мною довольно долго; он сам и вся свита его (в том числе Андраши) говорят, что уезжают из Петербурга с самыми приятными впечатлениями. В час ночи они выехали по железной дороге в Москву, где пробудут всего одни сутки.

12-го февраля. Вторник. — Сегодня в числе докладов моих было предположение о переформировании гвардейских пехотных полков в 4-батальонный состав***. По представленной справке выходит, что для приведения в исполнение**** этого предположения потребуется единовременно около 450 тысяч рублей, а ежегодные расходы увеличатся на 125 тысяч рублей. Я объяснил, что не

---

* прилично.

** не счел нужным ехать и.

*** Я должен был представить Государю финансовую сторону этого предположения.

**** этой фантазии.

ручаюсь, чтобы можно было покрыть такой значительный расход сметными ассигнованиями текущего года, и напомнил Государю представленное мною в первых числах января и вполне одобренное Его Величеством соображение, чтобы отнюдь не предпринимать ничего нового, пока не разъяснятся финансовые средства Военного министерства. При этом я позволил себе коснуться вообще предположений о 4-батальонных полках и, между прочим, о невыгодах отделения стрелковых рот в состав особого, четвертого в полку батальона. Все это заметно было неприятно Государю; с видимым неудовольствием он вынужден был отказаться от намерения сформировать четвертые батальоны в гвардейских полках к лету текущего года. Того же желал и наследник цесаревич. Какие побуждения к тому — мне неизвестно. Очень может быть, что все дело сводится к тому, чтобы увеличить в гвардии штатное число офицеров и открыть больше вакансий для производства.

После доклада заезжал я к Валуеву навестить больного, а потом присутствовал на панихиде по генерал-адъютанте Назимове, скончавшемуся вчера после продолжительной болезни¹³³. Это был* человек простой, но хороший, честный и правдивый.

В Комитете министров рассматривалось представление министра путей сообщения об уставе общества для постройки Сызрано-Оренбургской железной дороги. Это первая попытка устроить** дело совершенно на новых основаниях — без предварительной выдачи концессии, с выпуском акций прямо от Министерства финансов и с абсолютной гарантией «держателям» акций. Я должен был сознаться, что подобная новая комбинация для меня совершенно непонятна; но не счел*** уместным возбуждать прения в Комитете министров, так как сущность дела уже предreshена в Главном финансовом комитете¹³⁴. Нам же предоставлялось только рассмотрение редакции самого устава****.

---

* хороший человек, хотя ограниченной интеллигенции и слабого образования, но честный и правдивый.

** компанию на основании придуманной новой системы.

*** однако же.

**** *Первоначальный текст после слов «...с абсолютной гарантией “держателям” акций»:* «Сомневаюсь в успешном результате такой системы: не знаю, кого тут морочат. Мысль эту я высказал в Комитете, но, конечно, не развивал и не настаивал на своем мнении, так как сущность дела уже предreshена в Главном финансовом комитете. Нам сегодня предстояло только рассмотреть редакционную работу». *Приводим отдельные фразы дальнейшей переработки текста автором:* «Эта новая комбинация показалась мне темной». «Какая-то новая — странная и непонятная комбинация, похожая на мистификацию».

14-го февраля. Четверг. — Похороны генерал-адъютанта Назимова.

16-го февраля. Суббота. — Перед докладом я был в малой церкви Зимнего дворца, чтобы поздравить императрицу по случаю ее причащения и чтобы откланяться принцу и принцессе Эдинбургским, которые сегодня же вечером выехали из Петербурга.

19-го февраля. Вторник. — После доклада и обедни в малой церкви Зимнего дворца просидел я в Комитете министров. В заседании этом принял участие великий князь Константин Николаевич по случаю окончательных прений о дальнейшем направлении возбужденного Валуевым дела по исследованию состояния сельского хозяйства в России. Дело это до сих пор кажется мне каким-то бесплодным толчением воды. Вот уже несколько недель, что в каждое заседание Комитета министров уделяется по целому часу и более на слушание чтения П.А. Валуева, который своим гробовым басом излагает бесконечный перечень общеизвестных истин, выведенных им из объемистых работ существовавшей под его председательством комиссии. По каждому из прочитанных Валуевым 70 или 80 пунктов завязывается более или менее продолжительная беседа, попросту говоря — переливание из пустого в порожнее. Канцелярия Комитета умудрилась, однако же, составить из этой болтовни журнал в палец толщиной, заключающий в себе разные неоспоримые истины: так, признается небесполезным и сберегать леса, и разводить новые, и осушать болота, и обводнять степи, и поощрять коннозаводство... и проч., и проч...* Да кто же сомневался когда-нибудь в том, что все это полезно и желательно. Задача — как достигнуть желанных целей? Казалось бы, почему не вести дело обычным

---

* *Первоначальный текст после слов «...просидел я в Комитете министров»:* «В заседании этом принял участие великий князь Константин Николаевич по случаю окончательных прений о дальнейшем направлении дела, возбужденного Валуевым под предлогом исследований о сельском хозяйстве и производительности России. Дело это до сих пор кажется мне какой-то загадочной мистификацией. Вот уже несколько недель каждое заседание Комитета министров заканчивается тем, что в продолжение часа или более Валуев своим гробовым басом вещает нам об “афоризмах”, выведенных им из объемистых работ существовавшей под его председательством комиссии. Казалось, что же рассуждать в комитете об “афоризмах”? Однако же по каждому из 70 или 80 заключительных пунктов доклада комиссии судили и рядили; суждения эти, конечно, имели характер переливания из пустого в порожнее, толчения воды. Тем не менее, канцелярия Комитета умудрилась составить журнал в палец толщиной, в котором очень глубокомысленно признавалось небесполезным и сберегать леса, и разводить новые, и осушать болота, и обводнять степи, и поощрять коннозаводство, и проч., и проч...».

П.А. Валуев

порядком — постепенно разрабатывать один вопрос за другим через людей, специально изучивших каждое дело. Нет, тут не было бы эффекта... и вот выступает на сцену граф Шувалов со своими подручными, раздувают дело, затевают созвать представителей от всех губерний! Тут встрепенулся председатель Комитета: ведь, пожалуй, затевается конституция! Начинается горячий спор, в котором никто не высказывает прямо своей заветной мысли. Великий князь Константин Николаевич, поверив чистосердечию шуваловских речей в предварительных домашних совещаниях, явился в заседание Комитета, чтобы поддержать идею, по-видимому, столь либеральную*. Спорим до 6-го часа,

---

* *Первоначальный текст после слов «...через людей, специально изучивших каждое дело»: «Нет, тут не было бы желаемого эффекта... и вот является на сцену граф Шувалов со своими подручными: Тимашевым, Валуевым и другими; раздувают дело, возбуждают вопрос о созыве представителей от всех губерний! Председатель Комитета встревожился: ведь, пожалуй, затевают конституцию! Начинается горячий спор, в котором никто не высказывает прямо своей заветной мысли. Великий князь Константин Николаевич, поверив чистосердечию и либеральным речам Шувалова, вдается в засаду. После нескольких домашних совещаний с ним и его партией он является в Комитет, чтобы поддержать идею, по-видимому, столь либеральную».*

и только тогда, когда все уже истомлены спором, открывается, что мы играли в жмурки. Великий князь вообразил себе, что граф Шувалов в самом деле задумал по поводу возбужденных Валуевым чисто экономических вопросов обратиться к «представителям земства»; казалось, чего же лучше; как не сочувствовать такой идее? Но вдруг оказывается, что хотят собирать в Петербург не представителей земства, а предводителей дворянства; всплывает вопрос дворянский! Вот и ключ шуваловского либерализма! *Coup de théâtre!** Заседание закрывается; окончание прений отлагается до следующего вторника¹³⁵.

Вчера я позабыл записать, что после заседания Государственного совета состоялось, наконец, совещание между мною и министрами внутренних дел и народного просвещения по вопросу о Медико-хирургической академии. Разумеется, мы остались при своих мнениях: оба противника мои по-прежнему твердили, что нет ничего проще, как передать Академию в Министерство народного просвещения, оставив Клинический госпиталь в Военном министерстве; а я сохранил свое убеждение в совершенной невозможности этой смелой хирургической операции. Мы условились составить записку, в которой изложить оба противных мнения для представления на высочайшее решение.

22-го февраля. Пятница. — Первое заседание Особого присутствия, учрежденного при Государственном совете для обсуждения вопросов, возникающих в применении нового устава о воинской повинности. Заседание происходило у великого князя Константина Николаевича, запросто, в сюртуках. В числе обсуждавшихся дел было представление мое об установлении программы экзаменов для желающих воспользоваться правами вольноопределяющихся 3-го разряда. И в этом пустом деле опять разногласие с министром народного просвещения, который выказал снова свое ослиное упрямство и фанатическое, доходящее до мономании, пристрастие к древним языкам. Из всех присутствующих один граф Шувалов попробовал поддержать своего** послушного клиента; но*** весьма неудачно. Председатель по-прежнему вел дело умно и логично; решено во всем согласно с моим личным мнением. Говорю личным, потому что в этом деле я расходился в мнении и со своими сотрудниками, т. е. с комиссией, предварительно

---

* Ловкая проделка (*фр.*).

** верного и.

*** сам, плохо понимая дело, запутался и заврался.

обсуждавшей вопрос, под председательством графа Гейдена, который со* свойственным ему благодушием поддался** назойливому представителю Министерства народного просвещения — Георгиевскому. Мне пришлось собственноручно редактировать самое представление в Особое присутствие Государственного совета. Граф Толстой мог сегодня вывести из терпения самого флегматического противника***¹³⁶.

26-го февраля. Вторник. — После доклада ездил в Аничковский дворец поздравить наследника, а затем сидел в Комитете министров, где окончательно решен вопрос по так называемому делу о сельском хозяйстве¹³⁷. Конец был миролюбивее, чем можно было ожидать; гора родила мышь: наши государственные мужи, испугавшие было председателя воображаемыми замыслами на конституцию, формулировали, наконец, письменно свое предложение, и тут только оказалось, что не стоило так горячиться и терять так много времени на бесплодные препирательства. Великий князь Константин Николаевич, по-видимому, предваренный об этом результате, вовсе и не приехал в заседание Комитета. Говорят, однако же, что дело это не кончено, и что оно будет еще обсуждаться в Совете министров¹³⁸.

4-го марта. Понедельник. — Утром, во время обычного моего приема в канцелярии Военного министерства, принимал я бухарское посольство по случаю отъезда его обратно восвосяи.

В Государственном совете было продолжительное и интересное заседание: обсуждался новый проект об узаконении браков у раскольников и признании детей их законнорожденными. Дело это весьма важно; Победоносцев**** выступил с своим***** семинарским витийством, конечно, в смысле ретроградном; напротив того, граф Шувалов проводил мысли либеральные!! — Спорили до 6-го часа и не кончили ничем; продолжение будет в следующий понедельник¹³⁹.

---

* своим непомерным благодушием.

** тупоумному представителю.

*** *Первоначальный текст после слов «...представителю Министерства народного просвещения — Георгиевскому»: «Я должен был спорить с графом Гейденом, и так как он до конца отстаивал односторонние требования упрямого классика, сам не подозревая в них скрытых тенденциозных целей, то я был даже вынужден редактировать собственноручно представление в Особое присутствие Государственного совета. Граф Толстой сегодня превзошел сам себя, он мог вывести из терпения самого флегматического человека».*

**** опять.

***** многоглагольствованием в смысле истери[ческим?].

Обедал в Зимнем дворце (Кауфман, Головачев, Троцкий, князь Эмиль Витгенштейн).

5-го марта. Вторник. — Пред началом моего доклада, в присутствии обоих великих князей, Государь решился, наконец, высказать прямо свое неудовольствие на то, что из предположенных в прошлогодних совещаниях разных мер по переформированию и усилению войск до сих пор не приводится в исполнение ничего, кроме только упразднения резервных батальонов и учреждения бригадных управлений. То же самое было высказано Его Величеством несколько дней тому назад графу Гейдену при представлении его по случаю отъезда в отпуск. Я должен был напомнить Государю прежние доклады мои, по которым последовали высочайшие одобрения и разрешения; необходимо было повторить многое, что уже высказывалось не раз: что прежде желаемого формирования новых частей войск необходимо предварительно заготовить потребные для них вещевые запасы, что Военное министерство в своих хозяйственных распоряжениях не может выходить из пределов, ограниченных установленным ныне нормальным бюджетом, и т. д., и т. д. — Убедился ли Государь моими объяснениями — осталось мне неизвестным*.

Большой и скучный обед у австрийского посла барона Лангенау.

8-го марта. Пятница. — Совещание у великого князя Константина Николаевича по вопросу о гидротехнических работах в устьях Волги¹⁴⁰.

Вечером был на публичном чтении капитана Генерального штаба Пржевальского (в Соляном городке) об его путешествии в Монголию и Тибет. В публике петербургской заметно развивается потребность в умственной пище; ежедневно на нескольких лекциях толпятся слушатели. Женщины особенно стремятся в эти собрания с истинной жадой знаний. Пржевальский более всякого другого может привлечь слушателей и еще более слуша-

---

* Первоначальный текст после слов «...что уже высказывалось не раз»: «и как бы осталось забытым. Объяснение это кончилось ничем; не знаю, убедился ли Государь в том, что было бы безрассудно приступить к желаемому им формированию новых частей войск, когда нет еще уверенности, что мы окончим год без дефицита, и в том, что следует сперва заготовить материальную часть для предположенных новых частей войск, а после уже формировать самые части. Тем не менее, я почти доволен, что Государь высказался: может быть, мне удастся по поводу этого разговора еще раз возобновить мои объяснения и довести Государя до убеждения в том, что армию нельзя переформировывать урывками, под влиянием минутных прихотей».

Н.М. Пржевальский

тельниц: во всей его фигуре, во всяком слове видна натура энергичная. После лекции я пригласил его к нам на чашку чая, чтобы познакомить его с моею семьей.

9-го марта. Суббота. — Сегодня при докладе моем не присутствовали великие князья. Не знаю, этому ли случайному обстоятельству или же другой причине можно приписать заметное изменение в тоне Государя: он говорил* с прежней своей мягкостью и добродушием, несмотря на то, что с самого начала доклада завел я речь о Медико-хирургической академии. Я воспользовался удобным случаем, чтобы высказать откровенно Государю всю суть дела, не скрывая закулисной грязи, из-за которой выходят все толки и сплетни, распространенные в последнее время в публике. Государь выслушивал со вниманием, и не замечалось, чтобы в мыслях его вопрос о передаче академии в Министерство народного просвещения был предрешен. Между прочим, он сказал, что сами профессора имеют по этому вопросу мнения различные: так, например, Красовский говорит против передачи, а Боткин — в поль-

---

* мягче и благосклоннее, чем я привык обыкновенно.

зу этой меры. Таким образом, подтверждается то, что поклонники Боткина считают выдумкой и клеветой; выходит, что он, несмотря на дружественные свои отношения ко мне и ко всей моей семье, действительно поддерживает замыслы графа Толстого и Тимашева. Как ни прискорбно было для меня убедиться в этом, однако же, чтобы не подавать повода с моей стороны к нарушению этих давнишних* отношений, я поехал к Боткину под тем предлогом, чтобы осведомиться о его болезни; но оказалось, что он уже поправился и выехал. Опять не удалось мне откровенно объясниться с ним.

10-го марта. Воскресенье. — Сегодня после развода собрал я у себя некоторых профессоров Медико-хирургической академии с тайным советником Козловым во главе для обсуждения записки графа Толстого о передаче этого учреждения в Министерство народного просвещения¹⁴¹. Все без исключения восставали против этой меры и доказывали невозможность ее исполнения**. Решено составить общими силами подробное, по пунктам, опровержение всех аргументов графа Толстого.

Большой парадный обед во дворце по случаю дня рождения императора Вильгельма.

11-го марта. Понедельник. — Большой дипломатический обед у князя Горчакова.

12-го марта. Вторник. — При докладе моем Государь заговорил об униатских делах, подавших недавно повод к волнению в некоторых местностях Седлецкой и Люблинской губерний. К крайнему прискорбию, дело не обошлось без кровопролития, благодаря мудрым распоряжениям того же графа Дм[итрия] Андр[еевича] Толстого, который и в делах церковных проявляет такую же узкость и такое же упорство, как по ведомству учебному. Дела униатские до того обострились, что признано необходимым обсудить их в особом совещании, назначенном в будущее воскресенье в квартире государственного канцлера¹⁴². Государю угодно, чтоб в этом совещании и я принял участие, вероятно, как председательствующий в настоящее время в Комитете по делам Царства Польского¹⁴³.

По тому же Комитету представлены мною сегодня Его Величеству объяснения по поводу пререканий, возникших между управляющим Собственной Его Величества канцелярией по делам Царства Польского статс-секретарем Набоковым и министром юсти-

---

* дружественных.

** Не знаю, все ли были искренни в своих заявлениях; как бы то ни было, мы постановили составить...

ции графом Паленом. С упразднением звания наместника в Царстве Польском предположено изъять из ведения нового начальника края (генерал-губернатора) судебную часть в Царстве и передать ее в ведение Собственной Его Величества канцелярии. Но против этого предположения восстал граф Пален, признавший более правильным судебную часть в Царстве подчинить министру юстиции. Поэтому надобно ожидать препирательств между ними в одном из ближайших заседаний Польского Комитета*.

У Государя опять** новые проекты по части обмундирования войск: барону Штейнгелю (генерал-лейтенанту, управляющему Интендантским музеем) указано новое распределение мундирных отличек для разных родов и частей войск. Как обыкновенно, в проектируемых нововведениях нет никакого рационального основания, а потому предвижу только новые усложнения и затруднения для интендантских складов.

13-го марта. Среда. — Присутствовал я при замечательной операции переливания крови из одного человека в другого, произведенной в больнице городской тюрьмы доктором Руселем, которого Военное министерство вызвало из Женевы для научения наших врачей***. Сегодня произведена им уже 18-я операция, и все испол-

---

* *Первоначальный текст после слов «...в некоторых местностях Седлецкой и Люблинской губерний»:* «К крайнему прискорбию, дело не обошлось без кровопролития, благодаря премудрым распоряжениям того же графа Дм[итрия] Андр[еевича] Толстого, от односторонности, узкости и желчности которого вопит вся Россия. Ему все прощается свыше, благодаря патронату графа Шувалова; однако же эти дела униатские не могут быть приятны Государю, который сегодня выразил желание, чтобы я принял участие в предстоящем новом совещании по этому предмету, назначенном в будущее воскресенье у государственного канцлера. Давно уже Государь избегает всякого разговора со мною о делах общих государственных, выходящих из специальности Военного министерства. Впрочем, и нынешнему разговору я не приписываю особенного значения. Вероятно, поводом к тому было только то, что я председательствую в Комитете по делам Царства Польского в качестве старшего из членов его. По тому же поводу я должен был сегодня представить Государю некоторые объяснения по другому делу, внесенному в Комитет статс секретарем Набоковым и возбудившему пререкания между ним и министром юстиции графом Паленом. С упразднением звания наместника предположено устранить нового начальника края (генерал-губернатора) от высшего заведывания судебной частью в Царстве Польском и передать эту часть всецело в канцелярию по делам Царства (т. е. в ведение Набокова). Со своей же стороны граф Пален желает взять дело в свои руки, и так как он имеет сильную поддержку, то надобно ожидать новой борьбы в одном из ближайших заседаний Польского Комитета».

** зародились.

*** этой операции.

нены благополучно; только один из оперированных больных не пережил, вследствие крайнего истощения жизненных сил.

14-го марта. Четверг. — Доклад мой сегодня был продолжительнее обыкновенного. Независимо от большого числа текущих дел, много времени потрачено на разговоры о задуманных самим Государем переменах в обмундировании (в цветах погон и воротников), а затем о другой давнишней мысли Его Величества: заменить наши русские штыки прусскими тесаками (sabre bayonette). Уже три раза вопрос этот обсуждался лицами компетентными; все единогласно отдавали преимущество нашему штыку и восставали против примыкания штыков к ружьям лишь в момент действия холодным оружием*. И, несмотря на все прежние доклады в таком смысле, вопрос снова поднимается в четвертый раз. С большой вероятностью можно тут предполагать настояния герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, который не может допустить, чтобы у нас что-либо было лучше, чем в прусской армии¹⁴⁴.

После доклада пробыл я некоторое время в Академии Генерального штаба¹⁴⁵ на лекции одного из офицеров дополнительного курса, а затем снова возвратился во дворец, где в час пополудни назначено было представление Государю разных предметов солдатского снаряжения, не окончательно еще утвержденных. Между прочим, показано на людях все неудобство нынешнего способа пригонки шанцевого инструмента, тесака, сухарного мешка, шинели (через плечо) и всего остального груза, обременяющего плечи и спину бедного солдата. Давно уже мы домогаемся окончательной отмены тесаков и возвращения к прежнему способу носки свернутой шинели на ранце; но Государь, несмотря на очевидные неудобства теперешнего снаряжения солдата**, оставляет все по-прежнему, не приводя другой причины, как ту, что «так носили прежде» или что «так у пруссаков...». В подобных случаях всякие логические доводы бесполезны***. Иная великая государственная рефор-

---

* *Первоначальный текст после слов «...много времени потрачено»:* «на пустые предметы: опять перемены в мундирах и опять новые комбинации цветов на погонах и воротниках, столь же нелогичных, как и прежде. Затем снова возбужден вопрос о замене штыков тесаками (sabre bayonette) по примеру пруссаков. Три раза уже был обсуждаем этот вопрос лицами компетентными; все единогласно отдавали преимущество нашим штыкам и опровергали предположение Государя, чтобы штыки примыкались к ружьям только в то время, когда представится надобность действовать холодным оружием».

** все-таки с упрямством.

*** *Первоначальный текст после слов «...В подобных случаях»:* «никакие логические доводы не могут превозмочь безотчетное упрямство или каприз».

*Георг, герцог Мекленбург-
Стрелицкий*

ма проводится легче, чем какое-нибудь изменение цвета погона или отмена тесака у барабанщика!

В одной из зал Зимнего дворца Государь занимался распределением рекрут по гвардейским полкам. Это уже четвертая или пятая смена приводимых во дворец рекрут, представляемых Его Величеству по мере прибытия их в Петербург из разных округов. Я стараюсь по возможности уклоняться от присутствия при этой операции: мне тяжело видеть самодержца* 80 миллионов подданных, занятого таким ничтожным делом. Сегодня я имел уважительный к тому предлог: совещание, назначенное у министра финансов по поводу нескольких сомнительных вопросов, возникших при определении на

---

* владыку.

нынешний год предельной цифры нормального бюджета Военного министерства*. На этот раз дело улажено совершенно любововно.

15-го марта. Пятница. — Утром смотрел в орудийной мастерской (на Литейной) изобретенное механиком Барановским скорострельное орудие 2-дюймового калибра, а также крепостные ружья полковников Гана и Снесорева; потом в манеже Артиллерийского училища показывали мне некоторые новые приспособления в полевой артиллерии: сидения для прислуги на оси, конской упряжи, четырехколесного ящика и проч. В заключение присутствовал на экзамене в Артиллерийском училище.

17-го марта. Воскресенье. — Совещание у государственного канцлера по вопросу о положении дел и дальнейших распоряжениях в униатской епархии Царства Польского. Участвовали, кроме князя Горчакова, граф Шувалов, Тимашев, граф Толстой, Набоков и барон Фредрихс (бывший начальник Варшавского жандармского округа). Из всех рассуждений и объяснений одно не подлежит сомнению, что граф Толстой плохой администратор, а граф Шувалов — легкомысленный и самонадеянный человек. Они не сумели вести такое щекотливое дело, какое задумал заведующий Холмской епархией Попель, желавший, по-видимому, разыграть роль Семашки; но роль эта оказалась не по силам ему**. Затеяли разом очистить обряды униатского богослужения от всех латинских примесей, ничего не подготовив к тому. В Седлецкой губернии дело положительно испорчено, поправить его будет не легко. Все заключения нынешнего совещания состоят из одних фраз и общих мест; серьезных мер — никаких¹⁴⁶.

21-марта. Четверг. — Сегодня, в заключение весьма продолжительного доклада, опять я должен был противуречить Государю и тем вызвать снова*** его неудовольствие. Дело шло опять о замене наших штыков тесаками (*sabre bayonette*) и о мундирах.

Осмотрев картографические работы, приготовленные в залах дворца к завтрашнему высочайшему осмотру, я потом был в Михайловском манеже, где представляли Государю разные новые образцы по артиллерийской части. Вечером присутствовал на музыкальном собрании во 2-й военной гимназии. Посещение этого заведения всегда доставляет мне истинное утешение.

---

* Мы поспорили довольно миролюбиво и разошлись, как кажется, довольные друг другом.

** *Первоначальный текст после слов «...Они не сумели вести»:* «такого щекотливого дела и были введены в заблуждение заведывающим Холмской епархией Попелем, который, по-видимому, затеял разыграть роль Семашки, но неудачно. Роль оказалась не по силам ему».

*** заметное.

А.А. Баранцов

22-го марта. Пятница. — Утром Государь осматривал картографические работы в залах Зимнего дворца. К обеду я был приглашен во дворец вместе с несколькими другими лицами, в числе которых были генерал Баранцов и Вердер. После обеда, расположившись у камина, Государь завел речь о штыках как будто для того, чтобы поставить Баранцова и меня на очную ставку с Вердером. Его Величество предложил последнему высказать мнение по спорному вопросу; Баранцов возражал смело и дельно, повторив те же доводы, которые уже не раз были мною представляемы Государю против введения у нас прусских тесаков-штыков и против примыкания штыков лишь в ту минуту, когда приходится действовать холодным оружием. Пруссаки, быть может, и могли безнаказанно держаться такого правила, воюя с датчанами, австрийцами, даже и с французами (впрочем, в франко-прусской войне генерал Вердер не участвовал), но для нас, русских, было бы стыдно брать уроки от немцев в деле употребления штыка. Разве мы сами не лучшие судьи в вопросе о том, какое оружие пригоднее для русского солдата? Достаточно было побывать хотя в нескольких экспедициях на Кавказе или даже в Средней Азии, чтобы вполне убедиться, как необходимо солдату всегда иметь в руках оружие, пригодное для рукопашной

схватки. Какое заключение окончательно вынес Государь из сегодняшнего состязания — узнаю, вероятно, при завтрашнем докладе*.

Прямо с обеда отправился я на музыкальный вечер в 1-ю военную гимназию.

23-го марта. Суббота. — *La nuit porte conseil*** — говорят французы, утро вечера мудренее — говорят русские. Сегодня, в самом начале доклада моего, Государь объявил свое решение по вопросу о штыках***: во всей армии остаются прежние наши штыки, тесаки же взамен штыков предполагается дать только гвардии, гренадерам и стрелковым батальонам. Это, конечно, полумера, ни то ни се; но, по крайней мере, мы избегаем пертурбации в заготовлении нового вооружения на целую армию и не останавливаем работ на наших оружейных заводах****. Не отменяется и сделанное уже распоряжение о вооружении ныне же 1-й *гвардейской* дивизии малокалиберными ружьями с прежним штыком. Что будет в будущем — увидим в свое время. Время — есть лучший советник.

Вообще сегодня Государь был в лучшем, чем прежде, расположении духа. Я уже и не прекословил ни в вопросе о штыках, ни в новых затеях относительно обмундирования*****.

---

* *Первоначальный текст после слов «...на очную ставку с Вердером»:* «Он прямо вызвал последнего высказать свое мнение по спорному вопросу так, как бы решение его зависело от приговора судьи. Авторитет пруссаков не остановил Баранцова, который смело высказывал те же возражения, которые и прежде мы не раз делали против намерения Государя ввести у нас прусские тесаки вместо штыков и принять за правило примыкать их к стволу только в ту минуту, когда приходится уже действовать холодным оружием. Быть может, пруссаки и могли придти к такому выводу, воюя против датчан и австрийцев, даже, быть может, и с французами могли они сражаться без штыков (хотя, впрочем, генерал Вердер не участвовал в прусско-французской войне); но для нас, русских, было бы стыдно брать уроки от немцев, когда речь идет об употреблении штыка. Разве мы сами не можем быть лучшими судьями о том, какое оружие пригоднее для нашего русского солдата. Достаточно было сделать хоть несколько экспедиций на Кавказе, или даже в Средней Азии, чтобы получить полное убеждение в том, как необходимо, чтобы в руках солдата было всегда оружие и огнестрельное и вместе холодное. Мне было как-то неловко, стыдно выходить на арену с Вердером в деле, касающемся вооружения русского войска; поэтому во время всего разговора я не разинул рта».

** ночь дает совет (*фр.*).

*** он сделал важную уступку.

**** пока будем вести переговоры со Златоустовским заводом и соотносить меры к устройству новой фабрики тесаков-штыков.

***** *Первоначальный текст после слов «...в лучшем, чем прежде, расположении духа»:* «Я уже и не прекословил ему не только в вопросе о штыках, но и в фантазиях его о новых формах обмундирования».

Сегодня еще раз (в третий) был я на практических занятиях офицеров дополнительного курса Академии Генерального штаба. Присутствовал также и великий князь Николай Николаевич старший.

2-го апреля. Вторник. — Давно не раскрывал своего дневника: вся страстная неделя прошла в полном спокойствии, исполнение религиозных обрядов не мешало обычному течению дел, теперь же наступило суетливое время Пасхи*.

На прошлой неделе было у меня совещание по поводу возникшего предположения о международной конвенции касательно прав и обязанностей воюющих сторон. Не помню, упоминал ли я прежде, что первая мысль об этом новом предположении дана была еще в прошлом году нашим молодым ученым Ф.Ф. Мартенсом, который в поданной мне записке изложил свои соображения по этому предмету; тогда мне было не до того, теперь же в этом вопросе принял участие барон Жомини, с которым и вошел я в соглашение. Ф.Ф. Мартенс взялся проектировать первоначальную канву предполагаемой международной конвенции. По докладу барона Жомини и князь Горчаков принял сочувственно наше предположение, доложил о нем Государю, — и мы принялись общими силами за разработку проекта. Но совсем неожиданно на днях получаем из Парижа предложение от общества, которого мы не подозревали и существования, оно называет себя «*Société pour l'amélioration du sort des prisonniers de guerre*»** и приглашает все правительства прислать делегатов в Париж к 4-му мая нового стиля для обсуждения составленного уже проекта. Таким образом, нам перебили дорогу и не дали сделать первый шаг в этом человеколюбивом предприятии. Но присланный из Парижа проект менее обширен, чем наш; мы задумали более широкую задачу. Сегодня при докладе моем, а потом и князя Горчакова, Государь изъявил согласие на наше предположение не только принять предложение парижского общества, но даже взять это дело в наши руки. Государственный канцлер обратится циркулярно ко всем кабинетам с предложением собрать конференцию в Брюсселе для совместного обсуждения как составленного парижским обществом проекта, так и *наших* дополнительных к нему статей. После доклада Государю я имел совещание с бароном Жомини; мы сговорились насчет редакции циркулярного нашего предложения и вообще всего направления дела¹⁴⁷.

---

* Не было ничего, заслуживающего внесения в дневник. Разве об одном можно упомянуть на случай справки в будущем.

** «Общество улучшения участи военнопленных» (*фр.*).

17-го апреля. Среда. — Опять большой промежуток в моем дневнике, в протекшие две недели я был завален работой. Ввиду скорого отъезда Государя за границу, надобно было торопиться докладом множества скопившихся дел. В числе их были довольно серьезные: проект новой нормальной дислокации армии, переформирование кавказских войск, предположение об особом порядке отбывания воинской повинности башкирами и крымскими татарами, о вольноопределяющихся и много других. Кроме того, пришлось мне приложить не мало личного труда по двум делам: по проекту международной конвенции о правилах и законах войны и по вопросу о Медико-хирургической академии (возражения на записку министров народного просвещения и внутренних дел*). Проект конвенции окончательно выработан соединенными силами нескольких собиравшихся у меня лиц; завтра я представлю эту работу на высочайшее одобрение¹⁴⁸. Что же касается Медико-хирургической академии, то вопрос этот принимает новое направление**: в последнее время сам Государь уже не вспоминал об этом деле, но когда противники мои подали свою записку, на которую и я со своей стороны представил возражения, то Его Величество решил, чтобы спорный вопрос был обсужден в Комитете министров¹⁴⁹. Таким образом, решение отсрочивается, вероятно, на продолжительное время. В Комитете министров едва ли найду я союзников, хотя председатель его генерал-адъютант Игнатьев (который сам был некогда попечителем академии по званию дежурного генерала) обещает подать голос за Военное министерство.

В одном из последних заседаний Комитета министров председатель объявил нам высочайшее повеление, чтобы впредь все министры соблюдали в точности статью Свода законов, вменяющую им в обязанность представлять ежегодно, кроме отчета о действиях министерства за прошлое время, и план дальнейшей деятельности его. При этом поставлено было в пример Военное министерство, которое одно исполняло эту обязанность в точности, начиная с 1862-го и до 1873-го года. Объявление председателя*** озадачило

---

* по вопросу о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения.

** *После этих слов в первоначальной редакции:* «Государь сам не вспоминал о нем, как будто ему хотелось бы совсем закрыть его, но когда противники мои подали ему свою записку, а я, со своей стороны, возражения, то Государь решил, чтобы дело это было обсуждено в Комитете министров. С одной стороны, мне досадно, что развитие этого непростого для меня вопроса отсрочивается на продолжительное время, притом в Комитете я не ожидаю союзников, хотя сам председатель уверяет меня, что все будут стоять за Военное министерство».

*** подняло в Комитете министров чуть не бурю.

*Великий князь
Николай
Константинович*

Комитет; некоторые из министров прямо доказывали бесполезность и даже невозможность исполнения объявленного повеления. Шеф жандармов молчал и саркастически улыбался. Впоследствии я слышал, что Государь был весьма недоволен, узнав, как высочайшее повеление было встречено в Комитете министров*.

Еще пред заседанием Комитета, при докладе моем, Государь сам объявил мне о данном им генералу Игнатьеву приказании, и при этом, улыбнувшись, заметил: «Один ты исполнял это до сих пор, кроме только нынешнего года». Я не нашелся и ничего не ответил, впрочем, и неловко было бы** затронуть щекотливые вопросы в присутствии ве-

---

* Первоначальный текст после слов «...саркастически улыбался»: «Очевидно было, что повеление было вызвано председателем, генералом Игнатьевым, который ищет предлога, чтобы иметь личный доклад и доступ в кабинет императора. Впоследствии мне говорили, что Государь узнал об оппозиции, встретившей высочайшее повеление в Комитете министров, и был недоволен».

** говорить правду в присутствии великих князей.

ликих князей; но, по крайней мере, теперь я знаю, что Государь не пропустил без внимания моей демонстрации и, по-видимому, даже понял смысл ее. В последнее время, как мне кажется, обращение его со мной сделалось несколько менее натянутым; но вообще он имеет вид озабоченный * грустный. Говорят, есть причины семейные. Между прочим **, на днях Государь был глубоко огорчен неожиданным, почти невероятным открытием вора среди самой семьи царской! Случались не раз пропажи и в кабинете императрицы и в Мраморном дворце; строго приказано было полиции разыскать украденные вещи, и что же открылось? — Похитителем их был великий князь Николай Константинович! Я не поверил бы такому чудовищному открытию, если б слышал не от самого Трепова и если б не видел сам подтверждения тому: мне случилось два раза быть у Государя после продолжительных объяснений его по этому прискорбному вопросу с великим князем Константином Николаевичем; оба раза я видел на лице Государя явные признаки возбужденного состояния и даже следы слез, а вчера, при докладе моем о предположенной ученой экспедиции на Аму-Дарью, Государь с досадой и гневным голосом сказал: «Николай Константинович не поедет в экспедицию; я не хочу, не пушу его». Но затем сейчас же прибавил: «Впрочем, пока не говори об этом; я переговорю с отцом его». И вслед за моим докладом было опять объяснение между братьями.

Сегодня был малый выход в Зимнем дворце: высшие чины двора и свита собрались в ротонду для принесения поздравления Государю со днем его рождения ***.

18-го апреля. Четверг. — Сегодня утром Государь растрогал меня своим глубоким огорчением; он не мог говорить без слез о позоре, брошенном на всю семью гнусным поведением Николая Константиновича. Государь рассказал мне все, как было; подробности эти возмутительны. Оказывается, что Николай Константинович после разных грязных проделок, продолжавшихся уже несколько лет, дошел, наконец, до того, что ободрал золотой оклад с образа у постели своей матери и похищал несколько раз мелкие вещи со стола императрицы. Все краденое шло на содержание какой-то американки, которая обирала юношу немилосердно. Всего хуже то, что он не только упорно отпирался от всех обвинений, но даже сваливал вину на **** других, на состоящих при нем лиц. Государь доволь-

---

* мрачный.

** я узнал по секрету, что.

*** Все было исполнено обычным порядком, как ни в чем не бывало. Николая Константиновича не было.

**** капитана Варпаховского, состоящего при нем за адъютанта.

но долго говорил об этом тяжелом для него семейном горе, несколько раз возвращался к нему в продолжение моего доклада, высказывал свое намерение исключить Николая Константиновича из службы, посадить в крепость, даже спрашивал мнения моего — не следует ли предать его суду. Я советовал не торопиться решением и преждевременно не оглашать дела. Была речь о том, чтоб освидетельствовать умственные способности преступника: поступки его так чрезвычайны, так чудовищны, что почти невероятны при нормальном состоянии рассудка. Может быть, единственным средством к ограждению чести целой семьи царской было бы признание преступника помешанным (клептомания*)¹⁵⁰.

Сегодня был парад на Марсовом поле. Погода серая и холодная; войска были в походной форме (в шинелях).

19-го апреля. Пятница. — По случаю предстоящего отъезда Государя за границу имел я доклады два дня сряду. Сегодня Государь опять говорил мне о Николае Константиновиче, уже несколько с большим спокойствием, чем вчера. Три врача (Балинский, Карель и Здекауер) освидетельствовали преступного великого князя и доложили Государю, что в речах и поступках Николая Константиновича нашли что-то странное; он не только не опечален всем случившимся, но шутит и кажется совершенно равнодушным. Ему объявлено было, что он лишен чинов и орденов и будет в заточении без срока. И это принял он совершенно равнодушно. Государь в семейном совете решил признать Николая Константиновича психически больным¹⁵¹. Некоторые рассказанные Государем случаи действительно очень странны**. Женщина, с которой он связался, была арестована, но, говорят, сегодня освобождена и будет выслана из России с выдачей значительной суммы***¹⁵².

В 8 часов вечера Государь выехал за границу с великими князьями Константином Николаевичем и Алексеем Александровичем. Великий же князь Владимир Александрович уехал еще вчера в Мекленбург к своей невесте.

9-го мая. Четверг. — Три недели я не заглядывал в свой дневник; в течение этого времени нечего было записывать. Текущие служеб-

---

* и поступить с ним как с сумасшедшим.

** *Первоначальный текст после слов «...не опечален всем случившимся»:* «но отвечает с усмешкой и принял совершенно равнодушно объявленную ему высочайшую волю о разжаловании его. Государь в семейном совете решил признать Николая Константиновича не в нормальном положении рассудка. Некоторые случаи, рассказанные государем, показывают, что на Николая Константиновича давно уже были подозрения».

*** чтобы только выпроводить ее отсюда.

ные занятия, почти ежедневные посещения экзаменов в военно-учебных заведениях, а затем домашние заботы по случаю предстоящего перемещения в казенный дом, — все это не оставляет никаких впечатлений. Не было ничего выдающегося и в заседаниях Государственного совета и Комитета министров.

Сегодня присутствовал я при церемонии освящения новых знамен, пожалованных Новочеркасскому пехотному полку. Церемония происходила пред казармами полка (так называемыми Аракчеевскими, близ Таврического дворца). Погода была холодная, и я сильно продрог. После церковной и военной церемоний, выпив чарку водки у солдатских столов, я должен был потом выдержать длинный завтрак в помещении офицерского собрания. Хотя я вообще не охотник до всяких подобных торжеств, тостов, спичей, однако ж сегодняшнее торжество Новочеркасского полка оставило во мне приятное впечатление. Начальники частей 37-й пехотной дивизии и офицеры полка сделали все, что могли, чтобы выказать мне свое сочувствие. Спичи кончились тем, что, несмотря на все мои протесты и просьбы, начали немилосердно меня подбрасывать. Насилу мог я отбиться от этих диких оваций и рад был, когда добрался до своего экипажа. В полках 37-й пехотной дивизии состав офицеров весьма молодой; старики большей частью вышли, вследствие перемещения полков из Пензенской губернии в Петербург, где дороговизна жизни и требования службы оказались им не по силам, из полковых командиров двое — офицеры Генерального штаба: полковник Бутенко — Новочеркасского полка и Тилло — Каспийского. Впрочем, в настоящее время вообще в армейских полках уровень интеллектуальный заметно повысился. Учреждение офицерских собраний произведет благотворное действие в этом отношении. Армейские офицеры понимают то, что сделано и что делается для облегчения их тяжелого положения; они ценят это и выражают свою признательность с трогательной наивностью.

13-го мая. Понедельник. — Три дня не выходил по причине простуды, схваченной на празднике Новочеркасского полка. И сегодня едва был в силах выехать в Государственный совет. Это последнее пред летним вакантом заседание, оно всегда бывает очень полно-весно и продолжительно. Сегодня мы разъехали почти в 6 часов, и для меня было мучительно высидеть 5 часов с моими ревматическими болями во всех членах и в лихорадочном состоянии. Но, по крайней мере, сидели не напрасно: в числе решенных дел особенно интересовало меня новое положение о военной постоянной повинности. Вопрос этот тянулся около 70 лет, и, наконец, удалось довести его до развязки. Отныне постой натурой для войск отменяется

в мирное время, за исключением немногих исключительных случаев. Можно надеяться, что на отпускаемые деньги для *найма* помещений мало-помалу перейдем окончательно к казарменному расположению всей армии, а это — одно из важнейших условий для всей будущности нашей военной организации¹⁵³.

Другое решенное сегодня дело — упразднение в Царстве Польском мировых посредников и устройство гминных судов¹⁵⁴.

В нашем министерском кружке шепчутся и толкуют о предстоящем завтра в заседании Комитета министров щекотливом обсуждении вопроса о передаче Медико-хирургической академии из Министерства военного в Министерство народного просвещения. Граф Толстой* волнуется и заранее извергает желчь. Валуев подходил ко мне с примирительными предложениями**, но при всем его ораторском и дипломатическом искусстве сомневаюсь, чтоб удалось ему уладить предстоящее, крайне неприятное столкновение. Я положительно объявил Валуеву, что смотрю на это дело, как на свое личное, так что от решения его зависит непосредственно и мое решение — оставаться ли на своем poste или удалиться. Валуев отвечал, что вполне понимает мой взгляд.

Из Государственного совета возвратился я совсем больным. Не могу скрыть, что и толки о завтрашнем заседании Комитета министров не мало способствовали усилению моего лихорадочного и нервного состояния.

14-го мая. Вторник. — Не спал почти всю ночь от боли в членах и волнения. Встал поздно и с трудом собрался в роковое заседание. Пока докладывались пустые текущие дела, многие из*** министров вышли из залы заседания: в соседней комнате слышны были горячие и громкие споры и рассуждения, граф Толстой горячился, готовясь к битве. Я сидел на своем месте неподвижно, совсем больной. Рейтерн, не участвующий обыкновенно в закулисных соглашениях известной партии и вообще относящийся к делам несколько флегматично, на сей раз принял на себя посредничество. Вызвав меня в другую комнату, он высказал мне свое опасение, чтобы предстоящее прение между мною и графом Толстым не приняло характера слишком резкого, что все члены Комитета поставлены в крайнее затруднение и желали бы под каким бы то ни было предлогом отложить решение вопроса. Я повторил ему то же, что отвечал вчера Валуеву; тогда Рейтерн сказал, что, в случае моего согласия,

---

* сильно.

** которых, конечно, я не отверг.

*** первоначально: «большая часть».

будет сделано предложение отсрочить решение вопроса и предварительно рассмотреть его в особой комиссии. Среди разговора нашего мы были прерваны приглашением в залу заседания, чтобы приступить к роковому делу. Валуев, как, по-видимому, было уже условлено, заговорил первый: с обычным своим красноречием, пересыпая комплиментами и мне и моему противнику, оратор высказал то, о чем, в сущности, говорено было и вчера и сегодня, т. е. закончил предложением передать дело в особую комиссию под председательством одного из членов Комитета, стоящих совершенно нейтрально (!) и беспристрастно (!). Затем, переглянувшись с некоторыми из присутствующих, назвал, наконец, этого беспристрастного судью — Грейга, прибавив, что он согласен принять на себя председательство. Тут, разумеется, все в один голос одобрили выбор и признали, что такое со стороны Грейга самопожертвование заслуживает общей благодарности. После нескольких еще слов некоторых из членов и какого-то нескладного предложения принца Ольденбургского председатель обратился к обоим противникам: графу Толстому и ко мне. Граф Толстой и тут не мог удержать своей желчи, высказал досаду, что предлагаемая отсрочка может надолго замедлить решение, и требовал определения срока. Что касается до меня, то мне ничего другого не оставалось, как согласиться на предложение, хотя и для меня не совсем приятно продление того неопределенного положения, которое уже так давно тяготит меня. Личность Грейга не внушает мне доверия к его беспристрастию. Несмотря на то, было бы крайне неловко пред моими коллегами отклонить придуманное ими посредничество и отвергнуть доброе намерение их устранить резкую постановку вопроса, а может быть даже и скандал в самом заседании. После нескольких еще толков о составе комиссии, о предстоящей ей задаче и т. п. постановлено: ничего не предрешать и положиться на соглашение Грейга с обеими противными сторонами¹⁵⁵. Таким образом, дело на сей раз кончилось ничем. Туча отдалилась, но гроза еще впереди.

Если спорный вопрос неизбежно должен быть решен против меня, то в настоящее время года было бы мне всего удобнее сделать решительный шаг — оставить место военного министра; однако ж я не сетую на моих товарищей, напротив того, их образ действий в настоящем случае несколько примиряет меня с ними. Зато граф Толстой, как слышу*, кипит еще более, чем прежде, уверяет, что пришел в заседание Комитета до такой степени вооруженный, что победа была для него несомненна. Да, судя по тому,

---

* злится более, чем прежде.

что передавали мне из разговоров в соседней комнате, оружие его было все то же, какое он всегда имеет привычку употреблять, — ложь и искажение фактов*.

15-го мая. Среда. — Эту ночь я провел лучше предшествующих; утром чувствовал себя гораздо бодрее, так что без труда выехал из дому в Мраморный дворец в заседание Особого присутствия по воинской повинности. Дел важных не было, и, вероятно, это последнее наше собрание до вакантного времени¹⁵⁶. Великий князь Константин Николаевич переезжает в Павловск, а вскоре потом едет в Вену. О Николае Константиновиче как-то** перестали говорить.

18-го мая. Суббота. — Последние дни прошли преимущественно в хлопотах по случаю переезда на другую квартиру, в казенный вновь выстроенный дом; переселились туда 16-го мая, в четверг, но далеко еще не устроились на новоселье.

1-го июня. Суббота. — Опять большой пропуск в моем дневнике — ровно две недели. Большая часть этого времени прошла в заботах домашних; с трудом удалось уладить разные недоразумения и, наконец, выпроводить всю семью из Петербурга: две старшие дочери уехали на Кавказские минеральные воды, вследствие внезапного решения врачей; прочие члены съедутся в Одессе, откуда отправятся в Крым и там встретят сына, который прибудет туда из Потти. Со вчерашнего вечера я остаюсь совершенно одиноким в новом обширном жилище***.

---

* И мы пропустили случай увидеть на сцене этого православного иезуита.

** совсем.

*** *Первоначальный текст после слов «...прошла в заботах домашних»:* «с трудом удалось уладить разные мелкие столкновения среди самой семьи и, наконец, отправить всех из Петербурга: 2 старшие дочери уехали на Кавказские минеральные воды, вследствие внезапного решения врачей; с ними выехали самая младшая дочь Елена и племянница, чтобы на пути провести несколько дней в тамбовском имении Вяземских и Вельяминовых и потом, вместе с третьей дочерью Надей, которая уже там находилась дней 10 ранее, ехать в Одессу; здесь они должны съехаться с матерью своей, которая выехала только вчера с дочерью Марусей. В Крыму они встретят сына, который прибудет туда из Потти. Таким образом, вся многочисленная семья разъехалась по разным путям и съедется впоследствии в Симеисе. Я же поочередно провожал один эшелон за другим на станцию Николаевской железной дороги и, кроме того, еще невестку Марию Аггеевну Милютину, которая со старшей своей дочерью приехала из-за границы, провела несколько дней в Петербурге и затем уехала в Москву. Со вчерашнего дня я остаюсь опять совершенно один в огромном доме. Если будет много свободного времени (так как теперь в делах государственных время застоя), то займусь приведением в порядок моей библиотеки, остающейся до сих пор в кладовой, а сверх того и работами по дому».

30-го июня. Воскресенье. — Ровно месяц не заглядывал в свой дневник; во все это время нечего было записывать. Кроме обычных своих служебных занятий, все остающиеся свободные часы проводил в своем кабинете за разборкой библиотеки; только сегодня окончил эту нелегкую работу и то еще не совсем*.

Однако ж время это не совсем прошло без забот: из Крыма получал от жены весьма неутешительные известия о небрежной постройке дома в Симеисе; работы приостановлены, и хотя строительное общество обещает принять надлежащие меры, тем не менее, нельзя уже и помышлять о том, чтобы дом был готов к назначенному сроку, то есть к осени текущего года.

Около 20-го числа возвратился в Петербург мой сын из командировки на Волгу и на Кавказ, так что с этого времени я уже не совсем один. Приезжала также сестра Мордвинова на несколько дней. Сегодня уже кончилось мое вакантное время: вечером ездил в Царское Село встретить Государя на станции железной дороги. С Его Величеством приехал австрийский эрцгерцог Альбрехт, носящий звание фельдмаршала австрийской и русской армий и пользующийся в Австрии репутацией человека военного¹⁵⁷. Он пробудет здесь, как говорят, до конца лагерного сбора под Красным Селом.

Государь, которого я видел только одно мгновение, имел вид здоровый; проходя мимо меня, подал мне руку и сказал, что был *очень* доволен войсками в Варшаве. Тут узнали мы самые свежие новости: генерал Коцебу получил графский титул, граф Петр Шувалов назначается послом в Лондон, на его место — Потапов, на место последнего в Вильну — Альбединский. Перемещениям этим, о которых говорили уже в городе, можно только порадоваться**. Потапов, при всех своих недостатках, будет, разумеется, несравненно менее зловредным, чем граф Петр Шувалов, уже по самому ничтожеству своему. Вся*** шайка, которой главным**** вожа-

---

* остались неразобранными три ящика с картами и картинами, принадлежавшими покойному дяде, графу Киселеву. Я воспользовался случаем (может быть, единственным), чтобы привести в порядок и прежнюю собственную библиотеку, для которой не было до сих пор каталога.

** *Первоначальный текст после слов «...на место последнего в Вильну — Альбединский»:* «Об этих перемещениях говорили в городе уже давно; видно, высшие назначения готовятся снизу. Лично в отношении ко мне эти перемены благоприятны».

*** эта зловредная.

**** <запевалом><атаманом><вождем>.

*Граф А. П. Бобринский
с женой*

ком был Шувалов, распадется. Едва верится такому счастливому перевороту в нашей внутренней политике*.

8-го июля. Понедельник. — Всю протекшую неделю провел я в непрерывных переездах: вторник — доклад в Петергофе, откуда переехал прямо в Красное Село; вечером объезд лагеря и парадная «заря»; среда — большой парад на военном поле; четверг — доклад в Царском Селе, потом заседание Особого присутствия Государственного совета по воинской повинности в Петербурге, в Мрамор-

---

* Предусмотрительные же люди подозревают и в этом перемещении графа Шувалова хитрый расчет: попасть в министры иностранных дел, в государственные канцлеры и сделаться открыто, официально первым министром, к чему он давно стремится. Il recule pour mieux sauter [Он отступает, чтобы лучше прыгнуть, — фр.]

ном дворце; пятница — Военный совет; суббота — весь день в Царском Селе, обед со всеми приехавшими пруссаками; наконец, воскресенье — в Красном Селе, церковный парад и лагерный развод. Сколько убито времени!

При первом же докладе Государь объявил мне о предположенных перемещениях графа Шувалова, Потапова и Альбединского; объявление об этих назначениях в приказе отложено на 22-е июля. Кроме того, решено еще увольнение графа Бобринского (Алексея Павловича) от должности министра путей сообщения и назначение на его место адмирала Посьета. В городе только и разговоров об этих новостях; все недоумевают, как объяснить назначение графа Шувалова: одни видят в этом* хитрый расчет с его стороны, шаг в министры иностранных дел; в подтверждение такого толкования приводят факт, что жена графа Шувалова не едет с ним, а ищет новой квартиры в Петербурге¹⁵⁸. Другие думают, что назначение в Лондон — есть почетное удаление, опала, что Государь уже тяготеет опекой графа Шувалова, его нахальством, его интригами. Некоторые же приписывают удаление графа Шувалова тому, что он открыто отзывался о Государе крайне непочтительно и неприлично, о чем дошло до сведения Его Величества чрез дам. По мнению Трепова, Государь решился избавиться от слишком уже усилившегося влияния временщика и, как будто сбросив камень с плеч, заметно сделался веселее и спокойнее. Трепов думает, что не удержатся и некоторые другие из министров, посаженные Шуваловым, из числа их граф Бобринский уже уволен, дойдет очередь и до графа Толстого. В последние дни мне случалось несколько раз быть наедине с графом Шуваловым, в вагоне; он говорил с насмешкой о назначении Посьета министром путей сообщения; рассказывал иронически, будто бы Государь, объявляя графу Бобринскому об увольнении его, мотивировал необходимостью назначения на его место моряка, дабы заняться преимущественно водными путями сообщения¹⁵⁹. Такой предлог, конечно, довольно странен; действительная причина удаления графа Бобринского, по словам того же Шувалова, заключается в разрыве его с Рейтерном, который будто бы заявил, что одному из них двоих надобно удалиться, так как железнодорожное дело не может идти успешно при постоянном разладе между двумя министрами¹⁶⁰.

Другие сторонники графа Бобринского намекают на какие-то особые поводы к личному против него неудовольствию Государя¹⁶¹. Что граф Бобринский вообще не пользовался царским рас-

---

* новую хитрость.

положением — это всем известно, но причиной тому может быть не что иное, как одна слабая черта его характера, признаваемая даже друзьями его, — привычка говорить часто наобум, так что на слова его никто не полагается. Черта эта, по всем вероятностям, была замечена и Государем¹⁶². Граф Бобринский держался, пока был в силе Шувалов, как один из самых ретивых сподвижников последнего. Говорят даже, что в шуваловской группе граф Бобринский играл роль нимфы Эгерии, поднимая разные политические вопросы и внушая все новые затеи*.

---

* *Первоначальный текст после слов «...В городе только и разговоров об этих новостях»:* «все недоумевают, какое значение имеет назначение графа Шувалова: есть ли это с его стороны рассчитанный шаг в министры иностранных дел и новый прыжок кверху? Этому толкованию приводят в подтверждение тот факт, что жена графа Шувалова не едет с ним, а ищет новой квартиры. Другие же уверяют, что назначение в Лондон есть почетное удаление, падение, что Государь начал уже тяготиться опекой графа Шувалова, его нахальством, его интригами. Сегодня Трепов даже рассказывал мне, будто ему положительно известно, что Шувалова свергнула клевета, взведенная на него некоторыми дамами, которые стоворились с разных сторон уверить Государя, что граф Шувалов открыто говорит о нем, как об идиоте, сделавшемся совершенно неспособным к делам государственным. По мнению Трепова, Государь решился избавиться от слишком уже усилившегося влияния на него временщика и заметно сделался веселее, как будто сбросил с плеч камень. Трепов думает, что не удержится и некоторые другие из министров, посаженные Шуваловым, начиная с графа Толстого. Да и граф Бобринский был его креатурой. В последние дни мне приходилось несколько раз быть с графом Шуваловым наедине, в вагоне; он много говорил с насмешкой о назначении Посыета; рассказывал иронически, как Государь объявил графу Бобринскому, что удаление его необходимо, собственно потому, что будто бы теперь всего важнее для России привести в устройство водные сообщения и что *по этому* самому и нужен теперь моряк. Такой предлог, конечно, довольно странен. Но из рассказов самого Шувалова видно, что настоящей причиной удаления графа Бобринского был полный разрыв его с Рейтерном, который будто бы объявил, что одному из них двоих надобно удалиться. И действительно, мы видели, что железнодорожное дело не может далее идти при полном разладе между двумя министрами, в руках которых это дело. Графа Бобринского поддерживал сильно граф Шувалов; говорят даже, что Бобринский в шуваловской клике играл роль нимфы Эгерии, он поднимал разные политические вопросы и внушал государственные идеи. Правда, что все эти идеи оказывались нелепыми; все политические затеи этих государственных мужей оказывались несостоятельными и разлетались в прах при малейшем анализе. При этом граф Бобринский в общественном мнении пользуется весьма невыгодной репутацией; даже в дружеском его кругу не могут не сознаться, что он на каждом слове врет и надувает. Сам Государь не скрывал своего не расположения к нему. Тем не менее, граф Бобринский держался несколько лет, пока был в силе граф Шувалов, так что можно, пожалуй, и в самом удалении графа Бобринского видеть признак падения графа Шувалова. Но все это только догадки, толки, сплетни. Qui vivit vegeta [Поживем — увидим, — фр.]»

Со времени возвращения Государя из-за границы* обращение его со мною, как мне кажется, сделалось менее холодно и натянуто. Однако ж я** сохраняю свое сдержанное и строго официальное положение. По всем вероятностям, и не придется мне иметь частые сношения вне срочных докладов: теперь Государь вполне занят своими иностранными гостями, с будущей недели начнутся ежедневные смотры и учения, потом большие маневры, а, наконец, свадебные торжества и отъезд в Крым. Сегодня Государь ездил с пруссаками в Кронштадт; я не был приглашен на эту поездку***, чему, впрочем, очень доволен; желал бы и впредь оставаться несколько поодаль.

Эрцгерцог Альбрехт со свитой своей после красносельского парада уехал в Москву, возвращается завтра; а в среду ждем наследного принца Мекленбург-Шверинского. Эрцгерцог держит себя очень любезно.

11-го июля. Четверг. — Сегодня имел доклад в вагоне, на пути от Царского Села (Александровской станции) до Михайловского, куда Государь ездил с эрцгерцогом для поздравления великой княгини Ольги Федоровны с именинами****. В Михайловском собралось многочисленное общество; нас угостили завтраком и отпустили.

14-го июля. Воскресенье. — В пятницу утром эрцгерцог Альбрехт прислал спросить у меня, застанет ли он меня дома вечером, по возвращении из Кронштадта. Само собою разумеется, я ответил, что приеду к нему, и в десятом часу вечера явился в Зимний дворец. Эрцгерцог принял необыкновенно любезно, продержал часа два, и тут мы перебрали всевозможные вопросы по военной части. Я мог убедиться по его дельным замечаниям, что он основательно знаком с современными вопросами нашей военной администрации*****; вообще он отзывался очень лестно об успехах, замечаемых в нашей армии сравнительно с прежним временем, когда он был в первый раз в России (в 1839 г.). Расстались мы очень дружелюбно.

Вчера, в субботу, на Александровской станции встречали императрицу, возвратившуюся из-за границы. После того я имел доклад у Государя и, между прочим, представил записку по вопросу о дозволении военным носить бороду¹⁶³. Поводом к возбуждению этого вопроса послужил недавний случай с одним матросом из раскольников, который воспротивился бритью бороды. Подобные случаи

---

* мне кажется, что со мною обращение его сделалось как-то непринужденнее.

** не намерен поддаваться.

*** как бывало в прежние годы.

**** Государь и сегодня продолжает быть со мною довольно любезным.

***** не только в Австрии, но и у нас; он делал весьма дельные замечания.

Эригерцог Альбрехт

неизбежно будут повторяться чаще прежнего при новом законе о воинской повинности, так как раскольники не будут уже иметь возможности откупаться от военной службы. Государь оставил записку у себя; любопытно знать, как взглянет он на этот вопрос!

На пути в Царское Село мне пришлось быть опять вдвоем с графом Шуваловым, и опять зашел разговор о смене графа Бобринского и назначении Посьета министром путей сообщения. По своему обыкновению, граф Шувалов говорил, не стесняясь, о Государе, рассказывал разные случаи, вследствие которых граф Бобринский впал в немилость, приписывал его смену уже не раздору и разномыслию с министром финансов, а тому, что граф Бобринский будто бы не хотел быть беспрекословным исполнителем желаний* Государя по выдаче некоторых железнодорожных концессий. Таких наслушался я сплетен на эту тему, что было бы невыносимо грустно, если б в них заключалась какая-либо доля правды. В рассказах графа Шувалова граф Бобринский выставляется жертвой неподкупной честности и гражданской доблести, между тем как сам же граф Шувалов признает, что друг его много вредит себе недостатком прави-

---

* требований.

вности и основательности в речах, что не раз он был прямо уличаем в неверных ложных показаниях*.

Отъезд генерала Грейга в отпуск прервал на несколько месяцев занятия комиссии, назначенной для обсуждения вопроса о Медико-хирургической академии. Хотя я не имел случая видетъся с Грейгом наедине, однако же, полагаю, что он докладывал Государю об истинном положении дела, и если оно отложено на долгое время, то одно это уже дает повод думать, что сам Государь не особенного интересуются им; со мною же Его Величество вовсе о нем не говорит.

Семейные письма, получаемые из Крыма и с Кавказа (Железноводска), успокоительны. Затруднения, возникшие при постройке дома в Симеисе, кажется, улаживаются; делу этому дано новое

---

* *Первоначальный текст после слов «...по выдаче некоторых железнодорожных концессий»:* «Еще в прошлом году был подобный случай по поводу концессии на Ландварово-Роменскую линию, а потом на Муромскую, которую Государь обещал княгине Гагариной... Граф Шувалов подробно рассказывал этот последний случай так вероподобно, что нельзя усомниться в верности рассказа и остается только дивиться, как самодержавный повелитель 80 миллионов людей может до такой степени быть чуждым обыкновенным, самым элементарным началам честности и бескорыстия. В то время как, с одной стороны, заботятся об установлении строжайшего контроля за каждой копейкой, когда с негодованием указывают на какого-нибудь бедного чиновника, обвиняемого или подозреваемого в обращении в свою пользу нескольких сотен или десятков казенных или чужих рублей, с другой стороны, с ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздаются концессии на железные дороги фаворитам и фавориткам прямо для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям. (Например, графу Бобринскому приказано было сделать очень крупный заказ подвижного состава завода Мальцова, но с тем, чтобы последний обязался подпиской выдавать ежегодно по столько-то тысяч рублей своей жене, приятельнице императрицы, неразлучной с нею и не живущей с мужем.) По словам графа Шувалова, немилость Государя к графу Бобринскому именно произошла оттого, что последний находился в невозможности исполнять подобные требования Государя, который прямо выражался, что Бобринский делает ему оппозицию. Подобное объяснение смены его, разумеется, выставляет графа Бобринского жертвой его честности и гражданского мужества; однако же даже и граф Шувалов сознает, что граф Бобринский много вредит себе недостатком правдивости и основательности в речах; Шувалов рассказал несколько случаев, особенно повредивших графу Бобринскому <когда он был пойман>, уличенному в неверных и ложных показаниях при обсуждении некоторых дел. Все это так, но я, со своей стороны, не могу уверить себя в том, что и в Министерстве финансов железнодорожные дела ведутся вполне законно и честно. В последнее время было много таких случаев, что невольно рождается подозрение относительно не только второстепенных чинов этого министерства, но и самого министра, который в прежнее время слыл совершенно надежным и честным. Все это крайне грустно».

*Великий князь
Михаил Николаевич*

направление, но, во всяком случае, уже нет и речи об окончании постройки к осени нынешнего года.

21-го июля. Воскресенье. — Неделя прошла с последней заметки в моем дневнике; ничего замечательного не было. Несколько дней провел я в Красном Селе, присутствовал на учениях и обедах с австрийцами и пруссаками; при обычных моих докладах Государю не было никаких особенных объяснений. Вчера, в субботу, был обед для пруссаков в Царском Селе, так как некоторые из них должны уехать домой. Эрцгерцог Альбрехт со своею свитой уже уехал в пятницу*.

27-го июля. Суббота. — Большую часть недели Государь провел в Красном Селе, занимаясь смотрами и учениями. Я же ездил туда преимущественно в дни моих докладов. Ничего любо-

---

* Граф Шувалов и Потапов продолжают любезничать со мной. По многим признакам мне кажется, что действительно граф Шувалов уже далеко не в прежних отношениях к Государю.

пытного не произошло. Вчера граф Шувалов уехал за границу; еще факт, имеющий значение в придворной сфере: уехал накануне дня рождения императрицы. Сегодня был я в Царском Селе для принесения ее величеству поздравления, а потом участвовал в совещании, происходившем у великого князя Михаила Николаевича по делам Закаспийского края. В совещании участвовали великий князь Константин Николаевич, товарищ министра иностранных дел Вестман, барон Остен-Сакен (за отсутствием директора Азиатского департамента Стремоухова), адмирал Лесовский, генерал-майор Франкини и полковник Проценко. Мне пришлось опровергать предположения кавказского начальства и поддерживать взгляды Министерства иностранных дел. Затем Франкини и Ломакина могут опять завести нас гораздо далее, чем мы сами ожидаем. В заключение пришли к соглашению и положили составить протокол за общей подписью; но не думаю, чтобы великий князь Михаил Николаевич остался совершенно доволен результатом совещания¹⁶⁴.

1-го августа. Четверг. — С понедельника был на маневрах под Ижорой и Царским Селом, очень утомился; а сегодня участвовал в торжественной встрече в Царском Селе принцессы Марии Мекленбург-Шверинской, невесты великого князя Владимира Александровича. Церемониал был тот же, как и при встрече цесаревны.

8-го августа. Четверг. — Большие маневры окончились вчера, 7-го числа, после празднеств 5 и 6-го августа в Ропше, куда прибыл весь двор. На маневрах двумя противными сторонами командовали великие князья Николай и Михаил Николаевичи. Оба брата отнеслись вполне серьезно к роле главнокомандующих в этой мнимой войне, а Михаил Николаевич, принужденный (в силу самого предположения) все отступать пред превосходными силами старшего брата, не мог скрывать своей досады, как будто в самом деле он терпел поражения. Только в последний день предназначалось ему перейти в наступление и движением от Ропши к Красному покончить маневр генеральным боем на военном поле. Тут только он несколько повеселел*. На маневрах присутствовало много иностранных офицеров; не раз приходилось пред

---

* Никто, конечно, не выскажет ему откровенно, что даже и в этих ребяческих подражаниях настоящей войне выказались вполне неспособность и непривычка его к командованию войсками. Николай Николаевич, при всей ограниченности ума, имеет гораздо более военных свойств и приобрел, очевидно, некоторую опытность в искусстве ведения войск.

ними краснеть за наших генералов и командиров частей. Несмотря на то, маневры кончились к общему удовольствию: всем объявлена похвала и благодарность.

Моя роль на маневрах бывает довольно неловкая: каждый раз Государь назначает меня в число посредников, несмотря на все старания мои уклониться от этой обязанности, несовместимой с массой лежащих на мне более серьезных занятий и забот. Во все продолжение маневров езжу я безучастно позади Государя в несметной его свите, с белой повязкой на рукаве. Два дня я даже вовсе не присутствовал на маневрах по разным поводам*.

Сегодня докладывал я Государю предположенное разделение империи на участки для комплектования войск в мирное время и для приведения на военное положение. Несмотря на весьма поверхностные объяснения мои**, по краткости времени, Государь, однако же, оценил сложность этой работы Главного штаба. Я воспользовался случаем, чтобы выставить труды одного из лучших работников в Главном штабе — генерал-майора Величко.

9-го августа. Пятница. — Утром получил по телеграфу из Царского Села приглашение к обеду в честь депутации от Австрийского уланского полка, прибывшей по случаю 25-летнего юбилея со времени назначения Его Величества шефом этого полка. Я должен был уклониться от этого приглашения по случаю назначенного сегодня заседания Военного совета для рассмотрения важного дела о преобразовании местных военных управлений и местных войск. Дело это необходимо решить неотлагательно, до предстоящего отъезда Государя в Крым.

10-го августа. Суббота. — Сегодня докладывал Государю составленные вновь положения об управлениях корпусном и дивизионном¹⁶⁵. Нужно было провести это дело теперь же, так как имеется

---

* Первоначальный текст после слов «...всем объявлена похвала и благодарность»: «Моя роль на этих маневрах бывает довольно неловкая: каждый раз меня назначают в число посредников, несмотря на то, что я всячески уклоняюсь от этой обязанности и не принимаю никакого участия в ходе маневра; я езжу в толпе позади Государя с белой повязкой на рукаве. Два дня я даже вовсе не присутствовал, и, кажется, Государь дует за это на меня. Но я показываю вид, что не замечаю. Хотя иногда бывает досадно это более чем нелюбезное обращение Государя, особенно в присутствии других, однако же, с другой стороны, я считал бы для себя унижительным серьезно огорчаться такой несправедливостью и неблагодарностью. Я не ишу ни милостей, ни любезностей, и совесть моя спокойна. Но искренне был бы рад, если б мог совсем сбросить с себя этот ненавистный для меня гнет и сделаться совершенно независимым гражданином».

** и краткость времени, обыкновенно уделяемого Государем на подобные дела.

в виду на 30-ое августа назначение наследника цесаревича командиром гвардейского корпуса. Это будет первым приступом к формированию корпусов. Государь, зная, что мера эта противна моим убеждениям, видимо, был доволен моим докладом и утвердил проект положения бесприкословно.

Сегодня же Государь ездил на Кронштадтский рейд для осмотра флота; с ним были иностранные гости, в том числе приехавшие на днях принц Нидерландский и принц Павел Мекленбург-Шверинский*.

15-го августа. Четверг. — В прошлый вторник поехал я в Царское Село совсем больной. В конце моего доклада Государь спросил, не желаю ли я ехать на смотр флота, назначенный в тот день (в субботу он не состоялся по случаю поднявшейся свежей погоды), но я должен был отказаться по болезни.

Сегодня представил Государю всю работу по преобразованию местных войск и местных военных управлений¹⁶⁶. Он оставил ее у себя, чтобы прочесть в пути. Я намеревался сегодня проситься в отпуск, но Государь сам заговорил об этом, сказав, что мне нужно отдохнуть. Я воспользовался случаем и испросил дозволение уехать даже днем ранее отъезда самого Государя.

Сегодня был торжественный въезд в Петербург невесты великого князя Владимира Александровича. Церемония была блестящая; погода благоприятствовала.

17-го августа. Суббота. — Крайне утомительные дни. Вчера в 9^{1/2} часа утра я был уже у великого князя Михаила Николаевича, который желал переговорить со мной о некоторых кавказских делах**. В первом часу пополудни — съезд в Зимний дворец: продолжительный обряд свадьбы со всеми обычными церемониями; в пятом часу — парадный обед, а в 8 часов вечера — так называемый по-старинному «куртаг», переименованный ныне в «бал».

Сегодня утром доклад очень продолжительный. Государь был любезен и под конец, когда я напомнил, что имею последний доклад, сказал, улыбаясь: «Надеюсь, что иногда будем видеться в Ливадии***».

---

* В прежние годы удостоивался и я приглашения на морские смотры; даже и в прошлом году ездил я в Транзунд; ныне же не было и слова, — о чем, впрочем, я не сетую. И без того не хватает времени на свое дело.

** Первоначальный текст после слов «...у великого князя Михаила Николаевича»: «который предварил меня о своем намерении приехать ко мне, чтобы переговорить со мной о некоторых кавказских делах. Я поспешил предупредить его и сам поехал к нему».

*** на что, разумеется, я счел долгом ответить неправдой: «Очень рад всегда, когда Вашему Величеству угодно».

Венчание великого князя Владимира Александровича

После доклада надобно было захватить в Главный штаб, затем едва успел переодеться — на полковой праздник лейб-гвардии Егерского полка; затем до 6-го часа принимал всех начальников главных управлений министерства*, а вечером, до поздней ночи, подписывал бумаги, указы и грамоты (по случаю наград на 30-е августа)**.

18-го августа. Воскресенье. — Сегодня утром участвовал я в совещании у великого князя Михаила Николаевича по делу о фамилии Шервашидзе, которая домогается капитализации назначенной всем членам ее пенсии. Кавказский комитет уже прежде два раза постановлял заключение в отрицательном смысле, но великий князь снова возбудил тот же вопрос в надежде подействовать лично на членов Комитета. Однако ж мы все остались при прежнем мнении (П.Н. Игнатъев, товарищ министра финансов и я), что, видимо, было для великого князя неприятно. Он подчинился нашему единогласному заключению — предложить князьям Шервашидзе, если желают получить капитал, просить об установлении над ними опеки.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Сейчас после обеда надобно было ездить за некоторыми покупками».

** Как нарочно, в предпоследний день завалили меня бумагами.

После совещания откланивался их величествам и их высочествам, а затем занялся приготовлениями к завтрашнему отъезду. Вырываясь из Петербурга, как школьник на каникулы, чувствую неодолимую потребность отдыха на свежем воздухе, среди семьи. Выезжаю завтра в 8 часов утра с курьерским поездом чрез Белосток, Брест в Одессу*.

24-го августа. Суббота. Симеис. — Вчера вечером прибыл на пароходе «Михаил» из Одессы в Ялту и оттуда на лошадях в Симеис. Всю семью свою нашел в сборе, за исключением сына, которого ожидаем сюда чрез неделю. Сегодня в первый раз осматривал постройку дома вместе с архитектором Голиковым и агентом строительного общества Поплавским.

30-го августа. Пятница. — Почти неделю провел совершенно спокойно, вполне наслаждаясь деревенской свободой. Для помещения моей семьи нанят на все лето отдельный, уютный домик (известный под названием Потоцкого) в имении Ив[ана] Серг[еевича] Мальцова, соседнем с купленным нами участком. Отсюда менее версты до того места, где строится наш будущий дом. Ежедневно по утрам хожу смотреть постройку и занимаюсь съемкой плана своего участка; вечера проводим в семейном кружке, читаем вслух или просто болтаем. Но вчера я должен был отлучиться из своего тихого гнезда, чтобы посетить невестку свою Марию Аггеевну Милютину в Урзуфе, где она поселилась на осенние месяцы в доме владельца этого прелестного имения — Ив[ана] Ив[ановича] Фундукля. Пробыв целый день в Урзуфе с невесткой и племянницами, возвратился вечером в Ялту, чтобы там переночевать и на следующее утро (т. е. сегодня) ехать в Ливадию для принесения поздравления Государю. Каково было мое удивление, когда вдруг явился ко мне в гостиницу фельдъегерь из Ливадии с грамотой и знаками ордена Св. Андрея¹⁶⁷. Сегодня утром, разумеется, я надел на себя новое украшение и отправился в Ливадию, немедленно же был принят Государем чрезвычайно милостиво. Его Величество, радушно обняв меня, сказал, что пожалованием мне Андреевского ордена желал показать пред всеми, как ценит мои заслуги и как мало действуют на него наговоры

---

* 21 августа. Среда. — Приезд в Одессу, где пробыли сутки.

22-го — выезд из Одессы на пароходе «Михаил».

23-го — в 7-м часу вечера приезд в Ялту и отъезд в тот же вечер в Симеис. Нашел там всю свою семью в сборе за исключением сына, которого ожидаем сюда через неделю.

*Император
Александр II*

и нарекания моих врагов^{*}. Государь рассказывал с удовольствием, в каком превосходном виде нашел он все войска, осмотренные на пути в Крым; говорил просто, непринужденно; видна полная пе-

---

^{*} *Первоначальный текст после слов «...читаем вслух или просто болтаем»:* «Вчера я должен был выйти из этого тихого круга и провел целый день в Урзуфе, в доме Фундукля, где поселилась на осенние месяца невестка моя Мария Аггеевна Милютина. Возвратившись вечером в Ялту, я был удивлен появлением фельдъегеря из Ливадии с грамотой и знаками ордена Св. Андрея. В первые минуты этот сюрприз навел на меня какое-то грустное настроение; мне было почти неприятно получить эту высокую награду после всех нанесенных мне в последние годы огорчений и оскорблений. Сегодня утром, разумеется, я надел на себя это украшение и отправился в Ливадию для принесения поздравления высокому имениннику. Еще более я был удивлен весьма любезной и радушной встречей Государя, который, обняв меня, высказал с чувством и благодушием, что пожалованием мне ордена Св. Андрея желал показать пред всеми, как ценит мои заслуги и как мало действуют на него все наговоры и нарекания, расточаемые моими врагами».

ремена в отношениях его ко мне. Отпуская меня, повторил еще выражения благодарности и расположения.

После обеда и завтрака во дворце я сделал несколько визитов как в Ливадии, так и в Ялте, а вечером возвратился в свой отрядный симеисский уголочек.

31-го августа. Суббота. — Неожиданный гость — генерал-адъютант граф Остен-Сакен. На смотре в Елизаветграде он напросился проводить Государя в Крым. Не знаю, чему я обязан особенным расположением ко мне почтенного старика; при всех наших встречах он всегда чрезвычайно любезен, а вчера при свидании нашем в Ливадии заявил намерение посетить меня в Симеисе, несмотря на все мои старания отклонить его от этой поездки. У графа Дмитрия Ерофеевича всегда замечались некоторые странности и мании, теперь же, достигнув глубокой старости, он впал почти в детство.

Поздно вечером приехал сюда и сын мой*.

24-го октября. Четверг. Москва. — Два месяца не заглядывал я в свой дневник. Время протекло незаметно: ежедневно с 8 часов утра я отправлялся из мальцовского Симеиса в свой участок для съемки, для присмотра за строительными работами и проложения дорог. Так проводил я все утро до 2 часов и усталый, буквально «в поте лица» возвращался домой к обеду. В Ливадию ездил три раза: в первый раз — чтобы откланяться императрице, уехавшей в Англию, другой раз — по случаю приглашения на бал с дочерью Ольгой и, наконец, в третий, 16-го октября, — чтобы откланяться Государю перед своим отъездом из Крыма. Кроме того, сделал я поездку в горы верхом с молодежью: двумя дочерьми, графиней Александрой Федоровной Гейден, сыном и племянником Вертэль, проехали мы чрез Кокос на Бахчисарай, откуда чрез Каралез на Байдары. Вся эта приятная прогулка исполнена была в три дня. Наконец, еще раз ездил я верхом с П.П. Черепановым в Мшатку, к почтенному ученому Н.Я. Данилевскому.

После двухмесячного приятного отдыха в Крыму надобно было возвратиться к обычным служебным делам. В этот раз особенно было мне тяжело выехать из Крыма: я оставил дома четы-

---

* *Первоначальный текст записи за 31-е августа:* «Мы имели сегодня в Симеисе неожиданного гостя — генерал-адъютанта графа Остен-Сакена. Этот старый чудак напросился приехать с Государем из Елизаветграда в Крым, я виделся с ним в Ливадии и Ялте. Не знаю, почему он особенно ко мне благоволил и непременно хотел посетить меня в Симеисе, несмотря на все мои попытки отклонить его от дальнего пути. Он и всегда был чудачком и маниаком, а теперь по старости впал почти в детство.

Поздно вечером приехал сюда и сын мой».

рех дочерей больными, в сильной лихорадке; в работах по постройке дома произошла опять остановка, ожидали приезда уполномоченного от строительного общества, так что присутствие мое при подобном кризисе было бы почти необходимо. Но делать нечего, отлагать отъезд нельзя, и 20-го числа вечером покинул я наш милый Симеис. Переночевав в Ялте, на другой день, 21-го числа, сделал на пароходе «Митридат» весьма спокойный переход в Севастополь, откуда отправился по новой железной дороге. До Симферополя провезли меня в экстренном поезде, так как езда для публики открыта пока только от Симферополя. Проездом чрез Харьков виделся на станции со старым своим товарищем и другом Александром Петровичем Карцовым (командующим войсками Харьковского округа), а сегодня рано утром остановился в Туле и осмотрел оружейный завод. Хотя я видел его и в прошлом году, однако же с тех пор завод получил окончательное устройство, и только в текущем году началось валовое производство новых ружей. Позавтракав у начальника завода генерал-лейтенанта Нотбека, я поспел к курьерскому поезду, с которым и прибыл в Москву в шестом часу вечера.

Здесь, на станции железной дороги, встретил меня командующий войсками Московского округа генерал Гильденштуббе с целым синклитом и проводил меня до гостиницы «Дрезден». В тот же вечер посетил меня здешний генерал-губернатор князь Владимир Андреевич Долгорукий.

27-го октября. Воскресенье. — Вот третий день, что я в Москве: по утрам объезжал военно-учебные и другие заведения военного ведомства, был на двух больших парадных обедах — у генерала Гильденштуббе и князя Долгорукого, а вчера вечером в опере, в генерал-губернаторской ложе.

Вчера виделся с сыном, проехавшим чрез Москву в Оренбург, куда он командирован по случаю рекрутского набора. Получил телеграмму из Симеиса, успокоившую меня насчет оставленных там больных дочерей. Зато из Петербурга известия крайне для меня неприятные — о беспорядках, бывших в Медико-хирургической академии. Не знаю еще подробностей дела, но имею предчувствие, что в этой новой студенческой истории скрывается опять интрига: по всем вероятностям, студенты были легкомысленным орудием скрытых вожаков из той профессорской партии, которая недовольна существующим в академии порядком и домогается передать ее в Министерство народного просвещения. Они не могли выбрать для этого лучшего момента, когда прерванная летними каникулами административная деятельность возобновляется, когда

должны начаться снова заседания комиссии Грейга, притом в мое отсутствие и пред приездом Государя в Петербург. Важно первое впечатление: какой-нибудь дерзости, оказанной несколькими студентами пред профессором, уже достаточно, чтобы раздули подобный пустой случай в целую историю^{*168}.

29-го октября. Вторник. Петербург. — Вчера опять все утро употребил на осмотр московских учебных заведений, а вечером выехал из Москвы и сегодня прибыл в Петербург. Здесь с первой же минуты и до восьмого часа вечера принимал начальников разных частей министерства. Одним из главных предметов совещаний были, разумеется, последние происшествия в Медико-хирургической академии. Заведение это пришло в такое расстроенное состояние благодаря раздорам между профессорами, так же как между начальником академии (тайным советником Чистовичем) и главным военно-медицинским инспектором (тайным советником Козловым), что трудно и придумать, как поправить дело¹⁶⁹. Когда все начальники ушли, я принял депутацию от студентов академии, состоявшую из 5 человек, по одному от каждого курса. Они говорили со мной очень спокойно, излагали откровенно свои жалобы на академическое начальство, и я нашел в них настроение более спокойное и примирительное, чем в начальстве их. Конечно, взгляды и суждения их отзываются юношеской неопытностью, но жалобы их нельзя не признать в некоторой степени основательными. Генерал Трепов, встретивший меня на воксале железной дороги, сказал мне, что брожение существует также между студентами университета и Технологического института.

3-го ноября. Воскресенье. — В течение минувшей недели я объезжал военно-учебные заведения, делал визиты и ежедневно имел совещания с начальниками главных управлений Военного министерства. В особенности много было толков о делах Медико-хирургической академии, хотя и водворился в ней наружный порядок. Пришлось иметь весьма щекотливые объяснения с главным военно-медицинским инспектором Козловым, с начальником академии Чистовичем и некоторыми профессорами: Ционом и Грубером. Все эти совещания и объяснения окончательно убедили меня в необходимости коренного переворота в академии, и в особенности приостановки, хотя на время, действия конференции¹⁷⁰. Образовавшиеся между профес-

---

* *Первоначальный текст после слова «...пред приездом Государя в Петербург»:* «Важно первое впечатление: какой-нибудь дерзости, оказанной несколькими студентами пред профессором, уже достаточно для того, чтобы из этого ничтожного случая сделать целую историю, прокричать, пропечатать в газетах и дать новый толчок делу, которое было почти уже забыто».

сорами две партии до того уже дошли в своей вражде, что с обеих сторон прибегают к самым непозволительным средствам: ругательствам, лжи, клевете. Я перестал верить и тем, и другим.

Впрочем, в настоящее время о Медико-хирургической академии уже перестали говорить; гораздо серьезнее волнения в других высших учебных заведениях, особенно в Технологическом и Горном институтах. Сегодня утром приехал ко мне министр внутренних дел Тимашев с известием, что, по секретным сведениям полиции, готовится большая уличная демонстрация, в которой хотят принять участие студенты *всех* учебных заведений разных ведомств. Тимашев предложил мне назначить у меня сегодня же совещание между всеми министрами, в ведении которых состоят учебные заведения. К часу пополудни съехались ко мне Рейтерн, граф Толстой, Тимашев, Валуев, Мезенцов (заступающий место Потапова), Селифонтов (товарищ министра путей сообщения), градоначальник Трепов, и неожиданно приехали также великие князья Константин и Николай Николаевичи. Каждый из министров рассказал, что делается в подведомственных ему заведениях; один граф Толстой* лицемерил, выгораживая университет так, как будто в нем все обстоит благополучно и в полном порядке. Затем начались горячие споры о том, как следует действовать в случае демонстраций или беспорядков в котором-либо из заведений. Более всех яркими и** суровыми против студентов явились Валуев и граф Толстой; напротив того, великий князь Константин Николаевич поддерживал меня в том, что правительству надобно прежде всего действовать хладнокровно, спокойно и, главное, справедливо, что к молодежи следует оказывать некоторое снисхождение и что прибегать к закрытию курсов и целых заведений можно только в крайних случаях. Мы разъехались, не сговорившись и ничего не решив положительно¹⁷¹.

Вечером у меня был обычный воскресный кружок знакомых.

4-го ноября. Понедельник. — В Государственном совете узнал, что Горный институт сегодня закрыт и что высылают из Петербурга всех иногородних студентов этого заведения. Технологи продолжают волноваться.

Обедал я сегодня у принца Ольденбургского.

С 1-го ноября началась повсеместно операция призыва к воинской повинности по новому положению. В Петербурге дело ведется в большом порядке и подобающей обстановке. Всех поражает резкая противоположность со стародавними варварскими порядками рекрутских наборов.

---

* как подобает иезуиту.

** жестокими против студентов.

Измерение роста поступающих на воинскую службу. 1874 г.

Возвращение Государя в Петербург отложено до 13-го числа. Императрица останется на некоторое время на юге Европы.

19-го ноября. Вторник. — Возвращение Государя еще отложено на неделю — до 20-го числа; императрица, по совету доктора Боткина, после крестин в Лондоне отправилась чрез Париж в С.-Ремо. Неизвестно, долго ли она там останется.

Протекшие две недели я провел довольно спокойно. Студенческие волнения подавлены, но едва ли совсем прекращены, ибо неудовольствие осталось в массе. В городе опять распространяются разные нелепые толки против меня, как будто я потворствую молодежи и чуть ли не я виновен во всех возникавших и возникающих смутах. Низкие эти козни я презираю и продолжаю действовать по своим убеждениям. Считаю вопиющей несправедливостью и жестокостью выгонять студентов массами только для того, чтобы показать пример строгости, когда расследование дела не указало ни одного из них более виновного, чем все прочие. Но знаю вперед, что Государю опять наговорят против меня, и придется мне снова бороться с зловредными* наговорами. В записке, посланной мною в Ливадию, было изложено мое мнение о существе бывших в Медико-хирургической

* влияниями на него.

академии беспорядков; я указал, что корень зла заключается в раздорах между профессорами, в их* бестактных выходках, и потому предложил приняться за пересмотр самого устава академии с тем, чтобы возложить это дело на особую комиссию, которая временно приняла бы на себя и самое заведывание академией¹⁷². Чрез это я имею в виду временно устранить в необидной форме главного военно-медицинского инспектора, тайного советника Козлова, против которого существует в академии какое-то личное** озлобление. Предположенная мною комиссия, составленная из разнообразных элементов под председательством генерал-адъютанта Непокойчицкого, человека дельного и спокойного, будет гораздо более удобным для меня орудием, чем тайный советник Козлов, для переделки укоренившихся в академии порядков и для постепенного очищения личного ее состава. Не знаю, как это предложение мое будет принято Государем; без сомнения, он вспомнит, что остается еще нерешенным вопрос о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения. Рассмотрение этого вопроса в комиссии Грейга затянулось непомерно, благодаря*** назойливости Георгиевского — делегата от графа Толстого. Ходят слухи, будто положение самого графа Толстого поколеблено; но в городе толкуют так много вздоров, что никакому слуху нельзя придавать значение.

20-го ноября. Среда. — Рано утром ездил в Колпино встречать Государя и цесаревну. Прибывший с ними доктор Карель привез мне не очень утешительные известия из Симеиса о моих больных дочерях.

21-го ноября. Четверг. — Ездил с докладом в Царское Село. Государь был любезен и в хорошем расположении духа; но по вопросу о Медико-хирургической академии не дал разрешения на мое предположение, находя неудобным принимать теперь же радикальные меры, пока еще не решен окончательно вопрос о предполагавшейся передаче академии в другое ведомство****. Поэтому Государь находит нужным, чтобы подлежащие министры собрались для обсуждения общего вопроса об образе действий в отношении к учащейся молодежи. После доклада я поехал вместе с Государем в город, прямо на парад лейб-гвардии Семеновского полка по случаю полкового праздника. Между парадом и обедом в Зимнем дворце заехал ко мне Потапов и передал мне приказание Государя,

---

* неприличных и.

** ожесточение.

*** нахальной.

**** Стало быть, ясно, что мысль эта не вышла еще из головы.

чтобы означенное выше совещание было под председательством Валуева и с приглашением Грейга. Видимо, что дело коснется и щекотливого вопроса об отторжении Медико-хирургической академии от военного ведомства.

23-го ноября. Суббота. — Доклад в Царском Селе. Переезд Государя в Петербург. Принц Альбрехт прусский. Большой парад на Марсовом поле. Оттепель и слякоть.

24-го ноября. Воскресенье. — В манеже Инженерного замка (или Михайловском) Государь смотрел команды, приготовленные для парада во дворце в день праздника Св. Георгия. Эти так называемые «репетиции» делаются каждый год, так что выходит двойной парад.

В 6 часов большой обед в Зимнем дворце в честь принца Альбрехта.

В промежуток времени между парадом и обедом происходило в помещении Комитета министров совещание под председательством Валуева о причинах бывших беспорядков между учащейся молодежью и мерах к предотвращению их на будущее время. На сей раз мы ограничились только тем, что каждый из министров, имеющих в своем ведении высшие учебные заведения, высказал свое мнение о том, что подало повод к означенным беспорядкам, и при этом, разумеется, затронули и некоторые щекотливые вопросы о недостатках в существующих порядках; но к средствам исправления их не успели приступить. Грейг, однако же, заявил, что, собственно, относительно Медико-хирургической академии нельзя откладывать решение вопроса даже на несколько дней и что необходимо теперь же дать мне возможность привести в исполнение предположенную мною меру, т. е. закрытие академической конференции; когда же я возразил, что мое предположение заключается не в том, чтобы только закрыть конференцию, но вместе с тем, чтобы взамен ее учредить особую временную комиссию, которой и подчинить академию, тогда Грейг и Валуев высказали мнение, что учреждение этой комиссии также может быть приведено в исполнение, но лишь бы при этом не возлагалась на комиссию переделка *устава* академии, так как подобное направление дела было бы предрешением вопроса, еще обсуждаемого в особой комиссии. В таком смысле Валуев намеревается доложить завтра Государю, дабы дать мне возможность во вторник при моем докладе испросить окончательное разрешение на приведение в исполнение предположенных мною мер. Такое направление дела развяжет мне руки, чтобы сделать что-нибудь решительное в академии для прекращения в ней теперешней неурядицы; но впереди все-таки остается по-прежнему зловещий вопрос о передаче Медико-хирурги-

ческой академии* и, таким образом, над моей головой продолжает висеть этот дамоклов меч. Грейг тянет дело; думаю, что надобно теперь подтолкнуть его к решению так или иначе — лишь бы вывести академию из того неудобного, неопределенного положения, в котором она находится уже целый год.

Сегодняшнее совещание¹⁷³ происходило в самых приличных формах и в примирительном духе**.

26-го ноября. Вторник. — Вчера целый день я был озабочен приискиванием приличной формы для объявления о новой комиссии, на которую предположено возложить заведывание Медико-хирургической академией. Только уже вечером, пред самым сном, внезапно напал я на искомую формулу и немедленно же набросал новую редакцию, которую сегодня утром прочел Государю¹⁷⁴. Он одобрил ее так же, как и самый состав комиссии, и сегодня же я объявил уже об этом решении тайному советнику Козлову. Я предполагал, что решение это несколько оскорбит его, так как учреждением комиссии устраняется влияние главного военно-медицинского инспектора на академию; вместо того, Козлов принял это известие не только очень хладнокровно, но даже с одобрением. Видно было, что ему всего более пришлось по сердцу закрытие конференции. Но как принята будет такая строгая мера в среде самой конференции? Не сомневаюсь, что поднимутся снова крики и появятся злобные газетные статьи, благоразумные же люди одобряют принятую меру***.

Нынешний день был утомителен. Утром доклад, потом георгиевский парад в залах дворца и, наконец, большой парадный обед.

28-го ноября. Четверг. — После доклада у Государя я открыл комиссию, вновь учрежденную для временного заведывания Медико-хирургической академией¹⁷⁵. В зале Военного совета я объяснил членам комиссии предстоящую ей задачу и указал на главней-

---

* *Первоначальный текст после слов «...для прекращения в ней теперешней неурядицы»:* «однако же, с другой стороны, затрудняет меня, так как мне приходится придумывать опять новую форму для моего распоряжения. Притом я вижу, что мысль о передаче Медико-хирургической академии остается всецело в головах, задумавших эту меру».

** Валуев разыграл роль председателя со свойственным ему величием и велеречием. Мне пришло на мысль — не готовят ли его в председатели Комитета министров?

*** *Первоначальный текст после слов «...Не сомневаюсь, что»:* «это будет поводом к новым крикам, ругательствам и статьям; пусть себе беснуются, безобразиям нынешней конференции пора положить конец, и все благоразумные люди, конечно, одобряют принятую меру».

шие вопросы, которые подлежат ее обсуждению. После того было второе совещание у Валуева по общему вопросу о высших учебных заведениях. Говорили очень много, и, между прочим, министром внутренних дел возбужден вопрос о том, не следует ли снять запрещение газетам печатать что-либо по поводу бывших между учащимися волнений. Решено дать печати свободу, и надобно ожидать, что немедленно поднимется снова газетная война со всевозможными сплетнями и скандалами. Другой, более существенный вопрос был поставлен нашим председателем: следует ли оставить в высших учебных заведениях нынешнюю систему полной автономии в руках учебного персонала или нужно придать более силы административной власти? Хотя по этому вопросу пошли бесконечные толки, но, в сущности, все были за утвердительное разрешение вопроса; все соглашались в том, что ученое сословие мало способно к администрации¹⁷⁶. Разошлись мы в 6-м часу*.

1-го декабря. Воскресенье. — После развода был в совещании у Валуева. Говорилось очень много, слишком много, но толку мало. Граф Толстой, по своему обыкновению, занимал нас очень долго** многоречивыми рассказами, напоминающими сказки старой нянюшки; Валуев высокопарно*** сводил вопрос на отвлеченные принципы и общие, высшие взгляды****. Затронули предметы очень шекотливые: где корни современного настроения русской молодежи? Отыскивая эти корни, коснулись и духовенства, и семейного быта, и школьной дисциплины, и проч., и проч. Но к положительному выводу все-таки не пришли. Одно только выразилось довольно ясно: затаенное желание некоторых из министров воспользоваться случаем, чтобы поднять заветный вопрос об ограничении «массы» учащейся молодежи, о предоставлении высшего образования только привилегированным сословиям. Мужик должен оставаться мужиком; зачем ему тянуться за господами? — Досадно и грустно слушать¹⁷⁷.

5-го декабря. Четверг. — Сегодня опять совещание у Валуева. После долгих рассуждений о стипендиях затронули самый трудный вопрос о том, какие отношения должны быть установлены между учащейся молодежью и заведениями, в которых они получают

---

* Сегодня, наконец, получил я телеграмму от жены о благополучном переезде семьи из Ялты в Одессу.

** своей словоохотливой размазней.

*** и величественно.

**** некоторые из членов напрасно пытались вклеить и свои речи, *placer leur mot* [вставить свое слово, — *фр.*].

высшее образование. Я предложил на обсуждение основной вопрос: как следует смотреть на студентов — единично ли, как на посетителей лекций в открытых для них аудиториях, или коллективно, как на совокупность юношей, которых не только образование умственное, но и воспитание нравственное возложены на попечение и ответственность заведения? От решения этого вопроса должно зависеть и разрешение другого, как последствия: следует ли преследовать всякий признак какой-либо корпоративной связи между посетителями лекций или, напротив того, следует сплотить массу учащихся такой организацией, какая необходима для поддержания авторитета и нравственного влияния начальства и преподавателей?¹⁷⁸ Суждения по этим вопросам за поздним временем отложены до следующего заседания.

Наконец, семья моя приехала из Крыма. Одна дочь Ольга не избавилась еще от лихорадки и снова слегла в постель.

Обедал сегодня у великой княгини Екатерины Михайловны.

9-го декабря. Понедельник. — Обедал в Зимнем дворце с генералом Баранцовым и адмиралом Лесовским.

11-го декабря. Среда. — Вчера и сегодня присутствовал в Академии Генерального штаба на чтениях офицеров дополнительного курса.

Сегодня же было совещание под председательством государственного канцлера из министров финансов и путей сообщения, генерал-адъютанта князя Мирского (как уполномоченного от Е. И. В. заместника кавказского) и меня — по вопросу о сооружении русским инженером Фалькенгагеном железной дороги в Тавриз. Финансовые соображения Рейтерна взяли верх, и так как персидское правительство выключило из представленного Фалькенгагеном проекта концессии главное условие — гарантию с обеспечением таможенными доходами, то постановлено объявить тегеранскому двору, что без этого условия русское правительство не может поддерживать предположение о постройке дороги. Такое решение, хотя может быть и весьма благоразумное, будет все-таки неудачей для нашей дипломатии и без сомнения обрадует англичан.

12-го декабря. Четверг. — Сегодня полковой праздник гвардейского Финляндского полка и 50-летний юбилей генеральства графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена. По этому случаю я был целый день в полной форме: в 10-м часу ездил поздравить юбиляра, потом доклад у Государя, в час пополудни церковный парад, с 2 до 5 часов — совещание у Валуева, а в 6 — обед в Зимнем дворце. Старик Остен-Сакен совсем впал в детство: считает себя обиженным тем, что получил алмазные знаки Св. Андрея; говорит, ожидал

фельдмаршальского чина; пристаёт ко мне о разрешении ему носить кавказский казачий мундир.

Совещание у Валуева было последнее; соберемся еще раз только для прочтения протокола. Опять говорили много, и, как всегда, благодаря искусству председателя, все споры и разногласия приведены к нулю. Ровно никакого положительного результата, одни фразы и общие места¹⁷⁹.

13-го декабря. Пятница. — По заведенному порядку, Государь распределял сегодня в одной из зал Зимнего дворца новобранцев по гвардейским полкам, но нынешнее распределение имело несколько новый характер: в первый раз в массе новобранцев среди тулупов и кафтанов стояли молодые люди во фраках и пиджаках. В числе их был только один кончивший курс по 1-му разряду, именно, в Училище правоведения, состоявший уже в гражданской службе; затем было до сотни молодых людей, кончивших курс в заведениях 2-го и 3-го разрядов. Только на немногих физиономиях выражалось некоторое смущение, неловкое положение, вообще же эта молодежь смиренно и простодушно подчинялась непривычной обстановке солдатской.

Опыт первого призыва по новому Уставу о воинской повинности так удался, как трудно было даже ожидать. Самые закоренелые консерваторы, противники реформ, с боязнью относившиеся к нововведению, грозившему, в их глазах, * распространением в целой армии заразы нигилизма, теперь замолчали и с улыбкой смотрят на этих мнимых революционеров в шеренгах между тулупами **.

20-го декабря. Пятница. — Сегодня вторично Государь распределял новобранцев по гвардейским полкам; было свыше 900 человек. Опять были фразники.

Телеграмма из Мадрида заключает в себе совершенно неожиданное известие о падении республиканского правительства и провозглашении Альфонса XII королем Испании. Надолго ли?¹⁸⁰

25-го декабря. Среда. — Сегодня не мог явиться во дворец для обычного поздравления с праздником по весьма неожиданному обстоятельству: оказалось, что у меня украдены знаки Андреевского ордена (цепь). Такое открытие неприятно вдвойне: кроме чувствительного ущерба материального, покража эта из комода во внутренней комнате производит тяжелое нравственное впечатление, бросая подозрение на всю домашнюю прислугу. Полиция принялась усердно за розыски.

---

* демократизированием.

** и сибирками.

Король Альфонс XII

27-го декабря. Пятница. — Целое утро прошло в совещаниях с моими ближайшими сотрудниками о предстоящей Военному министерству обширной работе — составлении плана мобилизации армии. Для этого собрались у меня начальники главных управлений, до которых этот вопрос преимущественно относится, и некоторые другие лица, прикосновенные к делу. Толковали более пяти часов, и чем более входили в подробности, тем более убеждались в огромности предстоящей задачи, в неудобствах настоящего переходного положения нашей военной организации, вследствие прошлогодних злополучных совещаний. Не имея возможности в короткое время осуществить все наши затеи при ограниченном нормальном бюджете, мы осудили себя на долгое бессилие: по всем частям готовятся новые положения, перерабатываются штаты, придумываются решения новых сложных вопросов военной администрации; нет ни одной части в законченном виде. При таком положении дела мы лишены прочного основания, на котором могли бы построить полный план мобилизации, сколько-нибудь похо-

жий на прусский «Mobilmachung». Тем не менее, необходимо во что бы то ни стало предпринять работу, хотя бы приближающуюся к немецкому образцу. Поэтому пришли мы к тому заключению, что следует ныне же образовать в составе Главного штаба особый отдел, который специально занялся бы разработкой нашего плана мобилизации армии, насколько окажется это возможным при настоящих условиях¹⁸¹.

Затем было у меня другое довольно продолжительное совещание с генералом Мордвиновым и доктором Козловым по вопросу о Медико-хирургической академии.

28-го декабря. Суббота. — После доклада отдал визит киевскому митрополиту Арсению: умный старик, с которым беседа может быть весьма разносторонняя*.

Чрезвычайное заседание Государственного совета для утверждения финансовой росписи и сметы земских расходов на 1875 год. Продолжительные и оживленные прения возникли по поводу годичного отчета государственного контролера за 1873 год. Грейг с обычной своей самонадеянностью и развязностью позволил себе обвинить *всех* министров поголовно в расточительности, основывая свой приговор на том лишь факте, что остатки от сметных ассигнований с каждым годом уменьшаются**. Такое огульное и безосновательное*** обвинение вызвало энергические протесты со стороны министров юстиции, народного просвещения, внутренних дел и других. Я также вынужден был сказать несколько слов. Председатель (великий князь Константин Николаевич) положил конец этой буре, угрожавшей обратиться в скандал¹⁸².

Сегодня я должен был обедать у турецкого посла, но вместо того получил пред самым обедом приглашение в Зимний дворец.

При всех встречах мне надоедают расспросами о случившейся у меня покраже. Известие о ней появилось уже в газетах.

---

* *Первоначальный текст после слов «...умный старик»: «с ограниченной семинарской культурой».*

** *Первоначальный текст после слов «...земских расходов на 1875 год»: «Неожиданно для всех возбуждены были, по милости нашего друга Константина Карловича Грота, продолжительные и довольно оживленные прения, не имевшие, впрочем, практического результата; но когда начал говорить Грейг по поводу отчета Государственного контроля за 1873 год, поднялась настоящая буря. С обычной своей самонадеянностью и нахальством Грейг позволил себе в самых развязных выражениях обвинять *всех* министров поголовно в расточительности, основывая свой приговор только на том факте, что остатки от сметных ассигнований с каждым годом не увеличиваются, а уменьшаются».*

*** *голословное обвинение.*

1875-й год

1-го января. Среда. — Наступивший новый год встречаю если и не радостно, то, по крайней мере, спокойнее духом, чем встретил год минувший. Если б не болезнь дочерей, из которых одна (Ольга) и до сих пор не поправилась после вынесенной в Крыму лихорадки, то я мог бы сказать, что домашняя обстановка улучшилась против прежнего. Положение служебное* также изменилось к лучшему. С удалением графа Шувалова в Лондон враждебная мне партия укротилась, интрига заглохла; в Зимний дворец вступаю со спокойным настроением.

Сегодня представил я Государю, по примеру прежних лет, кроме обширного официального отчета за 1873 год, и краткие отчеты или «всеподаннейшие доклады» за два последних года: 1873-й и 1874-й¹⁸³. Доклад за 1873-й год, хотя и составленный в свое время¹⁸⁴, не был мною представлен, как объяснено было в моем дневнике. Не знаю, прочтет ли теперь Государь оба доклада подряд, но они в тесной связи между собой. В новом докладе объясняется снова, что Военное министерство так ограничено теперь нормальной сметой на пятилетие 1874—1878, что не имеет возможности покрыть самую даже незначительную часть тех расходов, которые требуются для приведения в исполнение утвержденных в начале 1873-го года** предположений, в видах усиления боевой нашей силы и местной обороны. Небольшой остаток, который можно ожидать (впрочем, весьма гипотетически) по смете наступившего 1875-го года, может быть обращен только на единовременные расходы по заготовлению вещевых запасов, необходимых для формирования впоследствии новых частей войск или для усиления существующего состава. Мысль эта была уже заявлена в прошлом году в особом докладе и одобрена Государем¹⁸⁵, но тем не менее приходится снова повторить ее, дабы предупредить возобновление требований неисполнимых. Вопрос

---

* совершенно изменилось.

** громадных.

о том, к каким именно из предположенных новых мероприятий следует прежде всего приступить, обсуждался вчера собранными у меня начальствующими лицами разных частей министерства, и вслед за сим будет представлен особый по этому предмету всеподданнейший доклад^{*186}.

Государя я видел сегодня только во время большого выхода, и потому все необходимые объяснения по поводу представленных отчетов должен отложить на завтрашний доклад.

2-го января. Четверг. — При докладе Государю не было особого разговора по поводу представленных мною отчетов. Его Величество заметил только, что с каждым годом размер картона с отчетами увеличивается. После доклада прошел я к великому князю Алексею Александровичу, чтобы поздравить его по случаю дня его рождения; потом было заседание Военного совета, а затем большой парадный обед в Зимнем дворце по случаю 25-летнего юбилея назначения великого князя Алексея Александровича шефом лейб-гвардии Московского полка.

3-го января. Пятница. — Совещание у государственного канцлера по поводу предложенного Лесепсом химерического проекта соединения Индии с Европой железной дорогой чрез Гималайский хребет и среднеазиатские степи. Участвовали в совещании генерал-адъютанты Чевкин, Посъет, Кауфман (Конст[антин] Петр[ович]), министр финансов, генерал Мельников и я. Все единогласно признали этот проект неосуществимым и самую мысль соединения Индии с европейской железнодорожной сетью более вредной, чем полезной для России. Один генерал Кауфман попытался поддержать предположение о соединении Туркестанского края с Европейской Россией, а генерал Мельников заговорил о несбыточных мечтах

---

* *Первоначальный текст после слов «...(впрочем, весьма гипотетически)»: «по смете будущего 1875-го года, можно употребить только на такие новые расходы, которые неудобно было бы откладывать; все же, что можно сберечь, следует преимущественно обратить на единовременные расходы, чтобы, по крайней мере, приступить к сформированию необходимых вещевых запасов, без которых немислимо формирование новых частей войск или усиление существующего состава. Мысль эта была уже заявлена и в прошлом году, даже одобрена Государем, но, тем не менее, необходимо снова повторять заявление, чтобы предупредить возобновление требований, не исполнимых при наших финансовых средствах. Я счел нужным обсудить этот важный вопрос в особом совещании, которое собрал вчера у себя и в котором мы долго и тщательно обсуждали, к чему именно можно приступить в 1875-м году из предположенных новых мер, не рискуя выйти из пределов нормальной сметы в продолжение пятилетия. По этому предмету будет представлен особый доклад в непродолжительном времени».*

судоходства по старому руслу Аму-Дарьи, но оба эти вопроса были устранены, как выходящие из задачи совещания.

23-го января. Четверг. — Три недели не открывал я своего дневника: ничего не было замечательного. При последнем моем докладе, во вторник, Государь сказал мне, что окончил чтение моего краткого отчета за 1874-й год и приступил к чтению доклада о финансовом положении Военного министерства¹⁸⁷. В тот же день я обедал в Зимнем дворце. Сегодня же Государь, возвратив мне этот доклад, одобрил изложенные в нем соображения относительно видов на наступивший 1875-й год, однако ж снова заявил свое желание не отлагать образование корпусов, хотя бы только в западных пограничных округах, а также формирование в гвардии четвертых батальонов. Не возобновляя неприятных для Государя возражений, я ограничился несколькими общими объяснениями и обещал представить дополнительные справки и соображения. Приведение в исполнение обеих указанных мер в наступившем году расстроило бы все расчеты Военного министерства и отозвалось бы невыгодно на последовательном ходе его деятельности, направленной преимущественно к тому, чтобы привести армию в большую готовность к войне*. С установлением нормального бюджета министерству, безусловно, необходимо строго держаться предначертанного плана. В этих видах я представил сегодня же Государю два доклада: один с расчетом комплектования войск в мирное и военное время, другой — об устройстве при Главном штабе особого комитета для сосредоточения всех работ по мобилизации армии¹⁸⁸. Государь остался доволен этими докладами и благодарил за них.

25-го марта. Вторник. — Совсем было забросил свой дневник: не раскрывал его два месяца! В продолжение этого долгого промежутка не произошло ничего, что выходило бы сколько-нибудь из обычного течения петербургской жизни. Затрудняюсь теперь и припомнить что-нибудь особенное, заслуживающее занесения в дневник задним числом. Но сегодня я должен отметить знаменательное событие: представление Государю депутации от униатского населения Люблинской и Седлецкой губерний по случаю присоединения этого

---

* *Первоначальный текст после слов «...я ограничился несколькими общими объяснениями»: «обещав представить дополнительные справки и соображения. Во всяком случае, ни та, ни другая мера не может быть приведена в исполнение в текущем году, а до будущего года еще много утечет воды. Тем не менее, однако же, такие колебания в ведении дела преобразования армии чрезвычайно невыгодны для административных мер, принимаемых в видах приведения армии в большую готовность к войне. Военное министерство не имеет под собой твердой почвы, на которой могло бы основывать свои расчеты».*

ОТТОРГНУТЫЕ НАСЛІЯМЪ

ВОЗСОЕДИНЕННЫ ЛЮБОВІЮ

Деятели воссоединения униатов с православием

населения к православию¹⁸⁹. После обедни и молебствия (по случаю родившейся сегодня же утром дочери у цесаревича, названной Ксенией) Государь принял депутацию в так называемой Арабской комнате; тут было до 12 духовных лиц, и во главе их сам Попель, и человек 20 мирян. Попель произнес речь и подал адрес, а Государь и императрица вручили депутатам несколько богатых икон для бывших униатских церквей. Такая развязка униатского дела тем замечательнее, что в последнее время можно было скорее ожидать совершенно противоположного, т. е. обращения униатов в католицизм. Они, действительно, близки были к тому, вследствие бестактных распоряжений графа Толстого, имевших последствием открытое сопротивление, употребление войск и кровопролитие. После того в течение нескольких месяцев в большей части приходоу униатских церквей были пусты, новорожденные дети оставались некрещеными, не было браков, — одним словом, несчастное это население было в самом безвыходном положении. Правительство со своей стороны стало в тупик*. Тут помог нам сам Ватикан. Прошлогодня безрассудно резкая энциклика папы¹⁹⁰, отлучение влиятельнейших лиц униатского духовенства, наглость иезуитских проделок заставили униатов окончательно отшатнуться от папизма и броситься в православие — в веру русского царя. Замечательно, что движению этому всячески препятствовал обер-прокурор Святейшего Синода (граф Толстой), а орудовал им — протестант Коцебу**.

Сегодня же обычным порядком отпраздновали полковой праздник конной гвардии.

29-го марта. Суббота. — После поздравления двух юбиляров: генерал-адъютанта Веригина и генерала Назимова (Влад[имира] Ник[олаевича], члена Военного совета) сидел я в соединенных департаментах Государственного совета, где рассуждали о проекте образования новой губернии Таганрогской. Я должен был отстаивать донских казаков и опровергать предположение министра внутренних дел об отделении от Донской области Миусского округа с двумя станицами в гирлах Дона. Вопрос этот возбудил горячие споры¹⁹¹.

Члены Военного совета собрались на обед в ресторане Борель в честь юбиляра Назимова***.

* отступить было неудобно, настаивать — невозможно.

** далекий от русского национального патриотизма.

*** На днях, после долгих толков <и разных семейных сцен,> решено, что дочь моя Ольга опять отправится за границу со старшей сестрой, а в пути — с матерью. Собираются выехать через четыре дня. Удастся ли бедняжке скоро отделаться от проклятой лихорадки, совершенно изнурившей ее.

1-го апреля. Вторник. — Вчера в Государственном совете рассматривалось положение о воинской повинности Донского казачьего войска; прошло без всяких споров¹⁹².

Сегодня после моего доклада было у Государя совещание по азиатским делам. Присутствовали наследник цесаревич, государственный канцлер князь Горчаков, посол в Лондоне граф Шувалов, генерал-адъютанты Кауфман и князь Мирский, тайный советник Стремоухов и я. Поводом к этому совещанию был приезд графа Шувалова, который просил положительных указаний по некоторым вопросам, наиболее* озабочивающим англичан. После продолжительных объяснений относительно различия английской точки зрения от нашей на установленную по обоюдному соглашению «промежуточную зону», образуемую Афганистаном, и замеченной нашим послом чрезвычайной чуткости англичан ко всякому нашему шагу в Средней Азии, в особенности же к стороне Мерва, Государь постановил такое заключение: послу нашему в Лондоне поручается успокоить подозрительность англичан объявлением положительной воли русского царя не подвигаться вперед в том крае, но вместе с тем не налагать на себя никаких обязательств на будущее время, в случае каких-либо новых обстоятельств.

После совещания я должен был прямо перейти в Комитет министров, где обсуждалось представление министра путей сообщения о новых железных дорогах, постройка которых предполагается на первую очередь. Долго спорили о так называемых каменно-угольных дорогах Новороссийского края и Донской области и на этом остановились, отложив дальнейшие прения до экстренного заседания, предположенного в воскресенье¹⁹³.

Вечером был во 2-й военной гимназии на концерте, ежегодно посещаемом мною. Только в прошлом году я не был по особым причинам.

2-го апреля. Среда. — С 10 часов утра был в Зимнем дворце по случаю осмотра Государем топографических, картографических и гидрографических работ**.

Две дочери мои (Надежда и Елена) и племянница окончили свои экзамены на звание учительницы. В последнее время они были очень озабочены, и я рад за них, что все обошлось вполне удачно.

3-го апреля. Четверг. — После доклада у Государя участвовал я в совещании у князя Горчакова опять по вопросу о железных дорогах на

---

* затрагивающим слабую сторону англичан.

** Сначала я сам предварительно с начальником Главного штаба осматривал их, а потом вторично обошел их за Государем.

Кавказе. В совещании этом участвовали великие князья — наследник цесаревич и Константин Николаевич, Чевкин, граф Шувалов, князь Мирский, министры финансов и путей сообщения, барон Жomini и Стремоухов. После продолжительных прений о том, вести ли дорогу в Персию чрез Джульфу или чрез Асландуз (т. е. с западной или восточной стороны от горной страны Малого Кавказа) и строить ли прежде дорогу к границе Персии или от Тифлиса в Баку, первый вопрос решен был единогласно в пользу Джульфы (т. е. в западном направлении), несмотря на то, что вначале очень горячо оспаривали это направление князь Мирский и великие князья. Таким образом, с помощью графа Шувалова, подробно объяснившего, какое впечатление произвело в Англии и в Берлине известие о намерении нашем вести дорогу на Таврис, нам удалось (князю Горчакову и мне) убедить прочих членов в том, что соединение с Персией не иначе может быть, как чрез Джульфу. Решение это противоречит постановленному в предыдущем нашем совещании, в котором князь Горчаков уступил пред настойчивостью князя Мирского, поддержанной обоими великими князьями в угоду великому князю Михаилу Николаевичу. Что же касается второго вопроса — которую линию строить прежде, то голоса разделились: пятеро высказались за Бакинскую дорогу, а четверо — за Джульф[ин]скую. В числе последних, кроме нас двоих (князь Горчаков и я), были Чевкин и граф Шувалов. За сим последнее слово будет зависеть уже от высочайшей воли¹⁹⁴.

Вечером опять должен был слушать музыку воспитанников 1-й военной гимназии, конечно, не для удовольствия своего, а для поощрения юных виртуозов.

4-го апреля. Пятница. — Сегодня утром проводил на вокзал железной дороги жену и старших двух дочерей, уехавших за границу ради болезненного состояния дочери Ольги, которая с самого возвращения из Крыма не может отделаться от лихорадки*. Прежний наш план — провести лето в Симеисе — расстроился, к тому же и постройка дома все еще не окончена**.

6-го апреля. Воскресенье. — Вчера был я в заседании соединенных департаментов Государственного совета: рассматривалось представление мое о введении земских учреждений в Области Войска

---

* и во все это время не выходила из комнаты. Грустно видеть ее, и кто знает, поможет ли ей поездка за границу.

** *Первоначальный текст после слов «Прежний наш план — провести лето в Симеисе — расстроился»: «дом все еще не готов, и трудно сказать, когда можно будет войти в него. Прискорбнее же всего, что у некоторых из членов семьи поселилось с прошлой осени предубеждение против Крыма и опасение так называемой “крымской” лихорадки».*

Донского. Я ожидал упорных прений по* вопросу о том, должны ли новые эти учреждения оставаться в ведении Военного министерства или поступить в заведывание Министерства внутренних дел, как доказывали Тимашев и граф Пален. Однако же, к удивлению моему, вопрос этот совсем пройден молчанием. Позже узнал я, что пред самым заседанием Потапов доложил Государю о предстоявшем споре и получил от Его Величества положительное заявление, что желает, чтобы земское дело в Области *Войска* Донского оставалось в руках Военного министерства. Таким образом, еще до начала заседания условлено было не поднимать спорного вопроса, заранее уже предрешенного. Тем не менее, заседание продолжалось до 5 часов¹⁹⁵.

Сегодня утром представлял я Государю разные интендантские образцы, и в том числе новое шинельное сукно темно-серого цвета. После обедни представлялись Его Величеству офицеры, кончившие курс в Академии Генерального штаба.

Сегодня же, несмотря на Вербное воскресенье, было экстренное заседание Комитета министров для окончательного рассмотрения представления министра путей сообщения о новых линиях железных дорог. Опять пришлось мне выдержать жаркие прения. По одному из вопросов вышло разногласие: со мною подали голоса пятеро, все остальные 20 голосов — против меня¹⁹⁶. Впрочем, я уже привык к тому, что при суждениях о железных дорогах военные интересы не только не находят защитников, но вызывают прямое противодействие со стороны большинства моих коллег. Думаю, что ни в одном правительстве нет такой односторонности во взглядах на государственные нужды и интересы. В особенности возмутительны лицемерные речи тех ораторов, которые стараются мнимыми экономическими и финансовыми соображениями маскировать закулисные побуждения, частные корыстные интересы. Удастся ли кому-либо из влиятельных лиц выхлопотать, чтобы выдана была концессия на постройку железнодорожной линии, проходящей чрез его имение или его заводы, и вот эта линия провозглашается крайне необходимой для процветания целого края, для развития промышленности и т. д. Если при этом напомнишь о другой соседней линии, более необходимой не для местных только интересов, а для целей общегосударственных, то возражают, что речь о той линии еще впереди; а когда чрез несколько времени напомнишь снова о той же линии, тогда без зазрения совести объявляют, что она сделалась уже невозможной за проведением той, на которую

---

* спорному.

только что пред тем выдана концессия*. Такова в общих чертах история всей нашей железнодорожной сети. И досадно и прискорбно. Я вышел сегодня из заседания в 6-м часу, усталый и озлобленный**.

8-го апреля. Вторник. — В Комитете министров обсуждались два представления министра государственных имуществ о продаже в частные руки двух казенных горных заводов — Богословского и Луганского. Последний из этих заводов чуть было не подал повода к новому скандалу, которого мы избегли только благодаря случайности. Когда Комитет уже пришел к окончательному заключению и председатель готов был прекратить заседание, неожиданно приехал великий князь Константин Николаевич. Председатель вышел к нему навстречу. Великий князь был крайне озадачен, узнав, что опоздал: он намеревался настаивать, чтобы в этом же заседании Комитет прямо порешил продажу Луганского завода адъютанту великого князя Семечкину, без всякой конкуренции***. Не поспев к рассмотрению дела о Луганском заводе, великий князь все-таки желал, чтобы приезд его не был напрасным: он занялся другим делом, кото-

---

* *Первоначальный текст после слов «...во взглядах на государственные нужды и интересы»:* «Кроме того, не могу равнодушно слышать разглаговольствования некоторых из наших администраторов, прикрывающих мнимыми экономическими и финансовыми соображениями какие-нибудь закулисные побуждения ради частных корыстных интересов. Кому-нибудь обещана вперед такая-то дорога, она проходит чрез имения или фабрики такого-то влиятельного лица, акции обещаны такому-то фавориту, — и вот провозглашают крайнюю необходимость такой-то линии для процветания целого края, для развития промышленности и т. д. Когда при этом напоминаешь, что есть другая линия, более необходимая, удовлетворяющая общим государственным целям, а не каким-нибудь местным, даже частным интересам, тогда заглашают такое заявление, говорят, что не настало время рассуждать об этой линии, что до нее дойдет речь после, вслед за тем. Но когда чрез несколько времени напомнишь снова об этой линии — объявляют без зазрения совести, что она сделалась уже невозможной после проведения той, на которую только пред тем выдана концессия».

** Вечер провел по обыкновению в приятельском кружке, на сей раз без хозяйки.

*** К счастью, дело уже было решено в противном смысле. В городе давно уже говорили, что под именем Семечкина желает приобрести завод сам великий князь Константин Николаевич, что он же намерен приобрести и постройку Каменноугольной железной дороги, опираясь на тот аргумент, что будто бы выгоднее, чтобы эта железная дорога была в одних и тех же руках с Луганским заводом, так чтобы железная дорога подвозила к заводу топливо от каменноугольных копей и руду от Кривого Рога. Говорят, что Семечкин и другой адъютант великого князя Киреев уже имели наглость предлагать на бирже акции этой железной дороги и приискивать капитал на приобретение Луганского завода.

рое также* затрагивает интересы** некоторых высокопоставленных лиц, именно вопросом о кавказских железных дорогах. Недовольный результатом последнего нашего совещания у государственного канцлера, великий князь*** домогался изменения составленного Стремоуховым протокола. Подстрекаемый князем Мирским и**** телеграммами из Тифлиса, Константин Николаевич настаивает, чтобы Государю был поднесен на утверждение полный трактат о кавказских железных дорогах, разумеется, в том смысле, в каком***** желает кавказское начальство. Князь Горчаков, оскорбленный резкими и бесцеремонными приемами великого князя, подстрекаемый, в свою очередь, Стремоуховым, объявил наотрез, что поднесет Государю краткий протокол заседания в той форме, в какой он был составлен, — именно как простой перечень того, что действительно было высказано в совещании каждым из членов*****.

13-го апреля. Светлое воскресенье. — Последние дни страстной недели были отчасти заняты обрядами говения, отчасти обычными делами. Дело о кавказских дорогах чуть было не разыгралось открытой ссорой между великим князем Константином Николаевичем и государственным канцлером. У них, говорят, произошла горячая стычка из-за журнала нашего совещания; однако же кончилось тем, что журнал дополнен аргументацией обеих сторон и в таком виде представлен вчера Государю¹⁹⁷.

---

* заживо.

** его и.

*** требовал.

**** непрерывными.

***** желают великий князь Михаил Николаевич и князь Мирский.

***** Не знаю, чем кончится это препирательство, но, во всяком случае, настойчивость и назойливость, выказываемые в этом деле великим князем Константином Николаевичем, и отчасти поддержка, оказываемая наследником цесаревичем в пользу протезируемой Михаилом Николаевичем и князем Мирским Бакинской дороги, подтверждают слухи, прежде уже ходившие, о том, что в этом деле, к прискорбию, есть также своя корыстная подкладка: уверяют, что акции Бакинской дороги уже вперед разобраны и что в числе акционеров — члены царской семьи. Говорят, великий князь Михаил Николаевич бомбардирует великих князей Константина Николаевича и наследника цесаревича телеграммами, в которых убедительно упрощает их, во имя дружбы, отстоять Бакинскую дорогу.

Крайне прискорбно и грустно, что дух спекуляции и жажда наживы до такой степени обуяли всех не только государственных людей, но даже членов царской фамилии. Об этом говорят громко в публике, так же как об их любовных проделках, которые всем известны. Скандальные эти сплетни окончательно <роняют> колеблют прежнее благоговение к царскому дому и то обаяние, которым он был окружен в представлении народном.

Эту ночь, по заведенному порядку, я был во дворце; после церковной службы и христосования разговлялся за царским столом в так называемой «Золотой гостиной» императрицы, которая по слабости здоровья не присутствовала в большой дворцовой церкви, но вышла разговляться*.

14-го апреля. Понедельник. — Полковой праздник лейб-гренадерского полка справлялся обычным порядком; обед во дворце.

15 апреля. Вторник. — Обед у французского посла Лефлю.

17-го апреля. Четверг. — Выход во дворец и крестины великой княжны Ксении Александровны.

18-го апреля. Пятница. — Сегодня утром Государь собрал под личным своим председательством всех лиц, участвовавших в бывших у государственного канцлера совещаниях по вопросу о завказских железных дорогах. К сожалению, Чевкин отсутствовал по болезни. Государь предложил каждому из нас высказать, что находит нужным в дополнение к изложенному в журнале совещания. Первым начал говорить князь Горчаков о политической стороне вопроса; после него я объяснил сравнительное значение обеих линий, насколько это было нужно для суждения о том, которую из них следует строить прежде. Государь перебивал меня несколько раз; однако ж нельзя было еще заметить, на которую сторону он клонит, ибо, когда после меня заговорил министр финансов, Государь также перебивал и его аргументы. Затем говорили граф Шувалов и Посыет, несколько слов сказали князь Мирский и великий князь Константин Николаевич. Видно было, что Государь колебался и затруднялся, на которую сторону склониться. К счастью, Посыет, говоривший, как всегда, очень нескладно** попал случайно на такую мысль, которую*** я поспешил поддержать: зачем спорить о том, которая из двух дорог важнее, нужнее и выгоднее, почему не решить теперь же строить обе дороги; таким образом, политические наши цели относительно Персии и Англии будут достигнуты одним этим заявлением; для успокоения же министра финансов можем условиться, что приступим теперь к постройке Бакинской линии, а Джульфинскую будем изучать и подготавливать, так чтобы персидское правительство видело, что мы, со своей стороны, не оставляем предположенного дела и не уклоняемся от данного обещания идти навстречу будущим персидским дорогам. Такая мысль, видимо, понравилась****, она дава-

---

* Вчера получил я первое письмо от жены из Висбадена.

** можно сказать, даже вздорно.

*** я не решался высказать, но которую.

**** всем.

К. Н. Посьет

ла выход из трудного положения.* Государь поспешил одобрить предложенный способ решения и тем прекратил прения. Министрам финансов, путей сообщения и иностранных дел поручено формулировать заключение в том смысле, что концессия будет дана общая на обе дороги, но капитал на первый раз будет определен, собственно, по размеру одной Бакинской линии, причем будет условлено приступить к постройке Джульфинской линии, когда правительство признает это возможным после надлежащих изысканий¹⁹⁸. Постановленное решение, видимо, успокоило и князя Мир-

---

* Министр финансов даже не возражал, и хотя князь Горчаков начал было выражать противное мнение, однако же.

ского и обоих великих князей, которые по окончании заседания очень любезно выразили мне свое удовольствие*.

После совещания осматривал я в Соляном городке, в Педагогическом музее, выставку учебных пособий по части географии. Большая часть выставленных предметов предназначается для отправления на Парижскую географическую выставку. В последние годы у нас сделано много вообще по части педагогики и учебных пособий, в особенности же по предмету географии. Можно сказать, что теперь в учебных пособиях по этой части у нас почти роскошь**.

19-го апреля. Суббота. — При докладе моем Государь с удовольствием показывал мне ответную телеграмму великого князя Михаила Николаевича по поводу вчерашнего решения вопроса о закавказ-

---

* у Государя также камень с плеч свалился. Я и сам доволен этим решением, так как моя цель в том и заключалась, чтобы иметь рано или поздно обе дороги, и если я подавал голос против Бакинской линии, то единственно из опасения, чтобы она не убила совсем Джульфинскую. Если ж последняя и будет построена годом или двумя позже Бакинской, то в этом не вижу никакого неудобства; напротив того, в итоге мы выигрываем год времени, так как <по собственному моему сознанию, > к постройке Джульфинской линии ни в каком случае не было бы возможности приступить в текущем году. Нельзя притом не заметить, что сегодняшнее решение было почти полной победой после первого заключения нашего же совещания, уже получившего было высочайшее утверждение и состоявшего в том, чтобы строить одну Бакинскую дорогу, *«от которой впоследствии может быть проложена ветвь к персидской границе»*. Под этой ветвью разумелась дорога на Асландуз, против которой я постоянно возражал, и которую горячо поддерживало кавказское начальство. Теперь об асландузском направлении нет и речи; Джульфинская линия признана окончательно. Засим останется следить за самым исполнением постановленного ныне решения, а именно — настаивать, чтобы Джульфинская линия не оставалась надолго величиной «мнимой», утвержденной только в теории, на бумаге; и, во-вторых, чтобы добиться отмены свободного транзита по железной дороге в Баку. Предвижу, что в этом вопросе встречу сильную оппозицию со стороны кавказского начальства и министра финансов, несмотря на то, что в бывших совещаниях наших ни Рейтерн, ни князь Мирский не опровергали моих опасений на этот счет и согласились включить в первоначальный наш протокол оговорку, что вопрос о прекращении транзита должен быть рассмотрен и разрешен особо, прежде чем может быть открыто движение по Бакинской железной дороге. Они, конечно, ни к чему не обязывались, соглашаясь отложить рассмотрение вопроса; не сомневаюсь, что будут употреблены все ухищрения для того, чтобы устранить возникновение его, особенно если есть правда в толках о том, будто в деле Бакинской дороги главными акционерами будут лица очень высокопоставленные.

** Полученные письма из Висбадена не совсем утешительны относительно здоровья бедной моей Ольги. Однако ж жена уже на обратном пути, и мне кажется загадочным, как решилась она оставить больную в таком положении на попечении одной старшей ее сестры.

ских железных дорогах. Кавказское начальство в восторге. Но* оказывается, что решение сформулировано министром финансов совсем не в том смысле, в каком вчера, по моему предложению, было постановлено в Совете министров. О Джульфинской дороге сказано**, что будет приступлено к изысканиям, тогда как вчера говорилось, что на обе дороги разом будет дана концессия, с тем только, что к работам Бакинской линии будет приступлено неотлагательно, а к работам Джульфинской — по окончании изысканий. Таким образом, наша сторона, сделав вчера уступку, дала себя провести***. Князь Горчаков сегодня повторил мне, что он недоволен решением¹⁹⁹.

В час пополудни происходила в Георгиевском зале Зимнего дворца церемония прибавки нового штандарта, данного лейб-гвардии Казачьему полку по случаю завтрашнего торжества 100-летнего его юбилея. После того я высидел до 5 часов в соединенных департаментах Государственного совета по делу об изменении штата областного правления Донского войска²⁰⁰, а затем был на дипломатическом обеде у германского посла принца Рёйсс.

Прямо с обеда ездил на станцию Варшавской железной дороги встречать жену, которая возвратилась из-за границы, оставив большую дочь в Висбадене на попечении старшей сестры ее.

20-го апреля. Воскресенье. — Большая часть дня прошла в торжестве казачьего юбилея: утром парад на площадке пред дворцом, а позже обед во дворце, в Гербовом зале. Казаки осыпаны милостями.

21-го апреля. Понедельник. — После общего собрания Государственного совета было продолжительное заседание соединенных департаментов вместе с Польским комитетом для обсуждения представления Набокова о введении в Царстве Польском судебной реформы²⁰¹. Спорили много, потому что реформе этой, видимо, не сочувствует Министерство юстиции. С тех пор, как тянется это дело, граф Пален во все время старался тормозить и исказить его, предвидя, вероятно, что всякая мера, отождествляющая судебную часть в Царстве Польском с устройством ее в империи, будет шагом к такому же отождествлению и в прибалтийских губерниях****. Однако ж дело прошло, благодаря настойчивости и твердому направлению

---

* к крайнему прискорбию, я удостоверился.

** только.

*** и, как говорится, мы остались в дураках.

**** Не видя возможности сопротивления реформе, он начал уклоняться от личного участия в деле и вместо себя прислал сегодня своего товарища Эссена, как кажется, такого же, как он сам, остзейца. Однако ж ему не удалось ни в чем попортить дела.

председательствовавшего в заседании К.В. Чевкина; решено ввести новый устав в Царстве Польском не позже как чрез год*.

После заседания я должен был ехать на большой обед, данный казаками атаману своему наследнику цесаревичу в доме графини Елиз[аветы] Алексеевны Орловой-Денисовой. Обед был такой, как все обеды в подобных случаях: с музыкой, тостами** и проч.***

22-го апреля. Вторник. — Продолжительный доклад у Государя. Утверждено предположение о переформировании кавалерии. Вновь возбужденный А.А. Баранцовым вопрос о переформировании конной артиллерии остался пока нерешенным.

В заседании Комитета министров читались выборки из доклада комиссии, рассматривавшей отчет министра народного просвещения за 1873 год. В среде самой комиссии возникла ожесточенная полемика по поводу отдельного мнения, поданного одним из членов, князем Оболенским²⁰². По своему обычаю, граф Толстой написал толстую тетрадь в опровержение замечаний князя Оболенского на образ действий Министерства народного просвещения и, как всегда, наполнил свою записку**** искаженными фактами и неверными цифрами, чтобы оправдать себя и обвинить своего противника. И на этот раз он достиг своей цели: в резолюциях, положенных Государем на обеих записках, обвинен князь Оболенский, а граф Толстой вышел с похвалой. Обе эти записки с резолюциями выслушали мы среди глубокого молчания; по окончании чтения безмолвно встали и только пожали плечами*****.

24-го апреля. Четверг. — Сегодня доклад мой был продолжителен и выходил из ряда обыкновенных. Между прочим*****, представлен был мною на высочайшее решение спорный вопрос о допущенных в практике Военного министерства долгосрочных подрядах провианта, против которых государственный контролер ежегодно восстает в своих всеподданнейших отчетах. Я прямо высказал, что не могу признать генерал-адъютанта Грейга или товарища его Островского более компетентными судьями в деле военного хозяйства, чем Военный совет в полном составе и лица, специально заведующие

---

* и без малейшего поползновения к поддержанию сепаратизма.

** приторными выражениями поддельных чувств.

*** До крайности утомленный, возвратился я поздно домой, чтобы приняться за работу.

**** бессовестным искажением фактов и цифр.

***** Рассуждать нельзя после предъявленных высочайших резолюций, остается только в подобных случаях затаить в своем сердце вынесенное негодование.

***** я должен был поставить прямо вопрос о том, как Государь сам смотрит на спорный вопрос.

интендантской частью. Ныне, по случаю близкого окончания срока такого долгосрочного контракта, заключенного* на петербургскую провиантскую поставку, предполагается опять внести в Военный совет предположение об устройстве вновь подобной же долгосрочной поставк** , открыв для того надлежащую конкуренцию между благонадежными торговцами или известными коммерческими фирмами. Но, прибавил я, прежде чем подвергнуть это предположение обсуждению Военного совета, считаю необходимым заранее удостовериться, не противна ли личному мнению Его Величества означенная система долгосрочных договоров? После моих объяснений Государь сказал, что хотя ему и кажется, что я прав, однако ж не считает себя довольно близко знакомым с делом, чтобы сказать решительное слово, и потому желал бы для устранения всякого сомнения, чтобы вопрос был рассмотрен в финансовом комитете, с приглашением главного интенданта. Я должен был подчиниться такому решению, сказав только, что рассмотрение в финансовом комитете не должно иметь гласности и формальности, дабы не подать повода к нарушению прав и компетенции Военного совета.

По поводу того же дела я доложил Государю о ложных слухах, распушенных в городе по поводу найденного при арестовании купца Овсянникова списка интендантских чиновников, которые будто бы брали взятки от его приказчика²⁰³. Действительно, в этом списке оказались почти все смотрители магазинов и даже 3 чиновника окружного интендантства; им уже предложено подать в отставку; но сплетники и злые языки выдумали, будто в этом списке оказались имена «высокопоставленных лиц», называли окружного интенданта Скворцова и генерал-адъютанта Мордвинова. Наглая эта ложь и клевета, разумеется, произвели сильное волнение в интендантской сфере и в канцелярии Военного министерства. Для прекращения этих слухов просили меня выхлопотать теперь же, не в урочное время, награды как Мордвинову, так и Скворцову, однако ж Государь не согласился на это, а разрешил только напечатать в Правительственном вестнике краткую заметку в опровержение распушенных ложных*** толков.

Кстати о толках: вчера, после разговора с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом I-м, Государь приказал Потапову призвать к себе генерал-майора Черняева и намылить ему голову за его неприличные генеральскому званию выходки в печати

---

* с Фейгиным и переданного им Овсянникову и Кокореву.

** зерна с перемолом.

*** или преувеличенных.

против всего управления генерала Кауфмана. Сомневаюсь, чтоб это объяснение Потапова с Черняевым имело какой-нибудь практический результат: думаю, что Потапов разыграет роль повара в басне «Повар и кот».

Во время доклада Государь говорил о странном слухе, будто Пруссия намеревается снова разгромить Францию и только ищет предлога к нападению²⁰⁴. Князь Орлов сообщает, что Дерби предварил об этом Деказа (французского министра иностранных дел),* в среде же французского правительства ходит слух, будто Пруссия намерена напасть на Австрию. Государь смущен этими слухами и, говоря об образе действий Бисмарка, сравнил его с Наполеоном I, который по окончании каждой войны сейчас же искал предлога к начатию новой. Странно слышать такое мнение из уст Государя — друга и верного союзника императора Вильгельма. Цесаревич вмешался в разговор и заметил, что все дело заключается в католическом вопросе. Я воспользовался случаем, чтобы сказать, что за несколько дней пред сим генерал Обручев подал мне записку, в которой развивает ту же мысль — что затруднения, в которые Пруссия ныне поставлена борьбой с папизмом, должны повести к общей европейской войне, которая, по мнению Обручева, может быть ближе, чем мы думаем²⁰⁵. Сначала я положил эту записку под спуд, думая, что Обручев** фантазирует, но теперь решаюсь представить его записку для прочтения Государю***.

После доклада моего было у Государя совещание, в которое приглашены были министры внутренних дел, юстиции и шеф жандармов. Дело шло о том, судить ли военным судом или гражданским пойманных на днях в казармах лейб-гвардии Московского полка нескольких молодых людей, покушавшихся производить пропаганду между нижними чинами. Уже несколько дней ранее я объяснял Государю, что при теперешнем устройстве судов гражданских и военных нет никакой цели отступать от общего установленного порядка подсудности. То же самое объяснил и граф Пален. Решено вести дело законным порядком, но при этом были снова высказаны некоторые мысли относительно вредной пропаганды, производимой нашими нигилистами, о мерах к ограничению зла и т. д. Государь указал на необходимость скорейшего разрешения вопроса о том, как избегнуть рассеяния по всей России людей, вы-

---

* что Бисмарк затевает неожиданное нападение.

** бредит.

*** Кажется, Обручев прав, и дело оказывается серьезнее, чем до сих пор представлялось.

сылаемых за вредный образ мыслей и противозаконные стремления. Поручено подлежащим министрам обсудить, нельзя ли образовать нечто вроде пенитенциарных колоний.

В час пополудни — большой парад на Царицыном лугу (Марсовом поле); погода прекрасная, и все обошлось вполне удачно.

Вечером мой сын уехал на Дон.

25-го апреля. Пятница. — Был на экзамене в Артиллерийском училище, потом на смотре молодых солдат последнего призыва.

26-го апреля. Суббота. — При докладе Государь опять заговорил о слухах, будто Пруссия ищет предлога к новой войне с Францией, и опять заметил, что Бисмарк, подобно Наполеону I, придирается ко всякому пустому предлогу, чтобы только затеять войну*. Государь приводил слова Мольтке, который находил, что для Пруссии выгоднейший операционный путь во Францию — чрез Бельгию. Не совсем понятно, почему германской армии нужно искать какого-нибудь нового пути чрез нейтральную страну, когда у нее теперь такой превосходный базис, как Рейн от самого Базеля до Кобленца с несколькими первоклассными крепостями и, кроме того, с передовым сильным пунктом — Мецом. Государь закончил этот разговор, сказав: «Вот узнаем завтра в Берлине»²⁰⁶.

Вечером ездил я на станцию Варшавской железной дороги проводить Государя. Он едет в Эмс и полагает возвратиться 23-го июня.

5-го мая. Понедельник. — С отъезда Государя не заглядывал в свой дневник. Дни текли в обычных занятиях, которые прерывались только хлопотами домашними. Остававшаяся еще в Петербурге часть моей семьи выехала по Николаевской железной дороге в прошлую среду, 30-го числа. Вчера же утром проводил я сестру Мордвинову за границу. Оставшись в совершенном одиночестве среди обширного пустого дома, не успеваю скучать за множеством разнообразных занятий. По утрам почти ежедневно бываю на экзаменах в учебных заведениях, затем в разных заседаниях и т. д.

Политические известия в последнее время успокоительнее, опасения войны, кажется, рассеялись. В значительной степени приписывают этот оборот свиданию нашего императора с германским. Посол наш в Париже, князь Орлов, в одной из последних своих депеш в Министерство иностранных дел пишет, что во Франции серьезно озабочены войной, что маршал Мак-Магон

---

* Первоначальный текст после слов «...ищет предлога к новой войне с Францией»: «Он сравнивал Бисмарка с Наполеоном I в отношении образа действий: он также находит потребность в войне и придирается к пустому предлогу, чтобы только воевать».

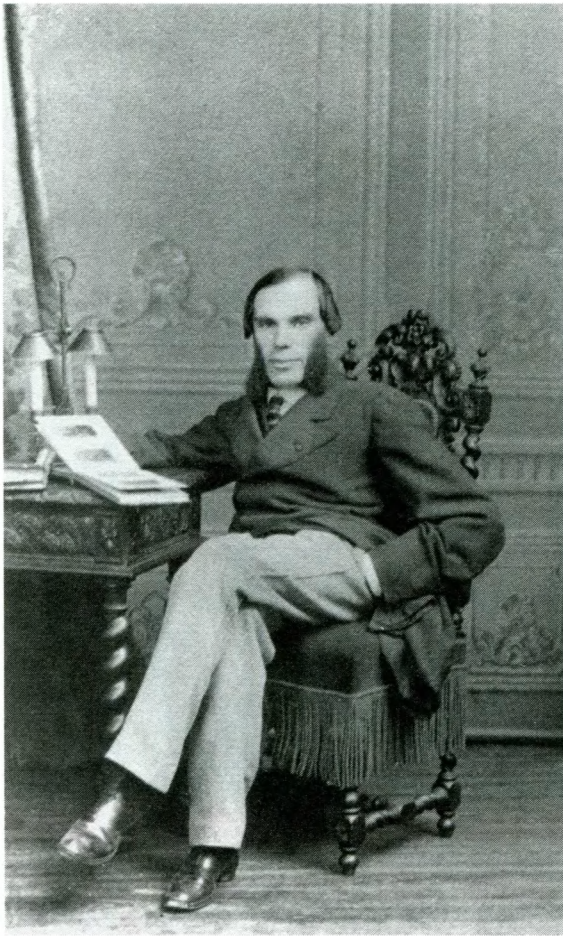
М.-Э. Мак-Магон

в разговоре с ним, князем Орловым, выражал ему надежду на заступничество нашего Государя. «Je place la France sous la protection de l'Empereur»^{*207}. Такая фраза со стороны президента французской республики выказывает**, в какое жалкое положение поставлено это государство, так недавно еще кичившееся своим первенством между всеми европейскими державами. В газетах французских, так же как в немецких и английских, прославляют Россию и императора Александра, выставляют его миротворцем Европы; даже враждебные России органы печати сделались до приторности любезны к нам. Давно Россия не была в такой выгодной роле. Воспользуется ли ею наша дипломатия и поддержит ли долго такое положение? Невольно родится сомнение, когда видишь, что государственный канцлер, доехав с Государем до Берлина, оттуда отпра-

---

* «Я передаю Францию под покровительство императора» (фр.).

** вполне.

А.Ф. Гамбургер

вился в Баден и в Швейцарию на все лето наслаждаться беззаботным *far niente*^{*}, что при Государе в Эмсе нет никого, кроме добродушного Амбургера, которого вся служебная деятельность состоит только в писании под диктовку князя Горчакова, здесь же во главе Министерства иностранных дел остается барон Жомини, не выучившийся даже говорить по-русски.

6-мая. Вторник. — Сегодня в Комитете министров были продолжительные и горячие прения о направлении Северной железной дороги. Под этим названием разумелась предлагаемая Министерством путей сообщения линия от Ярославля чрез Вятку, Пермь

---

^{*} бездельем (*итал.*).

на Тюмень, в отличие от южного направления чрез Казань или чрез Самару. В совещаниях участвовали и члены прежнего железнодорожного комитета, в том числе четыре инженера путей сообщения: генерал Мельников и Герстфельд, тайный советник Кербетц и Шёрнваль; и, несмотря на то, представление министра путей сообщения* провалилось пред атакой почти всего Комитета²⁰⁸. Посыет** выказался и тут крайне слабым***; за его представление подали голоса только Мельников (который один, собственно, и говорил в пользу северного направления), Герстфельд и Шёрнваль. Даже Кербетц подал голос против северного направления. Абаза в длинной и превосходной речи совершенно уничтожил эту странную линию, так что прочим членам мало оставалось прибавить к его аргументам. Великий князь Константин Николаевич, принявший участие в заседании, также высказался весьма решительно за южное направление^{****209}.

Сегодня же были еще два непродолжительные заседания: Польского комитета — в квартире Чевкина (который серьезно болен), и Кавказского.

Обедал я у А.А. Абазы.

7-го мая. Среда. — По официальным сведениям Министерства иностранных дел, император Вильгельм в разговоре с нашим Государем положительно отрекся от всякого намерения начать снова войну с Францией. Бисмарк в беседе с князем Горчаковым разразился негодованием на клеветы и сплетни, распускаемые газетами и самим правительством французским. «Il déclara positivement que lui attribuer une agréssion contre la France équivalait à l'accuser d'idiotisme et de manque absolu d'intelligence». — «Le maréchal Moltke (по выражению Бисмарка) avait pu s'exprimer comme homme de guerre sur une lutte prochaine avec la France, mais en politique c'est un jeune homme dénué de toute influence»^{*****}. В официальной депеше наших дипломатов говорится далее: «Il résulte de l'ensemble de ces déclarations faites dans les termes les plus péremptaires que notre Auguste Maître a pleinement atteint le but de sa venue à Berlin et que sa

---

* ратовавшего горячо за северное направление чрез Пермь, Вятку и Ярославль.

** был, как и всегда.

*** чуть не до идиотизма.

**** т. е. на Казань и Нижний.

***** «Он решительно заявил, что приписывать ему агрессивные действия против Франции равносильно обвинению его в идиотизме и в полном отсутствии ума.

Маршал же Мольтке (по выражению Бисмарка) был компетентен в вопросе будущей борьбы с Францией лишь с точки зрения военного, но в политике он — просто молодой человек, лишенный всякого влияния» (фр.).

présence et son langage ont raffermi les bases auxquelles repose le maintien de la paix. — Parmi les cabinets préoccupés des dangers dont la France serait menacée du côté de l'Allemagne, celui de S[ain]t James s'est placé en première ligne. Contrairement à son langage habituellement modéré et même un peu obscur, cette fois l[or]d Derby a donné l'ordre à l[or]d Odo Russel de soutenir jusqu'aux dernières limites les efforts de l'Empereur pour le maintien de la paix et de mettre, le cas échéant, à la disposition de S.M. toute la puissance de l'Angleterre, si l'ambassadeur Britannique en était requis par nous. L'oeuvre entreprise par notre Auguste Maître était déjà accomplie lorsque cette offre a été faite et il n'y a pas eu lieu de s'en prévaloir»*.

8-го мая. Четверг. — Утром был я на экзаменах в Медико-хирургической академии и на Женских курсах²¹⁰. Нашел более порядка, чем бывало прежде.

Потом председательствовал в совещании, составленном из делегатов разных министерств и нескольких военных лиц для обсуждения основных начал военно-конской повинности. Самое деятельное участие в прениях приняли члены от Министерства внутренних дел: Беклемишев, Барыков и Семенов (Петр Петрович, статистик). Спорили почти до 6 часов; к счастью, совещание не осталось без результата.

Обедал у Елизаветы Павловны Эйлер с Грейгом и К.К. Гротом. Из рассказов Грейга о комиссии, обсуждающей под его председательством вопрос о передаче Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения, можно догадываться, что он клонит в пользу оставления академии в военном ведомстве и что сам граф Толстой уже охладел к этому делу, которое прежде так горячо принимал к сердцу²¹¹.

20-го мая. Вторник. — С высочайшего разрешения собираюсь в продолжительную поездку по некоторым округам для осмотра военных учреждений, предполагал выехать еще 14-го числа, но

---

* «Из всех этих деклараций, сделанных в самых решительных выражениях, следует, что наш августейший монарх полностью достиг цели своего приезда в Берлин и что его присутствие и его тон утвердили основы, на которых покоится мир. Среди правительств, озабоченных угрозой нападения Германии на Францию, более всего обеспокоен С.-Джемский кабинет.

В противоположность своим выступлениям, обычно сдержанным и даже несколько неясным, на этот раз лорд Дерби дал приказание лорду Одо Росселю поддерживать до последних пределов усилия императора в отношении сохранения мира и представить в случае надобности в распоряжение е. в. всю военную мощь Англии, если бы мы потребовали этого у английского посла. Дело, принятое нашим августейшим монархом, было уже завершено, когда это распоряжение было сделано, и тщеславиться им не было оснований» (фр.).

С.А. Грейг

с 9-го занемог бронхитом и рожистым воспалением на лице, так что не мог и думать о выезде в назначенный день. Врачи приговорили меня к заточению, ежедневно утром и вечером навещали меня профессора Боткин и Тарновский.

Выдержав 10-дневный карантин и не совсем еще оправившись, я решился, однако же, выехать вчера, чтобы воспользоваться приездом в город великого князя Константина Николаевича и откланяться ему здесь, взамен поездки в Павловск. К тому же на нынешний день назначено было в Комитете министров обсуждение злополучного дела о Медико-хирургической академии. Дело это тянулось так долго, что, казалось, не было уже и повода торопиться решением его. Но в настоящее время года многие из членов Комитета министров, не исключая и самого Грейга, а также председателя генерал-адъютанта Игнатьева, готовятся покинуть столицу на все летнее время; да и я только ожидаю выздоровления, чтобы также уехать. Приходилось или отложить дело до осени или немедленно же порешить его в нынешнем заседании Комитета. Генерал Иг-

натьев и Грейг приезжали ко мне под предлогом навешения больного, но в действительности для того, чтобы предварить меня о предстоящем заседании и получить мое согласие на немедленное внесение дела на обсуждение Комитета. Я изъявил на то согласие, хотя здоровье мое далеко еще не поправилось; но для меня слишком тягостна продолжительная неопределенность судьбы академии, так же как и для нее самой.

Давно уже известно моим коллегам, что вопрос этот я считаю своим личным вопросом и что в случае передачи академии в Министерство народного просвещения не останусь военным министром. Поэтому сегодняшнее заседание имело исключительное значение. Посетившие меня еще вчера Игнатьев и Грейг предупредили меня, что в заседании примет участие великий князь Константин Николаевич. Это крайне удивило меня, тем более, что при вчерашнем моем свидании с его высочеством была речь о назначенном сегодня заседании и ни малейшего с его стороны намека на его намерение участвовать в заседании. Да и какой для него интерес могло представлять дело о Медико-хирургической академии? Теперь припоминаю, что уже гораздо ранее доходили до меня слухи, будто великий князь поддался влиянию одного врача из академических профессоров, горячо ратовавшего за передачу академии. Умалчиваю о том случайном поводе, которому сплетни приписывают это влияние ученого врача на великого князя*. Как бы то ни было, появление в Комитете его высочества было невыгодным для меня предзнаменованием. Министр финан-

---

* *Первоначальный текст записи за 20-е мая: «С 9-го числа я занемог рожей на лице и бронхитом, так что не мог и думать о выезде в предположенное путешествие по России. Врачи заключили меня в комнату; ежедневно утром и вечером доктор Тарновский приезжал распоряжаться моим носом, а профессор Боткин прописывал внутренние лекарства. Я выдержал 10-дневный карантин, и, не совсем еще оправившись, должен был, однако же, решиться выехать в понедельник, 20-го числа, чтобы воспользоваться приездом в Петербург великого князя Константина Николаевича и избежать поездки в Павловск. К тому же во вторник, 21-го числа, было назначено рассмотрение в Комитете министров несчастного дела о Медико-хирургической академии. Дело это тянулось так долго, что, казалось, не было уже и повода особенно торопиться внесением в Комитет министров доклада генерал-адъютанта Грейга. Но последний почему-то пожелал скорее развязаться с делом; на этой неделе должен был уехать за границу председатель наш генерал Игнатьев, я также был на отъезде, другие министры намеревались в разное время покинуть столицу, и, таким образом, приходилось или отложить дело до осени или немедленно же разрешить его в нынешнем заседании Комитета. Только ночью с субботы на воскресенье разослан был доклад генерал-адъютанта Грейга, названный, впрочем, журналом комиссии, состоявшей под его председательством. Пав[ел] Ник[олаевич] Игнатьев и Грейг несколько раз приезжали ко мне под тем предлогом, чтобы навестить больного,*

сов Рейтерн, на которого я мог рассчитывать более, чем на других, не приехал в заседание, а прислал за себя Гирса (Александра Карловича). Также и представителями министерств внутренних дел и юстиции явились в заседание товарищи министров: князь Лобанов-Ростовский и Эссен. Напротив того, А.А. Абаза приехал, несмотря на болезнь. Пред открытием заседания я заявил своим коллегам, что постараюсь воздержаться от всякого участия в прениях и ограничиться представлением Комитету тех объяснений или справок, какие могут понадобиться. Граф Толстой, к удивлению моему, заявил то же самое в начале заседания. Комитет как будто готовился к сражению. Первым начал говорить Грейг, как председатель комиссии, на которую было возложено предварительное разъяснение обстоятельств спорного дела; он являлся в качестве следователя, которого голос имел особенное значение; он один из всего Комитета изучил дело, выслушав в течение почти целого года бесконечные толки, показа-

---

но, в сущности, для того, чтобы приготовить меня к предстоящему заседанию и спросить мое согласие на немедленное разрешение дела, так близко принятого мною к сердцу. Я изъявил согласие, хотя и чувствовал еще себя не совсем здоровым; мне надоело это долгое ожидание катастрофы; неопределенная будущность академии была крайне тяжела для самой академии, но она была тяжела и лично для меня. В моих мыслях уже было решено — в случае передачи академии в Министерство народного просвещения не оставаться военным министром. Я заявил давно, что вопрос об академии я считаю моим личным вопросом. Поэтому сегодняшнее заседание имело для всех более важное значение, чем какое-либо другое. Вчера откланивался великому князю Константину Николаевичу; хотя и была при этом речь о предстоявшем деле, однако ж он ни слова не сказал мне о своем намерении принять сегодня участие в заседании; а вслед за свиданием со мною, в Государственном совете объявил, что намерен приехать в заседание Комитета министров, чтоб поддержать передачу академии в Министерство народного просвещения. Я узнал об этом вчера же от приезжавших ко мне Игнатьева и Грейга и не мог не подивиться такой двуличности великого князя. И какой интерес могло иметь для него это дело? Но я припомнил, что уже гораздо ранее доходили до меня слухи о том, что один из профессоров академии Флоринский, поддерживавший все время агитацию в пользу передачи академии, имел особенный случай повлиять на великого князя. История несколько скандалезная: у любовницы Константина Николаевича (актрисы Кузнецовой) заболел ребенок; великий князь встревожился, рассылал ночью за докторами; двое отказались приехать, но третий, Флоринский, приехал, и хотя ребенок все-таки умер, однако же случай этот сблизил Флоринского с великим князем, и раз, находясь с ним в среде незаконной его семьи, он усердно занялся внушением великому князю необходимости отделения академии от Военного министерства. Константин Николаевич, легко увлекающийся посторонними влияниями и действующий всегда порывами, без сдержанности, исполнил обещание, данное Флоринскому, и совершенно неуместно явился в заседание Комитета министров»²¹².

ния и справки обеих сторон. Можно было думать, что он будет клонить на сторону графа Толстого, как давнишнего своего приятеля и товарища по Морскому министерству*. Каково же было общее удивление**, когда Грейг начал положительно вести речь в пользу оставления академии в военном ведомстве. Длинная и дельная речь такого компетентного судьи*** дала делу решительный оборот; прочие члены Комитета — Валуев, Абаза, даже князь Сергей Ник[олаевич] Урусов — заговорили в том же смысле; даже сам граф Толстой и союзник его — представитель Министерства внутренних дел князь Лобанов-Ростовский**** сделались***** уступчивыми и, казалось, готовы уже были отступить от своего домогательства, как напоследок поднял голос великий князь Константин Николаевич в смысле диаметрально противоположном всему, что говорилось до него. Тогда и Грейг и я были вынуждены выйти из нашей сдержанной роли. Грейг выказал при этом много достоинства, вступив в живое, даже несколько резкое препирательство с великим князем, несмотря на свои близкие с ним отношения. Тем не менее, граф Толстой и князь Лобанов-Ростовский снова оперились и заявили, что не видят причины отказаться от своего прежнего мнения. Председатель пустил вопрос на голоса; на сторону графа Толстого и князя Лобанова-Ростовского стали только трое: великий князь, адмирал Лесовский (тут же откровенно объявивший, что считает себя обязанным подать голос заодно со своим начальством) и Эссен; на моей же стороне оказались все прочие 20 голосов²¹³. Такой результат был для меня совершенно неожидан. После заседания многие из моих коллегов подходили ко мне с выражением своего удовольствия. Подошел и великий князь с вопросом: не сержусь ли я на него?***** — «Сердиться не смею, — отвечал я, —

---

* Первоначальный текст после слов «...показания и справки обеих сторон»: «Вообще предполагали, что Грейг, не высказывавший никогда никакого заключения, будет более клонить на сторону графа Толстого, как давнишнего своего приятеля и товарища по Морскому министерству».

** и, не скрою — мое удовольствие.

*** в настоящем деле.

**** (за отсутствием Тимашева).

***** весьма.

***** Первоначальный текст после слов «...После заседания многие из моих коллегов»: «подходили меня приветствовать, и видно было, что большинство осталось довольно таким исходом. Мне же оно было более чем приятно, хотя я и не обольщался успехом в Комитете, зная, что окончательное решение вопроса не основывается на счете голосов. Великий князь не мог, конечно, не заметить моего неудовольствия на его неуместное вмешательство в дело, нисколько до него не касавшееся; он подошел ко мне с вопросом: не сержусь ли я на него?».

но удивляюсь». — «Почему же? Разве я мог говорить противно моему убеждению?» — «Этого никто не может требовать; но для чего нужно было вашему высочеству внести в это дело ваши убеждения? Вы знали, что это вопрос личный для меня; приехав нарочно, чтобы подать голос против меня, вы, может быть, способствовали тем моему удалению из министерства...». Великий князь начал уверять меня в своем ко мне расположении и убеждал, чтобы я не связывал дело академии с вопросом личным. Прощаясь со мной, великий князь сказал: «Надеюсь, что мы будем еще многие годы идти вместе, рука в руку», — на что я ответил, что теперь решение уже зависит не от нас²¹⁴.

Таким образом, сегодняшнее заседание прошло гораздо приятнее для меня, чем я мог ожидать; я доволен уже тем, что дело не было отложено; теперь буду с большим спокойствием ожидать из-за границы окончательного решения. Утвердит Государь заключение большинства — в таком случае вся история с академией скоро будет забыта, как лихорадочный бред; утвердит мнение меньшинства — я перестаю быть министром и с удовольствием избавлюсь от всех забот и тревог, не дававших мне в продолжение стольких лет ни отдыха, ни покоя. Настоящее время самое удобное для меня в этом отношении: высочайшая резолюция будет получена в отсутствие мое из Петербурга; узнав о ней, я могу просто донести о своей болезни и просить увольнение за границу. В этих видах, готовясь к отъезду, привожу свои дела в такой порядок, чтобы всеми оставляемыми в петербургской квартире бумагами и вещами можно было в случае надобности распорядиться заочно.

22-го мая. Четверг. — Происходившее во вторник заседание Комитета министров, со всеми его перипетиями*, не оставило по себе следов на состоянии моего здоровья; на другой же день, то есть вчера, я чувствовал себя настолько** удовлетворительно, что ездил прощаться с близкими своими знакомыми, а сегодня — в Царское Село откланяться находящимся там членам царского семейства. По возвращении в Петербург заехал к великому князю Николаю Николаевичу, а потом на Каменный остров к герцогу Георгу Мекленбург-Стрелицкому. Чрез час отправляюсь на Николаевскую железную дорогу.

24-го мая. Суббота. Пароход на Волге. — Вчера, в пятницу, в Москве провел я все утро в военных гимназиях и юнкерском училище; по-

---

* и волнениями.

** бодро, что целое утро разъезжал по близким знакомым, чтобы распрощаться с ними, а вечер и часть ночи употребил на приведение в порядок своих бумаг и вещей, сегодня же съездил в Царское Село, откланяться наличным членам царской фамилии.

том сделал несколько визитов, заехал к своей невестке Марии Аггевне Милютиной, отобедал запросто у генерала Гильденштуббе и в 8 часов вечера был уже на станции Ярославской железной дороги.

Сегодня в 7-м часу утра прибыл в Ярославль, остановился в военной прогимназии у директора ее полковника Боголюбова. До 2-го часа осматривал это заведение, потом сделал визиты архиерею, губернатору (адмиралу Унковскому) и городскому голове (Шубину) и, наконец, осмотрел казармы. Ни в одном городе квартирующие войска не имеют такого удовлетворительного помещения. В 8¹/₂ часов вечера я был уже на пароходе общества «Самолет» и отчалил от ярославской пристани «вниз по матушке по Волге».

Еду я с адъютантом моим, полковником* Араповым и поручиком фельдъегерского корпуса Даниловым. В Нижнем должен присоединиться еще инженер-полковник Покотилов, командированный от Главного управления военно-учебных заведений для объяснения мне некоторых вопросов по строительной части.

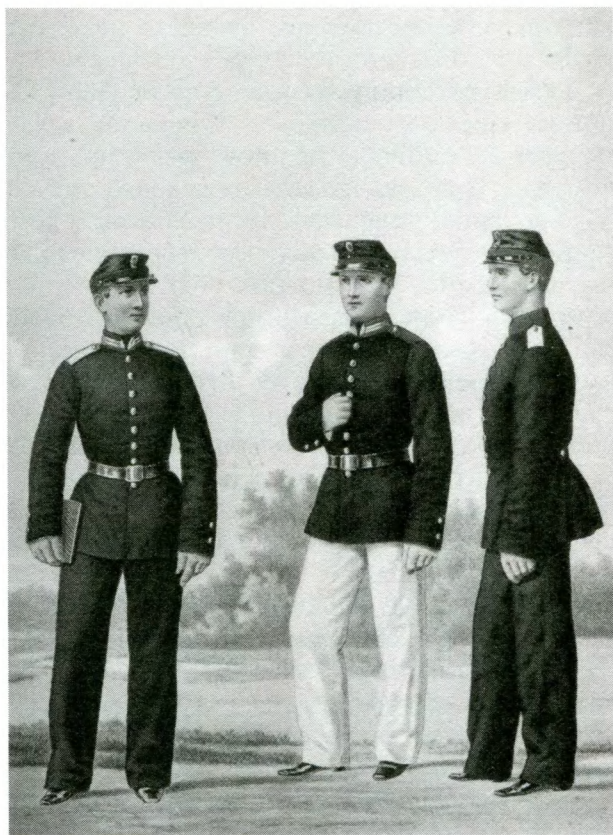
5-го июня. Четверг. Станция Лозовая. — В ожидании отхода железнодорожного поезда пользуюсь продолжительной остановкой на станции, чтобы внести в свой дневник отчет за целые двенадцать дней путешествия.

Плавание мое по Волге совершилось вполне удачно и быстрее, чем я рассчитывал. 26-го мая (понедельник), рано утром прибыв в Нижний, отправился прямо в военную гимназию, где директор генерал-майор Носович приготовил мне пристанище. Это одна из лучших военных гимназий; я любовался превосходными отношениями, установившимися между воспитанниками и директором: это почти отношения детей к отцу. В течение дня я успел осмотреть город, помещения войск, лазареты, офицерское собрание, сделать визиты вице-губернатору барону Фредрихс (за отсутствием губернатора), городскому голове (Губину) и начальнику дивизии генерал-лейтенанту Ганецкому; затем выдержал** парадный обед, данный в мою честь городским обществом. Тут, разумеется, не обошлось без тостов и спичей. Городской голова показал при этом много такта, взяв темой своей речи Сибирскую железную дорогу: вопрос этот, конечно, давал мне в глазах нижегородского купечества гораздо более права на его сочувствие, чем новый закон о воинской повинности, с которой Губин начал было свой спич. Вечер провел в среде воспитанников военной гимназии, которые угощали меня пением и музыкой.

---

* Иваном Андр[еевичем].

** пытку парадного обеда.

*Воспитанники
Орловской, Ниже-
городской и Воро-
нежской военных
гимназий*

27-го мая (вторник), в 8 часов утра распростился я с приветливыми юношами, с их начальством и педагогами и продолжал путь на пароходе. После суточного плавания, 28-го числа (в среду) в 7-м часу утра прибыл в Казань. Здесь пробыл я двое суток (28-го и 29-го мая), осматривал помещения войск, госпиталь, юнкерское училище, интендантский склад, пороховой завод, лагерь 2-й пехотной дивизии и проч. Всюду сопровождал меня командующий войсками Казанского округа генерал Бруннер. Это личность мало симпатичная, много слышал жалоб на его резкость и грубость, но, с другой стороны, надо отдать ему справедливость, что он своей строгостью водворил между военными несколько более порядка и дисциплины, чем было до него. 29-го числа он дал большой обед, к которому были приглашены высшие военные начальники и губернатор Скарятин. В Казани, как и в других посещенных мною городах, старался я уладить дело постройки казарм для устранения

крайних неудобств существующего ныне порядка размещения войск в частных домах по найму от города.

30 мая, в пятницу, выехав в 8 часов утра из Казани опять на одном из маленьких пароходов «Самолета», я успел в тот же день осмотреть в Симбирске военную гимназию и помещения местной команды. Гимназия представляется пока только в зачаточном виде: она временно помещена в тесном частном доме и не имеет собственного интерната; только небольшое число воспитанников (преимущественно иногородних родителей) помещено в соседнем доме, в пансионе, содержимом одним из преподавателей. Директор новоучрежденной гимназии, полковник Альбедиль, к сожалению, человек болезненный. Возвращаясь под вечер на пароход, я осмотрел место, назначенное для постройки здания гимназии по проекту, составленному полковником Покотиловым.

31 мая, в субботу, к часу пополудни прибыл я в Вольск, где меня особенно интересовала военная прогимназия, устроенная в виде исправительного заведения для тех воспитанников военных гимназий и прогимназий, которые удаляются оттуда за какие-либо предосудительные наклонности или пороки. Заведение помещено в старинном ветхом доме, по возможности приспособленном к настоящему назначению; вся обстановка очень скудная, но местоположение прекрасное: большой сад, огород и все, что нужно для занятий воспитанников физическим трудом. Директор, полковник Остелецкий — отличный специалист по своей части, вполне преданный делу. Воспитанников нашел я гораздо лучшими, чем ожидал: все окончившие курс и только что сдавшие экзамен были мне представлены с отличными отзывами начальника, двое из них даже удостоены поступления в Московскую военно-учительскую семинарию, приготавливающую учителей и воспитателей для военных прогимназий. Приписать ли такой успешный результат умению и стараниям начальства и воспитателей Вольской военной прогимназии или же тому, что заведения, из которых воспитанники переведены сюда для исправления, не совсем основательно выбрасывают из себя этих детей, — вопрос этот не мог я разяснить в те немногие часы, которые провел в Вольске.

В ночь с 31-го мая на 1-е июня пароход тронулся далее, и часов в 7 утра в воскресенье я был в Саратове. На пристани встретили меня губернатор Галкин-Врасский — давнишний мой знакомый, начальник 40-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Шатилов, которого также я знал еще в Тифлисе, и прочее местное военное начальство. В числе встретивших меня лиц находился и зять мой Семен Александрович Мордвинов. Приходилось мне оставаться

в Саратове до 4-го часа, в ожидании отхода железнодорожного поезда на Лозовую. День был праздничный (Троицын). В лагере под самым городом один из полков 40-й пехотной дивизии, Кутаисский, справлял свой полковой праздник. По приглашению генерала Шатилова, я обещал принять участие в этом празднестве; но так как час был еще ранний, то я успел вместе с губернатором объехать и осмотреть в городе помещения войск*, затем заехал на железнодорожную станцию, чтобы переодеться (в мундир), а в 11-м часу отправился в лагерь, прямо к церковному параду. После продолжительной службы в лагерной церкви пригласили меня к завтраку, приготовленному в бараке офицерской столовой. Завтрак, как водится, сопровождался оживленными тостами и речами; искреннее радушие было выказано мне всем обществом офицеров полка, особенно же молодежью. Возвратился я на железнодорожную станцию как раз к отходу поезда.

2-го июня (понедельник) приехал я в Воронеж в 3-м часу дня. На станции, по обыкновению, встретило меня все местное начальство; у здания же военной гимназии, где было приготовлено для меня помещение, выставлен почетный караул (вопреки сделанному общему распоряжению). Несмотря на праздничный день, я нашел воспитанников гимназии в сборе, так что имел возможность, кроме осмотра помещений, также видеть работы воспитанников — письменные и рисовальные, прием некоторых проэкзаменовать, затем послушать пение и музыку. В промежутке этих занятий успел я сделать визит вице-губернатору Левшину (за отсутствием губернатора), побывать с ним в военно-исправительной роте, осмотреть интендантский склад и переговорить с кем следовало по казарменному вопросу. Военную гимназию нашел я в полном порядке; директор ее генерал-майор Тыртов, как кажется, ведет дело хорошо, но, на мой взгляд, держит себя как-то важно и сухо. Тут уже совсем не те отношения, что в Нижегородской военной гимназии.

---

* *Первоначальный текст после слов «...зять мой Семен Александрович Мордвинов»: «с которым отношения мои очень шекотливые. Так как поезд железной дороги, с которым предстояло мне ехать из Саратова, отходит только в 4-м часу пополудни, а день был праздничный (Троицын), то я очень опасался, что буду поставлен в неловкое положение. Вышло, однако ж, довольно удачно: генерал Шатилов пригласил меня на полковой праздник Кутаисского пех. полка, справляемый в этот день в лагере. В другое время такое приглашение было бы мне крайне не по вкусу, но тут я принял его с удовольствием. Немедленно по выходе с парохода на берег я сел в коляску с губернатором, вместе с ним объехал и осмотрел городские помещения войск».*

Из Воронежа выехал я 3-го июня (вторник) в 10 часов утра по железным дорогам на Грязи, Елец, Орел, Харьков, и сегодня, 5-го числа, рано утром добрался до Лозовой, где приходится сидеть целых четыре часа.* Воронежем закончилась официальная или служебная часть моего путешествия; отсюда отпустил я всю свою свиту и теперь еду уже частным человеком. Завтра утром рассчитываю быть на пароходе в Севастополе, а к вечеру — в Ялте или, может быть, в Симеисе.

18-го июня. Среда. Симеис. — С 6-го числа живу я здесь с женой и одной из дочерей — Надеждой. Старшие две за границей, а две меньшие и племянница с Ольгой Ивановной Винтер проводят лето в Бессарабии в имении моего шурина Евг[ения] Мих[айловича] Понсэ. Здесь мы поместились кое-как в двух комнатках верхнего этажа не отделанного еще дома. Кругом нас идет работа; стукотня, пыль, мусор, грязь. За неимением еще кухни мы должны ежедневно ездить или ходить обедать за 3 версты — в гостиницу Алупки. Погода жаркая. Много забот с постройкой дома, с разведением сада и обзаведением новым хозяйством.** Мечта наша — иметь с нынешнего же лета спокойное и уютное пристанище — не осуществилась, семье приходится оставаться еще разбросанной.

В продолжение моего здесь пребывания ожидал я с нетерпением известия о решении Государя по делу Медико-хирургической академии. Я приготовился и к тому и другому исходу.** Из Петербурга присылали ко мне двух фельдъегерей с маловажными бумагами, а рокового известия все еще не было.**** Только вчера пришла, наконец, телеграмма от графа Гейдена, что Государь решил согласно с мнением большинства, т. е. оставить академию в Военном министерстве²¹⁵. Таким образом, злополучный этот вопрос, тянувшийся почти два года, решен в пользу Военного министерст-

---

* Пользуюсь этим досугом, чтобы внести в свой дневник отчет за последние двенадцать дней путешествия.

** По временам бывают у нас посетители, которые напоминают поговорку: незванный гость хуже татарина. Но в особенности досаждают архитектор и строители. Работа дома подвигается крайне медленно, хотя все условленные сроки давно миновали; однако ж архитектор (Голиков) не торопится и ведет дело спустя рукава.

*** *Первоначальный текст после слов «...Я приготовился»:* «ко всем случаям; обдумал до мельчайших подробностей, как буду действовать в том случае, если решение последует согласно с меньшинством Комитета министров».

**** *Первоначальный текст после слов «...а рокового известия»:* «от которого зависит вопрос: остаюсь ли я министром или удаляюсь с арены, — до сих пор не было. Я уже начинал опасаться, чтобы не пришлось уехать отсюда и возвратиться в Петербург до получения ожидаемого известия; это было бы самой неудобной для меня случайностью».

ва; вместе с тем отдалается на неопределенное время и мое освобождение* из петербургского омута интриг и треволнений**.

Итак решено; я должен быть в Петербурге ко времени возвращения туда Государя, т. е. к 25 числу. Выезжаю отсюда в пятницу, 20-го числа.

24-го июня. Вторник. Петербург. — На пути с юга на север оставался в нескольких пунктах. В Севастополе осмотрел казармы и лазарет, обедал у генерала Рихтера (начальника 13-й пехотной дивизии). В Симферополе, в ожидании отхода поезда, пришлось довольно долго беседовать с губернатором генералом Кавелиным***. Затем в Харькове провел полдня не без пользы: вместе с командующим войсками округа генерал-адъютантом Карцовым осмотрел существующие жалкие помещения войск и места, где предполагается возводить новые казармы. Везде одни и те же жалобы и сетования военного начальства, что городские управления не заботятся об улучшении размещения войск; но Харьков в этом отношении может быть поставлен на первое место. Здесь жалуются даже на губернскую администрацию и на самого губернатора, который поставил себя во враждебные к военному ведомству отношения, хотя сам военный, свиты Его Величества генерал-майор (князь Крапоткин)****. На всем

---

* от треволнений политической жизни.

** Не могу еще отдать себе положительного отчета в том, доволен ли я или нет полученным известием. С одной стороны — <удовлетворено мое самолюбие, поддержан мой авторитет> дело военно-медицинского ведомства выиграно, целое, обширное учреждение спасено от когтей <министерства> графа Толстого; с другой же стороны — упущен мною еще раз случай удалиться с арены, *tiger non érangle du jeu* [удачно выпутаться из неприятного дела, — *фр.*]. — Я мечтал уже о близкой свободе, спокойном отдыхе, и вот снова обречен вертеть колесо еще, может быть, многие годы. Отбрасывая, однако же, в сторону всякие эгоистические впечатления, я должен сознаться, что в этом решении вопроса нахожу две немаловажные выгоды: во-первых, Военное министерство избегает общей пертурбации и в направлении дел и в личном составе; во-вторых, и семья моя не подвергается тем последствиям, которые отразились бы на ней в случае оставления мною министерского поста. Конечно, и в том, и в другом отношении дело только в отсрочке, но, по крайней мере, не ляжет на мою совесть и на мою нравственную ответственность участь многих из моих сослуживцев и семьи.

*** Это человек ни к чему не способный и смешной.

**** *Первоначальный текст после слов «...не заботятся об улучшении размещения войск»:* «но в особенности в этом отношении отличается Харьков, где не только город, как единица коллективная и самостоятельная, но даже вся администрация, начиная с губернатора, постоянно держат себя явно враждебно к военному ведомству».

пути до самого Курска слышал я сетования на засуху, опасения плохого урожая; только ближе к Туле нашел дождливую погоду. В Москве посетил невестку свою Марию Аггеевну Милютину, а сегодня утром прибыл в Петербург.

Только здесь узнал я довольно важные новости, не доходившие до меня в Крыму. Старый экс-император австрийский Фердинанд умер, и наследник цесаревич поехал в Вену на погребение. Волнения и неповиновение в Уральском казачьем войске принимают все большие размеры: приходится выселять уже не сотни, а тысячи казаков, сопротивляющихся введению нового положения о военной службе Уральского войска²¹⁶. Несчастные эти действуют по * неразумию, под влиянием стариков-фанатиков.

После обеда еду в Петергоф повидаться со старшей дочерью, останусь там переночевать, чтобы завтра утром встретить Государя.

25-го июня. Среда. — Встреча Государя на станции железной дороги в Петергофе в 10¹/₂ часов утра. После того ездил расписываться в разных дворцах. Остальную часть дня провел в Петербурге за бумагами.

28-го июня. Суббота. — В прошлый четверг имел первый доклад у Государя; доложив о результатах моей поездки, спросил, как повелено мне будет поступить относительно председательствования в Комитете министров и других комитетах, так как я остаюсь старшим из министров в отсутствие председателя генерал-адъютанта Игнатьева, а между тем заседания в Комитете бывают по вторникам — в день моего доклада **. Я надеялся, что это совпадение избавит меня от новой временной обузы; однако же Государь решил иначе, приказав переменить день доклада со вторника на понедельник. Государь вообще был благосклонен ко мне; о деле Медико-хирургической академии заговорил только сегодня при втором докладе, высказав мне, что напрасно я полагал, будто вопрос о передаче этого учреждения в другое министерство был вызван недоверием *** к Военному министерству. Оказывается, что великий князь Константин Николаевич уже **** имел разговор с Государем об этом деле; не знаю, от него ли, или *****

---

* невежеству.

** *Первоначальный текст после слов «...а между тем»:* «не могу быть по вторникам в Комитете по случаю моих докладов и обязанностей быть на учениях в Красном Селе».

*** ко мне.

**** забежал и говорил Государю.

***** как говорят.

через Потапова (которому писал Мезенцов), Его Величеству уже известно, что вопрос об академии я считал своим личным вопросом²¹⁷. Впрочем, объяснения по этому делу были непродолжительны; я нашел неуместным входить снова в существо дела, тем более, что не было времени; доклад мой начался позже обыкновенного по случаю приезда из Лондона принца Альфреда Эдинбургского с великой княгиней Марией Александровной, которых встретили мы на петергофской пристани.

30-го июня. Понедельник. — После доклада моего в Петергофе я возвратился в город на царском пароходе; Государь ездил в Петропавловскую крепость на панихиду. В 2 часа отправились в Красное Село, где был назначен объезд лагеря. По окончании объезда Государь совершенно неожиданно вызвал по тревоге все войска и * произвел большое учение, окончившееся только к 7 часам вечера. Возвратился я в город поздно вечером **.

1-го июля. Среда. — Сегодня председательствовал я в Комитете министров; важных дел не было, но после заседания я попросил некоторых из моих коллегов остаться для обсуждения трех вопросов, по которым Государь поручил мне с ними посоветоваться, именно: о мерах к удержанию крымских татар от переселения в Турцию, относительно уральских казаков, оказывающих упорное сопротивление введению нового положения, и, наконец, о квартирном размещении войск и средствах к постройке для них казарм.

2-го июля. Среда. — Встреча короля шведского Оскара на станции Николаевской железной дороги. Потом заседание в Военном совете.

3-го июля. Четверг. — Утром доклад в Петергофе. Большой обед там же в честь короля шведского. После обеда он разговаривал весьма любезно со многими из присутствовавших, я стоял рядом с бароном Жomini (который теперь, в отсутствие князя Горчакова, заведует делами Министерства иностранных дел); подойдя к нам обоим, король заговорил о Брюссельской конференции и выразил свое удивление слепоте некоторых государств, противодействующих человеколюбивому и великодушному предложению русского императора²¹⁸.

После обеда отправились все в Красносельский лагерь к парадной заре. Церемония эта совершилась безупречно заведенным порядком.

---

* по обыкновению.

** весь изломанный и почти больной от усталости.

Большие маневры под Красным Селом

4-го июля. Пятница. — Сегодня на красносельском военном поле происходил большой парад всем собранным в лагере войскам. Погода была прекрасная, парад — блистательный. Съехалось множество иностранцев всех национальностей.

Вечером в Петергофе — музыкальный вечер. Король Оскар сам хороший музыкант и поэт.

5-го июля. Суббота. — Я поленился ехать на смотр флота и после доклада в Петергофе возвратился спокойно в город, чтобы заняться делами после трехдневного отсутствия из Петербурга.

Все эти дни при дворе было грустное настроение по случаю смерти князя Владимира Ивановича Барятинского. Его любили все, как человека благородного и честного. Сегодня отпевали его в Царском Селе пред отправлением тела для погребения в курское имение.

7-го июля. Понедельник. — Вчера вечером в Петергофе было устроено для шведских гостей празднество, блистательное в буквальном смысле слова. Весь парк, известный под названием «островков», был иллюминирован, на одном из островков была устроена сцена и представление (балет), на другом — хор цыган и угощения. Погода была как по заказу.

Король Оскар II

Сегодня Государь с иностранными своими гостями ездил в Красное Село: был смотр учебного батальона, учение лейб-гвардии Конно-гренадерского полка по новому, только что проектированному уставу и одной из гвардейских конных батарей. Король желал видеть подробности наших строевых уставов.

Вечером король Оскар уехал из Петергофа чрез Кронштадт в Швецию. Я находился в числе провожавших его на пристани. Он был постоянно весьма любезен со мной; прощаясь, извинялся, что не мог лично возложить на меня свой орден Серафима, так как не было взято с собой достаточно орденских знаков*. Король не мог предвидеть, что ему придется быть так щедрым на свои ордена, он не приучен к нашим широким во всем размерам.

Вообще король Оскар оставил по себе благоприятное впечатление. Наружность его весьма благообразна: высокого роста, с черной подстриженной бородой, слегка смуглый, умные глаза**, обхо-

---

* Бедный.

** весьма.

дительный, учтивый, любезный, всем интересуется и желает все видеть. Он известен как поэт и музыкант, но изящные искусства не мешают ему заниматься и государственными делами, он напечатал брошюру по поводу проектированной в Швеции военной реформы. В разговоре со мной он сказал, что, несмотря на все встречаемые сопротивления, он настаивает на введении в своем государстве обязательной воинской повинности.

13-го июля. Воскресенье. — Почти целую неделю не открывал своего дневника, что служит признаком отсутствия чего-либо заслуживающего быть вписанным. Неделя прошла обычным порядком. Только вчера, в условленный час, приехал ко мне шведский посланник Дуэ, чтобы лично вручить мне от имени короля знаки ордена Серафима. Разумеется, мы обменялись взаимными любезностями и расстались друзьями.

На этой неделе получил из Крыма известие о первых результатах моих распоряжений относительно постройки дома в Симеисе. Заведывающий инженерной частью в Севастополе полковник Гемельман принял непосредственное участие в этом деле, в ожидании прибытия в Крым одного из главных деятелей строительного общества Миллера, также бывшего военного инженера.

15-го июля. Вторник. — В то время как в Западной Европе льют непрерывные дожди и жалуются на холодное лето, у нас небывалая засуха. В южной России погибли все хлеба и плоды, а в окрестностях Петербурга такие лесные пожары, что в самом городе, особенно по вечерам, стоит густая мгла от дыма и гари. Вчера пожар пней и торфяных болот на поле нового артиллерийского полигона угрожал пороховым погребам и даже Охтенскому пороховому заводу. Командированы в разные стороны войска для тушения страшных пожаров.

В последние два мои доклада решено окончательно переформирование кавалерии и конной артиллерии. Отныне мы будем иметь кавалерийские дивизии в 4 полка с двумя батареями 6-орудийного состава.

При вчерашнем докладе моем Государь заговорил о великом князе Николае Константиновиче, очевидно, под влиянием отца его, великого князя Константина Николаевича, который домогается восстановления репутации своего сына и возвращения ему прежнего служебного* положения**. Чему же надо верить? — Если

---

* и общественного.

** Возмутительное отсутствие всякого нравственного чувства и логики: можно ли так разыгрывать фарс, издеваясь над общественным мнением.

Николай Константинович признан психически больным, то может ли он пользоваться полной свободой, путешествовать, принимать депутации с хлебом-солью, осматривать заводы и т. д. Такое умственное расстройство, какое может оправдывать кражи и всякого рода бесчестные поступки, не излечивается в несколько недель. Если ж болезнь его фиктивная, то как же вводить снова вора и негодяя во все права особ императорской фамилии?!* Хотя я поставил себе правилом сколь можно далее держаться от дел такого рода и остаюсь в стороне от всего, что совершается при дворе, однако ж, когда сам Государь заговорил со мной о подобном шекотливом предмете, я не мог не высказать откровенно своего мнения, что слишком рано забыть случившееся с этим несчастным молодым человеком²¹⁹.

19-го июля. Суббота. — В среду, четверг и сегодня утром был в Красном Селе, а вчерашний день провел в городе по случаю заседания в Мраморном дворце Особого присутствия по воинской повинности. Сегодня, вместо назначенных учений, Государь поднял ночью по тревоге все войска лагерного сбора и по обыкновению произвел общий односторонний маневр.

Пожары продолжают; сгорел город Брянск, опасность угрожала тамошнему арсеналу.

26-го июля. Суббота. — Вся неделя прошла в непрерывных передвижениях между Петергофом, Царским Селом и Петербургом**. 22-го числа, в день именин императрицы и трех великих княгинь, происходил в Петергофе красивый бал на открытом воздухе, на берегу моря, у павильона Mon-plaisir. В этот вечер императрица была почему-то более обыкновенного ко мне внимательна. Среду, четверг и утро пятницы провел в Красном Селе и после корпусного учения (в пятницу), на котором присутствовали императрица и много дам, возвратился к обеду в Петербург. Сегодня

---

* *Первоначальный текст после слов «... Чему же надо верить?»:* «Если сын его безумный, больной расстройством умственных способностей, то как же давать ему свободно принимать даже подносимые ему хлеб-соль, осматривать заводы, посещать театры, вести связи с женщинами и т. д. Расстройство умственных способностей в той мере, чтобы оправдывать кражи и мерзости всякого рода, не излечивается так скоро и радикально. Если ж болезнь его была просто мистификацией, то как же вводить снова вора и негодяя во все права особ императорской фамилии?!».

** *Первоначальный текст записи:* «26-го июля. Суббота. — Прошла целая неделя в непрерывных перемещениях и бесплодной суете. С воскресенья до пятницы я не был в городе, а переезжал из Красного в Петергоф и обратно из Петергофа в Красное».

ездил к докладу в Петергоф, завтра опять придется ехать туда же, по случаю дня рождения императрицы*.

28-го июля. Понедельник. — Три дня сряду пришлось быть в Петергофе: вчера — по случаю дня рождения императрицы, а сегодня — для обычного доклада и по случаю приглашения к царскому обеду.

4-го августа. Понедельник. — Почти всю неделю провел в Гатчине и на маневрах. В огромном гатчинском замке собралось многочисленное общество: кроме особ императорской фамилии, придворной и военной свиты, много иностранных гостей и посторонних приглашенных. После утренних ратных зрелищ многочисленное общество собиралось к общему столу, а потом вторично — к вечернему чаю. Тут придумывались всякие развлечения и забавы: шарады, живые картины, танцы; два раза были балетные представления, на которые привозили генералов и офицеров из окрестностей, с разных биваков. Присутствие большого числа иностранцев (французских офицеров — 6 или 7, румын — 5, итальянцев — 2, сербов — 2, не говоря уже о немцах) придавало обществу наружную пестроту, но не способствовало оживлению его; даже молодежь забавлялась как будто по приказанию. Самые маневры шли не совсем удачно, по крайней мере, с придворной точки зрения. Два раза вывозили императрицу и дам в экипажах и оба раза им не удалось видеть войска. Противными сторонами начальствовали наследник цесаревич и великий князь Владимир Александрович; ни с той, ни с другой стороны не было выказано искусства**. Диспозиции ежедневно писались умно, но*** не исполнялись на деле: встречи противников выходили совершенно случайные, иногда довольно неудачные. Маневры наши вообще выходят более похожими на игру, чем на серьезное обучение войск. Непытным офицерам они могут дать**** превратные понятия о военном деле. Сегодня маневры закончились у Красного Села, откуда все и разъехались немедленно по домам.

---

* В среду в Красном Селе был у меня Миллер, возвратившийся из Крыма с успокоительными обещаниями насчет dokonчания постройки в Симеисе. Так много было обещаний, что я уже перестал им верить. До сих пор, по крайней мере, работы почти не подвигались.

** *Первоначальный текст после слов «...Противными сторонами начальствовали наследник цесаревич и великий князь Владимир Александрович»:* «с обеих сторон не заметно было ни уменья, ни охоты к военному делу».

*** исполнение шло на авось.

**** самые.

5-го августа. Вторник. — Председательствовал я в Комитете министров. Заседание длилось до 6-го часа, более всего спорили по двум представлениям Министерства путей сообщения: о передаче Либавской железной дороги обществу Ландварово-Роменской и о постройке Бакинской линии.

6-го августа. Среда. — Половину дня провел в Красном Селе, где справлялся полковой праздник лейб-гвардии Преображенского полка и гвардейской артиллерии. После раннего обеда под большим шатром все разъехались, распростившись тут же с иностранными гостями.

7-го августа. Четверг. — Доклад в Царском Селе.

8-го августа. Пятница. — Ездил в Кронштадт с генерал-адъютантом Баранцовым и генерал-лейтенантом Зверевым. Осматривал форты и крепостную артиллерию, но стрельбу боевыми зарядами не было возможности производить по причине сильного ветра и волнения на рейде*. Много сделано в Кронштадте в последние 15 лет как по инженерной части, так и по артиллерийской, но много еще остается доделать по обоим ведомствам.

Получена телеграмма о том, что, по случаю возмущения коканцев против своего хана (Худояра), генерал Кауфман собирает отряд**220.

В Герцеговине народное восстание принимает серьезные размеры221.

10-го августа. Воскресенье. — Ездил в Царское Село не в урочный день, по случаю представления императрице произведенных в офицеры бывших камер-пажей и вновь произведенных в камер-пажи. После представления*** был приглашен к царскому завтраку.

11-го августа. Понедельник. — Три дня сряду пришлось ездить в Царское Село. Сегодня во время доклада Государь, читая вслух письмо, полученное им от великого князя Михаила Николаевича, сказал, что некоторые затронутые в письме вопросы намерен обсудить при личном свидании с его высочеством в Ливадии****. После доклада я должен был остаться на весь день в Царском Селе, полу-

---

* Нас порядочно качало на пароходе.

** и, кажется, военные действия неизбежны.

*** сидел за завтраком возле императрицы.

**** *Первоначальный текст после слов «...письмо, полученное им от великого князя Михаила Николаевича»: «по поводу некоторых вопросов, которые предполагено обсудить лично при свидании в Ливадии, спросил меня, буду ли я также в Крыму по примеру прежних лет».*

чив приглашение к царскому столу. За обедом императрица* спросила, когда я поезду в Крым; вероятно, Государь слышал этот разговор и после обеда также спросил о моих намерениях. Я воспользовался случаем, чтобы испросить разрешение ехать в Крым вслед за отъездом Его Величества в Москву. На вопрос Государя: не желаю ли я доехать туда с Его Величеством, я, конечно, ответил выражением благодарности за такое предложение, причем напомнил, что с 1872 года не имел случая видеть армейские войска, бывшие на высочайших смотрах²²². Тогда Государь предложил мне находиться при Его Величестве и на смотрах в Москве**.

Телеграммы от генерала Кауфмана продолжают быть тревожными. Дела в Герцеговине также озабочивают Государя; но сегодня ему приятно было узнать, что английский посол в Константинополе Элиот присоединился к послам русскому, германскому и австрийскому для совместного воздействия на турецкое правительство в видах умиротворения восставшего населения и вообще улучшения положения христиан в Европейской Турции²²³.

16-го августа. Суббота. — Сегодня я остался после доклада в Царском Селе, ездил верхом с дочерью; обедал у Н.А. Шторха в Павловске, в небольшом приятельском кружке. Возвратился домой только вечером и едва справился с накопившимися делами.

Из Симеиса, наконец, получил письма несколько успокоительные. Кажется, постройка пошла на лад, благодаря вмешательству полковника Гемельмана.

18-го августа. Понедельник. Москва. — Вчера был полковой праздник лейб-гвардии Егерского полка. Обычный парад на сей раз ознаменовался особенным эпизодом. Государь торжественно вручил полку лоскут, уцелевший от старого знамени, утраченного 2-м батальоном лейб-егерского полка в несчастном деле 10 сентября 1828 года под Гасан-Кадикларом. Случайно этот лоскут отыскан после смерти одного из тогдашних офицеров Сабанина, который спас этот клочок знамени, сберег

---

* также.

** *Первоначальный текст после слов «...и после обеда также спросил о моих намерениях.»: «Я попросился уехать немедленно же по отъезде Государя в Москву; Государь нашел неудобным, чтобы я уехал прежде, чем он отправится в Крым, и вслед за тем вдруг спросил, не желаю ли я доехать вместе с ним до Крыма. Когда я отвечал, что мне будет особенно приятно видеть армейские войска, которые Государь будет смотреть, то он предложил мне также съездить и в Москву. Не знаю, чему приписать такое неожиданное изменение в намерениях Государя относительно меня; я напомнил ему, что лишен был случая сопутствовать ему и видеть армейские войска с 1872 года».*

К. П. фон Кауфман

его на себе во время плена и потом хранил, как святыню, живя в глуши своей деревни. Государь воспользовался этим случайным открытием, чтобы восстановить прежнее знамя 2-го батальона с прежней надписью за 1812 год. Праздник был оживлен, несмотря на дождливую погоду.

В 6 часов вечера я выехал из Петербурга в царском поезде, на который Государь сел в Колпине²²⁴. В Москву прибыли сегодня в 9^{1/2} часов утра.

Уже в вагоне облеклись мы в парадную форму, чтобы не опоздать к выходу, назначенному в 11 часов в Большом Кремлевском дворце. После обычного обхода соборов Государь поехал на Ходынское поле, где был смотр всем собранным в лагере войскам. Смотр удался вполне, погода была очень хорошая, а после смотра все начальство было приглашено к обеду в Петровском дворце.

Чувствуя себя утомленным и не совсем здоровым, я остался дома, т. е. в Петровском же дворце, пока Государь и вся свита наслаждались балетом в Большом московском театре. Было у меня и дело. Утром пред приездом в Москву я имел довольно продолжительный доклад в вагоне, между прочим, прочел Государю телеграмму, полученную в Клину от генерала Кауфмана. Он извещал, что ко-

Граф Э.Т. Баранов

канские толпы, вторгнувшись в наши пределы, везде понесли поражение и что наши отряды преследуют их к коканской границе. К этому успокоительному известию генерал Кауфман прибавляет, что последствием этого преследования должно быть окончательное занятие ханства Коканского, для чего и просит усилить его войсками²²⁵. Дело довольно серьезное, — новое усложнение в нашей азиатской политике, новые против нас крики в Англии!

Государь принял это известие совершенно равнодушно, как последствие, которого он ожидал, и, не колеблясь*, разрешил готовить войска для отправления в Туркестанский край. Таким об-

---

* нимало.

разом, в пять минут, без всяких рассуждений решил вопрос о присоединении к империи новой области — ханства Коканского.

Сообщив немедленно генералу Кауфману по телеграфу высочайшее разрешение, я счел, однако же, не лишним предварить его, что просимые им подкрепления могут подойти не скоро; что до лета будущего года ему придется, во всяком случае, изворачиваться имеющимися у него средствами и что он должен иметь это в виду, решаясь на новое завоевание*.

Нынешняя путевая свита Государя гораздо симпатичнее для меня, чем была прежняя: вместо графа Адлерберга исполняет обязанности министра двора и гофмаршала граф Баранов (Эдуард Трофимович) — человек в высшей степени благородный, обходительный, достойный полного уважения; место интригана и честолюбца графа Шувалова занял Потапов — человек** бесцветный, не гоняющийся за влиянием и властью; затем — чиновники главной квартиры и военно-походной канцелярии***.

В Москве мы застали герцога Эдинбургского с его свитой (адмирал Попов, флигель-адъютант граф Ламсдорф и несколько англичан); он только что возвратился с Нижегородской ярмарки, где его чествовали свыше меры****. Англичане остались очень довольны приемом.

Москва пуста; кроме начальствующих лиц, нет никого из тамошних тузов. У меня также не нашлось близких знакомых, и потому мне приходится все пять дней пребывания здесь проводить исключительно в военной среде. Это будет продолжением красносельской лагерной жизни*****.

21-го августа. Четверг. — Три дня проведены в непрерывном движении и суете. Во вторник было назначено учение кавалерии,

---

* Первоначальный текст после слов «...решился вопрос о присоединении к империи новой области — ханства Коканского»: «Я не решился, однако же, следовать такому мгновенному <увлечению> порыву и телеграфировал генералу Кауфману в таком смысле, чтобы он не иначе, как, разве, в крайней необходимости занял коканское владение; притом предварил его, что подкрепления не могут подойти скоро. Действительно, нет возможности до зимы передвинуть какие-либо части войск с Волги в Кокан. Генерал Кауфман должен, во всяком случае, изворачиваться своими средствами до лета будущего года, а стало быть, он сам должен будет подумать, прежде чем решиться на новое завоевание».

** ничтожный, спокойный.

*** При такой обстановке нет ни пикировок, ни натянутых отношений.

**** того, чего он заслуживает.

***** только с другими лицами и другими мундирами.

*Надгробие графа
П.Д. Киселева в
Донском монастыре
(современный вид)*

но по случаю дождливой погоды отменено; к тому же в ночь получено по телеграфу известие о родах великой княгини Марии Павловны. По этому случаю было молебствие в дворцовой церкви Кремлевского дворца. После того я сделал несколько визитов и заехал в 3-ю военную гимназию, еще не совсем отстроенную и не доведенную до полного нормального состава. После парадного обеда в Петровском дворце я опять ездил в город и провел вечер в Русском театре.

На другой день, в среду, погода разгулялась; Государь произвел общее учение всем войскам, собранным в Ходынском лагере, и остался очень доволен. После учения я завтракал у Государя, имел доклад и затем ездил в город на закладку Исторического музея, основание которому положено по инициативе генерал-адъютанта Зеленого; потом осматривал архив Министерства иностранных дел, вновь устроенный с большими затеями директором его, баро-

ном Бюллер. К обеду возвратился в Петровский дворец, а вечер вторично провел в Русском театре.

Сегодня утром стрельба в цель, завтрак в Петровском дворце, доклад у Государя; затем отправился в город, побывал в Донском монастыре, чтобы взглянуть, как установлен памятник графу Павлу Дмитриевичу Киселеву; потом осматривал строящийся еще Храм Спасителя, был на парадном обеде у князя Долгорукова (генерал-губернатора), а вечер провел опять в театре. Таким образом, три вечера сряду я любовался превосходной здешней русской труппой. Наслаждение это для меня — редкость, в Петербурге мне не случается бывать в театре по целым годам.

23-го августа. Суббота. — Вчера после утреннего маневра и доклада объехал я некоторые из московских заведений военного ведомства; обедал у Государя; в 8 часов вечера назначен выезд из Москвы.

26-го августа. Вторник. Петербург. — Приехал сюда в субботу утром, на другой день, в воскресенье, ездил в Царское, чтобы представиться императрице по случаю приезда и чтобы поздравить великого князя Владимира Александровича. Возвратился оттуда вместе с дочерью*; обедали дома в маленьком кружке хороших приятелей**.

Вчера, в понедельник, провел все утро в военно-учебных заведениях, которые посещаю всегда с удовольствием.

Сегодня ездил в Царское по случаю доклада и годовщины коронации. Государь очень обрадован вчерашней телеграммой генерала Кауфмана о поражении, нанесенном им коканцам 22-го числа. Судя по телеграмме, дело должно быть необыкновенно удачное: неприятеля было будто бы до 30 тысяч, потеря его неисчислима, трофеями осталось 39 пушек и фальконетов, у нас же убитых всего 1 штаб-офицер и 5 нижних чинов²²⁶. С трудом верится таким легким победам. Барон Жomini справедливо заметил, что подобные легкие победы приносят вред войскам, которые при встрече с серьезным противником бывают озадачены непривычным для них отпором. Государь слишком поддается обаянию таких успехов и спешит расточать награды, не дождавшись даже обстоятельного донесения о бывшем деле. Поспешность эта не раз вводила в ошибочную и несправедливую оценку оказанных заслуг. Но Государю доставляет удовольствие награждать и оказывать милости, особенно за военные отличия.

---

* Лизаветой.

** (Сипягин).

30-го августа. Суббота. — Доклад в вагоне, на пути из Царского Села в Петербург. Затем обычное торжество в Александро-Невской лавре*.

По возвращении домой принимал я кашгарского посланца**, приехавшего в Петербург чрез Константинополь. Этот азиатский дипломат показался мне человеком разумным, без того коварного и хитрого выражения, которое присуще большей части азиатцев.

9-го сентября. Вторник. Симеис. — Вот опять я в своем тихом приюте, вдаль от тревожностей официальной и придворной жизни.

В самый день отъезда Государя из Царского Села, 31-го августа, совершилось с обычной торжественностью крещение новорожденного великого князя Александра Владимировича. Я возвратился из Царского Села в Петербург только в 3 часа пополудни, а в 6 часов вечера был уже на станции Николаевской железной дороги. От Колпина, куда прибыл Государь, поезд тронулся в 7 часов; на другой день утром мы проехали чрез Москву, не останавливаясь, и к 2 часам пополудни были в Туле. Здесь была остановка. Государь быстро обошел оружейный завод, которому разрешил присвоить наименование императорского.

С Тулы нас преследовала дождливая погода; 2-го сентября, когда мы приехали в Конотоп и оттуда в экипажах в Батурином, все время шел проливной дождь; пришлось отменить назначенный на тот день смотр собранной в лагере под Батурином 5-й пехотной дивизии с ее артиллерией. На другой день погода прояснилась, смотр состоялся совершенно удачно, и вслед за тем произведен небольшой маневр, а в 4 часа мы были уже обратно в Конотопе на железной дороге.

В тот же день, 3-го сентября, в 10 часов вечера царский поезд прибыл в Киев, где Государь оставался три дня: 4-го, 5-го и 6-го числа. Утреннее время проходило в смотрах, учениях,

---

* *Первоначальный текст записки за 30-е августа:* «В четверг я счастливо избег серьезной опасности: приехав в Царское Село, едва я вошел в коляску и прежде чем я сел, лошади дернули, и я полетел из коляски головою вниз, ударился о мостовую лбом, одним коленом и кистью руки. К удивлению, не было других последствий, кроме ссадин, которые, конечно, не помешали мне немедленно явиться к Государю с докладом.

Сегодня опять ехать в Царское Село, докладывать в вагоне железной дороги и, наконец, выстоять длинную церковную службу в Александро-Невской лавре».

** Якуб-хана.

в объезде разных заведений; затем парадные обеды во дворце; вечера же заканчивались в опере, весьма удовлетворительной для провинциального города.

6-го числа вечером Государь выехал из Киева, 7-го, в воскресенье, к 7 часам утра мы были уже в Одессе, на пароходе. После обычных встреч Государь посетил собор, слушал обедню в институте, присутствовал при открытии нового городского сада, названного «Александровским», и, наконец, произвел смотр собранным в лагере войскам. В 3 часа пароход снялся с якоря, и после довольно спокойного плавания мы были 8-го числа в 7 часов утра в Ялте.

В течение всей недели, проведенной в пути, не было ничего замечательного, кроме, разве, телеграфных известий, получаемых по несколько раз в день от генерал-адъютанта Кауфмана о ходе дел в Кокане. На занятие Кокана нашими войсками уже последовало предварительное высочайшее соизволение, но сам Кауфман воздержался пока от такой меры; он предпочел возвести на Коканское ханство одного из сыновей прежнего хана — Худояра*. Тем не менее, решено, в подкрепление войскам туркестанского округа, сформировать новые подкрепление войскам туркестанского округа, сформировать новые два батальона и командировать 4 сотни оренбургских и уральских казаков²²⁷.

Свиту Государя в настоящую поездку составляют, кроме меня, генерал-адъютант Потапов, генерал-адъютант Посъет (в качестве министра путей сообщения), Амбургер, как чиновник Министерства иностранных дел, и затем лица постоянного путевого персонала: генерал-адъютант Рылеев, генерал-майор Воейков, Салтыков, доктор Карель, прусский агент генерал-майор Вердер и проч. Кроме того, присоединялись временно: в пределах Киевского округа — генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков (киевский генерал-губернатор), а на пароходе от Одессы до Ялты — генерал-адъютант Семека (командующий войсками Одесского округа)**.

По приходе парохода в Ялту, я просил у Государя позволение отдохнуть среди своей семьи и получил отпуск на два месяца. Однако же, прежде чем отправиться к своей семье, я дол-

---

* Первоначальный текст после слов «...о ходе дел в Кокане»: «Государь был почти готов разрешить снова занятие Кокана, однако ж сами события дали возможность обойтись без этой крайней меры, противуречащей видам Министерства иностранных дел: Кауфман телеграфировал, что нашел возможным возвести на Коканское ханство одного из сыновей прогнанного прежнего хана — Худояра».

** Таким образом, общество наше было мало интересно.

жен был большую часть дня разъезжать в парадной форме сперва к великим князьям Михаилу и Константину Николаевичам, поселившимся в Ай-Тодоре и в Орианде, а потом встречать на ялтинской пристани императрицу, прибывшую из Севастополя на пароходе «Эреклик». Только к 8 часам вечера добрался я до Симеиса.

Сегодня произведен мною общий осмотр нашего обзаведения. Работы в доме продолжают по-прежнему довольно вяло, многое еще недоделано. К устройству сада только что приступлено. К сожалению, бывшие недавно ливни и сильные ветры причинили много повреждений и на дорогах, и в саду, и даже в самом доме. В постройке выказались многие серьезные недостатки, требующие исправления. Семью свою застал в тесном помещении, в нескольких маленьких комнатках верхнего этажа, однако ж все-таки несколько удобнее прежнего, по крайней мере, теперь уже не приходится ежедневно ездить обедать в Алупку*.

9-го октября. Четверг. — Ровно месяц наслаждался я полным отдыхом в своей семье. День за днем протекали незаметно в прогулках, чтении, надзоре за постройками и другими работами. По временам фельдъегеря из Ливадии и Петербурга привозили бумаги, письма, газеты. Посещали нас соседи, которым приходилось отдавать визиты**. Раза три ездил я в Ливадию, навещал приехавшую из-за границы старшую дочь мою, которая встревожила нас своим падением с лошади в кавалькаде, оставившем по себе довольно серьезные следы.

---

* *Запись за 15-е сентября, опущенная автором и частично воспроизведенная им в записи за 9-е октября:* «15-го сентября. Понедельник. — Вот неделя, что я наслаждаюсь отдыхом и спокойствием в своей семье. День за днем проходят незаметно в присмотре за работами, прогулках, чтении. Впрочем, приезжают фельдъегеря из Ливадии и Петербурга с бумагами, письмами и журналами. Бывают и гости: между прочим, приезжали генерал Баранцов и Тотлебен, барон Дершау, полковник Гемельман, <г-жа Горбунова> и др. Я же выезжал только два раза: в Алупку — к Воронцовым, и в Кореис к графине Тизенгаузен, а сегодня к великому князю Михаилу Николаевичу, который присылал ко мне князя Трубецкого с некоторыми бумагами, требовавшими личными объяснений по делам кавказским. <Я провел у его высочества более 2 часов и переговорил с ним о многих делах, касающихся Кавказского края.>

Во все это время стояла погода холодная и дождливая. Несколько раз были сильные ураганы и, к общему удивлению, на горах даже выпал снег.

На днях получил письмо от дочери Ольги из Бадена; она выражает желание, чтобы я приехал за нею. Желание это я предугадывал и заранее уже приготовился к поездке за границу в течение октября месяца».

** Издалека приезжали также генерал Баранцов и Тотлебен.

Почти во все время погода была холодная и дождливая. Несколько раз были даже сильные ураганы; на горах, к общему удивлению, выпал снег. Впрочем, не у нас одних замечается в нынешнем году что-то ненормальное в природе; везде холода, ливни, во многих местностях большие наводнения.

С возвращением старшей моей дочери из-за границы, другая дочь, Ольга, осталась в Бадене с близкими нашими друзьями — Марией Николаевной Вельяминовой и больной племянницей ее молодой княжной Лидией Дмитриевной Вяземской. Еще в прошлом месяце получил я от дочери письмо, в котором она выражала желание, чтобы я приехал за нею и отвез ее назад в Россию. Тогда же приготовился я к поездке за границу. Теперь получаю известие, что дочь моя вместе с княжной Вяземской и М.Н. Вельяминовой уже переехала в Ниццу, куда и приходится мне ехать. Со мною едет и дочь Надежда, очень дружная с бедной больной княжной Лидией.

Сегодня покидаем мы свой безмятежный приют. Заеду еще раз в Ливадию проститься со старшей дочерью, переночую в Ялте, а завтра утром сядем на пароход.

13-го октября. Понедельник. Вена. — В пятницу, 10-го числа, переночевав в Ялте, отправился с дочерью Надеждой на пароходе «Михаил» в Одессу. Переход морем был сносный. В Одессе пробыли несколько часов, которые употребили на разные покупки и справки; в 9 часов вечера (11-го числа) выехали по железной дороге на Волочиск. Погода была скверная, а с переездом чрез границу нашли в Галиции настоящую зиму: все кругом покрыто снегом; мы могли вообразить, что едем в окрестностях Петербурга да не в октябре месяце, а в ноябре или декабре. Только с приближением к Вене увидели поля, обнаженные от лежавшего недавно снега; однако ж и здесь дождь, слякоть, холодный ветер. Остановились на один день в гостинице «Hôtel impérial». Завтра намерены осмотреть город и сделать кое-какие покупки.

21-го октября. Вторник. Ницца. — Пробыв в Вене весь день 14-го числа (вторник) и утро следующего дня, мы выехали в среду (15-го октября) во 2-м часу дня по железной дороге чрез Зиммеринг и Небрезину в Венецию, куда прибыли 16-го числа в 3-м часу дня. По всему пути преследовало нас ненастье; в Венеции же за несколько часов до нашего приезда город был наводнен морской водой, которая поднялась так высоко, что мы нашли еще лужи на мозаичном полу базилики Св. Марка. В пятницу погода поправилась, и мы любовались красотою Венеции, насколько было

возможно в короткое время до отхода поезда в Милан. Железные дороги в Италии не отличаются исправностью движения, каждый день испытывали мы невыгоды беспорядочной эксплуатации их: вместо 11 часов вечера, приехали в Милан в 2 часа ночи, так что едва достучались в «Hôtel Savourg». В Милане пробыли весь день субботы, осмотрели кое-что из наиболее замечательного в городе и провели вечер у наших приятелей Прянишниковых. (Ипполит Александрович Прянишников был прежде морским офицером; женат на племяннице и воспитаннице генерала Карлгофа Софии Николаевне Маховой, тифлисской подруге детства моей старшей дочери. Прянишников готовится в оперные певцы и на днях дебютирует под псевдонимом Signor Priani). В воскресенье, 19-го числа, выехали в 7 часов утра по дороге в Ниццу, чрез Геную. В этот день опять мы испытали неприятности неисправного движения на итальянских дорогах, а также неудобства таможенного устройства на французской границе. Поезд наш опоздал на 4 часа, в Ниццу прибыли около часа ночи и опять не достучались в гостинице (Hôtel de Nice). Только тогда отворили нам дверь, когда дочь моя, услышав наши голоса, вскочила с постели и разбудила прислугу.

Свидание мое с дочерью после 7 месяцев разлуки было, конечно, большой радостью для нас обоих. Я нашел здоровье ее в удовлетворительном состоянии. Живет она в семье Вельяминовых и Вяземских, как среди близких родственников. Грустно мне было увидеть бедную княжну Лидию Вяземскую, которая вынесла столько страданий, что сделалась более похожей на мертвеца, чем на молодую, красивую девушку, какой была несколько месяцев назад. С трогательной заботливостью ухаживают за больной тетка, брат и дядя. В течение целого дня вся семья только и занята больной*.

2-го ноября. Воскресенье. — Прожив здесь ровно две недели, покидаю сегодня Ниццу. Обе дочери, Ольга и Надежда, остаются здесь в семействе Вяземских и Вельяминовых. Было бы рискованно для Ольги подвергаться перемене климата в теперешнее время года. Если б не грустная обстановка, среди которой я провел время

---

* почти нет другого разговора, как только о ней, все внимание поглощено этим близким к сердцу предметом.

Из первых разговоров моих с дочерью Ольгой я заключаю, что она не опасается возвращения на зиму в Петербург; она прямо заявляет, что не находит надобности оставаться здесь на зиму и намерена ехать со мною. Здесь же останется дочь Надя, чтоб ухаживать за больной своей приятельницей.

Е.Г. Числова

в Ницце, можно сказать, у кровати умирающей, то двухнедельное пребывание в этой благословенной местности было бы для меня истинным наслаждением*.

9-го ноября. Воскресенье. Петербург. — Вот я снова у себя дома. В одну неделю резкий переход: от температуры $+22^{\circ}$ в тени к пол-

---

* Некоторые дни были прекрасные, днем было даже жарко. Дочь свою Ольгу решил оставить здесь, чтобы не подвергать ее невыгодной перемене климата в теперешнее время года и чтобы, напротив того, дать ей окрепнуть здесь, а весной ехать прямо уже в Крым.

За все последнее время я мало следил за общей политикой и вовсе не занимался своими служебными делами.

ной зиме с -10° мороза, снегом, обледеневшей рекой, санями, шубами, от полного *dolce far niente** к непрерывной и напряженной обязательной работе**.

В Париже я пробыл двое суток; много ходил по городу, много видел знакомых и усталый выехал из нового Вавилона в среду вечером²²⁸; проехал Берлин, не останавливаясь, и вечером в субботу, т. е. вчера, возвратился к своим пенатам. Сегодня же — уже был в Царском Селе, представился наследнику и цесаревне.

В Петербурге главный предмет разговора со вчерашнего дня — высылка Числовой — любовницы великого князя Николая Николаевича. Сам он вызван был внезапно в Ливадию, откуда ему велено ехать на Кавказ и там провести некоторое время,*** пока возлюбленная его будет удалена из Петербурга. Арбитражное это распоряжение признано было необходимым для прекращения открытого скандала и для предохранения великого князя от разорения. Сегодня был у меня генерал Трепов, который рассказал мне всю эту драму. Потапов, с которым я ехал в Царское Село, прислан сюда из Ливадии со словесным высочайшим повелением по этому делу²²⁹.

Из Крыма получил сведения не совсем успокоительные относительно здоровья старшей дочери, которая до сих пор не может оправиться от ушиба при падении с лошади. Однако ж вечером получил я от Государя следующий ответ на мою телеграмму, которой спрашивал высочайшее соизволение на вступление в должность: «Разрешаю вступить в должность. Радуюсь новым молодецким успехам Скобелева (в Кокане, — прим. Милютина). Дочери твоей, благодаря Бога, лучше. Надеюсь воротиться 22-го утром».

22-го ноября. Суббота. — Две недели провел я спокойно, в служебных занятиях. 20-го числа приехали из Крыма сын и младшая дочь, а сегодня утром встречал на станции Николаевской железной дороги их величества и приехавшую с ними старшую мою дочь.

Немедленно по приезде Государя я был приглашен к Его Величеству с докладом. Государь был в хорошем расположении духа, выражал удовольствие по поводу последних военных действий в Кокане**** и довольно равнодушно выслушивал мои доклады

---

* сладостного безделья (*итал.*).

** *Первоначальный текст после слов «...dolce far niente»:* «к судорожной деятельности, постоянной работе и обязательным занятиям!».

*** вероятно, чтобы развлечь свою тоску.

**** (которые, однако же, вовсе не успокоительны для будущего).

о некоторых не очень приятных случаях и вопросах. Между прочим, я представил Государю письма генерала Кауфмана, который, по совершенно расстроенному здоровью, настоятельно просит об увольнении его от должности. Государь соглашается на эту просьбу, но отложил окончательное решение до ожидаемого приезда Кауфмана в Петербург²³⁰. Немедленно же я телеграфировал ему о дозволении прибыть сюда.

Сегодня было в Государственном совете довольно тяжелое заседание соединенных департаментов по выработанному особой комиссией (под председательством статс-секретаря Сольского) проекту изменений в паспортных правилах. Дело это вызвало продолжительные прения, в которых и я принял участие, указав на многие слабые стороны проектированного положения; меня поддержали многие члены, но заседание, длившееся до 5 часов, не привело к окончательному заключению. Положено продолжать прения в будущую субботу²³¹.

23-го ноября. Воскресенье. — Репетиция предстоящего парада георгиевских кавалеров в Михайловском манеже.

25-го ноября. Вторник. — Вчера была встреча на станции железной дороги прусского принца Карла (с принцессой), а сегодня — австрийского эрцгерцога Альбрехта, оба приехали как георгиевские кавалеры.

26-го ноября. Среда. — Празднование ордена Св. Георгия совершилось с обычной торжественностью. За обедом были провозглашены тосты и произнесены речи Государем и эрцгерцогом в смысле дружественных отношений между тремя соседними империями²³². Невольно вспомнил я и сказал своей соседке за столом, что пред самой Крымской войной Наполеон III произнес пресловутую речь: «L'empire c'est la paix»*.

27-го ноября. Четверг. — После доклада у Государя я заехал к государственному канцлеру, который только недавно возвратился из-за границы. Каждый год он дает себе отдых в продолжение почти 7 месяцев и возвращается к своему посту в конце ноября с обновленными силами. Такое продолжительное отсутствие казалось несколько странным в нынешнем году, при затруднительных политических обстоятельствах**. Князь Горчаков во все пребывание свое за границей не занимается делами. Говорят, он все ожидает, чтобы его вызвали как спасителя, без помо-

---

* «Империя — это мир» (фр.).

** когда вся русская дипломатия сосредоточивалась в лице одного барона Жомини, никогда не занимавшегося серьезно делами.

Князь А.М. Горчаков среди своих сотрудников: (слева направо) князь М.А. Горчаков, А.Ф. Гамбургер, князь А.М. Горчаков, барон А.П. Моренгейм, барон А.Г. Жомини

ши которого обойтись нельзя; но он ошибся и ныне, как ошибался в прежние годы при подобных же обстоятельствах (пример 1870 г.)²³³: Государю приятно показать, что сам лично ведет дипломатические дела без помощи советников*.

Так велось до сих пор лично Государем и сложное дело по поводу восстания в турецких областях (Герцеговине и Боснии). При первом моем свидании с князем Горчаковым после продолжительного отсутствия его, разумеется, речь зашла прежде всего

* При нем находится тайн. сов. Амбургер, который с давних времен привык быть при князе Горчакове в качестве секретаря, занятого только писанием под диктовку. Почти то же делает он и находясь при Государе во время пребывания его за границей или в Крыму.

об этом деле. Я спросил мнение государственного канцлера о том, можно ли надеяться, что герцеговинские дела разрешатся без военного вмешательства других держав. Князь Горчаков, как и следовало ожидать, дал мне понять, что без него дело было несколько испорчено, но что теперь, взяв его в свои руки, он надеется уладить и не довести до военного вмешательства*. Государственный канцлер с самодовольством говорил о своих беседах в Вевэ с Тьером, с Деказом (французским министром иностранных дел, нарочно приезжавшим туда для свидания с князем Горчаковым), а потом в Берлине с Бисмарком. Я не догадался спросить, правда ли то, что рассказывают в городе, будто князь Горчаков, расставаясь с Бисмарком (который, как известно, иногда выражал, будто считает себя учеником князя Горчакова), отпустил ему такую остроу** : «J'espère que mon cher Raphael n'oubliera pas son Peruggino»***.

Сегодня назначен был большой парад войскам на Марсовом поле, но отменен по случаю сильного мороза.

29-го ноября. Суббота. — Сегодня я не имел доклада по случаю охоты, на которую Государь пригласил своих иностранных гостей. Соединенное присутствие департаментов Государственного совета имело вторичное заседание по делу о паспортной системе; сидели мы опять до пятого часа, но дело подвигается туго.

Получено из Харькова печальное известие о смерти генерал-адъютанта Карцова после тяжелой болезни. Карцов был один из немногих остающихся в живых товарищей моих по Гвардейскому генеральному штабу. Мы были дружны с ним и с его семьей более 30 лет, иногда живали вместе. В молодых годах он был преподавателем тактики, учил в разных учебных заведениях и в Академии Генерального штаба, давал уроки великим князьям, а в 60-х годах был назначен на место генерала Филипсона начальником Главного штаба на Кавказе. Впоследствии, принужденный оставить тот край, был членом Военного совета и, наконец, командующим войсками Харьковского округа. Это был, прежде всего, человек честный, правдивый, здравого ума****. Грустно видеть, как мало-помалу сходят в мо-

---

* нашего.

** (un mot, как говорят французы).

*** «Я надеюсь, что мой дорогой Рафаэль не забудет своего Перуджино» (фр.).

**** Первоначальный текст после слов «...человек честный, правдивый»: «ума не столько обширного, сколько здравого; можно даже сказать, что умственный кругозор его был довольно тесен».

А.П. Карцов

гилу один за другим сверстники мои, с которыми связаны воспоминания молодых лет.

30-го ноября. Воскресенье. — При докладе Государю перебирали разных кандидатов для замещения генерала Карцова в Харькове*. Выбор Государя остановился на графе Сумарокове-Эльстоне, давно жаждущем назначения.

Сегодня был большой парадный обед во дворце по поводу праздника ордена Св. Андрея. Приглашены были андреевские кавалеры и иностранные гости.

2-го декабря. Вторник. — После доклада у Государя я зашел к эрцгерцогу Альбрехту, желавшему видеться со мной. Едва мы разговорились о некоторых подробностях военного дела, как вошел наследник цесаревич, и я поспешил удалиться.

3-го декабря. Среда. — В 10 часов утра я представлял эрцгерцогу Альбрехту начальника и профессоров Академии Генерального

---

* Из старших генералов всегда бывает трудно выбрать вполне отвечающего условиям подобного назначения. Поэтому Государь остановился...

штаба по случаю поднесения ему звания почетного члена Академии. Генерал-лейтенант Леонтьев прочел составленный на французском языке адрес, в котором вспоминалось о заслугах отца эрцгерцога Альбрехта — известного полководца эрцгерцога Карла, числившегося также почетным членом нашей прежней «Военной» академии²³⁴. Эрцгерцог Альбрехт отвечал французской же речью и был очень любезен; в тот же день около 2 часов он сам посетил Академию и пробыл в ней более часа.

С эрцгерцогом Альбрехтом можно вести серьезный разговор обо всех предметах военного дела. Но сегодня наша беседа несколько вышла из военной сферы и перешла на политику. Мы коснулись щекотливого вопроса о теперешнем восстании славян в Турции. Эрцгерцог выразил полную надежду на поддержание единства в действиях трех императорских кабинетов, а вместе с тем и на сохранение мира в Европе.

Вечером получил я телеграмму из Крыма с прискорбным известием о вчерашней страшной буре, которая сорвала с нашего дома почти всю крышу. Бедная жена должна быть крайне озабочена и огорчена. Невзгода эта может еще надолго задержать ее в Крыму.

7-го декабря. Воскресенье. — В пятницу, 5-го числа, мы простились в эрцгерцогом Альбрехтом, который уехал в Вену.

Вчера опять заседание соединенных департаментов Государственного совета по делу о паспортах, и опять те же бесплодные споры, то же толчение воды. Не решаются прямо высказать, что проект, составленный государственным секретарем Сольским, никуда не годится. Однако ж, когда я позволил себе выразить нечто близкое к этому, то оказалось, что почти все были того же мнения.

Известия из Крыма успокоительны; приняты меры к исправлению повреждений в доме, но продолжают жалобы на небывалый там холод.

18-го декабря. Четверг. — Сегодня было заседание Совета министров для окончательного решения вопроса о направлении Сибирской железной дороги. Наш добродушный министр путей сообщения Посьет, с помощью своего союзника Мельникова, напрягал все усилия, чтобы защитить северное направление (от Ярославля на Вятку и Пермь), но в Совете никто не поддержал* их; даже патриарх бывшего железнодорожного комитета граф С.Г. Строганов, приглашенный в Совет как авторитет в таком деле, стал на сторону

---

* этого абсурдного тезиса.

*Обер-офицеры
л.-гв. Павловско-
го и Конно-грена-
дерского полков
в парадной форме*

южной линии*. После объяснений Рейтерна, Абазы, Валуева и моих Государь объявил, что остается при прежнем своем мнении и утверждает окончательно южную линию. Решение это вызовет общее удовольствие в публике²³⁵.

20-го декабря. Суббота. — Вторым днем празднуем юбилей 50-летия, протекшего со времени назначения Государя шефом лейб-гвардии Павловского полка. Вчера утром была сначала прибавка знамени, данного вновь сформированному 4-му батальону этого полка, причем Государь обратился к собравшимся служащим и служившим в полку с прочувствованной речью; затем молебствие и парад в манеже, а наконец, большой обед в Зимнем дворце.

---

* Первоначальный текст после слов «...даже патриарх бывшего железнодорожного комитета граф С.Г. Строганов»: «возвратившийся недавно после продолжительного удаления от дел, стал на сторону южной линии».

Сегодня же Государь посетил казармы Павловского полка, где приготовлен был обед нижним чином, служащим и служившим в полку, и завтрак для офицеров. Мы обошли все казармы при оглушительных криках «ура», а затем за роскошным завтраком провозглашены обычные тосты. Само собой разумеется, что были щедрые награды, в том числе назначение разом четырех флигель-адъютантов.

Торжества этого рода отнимают* много времени от серьезного дела, они повторяются слишком часто и потому обратились в какую-то формальность. Несмотря на то, для войска они все-таки имеют свое значение, как средство, которым пользовались с давних времен наши государи и члены царской семьи для поддержания нравственной связи с войсками (конечно, преимущественно гвардейскими)**.

27-го декабря. Суббота. — Только на днях (24-го числа) приехала, наконец, из Крыма моя жена с одной из дочерей и племянницей. Они много натерпелись и в Крыму, и в пути от необычайных холодов, бурь и непогод***.

В самое Рождество приехал из Варшавы фельдмаршал князь Барятинский. Как ни желал бы я избегнуть встречи**** с ним, однако ж я должен был соблюсти внешнее приличие и сегодня, после доклада, пошел в занимаемое им во дворце помещение с намерением расписаться в книге посетителей. Но попал я неудачно: фельдмаршал был у себя и принял меня. Встреча с ним была для меня крайне тяжела, мне даже неприятно было давать руку человеку, который из каких-то своих личных затей не устыдился писать пасквили на того, кто был в продолжение нескольких лет***** его правой рукой. К счастью, мы не были глаз-на-глаз, я застал у него князя Горчакова, так что после нескольких минут общего разговора я мог уйти без всяких объяснений. Для чего он приехал в Петербург — никто не знает. Не затевает ли опять какой-нибудь интриги?

---

* страшно.

** Первоначальный текст после слов «...Несмотря на то, для войска они все-таки имеют свое значение»: «Не знаю, в какой степени искренни заявления энтузиазма со стороны большинства, но положительно можно сказать, что этими праздничными эпизодами в однообразной жизни войска поддерживаются в нем те нравственные отношения, в которые с давних времен стали к войску наши государи и члены царской фамилии».

*** нынешнего исключительного года.

**** с этим самодуром.

***** его опорой и, как говорится, правой рукой.

29-го декабря. Понедельник. — Вчера был у нас в доме спектакль; молодежь забавлялась от души, и после представления за-теяли экспромтом танцы, продолжавшиеся до 3-го часа ночи.

31-го декабря. Среда. — Вот и 1875-й год канул в вечность. Завтра вступаем в новый год: каков он будет? лучше или хуже прожитого? — Вот обычные вопросы, которые задаст себе каждый, переходя этот условный рубеж времени. Лично для меня истекший год не представляет ничего выдающегося; я не могу назвать его ни особенно благополучным, ни несчастливым. С одной стороны — продолжительная разлука с семьей, болезни дочерей, мелкие невзгоды хозяйственные; с другой же стороны — большее, чем в прежние два года, спокойствие душевное, что, конечно, имеет в жизни первостепенное значение.

Комментарии

---

¹ 8 апреля 1873 г. Русская Православная Церковь праздновала Светлое Христово Воскресение (Пасху).

² Д.А. Милютин вспоминал в 1886 г.: «Не раз в течение своей жизни замыслил я вести дневник, для сохранения в памяти всего сколько-нибудь замечательного, чему приходилось мне быть свидетелем, или в чем сам был участником. Но затею эту мне удавалось осуществлять только по временам, урывками, при некоторых особых обстоятельствах, как например, во время первого моего путешествия за границу в молодые лета (в 1840 и 1841 гг.); также во время военных экспедиций на Кавказ. После непродолжительного опыта я бросал работу за недосугом, так как большая часть моей жизни прошла в напряженных занятиях, то учебных, то служебных, а вместе с тем мне всегда казалось, что скромное мое существование не могло доставлять довольно интересного материала для постоянного ведения дневника... Только на тринадцатом году моего управления военною частью, в начале 1873 года, решился я приняться за ведение дневника, несмотря на то, что и в это время не было у меня более досуга, чем прежде. Вызвали меня на такое решение особые обстоятельства, сложившиеся весьма невыгодно для дальнейшего ведения дела, которому я всецело посвятил себя. С каждым днем я все более убеждался, что буду неправ пред будущими поколениями, если останусь безгласным свидетелем происходившего на моих глазах, отчасти при моем участии. Я счел себя обязанным сохранить для будущего историка те данные, которые могут пригодиться ему, чтобы разъяснить современные обстоятельства и обрисовать точнее действующих лиц. Решающим для меня побуждением к ведению дневника послужили происходившие в начале 1873 года, в Зимнем дворце, под председательством самого императора, секретные совещания по весьма важным военным вопросам. По поводу этих совещаний открыто разыгралась враждебная против меня интрига, имевшая значение не столько потому, что чуть не заставила меня тогда же покинуть пост военного министра, сколько потому, что благодаря ей мои планы новых серьезных мер относительно наших военных сил остались без последствий и предлежавшие совещанию задачи не были разрешены. Эта именно сторона дела и показалась мне заслуживающей внимания будущего историка для характеристики тогдашнего

состава и образа действий нашего высшего правительства. Негласная обстановка дела, обыкновенно остающаяся скрытою для будущих поколений, часто обрисовывает эпоху яснее, чем общеизвестные факты, сохраненные в официальных документах». См.: *Милютин Д.А.* Предварительное объяснение для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут мои записки // *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 34–35.

В фонде Д.А. Милютина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранился «Путевой дневник 1840 и 1841 гг.» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 1. Д. 14–17; К. 2. Д. 1–3), в котором описано путешествие по Европе (Германия, Италия, Франция, Англия, Бельгия, Голландия, Рейн, Швейцария, сев. Италия, Австрия), а также памятные книжки 1839 г. Памятные книжки представляют собой краткие подневные записи, в основном — за время пребывания Д.А. Милютина на Кавказе (ОР РГБ. Ф. 169. К. 1. Д. 1–10). Затем эти записи обрабатывались автором. Так, в фонде имеются «Отрывки из моего журнала» — записки в форме дневника, составленные по подневым записям апреля 1839 г., и «Поездка на Кубань», описанная по подневым записям декабря 1839 г. Есть основания полагать, что подобные записи («Заметки на память») сохранились далеко не полностью. На общей обложке для кавказских памятных книжек Милютиным написано (судя по почерку, в последние годы жизни): «Черновой дневник 1839 г.» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 1. Д. 13). Можно предположить, что подобные «черновые дневники» велись Милютиным и позднее, в частности, во время его пребывания на Кавказе в 1856–1860 гг. Иначе трудно объяснить обилие мельчайших бытовых деталей в его «Воспоминаниях». См., например: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. Отрывки из дневника Д.А. Милютина за 12–22 мая 1841 г. (поездка в Англию) опубликованы, см.: *Проблемы британской истории.* М., 1974. С. 186–217.

³ Такой записки в фонде Д.А. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169) нет. Вероятно, она так и не была составлена. Однако обстоятельства первых трех месяцев 1873 г. подробно освещены Милютиным в его «Воспоминаниях». См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 569–604.

⁴ Имеются в виду Секретные совещания для обсуждения основных начал будущего устройства военных сил России, проходившие под председательством Александра II с 28 февраля по 31 марта 1873 г. (всего состоялось 6 заседаний). В совещаниях, помимо военного министра, принимали участие наследник цесаревич вел. кн. Александр Александрович, великие князья Владимир Александрович, Константин, Николай и Михаил Николаевичи, фельдмаршалы кн. А.И. Барятинский и гр. Ф.Ф. Берг, кн. А.М. Горчаков, К.В. Чевкин, П.Н. Игнатьев, гр. А.В. Адлерберг, гр. П.А. Шувалов, М.Х. Рейтерн, А.Е. Тимашев,

гр. С.Г. Строганов, гр. А.П. Бобринский, А.А. Абаза, Н.К. Краббе, А.П. Хрушов, А.М. Гильденштуббе, А.П. Карцов, А.Р. Дрентельн, А.А. Непокойчицкий, гр. Ф.Л. Гейден, Э.И. Тотлебен, М.П. фон Кауфман и Д.С. Мордвинов. Обязанности делопроизводителей были возложены на ген.-майора Н.Н. Обручева и полк. Ф.К. Величко.

Инициировав эти совещания, Д.А. Милютин прежде всего рассчитывал опереться на их авторитет, чтобы добиться от Министерства финансов согласия на значительное увеличение расходов на развитие вооруженных сил империи. Однако фактически совещания были использованы для борьбы против самого военного министра, противника которого (прежде всего, кн. А.И. Барятинский, поддержанный великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами) добивались упразднения военных округов и полной реорганизации армии. Угрожая своей отставкой, Милютин сумел отстоять созданную им систему, а также свои предложения по строительству крепостей и стратегических железных дорог, введению военно-конской повинности и проч. При этом Милютин вынужден был согласиться на восстановление в пограничных округах в мирное время корпусов (командиры которых подчинялись командующему войсками округа) и на деление дивизий на две бригады, с восстановлением должности бригадного командира, уничтоженной после Крымской войны; пехотные полки получали четырехбатальонный состав, вместо трехбатальонного, а количество рот в батальоне возросло до четырех.

Участники совещаний согласились с Д.А. Милютиным относительно необходимости, «ввиду непрерывно развивающихся вооружений Европы», увеличить расходы на армию. Размеры этого увеличения в «Заключениях Секретного совещания» окончательно не устанавливались, но за основу принимались цифры, предложенные министром финансов. М.Х. Рейтерн признавал возможным увеличить смету Военного министерства на 10 млн. руб., начиная с 1875 г., но с тем, чтобы впредь военный бюджет оставался постоянным. Милютин, со своей стороны, настаивал на увеличении военных расходов на сумму свыше 15 млн. руб. Уже на первом заседании Секретного совещания Милютин дал согласие на установление для Военного министерства «нормального бюджета». Он составил 179.290 тыс. руб. (4 июля 1873 г. эта сумма была утверждена Александром II). «Заключения Секретного совещания» были утверждены императором 8 апреля 1873 г. (текст «Заключений» см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 37. Д. 7).

Подробнее о работе совещаний см.: *Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 574–604; Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 288–304, а также биографическую статью П.А. Зайончковского о Д.А. Милютине в настоящем издании (Приложения).*

⁵ После первого заседания Секретного совещания Александр II поручил особой комиссии изыскать возможности для сокращения военных

расходов. Председательствовать в комиссии было предложено К.В. Чевкину, но тот отказался, и Александр II назначил председателем кн. А.И. Барятинского. В состав Комиссии вошли К.В. Чевкин, П.Н. Игнатьев, гр. Э.Т. Баранов, С.А. Грейг, А.П. Хрушов, А.Р. Дрентельн, кн. В.Д. Голицын, гр. П.А. Шувалов (начальник штаба Петербургского военного округа) и А.П. Свистунов. Делопроизводителем Комиссии стал ген.-майор Г.Г. Яковлев. Об образовании Комиссии см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 582–589.

⁶ Слухи о намерении военного министра оставить свой пост были весьма распространены, и весной 1873 г. даже проникли в иностранные газеты. Лечившийся в Сорренто товарищ генерал-фельдцейхмейстера А.А. Баранцов даже отправил 3(15) апреля Д.А. Милютину особое письмо, убеждая его, «что ввиду государственной пользы следует пренебречь личными соображениями, и как начал, так и продолжать приносить себя всецело в жертву делу, как это подобает человеку, преданному интересам своей родины». Узнав от Милютина об итогах Секретных совещаний, Баранцов отвечал ему 13(25) апреля: «...Да благословит Господь Государя, который, не взирая на ложное и зловредное направление окружающей его среды, мудро решил важный вопрос нашей военной организации. Несомненно, что тяжел крест, который ты несешь, любезный Дмитрий Алексеевич, тягостны были прожитые, как ты пишешь — черные дни, но зато все благомыслящие отдают тебе полную справедливость и высоко ценят добросовестные труды твои на пользу военного дела! От недоброжелателей и завистников оградить себя невозможно!» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 57. Д. 17. Л. 23–25). Судя по записи 13 июня 1873 г. в дневнике Милютина, тревога Баранцова была не напрасной.

⁷ В фонде Д.А. Милютина данная записка не обнаружена; вероятно, ее содержание отражено в итоговом докладе, представленном Милютиным Александру II 24 апреля 1873 г. (см. коммент. 24).

⁸ Особое присутствие о воинской повинности было учреждено 8 января 1873 г. под председательством вел. кн. Константина Николаевича для рассмотрения проекта Устава о воинской повинности. В состав присутствия входили председатели и члены департаментов законов и государственной экономии Государственного совета, а также наследник цесаревич вел.кн. Александр Александрович, великие князья Владимир Александрович, Николай и Михаил Николаевичи, принц П.Г. Ольденбургский, фельдмаршалы кн. А.И. Барятинский и гр. Ф.Ф. Берг, кн. А.М. Горчаков, кн. А.А. Суворов, кн. В.К. Ливен, П.А. Валуев, П.Н. Игнатьев, Д.А. Милютин, гр. А.В. Адлерберг, гр. П.А. Шувалов, М.Х. Рейтерн, А.Е. Тимашев, гр. Д.А. Толстой, гр. К.И. Пален, гр. А.П. Бобринский, Н.К. Краббе, Д.Н. Набоков. Впоследствии Особое присутствие было сохранено, в сокращенном

составе, для наблюдения за исполнением воинской повинности (см. коммент. 114). Копии журналов заседаний Особого присутствия со 2 апреля по 16 ноября 1873 г. сохранились в фонде Д.А. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169. К. 25. Д. 4). Подлинники см.: РГИА. Ф. 1246. Оп. т. 16. 1873. Д. 1. О работе Особого присутствия см.: Отчет по Государственному совету за 1873 г. СПб., 1875. С. 73–74; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 320–324; Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. СПб., 1998. Т. 1. С. 43–44.

⁹ Вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике 11 апреля: «...От 1 до 5 [ч.] комиссия по воинской повинности. Прошли от 24-го § до 41-го и было чрезвычайно интересно. Главные споры сосредоточились на вопросе об льготах по семейному положению, где перенесли в первую категорию всех единственных сыновей. Расширили права промена жеребьев между родными братьями на братьев сводных и двоюродных. Вообще для меня это ужасно интересно. Сам лично принимаю горячее участие и много говорю, и во время заседания решительно не чувствую никакой усталости. Но утомление приходит после» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 43).

«О льготах по семейному положению» в окончательной редакции Устава о воинской повинности говорилось в ст. 45–51 (Глава VI, раздел II). Лица, имевшие льготу, назначались на службу «в таком только случае, если для выполнения набора неостанет прочих людей, призванных к жребию» (ст. 47). «...В случае недостатка таких лиц на пополнение следующего с участка числа новобранцев, — указывалось в ст. 146 «Устава», — подвергаются освидетельствованию в том же порядке лица, имеющие право на льготу по семейному положению третьего разряда, затем — второго и, наконец, первого разряда, до пополнения всего числа, требуемого с участка, новобранцев». Льгота первого разряда предусматривалась для единственного трудоспособного члена семьи, а также «для единственного сына в семье, хотя бы при отце, способном к труду». Льгота второго разряда предоставлялась старшему сыну, братья которого были моложе 18 лет. Льгота третьего разряда устанавливалась «для лица, непосредственно следующего по возрасту за братом, находящимся по призыву на действительной службе или умершим на оной» (ст. 45). См. ПСЗ-II. Т. 49. Отд. I. № 52983.

¹⁰ В фонде Д.А. Милютина данный доклад не сохранился.

¹¹ В тот же день вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике: «...В 1 ч. в советских комнатах комиссия воинской повинности и я воротился только в 6 ч. Было ужасное, тяжелое заседание, и мы не подвинулись вперед ни на один параграф. Сперва Шувалов возбудил вопрос о незачислении учившейся молодежи, служащей на сокращенных сроках, в ряды войск, а об образовании из них отдельных полубучебных частей. При этом он обвинял огульно всю учащуюся молодежь в нигилистиче-

ском и революционном направлении. Разумеется, Милютин и я, мы сильно против этого отбивались, но на стороне Шувалова было все-таки сильное, напуганное меньшинство и отчасти даже Миша [вел. кн. Михаил Николаевич, — А.М.]. На этом споре прошло два часа, и ничем не кончили, не дойдя до голосования, потому что хотели сперва к следующему собранию иметь редакцию обоих мнений. Сделал тогда антракт на четверть часа. После того бесплодный спор с Толстым о расписании учебных заведений по разрядам для льгот службы. Ужасно всем Толстой надоел, и тоже ничем не кончилось. Это меня страшно утомило, и голова начала болеть. Дома отдыхал до $\frac{3}{4}$ 7, но не мог за-нуть» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 44—45).

Участвовавший в заседаниях Особого присутствия член Государственного совета кн. Д.А. Оболенский вспоминал: «...По поводу льготы по образованию возбужден был графом Шуваловым вопрос о том, чтобы всех призванных к повинности и пользующихся льготой по образованию не вводить в состав войска, а образовывать из них особое команды. Это предложение вызвало оживленное прение. Военный министр заявил, что он никак не может согласиться на это предложение, и в особенности на то, чтобы оно составило предмет закона. Он соглашался, чтобы выражена была в общих выражениях обязанность командиров иметь особое попечение о лицах, получивших образование, и заявил даже намерение сделать по министерству распоряжение, чтобы краткая служба лиц, пользующихся льготой, происходила в казармах и под особым надзором, но решительно протестовал против обязательного учреждения особых команд. Военного министра сильно поддерживали великий князь и Чевкин, а Шувалов, Тимашев и Пален были против. Главный мотив Шувалова сперва им скрывался, но, наконец, он высказал явное опасение, чтобы элемент образования, в лице нашей зараженной нигилизмом молодежи, не возмутил бы всю армию. При этом случае Тимашев, Шувалов и Пален один за другим старались допустить, что революционная пропаганда у нас так сильна, что ничто перед ней устоять не может, и все это производят студенты университетов, Медико-хирургической академии и Технологического института... Эти господа серьезно воображают сами — и, что хуже, убеждают государя, что вся Россия, весь русский народ, все войско способны одним разом поверить молодым людям 21-го года, что не нужно царя, не нужно правительства и проч. ..., что все спокойствие государства держится только тем, что они держат под надзором полиции всю эту учащуюся молодежь. ...Генерал Дрентельн, который присутствует в Совете в качестве эксперта, на вопрос великого князя, что он думает о влиянии, которое может произвести на солдат новый элемент образованных и недовольных юношей, прямо отвечал, что он так уверен в благоразумии, смысле и твердости русского солдата, что не имеет ни малейшего опасения, чтобы такая пропаганда могла бы на него подействовать, а напротив, не ручается за спокойствие команды, которая вся будет составлена из мо-

лодежи, взятой со школьной скамьи. На это граф Шувалов отвечал генералу Дрентельну, что он будто бы не знает этой молодежи» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 330–331). К мнению гр. Шувалова, кроме А.Е. Тимашева и гр. К.И. Палена, присоединились также П.А. Валуев и гр. Д.А. Толстой. Об обсуждении в Особом присутствии вопроса о льготах по образованию см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 321–323.

¹² Подробнее о визите императора Вильгельма I в Петербург в 1873 г. см.: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 493–499.

¹³ «Парадная заря (зоря)» — военный сигнал, подаваемый в строго определенное время утром и вечером в сухопутных войсках и на флоте (с конца XVII в.). Вечерняя заря сопровождалась торжественной церемонией (построение, переключка, объявление приказов, пение молитв). 17 апреля 1873 г., кроме того, исполнялись гимн Пруссии, марш, сочиненный королем Фридрихом-Вильгельмом III, так называемый парижский марш, под звуки которого русские и прусские войска в 1814 г. вступили в столицу Франции, и другие произведения. В завершение звучал гимн «Коль славен наш Господь в Сионе!». По свидетельству вел. кн. Константина Николаевича, перед Зимним дворцом были собраны «все соединенные музыки [то есть оркестры всех гвардейских полков, — А.М.], около 2400 человек, которые сыграли 12 номеров и кончили зарей и молитвою». «...Было очень хорошо, — отмечал великий князь, наблюдавший за народом с императорского балкона, — но продолжалось слишком долго, около часа, и мы все время стояли, ни разу не садившись. Было довольно холодно, и мы были в пальто...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 47).

¹⁴ В Особом присутствии продолжались споры, начатые 14 апреля 1873 г. «...В 1/2 12 у меня Милютин и Шувалов при Сольском, — записал вел. кн. Константин Николаевич, — чтоб постараться обойтись без разногласия и добыть соглашение по вопросу об содержании образованной молодежи, что, слава Богу, и вполне удалось. От 1 до 1/4 5 комиссия воинской повинности. Начали предъявлением соглашения, чему все очень рады. Потом нескончаемый спор по разрядам льгот по учебным заведениям с Толстым. Сделал сравнение о разложении 5 яблоков по 4 тарелкам. При голосовании оказалось у нас 21 голос, у Толстого — 6. Потом еще спорили об отсрочках по образованию. Воротился крайне усталый и отдыхал». Ссылаясь на утомление от заседания, великий князь даже уехал с придворного бала (см.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 48).

В споре о разделении учебных заведений на разряды по отношению к отбыванию воинской повинности гр. Д.А. Толстой настаивал на том, чтобы подобное разделение было, по примеру Пруссии, пре-

доставлено министру народного просвещения. Притом критерии, на основании которых предполагалось проводить разделение, указывались столь неопределенно, что фактически решающую роль играло бы личное усмотрение министра. Не согласившись с гр. Толстым, Особое присутствие поручило ему к осени представить новые предложения относительно распределения учебных заведений по разрядам. В письме, написанном 3 мая 1873 г. М.Н. Каткову, А.И. Георгиевский указывал, что предложения гр. Толстого не имели успеха из-за позиции вел. кн. Константина Николаевича, который «самым явным образом тянул сторону Милютина», «не давал говорить графу и смущал его заявлениями своего неудовольствия». По словам Георгиевского, «Валуев и Тимашев изменили» гр. Толстому (ОР РГБ. Ф. 120. К. 20. Л. 4–5). Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 315–330.

¹⁵ 21 апреля 1873 г. Особое присутствие о воинской повинности заседало с 2 ч. до $\frac{1}{2}$ 6 ч. «...Опять ужасно спорное, — писал о заседании вел. кн. Константин Николаевич, — и мало подвинулись вперед. Главный спор по вопросу об совершенных изъятиях от воинской службы. Воротился, разумеется, ужасно утомленный...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 50). Согласно ст. 62–64 Устава о воинской повинности (Глава VI, раздел V), от воинской повинности освобождались священнослужители всех христианских вероисповеданий и православные псаломщики, окончившие курс в духовных учебных заведениях. Кроме того, от действительной службы освобождались (с зачислением на 10–15 лет в запас) лица, имевшие законченное медицинское или ветеринарное образование, если по условиям обучения они не были обязаны служить в военном ведомстве, пансионеры Императорской Академии художеств, преподаватели и воспитатели казенных учебных заведений, а также учебных заведений, уставы которых утверждены правительством, шкиперы, штурманы, лоцманы, инженер-механики кораблей торгового флота, плавающих под русским флагом (ПСЗ-II. Т. 49. Отд. I. № 52983). Гр. П.А. Шувалов предлагал не освобождать от воинской повинности учителей народных школ, но его инициатива не встретила поддержки в Особом присутствии.

¹⁶ «Правительственный вестник» сообщал в разделе «Придворные известия»: «22-го сего апреля в 6 часов пополудни в Николаевском зале Зимнего дворца был в честь его величества императора германского высочайший обеденный стол, к которому приглашены были придворные дамы, члены Государственного совета, сенаторы, статс-секретари, почетные опекуны, свита императора Вильгельма и военная свита Государя императора, первые и вторые чины Двора, полные генералы, гвардейское начальство и штаб-офицеры полков, коих император германский состоит шефом. Приглашенных всего было 636 персон. Во время обеда его величество Государь император, провозглашая тост

в честь его величества императора германского, изволил произнести следующие слова: “Здоровье его величества императора и короля Вильгельма, моего лучшего друга! В дружбе, нас соединяющей, которую мы наследовали от наших родителей и которую, надеюсь, мы передадим нашим детям, я вижу для Европы лучший залог мира, в коем все нуждаются и которого все желают. Да сохранит Господь его величество еще на многие лета и да даст ему наслаждаться в мире и спокойствии его успехами и славою! Таковы искреннейшие желания моего сердца”. В ответ на эту речь его величество император-король изволил сказать следующее: “Августейшие слова, которые Ваше величество изволили произнести, останутся навсегда запечатленными в глубоко тронутым и признательном сердце моем. Эта признательность относится равномерно к дружественному приему, сделанному мне лично Вами и встреченному мною в Вашем государстве. Чувства и желания, Вашим величеством выраженные, суть также и мои. Да услышит их Всевышний для благоденствия наших народов и для упрочения европейского мира”». [Правительственный вестник. 1873 г. № 96. 24 апреля (6 мая)].

Вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике: «...В 6 ч. огромный обед в Николаевской зале в полной форме в прусских мундирах. Тут Государь и король за тостом говорили речи о союзе и о мире. Это было явно рассчитано для общественного мнения Европы. В это время салют с наших яхт» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 50).

¹⁷ Шефом 3-го драгунского Военного ордена полка был германский император Вильгельм I.

¹⁸ 24 апреля (6 мая) 1873 г. в Петербурге фельдмаршалами гр. Ф.Ф. Бергом и гр. Г. Мольтке была заключена секретная военная конвенция, в тот же день ратифицированная Александром II и Вильгельмом I. Ст. 1 данного соглашения предусматривала, что «если какая-либо европейская держава напала бы на одну из двух империй, то последняя, в возможно кратчайший срок, получит помощь, в виде армии из двухсот тысяч человек наличного состава». При этом оба императора заявляли о своем желании «упрочить господствующий ныне в Европе мир и отдалить возможность войны, которая могла бы его нарушить», а в ст. 2 указывалось, что «эта военная конвенция заключена с целью, не имеющей в себе ничего враждебного ни к какой нации и ни к какому правительству». Ст. 3 определяла порядок денонсации договора: о намерении отказаться от него одной из сторон следовало заявить за 24 месяца «до того времени, с коего конвенция будет считаться уничтоженной, чтобы дать другой стороне время принять те меры, какие она сочтет уместными». В особом прибавлении к конвенции оговаривалось, что расходы на содержание союзных войск с момента перехода ими границы несет страна, получающая помощь. См.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 124–125.

Характерно, что Д.А. Милютин в своем дневнике даже не упоминает о заключении данной конвенции. По-видимому, военный министр не знал о ее подготовке и подписании. Об этом свидетельствует и позднейшая записка Д.А. Милютина, сохранившаяся среди набросков, не вошедших в рукопись его «Воспоминаний»: «Секретная конвенция, заключенная между Россией и Германией в Петербурге в 1873 году, была подписана фельдмаршалами Бергом и Мантейфелем, и утверждена подписями обоих императоров. Кн. Бисмарк уклонился от подписания конвенции, о чем прямо упоминает Вильгельм I в письме к кн. Бисмарку от 15 сентября 1879 г. (приведенное в книге Буша (г. III, стр. 264))» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 11. Д. 30. Л. 19). По-видимому, имеется в виду книга: *Busch M. Bismark, Some Secret Pages of His History. Vol. III. London, 1898. P. 265–266.* Русский перевод см.: *Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 969.*

- ¹⁹ Вильгельм I всячески демонстрировал свое внимание к русским сановникам. Если с Д.А. Милютиным он беседовал о военных реформах, то П.А. Валуева пригласил «для разговора об освобождении крестьян». 25 апреля 1873 г. Вильгельм I вместе с прусскими генералами обедал в Мраморном дворце у вел. кн. Константина Николаевича. Как отмечал великий князь, «король был со мною очень мил» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 51–52). В результате, по свидетельству А.А. Половцова, «император обворожил всех, имевших с ним дело» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 16).

Тем не менее, отношение к Германии в Петербурге было скорее настороженным. «...Каковы будут последствия визита этого дорогого гостя — одному Богу известно, — писал тогда же кн. Д.А. Оболенский, которому “пруссомания Государя” явно не импонировала. — Пока теперешний король-император жив, можно, кажется, с достоверностью сказать, что у нас с пруссаками войны не будет, но он уже стар, а после него вряд ли продержится долго наша дружба. Наш царь во время пребывания пруссаков был, кажется, весел и доволен, а перед тем приближенные его постоянно жаловались на дурное расположение его духа...» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 331).

- ²⁰ То есть 5-го пехотного Калужского полка и С.-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полка, шефом которых был Вильгельм I.
- ²¹ Об участии германского посла принца Г. Рёйсса в интриге против Д.А. Милютина действительно не раз говорили в правительственных сферах. В частности, об этом писал в своих записках кн. Д.А. Оболенский. По его наблюдениям, борьба против военного министра весной 1873 г. еще не закончилась. Благоприятный для Милютина исход секретных совещаний кн. Оболенский объяснял прежде всего неспособностью его оппонентов «формулировать какой-либо план организа-

ции» армии и нежеланием Александра II производить «перемены в личном составе и организации Военного министерства» накануне приезда императора Вильгельма I. При всей субъективности подобного взгляда, в нем чувствуется знание характерных приемов и логики действий Александра II. Так, впоследствии, в начале 1874 г. уже решенный вопрос об отставке министра внутренних дел А.Е. Тимашева, которому ставились в вину неуважительные отзывы о царе, будет во избежание скандала отложен до отъезда иностранных гостей, съезжавшихся тогда на бракосочетание вел. кн. Марии Александровны и принца Альфреда, герцога Эдинбургского (затем царский гнев остыл, и Тимашев сохранил свой пост до 1878 г.).

Возможно, подобные соображения играли роль и в 1873 г. «...Но после отъезда императора, — полагал кн. Оболенский, — интрига, вероятно, опять начнется. Я даже уверен, что германский император, со своей стороны, поможет ей, так как князь Рёйсс, по-видимому, помогал ей прежде, ибо для пруссаков ничто не может быть приятнее, как втянуть нас в какое-нибудь серьезное преобразование организации войск, которая займет нас по крайней мере на 10 лет и расстроит то, что худо или хорошо, но существует и действует...». «...Милютин во всей этой борьбе держит себя прекрасно и с большим достоинством и спокойствием, — отмечал князь. — Мне слишком мало известны хорошие и плохие стороны его управления, поэтому я не могу о них судить. Для меня только очевидно, что Милютин неизмеримо выше по уму и способностям всех своих противников и так предан делу, что ничего другого не знает и знать не хочет. Это последнее обстоятельство и дает ему силу и твердость переносить все неприятности в неравной борьбе. Я тоже не думаю, чтобы он, несмотря на свое теперешнее торжество, долго бы удержался. ...Государь, видимо, поколеблен и едва ли сохранит прежнее доверие к системе Милютина...» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 326–327).

- ²² Заседание Особого присутствия продолжалось с 1 ч. до 5 ч. вечера. Председательствовавший вел. кн. Константин Николаевич остался доволен его результатами: «...Сегодня шло хорошо, гладко и успешно и мы дошли до 102 §...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 52).
- ²³ Гл. XII (ст. 171–196) Устава о воинской повинности (ПСЗ-II. Т. 49. Отд. 1. № 52983). Вольноопределяющиеся — военнотружашие, добровольно поступающие в армию после получения высшего или среднего (по Уставу о воинской повинности 1 января 1874 г. — и незаконченно-го среднего) образования и проходящие военную службу на льготных основаниях (сокращенный срок службы и выслуги в чинах, право выбирать часть, жить на собственные средства вне казарм, кроме временных лагерных сборов).
- ²⁴ В фонде Д.А. Милютина имеется писарская копия доклада, представленного Александру II 24 апреля 1873 г., «о последовательности прове-

дения мероприятий по новой организации войск, содержащихся в утвержденных 8 апреля 1873 г. заключениях Особого совещания» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 26. Д. 2).

- ²⁵ Комиссии по организации войск и о воинской повинности (обе под председательством начальника Главного штаба Ф.Л. Гейдена) были созданы по инициативе Д.А. Милютина 17 ноября 1870 г. О деятельности и проектах комиссий см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 315—317, 353—356, 547—551; *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 261—288, 306—314. В фонде Д.А. Милютина имеются материалы обеих комиссий (ОР РГБ. Ф. 169. К. 24. Д. 36—38; К. 25. Д. 2, 8—16, 28—32; К. 26. Д. 1—16). См. также коммент. 110.
- ²⁶ Впоследствии, защищаясь от обвинений в «бюрократическом направлении» проведенных им преобразований, в чрезмерном увеличении личного состава министерства и ведомственной переписки, в излишней централизации и проч., Д.А. Милютин указывал в статье «Военные реформы императора Александра II», что в результате реформ личный состав Военного министерства сократился на 326 офицерских чинов и 607 нижних чинов (писарей), а количество входящих и исходящих бумаг уменьшилось на 45 %. См.: Приложение 1.
- ²⁷ Вел. кн. Константин Николаевич писал 2 мая 1873 г. о работе Особого присутствия: «...Отложили только уголовную часть до следующего заседания, а все остальное кончили, даже дополнительные статьи для указа. При этом большое прение о евреях, и решили единогласно не делать для них никакого исключения, даже для офицерства. У меня от этого ужасно голова разболелась...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 55).

Комиссия для составления нового Положения о личной воинской повинности в империи и Царстве Польском проектировала особые правила, которые должны были препятствовать предполагаемому массовому уклонению евреев и мусульман от воинской службы. В частности, допускался призыв старших возрастов (до 30 лет включительно), замена уклонившихся от жеребьевки евреев исключительно другими евреями, мусульман — мусульманами, а христиан — христианами. Впрочем, ряд членов комиссии (в том числе генерал-майоры Н.Н. Обручев и М.Н. Анненков, барон Г.О. Гинцбург и др.) с самого начала выступали за введение единых правил призыва и приема на военную службу (а также взысканий за их нарушение) для всех лиц, подлежащих воинской повинности, вне зависимости от их вероисповедания. «Право на офицерское звание», как полагала половина членов Комиссии во главе с председателем гр. Ф.Л. Гейденом, «должно быть предоставлено евреям не прежде, как по уравнивании их во всех прочих гражданских правах с коренным населением империи» (польза этого не ставилась ими под сомнение). К этой точке зрения, судя по обсуждению вопроса в Особом присутствии, склонялся и Д.А. Милютин. Другая половина Комиссии

во главе с генерал-лейтенантом А.Р. Дрентельном высказывалась в пользу предоставления права на производство в офицеры евреям, получившим высшее образование (два члена Комиссии, из числа земских деятелей, считали достаточным наличие среднего образования). Особое присутствие по инициативе кн. С.Н. Урусова, которого поддержали вел. кн. Константин Николаевич, П.А. Валуев, М.Х. Рейтерн и др., высказалось против установления для евреев особых правил отбывания воинской повинности. В результате, согласно Уставу 1874 г., евреи отбывали воинскую повинность на тех же основаниях, что и христиане. Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. С. 309–314, 323–324; *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. 1827–1914. М., 2003; *Натанс Б.* За чертой: евреи встречаются с поздней имперской Россией. М., 2007. С. 209–211.

- ²⁸ Дневник вел. кн. Константина Николаевича не свидетельствует о его желании поскорее свернуть работу Особого присутствия. «...В 1 ч. последнее заседание нашей большой комиссии по воинской повинности, — записал он 8 мая. — Проходили уголовную часть, и после долгих и интересных прений согласились в мыслях, предоставляя редакцию канцелярии. Потом решили, что в январе 1874 года будет последний набор по старой системе, а в ноябре — первый по новой. Продолжалось до $\frac{3}{4}$ 5. Тогда покатался по улицам...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 57).
- ²⁹ 9 мая 1823 г. по мысли вел. кн. Николая Павловича и под его надзором в Петербурге была учреждена школа гвардейских подпрапорщиков, дававшая военное образование молодым людям, желавшим получить офицерское звание в гвардейской пехоте. С 1826 г. при школе сформирован эскадрон юнкеров, и она переименована в «школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров». С 1859 г. — Николаевское училище гвардейских юнкеров, а с 1867 г. (после упразднения учебной роты) — Николаевское кавалерийское училище. Среди выпускников: кн. А.И. Барятинский (выпуск 1833 г.), М.Т. Лорис-Меликов (1845 г.), В.А. Сухомлинов (1867 г.).
- ³⁰ Тогда же В.А. Потто издал и более обстоятельный (326 стр.) очерк истории училища. См.: *Потто В.А.* Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873. СПб., 1873.
- ³¹ Вел. кн. Константин Николаевич не без раздражения отметил в дневнике, что на балу, который дворянское собрание давало «для шаха», повелитель Персии «заставил ждать себя почти полчаса» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 59).
- ³² Рескрипт Александра II гр. Ф.Л. Гейдену был опубликован в «Правительственном вестнике» 15(27) мая 1873 г. (№ 114).
- ³³ Д.А. Милютин писал дочери Ольге 16 мая: «...Город Петербург продолжает наслаждаться присутствием его персидского величества. Мы с

мамашей были на большом обеде во дворце, а потом я видел его на бале; шах делает быстрые успехи в европейской цивилизации, но подчас выкидывает штуки совершенно азиатские. Завтра, слава Богу, мы избавимся от него и гнусной его свиты...» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 93. Д. 26. Л. 2).

- ³⁴ Имеется в виду Комитет железных дорог (1858—1874 гг.), в котором с 26 декабря 1863 г. председательствовал гр. С.Г. Строганов. В 1873 г. членами комитета по должности являлись М.Х. Рейтерн и гр. А.П. Бобринский, а по назначению — Э.И. Герстфельд, С.В. Кербедз, бар. В.К. Ливен, П.П. Мельников, А.Е. Тимашев, Э.И. Тотлебен, П.А. Языков. Комитет рассматривал проекты строительства частных железных дорог; предложения о способе их строительства вносились в Комитет министров.
- ³⁵ Фастовская дорога была построена в 1876 г., Харьковско-Николаевская (Марефа—Ворожба—Знаменка) — в 1878 г. В 1888 г. Ромны были соединены железной дорогой с Кременчугом. Подробнее см.: *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 2. СПб., 1902. С. 139—145.
- ³⁶ Пажеский его императорского величества корпус — привилегированное военно-учебное заведение, предоставлявшее общее и военное образование сыновьям (позднее — и внукам) генералов, предназначенным к военной службе, преимущественно в войсках гвардии. В качестве военно-учебного заведения существовал с 1802 г. (образован из Пажеского корпуса, основанного в 1759 г.), первоначально состоял из 4, затем — из 7 классов. После преобразования 1868 г. старшие классы Пажеского корпуса были приравнены по организации и преподаванию к военным училищам, а младшие — к старшим классам военных гимназий. Среди выпускников: Я.И. Ростовцев и К.В. Чевкин (выпуск 1822 г.), Н.Н. Муравьев-Амурский (1827 г.), гр. П.А. Шувалов и С.А. Грейг (1845 г.), И.В. Гурко (1846 г.), Н.П. Игнатьев (1849 г.) и др.
- ³⁷ В походе на Хиву, помимо войск Туркестанского и Оренбургского военных округов, принимали участие два отряда войск Кавказского округа: Красноводский — полковника Маркозова и Мангышлакский — полковника Ломакина. Отряд полковника Маркозова в составе 2200 человек вышел 19 марта из Чекишляра (юго-восточное побережье Каспийского моря) в направлении Хивы. Однако, пройдя около 2/3 пути, испытывая тяжелые лишения из-за недостатка воды в условиях 50-ти градусной жары, отряд, достигнув колодцев Бала-Ишем (примерно в 200 верстах ю.-з. Хивы), принужден был возвратиться назад. Отряд же полковника Ломакина в составе 2000 человек, вышедший в середине апреля из района колодцев Порсубурун (севернее Кара-Бугазского залива), пройдя свыше 600 верст, в начале мая соединился с войсками Оренбургского военного округа и принял участие в военных действиях против Хивы. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

³⁸ Д.А. Милютин писал 23 мая дочери Ольге: «...У нас здесь полный хаос, артельщики укладывают, ящики громоздятся одни на другие. Сегодня началась укладка моей библиотеки». «...Квартира, — отмечал он, — будет тесненькой, всем нам придется приучаться к малым размерам помещения. Мы переберемся туда в самые последние дни мая месяца». «...Теперь мы совсем уже устроились, — сообщал Милютин 4 июня, — и находим наше скромное жилье весьма комфортабельным... Из окон наших вид очень приятный: все зелень, и если б не стук экипажей, проезжающих под самыми окнами, то можно было бы вообразить, что мы живем среди парка». К письму прилагался план 2-го этажа (жилые помещения для детей на 1-м этаже и полуподвальный этаж для прислуги и хозяйственных нужд строители обещали подготовить лишь к концу года): в распоряжении военного министра находились кабинет, небольшая гардеробная, спальня, гостиная, столовая и «угловая» комната, «где пока свалена вся остальная мебель», а также ванная, буфет, передняя и помещение для фельдъегеря. Теснота квартиры стала особенно ощутимой после приезда в Петербург детей Милютина в ноябре 1874 г. Пришлось даже думать о найме для их ночлега отдельной квартиры. (ОР РГБ. Ф. 169. К. 93. Д. 26. Л. 3, 5, 8, 32–33).

³⁹ Штабс-капитан 1-й батареи гвардейской конно-артиллерийской бригады Эраст Квитницкий в конце 1872 года, вследствие неприязненных отношений к нему как начальства, так и общества офицеров, решивших его выжить, был переведен в одну из батарей той же бригады, расположенных в Варшаве. Считая командира 1-й батареи полковника Хлебникова виновником организованной против него травли, Квитницкий отправился в Петербург и вызвал его на дуэль. После отказа Хлебникова принять вызов, Квитницкий, встретив Хлебникова, нанес ему несколько ударов обнаженной саблей по голове. Дело Квитницкого рассматривалось в начале февраля 1873 года в С.-Петербургском военно-окружном суде, решением которого он был приговорен к лишению всех прав и ссылке в Сибирь на поселение. Одновременно с этим суд, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, возбудил всеподданнейшее ходатайство о помиловании, поставив вместе с тем вопрос о привлечении к ответственности группы офицеров гвардейской конной артиллерии во главе с командиром бригады ген.-майором Губским и командиром 1-й батареи полк. Хлебниковым «за неправильные действия» в отношении Квитницкого. Решением Александра II Квитницкий был разжалован в рядовые, командир бригады ген.-майор Губский уволен в отставку. Прочие офицеры переведены в армейские части, расположенные в отдаленных местностях. В числе этих офицеров находился и сын Милютина, поручик Алексей Дмитриевич Милютин, командированный в Закаспийский отряд, предназначавшийся для участия в

экспедиции против Хивинского ханства. (Материалы судебного процесса см. в газете «Русский Инвалид» №№ 33–39 за 1873 год). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

Дело Квитницкого послужило поводом для столкновения Д.А. Милютин, защищавшего офицеров, с великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами, которые держали сторону Квитницкого. См.: *Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 578–579, 594.* Сочувствовал Квитницкому и вел. кн. Константин Николаевич. «...Ужасно тягостное впечатление, — писал он в дневнике 8 февраля 1873 г., вернувшись с заседания военного суда. — Конная артиллерия показалась в таком отвратительном виде, что никто им руки не подает. Все сочувствие к Квитницкому, а обвинители его обратились в обвиняемых. Никогда такого переворота не видел». Тем не менее великий князь полагал, что, ходатайствуя о помиловании, суд «пересолил»: «...Гораздо было бы лучше, если [бы] его разжаловали в рядовые без лишения прав и с выслугою. Сабельный удар все-таки остается, и оставлять его безнаказанным нельзя. Государь же будет теперь в неприятном положении быть строже суда». В то же время вел. кн. Константина Николаевича беспокоило вмешательство в это дело военного министра и поддержка им конноартиллерийских офицеров. «...Милютин, — отмечал он, — сильно восстает против процесса Квитницкого, и в этом деле далеко не беспристрастен. Боюсь очень, что не от того ли это, что его сын в этом замешан так некрасиво» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 104. Л. 12, 16). Александр II был явно недоволен как самим делом Квитницкого, так и приговором военного суда, которому был объявлен выговор за неуместное ходатайство. Как вспоминал И.А. Шестаков, рассказывали, будто «по поводу представления о новых столовых суммах для членов суда, сделанному почти одновременно с докладом о странном решении по делу Квитницкого, император заметил, что “им нужны фуражные, а не столовые”». См.: *Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб., 2006. С. 548–549.*

23 мая 1873 г. Д.А. Милютин сообщал дочери Ольге: «...От Алеши нет новых известий, но я получил телеграмму от великого князя Михаила Николаевича, что он видел Алешу (в Боржоме), что он здоров, и что спрашивает по телеграфу из Вены (от Государя), как поступить с ним. Поэтому, быть может, его и не отпустят сейчас в Петербург». От вмешательства великого князя он, видимо, не ждал ничего хорошего. 24 июня, посылая дочери письма, полученные от сына, Милютин добавлял: «Ты увидишь, что он, бедный, очень встревожен, предполагая, что посылка его в Туркестан, может быть, имеет характер ссылки. Мне сдается, что цель отправления его в Хиву заключается в том, чтобы дать ему случай быть в действиях после неудачи Красноводского отряда. В таком смысле объясняет и Лиза, в письме, полученном сегодня из Эмса». Но здесь же он приписал: «...Вероятно, вы

уже давно знаете, что Хива взята и что хан хивинский, сначала бежавший из своей столицы, потом возвратился с повинною» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 93. Д. 26. Л. 5, 16–17).

В письме К.П. фон Кауфману 4 июля Д.А. Милютин высказывал предположение, что после Хивинского похода его сына вернут в Петербург (ОР РГБ. Ф. 169. К. 52. Д. 95. Л. 7).

- ⁴⁰ В начале мая 1873 г. отряды К.П. фон Кауфмана и Н.А. Веревкина (около 10 тыс. человек) вступили в пределы ханства, 29 мая русские войска заняли Хиву. Телеграмма К.П. фон Кауфмана опубликована в кн.: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 517. Подробнее см.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб., 1906. 232–287.
- ⁴¹ Иомуды (иомуты) — одно из туркменских племен. Бежавшего к иомудам Мухаммеда-Рахима II представители К.П. фон Кауфмана вскоре убедили вернуться в Хиву. 2(14) июня 1873 г. он, как говорилось затем в Гандемиянском договоре, «проявил полную и чистосердечную готовность на исполнение всех требований и на принятие всех условий, которые будут ему предложены командующим войском». После этого Кауфман, «в силу данного ему высочайшего полномочия», объявил Мухаммеда-Рахима II «владельцем Хивинского ханства», дав ему «подробные инструкции» «для руководства в управлении страной». См.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 129. См. также коммент. 59.
- ⁴² 11(23) июня под давлением К.П. фон Кауфмана хивинский хан вынужден был объявить: «Я, Сеид-Мухаммед-Рахим-Богадур-хан, во имя глубокого уважения к русскому императору повелеваю всем моим поданным предоставить немедленно всем рабам моего ханства полную свободу. Отныне рабство в моем ханстве уничтожается на вечные времена. Пусть это человеколюбивое дело послужит залогом вечной дружбы и уважения всего славного моего народа к великому народу русскому». В соответствии с этим актом свободу получили около 30 тыс. человек (в основном — персов, которым была предоставлена возможность вернуться на родину). Подробнее см.: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 518.
- ⁴³ К.П. фон Кауфман еще 13 мая 1873 г. писал Д.А. Милютину с берегов Амударьи: «...Поход, совершенный нами, есть, конечно, один из труднейших, который когда-либо выпадал на долю военных людей. Совершить такой поход, какой мы сделали, могут только люди действительно мужественные и крепкие и с таким духом, каким преисполнены войска наши. Никакое перо не опишет всех препятствий, всей борьбы нашей с природою, которая, как назло, в нынешнем году была особенно неблагоприятна... Не могу довольно нахвалиться войсками Туркестанского округа. Люди и офицеры так хороши, что составляют предмет общего восторга...» («Войска наши такая прелесть, что нельзя

представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки / Публ. В. Бухерта // Источник. 2003. № 2. С. 13–14).

Судя по сделанной на письме помете, 25 июня (7 июля) оно было представлено Александру II в Эмсе. Император отнюдь не был равнодушен к успехам русских войск в Средней Азии. Еще 22 июня он наградил Кауфмана орденом Св. Георгия 2-й степени (по случаю чего ему был дан рескрипт, в котором высоко оценивались успехи возглавляемых им войск). Впоследствии награды получили и другие участники похода. Ср. также запись, сделанную Милютиным 19 июля 1873 г.

⁴⁴ Вместе с официальными донесениями К.П. Фан дер Флит привез Д.А. Милютину и частное письмо К.П. фон Кауфмана, написанное в Хиве 15 июня 1873 г. (в основном в нем шла речь о наградах участникам похода — Н.А. Веревкину, Н.Н. Головачеву, В.Н. Троцкому, Н.П. Ломакину, А.Е. Жаринову, К.П. Фан дер Флиту, а также вел. кн. Николаю Константиновичу и принцу Евгению Максимилиановичу Лейхтенбергскому). См.: Источник. 2003. № 2. С. 14.

⁴⁵ Отправляя, в соответствии с переданным по телеграфу повелением Александра II, К.П. Фан дер Флита в Югенгейм, Д.А. Милютин в письме к гр. А.В. Адлербергу особо обращал внимание на то, что «офицер этот может лично доложить много любопытных подробностей в дополнение к письменным донесениям» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 50. Д. 10. Л. 1).

⁴⁶ К.П. фон Кауфман писал Д.А. Милютину 15 июня 1873 г.: «...Из донесений моих Ваше высокопревосходительство изволите усмотреть настоящее наше блестящее положение в хивинском ханстве. Теперь все дело, как связаться с Хивой, притом так, чтобы не приходилось делать другого подобного похода. Он слишком труден, в особенности для начальника. Он слишком рискован и при небольшой ошибке можно погубить отряд. Он, наконец, слишком дорого стоит краю. Удастся ли нам вознаградить издержки казны — еще не совсем с уверенностью могу отвечать на этот вопрос. Край богат, но денег в нем мало. А нам именно деньги нужны, чтобы покрыть расходы, которые тяжело ложатся на казначейство и нужны гарантии в будущем. Я только что продиктовал записку по сему предмету, которую решаюсь представить его величеству и при сем в копии Вашему высокопревосходительству» (Источник. 2003. № 2. С. 14). Копия записки Кауфмана, о которой идет речь в письме, в фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ не обнаружена.

Как писал Милютину главный интендант Военного министерства М.П. фон Кауфман (родной брат туркестанского генерал-губернатора), расходы на хивинскую экспедицию 1873 г. составили «всего до 2 миллионов рублей» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 65. Д. 27. Л. 16).

⁴⁷ Д.А. Милютин писал гр. А.В. Адлербергу: «...Я же, со своей стороны, считаю долгом сообщить Вашему сиятельству, на случай, если при-

знаете нужным доложить Государю императору, что, по моему мнению, занятие какого-либо пункта в устьях Амударьи есть единственная мера, которая может поставить нас в отношении к Хиве в угрожающее положение и тем предотвратить на будущее время повторение столь трудных и дорогостоящих экспедиций, как нынешняя. Но само собою разумеется, что с занятием означенного пункта соединено и улучшение в устройстве наших водных сообщений как по Аральскому морю, так и по мелководным притокам его: Сыру и Аму. Только тогда можно извлечь действительную пользу от означенного пункта и не тяготиться удержанием его в нашей власти, когда мы будем иметь возможность поддерживать постоянно водяное сообщение с ним и когда мелкосидящие в воде суда в состоянии будут подниматься вверх по Аму. Содержание гарнизона в занятом новом пункте могло бы быть значительно удешевлено, если бы доставление некоторых необходимых припасов было возложено на обязанность хивинского правительства. В этом обязательстве выразилось бы понятие для азиатцев вассальное положение Хивинского ханства в отношении к империи. Что же касается до другого пункта, который ген.-ад. Кауфман тоже полагал бы занять на правом берегу Амударьи (Шурахан), то я затрудняюсь выразить мое мнение по этому предмету и опасаюсь, что исполнение этой меры встретит большие затруднения во многих отношениях. Может быть, было бы осторожнее ограничиться на первый раз только объявлением, что правая сторона Амударьи частью передается во владение эмира Бухарского, в возмездие за его верность и усердие, — а другая признается подвластною России. Впоследствии, когда уже будет занят пункт в дельте Амударьи, яснее выкажется, будет ли возможность, польза и надобность занять еще какой-либо пункт по течению этой реки».

При этом Милютин сообщал, что в частном письме К.П. фон Кауфман просит о скорейшем принятии решения: «Время очень дорого, пишет он, 15 августа, ни ранее, ни позже, надо вывести отсюда войска». Письмо было начато Милютиным 4-го, а закончено 7 июля 1873 г. Черновик см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 50. Д. 10. Л. 1—2.

4 июля Милютин также отправил письмо Кауфману, поздравляя его «с успешным исходом трудного предприятия». «...Успех этот, хоть и был для нас несомненным, — писал Дмитрий Алексеевич, — радует однако же меня искренно, в особенности потому, что он достигнут почти без всякой потери в людях. Не только в России, но и во всей Европе с удивлением отзываются о наших войсках, признавая, что они одни в состоянии вынести столько трудов и лишений...». «...Но теперь ожидаю с нетерпением известий от Вас о последствиях победы: повторю то, что уже писал Вам несколько дней тому назад: на что решитесь Вы, чтобы упрочить за нами плоды одержанного успеха? — спрашивал военный министр. — Вы, конечно, и не думали удерживать за собою Хиву, даже если бы и не было нового подтверждения высочайшей воли

по этому предмету; но если войска Ваши возвратятся в прежнее свое расположение — какие будут гарантии, что правительство в Хиве останется верным нашим вассалом. Рассчитывать на одно нравственное влияние, произведенное настоящею экспедициею на хана и на все его правительство, едва ли возможно; притом личности переменятся; впечатления сгладятся временем — и стало быть ничто не устранил на будущее время необходимости когда-нибудь снова предпринять такую же тяжелую и дорогостоящую экспедицию, как в нынешнем году. Правда, мы уже будем лучше знать пути и местные условия, но разве чрез это намного уменьшатся трудности движения и издержки предприятия? Даже люди, мало знакомые с краем и обстоятельствами, понимают, что было бы желательно занять такое положение, которое позволило бы нам впредь иметь более легкий доступ в Хиву, чтобы держать ее постоянно под угрозою нашего оружия. Мы не раз уже трактовали об этом предмете; без сомнения, Вы уже что-нибудь и порешили, прежде чем дойдет настоящее мое письмо. Что касается до меня, то мне кажется, что было бы возможно удержать за собою какой-либо пункт при одном из устьев Амударьи и обратить особенное старание на то, чтобы улучшить и преобразовать нашу Аральскую флотилию. Неужели наши моряки не сумеют придумать так, чтобы иметь и такие суда, которые безопасно переходили бы от устьев Сырдарьи к устьям Амударьи, и такие, которые могли бы подняться вверх по этой реке сколь можно далее... Содержание гарнизона в форте при устье этой реке могло бы быть удешевлено так, чтобы возложить на хивинского владетеля обязанность снабжения наших войск необходимыми припасами в натуре, или за невысокую умеренную плату, или даже даром, в виде дани. Последнее было бы особенно хорошо, так как чрез это фактически выразилось бы вассальное положение Хивы».

«Высказываю эти мысли совершенно как личное мое мнение, — подчеркивал Милютин, — не придавая ему ни малейшего значения официального. Притом же я предвижу, что настоящее письмо мое дойдет до Вас, когда все будет уже решено. Думаю, что даже Вы уже будете заняты распоряжениями о возвращении войск на линию. Ген.-ад. Крыжановский в письме ко мне уже напоминает о том, что оренбургским войскам необходимо выступить в обратный путь из Хивы не позже августа месяца, дабы они дошли до своих мест своевременно и не были снова захвачены морозами и снегами. То же относится и к войскам кавказским, хотя в меньшей мере, потому что может быть Вы направите их новым ближайшим путем к Красноводску и воспользуетесь этим случаем, чтобы изучить разные пути, ведущие в Хиву со стороны Каспийского моря» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 52. Д. 95. Л. 5—7).

К вопросу о занятии устья Амударьи и Шурахана Милютин вновь вернулся в письме, отправленном Кауфману 23 июля (уже после возвращения императора из-за границы). «...Касательно занятия устья Амударьи, как уже было мною телеграфировано, Государь император

вполне одобряет эту меру и разрешает привести ее в исполнение, — сообщал он, — что же касается до занятия Шурахан, то Его Величество разделяет то мнение, которое я высказал в моем письме прежде еще получения Высочайших разрешений на Ваши предположения; а именно, что гарнизон в этом пункте будет совершенно отрезан, без всяких сообщений, подобно тому, как во время оно были наши укрепления на восточном берегу Черного моря. По той же причине — затруднительности сообщений и отдаленности — содержание этого гарнизона будет стоить дорого. Наконец, и нынешнее число войск в крае окажется недостаточным для отделения таких сильных гарнизонов на 2 новые пункта. По этим соображениям Государь император изволит полагать, что если бы даже Вы и признавали необходимым на первое время держать часть войск где-нибудь на Амударье, кроме устья, то лучше расположить их там в виде временного лагеря, не считая этот пункт занятым окончательно укреплением. Впоследствии же, когда выкажутся местные условия, можно будет с большею положительностью решить, возможно ли и нужно ли оставить постоянный там гарнизон» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 53. Д. 95. Л. 8).

- ⁴⁸ В июле 1873 г. Д.А. Милютин еще не был уверен в целесообразности покупки имения в Крыму. «...Мне остается только сожалеть, что дело это настолько подвинулось, что уже трудно расстроить его», — писал он дочери Ольге 17 июля. «...К чему же мы делаем это жертвование, если оно никому не по нутру, — спрашивал Милютин. — Даже и в твоих словах по этому предмету ясно просвечивает предпочтение русской деревни, а если уже ты изменила Крыму, то что же должен я полагать в отношении к другим». «...Дело это в самом деле серьезное, — признавался он, — и меня озабочивает». В письме указывалось на необходимость принять окончательное решение до подписания купчей. 27 июля, узнав о том, что вся семья высказалась в пользу Симеиза, Милютин не скрывал своей радости, добавив однако: «Письма ваши пришли вовремя, потому что я уже приискал и другого покупателя вместо себя» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 93. Д. 26. Л. 19–22).
- ⁴⁹ Решение о восстановлении должностей бригадных командиров было принято на Секретных совещаниях начала 1873 г. См. коммент. 4.
- ⁵⁰ В фонде Д.А. Милютина данная записка кн. А.И. Барятинского отсутствует.
- ⁵¹ В фонде Д.А. Милютина сохранилась писарская копия «Объяснения Военного министерства по журналу Комиссии для сокращения расходов по военному ведомству» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 22. Д. 48).
- ⁵² Возражения Д.А. Милютина по отчету государственного контролера А.А. Абазы не обнаружены.
- ⁵³ Среди писем гр. А.В. Адлерберга в фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ данная записка не сохранилась. Любопытно, что государственного контро-

лера А.А. Абазу не поставили в известность ни о содержании объяснительной записки военного министра, ни о резолюции императора по этому делу. Удовлетворять естественное любопытство ему приходилось частным образом. «...У гр. Гейдена, — писал Д.А. Милютину 17 сентября 1873 г. помощник начальника канцелярии Военного министерства А.А. Якимович, — был гофмейстер А.А. Абаза и просил его дать ему прочесть то, что Ваше высокопревосходительство представляли Государю императору по поводу отчета Государственного контролера за 1872 год, равно [и] тот высочайший отзыв на объяснительную записку, который сообщен гр. Адлербергом. Гр. Гейден обещал ему исполнить его желание, но не имея на это Вашего полномочия, я отказал в этом, сказавши, что упомянутых материалов Вы мне не передавали. Если Вашему высокопревосходительству угодно разрешить удовлетворить любопытство государственного контролера, то по получении Вашего ответа я могу сказать, что Вы выслали мне означенные материалы, и тогда дам их для прочтения А.А. Абазе...» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 78. Д. 24. Л. 3).

- ⁵⁴ Представители воинственных кочевников-иомудов, ранее подчинявшихся Хиве и промышлявших работорговлей, хотя и заявили К.П. фон Кауфману о своей покорности, отказались признать власть хана и выплатить приходившуюся на их долю часть контрибуции, фактически игнорируя требования русского командования. Тогда Кауфман отдал распоряжение усмирить непокорных туркмен, истребив их кочевья и конфисковав имущество. Тем не менее, после того как отряд под командованием Н.Н. Головачева нанес иомудам решительное поражение, Кауфман вдвое сократил размер наложенной на них контрибуции. В сложившейся обстановке старейшины родов согласились ее выплатить. Мухаммед-Рахим II, по-видимому, искренне поздравлял Кауфмана и радовался разгрому иомудов (у которых недавно искал убежища), поскольку, как говорилось затем в Гандемианском договоре 1873 г. (см. коммент. 59), «лишение значительной части имущества, большая потеря в людях и в особенности нравственное поражение, ими ныне испытанное, упрочивают власть хана над ними и обеспечивают спокойствие всей страны на будущее время». См.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 130; *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб., 1906. С. 269–281.
- ⁵⁵ Среди черновиков писем Д.А. Милютина к К.П. фон Кауфману в ОР РГБ (Ф. 169. К. 52. Д. 95. Л. 5–8) данного письма нет.
- ⁵⁶ Имеется в виду день тезоименитства Александра II (празднование перенесения мощей Св. блгв. князя Александра Невского, 1724 г.).
- ⁵⁷ «Поповками» называли броненосцы береговой обороны («Новгород», «Вице-адмирал А.А. Попов»), построенные по проекту адмирала А.А. Попова. Суда эти не были приспособлены к сильной качке и не могли вести огонь в непогоду.

⁵⁸ Письмо гр. А.В. Адлерберга см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 53. Д. 13. Л. 16–17. Д.А. Милютин отвечал Адлербергу: «Поспешая возвратить при сем присланную мне Вашим сиятельством для прочтения записку управляющего Министерством народного просвещения с высочайшею резолюциею, не могу скрыть от Вашего сиятельства, что резолюция эта весьма огорчает меня. Если Государю императору угодно, чтобы я находился в Севастополе в день высочайшего смотра, то я прошу позволения приехать туда прямо отсюда» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 50. Д. 10. Л. 4).

Императорская Медико-хирургическая (с 1881 г. — Военно-медицинская) академия была создана в 1798 г. в Петербурге на основе Главного врачебного училища. Первоначально подчинялась Медицинской коллегии, затем — Министерству внутренних дел (в 1810–1822 гг. находилась в ведении министра народного просвещения). В 1838 г. передана в военное ведомство. Обучение в академии, в 1857–1881 гг. продолжавшееся 5 лет, соответствовало программе медицинских факультетов университетов (с добавлением военной гигиены). При академии состоял Клинический госпиталь. Подробнее см.: Столетие Военного министерства. Т. 10: Военно-медицинская (Медико-Хирургическая) академия. Исторический очерк. Ч. II. СПб., 1910.

В 1872–1873 гг. в Медико-хирургическую академию разрешалось поступать лицам, не окончившим полного курса гимназии (точнее, перешедшим на старшее отделение двухлетнего VII класса). За 2 года этим воспользовалось более 200 человек, что вызвало болезненную реакцию в Министерстве народного просвещения. По мнению А.И. Георгиевского, вследствие предоставления гимназистам VII класса права поступления в Академию «высший класс гимназий был ослаблен и авторитет нового закона о двухлетнем курсе этого класса потрясен в общем мнении» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 41. Д. 6. С. 3–4). Поскольку отрицательное отношение Д.А. Милютина к гимназической реформе 1871 г. было общеизвестно, подобная мера рассматривалась в окружении гр. Д.А. Толстого как выпад со стороны военного министра против политики учебного ведомства. 11 сентября М.Н. Катков опубликовал в «Московских ведомостях» статью с критикой приема в Академию гимназистов VII класса. См.: Московские ведомости. 1873. № 228; то же: *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1873 год. М., 1898. С. 671–674.

⁵⁹ Речь идет о договоре, заключенном К.П. фон Кауфманом с владельцем Хивы Сеид-Мухамед-Рахим-Богадур-ханом 12(24) августа 1873 г. в Гандемианском саду в Хиве. В соответствии с ним, хивинский хан признавал себя «покорным слугой императора всероссийского», отказывался от ведения самостоятельной внешней политики и уступал России правый берег Амударьи и прилегающие к нему хивинские земли. Русские суда получали право свободного и исключительного плавания по Амударье (хивинские и бухарские суда пользовались им теперь только с разрешения русских властей); безопасность русских складов, пристаней

и магазинов по левому берегу Амударьи обеспечивалась хивинцами. Договор провозглашал, что «все вообще города и селения Хивинского ханства отныне открыты для русской торговли. Русские купцы и русские караваны могут свободно разъезжать по всему ханству и пользуются особенным покровительством местных властей. За безопасность караванов и складов отвечает ханское правительство». Русские купцы освобождались от торговых пошлин и повинностей, а русские подданные получали право владения недвижимым имуществом в ханстве («оно облагается поземельной податью по соглашению с высшей русской властью в Средней Азии»). Хивинские власти должны были удовлетворять претензии русских подданных, а жалобы на последних передавались на рассмотрение ближайшего русского начальства. Хан обещал не принимать без дозволения русских властей выходцев из России, задерживать и выдавать русских преступников. Подтверждалось освобождение невольников. Хива обязалась в течение 20 лет выплатить России 2200 тыс. руб. («с расчетом процентов по 5 % в год») «для покрытия расходов русской казны на ведение последней войны, вызванной самим ханским правительством и хивинским народом».

Текст договора см.: Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952. С. 129–134. Сопроводительное письмо гр. А.В. Адлерберга к Д.А. Милютину см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 53. Д. 13. Л. 18.

⁶⁰ Резко критическое отношение Д.А. Милютин к политике гр. Д.А. Толстого отразилось, в частности, в составленной им записке о классическом и реальном образовании (ОР РГБ. Ф. 169. К. 44. Д. 1). См. также: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 372–381.

⁶¹ См. коммент. 8.

⁶² Подготовка нового закона о воинской повинности вызвала брожение среди крымских татар и меннонитов (сектантов, отрицавших военную службу, в конце XVIII — XIX в. переселившихся в Россию и живших преимущественно в Новороссии, Поволжье и на Кавказе). Татары заговорили о переселении в Турцию, меннониты требовали паспорта для выезда в Америку, хотя, согласно ст. 157 Устава о воинской повинности 1874 г., они освобождались от ношения оружия и могли назначаться «только на нестроевые должности при госпиталях или в мастерские военно-сухопутного или морского ведомства и тому подобные заведения» (это правило, впрочем, не распространялось на лиц, присоединившихся к секте или переехавших в Россию после 1874 г.). Кроме того, императорским указом, сопровождавшим издание Устава о воинской повинности, меннониты, переселившиеся в Россию в 1850–1860-е гг. освобождались от несения воинской повинности на 20 лет с момента переселения; все прочие меннониты освобождались на 6 лет со дня издания Устава о воинской повинности (ст. 3). См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1874. № 2. 2 января. С. 4.

Желая остановить начавшееся движение, Александр II в апреле 1874 г. специально направил в Крым Э.И. Тотлебена. Объехав более 60 селений, Тотлебен просил выдать паспорта 3,5 тыс. меннонитов, на что последовало согласие императора. В результате выехало около 2 тыс. меннонитов (всего их численность в России к концу XIX в. достигала 50 тыс. человек). В 1875 г. меннонитам было предоставлено право отбывать обязательную службу не в военном, а в других ведомствах (в мастерских Николаева, в пожарных командах, госпиталях, причем преимущественно в Новороссийском крае). См.: Отчет по Государственному совету за 1875 г. СПб., 1877. С. 61–66.

Большую часть татар, кроме Феодосийского уезда, удалось успокоить. Однако положение оставалось сложным. Согласно ст. 150 Устава о воинской повинности, лица, подлежавшие по жребию поступлению на действительную службу, но не явившиеся к ее отправлению, заменялись другими по порядку жеребьевых номеров. Из-за переселения в Турцию массы молодых татар Таврической губернии применение закона легло бы почти исключительно на христианское население, между тем, как отмечалось в отчете по Государственному совету, «население сие вообще не многочисленно». В ноябре 1874 г. Особое присутствие о воинской повинности разъяснило, что не явившихся татар заменять не следует. Волнения в связи с введением общей воинской повинности отмечались среди мусульман и в Поволжье. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 754; Ф. 1246. Оп. т. XVI. 1874. Д. 14. Л. 1–12; ОР РГБ. Ф. 610. К. 1. Д. 9. Л. 15; Отчет по Государственному совету за 1874 г. СПб., 1876. С. 46.

⁶³ Ср. запись в дневнике вел. кн. Константина Николаевича: «...В 11 ч. был у меня Милютин, воротившийся вчера из Крыма. Долго с ним говорили и про воинскую повинность, за которую снова возьмемся в [понедельник — (дни недели обозначены в тексте специальными символами, — А.М.)], и про его теперешнее положение и отношение к Государю. Интриги Бяратинского остались не без следа». Вел. кн. Константин Николаевич еще накануне приступил к работе над законопроектом о воинской повинности. «...Сегодня Милютин должен воротиться из Крыма, и я теперь хочу это дело торопить», — писал он в дневнике 2 ноября 1873 г. (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 50).

⁶⁴ Вел. кн. Константин Николаевич отметил в дневнике 5 ноября 1873 г.: «...В 1 ч. самый коротенький Совет. Но потом до 5 ч. сидели в Комиссии воинской повинности для рассмотрения окончательной редакции. Все прошло благополучно, но мне пришлось почти все время говорить и объяснять, и это меня крепко утомило. Потом еще долгий спор Низи [вел. кн. Николая Николаевича, — А.М.] с Шуваловым против его мысли держать учащуюся молодежь отдельно от войска. Вероятно, этот спор возобновится в Общем собрании. Низи как ответственный начальник убежден в неисполнимости требования Шувалова...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 51).

- ⁶⁵ Вел. кн. Константин Николаевич писал о заседании Особого присутствия 8 ноября: «...Главные споры — о сроке службы для первого разряда, статьи указа и, наконец, расписание учебных заведений по разрядам. Тут главный спор с Толстым. Мне очень много пришлось говорить. Я старался установить мысли о главных основаниях, которые должны руководить этой работой, и все дело, несмотря на горячие споры, прошло без разногласия. Но это меня несказанно утомило...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 53).
- ⁶⁶ Имеется в виду Глава XIV «О взысканиях за нарушение законов о воинской повинности» (ст. 212–224 Устава о воинской повинности). См.: ПСЗ-II. Т. 49. Отд. I. № 52983.
- ⁶⁷ По словам вел. кн. Константина Николаевича, 12 ноября 1873 г. в Особом присутствии «прошли уголовную часть и уничтожили разногласие между Шуваловым и Низи, согласившись на среднепропорциональной мере» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 54). Под последней подразумевалось, по-видимому, заявление военного министра о том, что лица, получившие высшее образование, будут служить исключительно в войсках, расположенных в крупных городах. Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 323.
- ⁶⁸ Спор между военным ведомством и Министерством финансов по поводу ввоза селитры начался в октябре 1873 г. Еще в середине сентября решение этого вопроса не обещало никаких затруднений. «...Вчера, — писал 17 сентября Д.А. Милютину А.А. Якимович, — поступило представление о результатах торга на поставку 200 т[ысяч] пуд[ов] селитры, переработанной в чистую на наших частных заводах; низшая из выпрошенных цен составляет слишком 1 мил. 200 т. руб., а на поставку того же количества чистой заграничной селитры, в случае разрешения беспошлинного провоза ее, только 800 т. руб. с небольшим. Военный совет утвердит, конечно, поставку этой последней селитры, тем более, что от министра финансов есть согласие на беспошлинный ввоз оной». Однако месяц спустя ситуация резко изменилась. «...В деле заготовления селитры в запас произошел не совсем благоприятный для нас оборот, после того, как товарищ министра финансов дал свое согласие на беспошлинный ввоз из-за границы чистой селитры, — признавался Якимович 13 октября. — Вслед за тем возвратился министр финансов и здешние химические заводчики атаковали его просьбами, чтобы подряд отдать их заводам, вследствие чего статс-секретарь Рейтерн, кассируя согласие своего товарища, принял решительно сторону просителей и заявил, что если не отдадут подряд им, то он положительно не согласен на ввоз заграничной селитры беспошлинно и требует пошлины не менее 2 руб. с пуда. По докладе этого дела Военный совет решил энергически отвергнуть домогательства министра финансов и за выраженным им несогласием испросить чрез Комитет

министров высочайшее разрешение на ввоз заграничной селитры для запаса беспошлинно, так как этот способ представляется единственно успешным и выгодным для формирования запаса». 13 октября 1873 г. был подписан соответствующий журнал Военного совета (ОР РГБ. Ф. 169. К. 78. Д. 24. Л. 4–5, 8).

⁶⁹ Яркое описание этого события оставил в своих записках кн. Д.А. Оболенский: «Сегодня было последнее заседание Особого присутствия по воинской повинности для подписания журнала и проекта. Теперь можно считать дело конченным, ибо в Общем собрании дело будет слушаться 3-го декабря только для проформы и засим поступит на высочайшее утверждение. Не могу выразить, с каким тяжелым чувством я подписывал сегодня журнал и проект. Кажется, не я один имел это чувство. Сама процедура подписания происходила как-то необыкновенно. Великий князь не вставал с кресел и не прекращал заседания, пока все члены не подписали, чего обыкновенно не бывает, ибо журналы обыкновенно подписываются во время разговоров и ходьбы. На этот раз тишина придавала какой-то мрачный вид совершающемуся событию. Приложив руки, все разошлись молча, и на душе каждого, видимо, лежало тяжелое сомнение относительно пользы новой реформы. Я пошел пешком домой с чувством человека, сделавшего недоброе дело. Я более или менее участвовал во всех главных реформах настоящего царствования и никогда не испытывал подобного чувства. Это не одно сомнение в пользе новой реформы, а главное, тяжесть от невежественного, неискреннего насилия над внутренним сознанием. Как-то чувствуется, что ни цель не обдуманна, ни средства не приготовлены, ни последствия не соображены, и все делается как-то второпях, неизвестно почему и в угоду какому-то безотчетному стремлению».

Кн. Оболенский находил намеченную реформу слишком радикальной и вместе с тем непоследовательной, поскольку, по его мнению, «произвол жребия» на деле подменял собою ее основной принцип «общеобязательной воинской повинности». Со своей стороны, он предлагал допустить обмен жребиями «между лицами, принадлежащими к одному сословию и приписываемыми к одному призывному участку». Однако в Особом присутствии его предложение поддержки не встретило. Тем не менее князь не сомневался в отрицательном отношении своих коллег к обсуждаемому проекту. «...Я убежден, — утверждал он, — что большинство членов Совета не сочувствуют главным основаниями реформы, но об этих основаниях почти не было суждения, потому что они решены и утверждены были Государем прежде внесения проекта на обсуждение в Государственный совет». В целом, кн. Оболенский еще весной 1873 г. с недоумением отмечал, «что правительство все больше и больше запутывается в противоречии»: «С одной стороны, безумная реакция против всех

совершаемых реформ, с другой — неукротимый либерализм в новых мероприятиях. Странное положение...» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 326–329, 336–338).

⁷⁰ На заседании Комитета министров 20 ноября 1873 г. государственный контролер А.А. Абаза полностью опроверг попытки Ф.Д. Климова объяснить бедственное положение Самарской губернии пьянством и невежеством русских крестьян (в пример которым ставились немцы-колонисты и чувашаи). Приводя точные цифры доходов, поступивших в казну от губернии в 1871–1873 гг., в течение трех неурожайных лет подряд, Абаза указывал, что в первый год население не только выдержало недород, но и сократило размер недоимок. Взыскание недоимок в условиях неурожая привело к тому, что в следующем году они вновь возросли, а губернии потребовалась ссуда в 600 тыс. руб., выданная тогда же из общего продовольственного капитала империи. В 1873 г. новый неурожай вызвал настоящее бедствие. При этом министр финансов М.Х. Рейтерн заявил, что он предлагал губернатору не допускать продажи скота для уплаты недоимок в тех местностях, которым оказывалось пособие, и рекомендовал ему обсудить в губернском по крестьянским делам присутствии вопрос о льготах для населения, пострадавшего от неурожая. По его утверждению, казенная палата настаивала исключительно на сообщении недоимочных ведомостей. Вступившийся за губернатора министр внутренних дел А.Е. Тимашев настоял на том, чтобы обсуждение причин бедствия в Самарской губернии было отложено до более подробного изучения всех имеющихся данных в Министерстве внутренних дел. В результате, Комитет министров постановил выдать губернскому земству ссуду в 1 млн. руб., поручив губернатору наблюдение за правильностью действий земских управ в продовольственном деле. Пособие следовало оказывать хлебом, а не деньгами, под личную ответственность земщиков (под круговую поруку оно выдавалось только для вдов и сирот). Ссуду разрешалось впоследствии также возместить хлебом. Кроме того, до урожая 1875 г. приостанавливалось взыскание податей, запрещалась продажа за долги скота и крестьянского имущества (эти распоряжения не подлежали огласке). До 1 января 1875 г. всем крестьянам губернии, включая недоимщиков, паспорта выдавались бесплатно. Однако ходатайство земства об освобождении некоторых уездов от рекрутского набора было отклонено. Подробнее см.: *Сероднин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1902. С. 251–260.

⁷¹ По действовавшим до 1874 г. правилам порох продавался с казенных складов при артиллерийских командах или лицами, специально уполномоченными на то гражданским ведомством. Покупка пороха частными лицами допускалась лишь по особым свидетельствам, выдававшимся местной администрацией. Складов насчитывалось немного,

причем в некоторых местах, где охота являлась важным средством существования, их не было вовсе. Все это вело к развитию контрабанды, подпольного производства пороха и его неконтролируемой перепродаже третьим лицам. Д.А. Милютин внес представление о разрешении частной торговли охотничьим порохом. В соответствии с ним, казенным складам разрешалось отпускать порох содержателям частных складов (но за один раз и в одни руки не более, чем 100 пудов в Европейской России и 150 пудов в Сибири). Для торговли порохом требовалось получить свидетельство от местного начальства. Особо оговаривались меры безопасности при устройстве складов, хранении пороха в лавках и розничной торговле. В ходе обсуждения предложенный Милютина в Соединенных департаментах законов, государственной экономии и гражданских и духовных дел высказывались опасения, что выдача свидетельств будет простой формальностью, при которой «торговля порохом сделалась бы в полном смысле свободною», и «таким образом от системы запретительной мы перешли бы разом в другую противоположную крайность». Члены Государственного совета сочли необходимым поручить оценку благонадежности содержателей пороховых складов и выдачу свидетельств на торговлю порохом в губернских городах непосредственно губернаторам (а в прочих местах — начальникам уездной полиции). Кроме того, в случае нарушения установленных правил, губернаторам предоставлялось право отбирать у содержателей складов выданные им свидетельства и закрывать склады, одновременно возбуждая против их владельцев судебное преследование. При этом были несколько увеличены нормы допустимых запасов пороха в лавках и отпуска его в розничной торговле. Подробнее см.: Отчет по Государственному совету за 1874 год. СПб., 1876. С. 125–129; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1874. № 51. Ст. 582.

⁷² Генерал Г.-Ф.-А. фон Фабрице прибыл в ноябре 1873 г. в Петербург по случаю кончины саксонского короля Иоанна I и вступления на престол его сына Альберта. Фабрице (возглавивший в 1876 г. саксонское правительство) принадлежал к числу наиболее консервативных государственных деятелей Германии.

⁷³ Доклад «Высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России» рассматривался Комитетом министров на 12 заседаниях — с 20 ноября 1873 г. по 26 февраля 1874 г. Комиссия была создана 26 мая 1872 г. по инициативе министра государственных имуществ П.А. Валуева, ставшего ее председателем. В ее состав входили представители различных ведомств, деятельность которых так или иначе была связана с развитием сельского хозяйства. В ходе заседаний было опрошено более 180 человек, свыше 900 человек направили в Комиссию интересующие ее сведения. Комиссией подни-

мались вопросы о неравномерности податного обложения, несоответствии выкупных платежей доходности надела, влиянии общины на развитие сельского хозяйства, неудовлетворительности крестьянского самоуправления, об отсутствии влияния на крестьян со стороны духовенства и землевладельцев, о состоянии помещичьих хозяйств, поземельном кредите, дороговизне соли, страховании скота, мерах против эпизоотий, о пьянстве, вырубке лесов, недостатке железных дорог и проч., и проч.

«...Лейтмотивом доклада Валуева, — вспоминал А.Н. Куломзин (в то время помощник управляющего делами Комитета министров), — было, что он, заведя столь обширной сферой государственного управления, не может достигнуть сколько-нибудь существенных результатов без содействия других ведомств. К этому содействию он и призывал остальных министров, дабы подвинуть издание законов, столь необходимых для страны. Но тут-то выразилась немощь существовавшего строя, заключающаяся в постоянном междуведомственном антагонизме, коренным образом мешавшем всякому движению вперед, если только не было на то ясно выраженной и настойчиво проведенной воли монарха. Вместо содействия каждый министр по отдельным возбужденным Комиссией вопросам представлял те или другие возражения; все свелось к указаниям на необходимость предварительного изучения этих вопросов в отдельных ведомствах. На жаргоне канцелярии, привыкшей к подобным решениям, это называлось: «“распихали по ящикам”» (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 192. Л. 46–47).

Доклад Комиссии и ее материалы были тогда же опубликованы: Доклад Высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873. Приложения I–VII. СПб., 1873. По своему виду это издание напоминало «blue books» британских парламентских исследований.

О работе «Валуевской комиссии» см.: *Чернуха В.Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л., 1972. С. 152–164; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). М., 2002. С. 266–275. Об обсуждении доклада П.А. Валуева в Комитете министров см.: *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1902. С. 92–108.

⁷⁴ Заседание Комитета министров 27 ноября 1873 г. подробно описано в воспоминаниях А.Н. Куломзина: «...Составление журнала комитета по этому заявлению было запрещено, но я записал все суждения, благо со студенческой скамьи привык быстро записывать за говорящим, обработав их в тот же вечер, я переписал их набело... Задачу Комитета в этом деле является, как выразился гр. Шувалов, определение порядка дальнейшего рассмотрения предложенных Комиссией за-

ключений по существу. Труды Комиссии получили значительную известность, так как относительно их допущена была весьма широкая гласность. Правительство, возбудив известные вопросы, раскрыв перед публикою болезненное состояние страны [зачеркнуто: общества] имеет обязанность принять меры к уврачеванию недугов, к разрешению вопросов в возможной скорости. В этом отношении следует разделить формулированные Комиссиею заключения на три категории: 1, одни из поднятых вопросов подлежат разрешению единственно лишь одной правительственной власти, 2, другие — составляя вопросы более хозяйственные, требуют, предварительно их разрешения по существу — обсуждения в земских учреждениях, и 3, третью категорию составляют заключения, которые, не имея определенного характера, подлежат отнесению к одной из предшествовавших категорий. Громадный механизм, созданный в виде земских учреждений, остающийся без умственной пищи, вселяет опасения политического свойства. Правительство, создав известные хозяйственные учреждения, призвав их к управлению хозяйственными интересами страны, имеет нравственную обязанность обращаться к этим учреждениям за сведениями по хозяйственным же вопросам, в центральном правительстве возбуждаемым. Переходя затем к вопросу собственно о форме, в которой могли бы быть выслушаны заключения земства по сказанным вопросам, гр. Шувалов находил, что неоднократно принятый до сего времени порядок предложения известных вопросов на обсуждение местных земских учреждений не может быть признан целесообразным и с политической точки зрения правильным. Те или другие вопросы отправляются на места без необходимого для всестороннего их обсуждения материала, без надлежащих объяснений со стороны представителей министерств, к ведомству коих они относятся. Последствием такого порядка в рассмотрении земствами предложенных им вопросов доставляемые ими заключения представляют такое разнообразие, что нет никакой возможности придти к какому-либо общему по ним заключению.

Следовало бы, по мнению гр. Шувалова, приступить к рассмотрению предложенных Комиссиею мероприятий в одном или двух совещаниях, при участии выборных от земских учреждений экспертов. Необходимость такого призыва обуславливается, по убеждению графа Шувалова, разновременностью самых вопросов, возбуждаемых Комиссиею, вследствие чего к самому обсуждению их могло бы быть приступлено не иначе, как в составе представителей разных ведомств. При этом сопоставление соображений представителей центральных органов администрации с заключениями лиц, близко знакомых с практическими условиями данной местности, могущих представить все необходимые сведения и выставить те или другие практические неудобства той или другой проектированной меры, представляется делом неотложной [сверху вставлено: политической] необходимости.

Составленным таким образом, под председательством особо доверенных лиц, совещаниям [зачеркнуто: комиссиям] могли бы быть предложены к обсуждению предварительно разработанные в подлежащих ведомствах проекты положений по тому или другому вопросу. Членам совещаний была бы предоставлена возможность высказать свое мнение по каждому из пунктов предложенных проектов и засим законоположение, таким образом разработанное, было бы внесено в Государственный совет с заключением совещаний и с изложением могущих произойти в них различных мнений.

Только под этим условием и возможно, по мнению гр. Шувалова, рассчитывать на основательное, всестороннее обсуждение проектируемых законодательных мер и на совершенную их целесообразность.

В случае, однако, принятия подобной меры, делом первостепенной, по мнению гр. Шувалова, важности было бы распределение вызова выборных от земских учреждений экспертов с надлежащею осторожностью и постепенностью. Очевидно, что пользу в обсуждении известных вопросов могут оказать лишь представители известных местностей, в коих подлежащие обсуждению те или другие меры получат практическое применение.

Ввиду сего от всестороннего в центральной комиссии обсуждения зависеть будет правильное направление настоящего дела в отношении как к числу вопросов, подлежащих передаче на разрешение упомянутых смешанных совещаний, так и к постепенности их рассмотрения и вызова к тому от подлежащих местных учреждений выборных экспертов. Как важно и благотворно влияние, которое местные деятели могут иметь на разрешение важных законодательных мер, усматривается, по мнению гр. Шувалова, из того, что из всех законодательных мер, составляющих славу настоящего царствования, наиболее благотворною по своим результатам, разрешенною с наибольшею правильностью является реформа 19 февраля 1861 года, к разработке коей были призываемы представители местных учреждений — тех, которые тогда существовали.

Валуев выразил полное согласие с высказанной шефом жандармов мыслью о важности политического значения и моральной санкции, которую бы придало законодательным мерам, предлагаемым бывшею под его председательством Комиссиею, предварительное их рассмотрение с участием выборных от земства экспертов. Он разделял также указанные неудобства, сопряженные с передачею подобных вопросов на обсуждение земских учреждений на местах. При этом, однако, Валуев обратил внимание Комитета на необходимость строго разграничить в числе возбужденных им вопросов, вопросы чисто административного свойства, в разрешении коих за центральными органами правительства, по той или другой отрасли управления, должно оставаться решающее влияние и к обсуждению коих немислим призыв местных элементов. Затем, относительно мер органических, законодательных,

призыв земских экспертов неоспоримо мог бы принести пользу, но при этом необходимо ближе определить самый порядок такового рассмотрения. Очевидно, что к сказанному рассмотрению может быть с пользой приступлено лишь по разработке среди административных органов правительства законопроектов в некоторой хотя бы подробности. Без надлежащей подготовки инициативой министра тех или других проектов общее обсуждение возбуждаемых ныне Комиссией вопросов может повести лишь к замедлению их разрешения и к последствиям, опасным в политическом отношении.

Милютин и Рейтерн, соглашаясь с последнюю высказанную мыслью, находили, что возбужденные ныне учрежденной при Министерстве государственных имуществ Комиссией вопросы обнимают все почти стороны экономической жизни России. Вопросы эти не только разнообразны по своему свойству и предметам, которых они касаются, но и по разнообразию местностей, затрагиваемых различными проектированными мероприятиями. Ввиду сего целесообразнее было бы подлежащим министерствам, в силу естественной их инициативы и посредством личного состава их ведомств, приступить к разработке того или другого вопроса. Таким образом, могли бы быть учреждены специальные комиссии по каждому из предлагаемых вопросов, которые по дознанному военным министром опыту, ведут непосредственно к цели. При постоянном внимании самого министра к тому или другому делу, быстрое и правильное его обсуждение и разрешение в особой *ad hoc* учрежденной комиссии, при участии специалистов, близко знакомых с технической стороной дела, неоспоримо более будет обеспечено, чем при обсуждении его в комиссии, имеющей предмет своих занятий разнообразные, хотя и специальные мероприятия, по коим сведения не могут быть совмещаемы одними и теми же лицами; таким образом, министры находили, что успех дела обеспечивался бы учреждением особых специальных комиссий. В каждую из них возможно было бы вызвать экспертов от земства из тех местностей, коих та или другая мера должна будет коснуться. В случае же образования одной или двух общих комиссий нельзя ожидать практического и быстрого разрешения предлагаемых мероприятий и основательного их обсуждения. К этому Рейтерн прибавил, что вообще не следует придаваться преувеличенным ожиданиям, чтобы предлагаемый порядок рассмотрения законопроектов мог ускорить их разрешение, так как местные представители могут выразить то или другое желание, одобрение или порицание той или другой меры, но техническая разработка вопросов будет все-таки лежать на чинах подлежащих министерств, от которых и будет на деле зависеть ускорение хода в том или другом деле.

Наконец, председатель Комитета генерал-адъютант Павел Николаевич Игнатъев заметил, что вообще предлагаемый гр. Шуваловым порядок рассмотрения возбужденных ныне законодательных меро-

приятый представляется, по его, г[енерал]-а[дъютанта] Игнатьева, мнению, нецелесообразным и опасным. Призыв некоторых лишь местных деятелей для участия в рассмотрении совместно с административными чинами тех или других законопроектов не удовлетворит большинства тех, которые останутся в стороне от сказанных работ, и отвлечет призываемых лиц от прямых их обязанностей. Участие в обсуждении правительственных законопроектов местных деятелей не совместно с характером земских учреждений, призванных законом к заведыванию местными хозяйственными интересами. К этому Игнатьев прибавил, что ограничение суждений созданных местных представителей определенными вопросами представит на практике значительные затруднения, а нарушение поставленных границ со стороны сказанных земских деятелей может повести к опасным последствиям. Наконец, предлагаемая мера является также совершенно излишней в том внимании, что и в настоящее время каждый из министров имеет право вызвать тех экспертов, в коих может ему представиться необходимость для личного представления справок или сведений по тем или другим проектируемым законодательным мерам или даже для участия в изложении подлежащих законопроектов». (РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 192. Л. 47–53. Машинопись начала XX в. с авторской правкой, сделанной после 1917 г.).

⁷⁵ Вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике 28 ноября: «...В 1 ч. Совет взамен [понедельника]. Продолжалось очень недолго. Потом мы собрались в отдельное совещание, чтоб рассмотреть проект манифеста, написанный Сольским по воинской повинности. Сделали в нем очень небольшие поправки. Потом еще толковали о меннонитах. Кончилось в 1/4 4...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 61). Текст манифеста см.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1874. № 2. 2 января. С. 3–4; Правительственный вестник. 1874. № 2. 3(15) января. О меннонитах см. коммент. 62.

⁷⁶ В конце ноября 1873 г. М.Н. Катков вновь выступил в «Московских ведомостях» с развернутой критикой юнкерских училищ. См.: Московские ведомости. 1873. № 300–301; то же: *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1873 год. М., 1897. С. 850–865.

Об отношении редактора «Московских ведомостей» Каткова к Д.А. Милютину и военным реформам см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 376.

⁷⁷ О так называемой «аристократической партии» см.: *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). М., 2002.

⁷⁸ Копия записки гр. Д.А. Толстого находится в фонде Д.А. Милютина (ОР РГБ. Ф. 169. К. 25. Д. 6). В этой записке, составленной А.И. Георгиевским, развивалась мысль М.Н. Каткова о том, что в Уставе о воинской повинности следует предусмотреть лишь 2 льготы по образова-

нию: сокращение действительной военной службы до 3–4-х лет для всех, освоивших программу начальной школы, и до 1-го года — для вольноопределяющихся, окончивших не менее 6 классов гимназии... Со своей стороны Д.А. Милютин составил 2 декабря 1873 г. контрзаписку, которая по распоряжению вел. кн. Константина Николаевича была разослана им всем членам Государственного совета (ОР РГБ. Ф. 169. К. 25. Д. 7). Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С.324–330.

⁷⁹ Соглашаясь в принципе с М.Н. Катковым и А.И. Георгиевским, гр. Д.А. Толстой тем не менее сперва отказывался отстаивать их взгляды в Общем собрании Государственного совета. При этом он ссылался на то, что не заявлял подобного мнения в Особом присутствии. Однако затем министр вынужден был уступить своим ближайшим сотрудникам и вдохновителям (ОР РГБ. Ф. 120. К. 20. Л. 5).

⁸⁰ Среди тех, кто поддержал гр. Д.А. Толстого, был и кн. Д.А. Оболенский, полагавший, что при наличии значительных льгот по образованию для поступающих на военную службу по жребию «никто не пойдет в вольноопределяющиеся». См.: *Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского.* СПб., 2005. С. 340–341.

⁸¹ Вел. кн. Константин Николаевич записал о происходившем 3 декабря: «...В $\frac{1}{4}$ 11 с докладом к Государю. Он сперва вышел в бильярдную и рассматривал модели и чертежи... Потом я доложил мой доклад». «...Затем позвали Милютина и Сольского, который прочел проект манифеста о воинской повинности, который Государь опробовал. Когда он вышел, Государь стал толковать Милютину и мне, какое беспокойство в обществе (*soi disant* [так называемом, — *фр.*]) и между женщинами по поводу воинской повинности. Явно, что стараются его мутить и пугать. Мы с Милютиным воспользовались этим случаем, чтоб объяснить ему смысл настоящей оппозиции, в чем она состоит и откуда происходит, и, кажется, что мы его несколько успокоили. Заседание совета от 1 до $\frac{3}{4}$ 6, ужасно трудное и тяжелое. Начал я с того, что старался вызвать общие замечания на всю воинскую повинность, но никто на это не отвечал. Тогда повел я рассуждения по нашему журналу, по его разногласиям. Главный спор пошел с Толстым о льготах по образованию. Около 4 ч. сделал перерыв на $\frac{1}{4}$ ч. Потом, чтоб достигнуть какого-нибудь результата в бесконечных спорах, я настоял на том, чтоб сперва решить льготы для жеребьевых. Тут предложение Толстого появилось во всем своем абсурде, и наше предложение о четырех разрядах льгот принято единогласно, хотя я думаю, что при этом многие сохранили *des reserves mentales* [задние мысли, — *фр.*]. Но и этому результату я чрезвычайно доволен...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 64).

В результате, согласно ст. 56 Устава о воинской повинности, продолжительность пребывания в армии лиц, поступавших на военную

службу по жребию, зависела от полученного ими образования (соответственно все учебные заведения империи от университетов до приходских школ разделялись на четыре разряда). Получившие высшее образование «или выдержавшие соответственные испытания» должны были состоять 6 месяцев на действительной службе и 14¹/₂ лет — в запасе, освоившие курс 6 классов гимназий или реальных училищ и т. п. состояли на действительной службе 1¹/₂ года и 13¹/₂ лет — в запасе, окончившие городские и двухклассные сельские училища (или несколько классов гимназии, реального училища и проч.) 3 года проводили в войсках и 12 лет находились в запасе. Выпускники учебных заведений I—III разрядов назначались во флот исключительно по собственному желанию (в этом случае они оставались 3 года на действительной службе и 7 лет — в запасе). Окончившие «начальные народные училища под разными наименованиями» поступали в войска на 4 года, после чего зачислялись в запас на 11 лет. При назначении их на флот или в войска Туркестанского военного округа, Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской и Приморской областей срок действительной службы увеличивался до 6 лет, а пребывание в запасе сокращалось до 4 лет. Все остальные должны были провести на действительной службе 6 лет и 9 лет в запасе (а при назначении во флот или в войска Туркестанского военного округа, Семипалатинской, Забайкальской, Якутской, Амурской и Приморской областей — 7 лет в строю и 3 года в запасе). В соответствии со ст. 58 Устава лица, окончившие курс высших учебных заведений, 6-ти классов гимназий или реальных училищ и т. п., за исключением медиков, ветеринаров и фармацевтов, назначались на нестроевые должности лишь с их согласия (а в случае признания их негодными к строевой службе, освобождались от службы вовсе). Кроме того, они получали право выбирать часть для прохождения службы (ст. 59). Учащимся, которым по жребию предстояло поступить на действительную военную службу, предоставлялись отсрочки для завершения обучения (ст. 53). В ст. 55 особо оговаривалось, что «лица, окончившие с успехом курс в православных духовных академиях и семинариях, пользуются, по окончании курса, годичною отсрочкой для поступления в духовное звание, освобождающее от воинской повинности» (подробнее см. коммент. 15). См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1874. № 2. 2 января. С. 5—26.

⁸² О газете «Русский мир» и ее борьбе с Военным министерством см.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 131—132.

⁸³ Об участии вел. кн. Михаила Николаевича в интриге против Военного министерства см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 574—604.

⁸⁴ Данная записка в фонде Д.А. Милютина в ОР РГБ не обнаружена.

⁸⁵ В фонде Д.А. Милютин в ОР РГБ (ф. 169) данная справка не обнаружена.

Артиллерийское училище было создано в 1820 г. по всеподданнейшему докладу вел. кн. Михаила Павловича (после смерти своего основателя в 1849 г. оно получило наименование «Михайловское»). До 1834 г. входило в состав учебной артиллерийской бригады. В 1865 г. училище было реорганизовано. Учебный курс включал в себя 3 класса, старший из которых был разделен на 2 отделения (в математическое отделение поступали юнкера, окончившие 1-й и 2-й классы, а в строевое, программа которого была несколько облегчена — юнкера военных училищ, переводившиеся для изучения артиллерийского дела).

На рубеже 1860—1870-х гг. Михайловское артиллерийское училище превратилось в один из очагов революционной агитации. Его воспитанниками была устроена подпольная библиотека, в которой имелись сочинения Вольтера, Э. Ренана, Ф.-К.-Х. Бюхнера, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева. «С целью ознакомления с вопросами политико-экономическими», юнкера посещали сходки, происходившие у артиллерийского офицера Емельянова, служившего на патронном заводе. В этих сходках активно участвовали и отставные артиллерийские поручики С.М. Кравчинский, Д.М. Рогачев, Л.Э. Шишко, окончившие Михайловское училище в 1870—1871 гг. и уже игравшие заметную роль в революционных кружках. В 1873 г. воспитанники Д.А. Аитов, М. Нефедов, Н. Теплов и В.А. Усачев оставили училище и поступили в Медико-хирургическую академию и Технологический институт, где продолжали вести революционную пропаганду. 25 октября 1873 г. полицией был проведен обыск у Аитова (в дальнейшем он проходил по «процессу 193-х»), в декабре у юнкера Циммерберга, одного из организаторов подпольной библиотеки, при обыске обнаружили прокламацию «К интеллигентным людям» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 43. Л. 13—16).

«...Для подготовки к ремеслу, — писал историк революционного движения Б.Б. Глинский, — артиллеристы под руководством Шишко и других чайковцев устроили первую в Петербурге солидную мастерскую, в которой интеллигентная молодежь обучалась слесарному делу, и отчасти и революционному. Мастерская эта имела значение в истории русской революции и в ней перебивало много народа, так что ей пришлось играть роль своего рода политического клуба, куда стекались лица разных революционных организаций для конспиративных совещаний и установления общих программ действий» (*Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.)*. Ч. 2. СПб., 1913. С. 12).

Весной 1874 г., как сообщал впоследствии Д.А. Милютину А.Л. Потапов, Нефедов, Теплов и Усачев «отправились в народ пропагандировать» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 43. Л. 13—14). Хотя практиче-

ски все участники «кружка артиллеристов» недолго задерживались на военной службе, подобная судьба воспитанников, естественно, бросала тень на училище и его начальство.

⁸⁶ Хотя круг лиц, участвовавших в «совещании» у гр. П.А. Шувалова, точно не установлен, однако он был слишком пестрым для того, чтобы усмотреть в нем очертания какой-либо «партии». Скорее всего, это была попытка собрать всех членов Государственного совета, критически относившихся к проекту Устава о воинской повинности.

Участники «совещания», впрочем, были настроены весьма решительно. 10 декабря кн. Д.А. Оболенский отметил в своих записках: «...Завтра будет второе заседание [Общего собрания Государственного совета, — *А.М.*], которое обещает быть еще оживленнее, потому что на предварительном заседании у графа Шувалова, куда и я был приглашен, в присутствии редактора «Московских ведомостей», возникли новые вопросы о социальном значении реформы, о легкости получения офицерского [в тексте ошибочно: официального, — *А.М.*] звания разночинцами и проч.... Все эти вопросы, вероятно, в разных видах заявлены будут завтра и еще более запутают и усложнят дело. По-видимому, только теперь главные влиятельные лица раскусили все важное социальное значение реформы, но ничего не могут придумать, чтобы остановить ее. Вероятно, и завтра не кончится спор по главным вопросам, а там пойдет рассмотрение проекта по параграфам, что займет еще несколько заседаний, так что к новому году ни в каком случае дело не будет окончено». Однако уже на следующий день князь не без удивления констатировал: «В сегодняшнем заседании, несмотря на продолжительные прения, окончили рассмотрение всех статей проекта; остались еще не рассмотренными приложения, так что в будущем заседании, вероятно, все будет кончено» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 341).

⁸⁷ 12 декабря 1873 г. К.П. Победоносцев по желанию Александра II представил ему текст своей речи, произнесенной накануне в Государственном совете. В феврале 1874 г., посылая этот текст «при первой okazji» Е.Ф. Тютчевой, Победоносцев дал ему следующее «объяснение»: «...Вся история нового положения о военной повинности — дутая история. Выдумана она не для потребности, а для забавы, на похвальбу. Первый выдумал Валуев. Главная прелесть дела состояла в том, чтоб не отставать от Европы и произвесть полное уравнивание сословий в главной повинности. Весело, казалось, что дворянина возьмут в солдаты так же, как крестьянина. Само по себе это бы еще не большая беда, а главное то, что в таком деле принципа мало, а нужна организация. Организация же войска и повинности, подобная прусской, у нас не свойственна ни людям, ни пространствам, и не может послужить в пользу армии. Армию нашу коверкают — из-за чего? Из-за отвлеченного принципа уравнивания сословий. Принцип этот, по моему убеждению,

в корне фальшивый, и у нас — более, чем где-либо. Но он повсюду в моде, стало быть, и у нас. Высказать все это прямо нельзя было. Нас не спрашивали, нужно ли вводить такое преобразование. Вопрос этот решили без нас; а нам оставили рассуждать лишь об организации, т. е. под каким соусом подать состряпанное уже кушание. Я решился высказаться против принципа уравнивания сословий в этом деле, показать хоть чем-нибудь, что в таком великом деле, как армия, нельзя выезжать на принципе уравнивания. Вот главная цель моя — положительного успеху я не предвидел, но знал, что то же слово почти у всех вертится на душе, но *никто не смеет* [здесь и далее выделено в тексте, — *А.М.*] или не умеет его высказать. Никто не ожидал, что я буду говорить *это*. От того речь моя точно обухом поразила и вел. князя и Милютину. Они даже не нашлись возразить мне, особенно ввиду почти общего сочувствия. Но за всем тем любопытно, что никто меня не поддержал (хотя многие благодарили) и сами благодарившие уговаривали, почти умоляли не делать разногласия. Любопытно, что Государь, когда ему передавали слова мои, вскакивал от сочувствия и говорил: “Да это мои слова! Это мои мысли! Да неужели этого нет в положении?” А через 2 недели он утвердил это положение. Вот еще что любопытно. В первые дни я доволен был, что высказался именно об этом. Мне казалось, что я хорошо сделал. Но век живи, век учишь. Вскоре пришлось мне пожалеть о том, что я говорил. Поняли или хотели понять не так, как я понял. Отозвалось не в том углу, где я говорил. Что я ставил в голову, то к хвосту приставили. О речи моей уже забыли, как вдруг появляется, к изумлению моему, известный рескрипт Толстому о дворянстве [см. коммент. 96 и 104, — *А.М.*]. Слышите, куда отозвалось! Стало быть, мне пришлось топить печку, в которой без ведома моего испекли такой блин! Вперед наука. Не топить даром печку, которую завладел чужой повар, как своей собственностью» (ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Д. 9. Л. 9–10).

⁸⁸ В своем дневнике вел. кн. Константин Николаевич писал о заседании 11 декабря 1873 г.: «...В 1 ч. Государственный совет, назначенный сегодня, потому что Низи только вчера вечером воротился из Берлина с похорон королевы. Продолжали воинскую повинность и кончили рассмотрение журнала. Главная дискуссия была о вольноопределяющихся. Так как в прошлый раз сроки о жеребьевых были уже решены, то дело уже с самого начала было вполнину выиграно. Весь спор сосредоточился на третьем разряде. Победоносцев сказал прекрасную длинную речь о роли дворянства и предлагал в третьем разряде допускать в вольноопределяющиеся только дворян. Мне пришлось отвечать тоже длинной речью, подтверждая то, что он сказал про дворянство, но отвергая его предложение, которое ввело бы сословную рознь в совершенно бессословный закон. Его предложение было даже отвергнуто Горчаковым и Валуевым, и приняли вместо того мысль об

экзаменах, на которую мы с самого начала согласились. Потом споры были уже не важные, и все прошло без разногласия, чем я был искренно счастлив. Кончилось в 6 ч. и я ужасно устал» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 67–68). См. также: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 329–330.

Согласно ст. 173 Устава о воинской повинности вольноопределяющиеся с высшим образованием (1-й разряд) обязаны были прослужить в действующих войсках 3 месяца, окончившие 6 классов гимназий, реальных училищ и т. п. (2-й разряд) — 6 месяцев, а «выдержавшие испытание по особой программе, устанавливаемой по соглашению министров военного и народного просвещения» (3-й разряд) — 2 года. Выслужив положенный срок, вольноопределяющиеся (вне зависимости от их производства в офицеры) могли в мирное время либо продолжить действительную службу, либо перечислиться в запас на 9 лет. Сроки производства вольноопределяющихся в унтер-офицеры и офицеры также зависели от образовательного ценза. Так, вольноопределяющиеся I разряда, по усмотрению начальства, производились в унтер-офицеры через 2, а в офицеры через 3 месяца после поступления на службу, вольноопределяющиеся II разряда производились соответственно через 4 и 6 месяцев, III разряда — через 1 и 3 года. Кроме того, для производства в офицеры вольноопределяющимся всех разрядов необходимо было принять участие хотя бы в одном лагерном сборе (ст. 180). Во флоте для вольноопределяющихся устанавливались особые правила (ст. 186–196). См.: ПСЗ-II. Т. 49. Отд. I. № 52983.

⁸⁹ Это предложение гр. П.А. Шувалова почти дословно вошло в ст. 181 Устава о воинской повинности. «Офицерам из вольноопределяющихся, принадлежащих по ст. 173 к третьему разряду, т. е. выдержавших испытание по особой программе (ст. 173, п. 3), — говорилось в ней, — предоставляются сопряженные с офицерским чином права по состоянию и по гражданской службе лишь по прослужении ими в офицерском звании не менее трех лет в рядах войск». См.: ПСЗ-II. Т. 49. Отд. I. № 52983.

⁹⁰ Под «приложениями» к Уставу о воинской повинности, по-видимому, подразумеваются «Список учебным заведениям с разделением их на разряды по отношению к отбыванию воинской повинности» (Приложение к ст. 53 Устава), а также указ Правительствующему Сенату относительно Устава о воинской повинности (он предусматривал различные временные льготы некоторым группам лиц). Именно «Список» и статьи указа рассматривались 17 декабря (см. коммент. 95).

⁹¹ Вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике 13 декабря 1873 г.: «...В 1 ч. Совет по воинской повинности. Прошли весь текст закона и, слава Богу, без единого разногласия. Мне пришлось, разумеется, много говорить и объяснять. В вопросе о льготах воротились для

жеребьевых первого разряда к 6 месяцам, чему я очень рад. Кончилось в 6 ч. и я, несмотря на утомление, особенной усталости не чувствовал (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 68).

В ходе обсуждения проекта Устава о воинской повинности в Особом присутствии срок действительной военной службы для лиц, получивших высшее образование, был увеличен с 6 до 9 месяцев, однако Общее собрание Государственного совета это изменение не поддержало.

⁹² В конце октября 1868 г. А.Е. Тимашев и гр. П.А. Шувалов представили Александру II доклад, в котором резко критиковали газету Военного министерства «Русский инвалид», издававшуюся под личным руководством Д.А. Милютин. Во время обсуждения доклада на заседании Совета министров Тимашев и Шувалов доказывали, что правительство должно иметь только один официальный печатный орган. Одобрив идею создания «Правительственного вестника», который начал издаваться с 1 января 1869 г. Министерством внутренних дел, Александр II передал вопрос об изменении программы «Русского инвалида» на рассмотрение Комитета министров.

Милютин воспринял данное решение крайне болезненно. «...При ближайшем своем докладе, — вспоминал Е.М. Феоктистов, в то время активно сотрудничавший с “Русским инвалидом” и находившийся в близких отношениях с военным министром, — он объяснил Государю, что ему не остается ничего более, как выйти в отставку, ибо в “Русском инвалиде” всегда выражались мнения, которые он вполне разделяет, и если эти мнения признаются вредными, то ему нельзя оставаться министром. Государь тщетно старался успокоить его. От Альбединского я слышал, будто он сказал Шувалову: “Не понимаю, из-за чего так горячится Милютин; неужели газета имеет такую важность в его глазах, что из-за нее он серьезно думает покинуть дело, над которым так долго трудился; я обнадеживал его, что он пользуется полным моим доверием; но если, несмотря на то, он будет упорствовать, то поневоле придется подумать об Альбединском”». Отказавшись менять программу «Русского инвалида», Милютин предпочел вовсе его ликвидировать. Александр II против этого не возражал, и 27 октября в «Русском инвалиде» было напечатано сообщение о том, что с 1869 г. издание газеты будет прекращено. Известие об этом вызвало недовольство в военных и правительственных сферах. Какое-то время Милютин рассчитывал, что ему удастся сохранить газету, передав ее в аренду П.К. Щербальскому и Феоктистову, однако император отверг это предложение. Вместе с тем Александр II повелел продолжить издание «Инвалида», но уже как «специально военной газеты». «...Только ради той благосклонности, можно даже сказать любезности, которые во все это время оказывал мне Государь, я воздержался от всякого решительного шага и оставил без последствий оскорбительный

для меня образ действий моих коллег, — признавался военный министр в “Воспоминаниях”. — Я представил Государю новую программу для издания “Инвалида”, приняв в основание значительное сокращение объема газеты, оставление в ней только официального отдела и ограничение политической части исключительно краткими известиями иностранными». С 1869 г. «Русский инвалид» выходил 3 раза в неделю в качестве приложения к «Военному сборнику».

Подробнее см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 96–101. См. также: *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы. Воспоминания. М., 1991. С. 327–328; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати в 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 93–97.

⁹³ Ср. запись в дневнике П.А. Валуева: «...Военный министр позволил директору академии Козлову прочесть бестактную записку и произнести бестактную речь, которыми как будто вновь возбуждался вопрос о классическом и реальном образовании. В ответ после нескольких возражений гр. Шувалова и гр. Толстого последовало высочайшее повеление рассмотреть другой вопрос о передаче самой Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 285).

⁹⁴ В это время вел. кн. Константин Николаевич, по-видимому, относился к вопросу о принадлежности Медико-хирургической академии нейтрально, хотя он уже проявлял интерес к этому делу. «...В 11 ч. совещание у Государя из всех министров, имеющих у себя учебные заведения, — писал он в дневнике 14 декабря 1873 г. — Спор между Милютиним и Толстым о правилах приема в Медико-хирургическую академию. Решили следовать строго правилам университетским, и приказано возбудить вопрос о передаче Медиц[инской] академии в Министерство просвещения. По этому вопросу страсти сильно разыгрываются, но я лично в стороне и совершенно хладнокровен. Продолжалось до 1/2 2...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 69).

⁹⁵ Вел. кн. Константин Николаевич отметил в дневнике 17 декабря: «...В 1 ч. Совет. Сперва прослушали текущих 11 дел. Потом продолжали воинскую повинность. Победоносцев говорил длинную тираду против равноправности евреев. Я ему отвечал, и меня хорошо поддержали Милютин и Шувалов, и после мнение прошло единогласно. Рассматривали статьи указа Сенату и распределение учебных заведений по разрядам. Я тут довольно долго говорил, чтоб объяснить наш взгляд и основания, которые надо иметь в виду для этого распределения, и наше предложение принято единогласно. Только решили о прогимназиях отдельно не говорить, а смотреть на них, как на часть (первые 4 класса) гимназии. В заключение обратился к меньшинству в единственном вопросе, возбудившем разногласие, о правах чиновников, призванных из запаса, сохранить свои места. Горчаков, который был

главный представитель оппозиции, немного поломавшись, отказался от своего мнения, и, таким образом, и это единственное разногласие исчезло, и все дело кончено единогласно. Тогда Веригин стал говорить длинную речь, которую явно выучил наизусть и выучил плохо, мямлил и всем надоел. Я ему отвечал несколькими короткими словами, которые всем понравились. Когда все кончилось, меня со всех сторон поздравляли с благополучным окончанием дела и с мастерским председательствованием, что, признаюсь, мне было очень приятно, и я внутренне горячо благодарил Бога за это. Воротился домой в 4 ч. и отдыхал...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 71).

Большое влияние вел. кн. Константина Николаевича на обсуждение военной реформы в Государственном совете отмечалось не только Д.А. Милютиным, но и другими сановниками. Причем это влияние далеко не всегда оценивалось положительно. «Вчера окончено в Общем собрании рассмотрение проекта об общеобязательной воинской повинности, — писал 18 декабря в своих “Записках” кн. Д.А. Оболенский. — Прения касались вопросов второстепенных, но, по сильному настоянию великого князя, все пришли к соглашению, и Государю был представлен журнал без всяких разногласий. Этим, по-видимому, очень доволен великий князь, хотя, без сомнения, потомству покажется странным, как вопрос подобной важности мог встретить такое единомыслие. Но прения в Государственном совете теперь так обставлены — вследствие желания Государя, чтобы приходили к соглашению, — что решительно нет места даже для желающих отличиться гражданским мужеством, они представились бы глупым донкихотством. В заключение прений великий князь сказал несколько слов, выразив надежду, что эта реформа будет новым полезным событием, ознаменовавшим настоящее царствование, и что все члены Государственного совета могут со спокойной совестью сказать себе, что исполнили долг свой, ибо подробно и всесторонне рассматривали проект.» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 341–342).

⁹⁶ Ср. запись в дневнике вел. кн. Константина Николаевича: «...В 1 [час, — А.М.] у Государя Совет министров “о мерах надзора над народными училищами”. Шувалов докладывал о том, как революционная пропаганда бросилась теперь на народные школы и старается разлить народ. Дело действительно важное и на которое нельзя не обратить внимания. Но скоро стало ясно, что это просто un coup monte [заранее подготовленная комбинация, — *фр.*] и подготовленная стачка целой шайки из Шувалова, Бобринского, Палена, Тимашева, Толстого и даже Валуева. У нас они предложили поручить надзор и попечительство над народными школами уездным предводителям дворянства, нисколько не определяя в то же время, в чем этот надзор будет состоять. У нас в Совете на очереди именно дело об училищных советах и об

инспекции народных школ. Я старался, чтоб эти оба дела были соединены вместе, и чтоб теперь не было предрешение. Шайка тотчас против этого воспротестовала и предъявила уже подготовленный проект рескрипта Государя Толстому. Горчаков протестовал только против некоторых фраз, Строганов против самой мысли, но неловко заговорил про земство. Урусов слабо просил предварительного рассмотрения. Я именно этого очень настойчиво требовал, говоря, что иначе это будет un coup d'eree dans l'eau [удар шпагой по воде, — *фр.*]. Но шайка именно против всякого рассмотрения протестовала, ибо ясно сознавала, что их предложение не выдержит никакого рассмотрения. Государь явно уже был ими подготовлен, и был в ненормальном состоянии. Он спросил Наследника, сочувствует ли он этому предложению. Тот положительно отвечал, что нет. Это еще более рассердило Государя. Он обратился к нему с длинной тирадой про значение дворянства и объявил, что для его спасения и его сына он желает, чтоб эта мера (не рассмотренная и не обсужденная) была приведена в исполнение. Этим кончилось в 3, и произвело самое тягостное впечатление. В коридоре встретил Шувалова, и имел с ним крупный и неприятный разговор про это, который будет еще на днях у меня продолжаться...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 73–74).

«...В Совете министров, — писал 25 декабря П.А. Валуев, — было предложено гр. Шуваловым по предварительному соглашению с гр. Толстым и министром внутренних дел передать наблюдение за народными училищами дворянским предводителям. Для этой цели представлен проект рескрипта на имя министра народного просвещения, сочиненный Катковым. Поводом были обнаруженные в разных местах попытки революционной пропаганды чрез посредство училищ, разные затруднения, возникшие между министром народного просвещения и самоуправлениями земством, и замечательно быстрое возрастание в последние три года политических, следственных и судебных дел. Гр. Шувалов докладывал весьма отчетливо и спокойно, гр. Пален и гр. Толстой его поддержали, кн. Урусов выразился в эквилибристическом смысле, вел. кн. ген.-адмирал — в смысле отрицательном. Государь обратился ко мне, и я тогда весьма определенно высказался в пользу предложения трех министров. Кн. Горчаков пожелал только смягчения рескрипта, конечно, не без ущерба в ясности мотивировки предположенной меры. Государь вызвал цесаревича высказаться. Его высочество сделал это в смысле отрицательном, сказал: “Из этого ничего не выйдет”. Но государь вслед за тем утвердил предположение трех министров, оговорив с настойчивостью, что он поступает так в противность “мнению сына и брата” по чувству долга и притом ради будущности (“для тебя и твоего сына, — сказал он, обратившись к цесаревичу, — гораздо более, чем для себя”), а насчет редакции рескрипта поручил кн. Горчакову, гр. Шувалову, гр. Толстому и мне ее пересмотреть. Министр внутренних дел по болезни в этот день не присут-

ствовал. После заседания произошла в большом коридоре сильная *prise de bec* [перепалка, — *фр.*] между вел. кн. ген.-адмиралом и гр. Шуваловым. Первый сказал: “C’est une façon malhonnête de capter l’opinion de l’empereur” [“Это бесчестный способ склонять на свою сторону государя”, — *фр.*], второй схватил первого за руку и сказал: “Retractivez ces paroles, Monseigneur, ou allons de suite chez l’empereur” [“Возьмите обратно эти слова, ваше высочество, или немедленно пойдете к государю”, — *фр.*]. Вел. князь взял назад сказанное и кончил выражением желания иметь дальнейшее подробное объяснение с гр. Шуваловым, причем присовокупил, что его напрасно оттирают, напрасно заподозревают, что он желал бы действовать заодно с министрами, что существенного разномыслия между ними нет и т. п.» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 285–286).

См. также: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 344–346.

⁹⁷ Имеется в виду Главный комитет об устройстве сельского состояния, учрежденный 19 февраля 1861 г. для наблюдения за реализацией крестьянской реформы и рассмотрения законопроектов, регулирующих положение крестьян (он заменил созданный в 1858 г. Главный комитет по крестьянскому делу). После обсуждения в Главном комитете законодательные дела поступали в Общее собрание Государственного совета, а административные — на утверждение императора. В состав комитета по должности входили министры внутренних дел, государственных имуществ, финансов, юстиции, двора и уделов, главноуправляющий II и главный начальник III Отделения Собственной е. и. в. канцелярии (в 1880 г. — главный начальник Верховной распорядительной комиссии), членами по назначению в разное время состояли А.А. Абаза, Н.И. Бахтин, кн. П.П. Гагарин, С.М. Жуковский, Н.А. Милютин, гр. В.Н. Панин, М.Х. Рейтерн, К.В. Чевкин. Бессменным председателем комитета вплоть до его упразднения 25 мая 1882 г. был вел. кн. Константин Николаевич. Подробнее см.: *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе (1861–1880 гг.). М., 1978. С. 25–28; *Чернуха В.Г.* Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л., 1972.

⁹⁸ Вел. кн. Константин Николаевич отметил в дневнике, что Милютин пришел «под тем же тягостным впечатлением» от заседания Совета министров 21 декабря 1873 г. «...Он мне говорил, — писал великий князь, — про мысль Оболенского о постоянном комитете по воинской повинности. В виду страшно растущей силы шайки, он теперь хватается за эту мысль, как за спасение. Решили, что в [понедельник] подробно про это поговорим» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 74). Мысль об учреждении постоянного Главного комитета по воинской повинности для согласования действий различных ведомств при реализации воен-

ной реформы действительно была подробно изложена 18 декабря 1873 г. в письме кн. Д.А. Оболенского к вел. кн. Константину Николаевичу. Подробнее см.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 341–344.

⁹⁹ Среди черновиков писем Д.А. Милютина к А.А. Баранцову (ОР РГБ. Ф. 169. К. 50. Д. 49) данного письма нет.

Юнкер Циммерберг принадлежал к так называемому «кружку артиллеристов» (см. коммент. 85). Подобный эпизод вполне мог быть использован шефом жандармов для демонстрации неблагополучия в военном ведомстве (как это неоднократно делалось ранее), не говоря уже о том, что при основательном расследовании от Циммерберга могли быть получены сведения о других злоумышленниках, впоследствии отправившихся «в народ» и проходивших по «процессу 193-х» (Д.А. Аитов, В.А. Усачев и др.). Тот оборот, который гр. П.А. Шувалов придал делу своим докладом, свидетельствовал о его желании сгладить неблагоприятное впечатление, оставшееся у его противников после заседания Совета министров 21 декабря 1873 г. Одновременно он предпринял попытку сближения с вел. кн. Константином Николаевичем. 23 декабря Шувалов приезжал к Д.М. Сольскому, оставив у того впечатление, «как будто сам он начинает понимать, что он сделал вздор». На следующий день Сольский сообщил об этом великому князю, а 25 декабря «рассказал, как вчера вечером ездил к Шувалову, и что он уже настолько сам сознает, что они в [пятницу] сделали вздор, что хотел ехать сегодня к Государю, дабы упрость его, если рескрипт еще не подписан, то и не подписывать его». В тот же день состоялось объяснение между Шуваловым и великим князем. «...Кончилось тем, — записал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич, — что он положительно мне обещал отныне впредь не действовать у меня за спиною, а о всех своих предположениях со мною совещаться и советоваться. То же он повторил Сольскому, когда вышел от меня. Дай Бог, чтоб так было, тогда может выйти у него поворот к добру и пользе» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 75–78). Впрочем, 26 декабря Шувалов говорил П.А. Валуеву, что это «вел[икий] князь настаивает на попытке согласованного способа действия», а он, со своей стороны, лишь великодушно идет ему навстречу» («qu'il etait pret a faire un essai loyal»). (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 286).

¹⁰⁰ В своем дневнике вел. кн. Константин Николаевич отмечал: «...Перетц мне читал журнал по воинской повинности в присутствии Милютина и Толстого, дабы избегнуть чрез него пререканий в самом совете. Тоже были и Крабе и Сольский...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 75).

¹⁰¹ «...Рассуждали о предложении Оболенского об учреждении комитета для наблюдения за исполнением воинской комиссии [так в тексте, должно быть — повинности, — А.М.] — записал в своем дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — Положили сделать это, но в дру-

гой форме, именно в виде продолжения того нашего совещания, которое рассматривало проекты. В [четверг] после совета хочу поговорить об этом с подлежащими министрами» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 75–76).

¹⁰² 27 декабря 1873 г. в Государственном совете состоялось подписание «журнала о воинской повинности» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 79).

¹⁰³ Имеется в виду клиническая больница при Медико-хирургической академии, созданная на средства, завещанные баронетом Я.В. Вилье, лейб-хирургом и главным инспектором медицинской части армии, в 1809–1838 гг. состоявшим президентом Медико-хирургической академии. Строительство и оснащение больницы продолжалось с 1857 по 1873 г. Больница была рассчитана на 150 кроватей и включала диагностическую, госпитальную терапевтическую, академическую терапевтическую, госпитальную и академическую хирургические, акушерскую и глазную клиники, а также отделение для умалишенных и хирургический музей. При клинике находились церковь, часовня, библиотека, сквер, ледник, квартиры для служащих; к клинике подвели воду и газ. В соответствии с завещанием, клинике было присвоено имя баронета Я.В. Вилье. Подробнее см.: Столетие Военного министерства. Т. 10: Императорская Военно-Медицинская (Медико-Хирургическая) Академия. Исторический очерк. Ч. 2. СПб, 1910. С. 106–124.

¹⁰⁴ Рескрипт гр. Д.А. Толстому, подписанный 25 декабря 1873 г., действительно произвел самое невыгодное впечатление как в обществе, так и в правительственных сферах. Причем его критиковали не только государственные деятели, известные своими либеральными взглядами (вел. кн. Константин Николаевич, Д.А. Милютин, А.А. Абаза, кн. Д.А. Оболенский, Д.М. Сольский), но и консервативно настроенные сановники: П.Н. Игнатъев, кн. С.Н. Урусов, К.П. Победоносцев (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 74; см. также коммент. 86 и 96). «...По прочтении этой ерунды всякий спросит: “Что сей сон означает?”, — спрашивал себя кн. Оболенский, прочитав опубликованный 27 декабря “неясный, бестолковый и безграмотный рескрипт”. — Действительно, трудно понять, что хотят сказать этим рескриптом... Не подлежит сомнению только одно, что в умах Шувалова и К° что-то бродит, что они, видимо, около чего-то вертятся, но не умеют даже приняться за осуществление какой-либо мысли. В основании же всего лежит какой-то страх каких-то несуществующих опасностей, на котором плетут постоянно всякую канитель...» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 345–346). А.В. Никитенко уже в начале 1874 г. отметил в дневнике «бесконечные толки о манифесте» (так он называл рескрипт 25 декабря): «Нет ни одного человека, который бы не был изумлен им и не выражал неудовольствие. Ни один из правительственных актов в настоящее царствование не был неудачнее,

не исключая и постановления о греческом языке» (Никитенко А. В. Дневник. Т. 3. М., 1956. С. 305–306). Проходившие в этой обстановке в январе 1874 г. совещания гр. П.А. Шувалова, П.А. Валуева, А.Е. Тимашева и гр. Д.А. Толстого с предводителями дворянства (съехавшими в Петербург по случаю бракосочетания вел. княжны Марии Александровны с принцем Альфредом, герцогом Эдинбургским) «на-счет способов применения высочайшего рескрипта» окончились полным провалом. «...Была минута, когда казалось, что дело, затеянное на тему сближения с дворянством, приведет к разрыву с его наличными представителями, — признавал 14 января 1874 г. Валуев. — Гр. Андрей Шувалов пустился в глаголы о самостоятельности, о неподчинении коллегий произволу одного лица (т. е. министра просвещения), о Сенате и пр., сопровождая эти глаголы ударами в грудь десною ладонью. Гр. Толстой со своей стороны начал твердить: я не допускаю, я не допущу и т. п. Добродушно тупой Минин и недобродушно тупой Струков стали вторить Шувалову. Другой гр. Шувалов, видя неблагоприятный оборот речей, старался приурочить училищные советы по части инстанционного подчинения к порядку, установленному для губернских присутствий крестьянских дел...» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 293–294). Готовя рескрипт, Шувалов и его сторонники явно рассчитывали на иной эффект.

Впрочем, столкновение гр. Д.А. Толстого с предводителями дворянства было естественным и почти неизбежным. Судя по всему, он вовсе не сочувствовал идее передать руководство народной школой дворянству, и если не возражал против этого, то лишь потому, что нуждался в поддержке гр. П.А. Шувалова и заранее понимал всю бесперспективность его затеи. В подготовленной гр. Толстым в начале 1870-х гг. статье «Об устройстве управления начальными народными училищами» прямо указывалось: «Вековой опыт привел ныне все европейские страны к положительному убеждению, что дело образования народа не может и не должно быть отдано случайностям частных начинаний, что местное самоуправление, весьма полезное в делах хозяйственных, бессильно в деле народного образования, что местные общества во многом могут содействовать этому великому делу, но не в состоянии им руководить, и еще менее, быстро его продвигать». Это в равной мере относилось и к земству, и к дворянству (различие между которыми на практике было довольно условно). Не случайно в качестве примера правильной постановки училищного дела гр. Толстой приводил Виленский учебный округ, где не могло быть и речи о поощрении влияния польского дворянства на школу. Главный недостаток существующей системы министр видел в децентрализации, в том, что «дело образования народа предоставлено у нас случайностям: им никто не руководит». «...Конечно, — отмечал он, — могут быть и случайности счастливые, когда является из местных жителей лицо, знающее и принимающее близко к сердцу образование народа; но такого рода

случайности чрезвычайно редки, и все-таки на них нельзя основать системы народного просвещения: полагаться на них значило бы полагаться на русское “авось”. Правительство не исполнило бы самой священной своей обязанности, если бы выпустило из своих рук дело народного образования, которым оно руководило в течение веков: да и кому и какая была бы от того польза, когда нет других рук, которые могли бы за него взяться?». Гр. Толстой был в этом глубоко убежден (впоследствии он высказывался против передачи начальных народных школ в ведение духовенства). Соответственно, в проекте преобразования управления народными училищами, который 21 августа 1872 г. был внесен министром народного просвещения в Государственный совет, предлагалось напрямую подчинить губернские училищные советы попечителям учебных округов. При этом председателям училищных советов гр. Толстой отводил особую роль: «...Всеми знакомым с практическим ходом дел в наших коллегиальных учреждениях известно, — писал министр, — какое важное значение имеет в них председатель; он не только руководит суждениями, но и направляет дела; должность же председателей в этих советах полагается возложить на представителей Министерства народного просвещения, которое, таким образом, чрез них будет поставлено в ближайшее отношение к делу начального народного образования, что принадлежит ему по праву, и от чего можно ожидать благотворных результатов, так как оно располагает специалистами — педагогами, которые в состоянии будут часто посещать школы и руководить ими». Председателями губернских училищных советов должны были стать директора, а уездных — инспекторы народных училищ (сами советы состояли из представителей министерств народного просвещения и внутренних дел, духовенства, земства) или назначенные министром народного просвещения «частные лица, заявивши себя полезною деятельностью на этом поприще». (См.: Речи и статьи гр. Д.А. Толстого. СПб., 1876. С. 171–185).

Таким образом, идеи, заложенные гр. Шуваловым в рескрипт Александра II гр. Толстому 25 декабря 1873 г., не только противоречили политике Министерства народного просвещения, но и профанировали инициированную им реформу. Ожидать от предводителей дворянства профессиональной и систематической работы в сфере народного просвещения не приходилось. Фактически существование училищных советов теряло всякий смысл, а центр тяжести в заведении учебным делом переносился с этого коллегиального органа на индивидуальную деятельность директоров и инспекторов народных училищ. Подробнее о реформе управления народными училищами см.: РГИА. Ф. 1152. Оп. т. VIII. 1873. Д. 226; *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 548–555.

¹⁰⁵ См. коммент. 4.

¹⁰⁶ Похожая характеристика расстановки сил в правительственных сферах в конце 1873 г. содержится и в дневнике П.А. Валуева. «...Гр. Шувалов на первом плане политической сцены, — писал он 25 декабря. — Он — не фаворит, он еще менее играет фаворита и не только не оскорбляет никого внешними признаками надменности, но даже добродушен и любезен в своих приемах. У него не может быть системы и в нем нет рабочей силы, но есть мысли, есть сметливость и чутье, есть подвижность и есть уменье. Гр. Шувалов серьезно практикует “*ministere des idees*” [министерство идей, — *фр.*]. Так, я раз назвал роль, которую он связывает с ролю шефа жандармов. Около него группируются благороднейший, добрейший, но малоумелый гр. Пален, постоянно меняющий своих излюбленных сотрудников и переполняющий своими разочарованиями “Правительствующий” Сенат, трудолюбивый и желчный гр. Толстой, оказавший большую заслугу преобразованием гимназий, но в частностях нередко портящий свое собственное дело, и малотолковый, малоправдивый гр. Бобринский, о котором, как о министре путей сообщения, я затрудняюсь что-либо сказать, потому что не знаю, чему менее верю, ему или в него. *Quadrigitum* [четверка, — *А.М.*] графов образует самую сплоченную долю министерской коллегии. Гр. Бобринский исключительно держится гр. Шуваловым, гр. Толстой на него опирается и, кроме того, единится с ним своими антипатиями, гр. Пален к нему льнет, хотя ему не подчиняется. Гр. Шувалов сознает свое превосходство над всеми тремя и оказывает им *appui tutelaire* [поддержку опекуна, — *фр.*], но без всякого тщеславия. К четырем графам примыкают с разными оттенками ген. Тимашев и кн. Урусов. Первый не слишком доволен гр. Шуваловым, который и на его счет отзывается небрежливо, но это не мешает тому и другому быть заодно по вопросам общим. Кн. Урусов стоит правую ногу в шуваловском лагере, т. е. он большею частью старается с ним ладить, но другую ногу он держит по возможности в Мраморном дворце или в Государственной канцелярии, и это эквилибристическое положение влияет на его речи, мнения и поступки. Наконец, я состою седьмым в консервативном конклаве, и гр. Шувалов меня иногда называет “*le doyen*” [старшина, — *фр.*] или “*notre doyen*” [наш старшина, — *фр.*]. К сожалению, когда конклав в сборе, он менее занимается делом, чем толками о своих противниках и праздными фразами о своих принципах» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 284–285).

Вел. кн. Константин Николаевич 22 декабря 1873 г. говорил с А.А. Абазой «про страшно растущую силу Шувалова и всей его шайки» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 74). Характерно, что все эти записи сделаны под впечатлением от успеха гр. Шувалова и его сторонников на заседании Совета министров 21 декабря 1873 г.

В.Г. Чернуха, исследовав попытки создания «объединенного правительства» в пореформенные годы, пришла к заключению, что

гр. П.А. Шувалов достиг в этом отношении больших успехов: «...К концу своей деятельности он сумел создать своеобразный неофициальный, но фактически существующий кабинет» (*Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978. С. 182–188). Впоследствии исследовательница несколько скорректировала этот вывод, отметив, что в начале 1870-х гг. «на деле расстановка сил в правительстве примерно сбалансировалась, в нем оказалось два центра: вел. кн. Константина Николаевича и Шувалова, непременно отвергавших предложения противной стороны» (*Она же.* Великие реформы. Попытка преодоления кризиса // *Власть и реформы: от самодержавной к советской России.* СПб., 1996. С. 344–345).

Действительно, не следует преувеличивать реальное влияние гр. Шувалова на внутреннюю политику начала 1870-х гг. В это время он все чаще выступал с политическими инициативами, но редко добивался положительного результата. Довольно отчетливо это проявилось и в 1873 г. Весной ему не удалось с помощью кн. А.И. Барятинского добиться отставки Д.А. Милютина. Безуспешной оказалась и его оппозиция проекту военной реформы. Наконец, дважды (в ноябре 1873 г. и в феврале 1874 г.) в Комитете министров провалились попытки шефа жандармов придать политический характер обсуждению доклада «Валуевской комиссии» (см. коммент. 73). Подписание Александром II 25 декабря 1873 г. рескрипта гр. Д.А. Толстому явилось едва ли не единственной победой шефа жандармов. Но это была в полном смысле слова «пиррова победа», усилившая недовольство влиянием гр. Шувалова в правительственных сферах. Между тем вскоре стала очевидной непрактичность и бесперспективность идеи привлечь предводителей дворянства к руководству народной школой.

«Группировка», сложившаяся вокруг гр. Шувалова в Комитете министров, также не была достаточно прочной. За общностью «консервативных» убеждений, порою весьма туманных, часто скрывались ведомственные противоречия и существенные разногласия по различным вопросам внутренней политики. В беседе с вел. кн. Константином Николаевичем 25 декабря 1873 г. шеф жандармов лишь отчасти преувеличивал, говоря «про его отношения к его партии», что «он далеко ей не глава», напротив, «ему приходится защищать и проводить мнения, которые вовсе не его и которые он не разделяет» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 77).

¹⁰⁷ См.: Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1872 г. СПб., 1874.

¹⁰⁸ 1 января 1874 г. Александр II утвердил Устав о воинской повинности, манифест и указ Сенату о порядке вступления в силу нового Устава, а также «Мнение Государственного совета по делу о введении общей воинской повинности». Тогда же им был подписан и рескрипт вел. кн. Константину Николаевичу. Манифест, указ Сенату

и рескрипт были опубликованы в «Правительственном вестнике» 3 января (№ 2), «Устав» — 4—6 января (№ 3—5). Весь комплекс документов, регулировавших введение всесословной воинской повинности см.: Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности (с 1 января по 1 июля 1874 г.). Т. 1. СПб., 1874.

¹⁰⁹ «...Это была одна из важнейших реформ прошлого царствования. Многие приветствовали ее как прогрессивную политическую меру, как новое приобретение цивилизации, — писал впоследствии о том, как в 1874 г. воспринималась в правительственных сферах военная реформа М.П. Веселовский (в то время статс-секретарь Государственного совета). — Говорили даже, что настоящим министром народного просвещения отныне следует считать военного министра, который, пропуская чрез ряды армии чуть не все взрослое население, будет возвращать в среду граждан людей грамотных, т. е. сделает для обучения народа более, чем само учебное ведомство. Восторгались также обязательным привлечением к военной службе образованной молодежи из высших сословий, видя в этом принцип равноправности и один из задатков к возвышению воинского достоинства. Я не разделял тогда этих оптимистических увлечений, не разделяю их и теперь. Если почти все большие государства усиливают свои армии и если этого нельзя или трудно достигнуть иначе, как введением всеобщей воинской повинности, то, конечно, следует мириться с такою мерою и принимать ее и у нас. Но от этого еще далеко до того, чтобы считать такую повинность цивилизующим началом или культурным успехом. Народного образования едва ли желательно достигать окольною дорогою, как бы попутно. Военное министерство, проводя чрез ряды армии взрослое население, отрывает его от производительного труда, и это составляет большое место новой системы. Отнимая от сохи настоящих пахарей, оно возвращает в деревни так называемых “порченных мужиков”, т. е. таких грамотных (точнее, полуграмотных) людей, которые уже успели отвыкнуть от земледельческого труда, тяготятся им, стремятся в города на места дворников, швейцаров, лакеев и т. п. и, при неудаче, увеличивают собою бездомный городской пролетариат. Образованная молодежь и прежде не чуждалась военной службы и в достаточном числе наполняла ряды армии, те же юноши с образовательным цензом, которые ныне принудительно, на год или на два, привлекаются на службу, едва ли представляют серьезный военный элемент: это лишь удовлетворение требованию нивелировки, преимущественно теоретическому. Что касается до воинского достоинства, то армия, на знаменах которой записаны подвиги Суворова, эпопея 1812 года или героическая защита Севастополя, конечно, не нуждалась в каких-то особых средствах, чтобы зарекомендовать себя с выгодной стороны. Тот созданный новою системою порядок, при котором, кроме солдат в рядах

армии, будут находиться среди населения еще сотни тысяч полусолдат, полукрестьян и полумещан, не представляет приобретения в смысле политической благонадежности. Эта разношерстная среда, конечно, менее устойчива, чем настоящее земледельческое население или вполне дисциплинированное войско. В случае злонамеренной пропаганды и сопровождающих ее народных волнений чины запаса, при коротких сроках службы, окажутся более податливы к соvrращению с законного пути, чем старослуживые, и вместе с тем явятся элементом более сплоченным, нежели, например, крестьяне, и следовательно более опасным. Как бы то ни было, но введение всеобщей воинской повинности приветствовалось в официальных сферах, как радостное событие. Всякое выражение противного мнения считалось ересью, так же как возражение против крестьянского положения или против судебных уставов» (ОР РНБ. Ф. 550. F IV 861. Л. 706—707).

¹¹⁰ Комиссия для составления нового Положения о личной воинской повинности в империи и Царстве Польском, созданная 17 ноября 1870 г., состояла из следующих лиц: председателя — начальника Главного штаба ген.-ад. гр. Гейдена и членов: представителей от Военного министерства — ген.-майоров Анненкова, Аничкова, Клугина и Обручева, от Морского министерства — контр.-адм. Стеценкова, капитана 1-го ранга Свешникова, от Министерства внутренних дел — действ. ст. сов. Семенова и Макова, от Министерства финансов — тайн. сов. Гирса и Домонтовича, от Министерства народного просвещения — тайн. сов. Воронова, от Министерства государственных имуществ — тайн. сов. Протопопова, от удельного ведомства — тайн. сов. Кетчера, от II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии — ст. сов. Калугина, от Собственной е. и. в. канцелярии по делам Царства Польского — действ. ст. сов. Евреинова. Делопроизводителями комиссии являлись: полковники Генерального штаба Шнитников и Максимовский и ст. сов. Розинг. Впоследствии в состав комиссии были введены сенатор тайн. сов. Гернгрос и представители от войск ген.-ад. Дрентельн и князь Масальский, ген.-лейт. Суходольский и ген.-майор Зейме. Помимо указанных лиц в работе комиссии принимали также участие представители отдельных ведомств, земских учреждений, сословий и др. *Коммент. П.А. Зайончковского.* См. также коммент. 25.

¹¹¹ На фоне многочисленных новогодних наград, пожалований, рескриптов и грамот (к примеру, 8 января 1874 г. в «Правительственном вестнике» был опубликован рескрипт Александра II московскому генерал-губернатору кн. В.А. Долгорукову, в котором его благодарили за поздравление императора с новым годом) отсутствие какого-либо знака внимания к Д.А. Милютину действительно обращало на себя внимание сановников и придворных. «...Замечательно, — отмечал в своих «Записках» кн. Д.А. Оболенский, — что Государь даже на словах не вы-

разил Милютину — военному министру — благодарность за его работу» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 347).

- ¹¹² Вел. кн. Константин Николаевич писал в дневнике 1 января 1874 г.: «...Встал утром в 7 ч., и сделал мою обычную прогулку пешком кругом дворца, нашел у себя рескрипт Государя ради воинской повинности, написанный в самых лестных выражениях, и который тронул меня до слез...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 83). Рескрипт был подписан: «Искренне Вас любящий брат и друг Александр». См.: Правительственный вестник. 1873. № 2. 3(15) января. Подобное выражение монаршего благоволения имело для великого князя особое значение. После заседания Совета министров 21 декабря 1873 г. он опасался ослабления своих позиций в правительственных сферах, видя в успехе гр. П.А. Шувалова косвенное выражение недоверия к себе со стороны императора.
- ¹¹³ Записка о финансовом положении Военного министерства на 1874 г. в фонде Д.А. Милютина не обнаружена.
- ¹¹⁴ Особое о воинской повинности присутствие было сохранено в несколько сокращенном, по сравнению с 1873 г. (см. коммент. 8), составе и действовало до 1881 г. на правах департамента Государственного совета. Членами присутствия являлись председатели департаментов законов и государственной экономии Государственного совета, министры: военный, внутренних дел, финансов, шеф жандармов, управляющий Морским министерством, а также вел. кн. Николай Николаевич, П.А. Валуев и гр. П.А. Шувалов (начальник штаба Петербургского военного округа). Председательствовал в присутствии председатель Государственного совета. Задача присутствия состояла в рассмотрении дел по Уставу о воинской повинности, в разрешении сомнений и вопросов, касающихся применения Устава на практике. При этом присутствие либо указывало способ применения действующего закона, либо вносило соответствующие законопроекты в Общее собрание Государственного совета. См.: Отчет по Государственному совету за 1874 год. СПб., 1874. С. 44–46.

Мысль об учреждении такого присутствия или «постоянного комитета» впервые была высказана кн. Д.А. Оболенским и связывалась с ожидавшейся в правительственных сферах отставкой Д.А. Милютина. Даже после успешного для Милютина завершения Секретных совещаний 1873 г. кн. Оболенский сомневался в том, «чтобы он, несмотря на свое теперешнее торжество, долго бы удержался» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 326–328, 342–344). В этих условиях присутствие должно было стать препятствием для попыток пересмотреть военную реформу (т. е. выполнить ту же задачу, которую решал Главный комитет об устройстве сельского хозяйства после отставки в 1861 г. С.С. Ланского и Н.А. Милютина). Для

Д.А. Милютина принципиальное значение имело то, чтобы председателем постоянного присутствия стал вел. кн. Константин Николаевич. Получив 27 декабря 1873 г. предварительное согласие министров, вел. кн. Константин Николаевич 31 декабря говорил о сохранении «постоянного присутствия для наблюдения за исполнением воинской повинности» с императором. «...Государь, — писал в тот же день великий князь, — дал предварительное согласие, но желает, чтоб это было рассмотрено в Совете министров в пятницу. Я к этому дню напечатаю мой доклад и разошлю его всем членам. Это будет моя *revanche* за последний совет [т. е. за Совет министров 21 декабря 1873 г., когда гр. П.А. Шувалов и его сторонники внесли проект рескрипта гр. Д.А. Толстому, не предупредив об этом остальных членов Совета, — А.М.]. 2 января 1874 г. доклад был разослан членам Совета министров (см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 23. Д. 14). 4 января, по свидетельству великого князя, «дело прошло без всякой оппозиции». Тогда же было решено, по предложению Д.А. Милютина, напечатать журналы Особого присутствия и Государственного совета по делу о воинской повинности за 1873 г. (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 105. Л. 79–85).

- ¹¹⁵ Записка о неудобствах передачи Медико-хирургической академии из военного ведомства в фонде Д.А. Милютина отсутствует. Еще 27 декабря 1873 г. гр. Д.А. Толстой сообщил Д.А. Милютину о том, что им составлены «соображения о способе передачи Медико-хирургической академии в ведомство Министерства народного просвещения», и просил назначить время «для обсуждения этого предмета». «Чтобы обсудить *возможность* передачи Медико-хирургической академии из Военного министерства, в ведении коего заведение это состоит уже 35 лет, в какое-либо другое министерство, — в тот же день отвечал Милютин, — нужно иметь в виду все данные, обуславливающие нынешние отношения Академии к Военно-медицинскому ведомству. Данные эти собираются по моему распоряжению и когда подготовительная работа будет окончена, тогда я буду иметь честь уведомить Ваше сиятельство. Вопрос этот более сложен, чем кажется с первого взгляда, и связан с финансовыми соображениями, а потому, во всяком случае, не может быть разрешен наскоро» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 28. Л. 1; Д. 47. Л. 1). В начале января 1874 г. военный министр, ранее затягивавший обсуждение вопроса о передаче Медико-хирургической академии, по-видимому, решил перехватить инициативу.
- ¹¹⁶ В фонде Д.А. Милютина сохранилась литографированная записка «Сведения о беспорядках, происходивших в Седлецкой губернии по случаю восстановления в Греко-униатских церквях правильного богослужения», составленная для Особого совещания, обсуждавшего в марте 1874 г. положение в Холмской Греко-униатской епархии (см. запись, сделанную в дневнике Милютина 17 марта 1874 г. и примечание к ней). Судя по позднейшей записке Милютина, эти мате-

риалы были им «отложены в число хранящихся отдельно любопытных документов» (ОРРГБ. Ф. 169. К. 43. Д. 13. Л. 1).

Беспорядки, возникшие зимой 1873/74 гг. в Седлецкой губернии, были связаны с изданием 20 октября 1873 г. циркуляра Холмской консистории «об очищении греко-униатской обрядности» от элементов католического богослужения.

Меры, направленные на восстановление православной литургической практики в Холмской Греко-униатской епархии, принимались уже с 1866 г. Для этого в епархию активно привлекались униатские священники из соседней Галиции, заменявшие представителей местного духовенства, находившихся под польским влиянием. Замена местных священников выходцами из Галиции и молодыми выпускниками холмской семинарии стала массовой после того, как в 1871 г. управляющим Холмской епархией стал М. Попель. В Люблинской губернии исправление обрядов происходило успешно и не сопровождалось какими-либо эксцессами. В Седлецкой губернии, где польское и католическое влияние было сильнее, дело шло хуже. В 1871 г. здесь уже возникали волнения, вызванные выносом из храмов скамеек и органов. Для прекращения беспорядков приходилось вызывать войска, Попель с трудом смог успокоить прихожан. В отличие от Попеля, старавшегося постепенно готовить прихожан к восстановлению в храмах православных обрядов и молитв, седлецкий губернатор С.С. Громека (привлеченный на службу в Царство Польское еще Н.А. Милютиным) настаивал на решительных действиях. Он требовал от духовенства губернии восстановления «восточного обряда» во всей его полноте не позднее 1 января 1874 г. (при этом он сам признавал неблагонадежными 57 из 99 местных священников). 19 священников протестовали против такого требования и были удалены со своих приходов. Однако это еще больше обострило конфликт. В результате, когда в конце декабря 1873 г. униатское духовенство стало совершать литургию в соответствии с требованиями богослужебного устава, это вызвало протесты со стороны верующих. В целом ряде приходов Бельского, Влодавского, Радинского и Константиновского уездов Седлецкой губернии прихожане нарушали порядок во время богослужения, оскорбляли священнослужителей, ломали иконостасы, захватывали ключи от храмов или устанавливали в них новые замки, препятствуя совершению службы. Увещания местных властей на крестьян не действовали. 30 декабря Громека вызвал войска.

В Бельском уезде, несмотря на то, что в различных приходах толпы протестующих униатов насчитывали от 150–200 до 2 тыс. человек, отряду подполковника Гуленко (Казачья сотня и 3 роты 5-го гренадерского Киевского полка) удалось к 10 января восстановить порядок «без всяких несчастных случаев». Крестьян, не позволявших священникам совершать богослужение, уговаривали разойтись, после чего проявивших упорство разгоняли нагайками, а зачинщиков арестовывали.

вали. Во Влодавском и Константиновском уездах сопротивление оказалось более жестким. 5 января 1874 г. в Дрелеве попытка подполковника Бека разогнать бесчинствовавшую толпу «силою, без употребления оружия» привела к тому, что 10 солдат получили ранения, а уездный начальник и его помощник были избиты. Тогда солдаты, в которых летели камни и колья, открыли стрельбу. Хотя Бек сразу же приказал прекратить стрельбу, один крестьянин был убит, а 10 — ранено. Бунтовщики были арестованы лишь на рассвете следующего дня, после чего вернули священнику ключи от храма и выразили покорность властям (14 человек было отправлено в тюрьму за побои, нанесенные солдатам и офицерам). В Константиновском уезде при столкновении с ротой подполковника Штейна было убито 9 и тяжело ранено 14 крестьян. Волнения стихли только в начале февраля 1874 г. (ОР РГБ. Ф. 169. К. 43. Д. 13. Л. 2—18). См. также записку «О восстановлении православия в бывших Греко-униатских приходах в Царстве Польском», составленную в октябре 1880 г. начальником Варшавского жандармского округа Свиты е. в. генерал-майором П.В. Оржевским: РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 23.

События в Седлецкой губернии сильно беспокоили Александра II. Получив 3 января от гр. П.А. Шувалова доклад, в котором приводилась телеграмма начальника Седлецкого губернского жандармского управления полковника Несветевича о том, «что во многих униатских приходах обнаружались сильные беспорядки и что призваны войска», император оставил помету: «Крайне неприятно! Сообщи Толстому». 6 января, узнав от Шувалова о беспорядках в Дрелеве и направлении туда войск, которым приказано «употреблять оружие осмотрительно и не преждевременно», Александр II писал: «Я не очень доверяю донесениям Громеки. Грустно, что довели до этого, но необходимо прекратить беспорядки во что бы то ни стало». 7 января Шувалов уже докладывал о восстановлении порядка. См.: ОР РГБ. Ф. 610. К. 1. Д. 9. Л. 1—4.

¹¹⁷ Под «недоразумением» в данном случае, по-видимому, подразумевался эпизод, имевший место в Бельском уезде. 1 января 1874 г. казачья сотня окружила толпу крестьян, стоявших вокруг церкви с. Заболотье, есаул потребовал от собравшихся разойтись по домам. Крестьяне ударили в набат, после чего толпа возросла до 2 тыс. человек и кольями оттеснила казаков. Не решаясь употребить оружие, командир сотни телеграфировал о сложившейся ситуации губернскому воинскому начальнику, который ограничился неопределенной рекомендацией восстановить порядок, действуя по обстоятельствам. «...Губернатор, — говорилось в записке “о беспорядках, возникших в Седлецкой губернии”, — со своей стороны, известил уездного начальника, что обязанность водворения порядка по закону лежит на командире сотни, и что если сей последний чувствует себя недостаточно сильным, то

должен сам требовать от воинского начальника усиления команды, но что порядок должен быть восстановлен безотлагательно» (эти слова Д.А. Милютин отчеркнул на полях карандашом). Получив телеграмму губернатора, есаул вновь просил воинского начальника разрешить применение оружия. Воинский начальник по-прежнему колебался, а тем временем губернатор решил направить в уезд пехотные войска и приказал есаулу ожидать подкреплений со штаб-офицером (ОР РГБ. Ф. 169. К. 43. Д. 13. Л. 3–4).

- ¹¹⁸ Едва ли Александр II сочувствовал этому предположению. «...Государь, — отмечал в дневнике П.А. Валуев, беседовавший с императором “о замещении гр. Берга” 7 января 1874 г., — считает еще необходимым соединение гражданской власти и военного начальства в одних руках, что чрезвычайно затрудняет выбор» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 291–292). Тем не менее, характерно, что Александр II фактически поощрял своих сотрудников обсуждать различные варианты решения спорного вопроса.
- ¹¹⁹ Согласно высочайше утвержденному 9 января 1874 г. положению Комитета министров, по случаю бракосочетания вел. княжны Марии Александровны с принцем Альфредом Эдинбургским лицам, высланным из губерний Западного края без лишения прав состояния и освобожденным от надзора полиции, разрешалось возвратиться на родину и предоставлялась свобода в выборе места жительства (за исключением столиц и столичных губерний). Ранее, в 1867 г., уроженцам Царства Польского и Западного края, высланным административным порядком, было предоставлено право переселиться в Царство Польское (эта мера не распространялась на католическое духовенство). В ноябре 1876 г., в связи с осложнением международного положения России, возвращение поляков в Царство Польское и Западный край на основании амнистий 1867 и 1874 гг. было приостановлено. Подробнее см.: ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 2. Д. 866; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 215–216, 298–299.
- ¹²⁰ Рескрипт Д.А. Милютину был опубликован в «Правительственном вестнике» 11 января 1874 г. (№ 9). Подлинник см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 84. Д. 47. Л. 3–6.
- ¹²¹ В дневнике вел. кн. Константина Николаевича нет никаких упоминаний о подготовке рескрипта Д.А. Милютину.
- ¹²² Высочайшая грамота гр. А.В. Адлербергу по случаю пожалования ему ордена Св. Андрея Первозванного была опубликована в «Правительственном вестнике» 13 января 1874 г. (№ 11) одновременно с манифестом о бракосочетании вел. княжны Марии Александровны и принца Альфреда Эрнеста Альберта Великобританского, герцога Эдинбургского. Кроме того, гр. П.А. Шувалову были пожалованы бриллианты

к ордену Св. Александра Невского, а гр. Д.А. Толстому — аренда в 3 тыс. руб. на 50 лет.

¹²³ Сенатор А.А. Половцов записал в дневнике 11 января 1874 г.: «...Собираются в З[имнем] дворце в 12 часов, церемония начинается в 1¹/₄, выход, у дверей церкви чуть не дерутся. Пробраться в Александровскую залу, где совершается англиканская церемония, мне удастся только по черным лестницам. Зала набита народом, по церемониалу не имеющим права тут быть. Государь ведет за руки венчаемых, придворные певчие поют псалмы по-русски, Dean Stanly говорит длинное слово. Все кончается в 3 ч., захожу к в[еликому] к[нязю] В[ладимиру] А[лександровичу] позавтракать, в 4 ч. опять собираются к обеду. 700 чел[овек] в Б[ольшой] Николаевской зале. В 8¹/₂ куртаг...» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 24).

Описание придворных торжеств оставил в своем дневнике и П.А. Валуев. «Сегодня происходило, — писал он, — согласно со стародавним церемониалом, бракосочетание вел. кн. Марии Александровны с принцем Альфредом. Я никогда еще не видал Зимнего дворца так полным и переполненным. Из августейших лиц присутствовали, кроме государя и императрицы, и цесаревича, и цесаревны, десять вел. князей, четыре вел. княгини, кронпринцы Прусский и датский, принц Валлийский, кронпринцесса прусская, принцесса М.М. Баденская, принцесса Ольденбургская, принц Артур Великобританский, герцог Кобургский, три принца Ольденбургских и принц Александр Гессенский. Иностранцев разных свит до 50. Многочисленность наших придворных чинов со дня на день становится неудобнее. От них нигде нет места. Я должен был выйти из церкви и потому не присутствовал на бракосочетании по нашему обряду, но я хорошо видел и слышал английский обряд, совершавшийся в Александровском зале деканом Вестминстерским. Выражение лица императрицы во время этого обряда было до того страдательное нравственно и физически, что при каждом взгляде на нее мои глаза тускнели от приступа слез, и я вынужден был обращать их на других лиц. Вел. княжна, несмотря на бремя бриллиантового венца, бархатной мантии и пр., выдержала оба обряда без изнеможения. В 5 часов был обед на 700 кувертов и действительно обедало 690, тогда как до сих пор не случалось, чтобы обедавших за один раз было более 560» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 292–293).

О церемониале бракосочетания вел. княжны Марии Александровны и принца Альфреда Эдинбургского см.: Правительственный вестник. 1874. № 8. 10(22) января.

¹²⁴ В своем дневнике А.А. Половцов передает этот эпизод более драматично: «Суворов обиделся, что на большом свадебном обеде не нашел места, и в мундире и бриллиант[овых] звездах поехал обедать в трак-

тир, крича, что ему в Зимнем Дв[орце] не нашлось места» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 27).

- ¹²⁵ Имеются в виду виленский генерал-губернатор А.Л. Потапов и киевский генерал-губернатор кн. А.М. Дондуков-Корсаков.
- ¹²⁶ Высочайшим повелением 11 мая 1873 г. были прекращены все дела об имущественной ответственности убитых или пропавших без вести участников польского мятежа 1863 г. Запрещалось впредь возбуждать дела о конфискации имущества повстанцев. 15, 22 и 29 января 1874 г. Комитет министров рассматривал вопрос о том, распространяется ли данное повеления на имения, которые до 11 мая 1873 г. подлежали конфискации согласно судебным решениям, но еще не поступили в казну, так как для этого требовались дополнительные административные распоряжения (например, выделение конфискованной части в имениях, принадлежавших нескольким владельцам и т. п.). На основании высочайше утвержденного 3 февраля 1874 г. положения Комитета министров окончательно конфискованными признавались лишь те имения, которые уже фактически были переданы в казну. Остальное конфискованное имущество возвращалось наследникам мятежников. Они получили даже поступавшие от крестьян выкупные суммы (в том случае, если они еще хранились депозитами в казначействах и кредитных учреждениях). Подробнее см.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1874. Д. 3702. Л. 431–450; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 300.
- ¹²⁷ В 1874 г. в Комиссии по рассмотрению отчета министра народного просвещения за 1873 г. кн. Д.А. Оболенский потребовал объяснений по поводу слов о систематическом противодействии других ведомств Министерству народного просвещения, а затем представил записку с критикой поспешных и односторонних действий гр. Д.А. Толстого и его подчиненных. Комиссия решила пригласить министра для объяснений, при этом ее председатель принц П.Г. Ольденбургский уговаривал кн. Оболенского кончить дело миром. Заседание комиссии с участием гр. Толстого началось с молебна в домово́й церкви принца, на заседание подали мороженное и конфеты. В ходе заседания гр. Толстой критиковал военное ведомство, а кн. Оболенский возражал и доказывал, что ответственность за «противодействие» лежит на самом министре народного просвещения. В результате, гр. Толстой заявил, что готов исключить из своего отчета выпады против других ведомств (отчет еще не читался императором, и впоследствии должен был быть опубликован с купюрами). Принц Ольденбургский с радостью согласился на это, и кн. Оболенский вынужден был уступить. Поданный императору журнал Комиссии не содержал никаких критических замечаний относительно отчета министра. См.: *Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского.* СПб., 2005. С. 360–362.

¹²⁸ П.А. Валуев писал 22 января про происходившие в Комитете министров «жаркие прения об окончательном прекращении конфискационных дел, согласно с общим смыслом высочайшего повеления 11 мая 1873 г.»: «...Были разные толки о государственных интересах, но, как скоро гр. Шувалов и я согласились выгородит разных лиц, которым были обещаны доли конфискованных имений, все эти толки прекратились и оказалось, что tutti d'accordo [все согласны, — *итал.*]. При этом министр внутренних дел говорил об интересах лиц, проливавших кровь за отечество, запамятовав ради удобства, что конфискационными прибытками воспользовались сенатор Катакази, гр. Блудова, а желают воспользоваться гг. Победоносцев, Токарев и пр....» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 295). См. также коммент. 126.

¹²⁹ «Правительственный вестник» сообщал: «На обеде, бывшем 3-го сего февраля в Зимнем дворце, в Концертном зале, его величество Государь император изволил провозгласить тост за здоровье его величества императора Австрийского — короля Венгерского в следующих выражениях: “Пью за здоровье друга моего императора Франца-Иосифа, которого мы радуемся видеть среди нас. В дружбе, связующей нас обоих с императором Вильгельмом и с королевой Викторией, усматриваю я самый верный залог мира в Европе, столь всеми желаемого и столь для всех необходимого”. На эти слова его величество император Австрийский — король Венгерский изволил ответить: “Преисполненный благодарности за дружеский прием, здесь мною встреченный, и искренно разделяя убеждения и чувства, только что выраженные августейшим другом моим, я пью за здоровье его величества императора, ее величества императрицы и всего августейшего Дома. Да будет над ними благословение Божие”» [Правительственный вестник. 1874. № 30. 5(17) февраля].

Тост Франца-Иосифа, по-видимому, действительно не произвел впечатления на присутствующих. Вел. кн. Константин Николаевич записал в дневнике лишь то, что «Государь пил его здоровье, сказавши несколько прекрасных слов, рассчитанных для Европы» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 16). П.А. Валуев ограничился констатацией того, что «текст двух императорских тостов в газетах» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 296–297).

¹³⁰ Имеется в виду Николаевское инженерное училище, размещавшееся в Инженерном (Михайловском) замке.

¹³¹ Кавказский комитет (1833–1882) — высший законосовещательный и административный орган по делам Кавказа. В состав комитета входили председатель Департамента законов Государственного совета, шеф жандармов, министры иностранных и внутренних дел, военный, финансов, государственных имуществ и юстиции, членами комитета также являлись вел. кн. Константин Николаевич (с 1856 г.), В.П. Бут-

ков (с 1858 г.) и др. Председательствовал в комитете председатель Комитета министров. В 1860—1870-е гг. сколько-нибудь важной роли комитет не играл. Уже в 1864—1865 гг. обсуждался вопрос об его упразднении. Однако тогда из-за разногласий между кн. П.П. Гагариным и В.П. Бутковым он решен не был. Тем не менее, законодательные дела, касавшиеся Кавказа, в 1865 г. были переданы в Государственный совет. В основном комитет рассматривал вопросы, связанные с назначениями, наградами, пенсиями, сложением долгов и недоимок, помилованием, взысканиями по службе, возвращением на родину. После упразднения комитета в 1882 г. его дела были переданы в ведение Комитета министров. См.: ПСЗ-II. Т. 40. № 42311; РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 37. Л. 23—28; *Лисицына Г.Г.* Кавказский комитет — высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845—1882) // *Россия и Кавказ сквозь два столетия.* СПб., 2001. С. 154—167.

¹³² Результатом этой работы стала известная книга А.П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П.Д. Киселев и его время» (Т. 1—4. СПб., 1882).

¹³³ «...Вчера умер в 4 часа почтенный Владимир Иванович Назимов, — записал 12 февраля 1874 г. в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — В 1 ч. была панихида, на которую я ездил с женою, и где был и Государь. Дождаясь его, говорил с Милютиным про Амударьинскую экспедицию Николы [т. е. вел. кн. Николая Константиновича, которого предполагалось тогда направить в Среднюю Азию, — *А.М.*], и про созыв представителей земства, но он очень опасается собственно потому, что мысль происходит от Шувалова, и что он боится *les arriere pensees* [задних мыслей, — *фр.*]» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 21).

Об инициативах гр. П.А. Шувалова см. запись, сделанную Д.А. Милютиным 19 февраля 1874 г. и коммент. 135.

¹³⁴ Новые правила организации железнодорожных акционерных обществ были введены в 1873—1874 гг. по инициативе министра путей сообщения гр. А.П. Бобринского. 19 февраля 1873 г. Гр. Бобринский рассказывал А.А. Половцову, что уже намеревался покинуть свой пост, поскольку Александр II непременно желал передать концессию на строительство одной из железных дорог представителям кн. Г.Г. Гагарина, «лишившего места в Академии и нуждающегося в деньгах». 15 февраля он объяснял по этому вопросу с императором, который заставил его целый час ожидать приема, чтобы удалить из кабинета наследника престола и обсуждать железнодорожные дела конфиденциально. Александр II старался успокоить министра и говорил: «Делай, что хочешь, я тебе обещаю, что на будущее время ни я, ни императрица не будем более вмешиваться в эти дела». Однако Бобринский заявил, что «не желал бы быть ответственным только пред своею совестью». При этом он указывал, что «в государствах конституционных м[инист]ры ответственны пред палатами, а здесь я ни пред кем не был бы ответственен». Тогда Александр II предложил образовать «маленький комитет», включив в него

гр. С.Г. Строганова, К.В. Чевкина, М.Х. Рейтерна и А.А. Абазу. Но в этом случае, по словам Бобринского, императору пришлось бы выбирать между ним и тандемом Рейтерна и Абазы. В результате, министру путей сообщения было поручено подготовить на сей счет особые правила. По мнению гр. Бобринского, уступчивость Александра II объяснялась скандалами вокруг железнодорожного строительства в Пруссии, получившими в это время огласку. «...Проект у Бобринского готов, — писал 19 февраля Половцов, — и заключается в том, чтобы правительство, признав необходимость дороги, выпускало акции и затем предоставляло самим акционерам избирать правление, устранив, таким образом, вопрос о концессиях...» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 11—12).

28 февраля 1873 г. гр. А.П. Бобринский представил всеподданнейший доклад, в котором критиковал сложившийся порядок выдачи концессий, предоставлявший министру путей сообщения «чрезмерные полномочия» и возлагавший на него «громадную ответственность» за выбор концессионера и определение поверстной стоимости дороги. «...Эти полномочия и ответственность, — указывалось в докладе, — значительно превышают права и ответственность, предоставленные вообще министрам в нашем государственном строе». Решительно осуждалась министрством и «терпимая ныне правительством система посредничества, не требующего ни капитала, ни знания, ни кредита», но позволяющая влиятельным в правительственных сферах лицам становиться учредителями акционерных железнодорожных обществ. «...Существование многих наших железнодорожных обществ — мнимо, — констатировал гр. Бобринский, — фирмы их — фальшивы; правления их — неправильны; акционеры их — подставные; акции их — не реализованы, а Министерство путей сообщения вынуждено оставаться безвластным свидетелем действий, прикрытых законными формами, но противных целям правительства, предприятия и казны».

Бобринский высказывался за строительство 14 новых железных дорог как при участии акционерных обществ, так и силами государства. Направление проектируемых железнодорожных линий, а также технические и финансовые условия их сооружения должны были заранее определяться инженерами Министерства путей сообщения. Правительство предварительно составляло и публиковало высочайше утвержденный устав создаваемого железнодорожного акционерного общества. Особая межведомственная комиссия (из представителей министерств финансов, путей сообщения и Государственного контроля) устанавливала размер капитала общества и цену его акций, проводила открытую подписку на акции и созывала первое акционерное собрание, выбиравшее правление (при этом один из его директоров назначался правительством). 30 марта 1873 г. эти правила были утверждены Александром II.

Однако осуществление новых правил сразу же натолкнулось на противодействие со стороны министра финансов. Рейтерн не ставил под сомнение желательность привлечения в железнодорожные общества

широкого круга акционеров и устранения «концессионеров», однако считал предложения гр. Бобринского непрактичными и не достигающими цели. Он возражал против предварительного объявления размера основного капитала обществ и реализационной цены акций, а также настаивал на том, чтобы правительство предоставило акционерам бесспорную гарантию доходности акций. Министр финансов опасался, что создание новых железнодорожных обществ неблагоприятно отразится на курсе ценных бумаг как уже существующих компаний, так и правительства. Возобновление строительства даже отдельных железных дорог силами казны грозило, по мнению Рейтерна, нарушением бюджетного равновесия и потрясением всей системы государственного кредита. Поэтому он добивался ограничения числа строящихся линий и передачи в ведение Министерства финансов решения всех вопросов, связанных с финансовыми условиями возникновения новых железнодорожных компаний, проведением подписки на акции и проч. Зимой 1873/74 г. при активной поддержке вел. кн. Константина Николаевича Рейтерн добился одобрения своих взглядов в Комитете министров и Комитете финансов. 14–16 марта в Москве и Петербурге прошла подписка по новым правилам на акции Фастовской и Оренбургской, а 12–13 апреля 1874 г. — Уральской и Привислянской железных дорог. Условия подписки, разработанные в Министерстве финансов, на деле способствовали скупке акций железнодорожными «королями» (их фактическими владельцами стали М.А. Варшавский, П.И. Губонин, Л.Л. Кроненберг и С.С. Поляков). Подробнее см.: *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 2. СПб., 1902. С. 126–174; *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 110–111.

Несмотря на постоянные разногласия с М.Х. Рейтерном (в том числе и по вопросам железнодорожного строительства), Д.А. Милютин в целом невысоко оценивал и политику гр. А.П. Бобринского. Военный министр считал его человеком некомпетентным и самоуверенным. «Несостоятельность его выказалась очень скоро, — писал Милютин позднее в своих «Воспоминаниях», — к тому же в его образе действий и речах обнаруживался такой недостаток последовательности и правдивости, что даже официальные заявления его нельзя было принимать на веру, и никто не придавал значения его словам». Впрочем, Милютин признавал, что гр. Бобринский в меру сил и способностей старался бороться с системой выдачи концессий на строительство железных дорог. См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 416–417.

¹³⁵ Ср. запись за 19 февраля 1874 г. в дневнике П.А. Валуева: «Заседание Комитета министров при вел. кн. генерал-адмирале. Шуваловская идея комиссии из земских и дворянских представителей для разработки “законопроектов” в виде короллариев моей сельскохозяйственной комиссии.

Три часа толков без результата, кроме обнаружения всеобщей разногласности, несмотря на то, что гр. Шувалов все время говорил “мы”, как будто несколько из нас действительно в чем-либо или на что-либо согласились. Как на предварительном совещании у министра внутренних дел 1-го числа, я указывал на бесповоротное значение призыва *всех* вместо нескольких председателей и предводителей. Кн. Горчаков и министр финансов со мною соглашались. Военный министр по вопросу о найме рабочих попытался призвать их самих к законодательствованию. Председатель предъявил заранее написанное им “окончательное мнение”. Вел. князь попробовал эскамотировать дворянских предводителей, хотя на бывшем у него предварительном совещании (к счастью, без меня по нездоровью) гр. Шуваловым и Тимашевым о том придатке к “земцам” его высочеству было заявлено. Гр. Пален высказался в пользу призыва *всех*, Абаза — тоже, Грейг — против, Толстой, кн. Урусов и Краббе отмолчались, принц Ольденбургский и министр финансов были в пользу призыва “экспертов”. Одним словом, полнейшая пестрота и неясность предположений, мнений, желаний, убеждений. Я ничего не сказал о министре внутренних дел. Он говорил несколько раз, но из того, что он говорил, решительно нельзя было заключить о том, что он думал. Наконец, мы отложили и разъехались» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В двух томах. Т. 2. М., 1961. С. 299–300).

«...В $\frac{3}{4}$ 2 в Комитет министров, — записал 19 февраля в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — Обсуждали предложение о вызове председателей земских управ для рассмотрения хозяйственных [дел], начав на первый раз с вопроса о найме рабочих. Спорили жестоко до 5 ч. и ни к какому результату не пришли. Кто в лес, кто по дрова. Все заседания оставило очень неприятное впечатление. Под конец заговорили о призыве и дворянских представителей, против чего я решительно воспротестовал. Отложили до будущего [вторника]...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 24–25).

Подробнее о предложениях гр. П.А. Шувалова см.: *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978. С. 67–118. См. также коммент. 74.

¹³⁶ По свидетельству вел. кн. Константина Николаевича, на заседании Особого присутствия (продолжавшемся с 1 ч. до $\frac{1}{2}$ 5 ч. пополудни) «главный спор был с Толстым по программе экзаменов для вольноопределяющихся 3-го разряда» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 26). Согласно Уставу о воинской повинности, желающие поступить в сухопутные войска вольноопределяющимися 3-го разряда (см. коммент. 88) должны были представить свидетельство «о выдержании особого испытания по программе, устанавливаемой по взаимному соглашению министров военного и народного просвещения» (ст. 171 § 3). Между тем при согласовании данной программы между Д.А. Милютиным и гр. Д.А. Толстым возникло разногласие. Министр народного просвещения настаивал: «1, чтобы

знания начальной геометрии могли быть заменяемы сведениями из иностранных или древних языков; 2, чтобы слабое знание тех предметов, в которых положено испытывать молодых людей, могло быть возмещаемо знакомством с некоторыми образцовыми произведениями русской литературы; 3, чтобы испытания производились в гимназиях и реальных училищах Министерства народного просвещения». Причем программа экзамена должна была составляться на один год для того, чтобы требования к экзаменуемым постепенно повышались. Со своей стороны, военный министр «находил возможным заменить экзамен из геометрии только экзаменом из алгебры» и считал необходимым разрешить сдачу соответствующего экзамена не только в гимназиях и реальных училищах, но и в военно-учебных заведениях (РГИА. Ф. 1246. Оп. т. 16. 1874. Д. 5; Отчет по Государственному совету за 1874 год. СПб., 1876. С. 46–48).

«...Толстой был по обыкновению ужасно упрям, — писал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич, — но мы его переспорили, и заключение вышло единогласное» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 26). П.А. Валуев также отметил в своем дневнике обсуждавшееся в Особом присутствии «разногласия министров военного и народного просвещения по мелочным вопросам»: «...Обычная узость взгляда гр. Толстого. На этот раз и гр. Шувалов с невероятной поверхностностью и самоуверенностью предполагал устранить встреченные затруднения импровизированным им способом. Но этот способ оказался противоречащим только что изданному закону, несогласным с собственными мнениями гр. Шувалова при обсуждении этого закона и до того основанным на пренебрегающем неведении всякой терминологии, что духовные училища назывались семинариями, а вольноопределяющиеся 3-го разряда смешивались с вольноопределяющимися 1-го и 2-го. *Le tout double d'un arlomb presque impertinent* [Все это с апломбом на грани наглости, — *фр.*]. Мне удалось указать диагональный исход из этих запутанностей. Этим исходом присутствие вышло и разъехалось» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 300). В итоге, Особое присутствие по всем вопросам согласилось с военным министром.

¹³⁷ Согласно заключению Комитета министров, соответствующим ведомствам поручалось подготовить законопроекты по вопросам, поднятым «Валуевской комиссией» (см. коммент. 73). Затем законопроекты, требующие обсуждения с участием лиц, знакомых с местными обстоятельствами, передавались на рассмотрение особых комиссий, в которые по высочайшему усмотрению призывались губернские предводители дворянства, председатели губернских земских управ, городские головы, «лица торгового звания» и проч. Обсужденные в подобной комиссии законопроекты вносились в Государственный совет (РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1874. Д. 3704. Л. 541–542). Данное заключение было предложено П.А. Валуевым. См.: Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 301.

- ¹³⁸ Первоначально гр. П.А.Шувалов предусматривал обсуждение журнала Комитета министров по докладу Валуевской комиссии в Совете министров (т. е. под председательством императора). Но уже в начале марта 1874 г. он счел такое обсуждение излишним. См.: Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 301.
- ¹³⁹ Возможность предоставления гражданских прав раскольникам с середины 1850-х гг. неоднократно обсуждалась в правительственных сферах. По словам барона М.А. Корфа, «до 1855 года раскольники, строго преследуемые, не имели, можно сказать, никаких признанных прав и по положению своему не шли даже в сравнение с евреями, магометанами и самыми язычниками». Вместе с тем, среди высокопоставленных сановников становилось все больше тех, кто, ссылаясь на «столетний опыт», полагал, что «убеждения несчастных заблуждающихся, плод преимущественно невежества, невозможно изменить одним действием материальной силы». В результате, к началу 1860-х гг. «место неуклонной строгости заступили терпимость и снисхождение» (хотя преследование духовных лидеров раскола продолжалось). В 1861 г. детям раскольников было предоставлено право обучаться в учебных заведениях, а сами раскольники получили возможность участвовать в сельских выборах. В 1863 г. им разрешили записываться в купеческие гильдии на общем основании, тогда же свидетельствование тел умерших раскольников было возложено на волостное начальство (ранее этим занималась полиция, что сильно осложняло дело и давало повод к злоупотреблениям). Раскольники также получили большую свободу распоряжаться своим имуществом по духовным завещаниям (ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2863. Л. 8–9).

В 1864 г. Александр II создал под председательством гр. В.Н. Панина Временный комитет для пересмотра постановлений, касавшихся раскольников. В состав комитета вошли архиепископы Платон (Рожественский), Филофей (Успенский), протопресвитер В.Б. Бажанов, шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков, министр внутренних дел П.А. Валуев, министр юстиции Д.П. Замятнин, обер-прокурор Св. Синода А.П. Ахматов и статс-секретари Д.М. Сольский и кн. С.Н. Урусов. Члены комитета, заседавшего с 14 марта по 19 мая 1864 г., признали необходимым облегчить положение раскольников и расширить их гражданские права, исключение делалось лишь для «более вредных» сект (к их числу, согласно принятой комитетом классификации, относились не только хлысты и скопцы, но и большинство беспоповцев). В частности, комитет высказался в пользу регистрации полицией браков раскольников. Рекомендации комитета 12 августа 1864 г. обсуждались в Совете министров и были утверждены Александром II. Однако фактически реализация их была приостановлена [возможно, на это повлияла критика предположений комитета со стороны митрополита Филарета (Дроздова)].

Только в ноябре 1868 г. в Министерстве внутренних дел началась подготовка правил о метрической записи браков, рождения и смерти

раскольников. 4 и 11 марта 1874 г. данный законопроект рассматривался в Общем собрании Государственного совета. «...В 1 ч. Совет. Шло важное и интересное дело о гражданских браках раскольников, — писал 4 марта 1874 г. в дневнике вел. кн. Константин Николаевич (материалы этого дела он начал изучать еще 19 февраля 1874 г., а 1 марта специально говорил «про предстоящее дело раскольничьих браков» с А.В. Головинным, выступавшим за предоставление раскольникам полной свободы, и Д.М. Сольским). — Сперва протестовал против этого Делянов. Но так как есть высоч[айшее] повеление 1864 года, то я ему помог выйти из этого затруднения. Два разногласия: об оглашении браков, и о способе узаконения детей, прошли после долгих и интересных споров, с большим большинством на моей стороне. Потом пошло предложение Шувалова о том, чтоб упомянуть в первой статье о раскольничьих обрядах, дабы это был первый шаг к полной веротерпимости. Тут поднялась целая буря и сильные и серьезные возражения. Уже было 5 ч. и все были утомлены, а дело слишком серьезно, чтоб его решить налегке, en passant [мимоходом, — *фр.*]. Потому я продолжение прений отложил до следующего [понедельника], а до этого будет еще домашнее совещание в [пятницу] у Тимашева. Потом еще продолжались в моей комнате разговоры об этом между Шуваловым и Победоносцевым...». 11 марта члены Государственного совета, по словам великого князя, «благополучно кончили дело о признании браков раскольников»: «Рассуждения были дельные, спокойные и интересные» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 30–31, 35).

Однако далеко не все участники обсуждения этого дела остались довольны его результатами: «...Приходится бороться без успеха с помрачением ума и с либеральными юродствами, которыми все заражены у нас, — писал 17 марта 1874 г. К.П. Победоносцев Е.Ф. Тютчевой, — и наверху потеряно верное чутье, особливо во всем, что касается до Церкви» (ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Д. 9. Л. 14). П.А. Валуев, в начале 1860-х гг. поднявший вопрос о легализации браков раскольников, а в 1874 г. самоустранившийся от «бесполезного участия в словопрениях», также оставил в дневнике раздраженный комментарий: «...Вопрос был десять лет в дороге. Мухи налетели при въезде во двор». По его мнению, в этом вопросе «все были убеждены заранее и всякий решился не убеждаться вновь». Даже инициативу гр. П.А. Шувалова, вполне соответствовавшую его собственным намерениям и взглядам, Валуев склонен был объяснять лишь «полусмутным сознанием своего значения и некоторым прогрессивно усиливающимся зудом прилагать свою печать к важнейшим современным делам» (причем, как считал Валуев, шеф жандармов, «очевидно, не имел полного сознания всех последствий своего предложения»). См.: Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 301–304.

«...Из совокупности различных эпизодов, возникших при обсуждении этого вопроса в Общем собрании Государственного совета,

выяснилось, — отмечал кн. Д.А. Оболенский, — что руководители всего этого дела — граф Шувалов и Валуев — опасались противодействия со стороны Государя, ежели дело будет представлено в настоящем его виде, т. е. что этим законом, с одной стороны, официально признается раскол за законное явление, а с другой — допускается в нашем законодательстве принцип гражданского брака...». «...Не думаю, — добавлял князь, — чтобы главные руководители раскольнического вопроса сознавали всю важность этого вопроса, но, по моему мнению, можно скорее радоваться, что так сложились обстоятельства». Со своей стороны, князь ожидал от сделанного шага серьезных последствий: «...В непродолжительном времени представлены будут меры, уже прямо устанавливающие равноправие всех раскольнических сект с православной церковью. Но так как равноправности между церковью, находящейся в полном и рабском подчинении светской власти, и церковью, вне всякого подчинения состоящей, быть не может, то на деле церковное устройство раскола будет иметь столь огромное преимущество перед господствующей православной церковью, что преобладание первой, по моему мнению, несомненно, ежели господствующая православная церковь тем или другим путем не выйдет из своего униженного и порабощенного состояния. Мне кажется, в недалеком будущем православная Церковь должна будет пробудиться или слиться с расколом, чтобы этим путем получить свободу.. Я не сомневаюсь, что лучшие представители нашей Церкви станут во главе раскольничьего движения, когда увидят ясно, что этим путем они могут восстановить свободную православную церковь, они очистят раскол от его грубых и невежественных элементов, и тогда неудивительно будет, ежели в недрах официальной православной церкви [останется] лишь одно придворное духовенство с его паствой...» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. М., 2005. С. 350–351).

На деле события развивались отнюдь не столь драматично. 19 апреля 1874 г. Александр II утвердил «Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников», в соответствии с которыми ведение метрических книг возлагалось на полицию. См.: ПСЗ-II. Т. 49. Отд. 1. № 53391. Однако порядок ведения записей оказался настолько запутан, что воспользоваться новым законом было довольно трудно. Как писал уже в XX в. известный старообрядческий начетник и публицист Ф.Е. Мельников, «этим законом почти никто из старообрядцев не воспользовался»: «...Во-первых, самые браки в полицейских метриках, в которые они записывались, именовались “раскольническими”. Конечно, старообрядцы не соглашались на такую запись. Во-вторых, от записывающихся требовалось представить доказательства, что они от рождения “раскольники” и никогда ни сами, ни их родители не принадлежали к “православию”. Разумеется, и таких доказательств, старообрядцы представить не могли, потому что именно себя они признавали подлинно православными, а не раскольниками, и, кроме того, сотни тысяч, если не миллионы старообрядцев по официальным документам еще с петровского времени... числились “православными” (казенно-

православными), как незаписные старообрядцы, хотя и сами, и их отцы родились и крестились в старообрядчестве... Да и самая запись эта, установленная правительством, носила характер гражданского брака и сопровождалась циничными расспросами и разного рода насмешками полицейских чиновников. Так закон 1874 г. о “раскольнических браках” и остался мертвым и никому не нужным...» (*Мельников Ф.Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 269).

О подготовке и обсуждении в Государственном совете проекта: «Правил о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников» подробнее см.: РГИА. Ф. 1149. Оп. т. VIII. 1873. Д. 101; Отчет по Государственному совету за 1874 год. СПб., 1876. С. 107–125; *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2003. С. 161–181.

- ¹⁴⁰ Вел. кн. Константин Николаевич писал 8 марта в дневнике: «...В 1 ч. у меня совещания с министрами о вопросе об углублении Волги по Камызыку. — Мне удалось спасти ее от смертного приговора, произнесенного комиссией Бобринского, который сам отказался от своего бывшего мнения и притом лгал с невероятною наглостью...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 33).
- ¹⁴¹ Данной записки в фонде Д.А. Милютин в ОР РГБ (ф. 169) не обнаружено.
- ¹⁴² См. коммент. 116. Следует отметить, что беспорядки в Седлецкой губернии никак не были связаны с распоряжениями гр. Д.А. Толстого, а в Люблинской губернии серьезных волнений не было вовсе. Тем не менее косвенно гр. Толстой нес ответственность за эти события, поскольку с сентября 1868 по декабрь 1874 г. делами греко-униатов Царства Польского заведывало Министерство народного просвещения.
- ¹⁴³ Комитет по делам Царства Польского (1864–1881 гг.) — высший комитет, созданный для наблюдения за проведением преобразований в Царстве Польском после мятежа 1863 г. (в том числе — за крестьянской реформой, организацией судопроизводства, переустройством городского управления, финансовыми мерами и проч.). Комитет состоял из лиц, особо назначенных императором, председательствовал председатель Комитета министров. До 1 декабря 1866 г. комитет действовал негласно. По мере реализации реформ деятельность комитета сокращалась (если в 1867 г. им было решено 186 дел, то в 1878 г. всего 29, а к 1879 г. их оставалось лишь 10). См.: ПСЗ-II. Т. 41. № 43924; Т. 46. № 49392; РГИА. Ф. 1250. Оп. 2. Д. 37. Л. 19–22.
- ¹⁴⁴ Яркую характеристику герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого оставил в своем дневнике сенатор А.А. Половцов. «...Умирая, он, за исключением семьи своей, оставляет весьма мало людей о нем сожалеющих, — писал сенатор уже после смерти герцога 20 июня 1876 г., — а между тем он б[ыл] отнюдь не дурной и притом не глупый человек. Герцог

был обрачиком немецкого князька, хорошо образован, без особых блестящих способностей, склонный к удовольствиям великосветской и материальной жизни, он в течении 26 лет, проведенных в России, остался не только равнодушен, но несколько враждебен к окружавшей его среде, к кормившему его народу. Нравы, язык, обычаи, литература этого народа остались ему чужды, он не пытался с ними знакомиться, продолжая жить духовно в Германии и сосредоточивая в ней свои умственные интересы. Такое отчуждение не могло не отзываться на отношениях его к нам, русским; а если прибавить к тому, что порученное ему дело вооружения армии и командования стрелковыми батальонами тормозилось, потому что приходилось переводить все на немецкий язык, да еще кричать перевод в глухие его уши, если припомнить его постоянную торжественность, напыщенность, опасение уронить свое приращенное достоинство, то станет понятно, что число его сторонников, приятелей, делалось с каждым годом меньше. К тому же, соблюдая полную, иногда слишком чопорную вежливость, он не очень был склонен тратить деньги на приемы и угощения; у него был заветный предмет расхода, то был замок Ремплин в Мекленбурге, туда старался он отвозить все, что мог скопить лучшего; туда возил он как можно чаще и себя, и свое семейство, живя там среди своих соотечичей несравненно открытее, чем в несочувственном для него Петербурге. Петербургские гостиные нашли в нем, однако, вернейшую свою опору, он любил свет, охотно принимал всякие приглашения, разговаривая непринужденно, подчас интересно, но какая-то нравственная и даже физическая натянутость не переставали чувствоваться во всем его существе, а это чисто немецкое свойство страшно не по сердцу нашему брату русскому» (ГА РФ. Ф. 853. Оп. 1. Д. 11. Л. 48–50).

- ¹⁴⁵ Имеется в виду Николаевская академия Генерального штаба, основанная в 1832 г. по проекту Г. Жомини для подготовки офицеров Генерального штаба. О преобразовании Академии в 1860-е гг. см.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 231–232.
- ¹⁴⁶ Материалы Особого совещания см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 43. Д. 14–15.
- ¹⁴⁷ Переписку Д.А. Милютина с бар. А.Г. Жомини относительно проекта международной конвенции прав и обязанностей воюющих сторон и по вопросу о созыве Брюссельской конференции 1874 г. см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 38. Д. 3–4.
- ¹⁴⁸ Проект конвенции об определении законов и обычаев войны в фонде Д.А. Милютина не сохранился.
- ¹⁴⁹ Данные записки в фонде Д.А. Милютина отсутствуют. 4 мая 1874 г. Д.А. Милютин направил в Комитет министров обширную (96 страниц) печатную записку «О передаче Медико-хирургической академии из Военного министерства в ведомство Министерства народно-

го просвещения». Она сохранилась в Российской национальной библиотеке.

¹⁵⁰ Обстоятельства разоблачения вел. кн. Николая Константиновича подробно отражены в дневнике его отца — вел. кн. Константина Николаевича. В начале 1874 г. его старший сын подавал большие надежды: окончив в 1871 г. Николаевскую академию Генерального штаба, он участвовал в 1873 г. в Хивинском походе, заслужив похвалу К.П. фон Кауфмана (туркестанский генерал-губернатор представил его к производству в следующий чин), и вновь собирался вернуться в Среднюю Азию — на этот раз во главе экспедиции на Амударью. Между тем 8 апреля Александр II сообщил вел. кн. Константину Николаевичу неприятную новость: второй раз за зиму из комнат императрицы пропадают драгоценные вещи, причем оба раз — после семейных обедов. В это же время у вел. кн. Николая Константиновича исчезла коллекция золотых медалей (о чем он не торопился заявлять в полицию). 10 апреля пропажа была обнаружена и в Мраморном дворце: кто-то отодрал бриллиантовое сияние на одной из свадебных икон вел. кн. Константина Николаевича и вел. кн. Александры Иосифовны.

12 апреля Ф.Ф. Трепов уведомил вел. кн. Константина Николаевича о том, что похищенный венчик найден сысской полицией в ломбарде, куда его принес какой-то военный, судя по приметам, похожий на адъютанта вел. кн. Николая Константиновича Е.П. Варпаховского (14 апреля он был опознан лицами, принимавшими у него заклад). В то же время служащие в Мраморном дворце прямо указывали на подозрительное поведение вел. кн. Николая Константиновича. 15 апреля Трепов и вел. кн. Константин Николаевич допрашивали Варпаховского, который утверждал, что бриллиантов в ломбард не закладывал. Присутствовавший при допросе вел. кн. Николай Константинович заявил, «что, дабы только оградить Варпаховского, он готов взять вину на себя». Дело осложнилось, и вел. кн. Константину Николаевичу пришлось говорить с императором «про личность Варпаховского и характер и привычки Николая». Александр II приказал «передать следствие в руки жандармов», предоставив своему брату решить, следует ли его продолжать, или же прекратить. «...За обедом, — писал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич, — длинное про это объяснение с Николой, и решились просить: продолжать. Написал письмо об этом Шувалову и *два раза* его прочел Николе, чтоб заручиться его полным согласием. Он даже просил следствия над собою и самой полной публичности. У меня от сердца отлегло...».

Однако уже в тот же вечер Варпаховский признался, что именно он заложил бриллианты, а деньги, как установили жандармы, были переданы любовнице вел. кн. Николая Константиновича — американской танцовщице Фанни Лир. Гр. П.А. Шувалов сразу же сообщил о результатах расследования вел. кн. Константину Николаевичу, после чего они

всю ночь (с $1/2$ 1 до $1/2$ 4 ч.) допрашивали в Мраморном дворце вел. кн. Николая Константиновича. «...Совершенный ад для меня видеть духовное падение и растление Николы, — признавался его отец. — Никакого раскаяния, никакого сознания, кроме когда уже отрицание невозможно, и то пришлось вытягивать жилка за жилкой. Ожесточение и ни одной слезы...». Никаких сомнений в виновности молодого великого князя не оставалось. После допроса у него отобрали шпагу, оставив его в Мраморном дворце под домашним арестом. 15 апреля 1874 г. вел. кн. Константин Николаевич характеризовал как «самый ужасный день моей жизни, где я узнал, что мой сын вор и мошенник». На следующий день он вновь отмечал «у Николы ожесточение, фанфаронство, позирование и совершенная нераскаянность». См.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 51–57.

- ¹⁵¹ Вопрос о дальнейшей судьбе вел. кн. Николая Константиновича обсуждался Александром II 18 апреля вместе с вел. кн. Константином Николаевичем, гр. А.В. Адлербергом и гр. П.А. Шуваловым. Император сильно колебался и даже готов был объявить в приказе об увольнении своего племянника со службы. «...После долгих колебаний, — писал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич, — решились сперва выждать, что скажет докторское освидетельствование, и, какой бы ни был его результат, объявить его для публики большим душевным недугом, и запереть его как такового, и этим для публики и ограничиться. Государь предложил для этого Таврический дворец, с отделением части сада. Но для самого Николы устроить заточение в виде строгого одиночного заключения, с характером карательным и исправительным, и отнять у него и мундир, и эполеты, и ордена, но это для него, а не для публики, и все это по отобрании останется у меня. Я должен это ему сам завтра объявить. По окончании конференции сказал себе: “Слава Богу!”, потому что, как оно не больно и не тяжело, я могу быть отцом несчастного и сумасшедшего сына, но быть отцом сына-преступника, публично осельмованного, было бы невыносимо и сделало бы все мое будущее состояние невозможным. Сказал про это и императрице. На лестнице сказал в двух словах Рылееву...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 57–59).

Таким образом, огласка дела вел. кн. Николая Константиновича и его судебное преследование, на что возмущенный император, подавшись чувствам, мог согласиться, и на чем чуть ли не настаивала императрица, не только осложнили бы положение его отца при Дворе, но и поставили бы под вопрос продолжение его государственной деятельности. Характерно, что гр. Шувалов не только не попытался этим воспользоваться, но всячески поддерживал своего прежнего оппонента, выступая посредником между ним и императором (именно он 17 апреля по просьбе вел. кн. Константина Николаевича убедил Александра II в необходимости психиатрического освидетельствования вел. кн. Николая Константиновича). Сам великий князь признавал в своем дневни-

ке, что Шувалов «вообще во всем деле Николы показал себя очень хорошо и выказал теплое сердце» (Там же. Л. 61).

Как бы то ни было, 18 апреля было решено лишь формально объявить вел. кн. Николая Константиновича душевнобольным, тогда как на деле его предполагалось наказать как преступника (причем одиночное заключение было достаточно суровой карой за кражу бриллиантов, особенно если учесть, что карьера великого князя заканчивалась навсегда). Однако «отец русской психиатрии» профессор И.М. Балинский, вечером того же дня осматривавший вел. кн. Николая Константиновича, по словам вел. кн. Константина Николаевича, нашел его сына «решительно больным, и в таком положении, что про никакое наказание и речи быть не может, и что надо единственно заняться серьезным лечением». 19 апреля Александр II уезжал за границу. Уже в дороге (по пути от Петербурга до Гатчины) Балинский сумел убедить императора в том, что его племянник действительно серьезно болен. По словам вел. кн. Константина Николаевича, Балинский «Государя видел в первый раз и был ужасно застенчив», а «Государь его слушал сперва с видимым недоверием и смотрел на него очень строгим взглядом». «...Самое сильное впечатление, — писал великий князь, — сделано на него, когда Балинский ему сказал, что преступников, которых к ним присылают для испытания их умственных способностей, они содержат не как преступников, и без всякого карательного наказания, а только как больных, держа их под строгою дисциплиною заведения» (Балинский заведовал им же созданным в 1859 г. клиническим отделением душевных болезней в Медико-хирургической академии). В конце концов, Александр II смягчился и распорядился содержать вел. кн. Николая Константиновича как душевнобольного. Это решение вызвало недовольство и протесты со стороны императрицы. 24 мая она прямо заявляла доктору Н.Ф. Здекауеру, что не верит в болезнь племянника. Беседа 27 апреля в Штутгарте с гр. П.А. Шуваловым и А.М. Рылеевым, вел. кн. Константин Николаевич «узнал от них, что Государь страшно взволнован от петербургских сплетен и требований, но оба обещали, что он своего взгляда не изменит» (Там же. Л. 59–79).

¹⁵² «Денежные документы» вел. кн. Николая Константиновича были куплены у Ф. Лир за 50 тыс. руб. Однако этого американской авантюристке показалось мало, и год спустя она издала в Париже брошюру, в которой подробно описала свои петербургские похождения. См.: *Lear F. Le roman d'une americaine en Russie*. Paris, 1875. Прочитав эти мемуары, вел. кн. Константин Николаевич, по его словам, «ясно увидел из них всю систему наглой лжи, которой держался Никола постоянно со мною» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 109. Л. 74).

¹⁵³ См.: Отчет по Государственному совету за 1874 год. СПб., 1876. С. 60–65; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1874. № 66. Ст. 881. Постоянная повинность сохранялась на некоторых окраинах

империи (в Финляндии, Польше, на Кавказе и в Туркестане), а также в ряде особых случаев: по специальному распоряжению правительства в военное время, при объявлении местности на военном положении или в иной чрезвычайной ситуации, при кратковременной (не более трех дней) остановке войск, в первые три дня по прибытии войск на новые квартиры, а также при невозможности нанять для офицеров, нижних чинов или воинских заведений целой части помещения и квартиры за назначенные квартирные оклады. Кроме того, данная мера не распространялась на чинов гражданского и морского ведомств, пользовавшихся правом на постой. Реализация реформы потребовала 9 млн. рублей (до этого из казны выделялось на квартирное довольствие 3,66 млн рублей). Положение о преобразовании воинской квартирной повинности было утверждено Александром II 8(20) июня 1874 г.

- ¹⁵⁴ См.: Отчет по Государственному совету за 1874 год. СПб., 1876. С. 3–8.
- ¹⁵⁵ Ср. запись за 15 мая 1874 г. в дневнике П.А. Валуева: «...При озлобленном настроении Милютина и злобном Толстого надлежало ожидать весьма неприятной сцены. Удалось ее устранить или отсрочить предложением поручить особой комиссии под председательством одного из членов Комитета ближе разработать и пояснить вопрос. Грейг принял на себя этот нелегкий и малоприятный труд» (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 310).
- Журнал заседания Комитета министров см.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. 1874. Д. 3710. Л. 210–232.
- ¹⁵⁶ Вел. кн. Константин Николаевич записал 15 мая в дневнике: «...От 1/2 2 до 3 заседание у меня комиссии по воинской повинности по текущим делам. Толковали о меннонитах и неловких результатах, достигнутых посылкою к ним Тотлебена [см. коммент. 62, — А.М.]. Уговорили Милютина представить нам все дело о воинской повинности на Дону, тогда как он внес только один клочек. Тоже толковали и о крымских татарах» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 71).
- ¹⁵⁷ Репутация эрцгерцога Альбрехта опиралась на боевой опыт, приобретенный им в 1848–1849 гг. в Италии, а также на победу, одержанную им над итальянской армией 24 июня 1866 г. при Кустоци. С 1863 г. эрцгерцог являлся фельдмаршалом, а с 1866 г. — генерал-инспектором австрийской армии.
- ¹⁵⁸ А.В. Головнин писал летом 1874 г. по поводу назначения гр. П.А. Шувалова послом в Лондон: «...Итак, после восьмилетнего управления Россиею могущественный шеф жандармов, который увольнял и назначал министров, был самым доверенным лицом при Государе, мог говорить ему обо всем и обо всех, был в сущности первым министром, ибо большинство прочих министров были при нем как бы директорами департаментов, удаляется, конечно, временно, с тем, чтоб вернуться государственным

канцлером иностранных и внутренних дел и опять взять в руки кормило правления» (РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 14. Л. 25). Кн. Д.А. Оболенский также объяснял назначение гр. Шувалова послом в Лондон желанием в ближайшее время занять пост министра иностранных дел «и сделаться de facto первым министром» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 356–357).

Среди других возможных причин удаления гр. Шувалова назывались недовольство Александра II вмешательством шефа жандармов в дела других ведомств, а также попытками «слишком открыто» играть роль премьер-министра, бестактность графа по отношению к императору, враждебное Шувалову влияние на царя со стороны княжны Е.М. Долгоруковой, А.М. Рыльева, П.Н. Игнатьева, вел. кн. Ольги Николаевны и даже германского императора. См.: ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 410; Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 356–357.

Сам гр. П.А. Шувалов впоследствии (летом 1881 г.) в качестве основной причины своего удаления называл «нерасположение К[няжны] Д[олгоруковой]», результатом которого стали «мелочные придирки и сцены» со стороны императора. В начале 1870-х гг. отношения Александра II с гр. Шуваловым, внешне прекрасные, становились все более напряженными: во время Великого поста царь вызывал Шувалова перед исповедью, просил прощения за обидные слова и говорил, «что, кроме слов, он должен еще каяться в мыслях, для Шувалова нелестных». После этого кающийся самодержец подробно и с чувством излагал их своему подданному. «...Шув[алов], — передавал его рассказ в своем дневнике А.А. Половцов, — чувствовал, что так не может продолжаться, что отношения кончатся неприятностью и потому воспользовался первым удобным случаем, чтобы удалиться. Во время пребывания в Лондоне Государь сказал ему, что находит Бруннова выжившим из ума и признает невозможным дальнейшее его пребывание в качестве посла, особенно с тех пор, как в Лондоне должна будет жить герцогиня Эдинбургская. Шувалов предложил назначить его на этот пост, Государь очень обрадовался этой комбинации, тотчас согласился без всяких дальнейших объяснений, и одновременно жаловался всем членам своего семейства на неблагодарность Шувалова, который его покидает» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 19. Л. 77–80). Впрочем, в 1874 г. гр. П.А. Шувалов приписывал инициативу своего назначения послом в Лондон императору. См.: Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 2. М., 1961. С. 312.

¹⁵⁹ На случай отказа К.Н. Посыета, который долго не решался принять совершенно незнакомое министерство, в качестве кандидата на пост министра путей сообщения рассматривался другой моряк — ярославский губернатор И.С. Унковский. См.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 107. Л. 7.

¹⁶⁰ М.Х. Рейтерн действительно настаивал летом 1874 г. на отставке гр. А.П. Бобринского. В этом его активно поддерживал вел. кн.

Константин Николаевич. 1 июля 1874 г. великий князь от имени министра финансов говорил императору «о необходимости поскорее заменить Бобринского». 4 июля гр. Бобринский был уволен в отставку. См.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 107. Л. 7.

- ¹⁶¹ По-видимому, имеется в виду противодействие гр. А.П. Бобринского влиянию кн. Е.М. Долгоруковой на раздачу железнодорожных концессий. «Неудовольствие» императора могла также вызвать нескромность министра путей сообщения. Он не стесняясь рассказывал родственникам и знакомым скандальные подробности отставки своего предшественника гр. В.А. Бобринского (тот просил увольнения после того, как, вопреки его мнению, концессия на Севастопольскую железную дорогу была отдана П.И. Губонину, которому протезировали кн. Е.М. Долгорукая и ее брат). См.: ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.
- ¹⁶² Александр II действительно был невысокого мнения о гр. А.П. Бобринском. Как писал в своем дневнике А.А. Половцов, император говорил гр. П.А. Шувалову, что «все Бобринские, без исключения, сумасбродный народ, у них нет двух связных мыслей» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 19. Л. 74).
- ¹⁶³ Данная записка в фонде Д.А. Милютин отсутствует. Подготовка этой записки заняла немало времени. Еще 30 мая Д.А. Милютин говорил вел. кн. Константину Николаевичу о том, что «готовит доклад Государю о бородах в армии». «...Дай Бог, чтоб это удалось», — записал по этому поводу великий князь в дневнике (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 106. Л. 80).
- ¹⁶⁴ На этом совещании обсуждался вопрос об отношении к туркменским племенам, кочевавшим за рекою Атрек. Начальник Закаспийского военного округа ген.-майор Ломакин, с ведома своего непосредственного начальника ген. Франкини, весной 1874 г. обратился с воззванием к затрекским туркменам, призывая их к полному подчинению русским властям. Это воззвание вызвало большую тревогу в Тегеране, т. к. территория за рекою Атрек входила в состав Персии. Ген.-майор Ломакин объяснял свои действия тем, что персидское правительство фактически не распространяет своей власти на эти племена, которые к тому же значительную часть года кочуют в пределах Российской империи. Совещание предложило «вменить местной администрации Закаспийского края в обязанность действовать в этом деле с крайней осторожностью, избегая всяких насильственных мер к введению наших порядков среди туркменских аулов» (Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. № 6871. Л. 210). Вместе с тем совещание категорически воспретило распространять власть на эти племена после откочевки их из пределов Закаспийского края.

Совещание также отклонило предложение Кавказского военного округа о занятии русскими войсками на реке Атрек Баят-Ходжи-Олума (в 80 верстах от Каспийского моря). *Коммент. П.А. Зайончковского.*

- ¹⁶⁵ См. коммент. 4.
- ¹⁶⁶ В фонде Д.А. Милютинина указанный доклад не обнаружен. См. утвержденное военным министром 26 августа 1874 г. «Временное положение об управлении местными войсками в военных округах Европейской России» (СПб., 1874).
- ¹⁶⁷ Высочайшую грамоту Д.А. Милютину по случаю пожалования ему ордена Св. Андрея Первозванного см.: Правительственный вестник. 1874. № 221. 25 сентября (7 октября).
- ¹⁶⁸ Волнения студентов Медико-хирургической академии происходили с 17 по 24 октября 1874 г. Во всеподданнейшей записке о беспорядках в академии Милютин следующим образом характеризует причины студенческих волнений: «...В означенных беспорядках не было решительно никакого другого побуждения, кроме неудовольствия студентов на профессора Циона, не столько за его преподавание, сколько за экзамены и личное обращение его со студентами». *Коммент. П.А.Зайончковского*. См.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 41. Д. 3.
- ¹⁶⁹ В основе конфликта лежала вражда между Н.И. Козловым и П.А. Дубовицким, в 1860-е гг. реорганизовавшим Медико-хирургическую академию. Стремление Козлова после смерти Дубовицкого в 1868 г. изменить введенные им порядки встретило сопротивление так называемой партии Дубовицкого, во главе которой стоял его друг и сотрудник Я.А. Чистович. Борьба Козлова с Чистовичем шла до отставки последнего в 1875 г. Подробнее см.: Императорская Военно-Медицинская (Медико-Хирургическая) Академия. Исторический очерк. Ч. 2. СПб., 1910. С. 132–135.
- ¹⁷⁰ Конференция — коллегиальный орган управления Медико-хирургической академии, действовавший на тех же правах, что и университетский совет.
- ¹⁷¹ Вел. кн. Константин Николаевич, напротив, полагал, что участники заседания «пришли к соглашению, как действовать строгими, но не чрезмерными мерами»: «Временное закрытие курсов и рассылка участников беспорядков на родину» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 107. Л. 87).
- ¹⁷² См. донесения Д.А. Милютинина Александру II о волнениях в Медико-хирургической академии: ОР РГБ. Ф. 169. К. 41. Д. 3–4.
- ¹⁷³ Журнал заседания Особого совещания см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 12. Л. 4–6.
- ¹⁷⁴ См. материалы о создании особой временной комиссии для управления Медико-хирургической академии: ОР РГБ. Ф. 169. К. 41. Д. 5.
- ¹⁷⁵ Особая временная комиссия была создана из профессоров Медико-хирургической академии под председательством ген.-ад. А.А. Непкойчицкого. *Коммент. П.А. Зайончковского*.

Членами Комиссии стали Я.А. Чистович, А.М. Быков, С.П. Боткин, Н.Ф. Здекауэр, Э.А. Юнге, Ф.Я. Карель, ген. Г.Е. Паукер. Дело-производители — Ф.П. Ландцерт (ученый секретарь) и Кириллин. Фактическим руководителем комиссии был Н.И. Козлов, сторонниками которого являлись Ландцерт, Юнге, Быков, Карель, Здекауэр. Боткин на заседаниях почти не присутствовал.

- ¹⁷⁶ Журнал заседания Особого совещания см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 12. Л. 6–9.
- ¹⁷⁷ Журнал заседания Особого совещания см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 12. Л. 9–13.
- ¹⁷⁸ Журнал заседания Особого совещания см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 12. Л. 13–17. В докладе председателя Особого совещания П.А. Валуева Александру II отмечалось «отсутствие прямой организационной связи между учащимися и учащими». «...По замечанию генерал-адъютанта Милютина, — говорилось в журнале, — эта связь пресеклась при уничтожении всех признаков корпоративного устройства учащихся и при обращении их, так сказать, в публику вне стен учебных заведений». При этом Особое совещание не ставило под сомнение оправданность упразднения «корпоративного учебного строя» в 1863 г. См.: ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 2. Д. 77. Л. 1.
- ¹⁷⁹ Журнал заседания Особого совещания см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 12. Л. 17–20. Доклад Особого совещания см.: ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 2. Д. 77.
- ¹⁸⁰ Республиканский режим, установившийся в Испании после отречения от престола Амадея Савойского (11 февраля 1873 г.) не был прочным, не пользовался поддержкой испанского общества и не мог обеспечить консолидацию страны, в которой всюду шла гражданская война. Разногласия и борьба среди республиканцев лишь усиливали политический кризис. Попытки Ф. Серрано-и-Домингеса подавить мятежи и укрепить «консервативную республику» успеха не имели. 28 декабря 1874 г. после очередного военного переворота королем Испании был провозглашен 17-летний сын Изабеллы II, который учился тогда в английском колледже. Широко образованный монарх, несмотря на свою молодость, сумел под руководством Кановаса дель Кастильо добиться умиротворения в стране и поддерживать в ней относительный порядок на протяжении более 11 лет.
- ¹⁸¹ 9 июля 1875 г. был создан Комитет для подготовки данных к мобилизации войск (Мобилизационный комитет) Главного штаба, председателем которого стал начальник Главного штаба гр. Ф.Л. Гейден. Членами комитета по должности являлись помощники начальника Главного штаба, помощник начальника канцелярии Военного министерства, помощники начальников главных управлений Главного штаба, представитель Главного военно-госпитального комитета и управляющие

делами комитетов, состоящих при Главном штабе. Комитет занимался сбором данных и разработкой мер по обеспечению мобилизации и сосредоточения войск в пограничных округах (прежде всего на границе Германии и Австро-Венгрии). В ведение комитета входил широкий круг вопросов от организации учебных сборов нижних чинов и ежегодных поверочных мобилизаций до формирования и обеспечения частей ополчения.

- 182 Вел. кн. Константин Николаевич писал в дневнике 28 декабря: «...В 1 ч. Совет по Государственной росписи и другим финансовым делам, и вышел чрезвычайно интересным. Сперва Грот сделал несколько замечаний и мало по малу начались прения. Говорили очень интересно и дельно и Рейтерн, и Абаза. Грейг говорил по своему контрольному отчету, и когда он совершенно по-моему справедливо стал обвинять министров в недостаточной бережливости, на него началась целая гроза и все стали на него нападать, особенно Пален, Милютин, Тимашев и Толстой. Оно рисковало даже перейти границы приличия, и я остановил это, прочтя резолюцию Государя на отчете Грейга, в которой он именно возлагает дух бережливости на строгую ответственность министров. Тогда все замолчали. Вообще все заседание вышло неожиданно чрезвычайно интересно и полезно, но зато и продолжалось до 4 часов...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108. Л. 16).
- 183 Всеподданнейшие доклады за 1873 и 1874 гг. см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 31. Д. 2–3.
- 184 Всеподданнейший доклад за 1873 г. действительно датирован 1 января 1874 г. См.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 31. Д. 2.
- 185 28 июля 1874 г. Д.А. Милютиным были представлены императору ведомости расходов на 1873 и 1874 гг. по осуществлению преобразований, намеченных в утвержденных заключениях Особого совещания об усилении обороны государства. См.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 28. Д. 10.
- 186 Всеподданнейший доклад по сметам Военного министерства на 1875 г. был представлен Д.А. Милютиным 14 января 1875 г. См.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 28. Д. 11.
- 187 По-видимому, имеется в виду всеподданнейший доклад 14 января 1875 г.
- 188 Данные доклады в фонде Д.А. Милютина отсутствуют. См. также коммент. 181.
- 189 К 25 марта 1875 г. в Петербург поступили гминные приговоры о присоединении к православию 242 (из 265) униатских приходов Царства Польского, в которых числилось около 230 тыс. прихожан (невоссоединенными формально оставались менее 30 тыс.). Более всего приговоров поступило из Люблинской (147) и Седлецкой (87) губерний. 25 марта, в годовщину воссоединения с православием униатов Запад-

ного края (в 1839 г.), делегация бывших униатов во главе с прот. Маркелом Попелем, возглавившим движение за воссоединение, была принята Александром II. Однако, как отмечалось в 1881 г. во всеподданнейшем докладе варшавского генерал-губернатора П.П. Альбединского, поскольку приговоры нередко составлялись под давлением властей, в силу этого воссоединение часто оказывалось формальным: храмы пустели, прихожане отказывались участвовать в таинствах, духовенство оказывалось в ложном положении. См.: ОР РНБ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1889. Л. 39–44.

- ¹⁹⁰ По-видимому, речь идет об энциклике «*Omnem sollicitudinem*», направленной 13 мая 1874 г. Пием IX униатскому русинскому архиепископу Львовскому, Галицкому и Каменецкому Иосифу Сембратовичу. В ней подчеркивалась теснейшая связь между литургической практикой и догматами веры и указывалось на недопустимость каких-либо изменений в обрядах без санкции папы. Пий IX выражал озабоченность изменениями в униатских обрядах в Галиции и на Холмщине и резко критиковал (правда, не называя по имени) холмского «псевдоадминистратора» Маркела Попеля, который объявлялся узурпатором, недостойным епископского сана и стремящимся ввести в Холмском диоцезе «литургию схизматиков». Папа не ставил под сомнение необходимость точного сохранения у униатов-русинов «восточного обряда», однако настаивал на том, чтобы любые изменения в богослужении делались исключительно с ведома Ватикана. Пий IX отменял все «литургические нововведения» и призывал униатов точно соблюдать и отстаивать установленный ранее с согласия Рима порядок службы.
- ¹⁹¹ В дальнейшем проект образования Таганрогской губернии не встретил поддержки и не был реализован.
- ¹⁹² См.: Отчет по Государственному совету за 1875 г. СПб., 1877. С. 55–61.
- ¹⁹³ Вел. кн. Константин Николаевич записал 1 апреля 1875 г. в дневнике: «...В 2 ч. поехал в Комитет министров для дела о сети железниц. Сидели почти до 5 ч. и решили только каменно-угольную линию, и удалось нам ее отстоять *всю*, во всем ее составе от Волги, через Донецкий бассейн до Екатеринослава, и далее через Кривой Рог до Николаевской дороги. Я много говорил, и Рейтерн и Абаза меня сильно поддерживали, а отчасти Милютин и Грейг. Было очень интересно, хотя много теряли времени в пустых спорах. Еще решили и Мелитопольскую дорогу с ветвью на Мариуполь. До остальных железниц не успели коснуться за поздним временем, и решили собраться в Вербное воскресенье, 6-го числа...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108. Л. 70).
- ¹⁹⁴ По свидетельству вел. кн. Константина Николаевича, данное совещание у кн. А.М. Горчакова было собрано «по случаю приезда Шувалова из Лондона». «...Спорили жестко, — писал великий князь в дневнике, — и иногда доходило до личностей. По вопросу, что строить преж-

де: Бакинскую или Джульфинскую линию, голоса разделились. Со мною пошли Сашка [наследник цесаревич вел. кн. Александр Александрович, — *А.М.*], Рейтерн, Посьет и Мирский, а против нас Горчаков, Милютин, Чевкин и Шувалов. Все это совещание было мне очень неприятно, и порядочно утомило» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108. Л. 71).

¹⁹⁵ См.: Отчет по Государственному совету за 1875 г. СПб., 1877. С. 34–44.

¹⁹⁶ Недовольство Д.А. Милютина, которого поддержали А.Е. Тимашев, Э.И. Тотлебен, гр. Ф.Л. Гейден и П.Н. Стремоухов, было вызвано тем, что члены Комитета министров высказались в пользу строительства железной дороги на Сумы, представлявшей значение преимущественно для землевладельцев и сахарозаводчиков Слободской Украины вместо стратегически более важной Лозово-Роменской железной дороги. «...В $\frac{1}{2}$ 2 пришлось ехать в Комитет министров для продолжения суждений о железницах, — писал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — Сидели до 5 ч. и все кончили. Решили дороги: 1) Каменноугольную; 2) Мелитопольскую; 3) Сумскую (одно разногласие с Милютиным); 4) Старорусскую; 5) Баскунчанскую и 6) Польскую каменноугольную. Брянско-Гомельскую отложили, а о Бакинской ничего решить не могли, за нерешением Джульфского вопроса» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108. Л. 73). См. также: *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 2. СПб., 1902. С. 215–222.

Действительно, все железные дороги, намеченные Комитетом министров, обслуживали прежде всего хозяйственные потребности различных регионов и интересы частных лиц, практически ничем не облегчая задачу обороны империи.

¹⁹⁷ Строительство железных дорог в Закавказье вызвало разногласия между министерствами военным и иностранных дел, с одной стороны, и наместником на Кавказе вел. кн. Михаилом Николаевичем — с другой. Наместник считал необходимым в первую очередь приступить к сооружению железной дороги между Тифлисом и Баку. 27 мая 1875 г. он писал Д.А. Милютину, что «Бакинская линия составляет жизненный вопрос для развития большей и главнейшей части Закавказья» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 70. Д. 29. Л. 9).

Кн. А.М. Горчаков и Д.А. Милютин, напротив, отдавали приоритет Джульфинской линии, которая соединяла бы Тифлис с Тавризом. Редкое единодушие в данном вопросе руководителей военного и внешнеполитического ведомств не могло не беспокоить великого князя. Для противодействия их влиянию на императора он направил в Петербург в качестве своего представителя кн. Д.И. Святополк-Мирского, горячего сторонника строительства железной дороги между Тифлисом и Баку, и через него просил о помощи вел. кн. Константина Николаевича, полностью поддержавшего своего брата. В конце января — феврале 1875 г. вел. кн. Константин неоднократно беседовал с кн. Мирским о закавказских железных дорогах. 12 февраля, читая присланное из Министерства иностран-

ных дел «огромное дело о кавказских железницах» (чтение дела заняло 3 дня), он отмечал в дневнике: «Очень интересно, но здесь некрасиво поступали с Мишей». На совещаниях, проходивших у кн. А. М. Горчакова с 27 февраля по 3 апреля, великий князь решительно настаивал на том, чтобы прежде была построена Бакинская линия. Однако протокол, составленный после этих совещаний П. Д. Стремоуховым, вызвал у него раздражение. «...В $1/2$ 2 разговор с Мирским про протокол, составленный Стремоуховым, последнего совещания у Горчакова по кавказским железницам, — записал он в дневнике 8 апреля. — Он составлен отвратительно, что я ему вчера в Совете высказал. Вследствие этого получил сегодня очень нахальное письмо от Горчакова с угрозою, что он понесёт к Государю этот протокол, хотя бы и не подписанный. Мирский, тоже в высшей степени недовольный, прочел мне записку, которую он хочет отдельно представить Государю. Она очень хороша, но я желаю, чтоб от лица нас, 5 членов, подавших отдельный голос, была составлена записка в виде заключения нашего для протокола. Поэтому отправились и он, и я в Комитет министров, где вызвали Рейтерна и Посьета, показал им письмо Горчакова, которое и они признали неприличною [выходкой? — А. М.]. Рейтерн согласился на мое предложение о записке, и вызвался сам ее составить. Надо было только заручиться согласием наследника, и потому я отправился в Аничков. ... Застал Сашку в Аничковом саду. Рассказал ему всю некрасивую историю протокола, и он согласился на наше предложение. Тогда отправился прямо к Горчакову. Сказал ему: “Je suis venu, mon Prince, pour avoir une explication avec Vous sur la lettre, que Vous Vous êtes permis de m’écrire, que je trouve insolente parcequ’elle contient une menace. Vouz devez me conñitre assez pour savoir que ce n’est ni par des insolences, ni par des menaces qu’on peut obtenir de moi quoique ce soit” [“Я пришел, мой князь, чтобы иметь с Вами объяснение о письме, которое Вы позволили себе написать мне и которое я нахожу дерзким, поскольку оно содержит угрозу. Вы должны достаточно меня знать, чтобы сознавать, что ни дерзостями, ни угрозами от меня ничего нельзя добиться”, — *фр.*]. И пошло объяснение. Я долго сохранял очень сухой, высокий и обиженный тон *roug lui en impose* [чтобы внушить ему уважение, — *фр.*]. Он сперва было обиделся, но потом, видимо, старался объяснить свою мысль. Объяснил ему, что, сговорившись с теми, которые подали один со мною голос, мы ему доставим нашу записку, дабы она была внесена в протокол, на что он должен был согласиться, и расстались мы в хороших отношениях...».

9 апреля великий князь рассказал кн. Мирскому и М. Х. Рейтерну о своем объяснении с кн. Горчаковым и вместе с ними отредактировал «особое мнение», сформулированное министром финансов. 11 апреля он уже «читал окончательный протокол горчаковского собрания по кавказским железницам». Хотя великий князь считал, что и этот вариант «составлен отвратительно», он «подписал его, чтоб не делать скандала». 12 апреля был составлен и журнал заседания Комитета министров, изла-

гавший споры о намеченных в Закавказье железных дорогах. См.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108. Л. 37–77. Споры в правительственных сферах о строительстве железных дорог в Закавказье также подробно отражены в письмах кн. Д.И. Святополк-Мирского к вел. кн. Михаилу Николаевичу: ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 413–414.

¹⁹⁸ Вел. кн. Константин Николаевич писал в дневнике: «...В 11 ч. в виц-мундире к Государю, который у себя собрал горчаковскую конференцию для окончательного решения вопроса о кавказских железницах. Спорили горячо, но прилично, и кончилось отлично тем, чтоб начать теперь Бакинскую дорогу, а по Джульфинской делать исследование с тем, чтоб приступить к ней при первой возможности. Государь сам видимо обрадовался этому решению и хотел об этом телеграфировать сам Мише, что и я со своей стороны сделал» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108. Л. 80–81).

¹⁹⁹ В сложившихся условиях Д.А. Милютин решил еще раз обратить внимание вел. кн. Михаила Николаевича на значение Джульфинской линии. В письме, написанном 23 апреля 1875 г., он признавался, что «был постоянно сторонником линии от Тифлиса на Джульфу, и считал своим долгом настойчиво поддерживать это направление, ввиду сложившихся в настоящее время благоприятных обстоятельств»: «Если бы означенная линия признавалась полезною исключительно только по стратегическим соображениям, то едва ли мы могли надеяться на осуществление ее; к счастью, это же направление нашло сильную поддержку со стороны Министерства иностранных дел, и следовательно, со стороны военного ведомства было бы ошибкою не воспользоваться столь благоприятною случайностью». Именно поэтому Милютин добивался прежде всего строительства Джульфинской линии, полагая, что Бакинскую и так бы рано или поздно построили. Теперь, когда «обе линии можно считать утвержденными одновременно», военный министр просил не затягивать сооружение железной дороги на Джульфу. Милютин указывал, что, «когда с помощью Божией осуществляются обе предположенные линии, то мы будем иметь на первое время весьма выгодное положение в Закавказском крае, как в мирное время, для торговли и политического влияния на оба соседние государства, так и в случае войны с Турциею»: «Ускорение мобилизации Кавказской армии, облегчение сообщений ее и сосредоточения действующих войск на границе, возможность быстро перебрасывать силы с одного фланга театра войны на другой — все эти выгоды поставят нас в отношении к Турции совсем в иное положение, чем то, в котором мы находились до сих пор. Выгоды эти так велики, что самая вероятность [нрзб.] войны значительно уменьшается. Тогда останется у нас одна серьезная задача, которая должна быть когда-нибудь разрешена, хотя, может быть, и не скоро — именно прямое сообщение Тифлиса с Владикавказом. Конечно, предприятие это есть задача будущности, однако ж, во всяком случае, казалось бы необходимым на разработку ее обратить ныне же особое внимание» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 53. Д. 89. Л. 14–15).

В ответном письме, отправленном 27 мая 1875 г., вел. кн. Михаил Николаевич, не вступая в полемику, расставлял приоритеты совершенно иначе. Он с явным удовольствием сообщал военному министру (которого и великий князь, и Святополк-Мирский считали своим главным и наиболее упорным противником) о том, что «мудрое решение» Александра II о закавказских железных дорогах «привело здесь всех в восторг, ибо все понимают, насколько Бакинская линия составляет жизненный вопрос для развития большей и главнейшей части Закавказья». «...В отношении Джульфинской линии, — заявлял наместник, — я никогда не отвергал важного значения оной в отношении местном, экономическом и военном, и отчасти политическом, но я не мог допустить, чтобы Тифлис был ранее соединен железным путем с Тавризом, чем с каспийским нашим внутренним морем, а впоследствии и с Владикавказом, т. е. со всею сетью империи. Эта последняя потребность теперь выступает на первый план, и я всеми силами буду стараться сдвинуть сей вопрос к возможно быстрому и успешному разрешению». Великого князя беспокоила лишь задержка с внесением устава Бакинской железной дороги в Комитет министров (Там же. К. 70. Д. 29. Л. 9). 30 июня и 6 июля Милютин писал вел. кн. Михаилу Николаевичу о своих беседах с К.Н. Посьетом, который объяснял возможную заминку необходимостью дополнительных объяснений с М.Х. Рейтерном и т. д. (Там же. К. 53. Д. 89. Л. 16–18). В дальнейшем из-за международных и финансовых затруднений строительство дороги было приостановлено (движение на ее основном участке началось только в 1883 г.).

²⁰⁰ Штат областного правления Войска Донского см.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1875. № 59. Ст. 695.

²⁰¹ См.: Отчет по Государственному совету за 1875 г. СПб., 1877. С. 6–32.

²⁰² При рассмотрении отчета министра народного просвещения за 1873 г. в комиссии, образованной из членов Государственного совета, кн. Д.А. Оболенский остался при «особом мнении», в котором дал критическую оценку политике гр. Д.А. Толстого. Не выступая против введенной министром «классической системы», уже получившей одобрение императора, кн. Оболенский осуждал поспешность и жесткость в ее осуществлении, призывая руководствоваться «духом терпимости и беспристрастия», «путем частных, иногда неизбежных, уступок сглаживать все резкие противоречия, не удаляясь от главной цели». В «особом мнении» обращалось внимание на то, что в 1873 г. число учащихся, оставивших гимназии до окончания курса возросло, в сравнении с 1872 г., на 3432 человека, общее число гимназистов уменьшилось на 2781 чел. (несмотря на открытие новой гимназии), число учащихся в прогимназиях, несмотря на открытие 10 новых, выросло лишь на 896 чел. Число студентов университетов, в сравнении с 1871 г., сократилось на 1106 чел. Таков был итог проведенной гр. Д.А. Толстым реформы среднего образования. «...Все другие соображения, — говорилось в “особом мнении”

кн. Оболенского, — вполне, быть может, основательные, убеждающие в превосходстве малого по числу, но лучшего по качеству образования, недоступны для большинства. Ввиду насущной потребности в медиках и техниках всякого рода, общество готово было бы помириться и с менее совершенным знанием и никак не может признать, чтобы Россия могла довольствоваться 685 лицами для пополнения всех университетов и всех высших специальных невоенных заведений».

«Особое мнение» кн. Оболенского вызвало резкое недовольство гр. Толстого, который представил в комиссию свои возражения. Попытки председателя комиссии принца П.Г. Ольденбургского уладить конфликт (с этой целью комиссия провела три заседания с участием гр. Толстого) остались без результата. Александр II, усмотрев в «особом мнении» кн. Д.А. Оболенского признаки личного недоброжелательства к гр. Д.А. Толстому и влияние А.В. Головнина, поддержал министра: кн. Оболенскому было запрещено сообщать свое «особое мнение» кому-либо, кроме членов Комитета министров, а гр. Толстой получил к Пасхе 1875 г. бриллианты к ордену Св. Александра Невского и благодарственный рескрипт. Подробнее см.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 364–376.

- ²⁰³ Купец Овсянников, известный хлеботорговец и миллионер, являясь подрядчиком военного ведомства, поставлял для гвардейского корпуса ржаную муку, которая должна была изготавливаться по усовершенствованному способу — с перемолом зерна на паровой мельнице. Мельница эта, принадлежавшая первоначально подрядчику Фейгину, после его банкротства в конце 1874 г. перешла в собственность к конкуренту Овсянникова — известному купцу В.А. Кокореву. Таким образом, поставка муки в дальнейшем либо должна была перейти к Кокореву, либо Овсянников обязан был бы платить огромную арендную плату. Руководствуясь этим, Овсянников организовал 2 февраля 1875 г. поджог мельницы, рассчитывая, что вследствие отсутствия паровой мельницы в Петербурге, ему удастся сохранить за собой подряд, избегнув крупных расходов. Дело Овсянникова рассматривалось в Петербургском окружном суде, решением которого он был сослан в Сибирь на поселение. При обыске у Овсянникова был обнаружен список лиц военного ведомства, которые получали у него взятки. Этот список А.Ф. Кони, принимавший участие в процессе, послал Д.А. Милютину. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

См. также: *Кони А.Ф. Дело Овсянникова // Кони А.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. М., 1966. С. 37–45.*

- ²⁰⁴ Весной 1875 г. в Германии развернулась инспирированная кн. О. Бисмарком газетная кампания за превентивный разгром Франции, готовившейся к реваншу и усиленно вооружавшейся. В марте Бисмарк направил бельгийскому правительству запрос о том, как оно намерено обеспечить свой нейтралитет в случае его нарушения Францией. 4 мая

германский посланник в Париже кн. Х. Гогенлоэ сделал министру иностранных дел Франции герцогу Л.-Ш.-Э. Деказу официальное заявление, указывая, что Германия усматривает в вооружениях Франции угрозу. Весной 1875 г. Деказ неоднократно обращался за помощью в Лондон и Петербург. Благодаря вмешательству Александра II и королевы Виктории, к лету 1875 г. «военная тревога» прекратилась.

Подробнее см.: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 505–509; *Ерусалимский А.С.* Военная тревога 1875 г. // Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. 6. М., 1928. С. 161–172; *Он же.* Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1968. С. 114–136; *Манфред А.З.* Внешняя политика Франции 1871–1891 годов. М., 1952. С. 150–176; *Он же.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 79–100.

- ²⁰⁵ Данная записка в фонде Д.А. Милютина отсутствует. Как пишет И.С. Рыбаченок, «записка пока не обнаружена, поэтому трудно установить степень того влияния, которое она могла оказать на решение царя не допустить нового разгрома Франции» (*Рыбаченок И.С.* Н.Н. Обручев о геополитических интересах России // Россия: международное положение и военный потенциал в середине XIX — начале XX века: Очерки. М., 2003. С. 83).

Ср. также рассуждения в воспоминаниях кн. О. Бисмарка: «...Если бы после Франкфуртского мира во Франции у кормила осталась католическая партия, будь то в роялистской, будь то в республиканской форме, то вряд ли удалось бы на столь долгий срок, как теперь, отдалить возобновление войны. Тогда следовало бы опасаться, что обе враждующие с нами соседние державы — Австрия и Франция — вскоре сблизилась бы друг с другом на общей почве католицизма и выступили бы против нас. А тот факт, что в Германии, так же как и в Италии, нет недостатка в элементах, у которых религиозное чувство преобладает над национальным, послужил бы усилению и поощрению такого католического альянса. Нельзя с уверенностью предугадать, нашли ли бы мы союзников против него; во всяком случае, Россия по своему усмотрению решала бы вопрос, превратить ли своим присоединением франко-австрийскую дружбу в сверхмощную коалицию, как в Семилетнюю войну, или же держать нас в зависимости под дипломатическим давлением этой возможности» (*Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М., 1940. С. 156).

- ²⁰⁶ Во время своего пребывания в Берлине 27 и 28 апреля 1875 г. Александр II заявил о недопустимости превентивной войны против Франции. Вильгельм I заверил своего племянника в желании сохранить мир, а Бисмарк приписал «тревогу» интригам и проiscaм военных (в воспоминаниях он припишет ее герцогу А. Гонто-Бирону и кн. А.М. Горчакову). См.: *Татищев С.С.* Император Александр II.

Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 505–509; *Ерусалимский А.С.* Бисмарк: дипломатия и милитаризм. М., 1968. С. 114–136.

²⁰⁷ Дешу кн. Н.А. Орлова см.: Красный архив. Т. 6(91). М., 1938. С. 125. Весной 1875 г. герцог Л.-Ш.-Э. Деказ писал французскому послу в России ген. А.-Ш.-Э. Лефлю, что «русский император есть верховный хранитель мира вселенной». См.: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 507.

²⁰⁸ К.Н. Посыет отстаивал северное направление Сибирской магистрали на том основании, что оно позволяет сократить, в сравнении с южным, длину пути и расходы на строительство и эксплуатацию железной дороги. Не оспаривая этого, его оппоненты указывали на необходимость учитывать сложившиеся экономические связи (в случае проведения Сибирской магистрали по северному направлению, в стороне от нее оставались такие крупные торговые центры, как Нижний Новгород и Казань, а Москва оказывалась в менее выгодном положении для торговли с Сибирью, чем Архангельск и Петербург). Подробнее см.: Об экономическом значении северного направления Сибирской железной дороги. СПб., 1874; Материалы к истории вопроса о Сибирской железной дороге. СПб., 1891.

²⁰⁹ «...В 2 ч. в Комитете мин[истров] для обсуждения дела о направлении Сибирской железницы, — записал в дневнике вел. кн. Константин Николаевич. — Было чрезвычайно интересно, и вышла блистательная победа южного направления. За северное только 4 голоса: Посыет, Мельников, Герстфельд и Шернвальд. Все остальные за южное. Замечательно хорошо, умно, остроумно и дельно говорил Абаза, и после одной его речи дело было выиграно. Все кончилось до 4 ч....» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108. Л. 91).

Журнал Комитета министров был отправлен Александру II в Эмс. Император возвратил его с резолюцией: «Рассмотреть в Совете министров в моем присутствии» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 78. Д. 24. Л. 12).

²¹⁰ Имеются в виду Женские врачебные курсы, открытые при Медико-хирургической академии в 1872 г. по инициативе главного военно-медицинского инспектора Н.И. Козлова и профессоров Н.Ф. Здекауэра и А.Я. Красовского. Первоначально курсы предназначались для подготовки специалистов по акушерству, женским и детским болезням, но уже с 1875 г. давали полное медицинское образование. С 1877 г. слушательницам курсов, выдержавшим экзамен, присваивалось звание женщины-врача. В 1872–1881 гг. на курсах обучалось 959 слушательниц и было выпущено свыше 600 женщин-врачей. Подавляющее большинство слушательниц составляли девушки православного (реже — иудейского, католического или лютеранского) вероисповедания из привилегированных сословий, с гимназическим или институтским образованием. В 1881 г. курсы были закрыты. Подробнее см.: *Суцинский П.* Женщина-врач в России. СПб., 1883.

- ²¹¹ Перед заседанием Комитета министров, на котором обсуждался вопрос о ведомственной принадлежности Медико-хирургической академии, Д.А. Милютин и С.А. Грейг действовали фактически сообща. «Не напишите ли Вы, многоуважаемый Дмитрий Алексеевич, — писал Грейг 20 мая, — Абазе, чтобы он приехал в заседание сегодня? У него наружная болезнь, которая не помешает ему выехать, если Вы его попросите, а его присутствие, как Вы знаете, немаловажно. Думаю даже, что и Рейтерн уступил бы Вашей просьбе и решился бы отложить те дела, которые его задерживают дома. Попробуйте. Лучше поздно, нежели никогда» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 40. Д. 33. Л. 1–3).
- ²¹² Судя по дневнику вел. кн. Константина Николаевича, у Д.А. Милютина были вполне достоверные сведения. Однако в дневнике ни разу не отмечены беседы великого князя с доктором В.М. Флоринским о положении Медико-хирургической академии. См.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108–109.
- ²¹³ Журналы комиссии С.А. Грейга и Комитета министров с обсуждением вопроса о передаче Медико-хирургической академии из военного ведомства в Министерство народного просвещения см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 41. Д. 6–7.
- ²¹⁴ Вел. кн. Константин Николаевич так описал в дневнике заседание Комитета министров и свой разговор с Д.А. Милютиным 20 мая 1875 г.: «...В 2 ч. в Комитет министров для дела о Медико-хирургической академии. Грейг говорил первый в смысле не передачи, а оставления в военном ведомстве. Явно, что большинство на его стороне. Я говорил в самом конце, разумеется, в противном смысле. При голосовании 12 голосов за оставление, а 5 (где и я) за передачу. Видел, что Милютин крепко этим огорчен, и потому с ним потом объяснялся. Он глубоко оскорблен и обижен, делает из этого вопрос личный и говорит, что если Государь утвердит наше мнение, он оставаться министром не может. Я говорил ему, что действовал по глубокому убеждению и что, разумеется, он сам должен знать, что у меня никакой личности тут быть не может. Но несмотря на все это, видел, что все это его глубоко задело и оскорбило. Очень жалко и досадно, но нечего делать...» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 108. Л. 100).
- ²¹⁵ Данная телеграмма в фонде Д.А. Милютина не обнаружена. 10 июня помощник начальника канцелярии Военного министерства А.А. Якимович сообщал Д.А. Милютину, что «журнал по делу о Медико-хирургической академии отправлен за границу только в первых числах сего июня, ибо ст. секр. Каханов не счел удобным посылать его без предварительного прочтения государем наследником цесаревичем, а как он находился в шхерах, то вследствие отлучки наследника цесаревича и произошла некоторая задержка в отправлении доклада» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 78. Д. 24. Л. 12).
- ²¹⁶ 9 февраля 1874 года было утверждено новое «Положение о воинской повинности в Уральском войске и отправлении службы». Это положение

ние предусматривало обязательность для каждого казака действительной службы не менее года в строевых частях или учебной сотне. Вместе с тем была изменена система организации учебных сборов, а также установлено количество полков, выставляемых войском, как в мирное, так и в военное время. Новое положение вызвало недовольство части казаков, выразившееся в неподчинении новым порядкам. Это недовольство подогревалось наставниками беспоповского согласия, проповедывавшими, что принявшие новое положение «приняли печать антихриста». В целях подавления волнений несколько сот семей уральских казаков были исключены из состава войска и выселены в Туркестанский край. *Коммент. П.А. Зайончковского.*

- ²¹⁷ В дневнике вел. кн. Константина Николаевича о таком разговоре с императором не упоминается. См.: ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 109.
- ²¹⁸ В 1874 г. по инициативе Александра II в Брюсселе была созвана конференция с целью кодифицировать законы и обычаи сухопутной войны (по требованию Великобритании нормы морского военного права были исключены из ее программы). В заседаниях конференции, продолжавшихся с 15(27) июля по 15(27) августа 1874 г., приняли участие представители России, Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Франции, Италии, а также Испании, Португалии, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии, Швеции, Дании, Греции и Турции. Россию представлял Ф.Ф. Мартенс. Составленный им проект конвенции регулировал права воюющих сторон в отношении частных лиц, порядок сношений между воюющими сторонами (нарушение одним государством прав другого в ответ на подобное правонарушение с его стороны, в том числе и с целью наказания за нарушения права войны) и проч. Однако большинство участников конференции сочли данный проект слишком гуманным и стесняющим ведение военных действий. В существенно измененном и сокращенном виде он лег в основу «Декларации о законах и обычаях войны», подготовленной в ходе работы конференции, но так и не получившей формального одобрения. Конференция разошлась, постановив представить протоколы своих заседаний на усмотрение правительств стран-участниц. Русское правительство обратилось к ним с просьбой прислать свои замечания по проекту декларации и предложило провести вторую конференцию в Петербурге. Тем не менее, она так и не состоялась вследствие решительного отказа Великобритании участвовать в дальнейшем обсуждении прав войны. См.: *Мартенс Ф.Ф.* Брюссельская международная конференция 1874 г. СПб., 1874; *Он же.* Восточная война и Брюссельская конференция. 1874—1878. СПб., 1879.
- ²¹⁹ Положение вел. кн. Николая Константиновича не изменилось, он по-прежнему находился под опекой и наблюдением врачей (что, впрочем, не мешало ему вести довольно скандальный образ жизни). Однако в 1875 г. ему было возвращено право носить мундир. Следует отметить, что и вел. кн. Константин Николаевич трезво оценивал состояние

- своего сына и вовсе не поднимал вопрос о «возвращении ему прежнего служебного положения» (речь шла лишь о месте его пребывания и характере надзора). Осенью 1875 г. вел. кн. Константин Николаевич не раз отмечал в дневнике, ссылаясь на мнение И.М. Балинского (продолжавшего наблюдать за вел. кн. Николаем Константиновичем), «что хотя есть некоторое улучшение, но его еще нельзя считать началом выздоровления» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 109. Л. 74).
- ²²⁰ О восстании в Коканде против Худояр-хана см.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 310–320.
- ²²¹ Восстание в Герцеговине началось 23 июня (5 июля) 1875 г. Оно явилось реакцией на сбор турецкими властями налогов и недоимок, сопровождавшийся насилием и грабежом местного населения. Турецкая администрация во главе в Дервиш-пашой сознательно провоцировала восстание, желая списать на него собственные злоупотребления. Толпы беженцев направились из Герцеговины в Черногорию и Далмацию, в горах стали собираться повстанческие отряды, которые вскоре начали нападать на турецкие караваны. К началу августа восстание, поддержанное Черногорией, охватило всю территорию Герцеговины. В августе–сентябре восстание перекинулось в Боснию. Подробнее см.: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 652–656; Освобождение Болгарии от турецкого ига: Документы: В 3 т. Т. 1. М., 1961. С. 30–34; Международные отношения на Балканах (1856–1878 гг.). М., 1986. С. 254–258; Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875–1878: Документы. М., 2008. С. 13–92.
- ²²² Об участии Д.А. Милютина в высочайших смотрах 1872 г. см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 500–508.
- ²²³ Речь идет о направлении в Боснию и Герцеговину международной консульской комиссии, в состав которой вошли представители шести великих держав (Германии, Австро-Венгрии, России, Великобритании, Франции и Италии). Комиссия должна была выяснить требования восставших и наладить прямые переговоры между повстанцами и турецкими властями. Миссия консулов окончилась безрезультатно, т. к. повстанцы требовали гарантировать от имени великих держав проведение обещанных Портой реформ, на что консулы не были уполномочены. См.: Международные отношения на Балканах (1856–1878 гг.). М., 1986. С. 254–258.
- ²²⁴ Материалы о поездках Александра II в 1875 г. в Москву, на юг России и в Крым см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 38. Д. 6.
- ²²⁵ Данная телеграмма в фонде Д.А. Милютина не обнаружена.
- ²²⁶ Данная телеграмма в фонде Д.А. Милютина не обнаружена.
- ²²⁷ Подробнее см.: *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 320–324.

228 В письме к дочери Ольге 5(17) ноября 1875 г. Д.А. Милютин описал свое пребывание в Париже более подробно: «...В Париже на станции встретил меня Горлов, который довез меня до hotel'я и поручил своему человеку привезти мои пожитки. Это было очень любезно. Наскоро переодевшись и пообедав, я сейчас же отправился — куда бы вы думали? — в оперу. К счастью моему именно в этот вечер давали Фауста: в самом представлении не было ничего замечательного, но я имел возможность видеть здание во всем его блеске: действительно, постройка великолепная, превосходит роскошью все, что строилось до сих пор; но признаюсь, мне она показалась уж слишком аляповатым surcharge [буквально: перегруженный, — *фр.*]. Выспавшись вдоволь, на следующее утро, я пригласил к себе состоящего при Grand-hotel хирурга, который и залепил мне мою ранку, объявив мне, что с этим залепком я могу быть спокоен на все время моего путешествия... Спорить с ним не приходилось, тем более, что в душе мне даже приятно было прекратить эту ежедневную возню с моею дрянною ранкой. Выпроводив своего благодетеля, я сейчас же пошел рыскать по городу пешком; погода утром была теплая; я исходил полгорода; был у всех, кого хотел видеть и исполнить все поручения; и, к счастью, всех застал дома, кроме кн. Орлова и семьи Мих. Т. Лорис-Меликова. Последний был, как разумеется, очень мил, и я обещал ему сегодня вторично быть у него, чтобы познакомиться с его женой. Муравьев-Амурский пригласил меня обедать, а после обеда Лорис-Меликов заехал за мною, чтобы вместе ехать в представление театра Palais-Royal, где давали пьесу Le Rapache, производящую эффект своими политическими тенденциями. Так, целый день буквально я не был у себя в отеле. В том же доме, где живут Фридрихсы, оказалось живет и графиня Олсуфьева. Я застал ее одну (семья гуляла), пил у ней чай; разумеется, она много спрашивала о Вас обеих, плакала, вспоминая прошлое, и хотела писать Вам, а на Рождество, может быть, даже решится приехать в Ниццу, со своею Лизой...». Остаток дня ушел на покупку различных вещей. «...Сегодня, — продолжал Милютин, — я еще не выходил, но намерен сейчас идти к банкиру, а затем побываю еще раз у Лориса, у Фридрихсов и у гр. Олсуфьевой. Обедать сговорился с Ханыковым в каком-нибудь ресторане, чтоб успеть вовремя на железную дорогу...» (ОР РГБ. Ф. 169. К. 93. Д. 29. Л. 12–15).

229 Е.Г. Числова была выслана 9 ноября 1875 г. в г. Венден Лифляндской губернии. «...Для этой операции, — писал кн. Д.А. Оболенский, — приезжал сюда из Ливадии нарочно сам шеф жандармов Потапов и распорядился так, что весь город на другой день узнал об этом скандале, и великий князь теперь опозорен так, что возвращаться ему в Петербург и стать во главе гвардии становится невозможно» (Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 379).

Положение вел. кн. Николая Николаевича действительно было крайне затруднительно. Еще 15 сентября вел. кн. Михаил Николаевич рассказывал вел. кн. Константину Николаевичу «грустную историю

Низи [вел. кн. Николая Николаевича, — А.М.], как он чрез него просился в отпуск на два месяца, чтоб отдохнуть от Числовой, и как он задними путями объявил Кистеру про вопиющий долг в 150 т[ысяч рублей]!!!». «...Это, разумеется, — добавлял от себя великий князь, — от покупки дома Ферзена» (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 109. Л. 66).

Скандалная сама по себе история быстро обрастала в столице комментариями, еще более компрометировавшими царствующую династию. «...Рассказывают, — передавал А.А. Половцов в дневнике 11 ноября, — что она разорила в[еликого] князя Николая Николаевича; нагрубила в[еликой] княгине, прибила сына в[еликого] к[нязя], но главная причина, кажется, та, что позволила себе купить на Английской набережной дом, бывший гр. Ферзена, рядом с домом княжны Долгоруковой, которая объявила, что при таких условиях не возвратится в свой дом из Крыма, где она с детьми сопровождает Государя, а, следовательно, и Государыню...» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 83–83).

- ²³⁰ Речь идет о письмах, отправленных К.П. фон Кауфманом 12 сентября и 26 октября 1875 г. Первое из них опубликовано: Источник. 2003. № 1. С. 15–17. Второе, в котором генерал-губернатор писал о своем расстроенном здоровье и необходимости оставить занимаемый пост, в бумагах Милютина не обнаружено. Ответ на него военного министра (22 ноября 1875 г.) см.: ОР РГБ. Ф. 169. К. 52. Д. 95. Л. 9–10.
- ²³¹ Критики проекта положения об облегчениях по паспортной части, подготовленного межведомственной комиссией под председательством Д.М. Сольского, считали намеченные в проекте изменения действующих правил недостаточными и непоследовательными. По мнению А.В. Головина, комиссия, с одной стороны, «высказала откровенно неудобства и вред системы стеснений», а с другой стороны, «увлекаемая идеями осторожности и постепенности и видя в этом какую-то государственную мудрость... предложила весьма малое для устранения существующих стеснений». В результате, Сольскому предложили доработать проект на основе сделанных замечаний. См.: ОР РНБ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 308; Отчет по Государственному совету за 1875 год. СПб., 1877. С. 64.
- ²³² Тосты Александра II и эрцгерцога Альбрехта см.: Правительственный вестник. 1875. № 265. 27 ноября (9 декабря).
- ²³³ См.: Милютин Д.А. Воспоминания. 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 278–280.
- ²³⁴ Императорской Военной академией в 1832–1855 гг. называлась Николаевская академия Генерального штаба (см. коммент. 145).
- ²³⁵ В тот же день А.А. Абаза передал А.А. Половцову «подробности заседания Совета министров у Государя относительно направления Сибирской жел[езной] дороги»: «...Так как собрание б[ыло] многочисленнее обыкновенного, п[отому] ч[то] приглашены были члены Железнодорожного комитета, то заседание имело место не в комнате,

что пред государевым кабинетом, а по ту сторону коридора, в запасной половине. При входе в комнату Государь был особенно любезен с Мельниковым, бывшим министром путей сообщения, который один разделял мнение Посьета; люди, знающие характер Государя, уже из этого заключили, что он будет против северного направления. Затем началось заседание; обыкновенно министр, до коего касается дело, излагает его сущность, но по безграмотности и бесталанности Посьета, он прочитал составленную в его М[инистерст]ве записку. За чтением последовали прения, причем Государь, спрашивая мнения членов, держался старшинства. Сначала оппонировал гр. Строганов, но весьма отрывочно; все чувствовали, что дело идет неладно, неловко. Спрошенный в это время сказал, что он за южное направление, но что в собрании есть люди, конечно, более его с этим вопросом знакомые, напр[имер] м[инист]р финансов. Тут Рейтерн сказал довольно продолжительную речь за южное направление; в том же смысле говорили Милютин, Абаза и Грейг. Каждому из них Посьет отвечал весьма некрасноречиво несколькими словами, в которых выражалась крайняя неспособность и чрезмерное упрямство. После 2?-часового прения Государь сказал: “Я уже и за границую был в пользу южного направления, а сегодняшнее заседание окончательно меня убеждает”» (ГА РФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 9. Л. 90–91). См. также запись в дневнике вел. кн. Константина Николаевича (ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 110. Л. 32).

Согласно принятому решению, предполагалось, что Сибирская железная дорога пройдет через Нижний Новгород, Казань и Екатеринбург на Тюмень. Однако международные, а затем и финансовые затруднения задержали начало строительства. Впоследствии, в 1882 г., было решено вести Сибирскую железную дорогу на Омск через Самару, Уфу, Челябинск и Курган (одновременно строилась ветка от Екатеринбурга до Тюмени).

Приложения

ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II¹

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ²

Великие преобразования, совершившиеся в царствование императора Александра II во всех отраслях государственного строя, останутся в истории такими светлыми, такими славными страницами, что никакие несправедливые и пристрастные толкования не могут их затемнить.

К сожалению, и самые благотворные нововведения возбуждают в известной части современников не только осуждение, неудовольствие, ропот, но даже противодействие. Такое явление объясняется частью личными, полемическими побуждениями, частью просто привычкою к прежнему порядку и непониманием общего поступательного хода человечества. Защитники старины, под знаменем консерватизма, отстаивают порядки отжившие, несовместимые с современными условиями жизни. И до такой степени иногда укореняются подобные узкие взгляды, что переживают даже современное поколение, пока не наступит время нелицеприятного суда истории.

Вспомним, сколько злобы, опасений, мрачных предсказаний вызвало уничтожение крепостного права, судебные и земские учреждения и столько других великих законодательных актов шестидесятих годов. Конечно, не могли избегнуть подобных же толков и реформы военные. Всякая новая мера встречаема была в известной части военного и невоенного мира с недоверием, неодобрением и подавала повод к превратным

---

¹ Впервые статья была опубликована в журнале «Вестник Европы» за 1882 г., № 1. — *Прим. ред.*

² Читатель, более нас знакомый с военными реформами прошедшего царствования, заметит, и без подписи автора, что его труд писан, как говорится, *pop ad probandum, sed ad pagandum* — не для целей полемических, а для простого изложения сущности самого дела, которое окончилось прежде, чем успело выясниться до конца. Пред глазами современников оно являлось разрозненным по частям; а в нашей литературе до сих пор не было сделано ничего, что могло бы выяснить всю программу реформ в их целостности; без того же невозможно никакое основательное суждение ни о каком деле. Только вследствие такого недостатка так сказать «объяснительной записки» к совершенным реформам возможна была полемика в печати по этому предмету, не приводящая ни к каким положительным результатам. Настоящий труд, открывающий собою целый ряд статей, по нашему мнению, может восполнить такой пробел и послужить вместе материалом для будущего историка военных реформ прошедшего царствования. — *Прим. ред. «Вестника Европы».*

толкам. Если при каждом, даже очевидном, усовершенствовании, как напр[имер] в деле оружия, артиллерии, — всегда являлись сначала противники, предсказывавшие тысячу неудобств и опасностей от нововведения, то естественно, что еще более возбуждали сомнений и опасений такие меры, которые изменяли общие начала привычного военно-административного порядка. Действительно, много было сделано в течение протекших 25 лет: это было безостановочное движение от одной реформы к другой; изменилось в самых основаниях все военное законодательство, сверху до низу; приходилось даже изменять во многом старые привычки и нравы. Громадная эта переработка делалась систематически, по определенному плану, строго соображенному по высшим указаниям самого Императора. В колоссальном этом труде принимали участие все управления и части Военного министерства, отчасти даже с помощью представителей от других ведомств. Для подробной разработки новых положений составлялись особые комиссии из лиц, специально знакомых с делом. Составленные ими проекты рассылались на рассмотрение начальников и других лиц, от которых можно было ожидать полезных указаний. Таким образом, никак нельзя считать совершившиеся преобразования следствием каких-либо предвзятых личных идей, насильственно навязанных; все было выработано с крайнею осторожностью, по зрелом и всестороннем обсуждении, на основании мнений большого числа лиц компетентных. И, несмотря на все это, несмотря на очевидно благоприятные результаты совершившихся преобразований, возникают по временам странные толки об этих преобразованиях. Толки эти, слышные отрывочно среди общества, преимущественно между людьми мало знакомыми с наукою и практикою военной администрации, переносятся в печать на почву раздражительной полемики и производят в массе публики страшную путаницу понятий. Так было в особенности в 1869 году, в 1873-м, и, наконец — в последнее время.

Считаем излишним доискиваться причин и побуждений подобных периодически предпринимаемых враждебных нападений на все совершившееся в военном ведомстве в течение минувшего, славного царствования. Каковы бы ни были эти причины и побуждения, во всяком случае перенесение специальных вопросов военного устройства на почву раздражительной газетной полемики весьма прискорбно и для дела, и для службы. Повторяем, что подобные задорные статьи не могут, конечно, бросить какую-либо тень на великое царствование; но они могут посеять не только в среде публики невоенной, но и между военными, самые превратные понятия о существующем у нас военном устройстве и законодательстве.

Поэтому, отнюдь не желая выходить на арену полемическую, поставим себе задачу объяснить совершенно объективно сущность произведенных в прошлое царствование преобразований по военной части, осветить, так сказать, вопросы, умышленно или неумышленно затемненные.

Появление этих вопросов в печати пусть будет иметь одну хорошую сторону — оно даст повод гласно разъяснить и, может быть, рассеять те недоразумения и сомнения, которые иначе остались бы невысказанными.

Критика коснулась почти всех частей военного устройства:

- 1) Центрального управления, — т. е. министерства военного.
- 2) Местных управлений, т. е. военно-окружной системы, в связи с упорядочением армий и корпусов в мирное время.
- 3) Полевого управления армиями и корпусами в военное время.
- 4) Комплектования войск, сроков службы, организации армии и резервов.
- 5) Военно-судной части.
- 6) Военных расходов.

Наконец, критиковались не только законодательные меры, но и самые распоряжения Военного министерства по всем частям его деятельности, в особенности же по части интендантской и артиллерийской.

Попробуем разобрать все это по пунктам, насколько позволят предположенные рамки.

I

Относительно нашего центрального военного управления высказывались упреки: а) в бюрократическом направлении, следствие которого будто бы — расплощение переписки и чрезмерное увеличение личного состава; б) в стремлении министерства забрать все в свои руки, следствие чего — будто бы какой-то гнет бюрократии над войсками.

Для устранения этих-то мнимых неудобств нынешнего устройства Военного министерства и предлагаются разные решительные меры: одними — сократить донельзя личный состав и круг действий министерства, другими — раздробить его, третьими — подчинить его контролю какой-то высшей инстанции.

Прежде всего необходимо отдать себе отчет, что разуметь под выражениями: «преобладание бюрократии», «гнет на войска...» и т. п.? Если тут разумеются излишний формализм, чрезмерно стесняющий строевое начальство, вмешательство центральной власти во все мелочные подробности службы, — то можно было бы вполне согласиться, что подобная система была бы в военном ведомстве более, чем в каком-либо другом, вредна и неудобна. Но может ли подобный упрек относиться к тому устройству Военного министерства, которое установлено высочайше утвержденным Положением 1867 года? Есть ли в этом Положении, в связи с военно-окружною системою, что-либо такое, что действительно усилило против прежнего бюрократическое направление или централизацию?

Чтоб ответить на эти вопросы, надобно несколько заглянуть в историю нашего военного управления и указать, в чем именно Положение 1867 года изменило существовавший до того порядок.

Всем известно, что с самого учреждения у нас министерств (1802 г.) все заведывание военными делами от прежней военной коллегии пере-

шло к «министру военных сухопутных сил», переименованному впоследствии (1808 г.) в звание «военного министра». Основанная при императоре Павле I «военно-походная канцелярия», собственно для передачи и объявления в дневных приказах непосредственных высочайших повелений, была тоже подчинена (в 1808 же году) военному министру, а вскоре потом совсем упразднена. Но в эпоху больших наполеоновских войн, когда России пришлось действовать большими армиями, необходимо было учредить особые управления армий в военное время. Тогда и составлено было известное «учреждение 1812 года об управлении большой действующей армии», долго носившее название «Желтой книжки». Учреждением этим создана была должность «начальника Главного штаба» армии, и определены обязанности и круг действий всех других членов полевого армейского управления. В 1813 году, когда сам император Александр I находился лично при армиях за границей, при нем состоял в должности начальника Главного штаба князь П.М. Волконский, который силою вещей и сделался докладчиком при Государе по всем вообще военным делам¹. Император привык к этому порядку ведения дел, и по возвращении в Петербург в 1815 году сохранилось и в мирное время существование «Главного штаба Е. И. В.», рядом с Военным министерством. Кроме начальника Главного штаба остались и все прочие должности полевого управления армии, не исключая даже генерал-вагенмейстера, генерал-гевальдигера и других, которым в мирное время не могло быть никакого дела. Такое раздвоение военного управления, сохраненное как бы последствие военного времени в течение 12 лет, представляло совершенную аномалию и подавало повод к таким практическим неудобствам и недоразумениям, что император Николай I, вскоре по вступлении своем на престол, не замедлил (26 августа 1827 г.) соединить оба звания (начальника Главного штаба Е. И. В. и военного министра) в одном лице — генерал-адъютанта графа (впоследствии князя) Чернышева.

Император Николай, со своим светлым и практическим взглядом на дела государственные, не мог не признавать, что в военном ведомстве, более чем во всяком другом, необходимы единство направления и стройность организации. Он лично занялся преобразованием Военного министерства на новых началах. В архиве Военного министерства, в делах тридцатых годов, можно видеть собственноручные его записки и резолюции, в которых заключались категорические указания основных начал нового устройства, которое окончательно установилось Положением 29 марта 1836 года. Военный министр, сохранив за собою титул начальника Главного штаба Его Императорского Величества, сосредоточил в себе *по-прежнему* управление всеми отраслями военного управления; точно так, как и директоры департаментов министерства сохранили за собою только

---

¹ В то время Военным министерством управлял князь Алексей Иванович Горчаков.

номинально титулы из прежнего состава Главного штаба Е. И. В.: дежурного генерала, генерал-квартирмейстера, генерал-провиантмейстера, генерал-кригс-комиссара и т. д.

С тех пор и до настоящего времени наше военное управление испытало все выгоды единства своего устройства. В течение полустолетия не представлялось никакого повода к возбуждению вопроса о каких-либо неудобствах этого единства; напротив того, оно считалось важным преимуществом нашим пред другими государствами, в которых раздвоение военного управления сохранилось как случайный след старинных порядков. Иностранцы завидуют нам в этом отношении, а мы ищем примеров и образцов у них. Нам указывают¹ на то, что в Англии статс-секретарь по военным делам есть даже лицо не военное, что он разделяет заведывание военною частью с главнокомандующим. Но можем ли мы брать какой-либо пример с Англии, страны парламентаризма, где военный министр есть по преимуществу представитель интересов армии перед палатами. Таким же политическим соображением оправдывается существующий в Австро-Венгрии порядок, где начальник Главного штаба имеет прямые доклады у императора; но еще на днях, по какому-то запросу в палате, военный министр объяснил, что доклады эти делаются не иначе, как по предварительному с ним соглашению. В особенности же любят у нас упоминать на примере Пруссии, где, как известно, сохранилось от давно прошедших времен то же, что было и у нас некогда, как выше сказано. При монархе состоит особый докладчик по делам личного состава — совершенно то же, что была при императоре Павле I военно-походная канцелярия, в лице генерал-адъютанта гр. Ливена, упраздненная в первые же годы царствования императора Александра I. Затем главный начальник *Генерального* штаба (ныне гр. Мольтке) имеет самостоятельное положение; но заметим, что это не начальник *Главного* штаба в том виде, в каком существовал этот пост у нас, в царствование императора Александра I. Что же доказывает этот пример Пруссии: что там еще более, чем где-либо, господствует сила привычки и традиции, труднее расстаются с отжившими остатками старины. Пруссия, конечно, приобрела в последнее время сильный авторитет, в особенности в деле военном; но разве она своим образцовым устройством войск, своими успехами военными обязана именно тому, что в центральном ее военном управлении не существует единства и целостности? Сами прусские авторитеты заявляли о неудобствах существующего у них разделения; неудобства эти устраняются по возможности личными взаимными соглашениями и тем высоким уважением, которое приобрела личность графа Мольтке. Но основательно ли ради такого примера отказываться от нашей цельной, стройной организации военного управления, установленной таким авторитетом в военном деле, каков был император Николай I.

---

¹ При этом обыкновенно обходят такие примеры, как Франция, Италия и другие государства, где не знают раздвоения высшего военного управления.

Основания, положенные им в 1836 году, сохранились у нас и доньше. Преобразование Военного министерства, начатое в 1862 г. и законченное в 1867-м, не коснулось прежних основных начал и имело целью только привести состав министерства в более стройный вид, упростить весь механизм его, сократить делопроизводство (а не расплодить, как уверяют некоторые критики). Военный министр остался тем же, чем поставило его Положение 1836 года. Может быть, не всем даже известно, что у нас военный министр не только не пользуется какою-либо особенною обширною властью и правами, но напротив того, гораздо менее самостоятелен, чем где-либо. Положением 1836 года, в лице военного министра соединяются две функции разнородные: по делам исполнительным и по личному составу — он есть только докладчик государя, как верховного вождя армии, то же, что должен был быть начальник Главного штаба его величества; по делам же хозяйства военного и законодательным — он не более, как председатель Военного совета. По делам этого последнего разряда он сам лично никаких почти прав не имеет и не иначе дает разрешения, как в коллегиальном порядке, по большинству голосов. В Положении 1867 года не только сохранены эти основные начала, но еще категорически выражено, что военный министр обязан соблюдать, чтобы не проходили помимо Военного совета те дела, которые по закону подлежат его компетенции.

Самостоятельное значение, данное в нашем законодательстве Военному совету, есть важное преимущество нашего устройства. Это одно из мудрых основных начал, указанных императором Николаем I, и твердо удержанное в силе его преемником, несмотря на бывшие не раз покушения ограничить дарованные Военному совету права. Такое высшее коллегиальное учреждение в самом составе министерства дает возможность двигать без замедления и энергично такого рода дела, которых решение было бы неудобно предоставить самому министру единолично. Тем не менее и сам министр не освобождается от той доли ответственности, которая лежит на председателе коллегиального учреждения. Между тем личность членов Военного совета поставлена настолько самостоятельно, что в подобном учреждении нельзя не видеть серьезной гарантии законности и разумности в решении подлежащих ему важных дел.

С предоставлением Военному совету прав самостоятельного «высшего в государстве учреждения для дел военного хозяйства и военного законодательства», существовавший прежде в Государственном совете «департамент военных дел» потерял все свое значение. Хотя он существовал номинально еще до 1864 года, но никогда не собирался и многие годы не имел даже председателя. И в самом деле, какие дела могли бы поступать в этот специально-военный департамент? — По учреждению 1836 года и на основании позднейших законов, Военное министерство вносит в Государственный совет представления по таким лишь делам, которые превышают компетенцию Военного совета: или как новый расход, не предусмотренный сметой, или как закон, касающийся не одного лишь военного ведом-

ства отдельно. Очевидно, что те и другие дела могут быть обсуждаемы не иначе, как в тех же департаментах Государственного совета, которым подлежат того же рода дела всех других ведомств, т. е. в департаментах экономики и законов. Рассмотрение таких дел в особом специально-военном департаменте Государственного совета нарушило бы необходимое, как в делах общего государственного хозяйства, так и в законодательстве, единство взгляда и, таким образом, о восстановлении прежнего департамента военных дел в Государственном совете не может быть и речи, пока Военный совет пользуется тем самостоятельным значением, которое дано ему императором Николаем и которое составляет непереносимое условие успешного хода дел военного ведомства. Ограничить права Военного совета еще более, чем они ограничены ныне правилами сметными и контрольными — значило бы совершенно парализовать всю деятельность Военного министерства.

Все сказанное до сих пор относится к учреждению Военного министерства на началах 1836 года. Начала эти сохранились и донныне. Посмотрим же теперь, в чем заключались изменения, сделанные в организации министерства в 1867 году.

Общая мысль этого преобразования, как уже сказано выше, состояла в том, чтобы привести все здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным прежде всего слить вместе части однородные по кругу действий и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени образовались, более или менее случайно, без общего плана. Так, прежний департамент *инспекторский* был слит с департаментом Генерального штаба, под общим наименованием *Главного штаба*, в круг действий которого и вошли все части, относящиеся к строевому устройству войск, их службе и личному составу. Поводом к такому слиянию была тесная связь, существующая между делами обоих названных департаментов. Связь эта еще более усилилась с предпринятыми по всем частям военного устройства радикальными преобразованиями. Департамент Генерального штаба, оставаясь в тесных рамках своей специальности, не имел в мирное время никакой самостоятельности: в нем составлялись маршруты, дислокационные карты и т. п., тогда как все общие распоряжения, и в особенности предположения об изменениях, — сосредоточивались в инспекторском департаменте, сделавшемся таким образом центром деятельности всего Военного министерства. При этом имелось в виду и другое еще соображение: с давних времен слышались жалобы на односторонность службы Генерального штаба и изыскивались меры к устранению излишней специализации этого корпуса офицеров. Оставаясь в исключительном ведении генерал-квартирмейстера и департамента Генерального штаба, офицеры не имели даже случаев подготовиться к ожидавшему их званию начальника штаба дивизионного и корпусного. Чтобы достигнуть сколько возможно в самих войсках сближения, так называемых «квартирмейстерской» части и «дежурства», вернейшим средством представлялось совершенное слияние этих

двух частей в одно целое, как в штабах войск, так и в самом министерства. Слияние это сразу поставило офицеров Генерального штаба в более нормальные отношения к войскам и изменило самый характер деятельности всего корпуса. Отсюда как последствие — упразднение прежних званий «дежурного генерала», генерал-квартирмейстера, также как «дежурного штаб-офицера», «обер-квартирмейстера» и т. д. Названия эти сделались совершенным анахронизмом. Следовательно, в этом случае никак уже нельзя сказать, будто бы в преобразованиях последнего времени войсковое устройство приспособлялось к устройству центральных управлений; совершенно наоборот: устройство департаментов министерства или главных управлений соотносилось с потребностями войскового устройства.

То же можно сказать и о слиянии департаментов «комиссариатского» с «провиантским» в одно главное управление «интендантское», в параллель тому, что уже с давних времен полагалось в полевом управлении армии. Образование интендантства для снабжения войск как продовольствием, так и всеми предметами обмундирования и снаряжения, давало значительное сокращение в личном составе не только в самом министерстве, но и в подведомственных управлениях местных и войсковых. Взамен прежних званий «генерал-провиантмейстера» и «генерал-кригс-комиссара», учреждено одно звание: «главного интенданта».

Что касается до департаментов артиллерийского и инженерного, то еще ранее нового положения о Военном министерстве они были слиты с штабами генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части. Слияние это было вызвано оказавшимися на деле неудобствами прежнего разделения дел между департаментом и соответствующим штабом. Разделение это, неизбежно причинявшее замедление в делах и частые недоразумения, было уже ранее отчасти устранено соединением в одном лице двух должностей: директора департамента и начальника штаба. Положение 1867 года только узаконило это соединение и слило каждое из управлений в одно стройное целое.

Затем в новое положение вошло и главное управление военно-учебных заведений, которое фактически поступило уже прежде в прямое ведение военного министра, с отъездом на Кавказ бывшего августейшего главного начальника военно-учебных заведений. Бывший до того штаб его высочества слился с прежним особым управлением так называемых училищ военного ведомства, преобразованных еще прежде из бывших батальонов военных кантонистов. Существовавший особый совет военно-учебных заведений был упразднен, так как дела по управлению военно-учебными заведениями всех разрядов, требовавшие коллегиального рассмотрения, должны были уже поступать в Военный совет.

Остальные департаменты: медицинский, аудиторiatский, иррегулярных войск, получили только новые наименования главных управлений, и штаты их подведены под общую с другими главными управлениями форму. Существовавший в 50-х годах особый департамент «врачебных заготовлений», перешедший в Военное министерство из Министерства внутренних

дел, уже ранее был слит с медицинским департаментом. Главное управление «военно-судное», заменившее прежний «аудиториатский» департамент, получило новое устройство сообразно с новым судоустройством и судопроизводством. Прежний генерал-аудиториат преобразован в «главный военный суд».

Для полноты обзора всего состава Военного министерства остается упомянуть о существующих при Военном совете пяти «главных комитетах», на счет которых также возбуждались сомнения и нападки. Стоит только вникнуть в цель, деятельность и состав каждого из этих комитетов, чтобы убедиться не только в их пользе, но и в необходимости.

«Военно-кодификационный» комитет существовал и ранее преобразования Военного министерства¹. Необходимость его, кажется, не подлежит даже сомнению. Работы по составлению и изданию свода военных постановлений и продолжений его есть работа постоянная; но она в значительной степени усилилась с того времени, как начались в военном ведомстве крупные преобразования по всем частям, так что не только прежний свод 1859 года уже не может ныне служить руководством, но и новое издание 1860 года остается до сих пор недоконченным собственно потому, что и ныне многие весьма существенные части нашего военного законодательства еще находятся в переработке. Главный военно-кодификационный комитет, не ограничиваясь кодификацией свода, принимает деятельное участие и в текущих работах законодательных, чем приносит несомненную пользу, поддерживая в работах этих единство и связь. В этом отношении можно сравнить его с регулятором в механизме: он облекает в однообразную форму работы разных управлений и подготавливает их к обсуждению в Военном совете.

Главный военно-кодификационный комитет, один из всех состоящих при Военном совете, имеет свой особый штатный состав; все же другие составлены из должностных лиц, имеющих другие обязанности и получающих содержание по этим прямым должностям. Следовательно, на существование этих комитетов не может быть указываемо, как на одну из причин многочисленного состава министерства и значительной стоимости его. Весь расход казны на эти комитеты ограничивается добавочными окладами делопроизводителям и небольшими суммами на канцелярские надобности.

Между тем, каждый из этих комитетов приносит несомненную пользу и составляет необходимое звено в общей организации министерства. Самый многочисленный по своему составу есть «главный комитет по устройству и образованию войск». Начало этого комитета относится еще ко времени Крымской войны, когда возникли разные мысли о военных реформах, по инициативе графа Ридигера, которого, конечно, никто не упрекнет в бюрократизме. Первоначально образована была «комиссия для улучше-

---

¹ Первоначально был только «редактор» свода военных постановлений, а в 1859 году учреждена «комиссия военно-кодификационная».

ний по военной части»; потом переименована в «специальный комитет», поступивший под председательство великого князя Николая Николаевича старшего и, наконец, вошедший в штат Военного министерства под нынешним своим названием. Комитет этот составляется исключительно из переменных членов, ежегодно назначаемых от разных родов войск и некоторых управлений. В последние годы число командруемых лиц в состав комитета значительно увеличилось вследствие замечательного развития работ комитета по множеству подлежащих ему вопросов устройства, снаряжения и образования войск. Основательно ли всех этих лиц присчитывать к числу чинов министерства? Ежегодно печатанные отчеты комитета достаточно говорят о существенной пользе, приносимой им прямо *войскам*. Вопросы обсуждаются лицами, близко знакомыми с потребностями войск, и потом важнейшие предположения сообщаются циркулярно на заключение начальствующих лиц и вообще людей компетентных. Ужели и этот порядок ведения дел можно укорять в бюрократизме?

Затем, учреждение комитетов военно-госпитального, военно-тюремного и военно-учебного было вызвано прямыми указаниями практики. Все три служат к объединению действий тех главных управлений, между которыми распределено высшее заведывание названными учреждениями по специальности их круга действий. Так, военно-санитарные учреждения (госпитали, лазареты), состоявшие некогда в исключительном заведывании бывшего комиссариатского департамента, соединяют в своем устройстве разнородные стороны, подлежащие ведению Главного штаба, интендантского и военно-медицинского управления, отчасти же и инженерного (в отношении помещений). Долголетний опыт подчинения их одному комиссариатскому департаменту выказал явные невыгоды; притом, самое распределение разных санитарных учреждений сообразно потребностям войск, равно как и общее наблюдение за благоустройством их, входя в круг действий строевого начальства, подлежат в высшей инстанции Главному штабу. Но при таком распределении обязанностей необходим был какой-либо объединяющий орган. Эта именно потребность и удовлетворяется главным военно-госпитальным комитетом, который есть не что иное, как совещания между начальниками или представителями подлежащих главных управлений. Практика 16-летняя оправдала такое разрешение вопроса: в продолжение этого времени комитет обсуждал все меры, принимаемые в видах улучшения военно-санитарной части, а в последнее время обрабатывал новое положение об устройстве этой части при армии в военное время.

Такое же значение имеет и главный военно-тюремный комитет, объединяющий распоряжения Главного штаба, главных управлений военно-судного, интендантского и инженерного. Комитет оказал в особенности услугу при устройстве вновь военно-пенитенциарной системы сообразно условиям нового военно-судного устройства.

Наконец, главный военно-учебный комитет имеет целью предварительное, пред внесением в Военный совет, обсуждение таких вопросов,

которые касаются общей системы военного образования и заведений, подведомственных разным главным управлениям. Комитет часто соединяется с военно-кодификационным для совместного рассмотрения новых проектов положений.

Повторим, что все три последние комитета состояются исключительно из лиц, заседающих в них по своим прямым должностям; председатели же назначаются из членов Военного совета.

Представленный общий обзор составных частей нынешнего Военного министерства, кажется, показывает, что в стройной его организации нет ни одной части лишней, бесполезной; всякая часть составляет необходимое звено одного общего целого. Преобразование 1867 года не коснулось основных начал, положенных в устройстве министерства в 1836 году; оно имело целью только упростить его организацию, сократить его состав слиянием некоторых однородных частей. Чрез это в каждой части личный состав значительно уменьшен против прежнего; между прочим, вовсе упразднены бывшие при департаментах «общие присутствия». Эти коллегияльные учреждения сделались излишними с учреждением военно-окружных советов. Вообще личный состав министерства по штатам 1867 года *уменьшился на 326 офицерских чинов и 607 нижних чинов (т. е. писарей¹)*. Сокращение числа лиц дало возможность значительно увеличить оклады всем оставшимся в штате чином, *не выходя из общей суммы, определенной прежде на содержание министерства*.

Это факты положительные, неоспоримые. На чем же основаны все голословные упреки о мнимом захвате власти министерством, о чрезмерном увеличении числа чиновников и расплодении переписки? Вот еще положительные цифры, заимствуемые из официальных отчетов.

По всем частям министерства в совокупности годичное число номеров было:

	Входящих:	Исходящих:
В 1863 г. ² (до преобразований)	446,044	332,796
" 1866 " (после преобразования)	332,796	228,959
" 1869 "	273,048	212,956
" 1872 "	260,179	203,034
" 1875 "	244,291	186,882

---

¹ До преобразования было 1078 офицерских чинов, после преобразования уже в 1864 г. — 752.

² Цифры до 1863 года не могут идти в сравнение потому, что до этого года не входили еще в состав министерства штабы военно-учебных заведений, генерал-фельдцейхмейстера и инспектора по инженерной части. Несмотря на то, было уже в 1861 году входящих 380,299 и исходящих 270,319.

Таким образом, с преобразованием, министерства объем переписки сразу сократился на целую треть номеров и затем постепенно число №№ все понижалось. И это в такую эпоху, когда, можно сказать, кипела деятельность Военного министерства, когда введены новые сметные и кассовые правила, значительно усложнившие переписку, когда во всех других ведомствах действительно переписка возрастала в страшной прогрессии¹. В Военном министерстве в период 12-ти лет (1863—1875) число бумаг входящих и исходящих *уменьшилось на 45 %!*

После приведенных убедительных цифр трудно объяснить, на каких же данных основываются упреки, будто в Военном министерстве со времени его преобразования расплодился бюрократизм и чиновничество? Если приведенная выше цифра сокращения личного состава вызовет возражение, что предполагаемые расчеты при составлении новых штатов могли и не сбыться, что число чиновников наличных может быть несравненно более штатного числа, то за неимением под рукою точных цифр за настоящее время можем только привести следующие данные: в 1873 году, т. е. 9 лет спустя после окончательного сформирования министерства, было действительно в нем 785 офицерских чинов, т. е. на 33 человека более того, что определено было по штатам в 1864 году (752 чел.), между тем как уже в то время необходимо было по ходу дел развить и даже создать вновь некоторые части, как например, в Главном штабе — комитеты мобилизационный и по передвижениям войск по железным дорогам, в интендантстве — технический комитет, и другие. Необходимость временно добавления некоторых чиновников и даже столов в последствие бывшей войны служит лучшим доказательством, что в постоянном составе главных управлений излишества нет. Чиновников без определенных должностей под разными наименованиями: состоящих для поручений, состоящих при министерстве, и т. п. — гораздо менее, чем во всех других ведомствах, а некоторые из лиц этой категории, хотя и не имеют постоянных текущих обязанностей, почти всегда заняты по временным командировкам, как, например, состоящие при интендантстве. Наконец, если б даже и в самом деле оказалось возможным кое-где сократить нескольких чиновников, то едва ли стоило бы об этом поднимать вопрос.

Но критики требуют радикальной переделки, существенного сокращения. Появлялись в печати даже такие крайние мнения, что предлагалось довести состав Военного министерства чуть ли не до размеров какой-нибудь коммерческой конторы; такие мнения опровергать не стоит; но оставаясь в пределах благоразумного и вполне законного желания возможно сократить и личный состав, и размер делопроизводства, несмотря на все сделанные уже неоднократно попытки достигнуть этой цели, можно, конечно, остановиться на вопросе: отчего у нас, и не в одном Военном

---

¹ По имеющимся под рукою официальным сведениям, в Министерстве внутренних дел с 1863 по 1872 года число входящих и исходящих номеров увеличилось с 189,633 до 388,256, т. е. вдвое.

министерстве, а во всех вообще ведомствах, личный состав и работа администрации так велики сравнительно с другими государствами? — Нет ли тому какой-либо общей причины, присущей всему нашему государственному строю? Было же время, когда и у нас потребности администрации удовлетворялись очень немногочисленным персоналом; но то было время патриархальной простоты, когда все дела велись полуграмотными людьми, когда и не требовалось ни строгой отчетности, ни единообразного ведения дела, когда каждый начальник мог действовать по своему уму-разуму, хозяйничая, напр[имер], в полку как в своем хуторе; когда не было ежедневной заботы о новых улучшениях, преобразованиях, а все шло привычным путем. Постепенно дух времени вытеснял эту блаженную патриархальность; постепенно вводились новые порядки, и постепенно усложнялась огромная машина всероссийской администрации. С каждой новой реформой прибавлялись новые колеса в этом механизме. Быть может, когда-нибудь и упростится он, хотя для того необходим общий пересмотр почти всего нашего законодательства; но есть условия, которые едва ли можно когда-либо устранить и которые ставят нас в исключительное положение сравнительно с другими европейскими государствами. Россия — это целая часть света; ни в каком другом государстве и не может быть таких разнообразий и сложных соображений в виду администратора и законодателя. То, что в другом государстве достигается одною краткою статьею закона, у нас требует обширной и сложной регламентации. Вот одна из главных причин, по которым всякое сравнение наших порядков с иностранными оказывается не в нашу пользу. Конечно, можно присоединить и другие второстепенные причины и между прочим — долговременную привычку нашу к крайней централизации: каждая инстанция административная считает своим долгом «подбирать к рукам» все, что ниже стоит, и в то же время боится принять на себя ответственность пред высшею, предпочитая «испросить разрешение». Этот недостаток нашей администрации и составляет главную причину того, что привыкли называть «бюрократизмом».

Если подобный недостаток сколько-нибудь еще замечается и в военном ведомстве, то исправить его может только время, которое одно может осилить вкоренившиеся привычки; но ни в каком случае нельзя винить в том самую систему и сделанные в прошлое царствование преобразования. Мы привели выше положительные факты и цифры, доказывающие что при переустройстве Военного министерства все внимание было обращено именно на сокращение личного состава и делопроизводства, и что цель эта действительно была достигнута в значительной степени. Можно ли то же самое сказать и в отношении местной администрации — покажет разбор *военно-окружного* устройства.

II

Более всего толков и нападков возбуждалось относительно *военно-окружной системы*, которую почему-то ставили в противоположность *системе корпусной*, приписывая первой характер бюрократический, несо-

гласный с условиями строевыми и военного времени. Притом ставили в упрек, что учреждение у нас в 1864 году военных округов было подражанием тогдашнему французскому устройству, в противоположность системе прусской.

Все это показывает какое-то странное недоразумение. Чтобы разьяснить его, приходится обратиться к самым элементарным понятиям о военной администрации и к некоторым историческим указаниям.

Военные *силы* государства составляют совокупность многих разнородных элементов:

Войск полевых;

Войск резервных, или запасных, территориальных или каких-либо других подобных наименований;

Запаса людей, остающихся в среде населения, как материал для пополнения армии по военному составу;

Материальных средств, потребных для армии в мирное и военное время, как-то: оружия, снаряжения, одежды, продовольствия;

Разных военных учреждений: военно-учебных, военно-судебных, и проч.

Заведывание всеми этими разнообразными элементами требует такого военно-административного устройства, которое поддерживало бы полную связь и единство между ними, устраняло бы разнь и неурядицу, приводило бы их в такое стройное соглашение, чтобы в случае войны можно было с возможною быстротою направить все средства к одной цели — именно, к сформированию армий и к обеспечению их *источниками* снабжения на время войны.

В наше время более чем прежде требуется чрезвычайная быстрота в приготовлении армий к войне, что привыкли называть «мобилизацией». Поэтому более чем когда-либо необходимы единство и стройность в заведывании и распоряжении разнородными элементами военной силы.

В этом отношении первый пример подала Пруссия, и вся Европа постепенно должна была усвоить себе те начала, которые были в Пруссии последствием тяжких ударов, нанесенных Наполеоном I.

Всем известно, что вследствие войны 1806 и 1807 годов Пруссия вынуждена была ограничить свою армию самою малою цифрою; но чтобы не лишиться себя на будущее время возможности когда-либо поправить свои дела и восстановить свое политическое значение, она должна была обратить армию в кадр или школу для приготовления по возможности большего числа солдат, которые после короткого обучения возвращаются в свои дома, в ожидании призыва на службу. Кроме людей, разумеется, нужно было приготовить и запасы материальных средств и дать самой администрации такое устройство, которое позволяло бы в случае войны быстро собрать подготовленную массу людей и вещей в виде армии, численностью своею превосходящую в несколько раз кадр мирного времени.

Система эта вполне удалась. Уже в кампании 1813 и 1814 гг. она принесла Пруссии великую пользу, хотя была еще только в зародыше. Она разрабатывалась позже в течение нескольких десятилетий и доведена в наше время до идеального совершенства. Основание ее, как выше объяснено, *территориальное*. Географические и статистические условия страны замечательно облегчали задачу. Прусское королевство в тех пределах, какие получило оно по Венскому конгрессу, состояло из 8 областей довольно однообразного состава и по пространству, и по населенности. Из каждой области можно было образовать район для комплектования и снаряжения известной части армии, именно одного корпуса в составе двух пехотных дивизий, и, таким образом, все государство разделялось на 8 довольно равных и однородных *корпусных округов*; в каждом округе, соответствующем области, сосредоточились в одном лице все ветви военного управления: командир корпуса заведовал в своем округе и всеми военными средствами, и местными военными учреждениями.

Вот стройная машина, которая сделалась идеальной для всех других государств. Везде и всегда существовало военное территориальное деление, везде было нечто похожее на военные *округа*, но устройство их не может быть одинаково; оно видоизменяется сообразно общим политическим, географическим и другим условиям. Так, напр[имер], во Франции военные округа назывались «*divisions militaires*». Это были не дивизии строевые, но территориальные; войска, расположенные в этих округах, не совокуплялись в крупные единицы, кроме полковых. Это было, конечно, несовершенство системы, и после несчастной войны 1870—1871 гг. Франция принялась за переустройство своей организации, приняв за образец прусскую.

В Австрии также существовали всегда военные округа; но при разноплеменности этого государства немислимо было применение прусской системы. Правительство австрийское, мало полагаясь на преданность некоторых национальностей, входивших в состав империи Габсбургов, сочло необходимым принять за правило — не оставлять войска в тех округах, где они комплектуются; выходила странная аномалия, что каждая часть войск должна была получать людей и все запасы из дальних местностей от обыкновенного своего расположения. Большие изменения, сделанные в австро-венгерских войсках после последних больших войн, не могли однако ж вполне слить эти войска в одну нераздельную армию.

Можно сказать вообще, что ни одно государство в Европе не имело возможности применить у себя систему прусскую во всей строгости; везде приходилось приспособляться к особенностям географическим, этнографическим и политическим; но везде в основание преобразований новейших времен полагалась одна общая цель — поставить войска сколько возможно в такое положение, чтобы можно было скорее и легче направить все средства к переходу на военное положение; а для этой цели необходи-

мо было приурочить организацию войск к территориальному делению государства. Нигде не видим совершенного разобшения строевого начальства от военно-территориального, и нигде в мирное время не сохраняется военное деление на *армии*.

Обратимся теперь к нашему отечеству.

Военные округа в некотором виде уже существовали у нас до начала нынешнего столетия под названием «инспекций». Разделение это можно видеть, не роясь в архивах, на маленькой карте, приложенной к I-му тому сочинения: «История войны 1799 года» Милютин. Само собою разумеется, что устройство этих округов было крайне элементарно, в соответствии тогдашним несложным требованиям военной администрации. В эпоху больших наполеоновских войн и мы должны были выставить многочисленные армии, каких не бывало прежде, и тогда в подражание французам ввести деление армии на *корпуса*. Деление это было, конечно, необходимо при огромных массах войск; но так как Наполеон во все время своего владычества не переставал вести войны, то в короткие промежутки между одною и другою кампаниями не стоило расформировывать корпуса. Только по окончании этого воинственного периода корпуса были во Франции упразднены. Название это осталось в Пруссии за теми округами, о которых говорено выше, а у нас в России сохранилось уже как постоянная строевая единица. Сохранялись у нас долгое время и армии, сначала были две, а потом одна, под названием «первой армии». Она состояла из трех армейских корпусов (1-го, 2-го и 3-го) и занимала Царство Польское и западные губернии до Западной Двины и Днепра. Армия эта, имея в голове главнокомандующего, соединявшего в своем лице и звание наместника царского в Польше, и сохраняя все органы полевого управления, как в военное время, — долго служила угрозой для Европы.

Но рядом с этой армией, составлявшею странную аномалию среди глубокого мира, существовали по необходимости и учреждения мирного времени: корпуса, не входившие в состав «первой» армии, были непосредственно в ведении военного министра; на окраинах же азиатских корпусов имели совершенно иной характер: управление корпусом было вместе с тем и местное. Так, на Кавказе корпусный командир был вместе с тем и главным начальником края (впоследствии наместником и главнокомандующим). Оренбургский и сибирский корпусов состояли всего из нескольких линейных батальонов; но корпусный командир был главным начальником и военным и гражданским в крае. Такое сосредоточение власти признавалось совершенно необходимым именно потому, что в тех краях велась почти постоянная война, а в краткие промежутки покоя необходимо было держать все части военного управления во всегдашней готовности к действиям. Таким образом, наши окраины, как азиатские, так и западные, европейские, в сущности представляли уже устройство, сходное с введенными впоследствии и ныне существующими военными округами.

Но и в средней части Европейской России, независимо от *строевого* деления войск на корпуса, существовали у нас *округа* специально по каждому ведомству: были округа внутренней стражи, артиллерийские, инженерные, комиссариатские, провиантские, военно-учебных заведений. Но районы этих разных округов не совпадали, так что каждая часть войск, расположенная в известном пункте, для удовлетворения своих материальных потребностей должна была обращаться в разные стороны: по части обмундирования — туда, где находилась ближайшая «комиссариатская комиссия»; по части продовольствия — шла в провиантскую комиссию или впоследствии к ближайшему обер-провиантмейстеру; по части оружия — в другой пункт, где находился артиллерийский арсенал, и т. д. Можно себе представить, какие происходили от этого неудобства, проволочки, пререкания. Надобно притом заметить, что каждое из местных хозяйственных учреждений имело весьма ограниченный круг власти и должно было во всех мелочах обращаться к соответствующему департаменту, которого права также были весьма стеснены, и в котором почти все дела проходили коллегиальным порядком (через общее присутствие). Кто помнит тогдашние порядки и кто имел случай испытать их на практике, тот не забыл, конечно, какие тогда происходили пререкания между строевыми начальниками и хозяйственными органами министерства; какие жалобы доходили до центральной власти от войсковых начальников; какой был ропот в войсках, — не говоря уже о крупных злоупотреблениях и воровстве, — тому покажутся странными теперь жалобы на мнимый бюрократизм и централизацию. Можно себе представить, какие затруднения встретились бы в отношении мобилизации при тогдашнем разъединении местных органов военного управления. Можно положительно сказать, что быстрая мобилизация была бы совсем невозможна. Зато в те времена приведение армии на военное положение требовало многих месяцев времени, несмотря на то, что самые войска тогда держались в большом комплексе, и что существовали не только корпуса, но и армии¹.

И вот тот идеал, к которому желали бы возвратиться противники нашей теперешней военно-окружной системы!

Военные округа у нас и были созданы именно для того, чтобы устранить испытанные уже в продолжении многих лет огромные неудобства прежнего разъединения в местном военном управлении. Объединение было тем необходимее, что во всех европейских государствах в подражание Пруссии военные силы развивались все более и более в громадных размерах, и везде принимались меры, чтобы иметь возможность в самое короткое время «мобилизовать» все войска, т. е. привести их на военное положение и сформировать армии *там, где требуется по соображениям стратегическим и политическим.*

---

¹ В 1859 году для приведения на военное положение 4 корпусов, т. е. для сбора 67 тыс. отпускных нижних чинов потребовалось более 5 месяцев.

Для создания военных округов мы имели уже готовый образец не в иностранных государствах, но в устройстве наших же окраин, где с давнего времени существовала местная военная власть, достаточно самостоятельная не только для обычного в мирное время ведения дел, но и для распоряжений военного времени, не обращая по всякой мелочи к центральной власти в Петербурге, — власть, объединяющая в себе начальствование и над войсками, полевыми и местными, и над местными органами хозяйственными. Приходилось только регулировать то, что уже существовало, т. е. выработать такие положения, которые точнее и правильнее определили бы власть и круг действий как главного начальника округа, так и подчиненных ему специальных отделов окружного управления: интендантского, артиллерийского, инженерного, военно-медицинского, и т. д. При разработке этих положений было поставлено целью — придать местному военному управлению достаточную степень самостоятельности, устранить излишнюю централизацию, сохранив однако же связь специальных отделов военно-окружного управления с соответствующими главными управлениями министерства, в той мере, сколько это необходимо для поддержания единства и общего контроля во всех войсках и частях империи.

Положение 1864 года разрешило эту задачу вполне успешно, как показал 16-летний опыт. Главным начальником округа облечен такую властью, которая дает ему возможность и охранять интересы подчиненных ему войск всех наименований, и решать на месте все могущие встретиться затруднения или недоразумения между войсками и органами хозяйственных управлений министерства. По делам хозяйственным в помощь главному начальнику округа дан военно-окружной совет, составленный из подчиненных же ему начальников отделов окружного управления. Совет обсуждает и решает такие хозяйственные дела, которые не могли бы быть предоставлены чьей-либо единоличной власти; это местное коллегиальное учреждение есть одно из главных средств децентрализации; оно дало возможность разрешать на месте такие вопросы, которые в прежнем порядке должны были восходить до центрального управления, а между тем чрез это нисколько не стесняется власть главного начальника округа, которому закон предоставляет в важных случаях принимать решение на свою личную ответственность. Отделы военно-окружного управления, получая от соответствующих главных управлений министерства *общее направление*, действуют в отношении *исполнения* под прямым, *фактическим контролем* близко стоящей власти.

Но главный начальник округа прежде всего есть *командующий войсками* или *главнокомандующий*. Не без умысла и присвоено ему это звание: Положение 1864 года поставило его в прямые и ясные отношения ко всем без различия расположенным в округе войскам. Трудно найти в этом Положении что-либо препятствующее ему исполнять успешно обязанности высшей строевой инстанции. Напротив того, подчинение

ему всех органов администрации предоставило ему возможность действительно охранять интересы войск, не жаловаться только центральной власти, но самому принимать надлежащие меры. Для облегчения же главного начальника в исполнении обязанностей его по делам хозяйственным в больших округах допускается учреждение особой должности помощника главного начальника, на которого может быть возлагаемо и председательство в военно-окружном совете.

Противники военно-окружной системы обыкновенно противопоставляют ей какую-то «корпусную систему». Но в таком противопоставлении обнаруживается полное незнание дела: *корпус* есть единица исключительно строевая, тогда как округ есть полное органическое управление всеми военными силами и средствами в пределах известной территории. Повод к такому странному смешению понятий подало то случайное обстоятельство, что в одно время с учреждением у нас военных округов упразднено было деление войск на корпуса. Упразднение это было мотивировано только тем соображением, что при существовании округов признавалось *возможным обойтись* без корпусного начальства, приняв за самую крупную единицу в мирное время — дивизию. Соображение это, кроме финансовых выгод, оправдывалось еще и тем, что прежние наши корпуса составляли слишком крупную единицу, которую приходилось часто дробить в военное время. Но упразднение корпусной инстанции в мирное время не значило, что новая должность командующего войсками в округе *заменила* упраздненную должность, хотя действительно некоторая часть обязанностей корпусного командира перешла к командующему войсками округа, однако ж другая часть перешла к начальнику дивизии, который получил большую самостоятельность. Не надобно забывать, что в одно время с Положением об округах последовало и новое Положение об управлении дивизиями, причем имелась также в виду общая цель — возможная децентрализация. Восстановление у нас корпусов по случаю последней войны, сохраненное потом и в мирное время, служит наглядным указанием на то, что корпусная организация может уживаться и с округами; что одна лишняя *строевая* инстанция может возбуждать сомнение разве только со стороны экономии, но несколько не умаляет функций и значения военного округа.

Управление военного округа по своему характеру и значению имеет гораздо более сходства с управлением армии в мирное время. Как сказано выше, корпус в составе армии есть исключительно *строевая* единица, тогда как управление армии сосредоточивает в себе все отрасли администрации, также как и военный округ. Есть ли существенное различие между теперешними военно-окружными управлениями варшавскими или кавказскими и прежними управлениями «первой» армии или кавказской? Изменилось ли военное значение и власть главнокомандующих или командующих в Варшаве и Тифлисе с того времени, как Положение 1864 г. (и дополнительное к нему 1865 г.) определило более точными рамками функции каждой из составных частей управления, привело весь механизм

их в большую стройность и тем устранило всякие поводы к недоразумениям и пререканиям между местными управлениями и министерством?

На чем же основано обвинение военно-окружного устройства в том, что оно будто бы пригодно только на мирное время, что оно в противоречии с условиями военного времени? Мы видим совершенно противное: организация военно-окружная гораздо более приближается к условиям военного времени, чем всякая другая система, основанная на разобщении строевой иерархии от местного военно-административного устройства. Выше уже замечено, что первым указанием нам для образования округов послужило прежнее устройство наших окраин, где постоянно велась война. Первые же военные округа были введены еще прежде составления общего Положения 1864 года, именно в 1862 году, также на западной нашей окраине: в Варшаве, Вильно и Киеве, и в такое именно время, когда в крае возникло мятежное движение и предвиделась возможность европейской войны. Положение дел было таково, что начальство «действующей армии», сосредоточенное в Варшаве, не имело возможности распоряжаться на всем пространстве расположения армии. Оказалось необходимым упразднить это управление, и вместо него образовать три самостоятельные центра военного управления, предоставив в распоряжение каждого из округных начальников все местные средства для энергического подавления восстания.

Последствия вполне оправдали эту меру. Приведем здесь несколько строк из отчета военного министра за 1863 год:

«Подавление вооруженного восстания потребовало особенной распорядительности со стороны местных военных властей и совокупного употребления ими всех военных средств края. Сообщения были затруднены бродившими по всему пространству его мятежническими шайками, причем распоряжения, исходившие из Варшавы или Петербурга, не могли бы быть ни столь своевременны, ни столь ответственны с обстоятельствами, как распоряжения местных командующих войсками в округах. Никак не могли бы заменить их и прежние корпусные командиры, имевшие в своем ведении одни только полевые регулярные войска, тогда как главные начальники округов, действуя в гораздо более обширных пределах власти, распоряжались всеми войсками края, регулярными и иррегулярными, полевыми и местными, равно как и всеми военными учреждениями: артиллерийскими, инженерными, интендантскими, врачебными и проч. По всей справедливости заключить можно, что если мятежнические шайки, разбиваемые войсками, нигде не успевали сосредоточиваться в сколько-нибудь значительных силах, то должно отнести это к тем средствам, которые были предоставлены в распоряжение командующих войсками в округах и к той степени власти, которою они были облечены...».

Как первые три округа, образованные на западной нашей окраине взамен прежней «первой армии», так и открытый вслед затем округ Одесский, а в следующем 1864 году и прочие округа Европейской России,

вводились в такое время, когда нужно было не только подавить внутренний мятеж, но и готовиться на случай внешней войны; а потому разграничение округов было соображено не только с условиями административными мирного времени, но и со стратегическими¹. Как в прежние большие войны мы не могли обходиться одною только действующею армиею, так и еще более в будущем война будет происходить на нескольких театрах действий. В случае войны оборонительной, со стороны обоих ли соседних государств, или одного из них, каждый из трех западных округов будет по всем вероятностям особым театром действий. Один главнокомандующий в Варшаве не имел бы возможности непосредственно распоряжаться на остальных двух театрах действий. Если ж в то же время можно было бы опасаться нападения и с моря, то округа Одесский, Петербургский и Финляндский также составили бы отдельные театры военных действий и каждый из них требовал бы особой самостоятельной военной власти. Существование военных округов доставило бы нам неисчислимые выгоды: на каждом театре мы имели бы готовые полевые управления армий, составленные из лиц вполне освоившихся с местными условиями. При надлежащем направлении в мирное время деятельности окружного штаба и других отделов управления война не застанет нас врасплох; каждый театр действий будет насколько возможно подготовлен заблаговременно; все начальствующие лица, офицеры Генерального штаба, чиновники интендантские — знакомы с краем и его средствами. Предназначенные для действий полевые войска находили бы поддержку в войсках местных, с которыми были бы связаны единством власти.

Не менее выгод могут доставить округа и в случае войны наступательной. И в этом случае окружные управления дадут превосходный кадр для формирования полевых управлений действующих армий. И в прежнее время, при постоянном существовании «первой» армии, главнокомандующий, принимая лично начальство над войсками, назначенными к движению за границу, выделял из постоянного варшавского управления то число лиц, какое было нужно для похода, оставляя прочих для управления местного в тылу армии. Тоже самое может быть исполнено и ныне в каждом из округов; в случае назначения самого начальника округа главнокомандующим действующей армии обязанности его в округе принимает его помощник или окружной начальник местных войск (как предполагалось Положением 1864 года). Во всяком случае, с переходом армии за границу в тылу ее остается подчиненное главнокомандующему правильно организованное местное военное управление, которое должно служить типом и для устройства в случае нужды заграничного управления в занятом крае. Но об этом будем еще иметь случай говорить впереди.

---

¹ За исключением одного Рижского округа, который в первое время был открыт только для того, чтобы избежать двойственной власти; он был упразднен немедленно по упразднении Прибалтийского генерал-губернаторства.

Все сказанное может служить ответом тем, кто находит, что наши военные округа не довольно крупны и предлагают слить по несколько округов в один. Иные даже доходят до несбыточного предположения о разделении всей Европейской России на 4 армии! Как-то странно слышать подобное мнение рядом с указанием на образцовое военное устройство в Германии, где округ составляет район одного только корпуса. Насколько немислимо у нас раздробить округа так, чтобы каждый корпус составлял отдельный административный район¹, настолько же было бы несообразно ни с стратегическими соображениями, ни с целями административными дать округам слишком обширный район и слишком большой состав войск. Наши теперешние округа имеют уже весьма полновесный состав: например, в Варшавском округе, обнимающем территорию одного Царства Польского, расположено ныне более войска, чем состояло в трех корпусах бывшей «первой армии», хотя она и занимала весь Западный край. Не говоря о Кавказском округе, заключающем в себе и ныне целую армию, укажем на Московский округ, охватывающий район 12 губерний с 16-ю милл. народонаселения, 6-ю дивизиями полевой пехоты и большим числом местных войск. Казанский округ, при малом числе полевых войск, имеет зато громадное протяжение (даже и до присоединения к нему бывшего Оренбургского округа) и массу местных войск, которые в случае войны служат кадрами для формирования значительного числа боевых сил и запасных частей.

Несоразмерная обширность окружных районов неизбежно повела бы к большим невыгодам и даже парализовала бы совершенно всю систему. По букве и духу Положения об округах на главном начальнике округа лежит ближайший фактический контроль как по строевой части войск, так и по местным хозяйственным управлениям. Чем обширнее район, чем больше в нем число войск и учреждений, тем окружное начальство стояло бы далее от подведомственных частей, тем слабее был бы надзор за ними, тем более управление приняло бы именно тот бюрократический характер, против которого так ратуют противники военных округов. Если ж осуществилась бы странная мысль о разделении России на четыре только округа или четыре армии, то подобная чудовищная организация была бы равносильна уничтожению всякой *местной* власти и образованию четырех новых министерств, сверх существующего центрального; каждый из отделов управления армии или округа сделался бы передаточным местом, чрез которое проходила бы только переписка к тем испол-

---

¹ Известно, что у нас большая часть полевых войск сгруппирована на западной половине империи, и что иначе быть не может. Поэтому пришлось бы Варшавский округ раздробить на 4 округа, Виленский на 3 и т. д. Такое разделение на корпусные районы не имело бы никакого смысла, так как войска у нас комплектуются не в самом районе их расположения, как в Германии. Наша организация представляет ту важную выгоду, что полевые войска сохраняют полную подвижность и не прикованы к какой-либо местности.

нительным инстанциям, которые пришлось бы создавать вновь. Сомнительно, чтобы подобная переработка существующей системы повела к упрощению и удешевлению управления.

По поводу предложения о восстановлении армий в мирное время не можем не высказать, что это было бы величайшей ошибкой не только в указанных выше соображениях административных, но и в смысле военном и политическом. Война есть, к счастью человечества, явление не вседневное; хотя в долгие промежутки мирные и следует готовиться к войне, в силу известного изречения: *si vis pacem, para bellum*, однако ж, это не значит держать постоянно армию со всеми их полевыми управлениями наготове, как накануне войны. Притом же среди глубокого мира нельзя предвидеть, с кем и при каких обстоятельствах вспыхнет война, где и в каком составе придется формировать армии. Большею частью бывает даже так, что политические отношения усложняются постепенно; к военным мерам приступают секретно и незаметно, не обнаруживая вперед намерений и планов. Все это легко исполняется при окружной системе и весьма трудно при постоянном существовании армий в определенном составе. Всякая передача части войск от одной армии к другой — является уже явным признаком предпринимаемых военных мер. С развитием приготовлений к войне придется или перемещать главные квартиры армий, или оставлять главнокомандующих на местах, перемещая только войска их. Так и будет неизбежно, что армии сформируются там, где по стратегическим и политическим соображениям окажется нужным, а главнокомандующие армий мирного времени останутся при одних штабах своих без армии. Может случиться и еще худшее, что каждый из главнокомандующих будет отстаивать целость и неприкосновенность своей армии и противудействовать надлежащему распределению войск,сообразно требованию обстоятельств.

В заключение остается дать объяснения по поводу еще некоторых частных замечаний на военно-окружную систему.

Упрек относительно чрезмерной многочисленности личного состава управлений и распложения переписки не имеет ни малейшего основания. Неизвестно, откуда берутся громадные цифры, которыми полемические статьи забрасывают читателя и поражают его воображение; но вот те цифры, которые имеют официальную достоверность.

Всех офицерских чинов (военных и классных) во всех военно-окружных управлениях, по штатам 1864 г., положено — 1797.

Во всех же прежде существовавших управлениях, упраздненных с открытием округов, состояло — 2525.

Следовательно, по штатам военных округов число офицерских чинов уменьшилось на 728, т. е. на 29%.

Девять лет спустя после открытия округов, со всеми добавлениями к штатам 1864 и 1865 годов и с присоединением нового округа Туркестанского, состояло действительно — 1972.

Следовательно, все-таки менее прежнего на 553 чел., т. е. на 22%.

При составлении штатов военных округов, также как и центральных управлений, достигнуто было значительное улучшение содержания чинов насчет уменьшения числа их.

К сожалению, мы не имеем под рукою цифр за последнее время, после 1873 года; по всем вероятностям, наличное число чинов в военно-окружных управлениях несколько возросло; но возрастание это, как уже было в своем месте объяснено, есть явление довольно общее; во всяком случае, в военных управлениях оно всегда удерживалось в пределах строгой необходимости и можно наверно сказать, что и ныне, несмотря на расширение границ империи, на увеличение армии, на громадные хозяйственные запасы, число служащих в военно-окружных управлениях гораздо менее, чем было в дореформенных, упраздненных учреждениях. Если в каком-нибудь из управлений, или при котором-либо начальствующем лице и бывают лишние чиновники, не положенные по штату, то может ли это быть отнесено к системе военно-окружной, и стоит ли об этом возбуждать полемику? Можно скорее пожалеть о том, что в личном составе управлений штатное число чинов ограничено строгою необходимостью мирного времени, и что нет вовсе запаса на случай формирования полевых управлений в военное время. Вследствие последней войны поднят был вопрос об образовании запаса чинов для полевых интендантств; но вопрос этот остался без последствий по финансовым соображениям. Та же причина заставляет в мирное время ограничивать личный состав не только управлений, но и строевых частей, хотя всякое уменьшение в мирное время очевидно увеличивает затруднения для формирования тех и других по штатам военного времени. При такой необходимости всевозможных сокращений может ли быть речь о постоянном содержании в мирное время полевых управлений на случай войны?

Как всякое дело рук человеческих, Положение о военных округах, конечно, может иметь свои недостатки и, как всякое государственное учреждение, как всякое законоположение, не может оставаться навсегда без изменений. Но прежде, чем изменять Положение, необходимо положительным образом и категорически определить, в чем именно состоят его недостатки, и убедиться в том, что действительно оно нуждается в исправлении. К сожалению, случается нередко, что под видом исправления недостатков существующего положения предлагаются меры, совершенно извращающие его. Вместо усовершенствования получается искажение.

В числе мнений, высказанных относительно военно-окружного управления, можно признать наиболее законным и разумным — желание достигнуть по возможности большей децентрализации расширением прав военно-окружного начальства на счет центрального и корпусного — на счет военно-окружного. Такое желание не только не противуречит основным началам Положения 1864 года, но оно даже было поставлено при разработке его на первый план. Задача была нелегкая: требовалось обдуманно провести черту разграничения функций центральной и военно-окружной власти так, чтобы удержаться на разумной середине между двумя

противуположными условиями: с одной стороны — расширить сколько возможно круг действий и самостоятельность военно-окружного начальства; с другой же стороны — сохранить за министерством то, что необходимо для единства в армии и в направлении военного хозяйства. Если в разрешении этой задачи возможно пойти еще несколько дальше, чем сделано в Положении 1864 года и некоторых последующих дополнениях к нему, то разве весьма незначительно. И в самом деле, в чем именно могла бы быть расширена компетенция военно-окружного начальства? В отношении к войскам, т. е. по части строевой, штабной, — до сих пор никогда не было слышно жалобы на какое-либо стеснение командующих войсками; круг действия их ограничивается лишь теми пределами, за которыми решает лишь одна воля Верховного вождя Армии. Пределы эти точно определены законами в видах охранения единства и единообразия всей армии. Что же касается до разграничения круга действий командующего войсками округа и корпусного командира, то вопрос этот тщательно обсуждался в весьма недавнее время; но если б, несмотря на то, в решении его оказалось по опыту какое-либо неудобство, то по всем вероятностям оно было бы исправлено обыкновенным установленным на такие случаи порядком.

В отношении же к делам хозяйственного управления, столь желаемая децентрализация также встречает пределы в существующих общегосударственных законах, определяющих порядок составления и исполнения смет, испрошения кредитов, контрольной отчетности и ответственности самого министерства. В своем месте было объяснено, что и Военный совет, несмотря на предоставленные ему обширные права, действует в тех же пределах общего закона. Каждое из главных управлений Военного министерства, неся известную ответственность, должно сохранять за собою и соответствующую степень деятельности, давая хозяйственным делам общее направление. Как ни желательно пойти далее в децентрализации управления, необходимо однако же не отступать от точно выраженного в Положении 1864 года основного начала: что в хозяйственном управлении главное *направление* дается от министерства, а военно-окружные управления — суть *исполнительные* органы, действующие под ближайшим фактическим наблюдением главного начальника округа.

Д.А. МИЛЮТИН
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Деятельность Д.А. Милютина — военного министра Александра II — до сих пор не являлась предметом научного исследования. Единственная работа, посвященная его жизни и деятельности, принадлежит перу профессора Николаевской академии Генерального штаба А.К. Байова — «Граф Дмитрий Алексеевич Милютин», СПб., 1912. Написанная в год смерти Милютина, она представляет собою, по существу, некролог, а поэтому, естественно, не может рассматриваться как научное исследование¹.

* * *

Дмитрий Алексеевич Милютин родился 28 июня 1816 года в Москве, в дворянской семье.

Прадед Милютина — Андрей Яковлевич — в 1714 году вместе со своим братом Алексеем Яковлевичем, служившим ранее комнатным истопником при царях Петре и Иване Алексеевичах, был владельцем шелковой, позументной и парчевой фабрики, а позднее — торговых бань в С.-Петербурге.

В 1740 году Милютиным пожаловано потомственное дворянство.

Отец Милютина — Алексей Михайлович, унаследовав от своего отца фабрику и имения вместе с огромнейшими долгами, в течение долгих лет безуспешно стремился поправить свое состояние и, в конце концов разорившись, поступил на службу секретарем Комиссии по построению Храма Христа Спасителя.

Увлечение предпринимательской деятельностью, большой интерес, проявляемый к различным экономическим вопросам, делали образ жизни Алексея Михайловича Милютина мало похожим на обычные условия существования дворянина-помещика².

Если отец Милютина представлял собою своеобразного «буржуа во дворянстве», то мать его — Елизавета Дмитриевна, урожденная Киселева (родня сестра известного государственного деятеля гр. Павла Дмитриевича

---

¹ Работа Байова содержит также и ряд фактических ошибок.

² В архиве Милютина сохранились рукописные записки его отца по следующим вопросам: «Мысли о новом безакциозном уставе», «Опыт о государственном хозяйстве», «О заведении фабрик в России» и ряд других.

ча Киселева), принадлежала к старинному дворянскому роду, и это определяло в некоторой степени близость молодого Милютина к кругам именитого дворянства.

Детские годы Милютина проходят частью в имении — селе Титове, Лихвинского уезда, Калужской губернии, частью в Москве. Начальное образование Милютин получает под руководством родителей¹, а в 1828 году поступает прямо в 3-й класс Московской губернской гимназии. Однако неудовлетворительная постановка учебного дела в гимназии заставляет отца в 1829 году определить Милютина и его двух младших братьев — Николая и Владимира² — в Московский университетский пансион, который Милютин и оканчивает с серебряной медалью в 1832 году.

Уже в детские годы, учась в университетском пансионе, Милютин проявляет большой интерес к различным отраслям знаний и особенно к литературе. В возрасте 13–14 лет он пишет свои первые работы «Опыт литературного словаря» и «Руководство к съемке планов с применением математики», изданные отдельными книгами в 1831 году. Несмотря на несовершенство этих полудетских работ, одна из них — «Руководство к съемке планов с применением математики» (М., 1831, 78 стр.) вызвала появление двух рецензий — в «Московском телеграфе» и «Северной пчеле». В рецензии «Северной пчелы» давалась следующая оценка книги:

«Автору сей небольшой книжки пятнадцать лет от роду: сие замечание сделано нами не для того, чтобы извинить могущие встретиться в ней недостатки, а для того только, чтоб обратить внимание любителей наук на труды молодого человека, обещающего со временем своими талантами и образованием и любовью к наукам сделаться полезным гражданином отечеству... Книжка сия написана очень порядочно: связно, внятно, и хотя еще нетвердым, но довольно правильным слогом...»³.

Во время пребывания в университетском пансионе Милютин вместе со своим братом Николаем возглавлял ученический литературный кружок, издававший рукописный журнал «Улей».

---

¹ Отец Милютина — Алексей Михайлович — был далеко незаурядным человеком. Помимо увлечения экономическими вопросами, он проявлял интерес и к точным наукам, состоя членом Общества естественных знаний при Московском университете, и являлся автором книги: «Руководство к построению водяных мельничных колес, основанное на законах гидродинамики».

² Семья Милютиных, помимо старшего сына Дмитрия, состояла из сыновей: Николая Алексеевича — известного деятеля крестьянской реформы, Владимира Алексеевича — экономиста, профессора Петербургского университета, одного из сотрудников журнала «Современник», Бориса Алексеевича — служившего чиновником в Сибири, и дочери Марии Алексеевны, в первом браке Авдулиной, во втором — Мордвиновой.

³ «Северная пчела», 1831 г., № 198.

Наконец, из «Дневника» Веры Сергеевны Аксаковой мы узнаем, что в бытность в университетском пансионе Милютин принимал участие в литературном обществе, возглавляемом Константином Сергеевичем Аксаковым.

Мы не располагаем материалами, которые давали бы возможность судить о политических взглядах юного Милютина, однако наличие в его полудетском альбоме собственноручных списков свободолюбивых произведений Пушкина «Деревня» и «Послание Чаадаеву» в некоторой степени характеризует его общественные интересы.

По окончании университетского пансиона 17-летний Милютин направился со своим отцом в С.-Петербург, где он был определен на военную службу — фейерверкером во вторую батарейную роту 1-ой гвардейской артиллерийской бригады.

Став офицером, Милютин не прерывает своей литературной работы. В конце 1833 года он пишет обширную критическую статью, посвященную разбору вышедших в том году курсов физики Д.М. Перевощикова «Руководство к опытной физике» и М.Г. Павлова «Основания физики». В ней, отдавая преимущество «позитивизму Перевощикова пред метафизикой Павлова», автор высказывает свой взгляд на задачи русской науки: «...Фальшивое правило приняли те, кои думают, что по бедности нашей отечественной литературы должно довольствоваться и малым, и одною *леттою*¹, приносимую в урну просвещения, должно хвалить и те книги, кои в нашем бедном тесном кругу на нашу монету приобрели себе первое место: — Нет... от русской нововыходящей ученой и учебной книги мы требуем соперничества со всеми уже известными ее сверстниками, не только соотечественными, но и иностранными»².

Наряду с этим Милютин серьезно изучает геодезию и топографию, намереваясь написать работу взамен прежнего его полудетского труда «Руководство к съемке планов с применением математики».

Интересно привести также и высказывания 17-летнего Милютина о задачах литературы. В одном из своих писем к брату Николаю он излагает ему свою точку зрения на метод, каким должен руководствоваться писатель: «Не знаю, как ты, — пишет он, — а я очень люблю *полноту* и если за что-нибудь принимаюсь, то всегда желаю обнять предмет свой во всем его объеме. В наше время этот вкус очень распространился — почувствовали нужду в систематическом воззрении на предметы, и это верный залог будущих успехов просвещения. До сих пор в словесности (т. е. в смысле теории) более, нежели в какой другой отрасли человеческих познаний, система была выкинута из виду, или, по крайней мере, до сих пор мы не имели ни одного курса сей первостепенной *науки*³. Если ты читал 4-ю книжку ученых записок Московского университета, то, верно, обратил внимание на статью Давыдова

---

¹ Подчеркнуто автором.

² «Сын Отечества и Северный Архив». 1834 г., № 16, стр. 579.

³ Подчеркнуто автором.

о системе словесности. Это меня сердечно порадовало, но, к сожалению, я нашел, что это только слабая попытка, далекая от совершенно точной системы, ибо, поверь, что всякая наука может прийти к стройности и полноте до математической точности, ибо все науки, как и математика, имеют основанием логику, и ей одолжены своим совершенством.

Итак, основная цель, какую должен иметь всякий писатель, состоит в том (в наше время), чтобы по мере сил дать своему предмету полному, точность, систему, что все могло бы определить для него самого воззрения на его предмет»¹.

Естественно, что строевая служба в качестве рядового офицера не могла удовлетворять Милютина, и, стремясь получить высшее военное образование, он в конце 1835 года поступил прямо в практический класс Военной академии².

В конце же 1836 года Милютин блестяще окончил Военную академию и был причислен к Генеральному штабу с назначением в Гвардейский генеральный штаб (т. е. в штаб гвардейского корпуса).

Находясь на службе в Гвардейском генеральном штабе, Милютин усиленно работал над повышением своих знаний, а также занимался и литературной деятельностью. Результатом этого явился перевод с французского Записок Сен-Сира, касающихся революционных войн 1794 и 1795 годов. Вместе с тем он принимает участие в составлении «Энциклопедического лексикона», издававшегося книгопродавцем Плюшаром, и «Военно-энциклопедического лексикона», главным редактором которого состоял генерал Зедделер.

Свыше 150 статей было написано Милютиным для указанных выше изданий по разделам математики, астрономии, геодезии, механики, физики, а также и по военным наукам.

В течение 1838 года Милютиным были подготовлены к печати: «Тридцатилетняя война» — глава курса военной истории, предназначавшегося для руководства офицерам Военной академии, а также две статьи для журнала «Отечественные Записки» — «Суворов как полководец» и «Русские полководцы XVIII столетия». Первая из этих статей была опубликована в № 4–5 за 1839 год, вторая же не была пропущена цензурой, «так как в статье моей, — рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, — изображались все наши военные знаменитости пресловутого екатерининского царствования, за исключением одного Суворова, в самом невыгодном свете»³.

¹ Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде — ЦГИАЛ, ф. Милютиных, д. № 197, письмо Д.А. Милютина к брату от 26 декабря 1833 г., л. 51.

² Военная академия в тот период состояла из двух классов: первого — теоретического и второго — практического.

³ Отдел рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ), ф. Д.А. Милютина, М. 7833, стр. 311.

Статья «Суворов как полководец» представляет собою, по существу, первую попытку научного анализа военного искусства великого полководца. Анализируя воинское мастерство Суворова, автор приходит к выводу, что он «...стоял выше своего века, и, несмотря на все изменения, которые с его времени претерпела тактика, образ действий его носит на себе характер современной нам стратегии...»¹.

В конце 1838 года Милютин подает рапорт о командировании его на Кавказ (в тот период практиковались командировки молодых гвардейских офицеров на годичный срок на Кавказ для участия в военных действиях и изучения боевого опыта кавказских войск).

В начале 1839 года Милютин выезжает из Петербурга в распоряжение командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерал-лейтенанта Граббе.

Получив назначение состоять при штабе Чеченского отряда, руководимого непосредственно самим Граббе, Милютин принимает участие в экспедиции в Ахульго — столицу имамата Шамиля.

По окончании экспедиции, в которой Милютин был ранен, до истечения срока командировки он состоит при штабе генерала Граббе, выполняя различные поручения. Участие в экспедиции дало возможность Милютину детально ознакомиться с действиями кавказских войск и убедиться в несовершенстве их тактики.

«С первых же дней похода, — говорит он в своих «Воспоминаниях», — мне уже бросились в глаза многие слабые стороны нашего образа действий против горцев в тактическом отношении. Более всего поразили меня те невыгодные условия, в которых нашим кавказским войскам приходилось вести борьбу. Тут не выказывалось то превосходство, которого следовало бы ожидать от европейского регулярного войска над неустроенными толпами вооруженного населения; напротив того, превосходство было на стороне неприятеля...»². Все эти мысли изложены Милютиным в специальной записке «О некоторых недостатках, замеченных в составе и устройстве отрядов, действующих против горцев, о средствах к исправлению сих недостатков». Записка эта, поданная генералу Граббе и одобренная им, была препровождена от его имени в штаб корпуса. Кроме этой записки, Милютин составил также и другую — «Опыт новой системы фортификации, примененной к обстоятельствам и требованиям Кавказского края».

Непосредственный начальник Милютина на Кавказе генерал Граббе в своем письме к А.П. Ермолову дает о нем блестящий отзыв:

«Это письмо, глубокоуважаемый Алексей Петрович, вручит Вам гвардейского генерального штаба штабс-капитан Милютин, один из самых отличных офицеров армии. С умом, украшенным положительными сведениями, он соединяет практический взгляд и не на одни военные

---

¹ «Отечественные Записки» 1839 г., т. III, кн. 5, стр. 87–88.

² ф. Д.А. Милютина, М. 7834, стр. 39.

предметы. К тому же примерной храбрости, благороднейших чувств он во всех отношениях был мне полезен и приятен...»¹.

В начале 1840 года Милютин возвращается в Петербург снова в Гвардейский генеральный штаб².

* * *

Ознакомившись с положением дел на Кавказе, Милютин приходит к выводу о необходимости изменить как систему военных действий, так и политику по отношению к горским народам.

Эти мысли находят свое выражение в обширной и интересной записке, составленной им по возвращении в С.-Петербург в 1840—1841 годах и озаглавленной «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе». В начале этой записки Милютин указывает, что покорение Кавказа невозможно лишь в результате военных действий, а должно сочетаться с определенной политикой, обеспечивающей «моральное влияние» русского правительства на горские народы.

«...Чтоб горцы терпеливо несли иго русского владычества, — говорит Милютин, — одно необходимое условие то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни... мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными... Горцы должны быть убеждены, что Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких притязаний на их ничтожное достояние... не в таком духе действовали мы до сих пор на Кавказе... Это заставляет их (горцев — П.З.) смотреть на русских, как на грабителей, приходящих к ним для обогащения своего, точно так же, как некогда монголы были для России»³. Подвергая далее уничтожающей критике систему военных действий, заключающуюся в создании оборонительных линий-кордонов «на плоскости» и периодических экспедиций в глубь гор, Милютин предлагает иной способ ведения войны. «Чтобы иметь влияние материальное на все части Кавказа, — говорит Милютин, — должно перенести наши материальные силы в самое сердце племен горских...»⁴.

Руководствуясь этим принципом, он предлагает создать на всей территории Кавказа сеть крепостей с достаточно сильными гарнизонами, спо-

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 8140. Копия этого письма была прислана Милютину академиком Дубровиным в 1896 году.

² В феврале 1840 года Милютин за участие в военных действиях получил чин капитана и был назначен дивизионным квартирмейстером (в современном понятии — начальником оперативного отделения) штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии; однако, в действительности он продолжал нести службу в Гвардейском генеральном штабе.

³ ф. Д.А. Милютин, М. 7909/1. Записка «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе».

⁴ Там же.

собными обеспечивать повиновение в прилегающем к ним районе. Для этого, по подсчетам Милютин, потребуется лишь незначительное увеличение войск. В заключение он указывает, что все это окажется недостаточным, если, кроме упомянутых мероприятий, правительство не сможет направить на Кавказ способных, надежных и честных людей, которые стали бы во главе военной и гражданской администрации.

Эта записка осталась без последствий, так как она противоречила тем принципам, на которых основывалась завоевательная политика царизма по отношению к горцам Кавказа, сводившаяся, в основном, к методам грубого насилия.

В конце 1840 года Милютин получает длительный отпуск и отправляется в заграничное путешествие по странам Западной Европы.

Посетив Германию, Италию, Францию, Англию, Бельгию, Голландию, Швейцарию и Балканы, он, после 13-месячного путешествия, снова возвращается в Петербург.

Заграничное путешествие, как рассказывает в своих «Воспоминаниях» Милютин, открыло ему глаза «на действительное состояние России сравнительно с Западной Европой в культурном отношении. Любя искренне свою родину, я глубоко скорбел, видя на каждом шагу, насколько мы отстали...»¹. В дневнике, который Милютин вел, находясь за границей, он, говоря об отсталости России, записывает: «С истинным прискорбием пишу эти строки; от души желал бы дожить до того времени, когда все сказанное мною было бы уже анахронизмом...»².

Находясь за границей, Милютин не только увидел огромную отсталость России от Западной Европы, но, естественно, должен был обнаружить пробелы в собственных знаниях. В путевом дневнике мы находим следующую любопытную запись, характеризующую широту научного интереса ее автора:

«Чем заняться по возвращении в Петербург:

1) Политическая экономия, в особенности следующие части: а) внешняя и внутренняя торговля, б) военные и морские силы, в) подати и налоги.

2) Народное право.

3) Долговременная фортификация, новые системы укреплений, посредством оборонительных казарм и башен.

4) Строительное искусство, мосты, гидравлические работы, пути сообщения.

5) Свойство почвы — осушение болот...

6) Морская строительная часть...

7) Береговые укрепления.

8) Изучение военной и политической истории для вывода решений следующих вопросов: а) оборонительные системы государств: системы

---

¹ ф. Д.А. Милютин, М. 8735, стр. 185.

² Там же.

крепостей, портов, пунктов сбора войск; в) способы набора, содержания и расположения войск в мирное время, относительно государственного хозяйства и системы безопасности; с) меры, принимаемые при начале войны — система снабжения войск; d) общая военная администрация — хоз. часть военного и морского министерства; е) средства покорения и утверждения владычества в крае, в котором народ обороняется сам (изучение войн римлян во время империи, англичан с шотландцами и т. д.), средства колонизации»¹.

Вместе с интересом, проявляемым к этим отраслям знания, Милютину не чужды и вопросы искусства. Так, среди бумаг, относящихся к этому времени, мы находим его записку «Некоторые мысли об архитектуре как изящном искусстве».

Возвратившись в Петербург, Милютин продолжает службу в Гвардейском генеральном штабе, однако петербургская атмосфера, особенно после длительного пребывания за границей, крайне угнетает его. «Вот я опять в Петербурге, обреченный на однообразное, безжизненное существование, замкнутое в тесные рамки служебного формализма» — пишет Милютин в своих «Воспоминаниях»². Действительно, всякое стремление к какой-либо творческой деятельности на служебном поприще терпело неудачу. Так, по возвращении из-за границы, он представил проект организации «Военного журнала» при Гвардейском генеральном штабе. Этот проект, хотя и был одобрен ближайшим начальством, однако «высочайшего соизволения» не получил.

Все это и заставляет Милютина с радостью принять предложение о переходе на службу в штаб войск Кавказской линии и Черноморья в надежде, что там, в условиях боевых действий, он сможет найти применение своим способностям.

В начале 1843 года Милютин получает назначение на должность оберквартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья.

Незадолго до отъезда из Петербурга он женится на дочери генерал-лейтенанта Понсэ — Наталии Михайловне³.

Вскоре по приезде на Кавказ Милютин разочаровывается в своих надеждах. Поводом к этому были неприязненные отношения, установившиеся у него с непосредственным начальством полк. Норденстамом — начальником штаба кавказских войск и Черноморья.

Нам представляется, что действительная причина неудовлетворенности Милютина заключалась не столько во взаимоотношениях с Норденстамом, сколько опять в отсутствии возможностей к какой-

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7912, л. 53.

² ф. Д.А. Милютина, М. 7835, стр. 189.

³ От этого брака Милютин имел шесть человек детей: сына Алексея — гвардейского офицера, впоследствии курского губернатора, и дочерей — Елизавету, в замужестве кн. Шаховскую, Ольгу, Надежду, в замужестве кн. Долгоурову, Марию и Елену, в замужестве Гершельман.

либо плодотворной деятельности. В этот период он пишет ряд записок, являвшихся дальнейшим развитием его взглядов, изложенных в цитированной нами выше записке «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе», однако, все это никакого практического применения не находит. Единственной работой, написанной тогда Милютиным и увидевшей свет, явилась книга «Наставление к занятию, обороне и атаке лесов, деревень, оврагов и других местных предметов».

Милютин серьезно подумывал не только об отъезде с Кавказа, но и об уходе с военной службы. Таким образом, дальнейшие перспективы были далеко не ясны.

Однако неожиданно обстоятельства изменились: в Военной академии в Петербурге открылась вакансия профессора по кафедре военной географии, на которую Милютин и был назначен с помощью друзей в начале 1845 года.

Этот период жизни Милютина, начавшийся назначением в Военную академию, является наиболее плодотворным в научном отношении. Читая курс военной географии, Милютин вскоре приходит к выводу о полнейшем несовершенстве его. «Чем более... я... читал и обдумывал, тем более убеждался в том, что составить специальную военную “науку” из одних чисто географических знаний — немыслимо, — говорит он в своих “Воспоминаниях” — ...Имевшиеся в виду более или менее удачные опыты стратегического разбора отдельных театров войны также не могли составить науку и казались мне чем-то вроде учебных упражнений, лишенных реальной почвы, пока эти разборы не обусловлены всеми действительными данными, определяющими военные средства и силы воюющих государств... только всестороннее исследование может составить предмет и цель научного преподавания. В таком смысле оно будет уже не военной географией, а специальным отделом статистики, которому может быть присвоено наименование “Военной статистики”»¹.

Таким образом, только всестороннее изучение государства дает возможность, по мнению Милютина, определить силы и средства его в военном отношении. В соответствии с этим он и разрабатывает курс военной статистики.

«Программа эта, — говорит Милютин в своих “Воспоминаниях”, — в главных чертах заключалась в трех отделах: в первом рассматриваются с военной точки зрения статистические данные, обуславливающие материальные *средства* государства: территория, народонаселение, государственное устройство и финансы; во втором заключается всесторонний разбор устройства вооруженных сил государства и военных его учреждений; наконец, в третьем исследуются территориальные условия ведения войны оборонительной или наступательной»².

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7836, стр. 121–122. Подчеркнуто автором.

² Там же, стр. 122–123.

В 1846 году в первом номере «Военного журнала» Милютин помещает статью «Критическое исследование значения военной географии и статистики»¹, в которой, подробно анализируя предмет военной географии и военной статистики, он доказывает необходимость создания самостоятельной отрасли военных наук — военной статистики.

Важно отметить, что и в западноевропейских высших военно-учебных заведениях подобного курса не существовало.

Наконец, в 1847 году Милютин публикует свое первое монографическое исследование, посвященное этой новой отрасли знаний, «Первые опыты военной статистики». Исследование, состоящее из двух томов, включает в себя следующее: «Вступление» и «Основания политической и военной системы германского союза» — том I и «Военная статистика Прусского государства» — том II. Работа эта и послужила прочным основанием новой отрасли военных наук — военной статистики.

С 1847 года курс военной географии в Академии был заменен курсом военной статистики. За работу в области военной статистики Милютину была присуждена Академией наук Демидовская премия.

Необходимо отметить, что в результате работы Милютина в этой области было начато военно-статистическое описание губерний России, которое при всем своем несовершенстве явилось все же крупным вкладом в русскую науку.

Помимо работы в Военной академии, Милютин в конце 1845 года назначается начальником 3-го учебного и воспитательного отделения Штаба военно-учебных заведений. Наряду с текущей работой, Милютин вместе с Я.И. Ростовцевым² составляет «Наставление по учебной части военно-учебных заведений». Несмотря на любовь к учебному делу, он с горечью вспоминает об этой работе:

«К некоторым статьям (“Наставления”. — П.З.) и я должен был приложить руку, хотя и не разделял во многом взглядов Якова Ивановича, — рассказывает Милютин в своих “Воспоминаниях”. — ...Возражать ему, оспаривать его указания было бы совершенно напрасно; да и сам ген. Ростовцев едва ли был искренне убежден во всем, что считал нужным высказывать.

При тогдашнем режиме и духе времени все, что делалось, писалось, говорилось, должно было более или менее носить на себе отпечаток лицемерия и фальши»³.

Наряду с военной статистикой, Милютин работает также и в области военной истории.

В конце 1848 года, после смерти военного историка ген. Михайловского-Данилевского, работавшего над описанием войны 1799 года, стал

---

¹ В этом же году статья под тем же названием была издана отдельной книгой.

² Начальником Штаба военно-учебных заведений.

³ ф. Д.А. Милютина, М. 7836, стр. 166.

вопрос о продолжении этой работы¹. Выбор военного министра гр. Чернышева пал на Милютину. В связи с этим его освободили от обязанностей в Штабе военно-учебных заведений и назначили «для особых поручений» при военном министре.

В результате трех лет напряженной работы (с марта 1849 г. по март 1852 г.) Милютин закончил этот капитальный труд, озаглавленный «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году»². Указанная работа, основанная на тщательном изучении огромного количества различных источников, явилась крупным вкладом в русскую историческую науку. Эта монография положила начало научному изучению военной истории. В ней дается подробный всесторонний анализ полководческого искусства Суворова в кампании 1799 года.

Рассматривая ход военных операций, автор приходит к заключению, что в основе полководческих замыслов Суворова лежали «те мысли, которые в новейшем военном искусстве обыкновенно называются *наполеоновскими*»³.

Вместе с тем, характеризуя обстановку, в которой пришлось действовать Суворову, Милютин справедливо утверждает, что «в продолжение целой кампании полководец наш, полный силы, решимости, отважных замыслов, тщетно порывался к своей цели, как мощный орел, которому связали крылья»⁴.

Снабженная большим научным аппаратом в виде документов, даваемых в приложении к каждому тому, эта монография не утратила и в настоящее время своей огромной научной ценности. Естественно, что она встретила восторженные отзывы современников. «Первые три тома я прочел с жадностью и наслаждением, — пишет в письме к Е.Ф. Коршу Т.Н. Грановский. — вот книга так книга»⁵. В своей рецензии, помещенной в «Московских ведомостях» за 1853 г., Грановский писал: «...Книга принадлежит к числу тех, которые необходимы каждому образованному Русскому, и займет, без сомнения, почетное место в общеевропейской исторической литературе...»⁶.

«История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году», вызвав большой интерес как в России, так и за гра-

---

¹ Михайловский-Данилевский успел написать лишь небольшой раздел, освещающий обстановку накануне войны.

² Монография эта состояла из 8 частей (5 томов), причем первая часть, составившая 140 страниц, была написана Михайловским-Данилевским, как указывалось выше.

³ «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году». СПб., 1853, т. V, стр. 305. Подчеркнуто автором.

⁴ Там же, стр. 297.

⁵ Отд. Рук. ГБЛ, М. 3099/17, письмо без указания даты (1853 г.).

⁶ Цит. по соч. Грановского. М. 1892, т. II, стр. 314.

ницей, в 1857 году вышла вторым изданием и была переведена на французский и немецкий языки. За этот труд Милютин был удостоен полной Демидовской премии, а также избран членом-корреспондентом Академии наук.

Закончив эту монографию, Милютин приступил к сбору материалов для работы по истории кавказских войн, однако, осуществить этого не удалось: осенью 1853 года военный министр кн. В.А. Долгоруков поручает Милютину, как состоящему при нем «для особых поручений», работу, связанную с подготовкой к военным действиям против Турции.

Таким образом, Милютин превращается в своеобразного «ученого консультанта» при военном министре.

Осенью 1853 года он сопровождает Николая I за границу в Ольмюц и Потсдам, где происходили дипломатические переговоры с австрийским императором Францем-Иосифом и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV.

С начала военных действий и на протяжении всей Восточной войны, Милютин составляет различные записки военно-политического характера, как-то: «Двоякая точка зрения на выступление наше из Дунайских княжеств», «Проект зимней экспедиции на случай, если неприятель утвердится на островах Аландских», а также несколько записок по вопросу распределения войск на отдельных театрах войны, и в том числе «Проект организации партизанских отрядов на случай войны с Австрией»; вместе с тем Милютину было поручено редактирование сообщений с театра войны для оповещения в печати. Все эти записки-проекты обычно аккуратно переписывались в Военном министерстве, подписывались кн. Долгоруковым и от его имени направлялись царю. В конце 1854 года Милютин пишет записку об обороне берегов Балтийского моря и вскоре назначается «производителем дел» созданного для разработки этого вопроса Балтийского комитета. Вполне естественно, что вся эта огромная работа не оставляла времени не только для занятий по военной истории, но и для преподавания в Академии, где Милютин, продолжая вести курс военной статистики, принужден был, как он с горечью рассказывает, читать его «по прошлогодним конспектам».

В 1854 году Милютин был произведен в генерал-майоры, а в 1855 году зачислен в свиту.

Крымская война, обнаружившая «гнилость и бессилие крепостной России»¹, вскрыла, в первую очередь, все несовершенство русской армии. Еще во время войны начинается критика как порядков, царивших в армии, так и всей системы военной организации и управления.

В августе 1855 года была создана специальная комиссия «для улучшения по военной части» под председательством ген. Ридигера. В состав этой комиссии в феврале 1856 года был введен и Милютин.

---

¹ Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 143.

В марте этого года он составил обширную записку, озаглавленную «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных»¹. Записка эта, в отличие от разных проектов, ставивших вопрос об отдельных изменениях существовавших армейских порядков, предполагала коренную реорганизацию всей военной системы. В ней Милютин доказывал необходимость сокращения армии в мирное время до минимума и максимального развертывания ее в военное время, т. е., иными словами, говорил о создании массовой армии.

Существование миллионной армии в условиях мирного времени, состоящей из солдат, служивших 20–25 лет, определялось особенностями феодально-крепостного строя. Зачисленные в солдаты становились вольными. Следовательно, без потрясения основ существовавшего государственного строя нельзя было сократить срок службы и создать обученный людской запас.

Таким образом, армия не имела возможностей для развертывания в случае войны. На это указывал Милютин в своей записке, говоря, что «крепостное право не позволяет у нас ни сократить срока службы, ни увеличить числа бессрочно-отпускных для уменьшения наличного числа войск...»². Вместе с тем, он считал необходимым в корне изменить и организацию войск: уничтожить деление в мирное время на армии и корпуса, создав вместо них военные округа как пограничные, так и внутренние.

В апреле 1856 года на смену военному министру кн. Долгорукову пришел невежественный Н.О. Сухозанет, о безграмотности которого ходили анекдоты. С приходом Сухозанета изменилась дальнейшая судьба Милютина.

С окончанием войны закончилась и деятельность Милютина в качестве состоящего «для особых поручений». Кн. Долгоруков незадолго до своего ухода предложил Милютину занять должность директора канцелярии Военного министерства, на что и было дано им согласие; однако, Сухозанет не только не предоставил ему этой должности, но и воспротивился его назначению на какой-либо другой ответственный пост в министерстве.

В связи со сложившейся обстановкой, Милютин подал рапорт об отчислении его от всех должностей³, в том числе и от работы в Академии, намереваясь посвятить себя исключительно научной деятельности в области военной истории.

---

¹ Некоторые мысли, изложенные в этой записке, явились развитием взглядов гр. П.Д. Киселева по вопросам реорганизации армии.

² ф. Д.А. Милютина, М. 7952, л. 7.

³ Помимо должности профессора Военной академии и состоящего «для особых поручений» при военном министре, Милютин числился членом ряда комитетов и комиссий.

В мае 1856 года просьба Милютина была удовлетворена с оставлением его лишь в звании члена Военно-учебного комитета.

«С полной искренностью могу сказать, — говорит он в своих “Воспоминаниях”, — что я был доволен этой перемене в моей жизни и нимало не сожалел о несбывшихся видах на занятие значительного поста в военном управлении. Не честолюбие влекло меня на этот путь, а чистосердечное желание работать с пользой для общего дела... я с чистой совестью удалился от бюрократической суеты и возвратился к той тихой, скромной деятельности писателя, в которой так счастливо прожил восемь лет перед войной»¹.

Действительно, уже летом этого года Милютин приступил к обработке первых глав намеченного им обширного труда по истории Кавказской войны.

Однако научная деятельность Милютина неожиданно оборвалась: летом на пост заместителя Кавказа и командующего Отдельным кавказским корпусом на смену Н.Н. Муравьеву был назначен кн. А.И. Барятинский, который и предложил Милютину занять пост начальника Главного штаба кавказских войск.

В конце октября 1856 года Милютин в третий раз направился на Кавказ.

Будучи начальником Главного штаба Кавказской армии², Милютин проводит реорганизацию всего военного управления на Кавказе. В отличие от существовавшей ранее крайне сложной и многообразной организации как Главного штаба, так и вообще военного управления, Милютиным была создана четкая и стройная структура военно-административного руководства, представляющего собою своеобразный военный округ. Реорганизация, проведенная Милютиным, являлась дальнейшим развитием и практическим осуществлением тех мыслей, которые были им изложены в записке 1856 года «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и средствах к устранению оных».

При непосредственном участии Милютина был разработан и план военных операций, приведший в 1859 году к пленению Шамиля и окончанию военных действий в восточной части Кавказа.

В августе 1860 года Милютин назначается товарищем военного министра.

Обстоятельства этого назначения представляют большой интерес для понимания дальнейшей деятельности Милютина и его отношений с кн. Барятинским. Летом 1859 года кн. Барятинский, будучи в Петербурге и ведя разговор с Александром II о положении в Военном министерстве, предложил на пост военного министра кандидатуру Милютина, руководствуясь при этом не столько интересами дела, сколько личными

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7812, л. 428.

² В 1857 году Отдельный кавказский корпус был переименован в Кавказскую армию.

соображениями. Являясь сторонником прусской военной системы, кн. Барятинский предполагал, что и реорганизация русской армии будет проведена по прусскому образцу, согласно которому руководство всей армией принадлежало бы императору, а фактически — начальнику Генерального штаба. Военное же министерство устранилось от непосредственного руководства войсками и ведало лишь административно-хозяйственными вопросами.

Кн. Барятинский, как лицо наиболее близкое к Александру II, претендовал на пост начальника Генерального штаба, а на должность военного министра, который являлся бы одним из его помощников, он и рекомендовал Милютину.

Вступив в должность товарища военного министра, Милютин встретил крайне недоброжелательное отношение к себе Сухозанета, который, по-видимому, догадывался о причинах этого назначения и видел в его лице своего преемника. Сухозанет, ревниво оберегая свои права, не допускал Милютину к руководству ни одной отраслью управления.

«...Служебное мое положение было совершенно ненормальное, — рассказывает Милютин. — Почти устранный от дел министерства, я оставался лишь безучастным слушателем ежедневных докладов генерала Сухозанета государю»¹.

Взаимоотношения с Сухозанетом складывались так неблагоприятно, что Милютин весной 1861 года подал рапорт о предоставлении ему длительного отпуска «для морских купаний».

Однако в мае этого же года, в связи с назначением Сухозанета исполняющим обязанности наместника Царства Польского, Милютин вступает в управление Военным министерством, а через несколько месяцев, 9 ноября, утверждается в должности военного министра.

* * *

Прежде чем излагать деятельность Милютину как военного министра, попытаемся вкратце охарактеризовать его социально-политические взгляды до начала 60-х годов.

Внешние условия жизни молодого Милютину в известной мере определили уже его общественно-политические симпатии.

Влияние отца, принадлежавшего как по своей деятельности, так и по своим политическим идеалам, к представителям формирующейся буржуазии, среда — университетский пансион, где юноша Милютин знакомится с свободолобивыми произведениями Пушкина, с передовой западноевропейской литературой, — все это оказывает, по нашему мнению, известное воздействие на формирование его идеологии.

Отрицательное отношение к существующей николаевской действительности и крепостному праву в особенности, предпочтение

---

¹ ф. Д.А. Милютин, М. 7840, стр. 107–108.

буржуазных форм общественной жизни — таковы основные положения его мировоззрения в 40-х–50-х годах. В материалах архива Милютин мы встречаем неоднократные свидетельства этого. В своих «Воспоминаниях» он следующим образом характеризует николаевскую эпоху:

«Во все 30-летнее царствование императора Николая никто вне правительственной власти не смел поднять голос о делах государственных и распоряжениях правительства, даже в домашних кружках говорили о них только разве шепотом. Всякая частная инициатива была подавлена, существовавшие недостатки и болячки нашего государственного организма тщательно прикрывались ширмой официальной фальши и лицемерия. Крымская война, причинившая столько бедствий, была крутым переломом в летаргическом состоянии России; она открыла глаза самому правительству, которое убедилось горьким опытом в печальных результатах тогдашней правительственной системы»¹.

Важно отметить, что отрицательное отношение Милютин к крепостному праву отнюдь не было абстрактным. Получив в середине сороковых годов в наследство от отца небольшую деревушку «Коробки», Алексинского уезда, Тульской губернии, с 26 ревизскими душами и 116 десятинами земли, Милютин, с помощью своего дяди гр. П.Д. Киселева, передает ее в Министерство государственных имуществ, превратив, таким образом, своих крестьян из помещичьих в государственных. «Я перестал быть помещиком, душевладельцем, и совесть моя успокоилась», — пишет он по этому поводу².

Путевой дневник Милютин, который он вел, находясь за границей в 1840–1841 годах, достаточно ярко характеризует его отношение к Западу. Увидев впервые с парохода берега Западной Европы, он заносит в дневник следующую запись:

«...Дай насладиться зрелищами для меня новыми и занимательными, но не оставь потом по себе ни воспоминаний грустных, ни также души пресыщенной или разочарованной! В тебе ищущу я себе лекарства душевного и телесного: дай пищу усыпившейся деятельности моего духа! Возроди меня к жизни духовной, внутренней...»³.

Приехав во Францию, Милютин записывает в своем дневнике: «Счастливей человек! Он во Франции...»⁴.

Критикуя николаевскую действительность, будучи сторонником буржуазных форм общественной жизни, Милютин, вместе с тем, относился крайне отрицательно к революционным методам борьбы. В цитированном выше путевом дневнике мы находим следующую запись:

---

¹ ф. Д.А. Милютин, М. 7812, л. 382.

² Там же, М. 7836, стр. 168.

³ Там же, М. 7913, л. 6 об.

⁴ Там же, М. 7918, л. 1.

«Я понимаю один род полезных революций: те, который совершены спокойно, обдуманно в головах людей, способных понимать истинные пользы народа, но всякая революция, которая дышит фанатизмом, революция насильственная, народная, не ведет к улучшению общества, потому что она только разрушает, ничего вновь не создавая. Где слепой фанатизм и сила бессмысленной толпы, там нет благоразумия, а без благоразумия едва ли можно сделать успех в общественном благоустройстве...»¹.

Анализируя взгляды Милютина, мы приходим к выводу о близости их к воззрениям правых западников. Среда, в которой вращается Милютин в 40-х—50-х годах, его близкие отношения с Т.Н. Грановским, В.П. Боткиным, И.С. Тургеневым, дружба с И.П. Арапетовым, К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным — все это в известной мере также подтверждает правильность высказанного нами положения.

Революционная ситуация конца 50-х годов, приведшая к резкому разграничению классовых сил, не могла не оказать известного влияния и на эволюцию взглядов Милютина. Они приобретают более умеренный характер, что и приводит его окончательно в лагерь либералов.

«Либералы, — писал Ленин, — были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому “борьбой за реформы”, “борьбой за права”, т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией»².

Действительно, являясь сторонником буржуазных форм общественной жизни и противником феодально-крепостнической системы, Милютин ненавидел, вместе с тем, революционно-демократическое движение, считая возможным осуществление своих чаяний в рамках самодержавного строя.

Из этого следует, что вся государственная деятельность Милютина, его борьба за осуществление буржуазных преобразований, при всей прогрессивности их, представляли собою лишь борьбу внутри господствующего класса, борьбу «исключительно из-за меры и формы *уступок*»³.

* * *

С конца 1861 года, во всей деятельности Военного министерства произошел резкий перелом.

«С назначением меня военным министром, — говорит Милютин. — я счел своей обязанностью немедленно же заняться составлением общей программы предстоявшей мне деятельности... составление такой про-

---

¹ Там же, М. 7918, л. 73.

² Ленин. Собр. соч, т. XV, стр. 144.

³ Там же, стр. 143.

граммы потребовало всестороннего пересмотра и обсуждения всех частей нашего военного устройства»¹.

Действительно, к разработке этой широкой программы было привлечено все министерство: почти ежедневно Милютин устраивал различные совещания, на которых обсуждались те или иные вопросы намечавшихся преобразований. Для разрешения более серьезных вопросов создавались особые комиссии. Каждый желающий мог представлять свои замечания и проекты. В результате огромной, напряженной работы общая программа преобразований по всем частям военного управления и организации армии была готова менее чем в двухмесячный срок и 15 января 1862 года уже представлена Александру II в форме всеподданнейшего доклада. Этот доклад, утвержденный Александром II в конце января, и явился программой действий Милютина.

Главная задача этой программы заключалась в создании массовой армии буржуазного типа. В основу новой организации вооруженных сил Милютин положил следующий принцип: «развивать в наибольшей соразмерности боевые силы в военное время при наименьшем числе наличных войск в мирное время»². Милютин прекрасно понимал, что с отменой крепостного права создается возможность для организации такой массовой армии.

Одной из первых реформ Милютина явилась реорганизация системы центрального военного управления и создание местных территориальных органов в виде военных округов. «Общая мысль этого преобразования, — писал Милютин, — состояла в том, чтобы привести все здание в стройный вид и упростить весь сложный механизм его, а для этого признано было полезным слить вместе части, однородные по кругу действий, и уничтожить лишние наросты, которые в течение времени образовывались более или менее случайно, без всякого плана»³. Действительно, в центральном военном управлении отсутствовала какая-либо система. Военное министерство состояло из следующих основных департаментов: инспекторского, ведавшего личным составом и внутренним устройством войск, за исключением артиллерийских и инженерных частей, не подчинявшихся военному министру; Генерального штаба, занимавшегося вопросами дислокации и размещения войск; провиантского, действовавшего лишь в районе внутреннего управления⁴; комиссариатского,

---

¹ Ф. Д. А. Милютина, М. 7841, «Воспоминания», стр. 111. В этой части очерка использована частично наша статья «Военные реформы Милютина», журн. «Вопросы истории» 1945 г., № 2.

² Там же, стр. 122. Подчеркнуто автором.

³ Милютин, «Военные реформы императора Александра II», «Вестник Европы», 1882 г., № 1, стр. 13, статья без подписи автора.

⁴ Вплоть до реформ Милютина в военное и мирное время существовало деление войск на армии. До 1833 года имелись две армии, позднее — одна под названием 1-й или Действующей армии. Эта армия состояла из трех-четырёх корпусов, расположенных на территории Царства Польского и западных губерний. Армия эта не подчинялась Военному министерству и снабжение ее продовольствием лежало на обязанности генерал-провиантмейстера Действующей армии.

ведавшего вопросами денежного и вещевого снабжения на территории всей империи, т. е. включая и Действующую армию; артиллерийского и инженерного, ведавших лишь хозяйственными вопросами всех видов, включая и обеспечение вооружением всех родов войск. Общее руководство артиллерией сосредоточивалось в руках генерал-фельдцейхмейстера и его штаба; генерал-фельдцейхмейстер имел право непосредственного доклада императору, стало быть не подчинялся военному министру. Такими же правами пользовался и генерал-инспектор по инженерной части со своим штабом, возглавлявший инженерные войска. Обе эти должности замещались лицами императорской фамилии и, естественно, пользовались полной самостоятельностью. Далее следует назвать медицинский департамент и аудиторiatский, ведавший военно-судебными делами. Военно-учебные заведения не были также подчинены военному министру и возглавлялись главным начальником военно-учебных заведений, которому были предоставлены права министра. Таким образом, говорить о каком-либо единообразии управления не приходилось.

Еще хуже обстояло дело с местными органами военного управления, которых фактически почти не существовало. Если на окраинах существовали своеобразные органы военного управления (Действующая армия — на Западе, Кавказская армия, Отдельный оренбургский корпус), то внутри империи они отсутствовали, за исключением некоторых департаментов, имевших свои «представительства» на местах, именовавшиеся либо комиссиями, либо округами. Собственно, функции этих «представительств» заключались в снабжении войск, расположенных в определенном районе, теми или иными видами довольствия, вооружения либо имущества. Однако районы этих округов и комиссий не совпадали, и одна и та же часть войск, расположенная в определенном пункте, для удовлетворения своих нужд вынуждена была обращаться в разные места. Отсутствие местных органов военного управления, естественно, вызывало излишнюю централизацию, так как положительно все вопросы должны были решаться в стенах Военного министерства.

В результате проведенного преобразования по Положению 1867 года была создана стройная система центрального военного управления. Вместо упомянутых выше департаментов были созданы главные управления, ведавшие целиком той или иной отраслью. Существовавшие параллельно должности генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части с их штабами были упразднены, также был уничтожен штаб главного начальника военно-учебных заведений, а его функции переданы Военному министерству и с этой целью образовано Главное управление военно-учебных заведений.

В итоге проведенной реформы аппарат Военного министерства сократился почти на тысячу человек, а канцелярская переписка уменьшилась на 45 процентов.

Одновременно с реформой центрального управления были созданы военные округа по положению 6-го августа 1864 года. Вся территория

России была разделена на 15 военных округов. Каждый округ являлся одновременно и органом строевого управления войск и органом военно-административного устройства, сосредоточивая в себе все функции военного управления и представляя собой как бы военное министерство в местном масштабе. Управления округа — артиллерийское, инженерное, интендантское, военно-медицинское — подчинялись, с одной стороны, начальнику округа — командующему войсками, а с другой — соответствующим главным управлениям Военного министерства.

Военно-окружная система имела ряд крупных преимуществ. Устранялась излишняя централизация управления — один из основных недостатков дореформенной военной администрации. На Военное министерство возлагались лишь общее руководство и контроль за деятельностью округов. А главное — военно-окружная система создавала большие преимущества в деле оперативного руководства войсками и обеспечивала быструю мобилизацию их. Кроме того, в случае войны, военно-окружные управления могли быть чрезвычайно легко превращены в штаб действующей армии, что было особенно важно для пограничных округов. В связи с созданием военных округов, было уничтожено деление войск на корпуса; высшей тактической единицей стала дивизия.

Таким образом, с реорганизацией Военного министерства и созданием военных округов, были устранены крупнейшие недочеты в системе военного управления и тем самым обеспечена относительно четкая организация военного ведомства.

В связи с этими реформами было разработано в 1868 году новое положение по управлению войсками во время войны — «Положение о полевом управлении войск в военное время». По сравнению с предшествующим уставом 1846 года оно уточнило функции главнокомандующего, освобождая его от руководства второстепенными административными вопросами, и предусматривало координацию деятельности штаба главнокомандующего с военно-окружными управлениями. В дальнейшем в это «Положение» были внесены некоторые изменения на основе опыта франко-прусской войны 1870—1871 гг., в результате чего в 1876 году было утверждено новое «Положение». Однако, и первое и второе «Положения», в принципе правильно решая основные вопросы полевого управления, страдали одним недостатком: в них слабо был разработан раздел об устройстве тыла армии, что вызвало во время войны 1877—1878 гг. ряд серьезных трудностей.

Одновременно проводилась огромная работа и в области устройства армии. В своем докладе от 15 января 1862 года Милютин отметил, что основная задача — создание необходимых резервов.

На 1 января 1862 года в регулярных войсках числилось по штатам 798.194 человека, по штатам же военного времени количество это следовало увеличить до 1.400 тыс. человек. Однако, в действительности, как го-

ворит Милютин в своих «Воспоминаниях», — «мы не имели в готовности ни запаса людей, ни запаса вещевого, нужных для приведения наших вооруженных сил в предположенный штатами военный состав»¹. Для перевода войск на военное положение требовалось призвать из запаса 612 тыс. человек, а имелось налицо всего 210 тысяч². Таким образом, армия могла увеличиться всего на 25 процентов, но и для этого развертывания не хватило бы ни подготовленного офицерского состава, ни запаса материального обеспечения.

Неудовлетворительное состояние русской армии того времени особенно резко выступало при сопоставлении ее с западноевропейскими армиями, где соотношение сил складывалось так³:

Страны	Численность армии		отношение численности армии мирного и военного времени
	В мирное время	В военное время	
	в тысячах		
Франция	400	800	1 : 2
Австрия	280	625	1 : 2,2
Пруссия	200	695	1 : 3,4

Указанное увеличение армий этих стран было действительно обеспечено необходимым количеством обученного людского запаса.

Милютин исходил из принципа наибольшего сокращения армии в мирное время при наибольшем увеличении ее в условиях войны, но вместе с тем он понимал невозможность в корне изменить систему призыва в силу существовавшего сопротивления реакционных кругов. Поэтому он предложил в своем докладе довести ежегодный контингент рекрут до 125 тысяч, при условии увольнения солдат в отпуск на седьмом—восьмом году службы, и это создало бы в течение семи лет резерв обученного запаса в 750 тыс. человек. По словам Милютина, он не решился тогда поставить вопрос о значительном сокращении срока военной службы, «...чтобы не поднять напрасно тревогу в нашей военной среде, предложение же мое увольнять нижних чинов во *временный* отпуск ранее выслуги срока никого не пугало»⁴. Но вместе с тем в том же докладе от 15 января

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7841, стр. 117.

² Этот запас образовывался из солдат, увольняемых в бессрочные отпуска после службы определенного числа лет. В 1859 году срок действительной службы был установлен в 12 лет. До этого времени увольнение в бессрочный отпуск производилось после 15 лет службы.

³ Всеподданнейший доклад по Военному министерству 15 января 1862 года, табл. 1 — «Столетие Военного министерства». Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902, т. I, стр. 75.

⁴ ф. Д.А. Милютина, М. 7841, стр. 126. Подчеркнуто автором.

1862 года был поставлен вопрос об изменении существовавшего рекрутского устава, имея в виду привлечение к отбыванию воинской повинности привилегированных слоев населения. Таким образом, уже в 1862 году Милютин сделал первые шаги к введению всесословной воинской повинности. Намеченные в докладе 1862 года меры комплектования войск, хотя и не могли обеспечить создания массовой армии буржуазного типа, но все же принесли ощутимые результаты: к 1870 году запас вырос до 553 тысяч человек вместо 210 тысяч в 1862 году.

Большие изменения внес Милютин в принцип развертывания армии: если ранее увеличение армии в случае войны достигалось формированием новых тактических единиц — полков и дивизий, то отныне оно осуществлялось увеличением штата существующих в мирное время войсковых частей. С этой целью Милютин довел количество дивизий с 31 до 47, установив сокращенный состав их в мирное время. Если штаты военного времени принять за 100, то штат мирного времени составлял 55 процентов, а так называемый кадровый, т. е. сокращенный штат — 35 процентов. Таким образом, при наличии всех войсковых частей в мирное время в кадровом составе, в случае войны армия могла бы легко увеличиться втрое, не прибегая к новым формированиям, что было крайне важно, особенно с точки зрения быстроты развертывания.

Исключительно большое внимание Милютин уделил вопросу подготовки офицерских кадров, резко осуждая систему образования будущих офицеров, существовавшую при Николае I. «Наши офицеры образуются совершенно как попугаи, — записывает Милютин еще в 1840 году в своем путевом дневнике, — до производства их они содержатся в клетке и беспрестанно толкуют им *“попка, — налево кругом!”*, и попка повторяет: *“налево кругом!”*, *“попка, на караул!”*, и попка повторяет это; ...когда попка достигает до того, что твердо заучит все эти слова и притом будет уметь держаться на одной лапке... ему надевают эполеты, отворяют клетку, и он выступает из нее с радостью, с ненавистью к своей клетке и прежним своим наставникам...»¹.

В начале 1862 года, когда военно-учебные заведения еще не находились в ведении Военного министерства, Милютин, в ответ на просьбу вел. кн. Михаила Николаевича сообщить свое мнение о предстоящих преобразованиях в области подготовки офицерского состава, изложил свою точку зрения на этот вопрос в пространной записке «Мнение о военно-учебных заведениях». В этой записке Милютин говорил о необходимости уничтожения кадетских корпусов, считая, что «воспитание отроков и юношей должно совершаться дома и в заведениях гражданских. Заведения же собственно *военные* могут существовать только с одной целью, доставить научное *специальное образование* тем молодым людям, кои почувствовали в себе призвание к военной службе»².

¹ Там же, М. 7913, л. 46. Подчеркнуто автором.

² Там же, М. 8004, л. 22. Подчеркнуто автором.

Высказывая такую точку зрения, Милютин руководствовался следующими соображениями: во-первых, тем, что воспитание, основанное на строжайшей воинской дисциплине, дает свои плоды лишь в зрелом возрасте, «когда характер молодого человека успел самостоятельно развиться»¹; военное же воспитание в детском возрасте, «когда характеру предстоит еще образовываться... Стеснение его развития дисциплиной наносит существенный ущерб нравственным качествам юноши»²; во-вторых, тем, что подобная система обрекает детей, независимо от их призвания, к военной службе, что, скверно отражается на качестве офицеров, сплошь и рядом не имеющих склонности к военному поприщу. Однако позднее Милютин несколько видоизменил свою точку зрения, сохранив общеобразовательные военно-учебные заведения.

В середине 60-х годов, когда военно-учебные заведения были переданы в подчинение Военному министерству, Милютин проводит коренную реорганизацию всей системы военного образования.

Одной из первых реформ, проведенных в области военного образования, была реорганизация кадетских корпусов, которые состояли из общеобразовательных и специальных классов. Такое совмещение в одном учебном заведении и общего и специального военного образования отрицательно сказывалось на качестве преподавания. В середине 60-х годов специальные классы кадетских корпусов, за исключением Пажеского, были уничтожены и вместо них созданы военные училища, в которые принимались лица, имеющие среднее образование. Кадетские корпуса были переименованы в военные гимназии, представлявшие собой средние учебные заведения с программой, приближающейся к курсу реальной гимназии.

Милютин придавал огромное значение постановке преподавания и воспитания в военных гимназиях и уделял этому большое внимание. Об этом свидетельствует следующая запись в дневнике 30 марта 1876 года: «В прошлом году в “Журнале Министерства народного просвещения” обратила мое внимание статья об испытаниях выпускных воспитанников гимназий; в этой статье были между прочим, указаны и темы, которые задавались по разным предметам преподавания, и решение которых обусловливало получение свидетельств зрелости. Мне пришла мысль сделать опыт в военных гимназиях: насколько наши воспитанники развиты, чтобы решить удовлетворительно такие же задачи. Для этого я распорядился, чтобы из старшего (7 класса) первой и второй военных гимназий и Пажеского корпуса отобрана была четвертая часть воспитанников, лучших по баллам, чтобы в назначенный мною день и час они были собраны в одном из заведений и в моем присутствии решили одну и ту же задачу из каждого чисто гимназического курса математики... Вчера вечером мне были доставлены эти работы, и сегодня не мало стоил мне труда пересмотр целой

---

¹ Там же, л. 18.

² Там же.

пачки испещренных цифрами и фигурами листков. Я имел терпение исполнить эту самую скучную работу и написать подробную рецензию... Сегодня же назначено было воспитанникам тех же заведений писать сочинение на данную мною тему: «Географическое и историческое значение Средиземного моря»»¹.

В результате забот Милютин, качество преподавания и воспитания в военных гимназиях значительно повысилось. Воспитанники военных гимназий составляли в основном контингент поступающих в военные училища, которые, в свою очередь, выпускали ежегодно около 600 офицеров. Однако этого количества было явно недостаточно для пополнения командного состава армии, и Милютин создал еще один вид военно-учебных заведений — юнкерские училища. Для поступления в юнкерские училища требовались знания, в объеме, примерно, четырех классов средне-учебного заведения. В юнкерских училищах с двухгодичным сроком обучения преподавались, наряду со специальными предметами, также и общеобразовательные: математика, физика, химия и т. д. Ежегодно из юнкерских училищ выпускалось около полутора тысяч офицеров².

Качество высшего военного образования также значительно улучшилось: коренным образом были пересмотрены учебные планы и программы академий. Помимо трех академий: Генерального штаба, Артиллерийской и Инженерной, была открыта четвертая — Военно-юридическая.

Милютин также всемерно содействовал распространению в офицерской среде военных знаний. Во всех военных академиях, а также при штабах полков и дивизий в определенные дни недели читались лекции по различным военным дисциплинам. В офицерских собраниях отводились специальные дни для бесед и чтений на военные темы, а также для «военных игр».

Большая работа была проведена Милютиным также в области внутренней организации армии и обучения войск. В своем докладе от 15 мая 1862 года Милютин писал: «Совершенствование армии основано преимущественно на образовании единиц, ее составляющих, на развитии их природных способностей не только физических, но и умственных...»³.

---

¹ Там же, М. 7853, стр. 75–77.

² До реформы военно-учебных заведений комплектование войск офицерами происходило, главным образом, за счет так называемых недорослей из дворян, поступавших в армию добровольно юнкерами, а также и унтер-офицеров общих сроков службы, т. е. призывавшихся по рекрутскому набору. Вполне понятно, что и те и другие обладали крайне низким уровнем знаний. Что же касается офицеров, окончивавших кадетские корпуса и специальные (артиллерийское и инженерное) военные училища, то количество их было настолько незначительно, что едва хватало для укомплектования гвардии и специальных родов войск.

³ «Столетие Военного министерства». Приложение к историческому очерку развития военного управления в России. СПб., 1902, т. I, стр. 92.

Милютин пытался совершенно изменить принцип обучения солдат, возродив суворовское положение: обучать лишь тому, что нужно для войны. В этих целях большое внимание уделялось физическому воспитанию солдат, подготовке их к трудным условиям боевой жизни. В войсках введено было преподавание гимнастики и фехтования. Стрелковое образование, развитие искусства стрельбы в цель получило большое распространение. Строевое обучение войск тоже изменилось.

Опыт Крымской кампании и задачи подготовки солдат для войны заставили отменить «нормальные боевые порядки», т. е. боевое построение сомкнутым строем. В середине 60-х годов был разработан новый воинский устав о строевой пехотной службе. Однако, в этом вопросе Милютину приходилось преодолевать большие трудности: слишком глубоко укоренились традиции плац-парадов, особенно на протяжении последних 30–40 лет. «К сожалению, Государь, — пишет Милютин в своих “Воспоминаниях”, — имея склонность к поддержанию прежних традиций, хотя и радовался успехам войск в настоящем тактическом образовании, в то же время, однако ж, требовал и строгого соблюдения стройности и равнения на церемониальном марше, точного соблюдения на разводах, церковных парадах и других церемониях всей прежней мелочной формалистики. Одно какое-нибудь замечание государя за пустую ошибку уставную или за неровность шага, недостаточно “чистое” равнение парализовало все старания придать обучению войск новый характер, более соответственный истинной пользе и условиям войны»¹.

Много было сделано Милютиным и в области распространения грамотности среди солдат. В этих целях в войсковых частях проводилось обучение грамоте, издавались специальные солдатские журналы «Солдатская беседа» и «Чтение для солдат», организованы были полковые и ротные библиотеки.

Большое внимание уделялось Милютиным вопросу перевооружения армии. По окончании Крымской войны, с 1857 г. производилось перевооружение пехоты: вместо существовавших семилинейных гладкоствольных и нарезных ружей вводилась шестилинейная заряжающаяся с дула винтовка. Артиллерия стала переходить к орудиям с нарезными стволами, также заряжаемым с дула. Разрабатывался вопрос о замене деревянных лафетов железными.

В 1866 г., благодаря энергичным мерам Военного министерства, эта работа была закончена: в пехоте ввели шестилинейную винтовку, в артиллерии — медные нарезные пушки. Однако, военная техника в Европе еще шагнула вперед: нарезное оружие, заряжающееся с дула, к тому времени уже устарело. Опыт австро-прусской войны 1866 г. поставил вопрос о необходимости перехода к оружию, заряжающемуся с казенной части, перехода от медных пушек к стальным.

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7850, стр. 296–297.

Отсталость отечественной военной промышленности, с одной стороны, и отсутствие средств для приобретения новых видов вооружения за границей — с другой, крайне тормозили дело перевооружения и помешали Милютину добиться сколько-нибудь существенных результатов. Ему приходилось непрерывно вести борьбу с Министерством финансов, отстаивая требуемые им ассигнования на перевооружение армии, причем, как правило, он никогда полностью не получал этих сумм. Учтя невозможность произвести замену существующего оружия новым, Военное министерство наладило переделку существующих винтовок в скорострельные, заряжающиеся с казенной части, а также частичное изготовление новых винтовок. Дело перевооружения осложнялось еще и тем, что Военное министерство долго не могло остановиться на определенной системе винтовки, — за границей появлялись все более совершенные виды оружия. Так, в 1866 г. начинается переделка винтовок в скорострельные, капсюльные, по системе Терри-Нормана, а позднее отдается преимущество винтовке системы Карле, отличавшейся скорострельностью и прочностью устройства.

В конце 60-х годов принимается на вооружение малокалиберная винтовка Бердана № 2, отличавшаяся несомненными преимуществами: наибольший прицел достигал 1500 шагов при очень большой силе удара — на расстоянии 4 тыс. шагов пуля пробивала дюймовую доску. Эта винтовка американского образца была значительно реконструирована командированными в Америку русскими офицерами Горловым и Гунниусом, вследствие чего и получила в Америке наименование русской, представляя собою наилучший образец из всех существовавших там систем оружия. Переделка же шестилинейных винтовок производилась по системе Крынка (или Крнка). Винтовка Крынка обладала наибольшим прицелом на 600 шагов и заряжалась с казенной части. Таким образом, на вооружении имелись винтовки различных систем, что создавало огромные неудобства и снижало качество технической вооруженности русской армии.

При перевооружении армии министру приходилось преодолевать многочисленные трудности. Большим препятствием, по словам Милютина, было «вмешательство в это дело, под эгидой наследника цесаревича, людей неспециальных, вовсе незнакомых с техникой оружейного дела, и взявшихся за переделку наших ружей по какой-то случайно попавшейся им в руки неиспытанной системе»¹. Вокруг наследника увивались алчные и ловкие дельцы с одной только целью: как бы побольше нажать на поставках оружия. Они, при поддержке своего высокопоставленного, но невежественного покровителя, принесли большой вред делу перевооружения армии.

Милютин придавал большое значение развитию отечественной военной промышленности, понимая, что только наличие ее может обеспечить должное состояние вооруженных сил. В одной из своих резолюций относительно приобретения ружей за границей он писал: «Россия не Египет,

---

¹ ф. Д.А. Милютин, М. 7849, стр. 183.

не папские владения, чтобы ограничиться покупкой ружей за границей на всю армию. Мы должны же устроить свои заводы для изготовления в будущем наших ружей...»¹.

Таковы вкратце реформы в области военного управления и организации армии, осуществленные Милютиным на протяжении первых 8—9 лет его руководства Военным министерством.

* * *

Возглавляя Военное министерство, Милютин отнюдь не пытался замкнуться в круг военных дел, а, наоборот, стремился принимать живое участие и в решении других государственных вопросов.

Для понимания отношения Милютина к тем или иным вопросам внутренней политики небезинтересно остановиться на характеристике его политических взглядов того времени.

В архиве Е.М. Феоктистова, бывшего в начале 60-х годов сотрудником газеты «Русский инвалид», сохранились черновые наброски Милютина, представляющие собою своеобразное *profession de foi* его политических чаяний.

«Реформа у нас может быть произведена только властью. У нас слишком велико еще брожение, — говорит Милютин, — слишком разрознены интересы, чтобы ожидать чего-нибудь хорошего и прочного от инициативы представителей этих разрозненных интересов... (стало быть мысли о конституционных проектах должны быть отложены на многие лета). Затем реформа наша должна быть общая для всей империи; всякое исключительное применение к той или другой местности вредит единству государства, возрождает сепаратизм и соперничество.

Наконец, сохранение сословных привилегий сделало бы невозможным какой-либо прогресс.

Брать за образец английские или какие-нибудь другие учреждения, развивавшиеся веками из самих элементов народных, значило бы насиловать природу и историю народа»². Такова точка зрения Милютина на пути осуществления преобразований. Далее он переходит к характеристике определенных настроений, выражающих, по его мнению, крайнюю неопределенность политических чаяний. «Одни, — говорит он, — интерес личный ставят выше общего государственного. У иных же преобладает теория над практикой»³.

---

¹ Резолюция Милютина на рапорте ген. Горлова от 21 сентября 1870 года. Цит. по кн. В. Федорова «Вооруженные силы русской армии в XIX столетии», СПб., 1911, стр. 237.

² Архив Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом), фонд Феоктистова, 9097, 15, 104. Наброски эти написаны рукою автора, карандашом, дата и подпись отсутствуют. Нам представляется, что они относятся, примерно, к 1864—1865 гг.

³ Там же.

Все это, по его мнению, говорит о том, что в России еще не созрели условия для образования партий, что, в свою очередь, еще раз подтверждает правильность мысли о нереальности каких-либо конституционных проектов.

В заключение Милютин излагает свою точку зрения на основные принципы внутренней политики. «По нашему, есть два условия главные, существенные. *Sine qua non* — без которых всякая политическая теория в применении к России должна считаться несостоятельной: 1-ое — единство и целостность государства, 2-ое — равноправность членов его. Для первого условия нужно: *сильная власть и решительное преобладание русских элементов* (мы говорим об империи, — о Царстве Польском и Княжестве Финляндском речь особая). Для второго условия необходимо откинуть все устаревшие, отжившие *привилегии*, проститься навсегда с правами одной касты над другой... Но *сильная власть* не исключает ни личной свободы граждан, ни самоуправления; но *преобладание русского элемента* не означает угнетения и истребления других народностей; но *устранение старинных привилегий* — далеко от нивелирства и социализма. Тот, кто хочет истинного блага России и русского народа, кто думает более о будущности их, чем о настоящих эгоистических интересах, тот должен отвергать решительно все, что может или колебать власть единую и нераздельную или подстрекать и потворствовать сепаратизму некоторых частей или поддерживать дух властвования одного сословия над другими...»¹.

Таковы политические взгляды Милютина. Они характеризуют его как либерала, однако либерала крайне умеренного, считающего возможным осуществить буржуазные преобразования в рамках самодержавного строя.

Одним из средств своего влияния на вопросы внутренней и внешней политики Милютин избирает печать. В 1863 году «Русский инвалид» — орган Военного министерства — превращается в серьезную политическую газету, занимающую по ряду вопросов отличную от других органов печати позицию. Сам Милютин повседневно занимался газетой, уделял ей много внимания. По свидетельству Е.М. Феокистова, «редактор должен был неуклонно каждый день к 9 часам вечера приезжать к нему и представлять на его усмотрение все сколько-нибудь выдающиеся статьи; как бы ни был занят Милютин, у него всегда хватало времени весьма внимательно заняться ими; он дорожил “Русским инвалидом”, как самым удобным средством распространять известного рода идеи не только в военном сословии, но и вообще в публике»². В области внутренней политики «Русский инвалид» горячо поддерживал проводимые буржуазные реформы, отстаивая их от нападок крепостников, разумеется, с либеральных позиций.

¹ Там же. Подчеркнуто автором.

² Е.М. Феокистов. «За кулисами политики и литературы». Изд. «Прибой». 1929, стр. 335.

Много внимания уделяла газета подготовлявшимся земской и судебной реформам, а также и новому университетскому уставу.

Особой точки зрения придерживался Милютин лишь в польском вопросе. По отношению к польскому восстанию он стоял на непримиримых позициях, не допускающих никаких политических уступок. Милютин являлся сторонником беспощадного подавления восстания, одобряя полностью «решительный» образ действий Муравьева-вешателя.

Будучи противником какой-либо политической автономии, Милютин вместе с тем считал необходимым сохранение в Польше ее внутренней администрации, ее судебных и религиозных учреждений. Эта точка зрения нашла свое выражение в статье Гильфердинга «Положение и задачи России в Царстве Польском», помещенной в «Русском инвалиде» в ноябре 1863 года.

«Как можно налагать русские распоряжки на край, вовсе не русский? Это совершенно противно духу русского народа, преданиям русской истории, — пишет Гильфердинг. — Если бы русская административная система, русское судопроизводство и т. д. были идеалом совершенства, то, пожалуй, можно бы было подумать о такой мере. Но мы признаем их далекими от совершенства и для самой России»¹. И далее Гильфердинг указывает на необходимость сохранения внутреннего административного устройства, не допуская при этом «ни тени политической автономии».

Вместе с тем Милютин являлся горячим сторонником и крестьянской реформы в Польше, проводившейся его братом Н.А. Милютиным. Польскому вопросу Милютин придавал огромное значение, что находило свое отражение не только на страницах «Русского инвалида». В период польского восстания Милютин издавал специально для заграницы литографированный листок «Correspondance russe».

«Ведение газетной полемики по вопросам чисто политически, — пишет Милютин в своих “Воспоминаниях”, — было, конечно, не делом Военного министерства, но неоднократные попытки мои убедить нашего вице-канцлера, чтобы он принял на себя вести рядом с дипломатической войной и войну газетную, — не имели успеха... Между тем, пренебрегать таким могущественным орудием, какова печать в наше время, при тогдашних обстоятельствах, было даже опасно. Министерство внутренних дел также не брало на себя инициативы. Вот почему я решился принять на себя дело, которое вполне признавал чуждым Военному министерству. Кроме полемики в “Русском инвалиде”, предпринято было еще издание той же редакцией литографированного листка, в подражание иностранным литографированным корреспонденциям, под заглавием “Correspondance russe” еженедельно выходил листок на двух языках: французском и немецком, с известиями о том, что происходило в России, в особенности о польских делах, и с разъяснениями разных случаев и происшествий... Издание это продолжалось

¹ «Русский инвалид», 17 ноября 1863 года. № 255.

во все время польских смут и прекращено было, когда миновала самая цель издания»¹.

Деятельное участие принимает Милютин и в спорах по остзейскому вопросу. Сущность его заключалась в следующем: немецкая аристократия, занимавшая господствующее положение в Прибалтике, всячески противилась проведению там буржуазных реформ, пытаясь сохранить средневековые феодальные порядки. Борьбу против этих стремлений немецких феодалов возглавили «Русский инвалид» и «Московские ведомости». В полемике, развернувшейся на страницах печати, приняли участие немецкие газеты как издававшиеся в России, так и за границей.

Немецкая пресса, защищавшая интересы остзейского дворянства, имевшего могучую поддержку при дворе, приняла агрессивный тон, обвиняя представителей противоположного лагеря в травле немецкой национальности.

Если «Московские ведомости», рассматривая остзейский вопрос с великодержавных позиций, обвиняли прибалтийское дворянство в «немецком сепаратизме», то «Русский инвалид» смотрел на это иначе. «...вопрос идет не о сепаратизме, не о национальных немецких стремлениях, — писалось в одной из редакционных статей “Русского инвалида”, — а о чисто сословных стремлениях той небольшой партии, которая до сих пор держит в безгласности и несправности как все финно-латышское население, так и русских и вообще не принадлежащих к привилегированным... Порядок, существующий в Остзейском крае, сословная монополия тесной корпорации из нескольких сот имматрикулированных дворян и нескольких тысяч привилегированных граждан исключительно немецкого происхождения, не допускающих ни в свою среду, ни к участию в общественных делах, ни даже к полному пользованию гражданскими правами, ни массу финно-латышского населения, ни русских, обитающих в крае, ни прочих народностей, обнаружены были нами во всей своей наготы»².

Резкий тон статей «Русского инвалида» вызвал недовольство Александра II, о чем шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков сообщает Милютину в официальном письме, требуя прекратить «нападки» на немцев.

Не менее активную роль играл Милютин и в среднеазиатском вопросе. По инициативе Милютина, вопреки кн. А.М. Горчакову, в 1864 году начинаются активные действия в Средней Азии, заключавшиеся первоначально в соединении Оренбургской и Сибирской линий.

На протяжении всего периода завоевания Средней Азии Милютину приходилось преодолевать сильное противодействие кн. Горчакова, боявшегося осложнений с Англией, также стремившейся к колониальной экспансии в этом районе. В своей записке в Министерство иностранных дел

---

¹ ф. Д.А. Милютин. М. 7844, стр. 84–86.

² «Русский инвалид», 10 апреля 1865 года, № 76.

в связи с депешей русского посла в Лондоне бар. Брунова, бывшего тревогу по поводу продвижения в Средней Азии, Милютин писал: «...не надобно просить извинения перед английскими министрами за всякое наше движение вперед. Они не церемонятся перед нами, завоеывая целые царства, занимая чужие города и острова, и мы не спрашиваем у них, зачем они делают это...»¹.

В 1867 году, по инициативе Милютина, туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками округа был назначен ген. К.П. Кауфман, который и осуществлял, в соответствии с планами военного министра, политику в Средней Азии.

* * *

Событие 4 апреля 1866 года — покушение Каракозова на Александра II — приводит к резкому усилению реакционного курса. Вскоре после покушения Милютин, предвидя разгул реакции, пытается предотвратить это путем воздействия на Александра II.

Обсудив создавшуюся обстановку со своим политическим единомышленником проф. К.Д. Кавелиным, Милютин решил обратиться непосредственно к царю с особой запиской, в которой были бы изложены взгляды на современное положение вещей. Записка эта, озаглавленная «О нигилизме и мерах против него необходимых», была написана Кавелиным и в середине мая передана Милютиным после очередного доклада Александру II. В этой записке Кавелин стремился доказать следующие положения, характерные для революционного либерализма того времени. Во-первых, что революционное учение — нигилизм — не имеет под собой никакой почвы, русский народ чужд ему — «...нигилизм не имеет ничего общего с простым народом русским, — говорит Кавелин в этой записке, — ...нигилизм пришел к нам с Запада и потому принадлежит исключительно той среде, которая находится в отчуждении от народа...»². И, во-вторых, что рост революционного движения вызван отнюдь не результатами буржуазных реформ, как это утверждают реакционеры — «...было бы совершенно ошибочно думать, что эта свобода, которую нынешнее царствование даровало всем общественным силам России и которой нигилизм воспользовался наравне со всеми прочими явлениями общественной жизни нашей, что эта свобода содействовала развитию и усилению нигилистической заразы. Напротив, факты доказывают, что нигилизм внедрился в России и заразил молодое поколение в эпоху самого тяжелого надзора и гнета между 1849 и 1855 годами...»³. Далее автор записки переходит к вопросу о методах борьбы с революционным движением. Не отрицая необходимости полицейских мер,

---

¹ Архив внешней политики России МИД СССР, ф. Азиатского департамента, опись 1–9, д. № 15, ч. II, 1862–1868 гг., л. 38.

² ф. Д.А. Милютина, М. 8026, л. 2.

³ Там же, л. 4.

Кавелин подчеркивает, что правительство не может ими ограничиваться, а тем более ставить их во главу угла всей борьбы с «революционной заразой». Сохранение прежнего правительственного курса, дальнейшее проведение буржуазных реформ, улучшения в области постановки учебного дела и ряд других мероприятий — вот что, по мнению автора, должно, наряду с репрессивными мерами, способствовать искоренению нигилизма. «...Нет никакой надобности, — говорится в записке, — изменять нынешних, столь счастливых, исполненных взаимного доверия отношений между правительством и крестьянским сословием. Единственная здравая политика в этом отношении состояла бы в поддержании этих отношений...»¹.

Записка эта, как рассказывает Милютин, осталась без последствий. Александр II возвратил ее ему при последующем его докладе, сказав лишь, что «в ней есть много справедливого», и уклонился от дальнейшего разговора. «Я мог вполне понять — говорит Милютин, — что ему не угодно, чтобы я вмешивался в общие дела, выходящие из специального круга военного ведомства. Недаром же твердили уже давно государю, что я либерал, демократ, красный и вообще человек опасный...»².

Наступившая реакция неблагоприятно отразилась на положении Милютина. Назначение на пост шефа жандармов гр. Петра Шувалова, имевшего на Александра II огромное влияние, замена либерально настроенного министра народного просвещения А.В. Головнина реакционером гр. Д.А. Толстым — все это делало положение Милютина крайне тяжелым. «Я стал в странные отношения к моим коллегам, — говорит он, — составляя как бы оппозицию в самом составе правительства»³.

Действительно, Милютин остается в правительстве единственным представителем либерального направления. «С 4 апреля, — пишет он, — берет верх партия quasi-консерваторов или, вернее сказать, ретроградов. Представителем ее на первом плане является гр. Петр Шувалов; к нему примыкают все те личности, которые и прежде не сочувствовали либеральным реформам. Партия эта задумала воспользоваться преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить государю недоверие ко всему, что было сделано на славу его царствования, и под видом укрепления расшатанной будто бы самодержавной власти восстановить господство высшего сословия над массой, по идеалу прибалтийских баронов...»⁴.

Гр. Шувалов и его клика пускают в ход все средства, чтобы добиться отставки Милютина. К концу 1866 года положение его настолько пошатнулось, что начали циркулировать упорные слухи об его отставке.

---

¹ Там же, л. 7.

² ф. Д.А. Милютина, М. 7847, стр. 85.

³ Там же, стр. 259.

⁴ Там же, стр. 203–204.

Однако, подобрать на пост военного министра кандидата, способного возглавить реорганизацию армии, не удалось, и Александр II не решился дать отставку Милютину.

В 1868 году гр. Шувалов и министр внутренних дел Тимашев снова повели яростную кампанию против Милютина. На этот раз атака была направлена против «Русского инвалида»: был представлен всеподданнейший доклад о вредном направлении органа Военного министерства. Совет министров, обсудив этот вопрос, прекратил издание «Русского инвалида»¹.

В конце 1868 года гр. Шувалов и К° идут на прямую провокацию против Милютина. В Москве по фабрикам и мастерским начали собираться подписи под благодарственным адресом, составленным на его имя, о чем сообщает Милютину из Москвы Ю.Ф. Самарин.

«Уже несколько дней, — пишет он, — ходят об Вас в Москве странные слухи. Рассказывают, что государь будто бы сказал в.к. наследнику, что ему бы хотелось бы узнать, какого мнения Москва о военном министре; что слова эти будто бы дошли до генерал-адъютанта Зеленого, который будто бы через преданных ему людей распространяет их в средних и низших слоях здешнего городского общества, подбивая его к какой-нибудь манифестации в вашу пользу. Говорят, что по фабрикам и мастерским кем-то разносятся благодарственные адреса на Ваше имя и вербуются подписи... Сегодня поутру к старшине здешнего ремесленного сословия Буханову явился совершенно ему незнакомый господин, который *не назвался* и подал ему адрес, ...требуя от него, чтобы он подписал его от имени всего ремесленного сословия, притом без дальних размышлений, *так как городской голова князь Щербатов одобряет этот адрес и сочувствует этому делу*. Осторожный Буханов однако не подписал и отправился... к князю Щербатову, который от него первого узнал, к немалому своему удивлению, обо всем этом деле...»².

Как сообщает далее Самарин, в числе лиц, распространявших адрес, фигурировала некая Чепелевская — содержательница Кирилло-Мефодиевского пансиона в Москве, имевшая близкое отношение к III отделению.

Благодаря этому письму Милютину удалось принять соответствующие меры, и провокация сорвалась.

В том же 1868 году реакционная печать начала поход против осуществленных Милютиным военных реформ. На страницах газеты «Весть» военный писатель Р.А. Фадеев — креатура кн. А.И. Барятинского — выступает с рядом статей, критикующих военные преобразования Милютина. В одном из своих писем к кн. Д.И. Святополк-Мирскому Фадеев

---

¹ Через некоторое время выпуск «Русского инвалида» был возобновлен в виде уже ведомственной газеты.

² ф. Д.А. Милютина, М. 8044, письмо Ю.Ф. Самарина от 1 января 1869 года. Подчеркнуто автором.

в 1868 году пишет: «...По письму фельдмаршала Государь согласился отпустить меня к нему редактором антимилютинской работы, с зачислением в Министерство внутренних дел, чтобы изъять меня из под военной власти»¹.

Политическая направленность этой борьбы станет вполне ясной, если привести следующее суждение Фадеева, высказанное им в письме к Ю.Ф. Самарину: «Продолжающееся царство Милютина, которое есть чистейший остаток банды, выстроившей Россию 1861 года, о благонамеренности которой Вы считаете возможным говорить так громко»².

Фадеев, инспирируемый кн. Барятинским, подвергает уничтожающей критике новое военное устройство, восхваляя при этом прусскую военную систему и порядки, существовавшие при Николае I. Критика эта, осуждая буквально все созданное Милютиным, ставила перед собою задачу повернуть вспять развитие вооруженных сил, установив прусскую систему организации и управления армии, о которой в свое время мечтал кн. Барятинский.

* * *

Начавшаяся в 1870 году франко-прусская война и напряженное международное положение, возникшее в связи с этим в Европе, несколько ослабили борьбу против Милютина и даже создали условия для постановки им вопроса о необходимости дальнейших преобразований. «Война франко-прусская, — рассказывает в своих “Воспоминаниях” Милютин, — произвела сильное впечатление во всей Европе... Тогда поняли и у нас, как несвоевременно было заботиться исключительно об экономии, пренебрегая развитием и совершенствованием наших военных сил. Заботы о сокращениях и сбережениях отодвинулись (по крайней мере временно) на задний план, заговорили о том, достаточны ли наши вооруженные силы для ограждения безопасности России в случае каких-либо новых политических пертурбаций в Европе»³.

Воспользовавшись благоприятной обстановкой, Милютин вновь поставил вопрос об увеличении численности войск, а также о разработке устава о всеобщей воинской повинности. Большую помощь в этом вопросе оказал ему член Государственного совета П.А. Валуев — бывший министр внутренних дел. Находясь летом 1870 года за границей, Валуев явился свидетелем молниеносного разгрома Франции, и, под впечатлением этих событий, высказал Милютину мысль о целесообразности введения всеобщей воинской повинности. «Я отвечал ему, — рассказывает Милютин, — что, без сомнения, такое решение вопроса было бы самым рациональным, но что едва ли можно рассчитывать на успех, если ини-

¹ ЦГИАЛ, ф. Фадеева, д. № 34, л. 1.

² Отд. Рук. ГБЛ, ф. Самариных, 7/76, 18, 205.

³ ф. Д.А. Милютина, М. 7850, стр. 89–90.

циативу подобного предложения приму я на себя: достаточно моего имени в этом предложении, чтобы оно было признано новой революционной мерой. Я убедил Валуева изложить письменно его мысли и представить их государю от своего имени»¹.

Действительно, несколько дней спустя Валуев передал Милютину свою записку, озаглавленную «Мысли невоенного о наших военных силах», в которой он, ссылаясь на события в Западной Европе, ставил вопрос о необходимости увеличения вооруженных сил на основе введения воинской повинности. Эта записка, переданная Александру II, была на другой же день возвращена Милютину со следующей резолюцией: «Совершенно совпадает и с твоими и моими собственными мыслями, которые, надеюсь, и будут приводиться в исполнение по мере возможности»².

В плане, составленном Милютиным и принятом Александром II, ставилась следующая задача: на основе введения воинской повинности и сокращения сроков службы значительно увеличить возможность развертывания армии в случае войны. Для этого предполагалось сформировать 30 резервных дивизий, комплектуемых во время войны обученными кадрами, находящимися в запасе; кроме того, для пополнения убыли во время войны создать запасные войска.

Для разработки предложенных мер были созданы две комиссии: одна по вопросу введения всесословной воинской повинности, другая — по созданию резервных и запасных войск, а также по реорганизации ополчения.

Таким образом, только внешнеполитические события дали возможность Милютину приступить к осуществлению своих заветных планов — подготовке устава о воинской повинности. Однако, подготовка и проведение в жизнь намеченных мероприятий потребовали от Милютина огромных трудов и усилий.

В начале 70-х годов, вскоре после окончания франко-прусской войны, борьба против реформ Милютина снова принимает большие размеры. Упомянутый выше писатель Фадеев и находившийся в отставке генерал Черняев начинают систематическую травлю Милютина на страницах газеты «Русский мир».

«Московские ведомости» — орган Каткова — также принимают участие в походе против Милютина. Как и прежде, борьба эта направлялась фельдмаршалом кн. Барятинским. Не стоял в стороне от этого и шеф жандармов гр. Петр Шувалов, видевший в Милютине своего главного политического противника.

Генерал Н.Г. Залесов, находившийся в близких отношениях с гр. Павлом Шуваловым — братом шефа жандармов — и хорошо знавший закулисную сторону этой борьбы, в своих воспоминаниях пишет: «...Душою интриги был шеф (жандармов. — П.З.). Не ограничиваясь

---

¹ Там же, стр. 94–95.

² ф. Д.А. Милютина, М. 8048, л. 1.

Барятинским, Шуваловы находились тогда в самых дружеских отношениях и к германскому посланнику принцу Рейссу, как известно, имевшему значительное влияние на государя и действовавшему именем императора Вильгельма. В сущности же говоря, — заключает Залесов, — вся эта партия, сама, может быть, того не сознавая, работала по дудке Бисмарка, боявшегося развития военных сил России и национального направления ее политики»¹.

Об этом упоминает и Милютин в своих «Воспоминаниях».

В начале 1872 года Милютин предложил Александру II созвать секретные совещания, дабы обсудить подготовлявшиеся мероприятия как в области дальнейшего увеличения армии — создания резервных и запасных войск, так и других вопросов военного устройства. Совещания эти первоначально были назначены на декабрь месяц, а затем перенесены на начало будущего года. В числе приглашенных на совещание лиц были министры, командующие войсками военных округов, отдельные представители Военного министерства, а также фельдмаршалы — кн. Барятинский, гр. Берг и великие князья Михаил и Николай Николаевичи.

Кн. Барятинский, приехав в Петербург за несколько месяцев до открытия совещания, собрал вокруг себя группу лиц, недовольных Милютиным. Составившаяся оппозиция включала в себя, помимо кн. Барятинского и гр. Берга, также и великих князей. Кроме того, вокруг кн. Барятинского объединились всякого рода темные личности, ущемленные Военным министерством, в числе которых был и опозорившийся в Крымскую кампанию бывший главный интендант Затлер, вызванный кн. Барятинским из Варшавы.

Уже на первом заседании секретных совещаний, открытых 28 февраля под председательством Александра II, кн. Барятинский выступил с демагогической речью, представлявшей собою перепев статей «Русского мира». Он обрушился на созданную Милютиным систему военного управления, в которой «чиновничество взяло верх над строевым элементом», а также обвинял Военное министерство в излишних расходах.

Первоначально Александр II отнесся крайне отрицательно к выступлению кн. Барятинского, но через несколько дней, поддавшись влиянию великих князей, изменил свое отношение к нему.

В начале марта Александр II создал специальную комиссию для изыскания путей сокращения расходов по военному ведомству, председательство в этой комиссии было возложено на кн. Барятинского.

Этот шаг являлся прямым вызовом Милютину. Естественно, что кн. Барятинский решил направить работу этой комиссии не столько на изыскание путей к сокращению расходов, сколько на критику финансовой и хозяйственной деятельности Военного министерства.

Вместе с тем кн. Барятинский и великие князья поставили вопрос об изменении всей системы военного управления и организации ар-

---

¹ «Записки Н.Г. Залесова», «Русская Старина», июнь 1905 г., стр. 517.

мии. Предполагалось уничтожить военные округа и вместо них создать четыре армии, распределив между ними все войска, а также провести и ряд других мер.

На заседании 10 марта, при обсуждении этих предположений, выступил Александр II со «своей» запиской, «случайно» совпадавшей с проектами оппозиции. Таким образом, был поставлен вопрос об уничтожении всей созданной Милютиным системы.

Это заставило его выступить крайне резко и заявить о невозможности дальнейшего пребывания на посту военного министра.

«В немногих словах, — рассказывает Милютин о своем выступлении на совещании 10 марта, — я высказал, что прочитанные предложения составляют полное ниспровержение всей существующей у нас системы военной администрации; что уничтожение военных округов будет возвращением к прежней неурядице, к прежним комиссариатским и провиантским злоупотреблениям и пр. и пр. Все это высказано было горячо и резко, и в заключение вырвалась такая фраза: «Как бы то ни было, но предлагается ныне такое коренное преобразование, которое выработать и привести в исполнение я не чувствую себя в силах!»¹.

Александр II с присущей ему бесхарактерностью и отсутствием собственной принципиальной точки зрения, боясь потерять Милютина, вскоре после этого выступления прекратил заседание, а вечером во дворце, встретив Милютина, попытался его успокоить. «Государь отыскал меня в толпе, — рассказывает Милютин, — взял за руку, отвел немного в сторону и, нагнувшись, на ухо сказал мне кротким и мягким тоном: “Как не стыдно было тебе рассердиться! Приходи ко мне завтра утром, часу в одиннадцатом”. В воскресенье, 11 марта, в назначенный час, — продолжает Милютин, — прихожу к Государю. Он дает мне руку, обнимает меня и смущенным голосом говорит: “Зачем ты принял так к сердцу то, что вчера говорилось? Мало ли какие приходится слушать несообразности...”»².

По-видимому, Александр II забыл, что эти «несообразности» лишь день назад он разделял и горячо поддерживал.

Однако и после этого примирения проект новой организации войск не был еще забыт. Только в конце марта, после некоторых уступок оппозиции, сделанных Милютиным, он был окончательно оставлен³.

Военные округа и вся система военного управления, созданная Милютиным, были сохранены. Все вопросы, поставленные на обсуждение секретных совещаний, были решены в основном в соответствии с предполо-

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7851, стр. 237.

² Там же, стр. 238.

³ Милютин на основе представленных расчетов доказал, что проведение этого проекта в жизнь, помимо целого ряда противоречивых положений, потребует ежегодного увеличения расходов на 13 миллионов рублей.

жениями Военного министерства. Уступки же, сделанные Милютиным, заключались лишь в восстановлении в мирное время армейских корпусов, командиры которых подчинялись командующим военных округов¹, а также в восстановлении уничтоженного после Крымской войны деления дивизий на две бригады.

Если целесообразность сохранения армейских корпусов в мирное время представляется спорной, то деление дивизии на две бригады являлось абсолютно ненужным, требовавшим лишь излишних расходов.

Кроме того, были внесены изменения и в составе пехотных полков, получивших четырехбатальонный состав вместо существовавших ранее трех батальонов, в батальоне же вводилась также четвертая рота.

Некоторые изменения были внесены и в принцип формирования резервных и запасных войск.

Что касается созданной комиссии под председательством кн. Барятинского, то она, проработав несколько месяцев, при всем своем желании, не сумела выдвинуть каких-либо серьезных обвинений против Военного министерства, ограничившись несколькими замечаниями третьестепенного характера.

Разработка и утверждение закона о воинской повинности потребовали от Милютина больших трудов и усилий. Реакционеры всех мастей, вплоть до «Московских ведомостей», выступили против нового закона, усматривая в нем ущемление прав дворянства.

Первоначально проект закона о воинской повинности обсуждался в Особом присутствии о воинской повинности, а затем уже в Общем собрании Государственного совета.

Обсуждение проекта в Особом присутствии Государственного совета вызвало горячие споры по целому ряду вопросов. Небезинтересно отметить, что министр иностранных дел канцлер кн. Горчаков в первом же заседании выразил сомнение насчет возможности безотлагательного введения в России всеобщей воинской повинности. «Кн. Горчаков, — говорится в мемории этого заседания, — заявил, что при всем сочувствии к основной мысли проекта, он, с своей стороны, считает, однако, необходимым, чтобы соблюдена была некоторая осторожность и постепенность в практическом его применении. По мнению кн. Горчакова, осторожность и постепенность в настоящем деле представляются особенно желательными как вследствие важности переворота, который совершится им во всем народном быту, так, равно, ввиду существующего ныне у нас весьма резкого различия в уровне образования отдельных слоев населения. Когда в начале нынешнего века всеобщая воинская повинность впервые введена

---

¹ Милютину пришлось долго бороться, чтобы отвергнуть требования оппозиции, считавшей необходимым подчинить командиров корпусов непосредственно верховной власти, что, по существу, означало бы уничтожение военных округов.

была в Пруссии, в этом государстве различие в степени образования высших и низших классов было менее значительно, нежели у нас теперь, и, несмотря на то, военная реформа была приведена в исполнение не вдруг, а постепенно в течение десяти лет. Примеру этому следовало бы последовать и нам»¹. Кроме того, кн. Горчаков считал, что привлечение в состав армии представителей образованных классов может оказать «вредное влияние на дисциплину и дух войск». Особое присутствие, однако, согласилось с возражениями военного министра, заявившего, что если ожидать того времени, когда «низшие классы достигнут той степени образования, которая соответствовала бы уровню умственного развития высших классов»², то для этого потребуется «едва ли не менее нескольких десятков лет», а вместе с тем введение воинской повинности в настоящее время имеет огромную государственную важность. Если никто из членов Особого присутствия, помимо кн. Горчакова, и не выступал против проекта закона в целом, то по отдельным разделам, главным образом по вопросу о льготах по образованию, велись горячие споры, причем главным противником их был министр народного просвещения гр. Толстой.

Особенно ожесточенная борьба происходила при обсуждении проекта закона в Общем собрании Государственного совета.

«Заседание Государственного совета, — записал 3 декабря 1873 г. в своем дневнике Милютин, — было весьма оживленное и продолжительное. Это был только приступ к прениям о воинской повинности. Как надобно было ожидать, главным оппонентом явился опять гр. Толстой. За несколько дней до заседания он разослал членам Государственного совета длиннейшую записку, в которой развивает новые свои затеи по вопросу о льготах по образованию. Записка эта переполнена самыми натянутыми справками, извращенными цитатами, подтасованными цифрами и невозможными предположениями. Говорят, что она составлена и привезена из Москвы Катковым... Многие из членов (Государственного совета. — П.З.) громко подсмеивались над тем, что два министра обменялись ролями: министр народного просвещения как будто только и заботился о лучшем составе армии и в особенности корпуса офицеров, жертвуя с самоотвержением всеми выгодами просвещения и другими интересами государственными, военный же министр защищал народное просвещение и высшее образование. Мало того, шеф жандармов, стоящий во главе аристократической партии, клонил к тому, чтобы вся высшая и образованная молодежь поголовно была привлечена к военной службе и чтобы, в случае войны, легла целиком на поле битвы; представитель же военного ведомства защищал эту бедную молодежь и желал сохранить ее для разных поприщ гражданской

¹ ЦГИАЛ, ф. Особого присутствия о воинской повинности, д. № 1, ч. III. Мемории первого заседания, л. 2–3.

² Там же.

деятельности. Такая перестановка ролей могла бы показаться непостижимой загадкой для всякого непосвященного в закулисную игру и замаскированные замыслы наших ториев»¹.

Установление льгот по образованию, на которых настаивал Милютин, имело большое прогрессивное значение, стимулирующее развитие просвещения; граф же Толстой отстаивал свою заветную мечту: сохранить права на образование лишь за привилегированными сословиями.

1 января 1874 года был издан устав о воинской повинности. По этому закону, воинскую повинность должно было отбывать все мужское население, достигшее 21 года, без различия сословий. Ввиду того, что контингент ежегодно призываемых был все же значительно меньше подлежащих призыву, лишь часть призывников определялась на действительную службу с последующим перечислением в запас армии, а затем в ополчение, другая же часть зачислялась прямо в ополчение. Вопрос этот определялся, во-первых, льготами по семейному положению, — такие лица большей частью освобождались от действительной военной службы; во-вторых, для прочих призываемых — жеребьевкой.

Льготы по семейному положению устанавливались трех разрядов: первый — для единственного сына, второй — для старшего сына при наличии братьев моложе 18 лет, третий — для лица, непосредственно следующего по возрасту за братом, находящимся на действительной военной службе. Срок действительной военной службы устанавливался в 6 лет.

Большие льготы предоставлялись по образованию: срок действительной военной службы для окончивших высшие учебные заведения составлял всего 6 месяцев, для окончивших гимназии и соответствующие им учебные заведения — полтора года, прогимназии и городские училища — 3 года и, наконец, для получивших начальное образование — 4 года. Для лиц, получивших высшее и среднее образование, срок службы сокращался еще вдвое, при условии отбывания воинской повинности в качестве вольноопределяющихся.

Устав о воинской повинности разрешал одну из основных задач реорганизации армии — создание запаса обученных резервов, необходимых для развертывания армии в военное время. Тем самым обеспечивалось основное условие для превращения русских вооруженных сил в массовую армию буржуазного типа.

Введение всесословной воинской повинности имело большое прогрессивное значение. Военная реформа 1874 года уничтожила основную привилегию дворянства, дарованную ему еще Петром III.

Однако, в условиях самодержавного строя эта реформа не могла быть последовательной до конца; устав 1 января 1874 г., распространивший службу в армии на все сословия, все же не обеспечил введения всеобщей воинской повинности. Значительная часть «инородческого» на-

---

¹ ф. Д.А. Милютин, М. 7852, стр. 68–70.

селения вовсе устранялась от воинской повинности, далее, освобождались от призыва лица духовных званий, меннониты, отдельные группы колонистов, не говоря уже о многочисленных отступлениях от закона для господствующих классов, практиковавшихся в условиях самодержавно-дворянского строя. Все это давало основание Ленину говорить: «В сущности у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений»¹.

* * *

Перейдем к характеристике деятельности Милютина в области внешней и внутренней политики в период 70-х годов.

Образование Германской империи в 1871 году внесло большие изменения во внешнеполитическую обстановку Европы, и к этому событию Милютин отнесся крайне отрицательно, прекрасно понимая, какую угрозу таило в себе это государство, созданное Бисмарком. «Могло ли быть выгодно и для России образование новой могущественной державы среди европейского континента? — писал Милютин в своих “Воспоминаниях”. — В то время, как государь радовался блестящим успехом своего дяди и друга, в русском обществе большинство людей мыслящих сознавало опасность, грозившую нам в будущем. Насколько государь твердо полагался на традиционный союз России с Пруссией, как на самую верную опору мира в Европе, настолько же общественное мнение не доверяло долговечности этого союза, основанного более на личных симпатиях между монархами, чем на интересах обоих государств. За исключением немногих из числа приближенных к государю и к царской семье, преимущественно же прибалтийских немцев, вся остальная Россия осуждала пристрастие государя к пруссакам и открытые заявления его сочувствия к успехам немецкого оружия... Весьма неблагоприятной казалась щедрая раздача немцам русских орденов: георгиевские кресты сыпались на германских генералов, офицеров, как будто они сражались за интересы России»².

Деятельность Милютина, направленная на укрепление военной мощи России, его отрицательное отношение к германофильской политике Александра II, наконец, его позиция в остзейском вопросе — все это, естественно, не могло вызывать сочувствия в германских правительственных кругах и закрепило за ним в их представлении репутацию германофоба. Во время пребывания в 1872 году в Берлине, в период свидания трех императоров, одна не отличавшаяся умом немецкая принцесса прямо задала Милютину вопрос о причинах его нелюбви к немцам. «Германские генералы, — рассказывает Милютин в “Воспоминаниях”, — почему-то убеждены в том, что все наши военные реформы последнего времени

¹ Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 70.

² ф. Д.А. Милютина, М. 7850, стр. 185–186.

направлены, собственно, против Германии. Военный министр Роон, сидя однажды возле меня за обедом, высказывал мне, что он не понимает, для чего мы затеваем ввести в России общую воинскую повинность, совершенно неподходящую, по его мнению, к нашему государственному строю и степени цивилизации народа»¹.

Это неприязненное отношение к Милютину разделялось и самим Вильгельмом I.

Однако оказывать какое-либо влияние на политику России в отношении Германии в тот период Милютин не мог. Для этого нужно было идти на прямой разрыв с Александром II, а это, естественно, было для него невозможно, да и не привело бы ни к каким положительным результатам.

В среднеазиатских делах, как и в 60-е годы, Милютин по-прежнему продолжал оставаться сторонником активной политики, преодолевая сопротивление кн. Горчакова. Часто те или иные вопросы, касавшиеся Средней Азии, ставились Милютиным перед Александром II через голову кн. Горчакова. Так, например, вопрос о занятии войсками всего Кокандского ханства был решен Александром II в 1873 году по настоянию Милютина и К.П. Кауфмана, об этом было предложено Милютину лишь довести до сведения канцлера.

В отношении восточного вопроса Милютин, как в шестидесятые, так и в семидесятые годы продолжал стоять на позиции сохранения мира. В одном из своих писем к гр. Н.П. Игнатьеву от 17 декабря 1868 года он писал: «Вам, как представителю России на Востоке, должно быть известно, что мы остаемся на самой мирной ноге, какая только возможна...»².

Таким образом, внешнеполитическая программа Милютина сводилась к стремлению сохранить мир в Европе и Ближнем Востоке, с одной стороны, и к активной политике в Средней Азии, с другой. Последнее выражало экономические интересы российской буржуазии, а также и стремления определенных кругов дворянства.

Как пишет в своем дневнике Милютин, Бисмарк, по рассказам гр. Петра Шувалова, в середине семидесятых годов усиленно рекомендовал «распорядиться Турцией», обещая за себя и Австрию сохранение полнейшего нейтралитета. Подобные предложения Бисмарка Милютин рассматривал как стремление нанести вред России и отвлечь ее внимание от западноевропейских дел. Буквально накануне войны с Турцией, 7 февраля 1877 года, Милютин, излагая свою точку зрения на Восточный вопрос в записке «Наше политическое положение», прямо указывал, что война явилась бы большим несчастьем для государства. «Внутреннее и экономическое перерождение России, — писал он в этой записке, — находится в таком фазисе, что всякая внешняя ему помеха

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7851, стр. 109–110.

² ф. Д.А. Милютина, М. 8039, л. 99.

может повести к весьма продолжительному расстройству государственного организма. Ни одно из предпринятых преобразований еще не закончено. Экономические и нравственные силы государства далеко еще не приведены в равновесие с его потребностями. По всем отраслям государственного развития сделаны или еще делаются громадные затраты, от которых плоды ожидаются лишь в будущем. Словом, вся жизнь государства поставлена на новые основы, только что начинающие пускать первые корни. Война в подобных обстоятельствах была бы поистине великим для нас бедствием. Страшное внутреннее расходование сил усугубилось бы еще внешним напряжением, вся полезная работа парализовалась бы и непомерные пожертвования могли бы быстро привести государство к полному истощению... а вместе с тем могло бы пошатнуться и само величие России»¹.

Однако это мнение Милютина, как известно, учтено не было.

* * *

Война 1877—1878 гг. явилась серьезной проверкой произведенных Милютиным реформ.

В начале ноября 1876 г. была впервые в истории русской армии проведена мобилизация. Хотя это был первый опыт и проводился он в самую распутицу, результаты мобилизации оказались удовлетворительными. На четвертый день мобилизация была закончена в десяти губерниях, а к пятому дню из 224 тыс. запасных, подлежащих призыву, 75 процентов явилось на сборные пункты. На 15-й день мобилизация была полностью закончена, за исключением Закавказского края. Укомплектование людьми и лошадьми частей, переведенных на военное положение, закончилось на 28-й день мобилизации. Сосредоточение войск на театре военных действий, несмотря на задержку в подаче подвижного состава, было закончено на 42-й день. Таким образом, потребовалось лишь шесть недель для перевода на военное положение 28 дивизий, 5 бригад, а также ряда отдельных воинских подразделений и для сосредоточения значительной части их на театре военных действий. «Никогда еще, — писал Милютин в своем дневнике, — Россия не имела в готовности такой силы со всеми материальными средствами, как теперь, никогда не могло быть прежде такого приготовления к быстрой мобилизации»².

Положительную оценку проведенной мобилизации дала и заграничная печать. Так, специальный корреспондент «Daily News» писал: «За 4 недели, прошедшие со дня мобилизации, армия совершенно готова и может вступить в бой по первому слову командования...»³.

¹ ф. Д.А. Милютин, М. 8086. Эта записка была по поручению Милютина отредактирована Н.Н. Обручевым; опубликована в приложении к воспоминаниям М.А. Газенкампа «Мой дневник 1877—1878 гг.». СПб. 1908.

² ф. Д.А. Милютин, М. 7853, стр. 136.

³ «Daily News» от 15 февраля 1877 года.

Однако, несмотря на все это, Милютин, как говорилось уже выше, был противником войны.

Не говоря уже об общем положении страны, военные реформы далеко не были закончены: введенная в 1874 году всеобщая воинская повинность не могла еще принести своих результатов, реорганизация армии, проводившаяся согласно решениям секретных совещаний 1873 года, также не была полностью осуществлена, наконец, не было проведено и перевооружение армии.

Начавшаяся в 1877 году война показала справедливость опасений Милютина. Вместе с тем в ходе войны обнаружился ряд недостатков, объяснявшихся не столько незавершенностью реформ, сколько общим состоянием правительственной системы и бездарностью командования, начиная от великого князя Николая Николаевича и кончая командирами корпусов, которые, по словам Милютина, «не годились даже и на должность начальников дивизий».

Милютин вплоть до конца 1877 года находился вместе с Александром II на театре военных действий, но никакого участия в руководстве боевыми операциями не принимал. Все официальные обязанности его сводились лишь к сопровождению Александра II, беспрестанно вмешивавшегося bestолку в распоряжения главнокомандующего и горевшего желанием, подобно своему коронованному дядюшке Вильгельму I, «принять участие в бою». С этой целью почти ежедневно Александр II со всей своей свитой отправлялся «на позицию» и, позавтракав там, как остроумно замечает Милютин, возвращался обратно. С горечью рассказывает Милютин в своем дневнике о различных безобразиях, происходивших в армии, безучастным свидетелем которых он являлся.

Однако Милютин не всегда оставался безучастным зрителем. В середине июля, после второй Плевны, не согласный с ходом ведения войны, он написал обстоятельную записку, в которой излагал свою точку зрения на дальнейший ход военных операций и подвергал серьезной критике действия командования.

«В отношении тактическом, — писал Милютин, — мы не можем всегда вести бой, бросаясь открыто, смело, прямо на противника, даже несравненно превосходя его в силах, особенно, когда он успел укрепиться. Если будем по-прежнему всегда рассчитывать на одно беспредельное самоотвержение и храбрость русского солдата, то в короткое время истребим всю нашу великолепную армию.

В отношении же стратегическом, очевидно, нельзя уже надеяться на то, чтобы одним быстрым, смелым набегом вперед за Балканы... произвести панический страх в неприятельском войске и народе и чрез несколько недель времени под стенами самой столицы его предписать ему мирные условия.

Поэтому, — продолжает Милютин, — казалось бы необходимым сообщить план дальнейших наших действий таким образом, чтобы не под-

вергая наши войска непомерным потерям, прочно утверждаться в том крае, который постепенно занимаем, и тем оградить себя от возможных невыгод, даже опасных для нас оборотов дел»¹.

Далее Милютин излагает свой план распределения войск и дальнейших операций. В заключение он еще раз подчеркивает необходимость «внушить начальникам войск бережливость на русскую кровь»².

Эта записка, одобренная Александром II, встретила неприязненное отношение вел. кн. Николая Николаевича.

После третьей Плевны, 31 августа, Милютин принял снова участие в обсуждении дальнейшего хода военных действий, поставив вопрос о необходимости продолжения (ализации) Тел. 334—81—87 (дирекция); Я р-зом рассказывает об этом:

«Уже близко было к закату солнца, когда кто-то подошел ко мне и сказал, что Государь спрашивает меня. Я встал и подошел к Государю, который вполголоса, с грустным выражением сказал: “Приходится отказать от Плевны, надо отступить”. Пораженный, как громом, таким неожиданным решением, я горячо восстал против него, указав неисчислимыя пагубныя последствия подобнаго исхода дела. “Что же делать, — сказал государь, — надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам». — “Но ведь подходят уже подкрепления”, — сказал я на это. Главкомандующий возразил, что, пока эти подкрепления не прибыли, он не видит возможности удержаться пред Плевной, и с горячностью прибавил: “Если считаете это возможным, то и принимайте команду, а я прошу меня уволить”. Однако, после этой бутады, благодаря благодушию Государя, начали обсуждать дело спокойнее. “Кто знает, — заметил я, — в каком положении сами турки! Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время когда турки сами считали невозможным долее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками”. Кажется, этот аргумент подействовал более всех других. Решено было, чтобы войска оставались пока на взятых ими позициях, прикрылись укреплениями и не предпринимали новых наступательных действий. В таком смысле разосланы были приказанья...»³.

После взятия Плевны Милютин был награжден орденом Георгия 2-й степени, причем Александр II напомнил ему о совещании 31 августа.

---

¹ «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», СПб. 1899, вып. 26, стр. 153.

² Там же, стр. 156.

³ ф. Д.А. Милютина, М. 7854, стр. 227—228. В дневнике Милютин ошибочно датирует это событие тридцатым августа. Правильность рассказанного Милютиным события подтверждается рядом современников. Об этом говорит в одном из своих писем к Милютину П.А. Сабуров, об этом глухо упоминает и Д.А. Скалон в книге «Мои воспоминания. 1877—1878», СПб., 1913. Наконец, об этом же говорит и биограф Александра II С.С. Татищев.

С 1878 года влияние Милютина значительно возросло — он стал одним из наиболее близко стоящих к царю министров.

Хорошо информированный о положении в правительственных сферах германский посол в Петербурге Швейниц в одном из своих донесений Бисмарку писал: «Immer in der Nähe Kaisers war nur general Miljutin sein Einfluß stieg namentlich seit dem dritten Plewna»¹.

Влияние Милютина было особенно велико в области внешней политики. Начиная с 1878 года Милютин, наряду с кн. Горчаковым и Гирсом, является непременным участником совещаний во дворце по вопросам внешней политики. В период политических осложнений перед Берлинским конгрессом Александр II не предпринимает ни одного решительно-го шага без совета с Милютиным.

Позиция Милютина в тот период заключалась в стремлении во что бы то ни стало предотвратить возможность войны. «...Как бы ни были для нас невыгодны условия настоящего конгресса (Берлинского. — П.З.), они все-таки будут несравненно менее тяжелы и унизительны для России, чем то, что ожидает нас в случае войны...»², — записывает он в своем дневнике 11 июня 1878 года. Вместе с тем Милютин полагал, что, несмотря на уступки, сделанные Россией на Берлинском конгрессе, все же совершен огромный шаг «в историческом ходе Восточного вопроса».

Вскоре после Берлинского конгресса Милютин был возведен в графское достоинство.

С начала 1879 года, точнее, с момента ухода в длительный отпуск канцлера кн. Горчакова, фактическим руководителем внешней политики становится Милютин. Управляющий Министерством иностранных дел Н.К. Гирс согласовывает с ним все вопросы, имеющие то или иное принципиальное значение³.

Взгляды Милютина на важнейшие вопросы внешней политики в этот период характеризовались особой умеренностью. Будучи человеком трезвым, питавшим отвращение ко всякого рода авантюрным предприятиям, Милютин, руководствуясь состоянием России, считал крайне нежелательным какие-либо внешнеполитические осложнения. Для характеристики умеренности взглядов Милютина небезинтересно привести его точку зрения на Восточный вопрос, являвшийся краеугольным камнем внешней политики России. Эта точка зрения нашла свое выражение в записке, поданной Милютиным Александру II 5 октября 1880 года и озаглавленной «Мысль о возможном решении Восточного вопроса в случае

¹ «Die Große Politik der Europäischen Kabinette» 1871–1914. Dritter Band. S. 9. «Всегда вблизи царя находился генерал Милютин, его влияние возросло именно с третьей Плевны».

² ф. Д.А. Милютина, М. 7855, стр. 152.

³ Письма и записки Гирса, имеющиеся в архиве Милютина, иллюстрируют решающее влияние его на различные внешнеполитические вопросы.

окончательного распада Оттоманской империи». «Одним из основных начал европейской политики долго признавалась необходимость поддержания целостности и неприкосновенности Оттоманской империи, — говорит Милютин в начале этой записки. — ...Ныне нельзя уже не предвидеть в более или менее близком будущем окончательное распадение Турецкой империи... В настоящее время главной задачей европейской политики и должно быть — придумать такую комбинацию, которая, удовлетворив законные потребности населения Балканского полуострова, вместе с тем представляла бы достаточную гарантию для поддержания спокойствия и порядка в этой части Европы...»¹.

Далее Милютин указывает, что «...вопреки вкоренившемуся в Европе убеждению о каких-то давнишних замыслах России на Константинополь, для нас желательно лишь одно — чтобы ни одна из европейских держав не присвоила себе преобладания на Балканском полуострове и в особенности не захватила бы в свои руки входа в Черное море»². Решение этого вопроса представляется Милютину в следующем виде: территория Турции ограничивается лишь азиатскими владениями, на европейском континенте она сохраняет Константинополь с прилегающим к нему районом, на территории Балканского полуострова создается «Балканская конфедерация», состоящая из ряда самостоятельных государств под общим покровительством Европы. Важно отметить, что внутреннюю организацию «Балканской конфедерации» Милютин предполагает основать на конституционных началах: во главе конфедерации должен стоять союзный сейм, избираемый народными собраниями. Что касается проливов, то этот вопрос решается также в крайне умеренной форме. «Мраморное море и проливы, — говорит Милютин, — признаются нейтральной территорией под непосредственным наблюдением Международной комиссии в Константинополе. Насильственное вступление в эту территорию всякого военного судна без особого пропускного билета от Международной комиссии считается нарушением общеевропейского права...»³.

Таким образом, никакой реальной гарантии для России в этом вопросе не предоставляется, не говоря уже о том, что черноморские государства никаких преимуществ по сравнению с другими государствами не получают.

Необходимо заметить, что Милютин, прекрасно понимая жизненное значение проливов для России, вместе с тем считал невозможным решать этот вопрос в данный период; эта точка зрения соответствовала политическому положению тогдашней России.

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 8104. Эта записка частично приводится проф. С.Д. Сказкиным в его работе «Конец русско-австро-германского союза», М. 1928.

² Там же.

³ Там же.

В области русско-германских отношений Милютин также стоял на точке зрения сохранения мира.

Однако Бисмарк и другие государственные деятели Германии по-прежнему расценивали Милютина, как своего заклятого врага, усматривая во всех его действиях враждебный для себя характер. В одном из своих писем Вильгельму I в дни свидания императоров в Александрове Бисмарк писал: «Der Minister, welcher jetzt den entscheidenden Einfluß auf den Kaiser Alexander übt, ist Miljutin. Dieser ist für den Haß bekannt, den er gegen die Deutschen im Herzen trägt...»¹.

Летом 1879 года многие немецкие газеты прямо утверждали, что причиной охлаждения, наступившего в отношениях России и Германии, является влияние Милютина на Александра II.

Основной аргумент, выдвигавшийся против Милютина и характеризовавший, по мнению немцев, его враждебность, заключался в произведенной в 1879 году передислокации войск, в результате чего количество их вдоль германской границы несколько увеличилось. Вокруг этого был поднят большой шум, причем некоторые государственные деятели Германии пытались усмотреть в этом непосредственную угрозу войны.

В действительности же размещение нескольких кавалерийских дивизий вдоль русско-германской границы было связано с общей передислокацией войск в соответствии со стратегическими условиями. Нет сомнения, что Милютин, разрабатывая план дислокации войск, учитывал ту угрозу, какую представляла собою Германия, и, в соответствии с этим, усиливал западную границу. Однако эти мероприятия отнюдь не означали подготовки к агрессии, а носили бесспорно оборонительный характер, являясь ответом на военные приготовления Германии.

В своей записке, написанной в ноябре 1879 года и озаглавленной «По поводу упреков германского правительства в том, что Россия действует неприязненно», Милютин говорил: «...Разве мы спрашиваем, почему Пруссия затрачивает громадные суммы на укрепление Кенигсберга, Познани, Торна и сооружает новые специально стратегические линии железных дорог, ведущих параллельно к нашей границе и связанных между собою несколькими поясами поперечных рельсовых путей? Эти меры, конечно, должны бы озабочивать нас гораздо более потому, что в Германии, как всем известно, мобилизация армии может быть исполнена в половину времени против нашей мобилизации, а сосредоточение массы войск к границам потребует у нас вчетверо более времени, благодаря громадности расстояний...»².

Таким образом, все нападки немцев на Милютина и обвинения его в агрессивности по отношению к Германии объяснялись тем, что он,

---

¹ «Die Große Politik der Europäischen Kabinette». 1871—1914. Dritter Band. S. 17. «Министр, который теперь имеет решающее влияние на Александра, это Милютин. Он известен своей затаенной ненавистью к немцам».

² ф. Д.А. Милютина, М. 8100.

не в пример многим государственным деятелям того времени, прекрасно видел опасность, которую таило в себе это государство, вследствие чего и уделял большое внимание укреплению обороны западной границы.

Милютин совершенно справедливо усматривал неискренность поведения Бисмарка, стремившегося заключить с Россией союз, а вместе с тем беспокоившегося о передислокации русских войск. В одном из своих писем русскому послу в Берлине П.А. Сабурову он писал: «...Если германский канцлер серьезно намерен войти с нами в соглашение, близкое по своему характеру к союзу оборонительному и наступательному, то какое же значение может иметь для него та или другая дислокация наших войск близ германской границы. Право, мне сдается, что в заботах германского канцлера о нашей кавалерии одновременно с начатыми дружескими объяснениями есть какой-то диссонанс. Может ли быть искренность в том и другом?..»¹.

С конца 1879 года Милютин принимает активное участие в переговорах о заключении так называемого Союза трех императоров, рассматривая его как некоторую гарантию сохранения status quo на Ближнем Востоке и возможности решить Восточный вопрос, в случае распада Турецкой империи, в духе указанной выше его записки от 5 октября 1880 года.

Позиция Милютина в среднеазиатском вопросе в этот период заключалась по-прежнему в признании необходимости активных действий. Так, настаивая на завоевании Туркмении, Милютин писал: «Судя по фактам, Англия еще очень далека от мирных заявлений, напротив, до сих пор она систематически преследует наступательную против нас политику, которая с каждым годом получает все обширнейшее развитие. Подчинив себе Азиатскую Турцию, разрушив Афганистан, завязав тесные связи с туркменами и усиливаясь склонить также на свою сторону и Персию, она осязательно начинает угрожать Каспийской области. Поэтому оставаться с этой стороны в бездействии признается невозможным, тем более, что это бездействие пагубно отразилось бы на все соприкосновенные нам азиатские народы...»².

Для полноты освещения взглядов Милютина по вопросам внешней политики необходимо остановиться на русско-болгарских отношениях.

В болгарском вопросе Милютин являлся противником «избрания» князем Александра Баттенберга, предпочитая ему черногорца Божидара Петровича. Наряду с этим он стоял на точке зрения всемерной поддержки конституции, утвержденной Тырновским народным собранием. Можно

---

¹ ЦГИАЛ, ф. Сабурова, д. № 14, письмо Д.А. Милютина от 1 марта 1880 г.

² Центральный государственный военно-исторический архив (СГВИА), ф. ВУА № 6862, ч. II, л. 3. Всеподданнейший доклад военного министра от 29 февраля 1880 г. Копия этого доклада в Архиве внешней политики России МИД СССР, в фонде Азиатского департамента, опись I–IX, д. № 11 за 1880 г.

без преувеличения сказать, что все стремления болгарского князя Александра отменить конституцию парализовались усилиями Милютина. Проявляя большую заботу о болгарской армии, Милютин вместе с тем рассматривал ее и как силу, способную в нужный момент оказать существенную помощь России.

Такова вкратце внешнеполитическая деятельность Милютина в конце 70-х годов.

* * *

Переходя к характеристике деятельности Милютина в области внутренней политики в 70-х годах, необходимо сказать, что в этот период, как и раньше, он продолжает оставаться на либеральных позициях, ведя по-прежнему борьбу с реакционной кликой гр. Шувалова. В 1871 году Милютин принимает горячее участие в борьбе, развернувшейся в Государственном совете по вопросу классического и реального образования. Он решительно выступает против проекта гр. Д.А. Толстого по реорганизации средней школы, справедливо усматривая «под наружной оболочкой педагогической системы» определенное политическое содержание полицейского характера, заключающееся в стремлении превратить образование в сословную привилегию.

Проект гр. Толстого нашел горячую поддержку на страницах реакционных «Московских ведомостей», обрушившихся в ряде статей как против реального образования вообще, так и против военных гимназий, пытаясь представить бесполезность их существования. Несмотря на то, что проект гр. Толстого в Государственном совете получил меньшинство, он был все же проведен в жизнь на основе высочайшего решения; однако военные гимназии Милютину удалось отстоять, и в период 70-х годов они являлись лучшими среднеевропейскими заведениями в России.

Будучи противником усиления полицейских мер, способствующих, по мнению Милютина, лишь росту антиправительственных настроений, он в 1875 году выступает против проекта административно-полицейской реформы, разработанной министром внутренних дел А.Е. Тимашевым.

Проект Тимашева предусматривал значительное усиление власти губернаторов и подчинение им всех губернских учреждений, включая и судебные. Таким образом, вся система государственных учреждений должна была приобрести административно-полицейский характер, причем Министерство внутренних дел превратилось бы в своеобразное «государство в государстве».

По поводу этого проекта Милютин пишет пространные возражения, в которых доказывает нецелесообразность подобного предложения.

«Подобные чрезвычайные полномочия, — пишет он, — даются высшим и местным правительственным органам лишь при чрезвычайных обстоятельствах... Крайняя необходимость или грозящая государству опасность вынуждают правительство в таких исключительных обстоятель-

вах приостановить на более или менее продолжительное время действие суда, обыкновенной правительственной администрации и законов и соединить высшую административную власть, вместе с некоторой долей законодательной и судебной, в руках местного правителя... Никаких поводов к таким исключительным мерам при теперешнем мирном и спокойном состоянии империи во всех ее частях не существует...»¹.

Однако, выступая против подобного проекта, Милютин вместе с тем прекрасно понимал все несовершенство существовавшей системы государственных учреждений. В дневнике за 1879 год мы находим следующую запись, характеризующую его взгляд на этот вопрос:

«...Нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — все отжило свой век, все должно б получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечам теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицмейстера или даже городского. Высшее правительство запугано дерзкими проявлениями социалистической пропаганды за последние годы и думает только об охранительных, полицейских мерах, вместо того, чтобы действовать против самого корня зла. Появилась зараза — и правительство устраивает карантинное оцепление, не предпринимая ничего для самого лечения болезни. Выказывая эти грустные мысли, невольно задаешь себе самому вопрос: честно ли ты поступаешь, храня про себя эти убеждения, находясь в самом составе высшего правительства? Часто, почти постоянно гнетет меня этот вопрос, но что же делать? — Плетью обуха не перешибешь; я был бы Дон-Кихотом, если бы вздумал проводить взгляды, совершенно противоположные существующим в той сфере, среди которой вращаюсь; взгляды эти сделали бы невозможным мое официальное положение и не принесли б ровно никакой пользы делу; я убежден, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять ее»².

Эти сокровенные мысли Милютина являются яркой характеристикой слабости российских либералов, неспособных оказать какое-либо серьезное влияние на политику царского правительства.

А вместе с тем, Милютин в тот период находился в зените своего могущества, будучи одним из наиболее близких Александру II министров.

Александр II поручает ему разрешение различных вопросов: он председательствует в Комитете по делам Царства Польского, назнача-

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 8050.

² ф. Д.А. Милютина, М. 7825, л. 41. Важно отметить, что приведенные строки имеются лишь в первоначальном варианте дневника, на полях которого против этих рассуждений рукою Милютина написано: «выпустить».

ется председателем Особого совещания по урегулированию отношений России с Ватиканом. Коллеги Милютина обращаются к нему с различными просьбами о ходатайствах перед Александром II. Так, например, председатель Комитета министров П.А. Валуев в конце 1878 года просит Милютина походатайствовать перед императором за Тимашева: об оставлении его членом Государственного совета и пожаловании ему прощального рескрипта в связи с его увольнением в отставку. Министр государственных имуществ Зеленый, желая уйти в отставку, обращается также к Милютину с просьбой исходатайствовать согласие императора.

Осенью 1879 года, находясь с Александром II в Ливадии, Милютин разработал обширный проект государственных реформ, озаглавленный им: «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве».

Мы не располагаем материалами, которые давали бы нам ответ на вопрос, считал ли Милютин этот проект реальным, или это было просто изложением «мыслей на досуге», однако, для изучения политических взглядов Милютина он представляет большой интерес. Проект небезынтересен и для характеристики попыток преодолеть тот «кризис верхов», который возник в результате второй революционной ситуации конца 70-х годов.

В основе этого проекта лежала мысль привести к единообразию всю систему государственного управления, уничтожив целый ряд изживших себя учреждений. Вместе с тем он предусматривал также привлечение общественных элементов — представителей земств — к обсуждению государственных дел в высшем законосовещательном органе страны — Государственном совете, а также расширение функций земств на местах.

«Государственный совет, — писал Милютин, — мог бы обратиться в чисто законодательное собрание... Мне кажется, что без всякого опасения какого-либо переворота или ослабления власти можно было бы образовать Совет наполовину из членов по назначению и членов по выбору от губернских земств...»¹. По этому проекту Государственный совет приближался, таким образом, к типу буржуазных законодательных учреждений.

Говоря о высших исполнительных органах власти, Милютин считал нужным реорганизовать Комитет министров в Совет министров.

«Все министры, — писал он, — должны составлять одно целое; председатель Совета министров должен получить значение первого министра... Само собой разумеется, что предметом занятий Совета должны быть не награды и медали, не пенсии, не уставы всяких обществ, — а все дела исполнительной власти, по которым необходимо единство действий, общее направление и по которым ответственность лежит коллективно на всем Совете министров...»².

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 8098, л. 1.

² Там же, л. 2.

Действительно, орган, координирующий деятельность всех министров, был крайне нужен. Комитет же министров как по своему составу, так и по роду занятий носил иной характер.

Вместе с тем Милютин считал необходимым уничтожение особых органов верховного управления для отдельных местностей империи; комитетов кавказского, остзейского, по делам Царства Польского, распределив их функции по различным правительственным учреждениям и установив тем самым единообразие системы верховного управления.

Кроме того, Милютин считал нужным коренным образом реорганизовать Собственную е.в. канцелярию, которая «сделалась совершенно аномалией».

Сенат также должен был быть реорганизован в чисто судебное учреждение.

Переходя к характеристике местных органов власти, Милютин подвёргал их уничтожающей критике: «Устройство нашего губернского и уездного управлений представляется в виде мозаики или, лучше сказать, пестрых фигур калейдоскопа, образующихся из случайного совокупления большого числа разноцветных камушек, без всякой основной идеи какой-либо системы. Устройство это есть результат постепенных в течение долгого времени преобразований и изменений, совершенных по разным ведомствам без взаимного соглашения...»¹.

Милютин полагал, что ограничиться какими бы то ни было исправлениями «существующего хаоса» невозможно, «нужно не перестраивать старое здание, а выстроить новое».

В проекте предполагалось уничтожить полицейский характер местных учреждений, поставив во главе губернии лицо, подчиненное не Министерству внутренних дел, а непосредственно верховной власти. Все губернские учреждения предполагалось слить в одну «областную палату», состоящую из отделений, соответственно разным ведомствам и министерствам.

«...Рядом с областной палатой, — пишет Милютин, — должны быть поставлены земские учреждения, не как что-то особое, враждующее с администрацией, а, напротив того, разделяющее с нею управление губернией. Мне кажется, что не следовало бы резко разделять хозяйственные интересы местного населения от интересов правительственных. Земскому *собранию* можно бы предоставить обсуждение всех вообще дел, касающихся экономических условий края и местных его нужд...»².

В заключение Милютин считает нужным обратить внимание на организацию полицейских учреждений, указывая на необходимость унификации их. «Надобно иметь одну полицию, а не разные сорта полиции», — пишет он.

---

¹ Там же, л. 7.

² Там же, л. 8. Подчеркнуто автором.

Анализируя этот проект Милютин, мы можем ясно проследить в нем две особенности российского либерализма: с одной стороны — ненависть к крепостническим пережиткам, а отсюда — стремление изжить феодальный характер государственных учреждений, с другой — боязнь революционного движения и заботы об усилении полиции.

Однако при всем этом проект Милютин значительно радикальнее всех иных планов государственных реформ, исходивших из правительственных кругов.

Переходя к вопросу о реорганизации системы учебных заведений и постановки преподавания в них, Милютин кладет в основу его стремление предотвратить возможность дальнейшего развития революционных идей среди молодежи. «...От верной постановки этого вопроса, — говорит он, — наиболее зависит будущее направление нашей молодежи, а, следовательно, и общее нравственное настроение всех слоев населения»¹.

Пересмотр существующей учебной системы, по мнению Милютин, должен преследовать две цели: во-первых, расширить и улучшить начальное образование и, во-вторых, придать среднему и высшему образованию прикладной характер, т. е. специализировать его.

Выполнение первой задачи требует, по словам Милютин, прежде всего «приготовления массы надежных народных учителей, не зараженных софистическими учениями наших нигилистов и социалистов»². Для расширения сети начального образования проект предусматривает широкое привлечение общественных органов к созданию начальных школ.

В отношении же реформы средних и высших учебных заведений Милютин считает необходимым организацию наибольшего числа училищ, дающих молодежи не общее, «гуманитарное» образование, а специальное, подготавливающее ее к тому или иному роду деятельности. «Чем большая доля молодежи... будет отвлечена от гимназий и университетов и направлена на пути практические, дающие человеку насыщенный хлеб, тем меньшее число отсталых молодых людей будет потеряно для практической жизни, подобно бездомным бродягам, и тем успешнее пойдут и общеобразовательные заведения: гимназии и университеты, в которых будет получать полное законченное образование меньшее число избранных личностей, более даровитых и менее нуждающихся в куске хлеба...»³.

В соответствии с этими соображениями Милютин и разрабатывает подробный план реорганизации средней и высшей школы, а также и систему преподавания. В основе этого проекта, как говорилось уже выше, лежит стремление предотвратить дальнейшее революционизирование общества; однако вместе с тем он содержит и ряд правильных положений — в области развития профессионального образования.

---

¹ Там же, л. 9.

² Там же.

³ Там же, л. 9—10.

В заключительной части своего проекта Милютин ставит вопрос об улучшении состава духовенства, поднятии нравственного уровня священников и связи, которая должна существовать между церковью и народной школой. «Сельский священник, — говорит Милютин, — не только пастырь своего прихода, но он вместе с тем и педагог, руководитель школы»¹.

Таким образом, в страхе перед нарастающим революционным движением, Милютин приходит к выводу о необходимости сделать гуманитарное образование достоянием лишь обеспеченных людей, а начальное передать духовенству, что сближает его в некоторой степени в этом вопросе с гр. Д.А. Толстым и К.П. Победоносцевым.

* * *

Событие 5 февраля 1880 года — взрыв в Зимнем дворце — поставило перед правительством Александра II задачу найти более действенные меры для борьбы с «крамолой».

8 февраля в Зимнем дворце, под председательством Александра II, было созвано совещание в составе наследника престола — будущего царя Александра III, председателя Комитета министров П.А. Валуева, министра внутренних дел Л.С. Макова, министра двора гр. А.В. Адлерберга, шефа жандармов А.Р. Дрентельна и Д.А. Милютина. На этом совещании был поставлен вопрос о мерах борьбы с революционным движением, причем наследник настаивал на создании Верховной следственной комиссии с диктаторскими полномочиями.

Как рассказывает в дневнике Милютин, он решительно выступил против этого предложения, отрицая пользу следственной комиссии и указывая на бесполезность всяких экстралегальных мер, которые не ведут к желанной цели, как достаточно убеждает опыт².

Выслушав мнение всех присутствовавших, Александр II отклонил мысль о создании Верховной следственной комиссии и закрыл заседание.

На другой день, 9 февраля, было снова созвано совещание со включением ряда новых лиц: с.-петербургского генерал-губернатора И.В. Гурко, министра юстиции Д.Н. Набокова, товарища министра внутренних дел П.А. Черевина. Милютин на это совещание приглашен не был. Как рассказывает в своем дневнике Валуев, Александр II неожиданно для всех объявил свое решение о создании Верховной распорядительной комиссии и назначении руководителем ее гр. М.Т. Лорис-Меликова. Такая быстрая перемена во взглядах Александра II произошла, «как догадывается граф Адлерберг, вследствие письма, вчера полученного от цесаревича»³.

---

¹ Там же, л. 17.

² ф. Д.А. Милютина, М. 7857, стр. 40.

³ П.А. Валуев. «Дневник 1877–1884», ПТГ. 1919, стр. 60.

Не был включен Милютин также и в состав Особого совещания, созданного в начале 1881 года для обсуждения всеподданнейшего доклада гр. Лорис-Меликова от 28 января 1881 года, в котором излагалась программа намеченных им мероприятий.

Таким образом, с 1880 года Милютин устраняется от решения вопросов внутренней политики, что, по нашему мнению, обусловливается определенным влиянием, исходившим из Аничкова дворца, от наследника престола. Во внешней же политике Милютин по-прежнему продолжает играть решающую роль.

Несмотря на различие во взглядах по ряду вопросов, Милютин сохраняет хорошие отношения с гр. Лорис-Меликовым. Политическая линия, проводимая последним, рассчитанная, наряду с репрессиями, на известные уступки либеральным слоям общества, вызывала одобрение со стороны Милютина.

* * *

События 1 марта 1881 года — убийство Александра II и вступление на престол Александра III, относившегося крайне неприязненно к Милютину — поставили перед ним вопрос об уходе в отставку.

Уже 2 марта Милютин, после первого своего доклада новому императору, заявил о своем желании выйти в отставку, однако Александр III ответил, что признает его службу полезной и выражает уверенность в том, что он будет так же «усердно и честно служить, как почившему родителю». Милютин на сей раз не считал нужным настаивать, к тому же и перспективы дальнейшего правительственного курса были еще неясны.

8 марта в Зимнем дворце было созвано заседание Совета министров, или, точнее, совещание министров под председательством Александра III. На этом совещании должен был быть решен вопрос о проведении в жизнь обширной программы мероприятий, намеченных гр. Лорис-Меликовым, одобренных специальной секретной комиссией под председательством бывшего наследника, т. е. нового императора, и утвержденных Александром II 1 марта — за несколько часов до смерти.

От решений этого совещания зависел дальнейший правительственный курс: либо, в случае утверждения так называемой «конституции Лорис-Меликова», будут даны известные уступки либеральным слоям общества, либо последует усиление реакционного курса.

На совещании, помимо министров, присутствовали великие князья Константин и Михаил Николаевичи и Владимир Александрович, а также гр. Э.Т. Баранов и известный реакционер, престарелый гр. С.Г. Строганов. В ходе совещания ясно наметились две враждебные друг другу группировки: либеральная — гр. Лорис-Меликов, министр финансов А.А. Абаза, Д.А. Милютин, вел. кн. Константин Николаевич — и реакционная во гла-

ве с обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым¹. Первые решительно выступали за осуществление намеченных мероприятий, вторые — против.

Особенно резко обрушился на проект гр. Лорис-Меликова Победоносцев. Как рассказывает в своем дневнике Милютин, «...все сказанное Строгановым, Маковым и Посъетом (выступавшими против проекта гр. Лорис-Меликова. — П.З.) было бледно и ничтожно сравнительно с длинной иезуитской речью, произнесенной Победоносцевым: это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступной ошибкой! Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском туманных теорий славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас, — говорит Милютин, — не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера»².

Александр III, находившийся под большим влиянием Победоносцева, заявил о своем решении пересмотреть еще раз предложения гр. Лорис-Меликова, сперва в Особом совещании, а затем в Комитете министров. Таким образом, правительственный курс по-прежнему оставался неясным, однако влияние представителей реакционного направления на нового императора обнаружилось с достаточной полнотой.

До выяснения дальнейших перспектив Милютин решает выждать, не предпринимая никаких шагов в отношении своей дальнейшей судьбы. К такому же решению приходят и другие представители либерального направления. «Утром... заехал ко мне гр. Лорис-Меликов, — записывает в своем дневнике Милютин 16 марта 1881 года, — чтобы потолковать глаз-на-глаз о настоящем положении дел... Обсудив совершенно келейно настоящую постановку дел, мы с Лорис-Меликовым пришли к тому заключению, что оба должны еще некоторое время оставаться в выжидательном положении, пока не выяснится, который из двух противоположных путей будет выбран императором. Сообразно с этим выбором должны быть подобраны и деятели для нового царствования. Ни я, ни Лорис-Меликов, конечно, не останемся на своих местах, если возьмет верх партия Победоносцева и комп... После нашей беседы отправились мы в Государственный совет. Великий князь³ председатель... заговорил со мной вполголоса на ту же самую тему... Великий князь вы-

---

¹ Подробное описание этого совещания дается в статье академика Ю.В. Готье «Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 года», «Исторические записки» Института истории Академии наук СССР, т. II.

² ф. Д.А. Милютин, М. 7858, стр. 53.

³ Константин Николаевич.

сказал прямо, что и он сам, если дело пойдет далее тем же путем, каким идет теперь, должен будет сойти со сцены»¹.

В первой половине апреля гр. Лорис-Меликов, решив внести ясность в отношении дальнейшего направления политического курса правительства, представил Александру III доклад, излагавший ряд конкретных мер, намеченных им на ближайшее время.

Этот доклад представлял собою, по существу, изложение той же программы, которая рассматривалась на заседании 8 марта. Александр III назначил для обсуждения этого доклада совещание на 21 апреля.

Накануне этого дня на квартире у Абазы произошла встреча гр. Лорис-Меликова и Милютина, и здесь была выработана общая линия поведения.

На совещании Милютин выступил в духе доклада гр. Лорис-Меликова, «указав при том, что в последние 14 лет застоя и реакции все строгости политические не только не подавили крамолу, но, напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев»².

Представители противоположного направления держали себя крайне миролюбиво, и даже Победоносцев выразил мысль о необходимости дальнейших улучшений государственного строя.

В заключение Александр III предложил, чтобы министры для выработки единства действий периодически проводили совещания по тем или иным государственным вопросам.

Хотя в результате совещания и не было принято какого-либо конкретного решения, однако создалась иллюзия возможности примирения враждующих направлений.

Для характеристики взглядов Милютина в этот период борьбы правительственных группировок большой интерес представляет записка, написанная им в виде кратких тезисов и озаглавленная «Мысли, набросанные на случай нового совещания»³.

Записка эта датирована апрелем 1881 года. Нам представляется, что она написана после 21 апреля в расчете на новое совещание, о котором говорил Александр III. В начале этой записки Милютин, характеризуя современное положение России, отмечает бесполезность предпринимаемых правительством мер для борьбы с революционным движением. «Главная злоба дня, — пишет он, — есть революционное подпольное движение — так называемый нигилизм. Борьба с этой опасной заразой составляет главную заботу правительства уже многие годы — почти 20 лет.

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7858, стр. 63–65.

² Там же, стр. 98.

³ Эти тезисы опубликованы с некоторыми неточностями во втором выпуске «Записок отдела рукописей» Государственной библиотеки им. В.И. Ленина за 1939 г.

В течение этого тяжелого времени принимались все меры, какие только можно было придумать для прекращения и искоренения заразы. Никак нельзя сказать, чтобы правительство чем-либо было стеснено в принятии самых энергических мер. Если в Западной Европе в подобные критические моменты поднимается вопрос об осадном положении, о каком-нибудь прекращении “habeas corpus”, то у нас все это не имеет значения: у нас постоянное осадное положение, правительству всегда развязаны руки... А между тем зараза не истреблялась — напротив того, она все росла и приняла размеры страшные»¹.

Единственным средством, способным изменить существующее положение, по мнению Милютина, является решительное улучшение политического и экономического строя.

Прежде всего, Милютин считает необходимым разрешить крестьянский вопрос, так как положение крестьян после реформы не улучшилось настолько, насколько можно было предполагать, а в ряде районов даже ухудшилось.

Далее, он выдвигает необходимость реорганизации земских учреждений, призванных играть существенную роль как в политической, так и в административной областях.

И, наконец, он обращает внимание на состояние государственных учреждений как центральных, так и местных, утверждая, что нет ни одного ведомства, которое своей работой не вызывало бы недовольства населения.

Таким образом, Милютин приходит к мысли о необходимости серьезных государственных реформ, влекущих за собой большие изменения в системе управления. Вместе с тем он указывает, что эти реформы отнюдь не означают какого-либо ограничения самодержавной власти — «тут не может быть и речи о конституции», — говорит он.

В заключение Милютин подчеркивает, что его мысли совершенно совпадают с предположениями гр. Лорис-Меликова, одобренными Александром II.

Примирение, достигнутое на совещании 21 апреля, оказалось затишьем перед бурей. В действительности же Победоносцев и не думал идти на какие-либо уступки, рассматривая политику примирения лишь как наиболее удобную форму для того, чтобы усыпить внимание своих политических противников. Наоборот, тотчас же после совещания он пытается оказать давление на Александра III, чтобы добиться его согласия на установление реакционного курса.

28 апреля произошло очередное совещание министров, на котором гр. Лорис-Меликов и его политические единомышленники совершенно неожиданно узнали о том, что на другой день будет опубликован царский манифест, написанный Победоносцевым. Милютин в своем дневнике следующим образом пишет об этом событии:

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 8109.

«Как? — после бывшего ровно неделю тому назад совещания в Гатчине, после положительно заявленного государем желанья, чтобы впредь между министрами было полное согласие и единство, чтобы по всем важным вопросам они входили в предварительное между собою соглашение, — и вдруг является совершенным сюрпризом для всех нас такой важный государственный акт, как манифест царский! Гр. Лорис-Меликов и А.А. Абаза в сильных выражениях высказали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению...»¹.

Опубликованный на другой день, 29 апреля, манифест об укреплении самодержавия, знаменовавший установление нового правительственного курса, являвшегося, по образному выражению Милютина, «реакцией под маской народности и православия», естественно, сделал невозможным пребывание его на посту военного министра.

Таким образом, борьба правительственных группировок привела к поражению представителей либерального направления, «осторожные ходатайства» которых «оказались, разумеется, без революционной силы — нолема»².

Уже 30 апреля гр. Лорис-Меликов и Абаза подали прошения об отставке, которая и была принята; Милютин же решил выждать некоторое время, чтобы его уход не носил характера враждебной демонстрации против опубликованного манифеста.

Однако через несколько дней представился удобный случай поставить вопрос об отставке: после одного из очередных докладов Александру III, последний предложил Милютину занять пост наместника и главнокомандующего войсками на Кавказе; Милютин, отказавшись, обратился с просьбой об увольнении в отставку. Уже в середине мая Александр III сообщил ему о назначении преемником его ген. П.С. Ванновского, а 21 мая был подписан рескрипт об отставке с оставлением в звании члена Государственного совета³.

* * *

Проследив 20-летнюю государственную деятельность Милютина, мы считаем возможным сделать следующие краткие выводы.

Человек большого ума и обширных знаний, Милютин значительно выделялся из окружавшей его среды министров и царских сановников,

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 7858, стр. 109.

² Ленин. Собр. соч., т. IV, стр. 137.

³ Отставка Милютина и назначение Ванновского с радостью были восприняты в Германии. Германский посол в Петербурге фон Швейниц делает в своем дневнике следующую запись: «Der neue Kriegsminister Wannowski besuchte mich. Der general war ganz meiner Ansicht... Wannowski scheint ein wirklicher Soldat zu sein, was Miljutin nie gewesen ist...» V. Schwienitz. «Denkwürdigkeiten», zweite Band, Berlin 1927, S. 167—168. «Меня посетил новый военный министр Ванновский... Генерал совершенно разделяет мои взгляды... Ванновский представляется настоящим солдатом, каким никогда не был Милютин».

являясь не только реформатором русской армии, но и крупным государственным деятелем своего времени. Будучи по своим политическим взглядам человеком либерального образа мыслей, Милютин в известной мере выражал взгляды и чаяния российского либерализма в правительстве Александра II; в силу этого он более последовательно, нежели другие представители высшей власти, стремился к дальнейшему проведению буржуазных реформ.

В области внешней политики Милютин являлся решительным противником подчинения России интересам других государств, не в пример многим государственным деятелям того времени.

Военные реформы Милютина, коснувшиеся буквально всех областей военного управления и организации армии, имели бесспорно положительное значение. Создание стройной системы военного управления, установление буржуазного принципа комплектования войск, стремление возродить суворовские методы тактического обучения, перевооружение армии и, наконец, постоянное стремление повысить культурный уровень как офицеров, так и солдат, все это способствовало превращению вооруженных сил России в массовую армию буржуазного типа. Используя в известной мере образцы военного устройства западноевропейских армий, Милютин самостоятельно разработал такую систему военного управления, которая соответствовала государственным интересам страны.

Однако военные преобразования Милютина не могли все же в полном смысле слова обеспечить создания массовой буржуазной армии, не могли заложить прочных основ обороны государства. Являясь неразрывной частью буржуазных реформ 60-х годов, они также сохранили в себе в большей или меньшей степени черты феодально-крепостнического строя.

Коренное переустройство вооруженных сил России как и уничтожение феодально-крепостнических пережитков, не могли быть проведены в условиях существования царизма, что особенно ярко обнаружилось в конце XIX и начале XX в. «Царизм, — говорит Ленин, — оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей организации военного дела...»¹. Милютину, как умеренному либералу, представлялось возможным превращение России в современное буржуазное государство даже в условиях сохранения самодержавного строя. Задача же эта могла быть решена отнюдь не соглашением с царизмом, а революционным свержением его, ярым противником чего был Милютин.

* * *

Выйдя в отставку, Милютин поселился в Крыму, в своем имении, в Симеизе.

Решив более не возвращаться к государственной деятельности, Милютин тем не менее проявлял большой интерес к тому, что проис-

---

¹ Ленин. Собр. соч., т. VII, стр. 47.

ходило в Петербурге. Частые встречи с великим князем Константином Николаевичем, поселившимся на положении опального невдалеке от Симеиза, в своем имении Ореанде, свидания с Гирсом, Сабуровым, Кони, Чичериным и другими государственными и общественными деятелями, подробная информация обо всем происходившем в правительственных сферах, получавшаяся от его друга А.В. Головнина, — все это вводило Милютина в курс как внешней, так и внутренней политики страны.

Будущее России представлялось ему довольно печальным. В одном из своих писем к К.Д. Кавелину в 1884 году он писал: «Я грешный человек, не верую ни в чудеса, ни в спиритизм. Из ничего и выйти ничего не может. Чтобы Россия могла снова выйти из той трущобы, о которой Вы говорили выше, или, по крайней мере, чтобы сдвинуть ее после временного застоя — нужна прежде всего мысль, а потом сила, энергия. Откуда может прийти эта мысль — теперь никто не укажет; и, по моему мнению, пока не видно никаких признаков, чтобы эта желанная мысль озарила нас в близком будущем...»¹.

Особенно неприязненно встретил Милютин контрреформы конца 80-х — начала 90-х годов.

Однако Милютин по-прежнему сохраняет верноподданнические чувства, и со стороны царствующего дома ему продолжают выражать знаки внимания. Он принимает участие в коронациях Александра III и Николая II. В 1898 году, в связи с празднествами в Москве по поводу открытия памятника Александру II, Милютин получает звание генерал-фельдмаршала.

Несмотря на свой преклонный возраст, Милютин живо реагирует на революционные события 1905—1907 гг. К этому периоду относится ряд записок, излагающих его точку зрения на различные вопросы современной жизни. В 1907 году он пишет «Заметки по некоторым спорным вопросам современной злобы дня», в которых выражает свое отношение к революционным событиям и подвергает разбору думское законодательство. Эти заметки он начинает с изложения своей точки зрения на социализм, пытаясь доказать беспочвенность социалистических теорий.

Под влиянием революционных событий взгляды Милютина приобретают характер еще большей умеренности.

Разрешение аграрного вопроса Милютин видит в распределении свободных земель среди крестьян, т. е. в организации переселения. «Спешу оговориться, — пишет он, — что это зло историческое, последствие старых грехов наших предков и наших давно минувших диких нравов. Исторические корни зла, конечно, не служат ему оправданием,

---

¹ Архив Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), ф. К.Д. Кавелина, 20586/сх6 13, письмо Д.А. Милютина к К.Д. Кавелину от 3 мая 1884 г.

но и насильственное истребление его одним ударом, с нарушение современных бесспорных прав и установившихся нравственных начал общественной жизни было бы еще большим злом, чем то, которое желали бы отвратить»¹.

Выступая противником всеобщего избирательного права, которое, по его мнению, обеспечивает интересы большинства населения в ущерб состоятельному меньшинству, Милютин считает, что «основой группировки избирателей и избираемых должны быть экономические условия...»², а не какие-либо сословные привилегии. С этой точки зрения он критикует избирательный закон 3 июня 1907 года, по которому будущая дума должна получить чисто дворянский состав. «Мое стремление, — говорит он, — состояло в том, чтобы *уравновесить* интересы меньшинства с интересами большинства народа; по новому же закону дается *подавляющий* перевес меньшинству...»³.

Таким образом, и в этот период своей жизни Милютин продолжает оставаться на либеральных позициях.

В последние годы жизни, находясь в возрасте свыше 90 лет и почти потеряв зрение, Милютин все же сохраняет удивительную работоспособность.

В эти годы он пишет ряд записок по различным вопросам. В одной из них, озаглавленной «Старческие размышления о современном положении военного дела в России»⁴, он подвергает подробному анализу состояние русской армии и причины неудач русско-японской войны. В конце этой статьи, говоря о дальнейшем развитии вооружений, он пишет: «Машина все более и более будет брать верх над мускульной силой человека. Есть ли что-либо невозможное, например, в том, что автомобили не только вполне заменят повозки в обозах, но проберутся даже в полевую артиллерию: вместо полевых орудий с конской упряжкой войдут в состязание на поле сражения подвижные бронированные батареи и битва сухопутная уподобится битве морской. В теперешнее время такой фантазии не верится, но потомки наши, быть может, взглянут иначе»⁵.

В период 1909–1911 годов перу Милютина принадлежат следующие записки: «О постановке у нас учебного дела», «К женскому вопросу», «О специализации учебного дела», «По книжному делу». В записке «Мимолетная заметка по поводу вновь сооружаемых монументов», датированной декабрем 1911 года, он возмущается постановкой памятника генералу Скобелеву и попытками сравнивать его с Суворовым.

---

¹ ф. Д.А. Милютин, М. 7871/7, л. 28.

² Там же, л. 10.

³ Там же, л. 46. Подчеркнуто автором.

⁴ Эта статья опубликована в «Известиях Императорской николаевской военной академии», 1912 г., № 30.

⁵ ф. Д.А. Милютин, М. 104099/13, стр. 57.

25 января 1912 года Милютин скончался, пережив на три дня свою жену. Похоронен он в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.

* * *

Наследие Милютина, хранящееся в Отделе рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР имени В.И. Ленина, представляет собой обширный архив, насчитывающий свыше 500 единиц хранения (около 50 тысяч листов).

Весь архив можно подразделить на следующие части.

1) Служебные материалы, касающиеся как военных вопросов, так и других сторон деятельности Милютина. Сюда же относятся и разнообразные проекты переустройства правительственных и административных органов, различные записки по вопросам народного образования и т. д.

2) Эпистолярное наследие, состоящее из многочисленных писем к Д.А. Милютину различных государственных и общественных деятелей, в том числе гр. Киселева, Валуева, гр. Лорис-Меликова, кн. Горчакова, Гирса, Сабурова, Головнина, Чичерина, Кавелина, лиц царской фамилии, а также семейной переписки. Количество писем самого Милютина невелико и состоит преимущественно из черновых набросков.

3) Разнообразные хозяйственные и личные документы, в том числе принадлежащие и его отцу. И, наконец,

4) «Дневник» и «Воспоминания» Милютина.

Не ставя перед собой задачи раскрыть в настоящем очерке содержание всего архива¹, мы считаем необходимым остановиться лишь на характеристике «Дневника» и «Воспоминаний».

Свой «Дневник» Милютин начал вести с апреля 1873 года, т. е. с момента секретных совещаний, на которых ему пришлось вынести тяжелую борьбу, защищая проводимые им реформы.

Охватывая собою период с 1873 по 1899 г., «Дневник» представляет огромный научный интерес. Милютин сообщает чрезвычайно много интереснейших фактов, касающихся всех областей государственной жизни. В нем дается подробное изложение внутривластных событий, раскрывающих закулисную сторону жизни придворных и правительственных сфер. Сохраняя верноподданническое благоговение перед императором, Милютин вместе с тем дает ряд убийственных характеристик Александру II, изобличающих посредственность его ума и слабоволие.

Много внимания уделяется в «Дневнике» внешнеполитическим событиям: балканскому кризису 1875—1876 г., русско-турецкой войне, Берлинскому конгрессу, а также русско-германским отношениям. Все это вводит в научный оборот ряд неизвестных доселе фактов и деталей, характеризующих международные отношения в Европе в 70-х годах. Большое место отведено в «Дневнике» «кризису верхов» конца 70-х годов, возник-

---

¹ См. нашу статью «Архив Д.А. Милютина», «Вопросы истории» за 1946 год, № 5—6.

шему в период второй революционной ситуации, а также борьбе правительственных группировок в начале 1881 года — в первые месяцы вступления на престол Александра III.

С выходом Милютинина в отставку, «Дневник» не теряет своего интереса. Встречи в Крыму с виднейшими государственными и общественными деятелями, подробная информация обо всем происходившем в правительственных сферах, получаемая регулярно из Петербурга, — все это держит Милютинина в курсе как внутренней, так и внешней политики. Лишь с 1885—1886 годов, когда большинство друзей Милютинина частью умерло, а частью ушло в отставку, «Дневник» теряет свой общественный интерес и приобретает личный характер.

Свои «Воспоминания» Милютин начал писать в Симеизе в 1882 году. В течение пяти лет (1882—1887) он описывает свою жизнь и деятельность с 1861 по 1873 год. В 1887 году приступает к работе над «Воспоминаниями» за период с детства по 1861 год, которую и заканчивает во второй половине 1892 года.

Несмотря на то, что «Воспоминания» писались в апологетических целях, они представляют большую ценность не только для изучения биографии Д.А. Милютинина, но и для освещения целого ряда вопросов истории России XIX века. Они составляют 17 папок, общей сложностью 6319 листов формата 4°. Есть основания полагать, что хранящийся в архиве экземпляр не является первоначальным, так как он написан набело, почти без поправок. Имеющиеся же поправки и вставки сделаны значительно позднее — в первые годы XX в., когда они переписывались набело в связи с подготовкой к печати. Изменения эти заключаются, главным образом, в поправках стилистического характера, либо в пропусках некоторых несущественных подробностей.

«Воспоминания», переписанные так же, как «Дневник», дочерью Милютинина, составили 20 переплетенных книг. Одна из книг (шестая) утеряна, и таким образом в наличии имеется 19 книг общим количеством 2769 листов.

«Воспоминания» по своему характеру, вполне естественно, отличаются от «Дневника». Автор, описывая события, рассматривает их сквозь призму десятилетий, что налагет на них определенный отпечаток. Отдельные вопросы вовсе опускаются, некоторые освещаются лишь с фактической стороны, без какой-либо оценки автора. Так, в них крайне слабо отражаются общественные и политические настроения автора в период 30-х — 50-х годов. Ничего не говорится о тех общественных вопросах, которые волновали юношу Милютинина во время его пребывания в университетском пансионе. Очень бегло сообщает автор о своих встречах с Грановским, совершенно не касаясь тех бесед, которые они вели между собою. Ничего не рассказывает он также о своих встречах с Панаевым, Некрасовым, Чернышевским¹, о дружбе с Чичериным и Кавелиным.

---

¹ А.Я Панаева в своих воспоминаниях рассказывает о том, что Милютин был постоянным гостем кружка литераторов, группировавшихся вокруг «Современника», причем часто вел беседы с Чернышевским о предстоящих реформах.

Первая часть «Воспоминаний» (1816–1861) заслуживает внимания не только изложением биографии автора, представленной здесь довольно подробно, но и освещением ряда других событий, в первую очередь, кавказских войн. Милютин подробно рассказывает о своем первом и втором пребывании на Кавказе в конце 30-х и первой половине 40-х годов, а также о своей деятельности в качестве начальника Главного штаба кавказской армии с 1857 по 1861 год. Он сообщает ряд интересных подробностей, касающихся разработки плана военных операций, хода военных действий против Шамиля и на Западном Кавказе.

Не лишены интереса страницы, касающиеся Восточной войны, когда Милютин, состоя для особых поручений при военном министре, был привлечен к работе по составлению обзора военных действий, редактированию известий с театра войны (для опубликования их в печати), а также для выполнения ряда особых заданий, связанных с военными действиями.

В «Воспоминаниях» подробно освещается состояние армии в предреформенный период и положение дел в Военном министерстве.

Необходимо отметить, что первые три книги «Воспоминаний» (1816–1843) были изданы в качестве первого тома в 1918 году в Томске, когда руководство Академии генерального штаба перешло на сторону белых и находилось на территории колчаковского правительства. Этот том, изданный крайне ограниченным тиражом, представляет собою в буквальном смысле слова библиографическую редкость.

Большой интерес представляет вторая часть «Воспоминаний» (1861–1873), относящаяся к периоду, когда Милютин, заняв пост военного министра, становится одним из активных деятелей преобразований 60-х годов. Значительная часть их посвящена состоянию армии и Военного министерства и проводимым в этой области преобразованиям. Наряду с военными вопросами Милютин уделяет большое внимание общему политическому курсу правительства и реформам в других ведомствах. Много места отводится также польскому восстанию 1863 г. и остзейскому вопросу. Подробное отражение получает борьба против военной реформы, развернувшаяся в конце 60-х годов и возглавляемая кн. Барятинским, Фадеевым и Черняевым. Наконец, большое место автор отводит и вопросам внешней политики: завоеванию Средней Азии, русско-английским и русско-германским отношениям.

В заключение небезынтересно сопоставить «Дневник» Милютина с мемуарами других государственных деятелей того же времени — дневниками П.А. Валуева и Е.А. Перетца. Милютин освещает внутреннюю и внешнюю политику Александра II с совершенно иных позиций, чем это делает в своем дневнике А.П. Валуев. В мемуарах же Перетца, не принадлежавшего к числу политических противников Милютина, многие события передаются со слов третьих лиц, так как сам Перетц не всегда являлся непосредственным свидетелем описываемых им событий. Это обстоятельство, естественно, снижает научную ценность его дневника. Ниже

приводим случай, когда Милютин указывает на недостоверность освещаемого Перетцом исторического события, несмотря на то, что последний даже являлся участником его. В 1908 году Милютину был прислан отрывок из воспоминаний неизвестного лица, опубликованный в журнале «Былое» № 1 за 1906 год, содержащий в себе рассказ о заседании 8 марта 1881 года. Сопоставляя этот отрывок с дневником Перетца, можно легко установить, что он является сокращенным воспроизведением записи Перетца об этом событии. Прочтя этот отрывок, Милютин пишет:

«Такое обстоятельное изложение важного исторического факта может соблазнить будущих историков, а потому ставлю себе в обязанность предостеречь их от излишнего доверия к свидетельству, несогласному с действительностью. Автор рассказа, очевидно, не принадлежит к числу участников в совещании, а пишет понаслышке, на основании догадок и предположений в публике. К нему можно вполне применить поговорку: “слышал звон, не ведя, откуда он”. В рассказе верно лишь распределение участвовавших в совещании лиц на две противоположные стороны: на сторонников и противников доклада Комиссии Лорис-Меликова. Одни высказывались за пользу и даже необходимость предложенных законодательных работ, как продолжение и завершение предпринятых усопшим государем реформ; другие — пугали воображаемыми от тех же предположений опасностями для основ русского государственного строя; но прямо о представительном правлении, о конституции не было произнесено ни слова.

Для желающих найти более достоверную справку о совещании 8 марта 1881-го года могу сослаться на мой краткий, но достоверный “Дневник”»¹.

Таково вкратце содержание «Дневника» и «Воспоминаний» Милютина. Являясь единственными мемуарами, принадлежащими перу крупного государственного деятеля, стоявшего на либеральных позициях, они вводят в научный оборот ряд новых исторических фактов и отдельных интересных деталей.

Таким образом, «Воспоминания» и «Дневник» Милютина являются ценным источником для изучения истории России второй половины XIX века.

---

¹ ф. Д.А. Милютина, М. 10499/12.

Указатели

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза Александр Аггеевич (1821–1895), действительный тайный советник, гофмейстер двора великой княгини Елены Павловны; в 1871–1874 гг. государственный контролер, в 1874–1880 и 1883–1893 гг. председатель Департамента государственной экономии Государственного совета, в 1880–1881 гг. министр финансов; почетный член Петербургской АН; шурин Н.А. Милютина 35, 45, 46, 52, 64, 65, 75, 81, 173, 177, 178, 212, 393, 395, 397
- Авдулина Мария Алексеевна, см. *Мордвинова М.А.*
- Адлерберг Александр Владимирович (1818–1888), граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; с 1855 г. управляющий делами Императорской Главной квартиры, в 1867–1881 гг. министр Императорского двора и уделов, канцлер российских императорских и царских орденов; член Государственного и Военного советов; личный друг императора Александра II 38, 45, 49, 50, 75, 88, 90, 197
- Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), общественный деятель, славянофил, писатель 340
- Аксакова Вера Сергеевна (1819–1864), дочь писателя Сергея Тимофеевича Аксакова 340
- Александр (1851–1884), кронпринц, сын короля нидерландского Вильгельма III 134
- Александр (1857–1893), принц Баттенбергский, с 1879 по 1886 г. князь Болгарии 386, 387
- Александр Александрович (1845–1894), великий князь цесаревич, второй сын императора Александра II, с 1881 г. император Александр III 25, 33, 43, 53, 58, 59, 65, 70, 73, 95, 101, 105, 134, 155, 158, 159, 162, 164–165, 167, 169, 186, 192, 206, 210, 363, 370, 392–397, 399, 402
- Александр Владимирович (1875–1877), великий князь, сын великого князя Владимира Александровича 200
- Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. 73, 316, 317
- Александр II (1818–1881), сын императора Николая I, российский император с 1855 г. 23–31, 33, 34, 36, 38–45, 49, 51, 52, 57–62, 64, 65, 67, 69–71, 73–76, 79–88, 90–101, 106–119, 124, 126–131, 133, 134, 136–138, 140, 142–145, 147, 148, 153–155, 157–160, 162–165, 167–174, 179, 184–187, 189–191, 193–201, 206–210, 212, 213, 313, 314, 338, 351, 352, 355, 362, 367–374, 378, 379, 381–383, 388, 389, 392–394, 396, 398, 399, 401, 403
- Александра (1844–1895), с 1863 г. жена Альберта Эдуарда, принца Валлийского (Уэльского), дочь датского короля Христиана IX 82
- Александра Иосифовна (1830–1912), великая княгиня, жена великого князя Константина Николаевича 53
- Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, четвертый сын императора Александра II; генерал-адъютант, генерал-адмирал; в 1881–1905 гг. главный начальник флота и Морского ведомства; член Государственного совета 41, 119, 154
- Альбедиль Фёдор Константинович (1836–1914), генерал от артиллерии; директор военной гимназии в Симбирске 182
- Альбединский Пётр Павлович (1826–1883), генерал-адъютант, генерал от кавалерии; в 1867–1870 гг. рижский гене-

- рал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа, в 1874—1880 гг. виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа, в 1880—1883 гг. варшавский генерал-губернатор; член Государственного совета 124, 126
- Альберт Эдуард (1841—1910), принц Валлийский (Уэльский), старший сын английской королевы Виктории I, английский король Эдуард VII с 1901 по 1910 г. 82, 85, 92
- Альбрехт Фридрих Вильгельм Николай (1837—?), принц прусский; генерал-лейтенант германской армии 144
- Альбрехт Фридрих Рудольф (Альберт) (1817—1895), эрцгерцог австрийский; фельдмаршал; генерал-инспектор австрийской армии 124, 128, 131, 207, 210, 211
- Альфонс XII (1857—1885), сын королевы Изабеллы II, король Испании с 1874 г. 148
- Альфред Эрнест Альбер (1844—1900), второй сын английской королевы Виктории I, принц Великобританский, герцог Эдинбургский, граф Ульстерский и Кентский, с 1874 г. муж дочери императора Александра II великой княжны Марии Александровны, адмирал британского флота, с 1893 г. владетельный герцог Саксен-Кобург-Готский 51, 73, 102, 187, 197
- Амбургер, см. *Гамбургер А.Ф.*
- Андраши Дьюла (Старший) (1823—1890), граф, участник венгерской революции 1848—1849 гг., с 1861 г. член и вице-президент венгерского сейма; в 1867—1871 гг. министр-президент и министр обороны Венгерского королевства, в 1871—1879 гг. министр иностранных дел Австро-Венгрии 97, 98, 100
- Арапетов Иван Павлович (1811—1887), тайный советник; служил в Департаменте уделов и II Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии; в 1859—1860 гг. член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу 354
- Арапов Иван Андреевич, полковник, адъютант военного министра 180
- Арсений (в миру Москвин Фёдор Павлович) (1795—1876), митрополит Киевский и Галицкий 150
- Артур Вильгельм (1850—1942), третий сын королевы Виктории I, принц Великобританский, герцог Коннаутский, с 1879 г. муж принцессы Луизы Маргариты, дочери принца Фридриха Карла Прусского 82
- Байов Алексей Константинович (1871—1935), генерал-лейтенант, профессор Николаевской академии Генерального штаба, военный историк 338
- Балинский Иван Михайлович (1827—1902), профессор психиатрии Петербургской Медико-хирургической академии 119
- Баранов Эдуард Трофимович (1811—1884), граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; в 1855—1865 гг. начальник штаба Гвардейского корпуса, в 1866 г. рижский, в 1866—1868 гг. виленский генерал-губернатор, в 1871—1874 гг. временно управлял Министерством императорского двора и уделов, в 1881—1884 гг. председатель Департамента государственной экономии Государственного совета; председатель Совета управления Главного общества российских железных дорог 35, 40, 197, 393
- Барановский Владимир Степанович (1846—1879), изобретатель и конструктор первых систем скорострельной артиллерии; с 1864 г. мастер на судостроительном заводе М.Е. Кара и М.Л. Макферсона; в 1867—1875 гг. инженер на механическом заводе Л. Нобеля; в 1878 г. основал в Петербурге завод по производству ударных трубок, патронных гильз и др. артиллерийского снаряжения 112
- Баранцов Александр Алексеевич (1810—1882), граф, генерал от артиллерии, генерал-адъютант; в 1848—1851 гг. член Артиллерийского отделения Военно-

- ученого комитета; в 1853–1855 гг. начальник артиллерии Финляндии; в 1856–1862 гг. начальник Штаба генерал-фельдцейхмейстера; с 1862 г. начальник Главного артиллерийского управления; в 1869–1874 гг. член Главной распорядительной комиссии по перевооружению армии при Военном совете; член Государственного совета 71, 113, 114, 147, 167, 193, 202
- Барыков Фёдор Лаврентьевич (1830–1892), действительный статский советник, в 1869–1882 гг. начальник Земского отдела Министерства внутренних дел 174
- Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант; в 1856–1862 гг. наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией; член Государственного совета 22, 27, 28, 30, 35, 36, 40, 41, 44, 45, 52, 213, 351, 352, 370–373, 375, 403
- Барятинский Владимир Иванович (1817–1875), князь, генерал-адъютант, генерал-лейтенант; в 1855–1859 гг. флигель-адъютант императора Александра II, в 1861–1866 гг. командир Кавалергардского полка, с 1866 г. обершталмейстер двора Е. И. В., президент придворной конюшенной конторы 188
- Беклемишев Александр Петрович, тайный советник, член Совета министра внутренних дел 174
- Берг Фёдор Фёдорович (1794–1874), граф, генерал-фельдмаршал; в 1854–1861 гг. финляндский генерал-губернатор, в 1863–1874 гг. наместник и главнокомандующий войсками в Царстве Польском; член Государственного совета 27, 83–86, 89, 373
- Бердан Хирам (1826–1893), американский оружейный мастер 363
- Бехтольстейм, барон, австрийский военный атташе 99
- Бисмарк фон Шёнгаузен Отто Эдуард Леопольд (1815–1898), князь; в 1859–1862 гг. прусский посланник в Петербурге, в 1862 г. — во Франции, с 1862 г. министр-президент и министр иностранных дел, в 1871–1890 гг. 1-й рейхсканцлер Германской империи 25, 169, 170, 173, 209, 373, 378, 379, 383, 385, 386
- Бистром Родриг Григорьевич (1810–1886), барон, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1851–1859 гг. командир лейб-гвардии Семеновского полка, в 1860–1867 гг. командир 2-й гвардейской пехотной дивизии, в 1868–1873 гг. помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1886 г. председатель Комиссии по устройству казарм при Военном совете; с 1874 г. член Военного совета 42
- Бобринский Алексей Павлович (1826–1894), граф, генерал-лейтенант, флигель-адъютант; с 1869 г. член Совета министра путей сообщения; в 1871–1872 гг. товарищ министра, в 1872–1874 гг. министр путей сообщения; председатель Общества взаимного поземельного кредита 65, 75, 101, 126, 127, 129, 130
- Боголюбов Иван Андреевич, полковник, директор военной прогимназии в Ярославле 180
- Божидар Петрович, родственник черногогорского князя Николая I Петровича Негоша, выдвигавшийся на болгарский престол вместе с Александром Баттенбергским в 1879 г. 386
- Борель, владелец первоклассного ресторана в С-Петербурге 87, 157
- Боткин Василий Петрович (1811–1869), писатель, критик, искусствовед; брат С.П. Боткина 354
- Боткин Сергей Петрович (1832–1889), врач-терапевт, лейб-медик; с 1861 г. профессор Петербургской Медико-хирургической академии, с 1878 г. председатель Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова 84, 107, 108, 142, 175, 176
- Бруннер Андрей Осипович, генерал-от-инфантерии, командующий войсками Казанского военного округа 181

- Бруннов Филипп Иванович (1797—1875), барон, дипломат; в 1858—1860 гг. посланник, в 1860—1870 и 1870—1874 гг. посол в Великобритании 368
- Бутенко Семен Иванович (1831—1896), полковник, командир 145-го Ново-черкасского пехотного полка 120
- Буханов Яков Ильич (1826—1896), старшина ремесленной управы в Москве 370
- Бюлер Фёдор Андреевич (1821—1896), барон, гофмейстер, историк, писатель; в 1841—1847 гг. служил в 1-м департаменте Сената; в 1850—1853 гг. секретарь генерального консульства в Молдавии и Валахии; в 1853—1876 гг. управляющий газетной экспедицией Министерства иностранных дел; в 1873—1896 гг. директор Московского главного архива Министерства иностранных дел 199
- Валуев Пётр Александрович (1815—1890), граф, действительный тайный советник; в 1854—1858 гг. курляндский губернатор, в 1858—1860 гг. директор 2-го и 3-го департаментов Министерства государственных имуществ, в 1861—1868 гг. министр внутренних дел, в 1872—1879 гг. министр государственных имуществ; в 1879—1881 гг. председатель Комитета министров; член Государственного совета 56, 58, 62, 65, 66, 69, 75, 95, 101—104, 121, 122, 141, 144—148, 161, 178, 212, 371, 372, 389, 392, 401, 403
- Ванновский Пётр Семёнович (1822—1904), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1857 г. начальник Офицерской стрелковой школы, с 1861 г. — Павловского кадетского корпуса, с 1868 г. командир армейского корпуса, в 1882—1897 гг. военный министр; в 1901—1902 гг. министр народного просвещения; член Государственного совета 397
- Варпаховский Евгений Петрович, капитан, адъютант великого князя Николая Константиновича 118
- Величко Филадельф Кириллович (1833—1898), генерал от инфантерии; с 1861 г. — в Генеральном штабе, с 1866 г. начальник 1-го отделения Главного штаба, в 1875—1880 гг. управляющий делами Комитета для подготовки данных по мобилизации войск; с 1881 г. помощник начальника Главного штаба; член Военного совета 22, 28, 31, 133
- Вельяминов Григорий Николаевич, коллежский регистратор, состоящий при канцелярии Комитета министров; знакомый семьи Д.А. Милютина 204
- Вельяминова Мария Николаевна, подруга дочерей Д.А. Милютина 31, 203, 204
- Вельяминовы 123, 204
- Вера Константиновна (1854—1912), великая княгиня, дочь великого князя Константина Николаевича, с 1874 г. жена принца Вильгельма Евгения Вюртембергского 100
- Вердер Бернхард Франц (1823—1907), генерал-лейтенант; в 1869—1886 гг. военный атташе германского посольства в Петербурге 113, 114, 201
- Верёвкин Николай Александрович (1821—1878), генерал-лейтенант; с 1861 г. начальник Сырдарьинской линии, в 1865—1873 гг. атаман Уральского казачьего войска, с 1876 г. член Александровского комитета о раненых 38
- Веригин Александр Иванович (1807—1891), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1856—1858 г. директор Департамента военных поселений по делам казачьих иррегулярных войск, в 1858—1860 гг. начальник Управления иррегулярных войск, в 1861—1865 гг. генерал-квартирмейстер Главного штаба; в 1863—1865 гг. председатель Военно-учетного комитета Главного штаба; член Государственного совета 69, 157
- Вертель Борис, офицер Отдельного мусульманского эскадрона 138
- Вертер Карл фон (1809—1894), граф (с 1878); в 1859—1868 гг. прусский посланник в Вене; в 1868—1870 гг. посол в Париже; в 1874—1877 гг. германский посол в Турции 194

- Вестман Владимир Ильич (1812–1875), тайный советник, камергер; в 1846–1865 гг. директор канцелярии Министерства иностранных дел, с 1866 г. товарищ министра иностранных дел 132
- Виктория Адельгейда (1840–1901), старшая дочь королевы Великобритании Виктории I, с 1858 г. жена кронпринца германского Фридриха Вильгельма, впоследствии императора Фридриха III 87, 95
- Виллье (Виллие) Яков Васильевич (1768–1854), баронет, действительный тайный советник, доктор медицины; с 1799 г. лейб-хирург; с 1814 г. лейб-медик; с 1806 г. главный инспектор медицинской части русской армии; в 1808–1838 гг. президент Петербургской Медико-хирургической академии; в 1812–1836 гг. директор Медицинского департамента Военного министерства; в 1844–1853 гг. управляющий Придворной медицинской частью Министерства Императорского двора; почетный член Петербургской АН 73
- Вильгельм I (1797–1888), король прусский с 1861 г., император германский с 1871 по 1888 г. 23–27, 29, 108, 169, 170, 173, 373, 378, 379, 381, 385
- Вильгельм Евгений Август Георг (1846–1877), принц Вюртембергский, с 1874 г. муж великой княгини Веры Константиновны 100
- Винтер Ольга Ивановна, компаньонка дочерей Д.А. Милютина 184
- Витгенштейн Эмилий Карл Адольф Людвигович (1824–1878), генерал-лейтенант, флигель-адъютант; с 1849 г. на русской службе; писатель 106
- Владимир Александрович (1847–1909), великий князь, третий сын императора Александра II; генерал от инфантерии генерал-адъютант; с 1874 г. начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии, с 1881 г. командующий, с 1884 г. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа 45, 67, 119, 132, 134, 192, 199, 393
- Воейков Николай Васильевич (1832–1898), генерал-лейтенант, генерал-адъютант; с 1864 г. старший адъютант управления Императорской Главной квартиры и управляющий делами Имп. Главной квартиры и Собственного Е. И. В. конвоя; в 1883–1895 гг. помощник командующего Императорской Главной квартирой; в 1895 г. обер-камергер Двора Е. И. В. 201
- Волконский Петр Михайлович (1776–1852), светлейший князь (с 1834 г.), генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант; с декабря 1812 г. начальник Главного штаба действующей армии, в 1815–1823 гг. начальник Главного штаба Е. И. В. 316
- Воронцов Семен Михайлович (1823–1882), светлейший князь, генерал-лейтенант 202
- Воронцова Мария Васильевна (1819–1895), урожд. княжна Трубецкая, жена С.М. Воронцова 202
- Воронцовы, см. *Воронцов С.М.* и *Воронцова М.В.*
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; с 1861 г. адъютант великого князя Александра Александровича, в 1867–1872 гг. командир лейб-гвардии Гусарского Е. И. В. полка; с 1878 г. главноуправляющий государственным коннозаводством, в 1881–1897 гг. министр Императорского двора и уделов, в 1905–1915 гг. кавказский наместник; член Государственного совета 96
- Вяземская Лидия Дмитриевна (1850–?), княжна, подруга дочерей Д.А. Милютина 31, 203, 204
- Вяземский Леонид Дмитриевич (1848–1909), князь, флигель-адъютант, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командующий 2-й бригадой болгарского ополчения, в 1888–1890 гг. астраханский губернатор, в 1890–1892 гг. управляющий Департаментом уделов, член Государственного совета 204
- Вяземские 123, 204

Габсбурги, династия 327

Гагарина, княгиня 130

Газенкампф Михаил Александрович (1843–1913), генерал от инфантерии, военный писатель; с 1870 г. старший адъютант 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, затем штаба войск гвардии и Петербургского военного округа; с 1874 г. профессор по кафедре военной администрации Николаевской академии Генерального штаба; во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. состоял в распоряжении главнокомандующего Дунайской армии великого князя Николая Николаевича; в 1891–1895 гг. окружной интендант Петербургского военного округа; в 1895–1903 гг. астраханский губернатор и наказной атаман Астраханского казачьего войска; с 1903 г. член Военного совета; с 1905 г. помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа; член Совета государственной обороны и Высшей аттестационной комиссии 380

Галкин-Врасский Михаил Николаевич (1832–1916), действительный тайный советник; в 1868–1870 гг. эстляндский, в 1870–1879 гг. саратовский губернатор, в 1879–1896 гг. начальник Главного тюремного управления 182

Гамбургер (Амбургер) Андрей Фёдорович (1821–1899), статс-секретарь; чиновник для особых поручений при министре иностранных дел; в 1870–1879 гг. директор Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел, в 1879–1896 гг. посол в Швейцарии 172, 201, 208

Ган Теокар Фёдорович (1823–1880), барон, генерал-майор; совещательный член Главного артиллерийского управления Военного министерства 112

Ганецкий Иван Степанович (1810–1887), генерал-лейтенант, начальник 3-й пехотной дивизии; в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. коман-

дующий гренадерским корпусом, с 1879 г. член Военного совета 180

Гейден Александра Фёдоровна (1857–1922), графиня, дочь графа Ф.Л. Гейдена 138

Гейден Фёдор Логгинович (1821–1900), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1861 г. дежурный генерал Главного штаба, в 1866–1881 гг. начальник Главного штаба и председатель Военно-ученого комитета, в 1881–1897 гг. финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа; член Государственного совета 22, 28, 29, 31, 81, 105, 106, 158, 184

Гемельман, полковник, военный инженер 190, 194, 202

Георгий Александрович (1871–1899), великий князь, сын наследника престола Александра Александровича 33

Георг (1824–1876), герцог Мекленбург-Стрелицкий, генерал-адъютант, с 1856 г. генерал-инспектор стрелковых батальонов; с 1851 г. муж великой княгини Екатерины Михайловны, дочери великого князя Михаила Павловича 110, 179

Георгиевский Александр Иванович (1829–1911), действительный статский советник, в 1866–1881 гг. член Совета министра народного просвещения; в 1868–1870 гг. редактор «Журнала Министерства народного просвещения»; в 1873–1898 гг. председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения 105, 143

Герстфельд Эдуард Иванович (1798–1878), инженер-генерал, сенатор; с 1850 г. товарищ главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями; в 1865–1868 гг. товарищ министра путей сообщения; член Государственного совета 173

Гильденштуббе Александр Иванович (1800–1884), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1855 г. начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии; в 1862 г. командующий отдельным грена-

- дерским корпусом в Москве; с 1864 г. командир 3-го резервного корпуса; в 1864–1879 гг. командующий войсками Московского военного округа; член Государственного совета 139, 180
- Гильфердинг Александр Фёдорович (1831–1872), филолог, славист, этнограф, фольклорист; с 1856 г. член-корреспондент Петербургской АН; сотрудник газеты «Русский инвалид»; с 1867 г. председатель Петербургского отделения Славянского благотворительного общества 366
- Гирс Александр Карлович (1815–1880), действительный тайный советник, сенатор; с 1857 г. член Совета министра внутренних дел; с 1862 г. член Совета министра финансов и ряда комитетов и комиссий; с 1879 г. товарищ министра финансов 177
- Гирс Николай Карлович (1820–1895), действительный тайный советник; в 1863–1867 гг. чрезвычайный посланник России в Персии, в 1867–1872 гг. — в Швейцарии, в 1872–1875 гг. — в Швеции и Норвегии, в 1875–1882 гг. товарищ министра иностранных дел и управляющий Азиатским департаментом, в 1882–1895 гг. министр иностранных дел 383, 399, 401
- Голиков Сергей Николаевич (?–1894), архитектор 136, 184
- Голицын Владимир Дмитриевич (1816–1888), светлейший князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, обер-шталмейстер; в 1864–1875 гг. командир 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии; в 1869 г. член совета Главного управления государственного коннозаводства; в 1875–1888 гг. президент Придворной конюшенной конторы 40
- Головачёв Николай Никитич (1823–1887), генерал-лейтенант; с 1860 г. командир 79-го пехотного Куринского полка и начальник Ичкеринского округа, в 1867–1877 гг. военный губернатор Сырдарьинской области, с 1884 г. сосницкий уездный предводитель дворянства 106
- Головнин Александр Васильевич (1821–1886), действительный тайный советник, статс-секретарь; в 1861 г. управляющий Министерством народного просвещения; в 1862–1866 гг. министр народного просвещения; член Государственного совета 369, 399, 401
- Горбунова 202
- Горлов Александр Павлович (1830–1905), генерал-лейтенант, с 1882 г. инспектор местных arsenалов, член Главного артиллерийского комитета; в 1864 г. был командирован в Америку для изыскания подходящего образца малокалиберной винтовки 363, 364
- Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), светлейший князь, дипломат; в 1856–1882 гг. министр иностранных дел, с 1867 г. государственный канцлер; член Государственного совета 58, 69, 70, 75, 92, 108, 112, 115, 147, 154, 158, 159, 162–164, 166, 171–173, 187, 207–209, 213, 367, 375, 376, 379, 383, 401
- Горчаков Алексей Иванович (1769–1817), князь, генерал от инфантерии; в 1812–1815 гг. управлял Военным министерством 316
- Готьё Юрий Владимирович (1873–1943), академик, историк и археолог, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 394
- Граббе Павел Христофорович (1787–1875), граф, генерал-адъютант; с 1865 г. атаман Войска Донского; член Государственного совета 342
- Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), историк, профессор Московского университета 348, 354, 402
- Грейг Самуил Алексеевич (1827–1887), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор; с 1866 г. товарищ министра финансов и председатель Коммерческого и Мануфактурного советов; в 1872 г. временно управлял Министерством государственных имуществ; в 1874–1878 гг. государственный контролер; в 1878–1880 гг. министр финансов; член Государствен-

- ного совета 36, 40, 75, 96, 122, 130, 140, 143–145, 150, 167, 174–178
- Грот Константин Карлович (1815–1897), действительный тайный советник, статс-секретарь; в 1861–1863 г. директор Департамента податей и сборов, в 1863–1869 г. — Департамента неокладных сборов Министерства финансов, в 1882–1885 г. главноуправляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по делам ведомства учреждений императрицы Марии; член Государственного совета 83, 150, 174
- Грубер Венцеслав Леопольдович (1814–1890), профессор Петербургской Медико-хирургической академии 140
- Губин А.М., нижегородский городской голова 180
- Гунниус (?–1869), капитан, делопроизводитель артиллерийского комитета; в 1864 г. вместе с полковником Горловым был командирован в Америку для изыскания подходящего образца малокалиберной винтовки 363
- Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович (1828–1901), генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант; в 1862–1866 г. состоял в Свите Е. И. В. флигель-адъютантом; с 1866 г. командир 4-го гусарского Мариупольского полка, в 1869–1874 г. — лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, одновременно до 1875 г. командир бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии; во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. командующий войсками гвардии, в 1878–1880 г. помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, в 1879–1880 г. временный петербургский генерал-губернатор; в 1882–1883 г. командующий войсками Одесского военного округа и временный одесский генерал-губернатор; в 1883–1894 г. варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа, член Государственного совета 392
- Гуро Александр Степанович, действительный статский советник 42
- Давыдов Иван Иванович (1794–1863), академик, профессор словесности Московского университета 341
- Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), публицист, естествоиспытатель 49, 138
- Данилов Иван Николаевич, поручик фельдъегерского Е. И. В. Корпуса 180
- Деказ Луи (1819–1886), герцог, в 1874–1877 г. министр иностранных дел Франции 209
- Делянов Иван Давидович (1818–1897), граф, действительный тайный советник, статс-секретарь, в 1858–1861 и 1862–1866 г. попечитель Петербургского учебного округа; в 1861 г. директор Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения; в 1861–1882 г. директор Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, в 1866–1874 г. товарищ министра народного просвещения, в 1882–1897 г. министр народного просвещения 49, 52, 65, 81, 94, 95
- Дерби Эдуард Генрих Стенли (1826–1893), лорд, в 1868–1878 г. министр иностранных дел Великобритании 174
- Дершау, вероятно, Николай Карлович (1820–1907), барон, тайный советник, инженер 202
- Димитрий (1806–1883), архиепископ Ярославский и Ростовский 180
- Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868), князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1852–1856 г. военный министр, в 1856–1866 г. шеф Корпуса жандармов и начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии; член Военного и Государственного советов 349, 350, 367
- Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии; с 1856 г. московский генерал-губернатор; член Военного совета 139, 199

Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820—1893), князь, генерал-адъютант; в 1869—1878 гг. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа, в 1878—1879 гг. российский комиссар в Болгарии, в 1882—1890 гг. командующий Кавказским военным округом и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе 92, 201

Дрентельн Александр Романович (1820—1888), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1872 г. командующий войсками Киевского военного округа, в 1878—1880 гг. шеф Корпуса жандармов и начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, с 1878 г. член Кавказского комитета и Комитета по делам Царства Польского, в 1881—1888 гг. киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа; член Государственного совета 392

Дубровин Николай Фёдорович (1837—1904), академик, историк 343

Дуэ, с 1873 г. шведский посланник в России 190

Екатерина II (1729—1796), российская императрица с 1762 г. 57

Екатерина Михайловна (1827—1894), великая княгиня, герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны 147

Елена Павловна (1806—1873), урожд. Фредерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская, великая княгиня, с 1824 г. жена великого князя Михаила Павловича 81, 88

Елизавета Луиза (1801—1873), жена прусского короля Фридриха-Вильгельма IV 60

Ермолов Алексей Петрович (1772—1861), генерал от инфантерии, генерал от артиллерии; в 1806—1808 гг. командир 7-й артиллерийской бригады в дивизии генерала Д. С. Дохтурова; в 1808 г. ин-

спектор конно-артиллерийских рот; в 1809 г. командир артиллерийской бригады в дивизии генерала А. А. Суворова; в 1811 г. командир гвардейской артиллерийской бригады; в 1812 г. начальник Главного штаба 1-й Западной армии; в 1813 г. командующий артиллерией всей действующей армии, затем командир 2-й гвардейской пехотной дивизии; в 1814 г. командующий Обсервационной армией на австрийской границе; в 1815 г. командир гренадерского корпуса; в 1816—1827 гг. управляющий гражданской частью Грузии и командир Отдельного Грузинского (с 1820 — Кавказского) корпуса; с 1827 г. в отставке; член Государственного совета 342

Жомини Александр Генрихович (1817—1888), барон, действительный тайный советник; в 1856—1888 гг. старший советник Министерства иностранных дел 115, 159, 172, 187, 199, 207

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфеньевич (1809—1881), экономист, статистик, писатель; действительный тайный советник, член Петербургской АН; в 1856—1859 гг. директор Департамента земледелия Министерства государственных имуществ, в 1859—1860 гг. член Редакционных комиссий по крестьянскому делу, с 1859 г. член Совета министра государственных имуществ, председатель Ученого комитета того же министерства, в 1863—1867 гг. статс-секретарь Департамента государственной экономики Государственного совета, управляющий делами Департамента государственной экономики Государственного совета, с 1867 г. член Комитета финансов, с 1875 г. член Департамента государственной экономики Государственного совета; член Совета Русского географического общества 100

Залесов Николай Гаврилович (1828—1896), генерал от инфантерии, член

- Военного совета, военный писатель 372, 373
- Затлер Фёдор Карлович (1805–1876), барон, генерал-майор; в 1853–1856 гг. генерал-интендант Южной и Крымской армии 373
- Зверев Константин Яковлевич (1821–1890), генерал-лейтенант; с 1872 г. управляющий делами Инженерного комитета Главного военно-технического управления Военного министерства; в 1882–1890 гг. управляющий Главного инженерного управления и Главного военно-технического управления Военного министерства 193
- Здекауер Николай Фёдорович (1815–1897), действительный тайный советник; с 1860 г. лейб-медик; профессор Петербургской Медико-хирургической академии; в 1884–1889 гг. возглавлял Медицинский совет Министерства внутренних дел; почетный член Петербургской АН 119
- Зедделер Логгин Иванович (Людвиг Франц Ксаверий) (1791–1852), барон, генерал-лейтенант; военный историк, писатель; с 1813 г. на русской службе; с 1825 г. командир 1-й бригады 19-й пехотной дивизии; с 1828 г. оберквартирмейстер Гренадерского корпуса; в 1832–1834 гг. вице-директор Военной академии; в 1835 г. инспектор батальонов военных кантонистов и директор Аудиторской школы 341
- Зелёный (Зеленой) Александр Алексеевич (1819–1880), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1856–1862 гг. товарищ министра, в 1862–1872 гг. министр государственных имуществ; член Государственного совета 71, 198, 370, 389
- Зичи Франц (1811–?), граф, в 1874–1879 гг. австрийский посол в Турции 194
- Иван V Алексеевич (1666–1696), сын царя Алексея Михайловича, русский царь с 1682 г. 338
- Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), граф, дипломат, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1861–1864 гг. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, с 1864 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр, а в 1867–1877 гг. посол в Турции, в 1879–1880 г. временный нижегородский генерал-губернатор, в марте-мае 1881 г. министр государственных имуществ, в 1881–1882 гг. министр внутренних дел; член Государственного 194, 379
- Игнатъев Павел Николаевич (1797–1879), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1854–1861 гг. петербургский военный генерал-губернатор, с 1864 г. председатель Комиссии для принятия прошений, на Высочайшее имя приносимых, в 1872–1879 гг. председатель Комитета министров; член Государственного совета 27, 35, 36, 40, 69, 71, 100, 103, 116, 117, 135, 161, 175–178, 186
- Иосиф (в миру Семашко; 1798–1868), в 1852–1868 гг. митрополит Литовский и Виленский, член Св. Синода 112
- Исаков Николай Васильевич (1821–1891), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1859–1863 гг. попечитель Московского учебного округа, в 1863–1881 гг. главный начальник военно-учебных заведений; член Государственного совета 65, 66
- Кавелин Александр Александрович (1832–1906), генерал-майор свиты Е. И. В., в 1873–1881 гг. таврический губернатор 185
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), юрист, философ, публицист; в 1844–1848 гг. профессор Московского, в — 1857–1861 гг. Петербургского университетов, с 1882 г. президент Вольного экономического общества 354, 368, 369, 399, 401, 402
- Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866), член революционного кружка Н. А. Ишутина, 4 апреля 1866 г. покушался на жизнь Александра II, был казнен 368, 369

- Карел (Карель) Филипп Яковлевич (1806–1886), тайный советник; с 1849 г. лейб-медик; совещательный член Медицинского совета Министерства внутренних дел, почетный член Военно-медицинского ученого комитета 119, 143, 201
- Карл Людвиг Иоанн (1771–1847), австрийский эрцгерцог, сын императора Леопольда II 211
- Карл Фридрих Александр (1801–1883), принц Прусский, сын короля Фридриха Вильгельма III, брат императрицы Александры Фёдоровны; генерал-фельдцейхмейстер 207
- Карлгоф Николай Иванович (1806–1877), генерал от инфантерии; в 1861–1871 гг. управляющий иррегулярными войсками; член Военного совета 204
- Карле, британский механик, предложивший систему казно-зарядного игольчатого оружия 363
- Кармалин Николай Николаевич (1824–1900), генерал-майор; в 1873–1882 гг. начальник Кубанской области и атаман Кубанского казачьего войска 50
- Карцов Александр Петрович (1817–1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1860 г. начальник главного штаба Кавказской армии и помощник главнокомандующего, с 1869 г. командующий войсками Харьковского военного округа; член Военного совета 139, 185, 209, 210
- Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, издатель и редактор газеты «Московские ведомости» (1850–1855, 1863–1887) и журнала «Русский вестник» (1856–1887) 60, 62, 372, 376
- Каульбарс Александр Васильевич (1844–1929), барон, инженер-генерал, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, почетный член Петербургской АН; исследователь Средней Азии; в 1872–1874 гг. старший адъютант штаба Туркестанского военного округа, с 1875 г. начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии, с 1880 г. командир 1-й кавалерийской бригады 14-й кавалерийской дивизии, в 1882–1883 гг. военный министр в правительстве Болгарии, в 1883–1892 гг. командовал кавалерийской бригадой, затем корпусом, с 1900 г. командир 2-го Сибирского армейского корпуса, в 1904 г. командующий войсками Одесского военного округа, в 1904–1905 гг. командовал 3-й и 2-й Маньчжурскими армиями, в 1905–1909 гг. — войсками Одесского военного округа; член Русского географического общества 100
- Кауфман Константин Петрович фон (1818–1882), инженер-генерал, генерал-адъютант; с 1861 г. директор канцелярии Военного министерства, в 1865–1866 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа, в 1867–1882 гг. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа 36–38, 46, 50, 68, 106, 154, 158, 168, 169, 193–197, 199, 201, 207, 368, 379
- Кауфман Михаил Петрович фон (1822–1902), инженер-генерал, генерал-адъютант, почетный член Петербургской АН; начальник Николаевской инженерной академии и училища, в 1867–1879 гг. начальник Главного интендантского управления Военного министерства, в 1879–1882 гг. товарищ генерал-инспектора по инженерной части; член Государственного совета 52, 168
- Квитницкий Эраст Ксенофонович, штабс-капитан гвардейской конноартиллерийской бригады; в 1873 г. был приговорен судом к сибирской ссылке, замененной разжалованием в солдаты 35
- Кербедз Станислав Валерьянович (1810–1899), тайный советник, инженер, член Совета министра путей сообщения и Комитета железных дорог 173
- Киамиль-паша, турецкий посол в России 33, 150
- Кирхбах, генерал-от-инфантерии германской армии 58

- Киреев Александр Алексеевич (1833—1910), полковник гвардии, адъютант великого князя Константина Николаевича 161
- Киселёв Павел Дмитриевич (1788—1872), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1837—1856 гг. министр государственных имуществ, в 1856—1862 гг. посол во Франции, с 1862 г. — в отставке; член Государственного совета; дядя Д.А. Милютина 100, 124, 199, 338—339, 350, 353, 401
- Клаузен Эмилий Карлович (1836—1891), главный садовод Никитского сада в Магараче 53
- Климов Фёдор Дмитриевич, действительный статский советник; в 1872—1874 гг. самарский губернатор 56, 57
- Кнепп, генерал-майор германской армии 58
- Козлов Николай Илларионович (1814—1889), доктор медицины, действительный тайный советник; в 1858—1862 гг. вице-директор Медицинского департамента Военного министерства, с 1862 г. член Военно-медицинского ученого комитета, с 1864 г. ответственный редактор «Военно-медицинского журнала», в 1869—1871 гг. начальник Петербургской Медико-хирургической академии, в 1871—1881 гг. главный военно-медицинский инспектор 65—67, 96, 108, 140, 143, 145, 150
- Кокорев Василий Александрович (1817—1889), предприниматель, публицист, мещенат 168
- Комаров Виссарион Виссарионович (1838—?), журналист, полковник; в 1869—1870 гг. начальник штаба 37-й пехотной дивизии, с 1871 г. — в отставке; основал газету «Русский мир», в 1876 г. уехал в Сербию, где был произведен в генералы; издатель журнала «Звезда» (1886—1891) и газеты «Славянские известия» (1889—1891) 61
- Кондрашёв, поверенный князя С.В. Кочубея 42, 43
- Кони Анатолий Фёдорович (1844—1927), судебный деятель, писатель, публицист 399
- Константин Николаевич (1827—1892), великий князь, второй сын императора Николая I; генерал-адмирал, генерал-адъютант; в 1853—1881 гг. управляющий Морским министерством и главный начальник флота и морского ведомства, с 1861 г. председатель Главного комитета об устройстве сельского состояния, в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского, в 1865—1881 гг. председатель Государственного совета 24, 27, 29, 55, 58—60, 64—73, 80—82, 90, 102—107, 118, 119, 123, 132, 141, 150, 159, 161—164, 173, 175—179, 186, 190, 202, 393, 394, 399
- Корш Евгений Фёдорович (1810—1897), публицист, переводчик, редактор газеты «Московские ведомости», издатель журнала «Атеней» 348
- Кошебу Павел Евстафьевич (1801—1884), граф, генерал от инфантерии генерал-адъютант; в 1862—1874 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа, в 1874—1880 гг. варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа, с окт. 1881 г. председатель Особой комиссии для пересмотра системы военного управления, введенной Д.А. Милютиным; член Государственного совета 87—89, 92, 124, 157
- Кочубей Сергей Викторович (1820—1880), князь, действительный статский советник; полтавский помещик 27, 34, 38, 42, 43, 47, 50
- Краббе Николай Карлович (1814—1876), адмирал, генерал-адъютант; в 1854—1856 гг. вице-директор, в 1856—1860 гг. директор Инспекторского департамента Морского министерства, в 1860—1876 г. управляющий Морским министерством; член Государственного совета 58, 65, 71, 75, 90
- Крапоткин Дмитрий Николаевич (1836—1879), князь, генерал-майор, в 1870—1879 гг. харьковский губернатор 185

- Красовский Антон Яковлевич (1821–1898), доктор медицины, профессор Петербургской Медико-хирургической академии по кафедре акушерства и гинекологии 107
- Крынка (Крнк, Кренке-Гогенбург) (1825–1903), австрийский оружейный мастер, изобретатель в области стрелкового оружия 363
- Ксения Александровна (1875–1960), великая княжна, дочь наследника престола великого князя Александра Александровича 157, 163
- Кузнецова Анна Васильевна (1847–1922), с 1862 по 1876 г. артистка петербургского балета 177
- Ламсдорф (Ламсдорф-Галаган с 1894 г) Константин Николаевич (1841–1900), граф, генерал-лейтенант, флигель-адъютант 197
- Лангенау, барон; в 1871–1879 гг. австрийский посол в России 106
- Левшин Владимир Дмитриевич (1834–1887), действительный статский советник; в 1872–1876 гг. воронежский вице-губернатор, в 1876–1880 гг. уфимский, в 1880–1887 гг. ярославский губернатор 183
- Ленин Владимир Ильич (1870–1924) 349, 354, 378, 397, 398
- Леонтьев Александр Николаевич (1827–1878), генерал-лейтенант; с 1862 г. начальник Николаевской академии Генерального штаба 210, 211
- Лесовский Степан Степанович (1817–1884), генерал-адъютант, адмирал, гидрограф-исследователь; в 1871–1876 гг. помощник управляющего Морским министерством, в 1876–1880 гг. управляющий Морским министерством; с 1880 г. главный начальник русских морских сил на Тихом океане; в 1882–1884 гг. председатель Комиссии для пересмотра Морского устава; член Государственного совета 132, 147, 178
- Лессепс Фердинанд Мари (1805–1894), французский дипломат, инженер-строитель; в 1854 г. получил от правительства Египта концессию на сооружение Суэцкого канала; член Французской академии 154
- Лефлю Адольф-Шарль-Эммануил (1804–1887), с 1871 по 1879 г. французский посол в России 97, 163
- Ливен Христофор Андреевич (1774–1838), барон (с 1799 г. граф, с 1826 г. светлейший князь), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; начальник Военно-походной канцелярии императора Павла I 317
- Лиленфельд Оттон Фёдорович (Отто Фридрих Август Генрих) (1827–1891), генерал-майор; с 1863 г. начальник Сестрорецкого оружейного завода 39
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь, действительный статский советник, статс-секретарь, сенатор, камергер; в 1867–1878 гг. товарищ министра внутренних дел; в 1878 г. посол в Турции, затем посол в Лондоне; с 1882 г. посол в Вене; в 1895–1896 гг. министр иностранных дел 177, 178
- Ломакин Николай Павлович (1830–?), генерал-майор, участник хивинского похода, старший помощник начальника Северного Дагестана 132
- Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1863–1875 гг. начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска; в 1876–1879 гг. командир Отдельного Кавказского корпуса; участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1879–1880 гг. временный харьковский генерал-губернатор, в 1880–1881 гг. председатель Верховной распорядительной комиссии и министр внутренних дел; член Государственного совета 392–397, 401, 404
- Лофтус Август, лорд, английский посол в России с 1871 по 1879 г. 92, 95, 175
- Лутковский Иван Сергеевич (1805–1888), генерал от артиллерии, генерал-адъютант; с 1862 г. член Военного

- совета и инспектор войск, в 1872—1884 г. председатель Главного военного-тюремного комитета 87
- Мак-Магон Мари Эдмон. Патрис Морис (1808—1893), герцог Мадженты и маршал Франции; в 1864—1870 г. генерал-губернатор Алжира, во время франко-прусской войны 1870—1871 г. командовал армией, затем — контрреволюционной армией «верховников», действовавшей против Парижской коммуны 1871 г., в 1873—1879 г. президент Французской республики, с 1879 г. — в отставке 170, 171
- Маков Лев Савич (1830—1883), действительный тайный советник, статс-секретарь; чиновник Земского отдела, с 1868 г. правитель Особенной канцелярии министра внутренних дел, с 1876 г. товарищ министра внутренних дел, в 1878—1879 г. управляющий Министерством внутренних дел, в 1879—1880 г. министр внутренних дел, в 1880—1881 г. возглавлял Министерство почт и телеграфов и Главное управление духовных дел иностранных исповеданий; член Государственного совета 394
- Мальцев Иван Сергеевич (1807—1880), действительный тайный советник, сенатор; крупный промышленник и землевладелец 136
- Мальцев Сергей Иванович (1810—1893), генерал-майор, промышленник, владелец ряда крупных заводов 130
- Мальцева Анастасия Николаевна (1820—1894), урожд. Урусова, жена С.И. Мальцева 130
- Мантейфель Эдвин Ганс Карл (1809—1885), граф, генерал-фельдмаршал; с 1848 г. флигель-альютант короля Пруссии, в 1865 г. губернатор Шлезвиг; руководитель военных операций в Германии во время австро-прусской войны 1866 г., во время франко-прусской войны 1870—1871 г. командовал I-м армейским корпусом, I-й германской и Южной армиями, по окончании войны командовал оставленной во Франции оккупационной армией, в 1876—1878 г. выполнял дипломатические поручения при русском дворе 58
- Мария Александровна (урожд. принцесса Гессен-Дармштадская Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария) (1824—1880), российская императрица, супруга императора Александра II 39, 40, 42, 44, 45, 51, 53, 57, 73, 79, 80, 89, 92, 102, 118, 128, 130, 132, 136, 138, 142, 157, 163, 191—193, 199, 202, 206
- Мария Александровна (1853—1920), великая княжна, дочь императора Александра II, с 1874 г. жена принца Альфреда Эрнеста Альберта, герцога Эдинбургского 40, 51, 53, 73, 102, 187
- Мария Луиза Александра (1808—?), жена прусского принца Карла Фридриха Александра 207
- Мария Николаевна (1814—1876), великая княгиня, дочь императора Николая I, в первом браке — за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, во втором (morganaticком) — за графом Г.А. Строгановым 100
- Мария Павловна (1854—1920), дочь Фридриха Франца II, великого герцога Мекленбург-Шверинского, с 1874 г. жена великого князя Владимира Александровича 132, 134, 198
- Мария Фёдоровна (Мария София Фредерика Дагмара) (1847—1928), дочь датского короля Христиана IX, с 1866 г. жена наследника престола великого князя Александра Александровича, российская императрица с 1881 г. 33, 43, 132, 143, 206
- Маркозов Василий Иванович (1838—1908), полковник, командир Красноводского отряда, принимавшего в 1873 г. участие в хивинском походе 33, 37
- Мартенс Фёдор Фёдорович (1845—1909), тайный советник, дипломат, юрист, публицист; в 1873—1905 г. профессор международного права Петербургско-

- го университета; в 1873 г. чиновник особых поручений при государственном канцлере А.М. Горчакове; с 1881 г. неперменный член Совета министра иностранных дел; с 1884 г. постоянный представитель России на международных конференциях Красного Креста; в 1899 и 1907 гг. представитель России на 1-й и 2-й Гаагской конференции мира 115
- Махмуд-Якуб-хан, в 1875 г. кашгарский посланник в России 200
- Махова Софья Николаевна, подруга Е.Д. Милютина 204
- Мезенцов (Мезенцев) Николай Владимирович (1827–1878), генерал-адъютант, генерал-лейтенант; с 1864 г. управляющий III Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии и начальник штаба Корпуса жандармов, в 1876–1878 гг. шеф Корпуса жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии; член Государственного совета 141, 187
- Мельников Павел Петрович (1804–1880), инженер-генерал, генерал-лейтенант; с 1862 г. и. д. главноуправляющего, с 1863 г. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, в 1865–1869 гг. министр путей сообщения; член Государственного совета 154, 173, 211
- Миллер, член строительного общества, бывший военный инженер 190, 192
- Милютин Алексей Дмитриевич (1845–1904), граф, генерал-майор; с 1865 г. флигель-адъютант, офицер лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, в 1892–1902 гг. курский губернатор; сын Д.А. Милютина 34, 35, 44, 46, 49–51, 54, 56, 58, 123, 124, 136, 138, 139, 170, 206, 345
- Милютин Алексей Михайлович (1780–1846), отец Д.А. Милютина 338–340, 352
- Милютин Алексей Яковлевич (1673–1755) 338
- Милютин Андрей Яковлевич 338
- Милютин Борис Алексеевич (1830–1886), действительный статский советник, юрист; товарищ главного военного прокурора; в 1859–1875 гг. чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири; брат Д.А. Милютина 339
- Милютин Владимир Алексеевич (1826–1855), экономист; профессор Петербургского университета; брат Д.А. Милютина 339
- Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), тайный советник, сенатор; в 1859–1861 гг. товарищ министра внутренних дел, деятель крестьянской реформы, в 1864–1866 гг. статс-секретарь по делам Царства Польского; член Государственного совета; брат Д.А. Милютина 96, 339, 340, 366
- Милютина Елена Дмитриевна (1857–1882), в замужестве Гершельман, младшая дочь Д.А. Милютина 31, 123, 158, 184, 206, 345
- Милютина Елена Николаевна (1864–1941), дочь Н.А. Милютина 136
- Милютина Елизавета Дмитриевна (1794–1838), урожд. Киселева, мать Д.А. Милютина 338
- Милютина Елизавета Дмитриевна (1844–1938), в замужестве Шаховская, дочь Д.А. Милютина, фрейлина императрицы Марии Александровны 40–42, 44, 45, 49, 51, 54, 57, 58, 89, 90, 92, 96, 123, 157, 159, 165, 166, 184, 186, 194, 199, 202, 203, 206, 345
- Милютина Мария Аггеевна (1834–1903), урожд. Абаза, жена Н.А. Милютина 32, 123, 136, 137, 180, 186
- Милютина Мария Алексеевна, см. *Мординова М.А.*
- Милютина Мария Дмитриевна (1854–1882), дочь Д.А. Милютина 31, 49, 123, 184, 345
- Милютина Мария Николаевна (1858 — не ранее 1897), дочь Н.А. Милютина 136
- Милютина Надежда Дмитриевна (1850–1913), в замужестве Долгорукая, дочь Д.А. Милютина 31, 50, 51, 53, 123, 158, 184, 203, 204, 345

- Милютин Наталья Михайловна (1820—1912), урожд. Понсэ, жена Д.А. Милютин 31, 37, 38, 42, 43, 50, 53, 54, 58, 123, 124, 146, 157, 159, 163, 165, 166, 184, 211, 213, 345, 401
- Милютин Ольга Дмитриевна (1848—1926), дочь Д.А. Милютин 31, 96, 123, 138, 147, 153, 157, 159, 165, 166, 184, 202—205, 345
- Милютин Прасковья Николаевна (1857—1929), дочь Н.А. Милютин, фрейлина двора 123, 136
- Милютины, дворянский род 338, 339
- Мирский, см. *Святополк-Мирский* Д.И.
- Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-фельдцейхмейстер, почетный член Петербургской АН; в 1862—1881 гг. наместник на Кавказе, в 1862—1865 гг. главнокомандующий Кавказской армией, в 1865—1881 гг. главнокомандующий войсками Кавказского военного округа, в 1881—1905 гг. председатель Государственного совета; с 1892 г. председатель Александровского комитета о раненых 28, 51, 53, 54, 61, 132, 134, 135, 147, 159, 162, 165, 193, 202, 359, 373, 393
- Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848), генерал-лейтенант, военный историк 347, 348
- Мольтке Гельмут Карл Бернгард (1800—1891), граф, фельдмаршал; в 1858—1888 гг. начальник Генерального штаба Пруссии и Германской империи 25, 170, 173, 317
- Мордвинов Дмитрий Сергеевич (1820—1894), генерал от артиллерии, генерал-адъютант; в 1865—1881 гг. начальник канцелярии Военного министерства 22, 23, 150, 168
- Мордвинов Иван Сергеевич, капитан, чиновник особых поручений окружного интендантского управления Одесского военного округа 47
- Мордвинов Семен Александрович (1825—1900), тайный советник, председатель Саратовской судебной палаты; с 1864 г. начальник Одесского таможенного округа; зять Д.А. Милютин 182, 183
- Мордвинова Мария Алексеевна (1822—1883), урожд. Милютин, в первом браке Авдулина, сестра Д.А. Милютин 37, 44, 46, 124, 170, 339
- Мулла-Турап-Ходжа-Умара (1830—?), в 1873 г. кашгарский посланник в России 39, 43
- Муравьев (с 1865 г. Муравьев-Виленский) Михаил Николаевич (1796—1866), граф, генерал от инфантерии, сенатор; в 1857—1861 гг. министр государственных имуществ, в 1863—1865 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края, в 1866 г. председатель Верховной следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова; член Государственного совета 366
- Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794—1866), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1854—1856 гг. наместник на Кавказе и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, с 1856 г. — в отставке; член Военного и Государственного советов 351
- Набоков Дмитрий Николаевич (1826—1904), гофмейстер двора великого князя Константина Николаевича; в 1867—1871 гг. управляющий Собственной Е. И. В. канцелярией по делам Царства Польского, в 1878—1885 гг. министр юстиции; член Государственного совета 75, 86—88, 92, 108, 109, 112, 166, 392
- Назимов Владимир Иванович (1802—1874), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1849—1854 гг. попечитель Московского учебного округа, в 1855—1863 гг. виленский генерал-губернатор; член Государственного совета 101
- Назимов Владимир Николаевич (1806—1889), генерал от инфантерии, член Военного совета 157
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император с 1804 по 1814 г. 169, 170, 326, 328

- Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873), император Франции в 1852–1870 гг. 207
- Наср-Эддин (Насир-эд-дин) (1831–1896), персидский шах с 1848 по 1896 г. 30–33
- Наср-Эддин, старший сын кокандского хана Худояра, в 1875–1876 гг. правитель Коканда 201
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) 402
- Непокойчицкий Артур Адамович (1813–1881), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1859–1876 гг. председатель Военно-кодификационного отдела при Военном совете Военного министерства; член Военного и Государственного советов 22, 143
- Николай Александрович (1868–1918), великий князь, старший сын великого князя цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III), с 1894 г. российский император Николай II 33, 70, 399
- Николай Константинович (1850–1918), великий князь, сын великого князя Константина Николаевича 118, 119, 123, 190, 191
- Николай Николаевич (Старший) (1831–1891), великий князь, третий сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, почетный член Петербургской АН; в 1864–1880 гг. главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа; член Государственного совета 29, 42, 60, 96, 98, 115, 132, 141, 179, 206, 322, 373, 381, 382
- Николай I (1796–1855), российский император с 1825 г. 98, 316–319, 349, 353, 359, 371
- Нич, инженер, управляющий имением князя С.В. Кочубея 50, 51
- Норденстам, полковник, начальник штаба Кавказских войск и Черноморья 345
- Норман, оружейный мастер Тульского оружейного завода 363
- Носович Павел Иванович (1829–1887), генерал-майор, директор Нижегородской графа Аракчеева военной гимназии 180
- Нотбек Владимир Васильевич фон (1825–1894), генерал от инфантерии; в 1870–1876 гг. начальник Тульского оружейного завода, с 1876 г. инспектор стрелковой части в войсках; с 1881 г. инспектор оружейных и патронных заводов; член Военного совета 54, 139
- Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь, тайный советник, статс-секретарь, сенатор; в 1862–1865 гг. председатель Комиссии для устройства цензуры, в 1866–1870 гг. директор Таможенного департамента Министерства финансов, в 1870–1872 гг. товарищ министра государственных имуществ; член Государственного совета 92, 94, 95, 167
- Обручев Николай Николаевич (1830–1904), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, почетный член Петербургской АН; с 1857 г. профессор Николаевской академии Генерального штаба, с 1867 г. главноуправляющий Военно-ученым комитетом, в 1881–1897 гг. начальник Главного штаба, председатель Военно-ученого комитета; член Государственного совета 22, 28, 31, 169, 380
- Овсянников Степан Тарасович, коммерции советник, хлеботорговец 168
- Олсуфьев Адам Васильевич (1833–1901), граф, генерал-майор 34, 58
- Ольга Фёдоровна (1839–1891), урожд. принцесса Баденская, великая княгиня, с 1857 г. жена великого князя Михаила Николаевича 53, 54, 128
- Орлов Николай Алексеевич (1827–1885), князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, дипломат; в 1859–1869 гг. посланник в Брюсселе, в 1869–1870 гг. — в Вене, в 1871–1882 гг. — в Париже, с 1884 г. — в Берлине 97, 170, 171
- Орлова-Денисова Елизавета Алексеевна (1817–1898), урожд. Никитина, графиня

- ня, вдова генерал-адъютанта Фёдора Васильевича Орлова-Денисова 167
- Оскар II Фридрих (1829–1907), король Швеции с 1872 г. 187–190
- Остелецкий Павел Яковлевич, полковник, директор военной прогимназии в Вольске 182
- Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1790–1881), граф, генерал-адъютант, член Государственного совета 138, 147
- Остен-Сакен Фёдор Романович фон-дер (1832–1916), барон, действительный статский советник; вице-директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел; в 1875–1897 гг. директор Департамента внутренних сношений 132
- Островский Михаил Николаевич (1827–1901), действительный тайный советник, сенатор; с 1871 г. товарищ государственного контролера, в 1881–1893 гг. министр государственных имуществ; в 1893–1899 гг. директор Департамента законов Государственного совета; член Государственного совета 167
- Павел I Петрович (1754–1801), российский император с 1796 г. 316, 317, 348
- Павел Фридрих Вильгельм Генрих (1852–?), принц Мекленбург-Шверинский, лейтенант прусской армии 134
- Павлов Михаил Григорьевич (1792–1840), доктор медицины, профессор физики, минералогии и сельского хозяйства Московского университета 340
- Пален Константин Иванович фон-дер (1833–1912), граф, действительный тайный советник, обер-камергер; в 1864–1867 гг. псковский губернатор, в 1867 г. товарищ министра юстиции; в 1868–1878 гг. — министр юстиции; член Государственного совета 27, 62, 64, 69, 75, 109, 150, 160, 166, 169
- Панаев Иван Иванович (1812–1862), писатель, журналист, автор «Литературных воспоминаний», один из редакторов журнала «Современник» 402
- Панаева Авдотья Яковлевна (1820–1893), писательница 402
- Паукер Герман Егорович (1822–1889), военный инженер, профессор механики Военно-инженерной академии 39
- Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880), физик, математик, астроном, профессор Московского университета 340
- Перетц Егор Абрамович (1833–1899), действительный тайный советник; в 1869 г. и. д. статс-секретаря, с 1871 г. статс-секретарь Департамента законов Государственного совета; в 1872 г. статс-секретарь Е. И. В.; в 1878–1883 гг. государственный секретарь 71, 403, 404
- Пётр I Великий (1672–1725), русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г. 338
- Пётр Георгиевич (1812–1881), принц Ольденбургский, сын великой княгини Екатерины Павловны; генерал от инфантерии, сенатор; в 1860–1881 гг. главноуправляющий IV Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии; член Государственного совета 23, 27, 31, 65, 94–96, 122, 141
- Пётр Ш Фёдорович (1728–1762), российский император с 1861 г. 377
- Перуджино Пьетро (настоящее имя Вануччи) (1445–1523), итальянский живописец умбрийской школы, учитель Рафаэля 209
- Пий IX (в миру — Маста Феррети Ян Мария) (1792–1878), папа Римский с 1846 г. 157
- Плюшар Адольф Александрович (1806–1865), издатель, книгопродавец 341
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), действительный тайный советник, сенатор; юрист, литератор; с 1860 г. профессор Московского университета; с 1865 г. член Консультации при Министерстве юстиции, в 1880–1905 гг. обер-прокурор Св. Синода и член Комитета министров; с 1894 г. статс-секретарь; член Государственного совета 62–64, 105, 392, 394, 396

- Покотилов Дмитрий Викторович (1842–1899), подполковник, состоящий для особых поручений при Главном управлении военно-учебными заведениями 180, 182
- Понсе Евгений Михайлович, брат жены Д.А. Милютина 48, 184
- Понсе (Понсэ) Анна Евгеньевна (1857–?), дочь Е.М. Понсе, племянница Д.А. Милютина 50, 123, 158, 184, 213
- Понсэ (Понсет) Михаил Иванович (1780–1828), генерал-лейтенант; участник кампании 1806–1807 гг., Отечественной войны 1812 г., кампании 1813–1814 гг. и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. 345
- Попель Маркелл, старший протоиерей Холмского кафедрального собора, с 1871 г. управляющий Холмской епархией, в 1875 г., после воссоединения униатов с православною церковью, архиепископ Люблинский 112, 157
- Поплавский, агент строительного общества 53, 54, 136
- Попов Александр Протогенович (1827–1887), архитектор-археолог 53
- Попов Андрей Александрович (1821–1898), адмирал, генерал-адъютант; в 1861 г. действительный член Морского ученого и Кораблестроительного технического комитетов; в 1862–1864 гг. командир эскадры Тихого океана; в 1863–1864 гг. командир эскадры в Американской экспедиции русского флота; с 1865 г. занимался научной работой и проектированием броненосных военных судов; с 1876 г. член Адмиралтейств-совета; с 1880 г. председатель Кораблестроительного отделения Морского технического комитета 48, 197
- Посьет Константин Николаевич (1819–1899), адмирал, генерал-адъютант; в 1858–1871 гг. воспитатель великого князя Алексея Александровича; с 1869 г. член Комитета морских учебных заведений; в 1870 г. руководитель экспедиции к острову Новая Земля; в 1874–1888 гг. министр путей сообщения; член Государственного совета 126, 127, 129, 147, 154, 158–160, 163, 164, 173, 201, 211, 394
- Потапов Александр Львович (1818–1886), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1861–1864 гг. начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1864–1865 гг. помощник виленского генерал-губернатора по гражданской части, в 1865–1868 гг. наказной атаман Донского казачьего войска, в 1868–1874 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края и командующий войсками Виленского военного округа, в 1874–1876 гг. шеф Корпуса жандармов и главноуправляющий III Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии 92, 124, 126, 131, 141, 143, 160, 168, 169, 187, 197, 201, 206
- Потто Василий Александрович (1836–1911), полковник, военный историк, автор труда «Кавказская война в очерках, легендах и биографиях» 30
- Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888), путешественник, географ, натуралист 100, 106
- Проценко Александр Петрович, полковник, в 1868–1878 гг. заведующий Азиатской частью Главного штаба 132
- Прянишников Ипполит Петрович (1847–1921), первый баритон императорской русской оперы в С.-Петербурге 204
- Прянишниковы 204
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) 340, 352
- Пушин Михаил Николаевич (1842–1878), ротмистр гвардии, адъютант военного министра 41
- Пясецкий Павел Яковлевич (1843–?), доктор медицины, путешественник, писатель 49
- Раден Эдита Фёдоровна (1825–1885), баронесса, фрейлина великой княгини Елены Павловны 47
- Раевский Николай Николаевич (1839–1876), подполковник, в 1876 г. коман-

дующий отдельным отрядом сербской армии 50

Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский художник эпохи Возрождения 209

Рейсс Генрих (1825—1906), прусский принц, дипломат; в 1867—1876 гг. посол в России, в 1877—1878 гг. — в Турции, в 1878—1894 гг. — в Австрии 25—27, 58, 95, 166, 373

Рейтерн Михаил Христофорович (1820—1890), граф, статс-секретарь, действительный тайный советник; в 1862—1878 гг. министр финансов, в 1881—1886 гг. председатель Комитета министров; член Государственного совета 56, 58, 65, 75, 81, 92, 111, 121, 126, 127, 129, 130, 141, 147, 154, 159, 163—165, 177, 212

Ридигер Фёдор Васильевич (1783—1856), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1855 г. главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами; в 1855—1856 гг. председатель Комиссии для улучшения по военной части; член Государственного совета 321, 349

Рихтер Оттон Борисович (1830—1908), генерал от инфантерии; генерал-адъютант; с 1866 г. начальник штаба Петербургского военного округа, затем начальник 13-й пехотной дивизии; в 1881—1898 гг. командующий Императорской Главной квартирой и начальник Военно-походной Е. И. В. канцелярии; член Государственного совета 185

Роон Альбрехт Теодор Эмиль (1803—1879), граф, прусский фельдмаршал; с 1850 г. член Комитета по реорганизации армии, с 1859 г. военный министр, с 1861 г. министр по морским делам, в 1871—1872 гг. глава прусского кабинета министров 379

Ростовцев Яков Иванович (1803—1860), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1835 г. начальник штаба Военно-учебных заведений, с 1843 г. — их главный начальник, в 1857—1860 гг. член Секретного, затем — Главного ко-

митетов по крестьянскому делу, председатель Редакционных комиссий; член Государственного совета и Александровского комитета о раненых 347

Русель, швейцарский врач 109

Руссель, лорд Одо, английский посол в Берлине с 1871 по 1884 г. 174

Рылеев Александр Михайлович (1830—1907), генерал-адъютант; в 1864—1881 гг. комендант Императорской Главной квартиры 201

Сабанин Николай Александрович (?—1875), полковник в отставке 194

Сабуров Пётр Александрович (1835—1918), действительный статский советник; в 1870—1879 гг. русский посол в Греции, в 1879—1884 гг. — в Германии; с 1890 г. член Государственного совета 382, 386, 399

Саломон Александр Григорьевич, винодел-химик Магарачского училища виноделия и садоводства при Никитском саде 53

Салтыков Александр Михайлович (1828—?), генерал-адъютант, генерал-лейтенант; с 1861 г. производитель дел Военно-походной канцелярии, с 1869 г. флигель-адъютант, с 1871 г. генерал-майор Свиты Е. И. В. 201

Самарин Юрий Фёдорович (1819—1876), философ, историк, публицист, общественный деятель, славянофил; в 1859—1860 гг. член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1863—1864 гг. участвовал в подготовке проекта крестьянской реформы в Царстве Польском, в 1866—1876 гг. гласный Московской городской думы и губернского земского собрания 370, 371

Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825—1899), князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1860—1863 гг. начальник Терской области, затем — кутаисский генерал-губернатор, в 1876—1880 гг. помощник кавказского наместника; член Государственного совета 147, 158, 159, 162—165, 370

- Сеид-Мозаффар-Эдинн (Музаффархан), эмир Бухарский в 1860—1885 гг. 38
- Сеид-Мухаммед-Рахим-хан (1845—1910), хивинский хан с 1861 г. 36, 37, 46, 50
- Селифонтов Николай Николаевич (1836—1900), тайный советник, сенатор; в 1872—1875 гг. председатель Совещательного комитета Министерства путей сообщений; в 1872—1880 гг. и 1885—1889 гг. товарищ министра путей сообщения 141
- Семека Владимир Саввич (1816—1897), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1856 г. начальник штаба 3-го армейского корпуса, с 1861 г. командир 6-й пехотной дивизии, в 1870—1879 гг. командующий войсками Одесского военного округа; член Военного совета 88, 201
- Семёнов-Тян-Шанский Пётр Петрович (1827—1914), географ, энтомолог, путешественник, статистик, почетный член Петербургской АН; в 1859—1860 гг. член-эксперт Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в 1864—1875 гг. директор Центрального статистического комитета, в 1875—1897 гг. председатель Статистического совета Министерства внутренних дел; с 1873 г. вице-президент Русского географического общества; член Государственного совета 174
- Семечкин Леонид Павлович (?—1889), капитан-лейтенант 1-го ранга, адъютант великого князя Константина Николаевича 161
- Сен-Сир Гувьон (1764—1830), маршал Франции с 1817 по 1819 г., после реставрации Бурбонов военный министр 341
- Сербуленко, главный винодел Никитского сада в Магараче 53
- Сипягин Всеволод Николаевич (1819—1893), генерал-майор, состоящий для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа 199
- Сказкин Сергей Данилович (1890—1973), советский историк, академик АН СССР 384
- Скалон Дмитрий Антонович (1840—?), генерал от кавалерии; председатель Русского военно-исторического общества, военный писатель; во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. состоял адъютантом главнокомандующего великого князя Николая Николаевича 382
- Скарятин Николай Яковлевич, действительный статский советник, в 1866—1880 гг. казанский губернатор 181
- Скворцов Николай Николаевич (1827—1895), генерал-майор, окружной интендант Петербургского военного округа 168
- Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; участник Хивинского похода 1873 г. и подавления Кокандского восстания 1873—1876 гг.; с 1876 г. военный губернатор и командующий войсками Ферганской области; в 1877—1878 гг. состоял при штабе главнокомандующего, затем начальник штаба Сводной казачьей дивизией, командир Кавказской казачьей бригады во время 2-го штурма Плевны (июль 1877 г.); командир левого фланга русских войск во время 3-го штурма Плевны (август 1877 г.); командир 16-й пехотной дивизии во время зимнего перехода через Балканы и сражения при Шипке-Шейново (февраль 1878 г.); в 1878—1880 гг. командир корпуса, в 1880—1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией, во время которой была завоевана Туркмения 206, 400
- Снессоров (Снессарев) Николай Аполлонович (1838—1914?), полковник, с 1881 г. генерал-майор; с 1871 г. совещательный член Оружейного отдела Артиллерийского комитета Военного министерства, с 1878 г. помощник начальника артиллерии Восточно-Сибирского военного округа; с 1879 г. член, с 1885 г. управляющий делами Артиллерийского комитета 112
- Сольский Дмитрий Мартынович (1833—1910), граф, действительный статский

- советник, статс-секретарь; с 1863 г. товарищ главноуправляющего II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии, в 1867–1878 гг. государственный секретарь, в 1878–1889 гг. государственный контролер; член Государственного совета 58–59, 71, 81, 207, 211
- Спичаков, полковник 48
- Стремоухов Пётр Николаевич (1823–1885), действительный тайный советник; в 1864–1875 гг. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел 132, 158, 159, 162
- Строганов Сергей Григорьевич (1794–1882), граф, почетный член Петербургской АН, генерал-лейтенант, генерал-адъютант; в 1860–1865 гг. воспитатель великого князя цесаревича Николая Александровича; председатель Общества истории и древностей российских; член Государственного совета 32, 63, 69, 93–95, 211, 212, 393, 394
- Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882), князь Итальянский, граф Рымникский, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1856–1860 гг. рижский, в 1861–1866 гг. петербургский генерал-губернатор, с 1866 г. генерал-инспектор всей пехоты; член Государственного совета; внук полководца А.В. Суворова 91
- Суворов Александр Васильевич (1730–1800), князь Итальянский, граф Рымникский 341, 342, 348, 400
- Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич (1820–1877), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант; в 1875–1877 гг. командующий войсками Харьковского военного округа 210
- Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871), граф, генерал от артиллерии, генерал-адъютант; в 1856–1861 гг. военный министр; член Государственного совета 350, 352
- Тарновский Вениамин Михайлович (1839–1906), профессор Петербургской Медико-хирургической академии 175, 176
- Татищев Сергей Спиридонович (1846–1906), публицист, историк; в 1864–1877 гг. секретарь консульства в Рагузе, миссии в Афинах и посольства в Вене 382
- Терри, изобретатель в области стрелкового оружия 363
- Тизенгаузен Екатерина Фёдоровна (1803–1888), графиня, камер-фрейлина императрицы Марии Александровны 202
- Тилло Алексей Андреевич (1839–1899), полковник, командир 148-го Каспийского полка 120
- Тимашёв Александр Егорович (1818–1893), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1867–1868 гг. министр почт и телеграфов, в 1868–1877 гг. министр внутренних дел; член Государственного совета 56, 62, 65, 69, 75, 86, 88, 92, 103, 104, 108, 112, 116, 141, 146, 150, 157, 160, 169, 178, 370, 387, 389
- Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889), граф, действительный тайный советник, гофмейстер; в 1865–1880 гг. обер-прокурор Св. Синода, в 1866–1880 гг. министр народного просвещения, с мая 1882 г. министр внутренних дел; член Государственного совета 23, 24, 27, 55, 59–62, 64, 66, 67, 69, 71–73, 75, 86, 92, 94–96, 104, 105, 108, 109, 112, 116, 121, 122, 126, 127, 141, 143, 146, 150, 157, 167, 174, 177, 178, 185, 369, 376, 377, 387, 392
- Толстой Фёдор Петрович (1783–1873), граф; живописец; в 1828–1859 гг. вице-президент, с 1859 г. товарищ президента Академии художеств 37
- Тотлебен Эдуард Иванович (1818–1884), граф, инженер-генерал, генерал-адъютант, почетный член Петербургской АН; в 1863–1877 гг. товарищ генерал-инспектора по инженерной части (фактический глава военно-инженерного ведомства), в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. руководил осадой Плевны, в апреле 1878 — январе 1879 г. главнокомандующий действующей армией, с 1880 г. виленский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского воен-

- ного округа; член Государственного совета 24, 29, 98, 100, 202
- Трепов Фёдор Фёдорович (1809–1889), генерал от кавалерии генерал-адъютант; в 1866–1873 гг. петербургский обер-полицмейстер, в 1873–1878 гг. градоначальник Петербурга 46, 47, 73, 98, 118, 126, 127, 140, 141, 206
- Тресков, генерал-лейтенант германской службы 58
- Троцкий Виталий Николаевич (1835–1901), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; с 1867 г. начальник штаба войск Сыр-Дарьинской области; с 1869 г. помощник командующего войсками Сыр-Дарьинской области; в 1870 г. принял участие в шахрисябской экспедиции; в 1873–1876 гг. — в покорении Кульджинского ханства 106
- Трубецкой Сергей Никитич (1829–1899), князь, генерал-майор, состоящий при главнокомандующем Кавказской армией, начальник походной канцелярии наместника Кавказа 202
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) 354
- Тыртов Алексей Петрович, генерал-майор, директор Михайловской военной гимназии в Воронеже 183
- Тьер Луи Адольф (1797–1877), французский историк; в 1871–1873 гг. президент Французской республики, с 1873 г. — в отставке 209
- Унковский Иван Семенович (1822–1886), адмирал; сенатор; в 1842–1844 гг. адъютант командира Черноморского флота и портов М.П. Лазарева; с 1848 г. командир яхты «Орианда»; с 1850 г. командир брига «Эней», в 1852–1854 гг. капитан фрегата «Паллада» во время дипломатической миссии вице-адмирала Е.В. Путятина в Японию; с 1857 г. капитан винтового фрегата «Аскольд»; в 1861–1877 гг. ярославский губернатор; в 1878–1886 гг. председатель Московского присутствия Опекунского совета 180
- Урусов Сергей Николаевич (1816–1883), князь, сенатор, тайный советник, камергер; в 1867–1881 гг. главноуправляющий II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии; в 1872–1882 гг. председатель Департамента законов Государственного совета 69, 70, 75, 178
- Уфабрице Георг Фридрих Альфред (1818–1891), саксонский генерал, в 1871 г. командующий немецкой оккупационной армией 58
- Уфаев Ростислав Андреевич (1824–1883), военный историк, писатель, публицист, генерал-майор; сотрудничал в газете «Московские ведомости», журналах «Весть», «Русский вестник» и «Русский мир» 370–372, 403
- Уфаев Адольф Данилович (1821–1880), инженер, генерал-майор 147
- Уфан-дер-Флит Константин Петрович, капитан, адъютант командующего войсками Туркестанского военного округа 37, 38, 50
- Уфаев, подрядчик 168
- Уфаев Евгений Михайлович (1829–1898), сотрудник газеты «Русский инвалид», в 1871–1882 гг. редактор «Журнала министерства народного просвещения», в 1883–1896 гг. начальник Главного управления по делам печати 364, 365
- Уфаев I (1793–1875), австрийский император с 1835 по 1848 г. 186
- Уфаев Сергей Яковлевич, штабс-капитан фельдегерского корпуса 49
- Уфаев Григорий Иванович (1805–1883), генерал от инфантерии, сенатор; с 1857 г. наказной атаман Черноморского казачьего войска; командир бригады 19-й пехотной дивизии, командующий войсками Правого крыла Кавказской линии; с 1860 г. начальник штаба Кавказской армии; в 1861–1862 гг. попечитель Петербургского учебного округа 209
- Уфаев Фитингоф, барон 96
- Уфаев Василий Маркович (1833–1899), профессор Петербургской Медико-хирургической академии по кафедре акушерства 177

- Франкини Виктор Антонович (1820–1892), генерал-майор, начальник военно-горского управления Кавказского военного округа 132
- Франц-Иосиф I (1830–1916), австрийский император с 1848 г. 73, 97–100, 349, 378
- Фредерик Александр Александрович, барон, статский советник, в 1868–1876 гг. нижегородский вице-губернатор 180
- Фредерикс Платон Александрович (1828–1888), барон, генерал-адъютант; в 1843–1854 гг. президент Приворотной конюшенной конторы Министрства императорского двора; в 1873–1879 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири 112
- Фридрих (Христиан Фридрих Вильгельм Карл) (1843–1912), датский кронпринц, старший сын Христиана IX 87, 88, 92
- Фридрих Вильгельм IV (1795–1861), прусский король с 1840 г. 349
- Фридрих Вильгельм (1831–1888), сын прусского короля Вильгельма I, кронпринц Германский, с 1888 г. германский император Фридрих III 87, 88, 92, 95
- Фридрих Франц III (1851–1897), наследный принц Мекленбург-Шверинский, герцог Мекленбург-Шверинский с 1883 г. 128
- Фундуклей Иван Иванович (1804–1880), действительный тайный советник; член Государственного совета 136, 137
- Хрущёв (Хрушов) Александр Петрович (1806–1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1866–1874 гг. генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками округа; член Государственного совета 84, 87
- Худояр-хан (1829–?), кокандский хан из династии Минг, сын Шир-Али-хана; правил в 1845–1875 гг., неоднократно свергался с престола мятежными феодалами 193, 201
- Цабель Николай Егорович (1831–?), ботаник, в 1866–1880 гг. директор Никитского сада в Магараче 53
- Циммерберг, юнкер Михайловского артиллерийского училища 71
- Цион Илья Фаддеевич (1842–1912), физиолог, профессор Петербургского университета и Медико-хирургической академии 140
- Чаадаев Пётр Яковлевич (1794–1856) 340
- Чевкин Константин Владимирович (1803–1875), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, сенатор; в 1855–1862 гг. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, в 1863–1872 гг. председатель Департамента государственной экономии Государственного совета 35, 36, 40, 154, 159, 163, 167, 173
- Чепелевская Прасковья Ильинична (1832–1881), содержательница Кирилло-Мефодиевского пансиона в Москве 370
- Черевин Пётр Александрович (1837–1896), генерал-лейтенант; в 1880–1881 гг. товарищ министра внутренних дел 392
- Черепанов П.П. 138
- Чернышёв Александр Иванович (1785–1857), светлейший князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии; в 1827–1832 гг. управляющий Генеральным штабом и Военным министерством, в 1832–1852 гг. военный министр; в 1848–1856 гг. председатель Государственного совета и председатель Комитета министров 316, 348
- Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) 402
- Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), генерал-лейтенант; в 1864–1865 гг. командир особого Западного отряда в Средней Азии, в 1865–1866 гг. военный губернатор Туркестанской области, с 1866 г. — в отставке, с 1867 г. — в Генеральном штабе, в 1875–1876 гг. редактор-издатель жур-

- нала «Русский мир», в 1876 г. командующий Главной сербской армией, в 1882–1884 гг. туркестанский генерал-губернатор; член Военного совета 168, 169, 372, 403
- Числова Екатерина Гавриловна (1845–1889), с 1862 по 1876 г. артистка петербургского балета 206
- Чистович Яков Алексеевич (1820–1885), доктор медицины, действительный тайный советник; с 1859 г. ординарный профессор Петербургской Медико-хирургической академии; с 1869 г. совещательный, а с 1873 г. неперменный член Военно-медицинского учебного комитета, в 1871–1873 гг. начальник Петербургской Медико-хирургической академии 140
- Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), профессор Московского университета по кафедре государственного права, общественный деятель 354, 399, 401, 402
- Шамиль** (1799–1871), сын аварского узденя; с 1834 г. имам Чечни и Дагестана, возглавивший борьбу горцев Кавказа против России под знаменем мюридизма, в 1859 г. пленен и сослан в Калугу, умер в Медине 342, 351, 403
- Шамшин Павел Иванович** (1831–?), тайный советник; директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов 135
- Шатилов Павел Николаевич** (1822–1887), генерал-лейтенант; начальник 40-й пехотной дивизии 182, 183
- Швейниц Ганс Лотарь** (1822–1901), граф, прусский генерал и военный агент; в 1869–1876 гг. посол в Вене, в 1876–1893 гг. — в Петербурге 383, 397
- Шервашидзе**, княжеский род 135
- Шернваль Канут Генрихович**, тайный советник, инженер, начальник управления железных дорог Министерства путей сообщения 173
- Ширинский-Шихматов Александр Прохорович** (1822–1884), князь, тайный советник, сенатор; в 1874–1880 гг. товарищ министра народного просвещения 81
- Шнигников Николай Фёдорович** (?–1881), полковник; офицер Главного штаба, участвовал в подготовке закона о введении воинской повинности 28, 31
- Штейнгель Вячеслав Владимирович** (1823–1897), барон, генерал-лейтенант; управляющий Интендантским музеем 109
- Штилле**, генерал-майор германской службы 58
- Шторх Николай Андреевич** (1815–1877), действительный тайный советник; с 1869 г. товарищ главноуправляющего IV Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии 194
- Шубин**, городской голова Ярославля 180
- Шувалов Павел Андреевич** (1830–1908), граф, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1885–1894 гг. российский посол в Берлине; член Государственного совета 372
- Шувалов Пётр Андреевич** (1827–1889), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1857–1860 гг. петербургский обер-полицмейстер, с 1860 г. директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, в 1864–1866 гг. рижский генерал-губернатор и командующий войсками Рижского военного округа, в 1866–1874 гг. шеф Корпуса жандармов и главноуправляющий III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии; в 1874–1879 гг. посол в Великобритании; член Государственного совета 25, 56, 58, 60, 62, 64, 66, 69–71, 75, 86–88, 103–105, 109, 112, 117, 124, 126, 127, 129–132, 153, 158, 159, 163, 197, 369, 370, 372, 376, 379, 387
- Щербатов Александр Алексеевич** (1829–1902), князь; в 1863–1869 гг. московский городской голова, затем (до 1883 г.) гласный Московской городской думы 370

- Эйлер Елизавета Павловна, фрейлина императрицы Марии Александровны 174
- Эллиот Генри (1817–?), лорд, с 1867 по 1877 г. английский посол в Турции, с 1878 по 1884 г. посол в Австрии 194
- Эрнст II (1818–1893), герцог Саксен-Кобург-Готский 87
- Эссен Отто Васильевич (1828–1876), тайный советник; с 1872 г. товарищ министра юстиции 166, 177, 178
- Юнге Екатерина Фёдоровна (1843–?), урожд. графиня Толстая, жена профессора Э.А. Юнге 37
- Юнге Эдуард Андреевич (1833–1898), действительный статский советник, профессор-окулист Петербургской Медико-хирургической академии 37
- Якобсон Иван Давидович (1804–1874), действительный тайный советник; в 1861–1864 гг. управляющий комиссариатским департаментом Военного министерства; член Военного совета 36
- Яковлев Георгий Георгиевич (1824–1883), генерал-майор; член и управляющий делами Главного комитета по устройству и образованию войск 40, 41
- Якуб-бек (Магомет-Якуб-бек Бадаулет) (1820–1877), правитель Кашгара 43
- Якуб-хан, см. *Махмуд-Якуб-хан*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Австрия 124, 128, 169, 327, 349, 358, 379
Австро-Венгрия 317
Аландские острова 349
Алекسانдро-Невская лавра 200
Александров, г. 385
Александровская, ж.-д. станция 128
Алупка, г. 184, 202
Америка 363
Аму-Дарья, р. 38, 46, 100, 118, 155
Англия 43, 54, 138, 159, 163, 174, 196,
317, 344, 367, 386
Асландуз 159, 165
Атрек, р. 37
Афганистан 158, 386
Ахульго 342
- Баден, г. 171–172, 202, 203
Базель, г. 170
Байдары, с. 138
Баку, г. 35, 159, 165
Балканский полуостров (Балканы) 344,
381, 382, 384
Балтийское море 349
Батурин, г. в Черниговской губ. 45, 200
Бахчисарай, г. 138
Бегуницы 42
Белосток, г. 136
Бельгия 170, 344
Берлин, г. 60, 159, 170, 171, 173, 174, 206,
209, 378, 386
Бесарабия 184
Ближний Восток 379, 386
Босния 208
Брест (Брест-Литовский), г. 98, 136
Брюссель, г. 115
Брянск, г. 191
Бухара, г. 44
- Варшава, г. 39, 84, 86–88, 124, 213, 331–
333, 373
Ватикан 157, 389
- Великое княжество Финляндское 365
Вена, г. 34, 123, 186, 203, 211
Венеция, г. 203
Вильно, г. 39, 124, 332
Висбаден, г. 163, 165, 166
Волга, р. 106, 124, 179, 180, 197
Волочиск, г. 203
Вольск, г. 182
Ворожба, г. 33
Воронеж, г. 183, 184
Воронино 42
Выборг, г. 37, 46
Вятка, г. 172, 173, 211
- Галиция 203
Гасан-Кадиклар 194
Гатчина, г. 27, 97, 192, 397
Генуя, г. 204
Германия, Германская империя 174, 334,
344, 378, 379, 385, 397
Герцеговина 193, 194, 208
Гималайский хребет 154
Голландия 344
Гродно, г. 39
Грязи, ж.-д. станция 184
Гуниб, аул 30
- Динабург, г. 39–40
Джультфа, г. 159
Днепр, р. 328
Дон, р. 157, 170
Донская область (Область войска Дон-
ского) 157–160
Дунайские княжества 349
- Европа 25, 37, 75, 84, 142, 154, 171, 190,
211, 326–328, 344, 353, 362, 371, 372,
378, 379, 384, 396, 401
Египет 363
Елец, г. 184
Елизаветград, г. 138

- Железноводск, г. 130
 Женева, г. 109
- Закавказский край 380
 Закаспийский край 132
 Западная Двина, р. 328
 Зиммеринг, г. 203
 Знаменка, ж.-д. станция 33
- Ивангород, г. 98
 Ижора, р. 132
 Индия 154
 Испания 148
 Италия 96, 204, 317, 344
- Кавказ 28, 37, 113, 114, 124, 130, 159, 206, 320, 328, 342–346, 351, 397, 403
 Кавказские минеральные воды 123
 Казань, г. 23, 173, 181, 182
 Каралез 138
 Касково 42
 Кенигсберг, г. 385
 Киев, г. 98, 200, 201, 332
 Кикинеис, станция 54
 Клин, г. 195
 Кобленц, г. 170
 Коканское (Кокандское) ханство 196, 197, 201, 206, 379
 Кокос 138
 Колпино, ж.-д. станция 45, 143, 195, 200
 Конотоп, г. 200
 Константинополь, г. 194, 200, 384
 Корасан, г. 50
 Коробки, д. 353
 Красноводск, г. 33, 37
 Красное Село, г. 40, 41, 48, 124–126, 131, 132, 186, 187, 189, 191–193
 Кривой Рог, г. 161
 Кронштадт, г. 32, 39, 41, 43, 44, 100, 128, 134, 189, 193
 Крым 27, 34, 37, 38, 42–44, 46–49, 54–56, 58, 123, 124, 128, 130, 133, 137, 138, 147, 153, 159, 186, 190, 192–194, 205, 206, 208, 211, 213, 398, 402
 Курск, г. 186
- Ливадия 44, 45, 49–54, 134, 136–138, 142, 193, 202, 203, 206, 389
 Лозовая, ж.-д. станция 32, 33, 180, 183, 184
- Лондон, г. 124, 126, 127, 142, 153, 158, 187, 368
 Лопухинка 41, 42
 Люблинская губерния 108, 109, 155
- Магарач 53
 Мадрид, г. 148
 Малый Кавказ 159
 Мекленбург-Шверин 119
 Меласс 47, 49, 50, 53, 54
 Мерв, г. 158
 Мерефа, г. 33
 Мец, г. 170
 Милан, г. 204
 Мисхор, приморская курортная местность на южном берегу Крыма 51, 53
 Миусский округ 157
 Михайловское 128
 Монголия 106
 Москва, г. 42, 47, 54, 55, 60, 95, 96, 100, 123, 128, 138–140, 179, 186, 194, 195, 197, 199, 200, 338, 339, 370, 376, 399, 401
 Мраморное море 384
 Мшатка 138
- Небрезина 203
 Нижний Новгород, г. 173, 180
 Николаев, г. 29
 Ницца, г. 203–205
 Новороссийский край 158
- Одесса, г. 47, 54, 88, 123, 136, 146, 201, 203
 Ольмюц, г. 349
 Ораниенбаум, г. 43
 Орел, г. 184
 Оренбург, г. 35, 139
 Орианда 50, 53, 202, 399
 Орск, г. 49
- Павловск, г. 41, 123, 175, 176, 194
 Париж, г. 97, 115, 142, 170, 206
 Партенит 50
 Пензенская губ. 120
 Переярово 42
 Пермь, г. 172, 173, 211
 Персия 31, 159, 163, 170, 386
 Петербург, г. 21, 25–29, 31, 33, 35, 37, 39–45, 54, 55, 68, 89, 96, 99, 100, 102,

- 104, 111, 120, 123–126, 134, 136, 139–142, 144, 170, 176, 179, 184–186, 188, 190, 191, 195, 199, 200, 202–207, 213, 316, 330, 332, 338, 340, 342–346, 351, 373, 383, 397, 399
- Петергоф, г. 125, 186–189, 191, 192
- Петропавловская крепость 97, 187
- Плевен (Плевна), г. 381, 383
- Познань, г. 385
- Полтава, г. 27, 33, 47
- Польша (Царство Польское) 84–87, 108, 109, 112, 121, 166, 167, 328, 334, 352, 355, 366, 388, 390
- Поти, г. 123
- Потсдам, г. 349
- Прибалтика 367
- Пруссия 169, 317, 326–329, 358, 376, 378, 385
- Рейн, р. 170
- Ромны, г. 32, 33
- Ропша, г. 41, 42, 132
- Россия (Российская империя) 38, 55, 65, 70, 94, 102, 109, 119, 127, 128, 154, 166, 169, 171, 176, 190, 197, 203, 316, 325, 328, 329, 332, 334, 343, 344, 347–349, 351, 353, 356, 357, 363, 365–368, 371, 373, 375, 378–380, 383, 387, 389, 395, 398–400, 402
- Самара, г. 173
- Самарканд, г. 44
- Самарская губерния 56, 58
- Сан-Ремо, г. 142
- Саратов, г. 49, 182, 183
- Сары-Камыш, озеро 37
- Севастополь, г. 24, 48, 49, 54, 98, 139, 184, 185, 190, 202
- Седлецкая губерния 85, 108, 109, 112, 155
- Сестрорецк, г. 38, 39
- Симбирск, г. 182
- Симеис, крымское имение 27, 42, 48, 50, 51, 53, 54, 123, 124, 130, 136, 138, 139, 143, 159, 184, 190, 192, 194, 200, 202, 398, 399, 402
- Симферополь, г. 139, 185
- Соляной городок 106, 165
- Средиземное море 361
- Средняя Азия 37, 113, 114, 158, 367, 368, 379, 403
- Тавриз (Тебриз), г. 147, 159
- Тамбовская губ. 31, 38
- Ташкент, г. 44, 46
- Тибет 100, 106
- Титово, с. 339
- Тифлис, г. 159, 162, 182, 331
- Томск, г. 403
- Торн 385
- Транзунд 42–44, 134
- Тула, г. 54, 139, 186, 200
- Туркестанский край 154, 196
- Туркмения 386
- Турция (Оттоманская империя) 187, 194, 211, 349, 379, 384, 386
- Тюмень, г. 173
- Урзуф, г. 136, 137
- Фастово, ж.-д станция 32, 33
- Франция 170, 171, 173, 174, 317, 327, 328, 344, 348, 353, 358, 371
- Харьков, г. 33, 47, 139, 184, 185, 209, 210
- Хива, г. 34–38, 44, 46, 50
- Ходынское поле 195
- Царское Село, г. 27–29, 33, 35, 39–42, 44, 45, 124–126, 128, 129, 131–134, 143, 144, 179, 188, 191, 193, 194, 199, 200, 206
- Черная речка 46
- Черное море 384
- Чижишляр, с. Красноводского уезда Закаспийской области 37
- Швейцария 172, 344
- Швеция 189, 190
- Шурохан 38
- Эмс, г. 36, 37, 170, 172
- Югенгейм 38
- Ялта, г. 51, 53, 136–139, 146, 184, 201, 203
- Ямбург, г. 41
- Ярославль, г. 172, 173, 180, 211

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Император Вильгельм I

Обер-офицер и рядовой 5-го пехотного Калужского полка в парадной форме

Шах Насир-эд-дин

Граф Ф.Л. Гейден

Князь А.И. Барятинский

Пленные туркмены-иомуды

Ф.Ф. Трепов

Поповка «Новгород»

Н.Н. Кармалин

Открытие памятника императрице Екатерине II в Петербурге

Граф Д.А. Толстой

К.П. Победоносцев

Великий князь Константин Николаевич

Е.А. Перетц

Граф П.А. Шувалов

А.А. Абаза

Граф Ф.Ф. Берг

Граф П.Е. Коцебу

Александр II и великая княжна Мария Александровна

Альфред Эрнест Альберт, герцог Эдинбургский

Князь Д.А. Оболенский

Император Франц-Иосиф

Император Франц-Иосиф на военном смотре в Петербурге. Февраль 1874 г.

П.А. Валуев

Н.М. Пржевальский

Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий

А.А. Баранцов

Великий князь Николай Константинович

Граф А.П. Бобринский с женой

Эрцгерцог Альбрехт

Великий князь Михаил Николаевич

Венчание великого князя Владимира Александровича

Император Александр II

Измерение роста поступающих на воинскую службу. 1874 г.

Король Альфонс XII

Деятели воссоединения униатов с православием

К.Н. Посыет

М.-Э. Мак-Магон

А.Ф. Гамбургер

С.А. Грейг

Воспитанники Орловской, Нижегородской и Воронежской военных гимназий

Большие маневры под Красным Селом

Король Оскар II

К.П. фон Кауфман

Граф Э.Т. Баранов

Надгробие графа П.Д. Киселева в Донском монастыре (современный вид)

Е.Г. Числова

Князь А.М. Горчаков среди своих сотрудников: (слева направо) князь М.А. Горчаков, А.Ф. Гамбургер, князь А.М. Горчаков, барон А.П. Моренгейм, барон А.Г. Жомини

А.П. Карцов

Обер-офицеры л.-гв. Павловского и Конно-гренадерского полков в парадной форме

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГА РФ** — Государственный архив Российской Федерации
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
РГИА — Российский государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

Л.Г. Захарова, А.В. Мамонов

Предисловие

3

От редактора

17

1873-й год

19

1874-й год

77

1875-й год

151

КОММЕНТАРИИ

215

ПРИЛОЖЕНИЯ

311

Д.А. Милютин

Военные реформы императора Александра II

313

П.А. Зайончковский

Д.А. Милютин. Биографический очерк

338

УКАЗАТЕЛИ

405

Указатель имен

406

Указатель географических названий

432

Список иллюстраций

435

Список сокращений

436

*Дмитрий Алексеевич
Милютин*

**ДНЕВНИК
1873–1875**

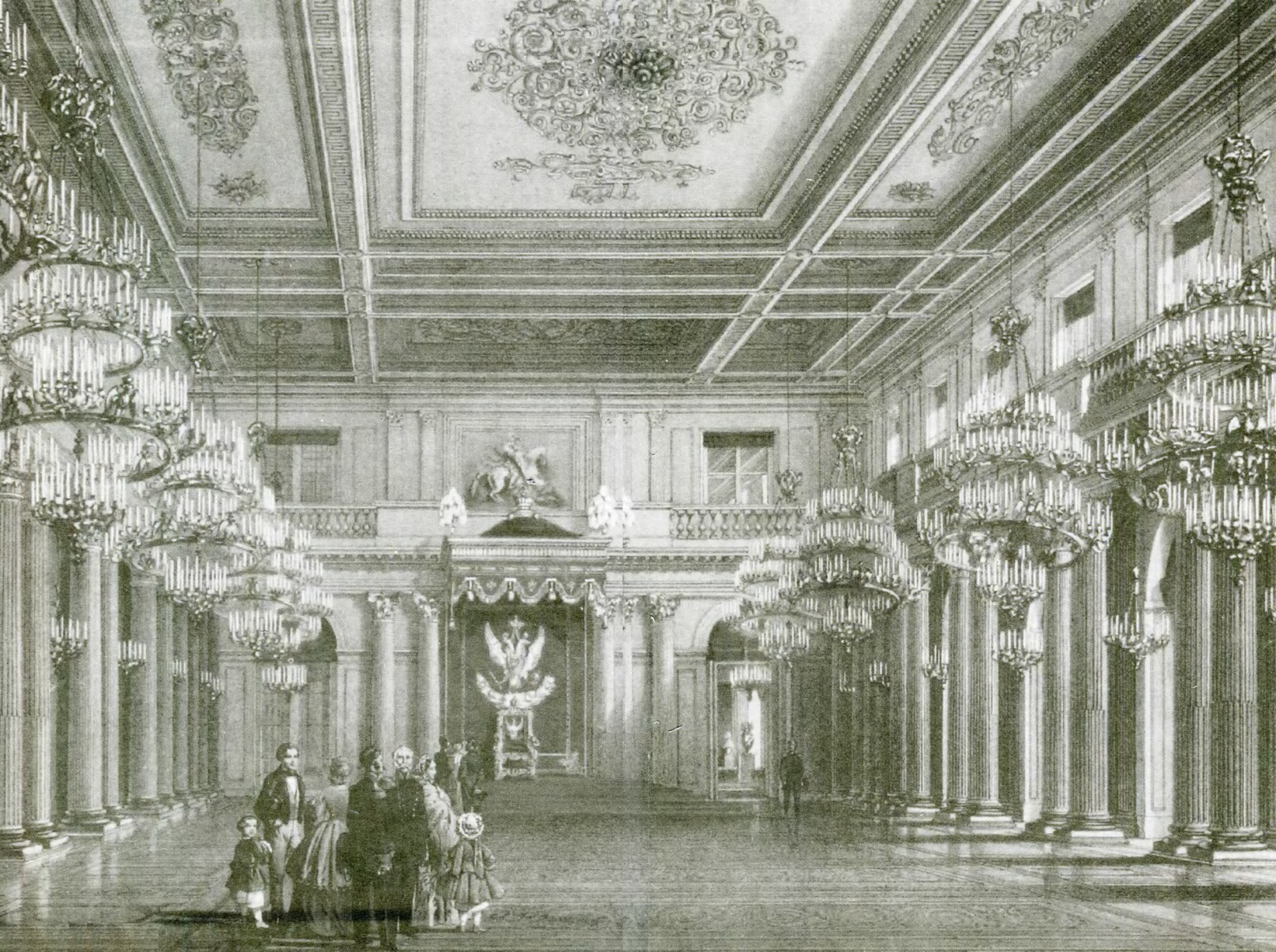
Редактор *А.А. Комзолова*
Художественное оформление *А.К. Сорокин*
Компьютерная верстка *В.Г. Верховзин*

Л.Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.09.2008
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 27,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 6471

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел. 334–81–87 (дирекция);
Тел./Факс 334–82–42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

1873

Д. А. Милютин ДНЕВНИК

1875